

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Vil. Kocura

1909

—

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

Skład skłania

СКЛАДЧИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

изъ трудовъ русскихъ литераторовъ

въ пользу пострадавшихъ отъ голода

въ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Алуткинъ, Боборыкинъ, Буренинъ, Быковъ, Вейнбергъ, кн. Вяземскій, Гербель, Гончаровъ, Горбуновъ, Градовскій, Гротъ, Данилевскій, Дениельмайеръ, Достоевскій, Ковалевскій, Крыловъ, Кохановская, В. и Н. Курочкинъ, Лесевичъ, Майковъ, Марковичъ (Марко-Вовчокъ), кн. Мещерскій, Минаевъ, Михаловскій, Некрасовъ, Никитенко, Ознобишкинъ, Орловъ, Островскій, Плещеевъ, Побѣдоносцевъ, Погодинъ, Погоскій, Поленскій, Потѣхинъ, Розенгеймъ, Салтыковъ (Щедринъ), Случевскій, гр. Соллогубъ, Страховъ, Струговщановъ, Тимофеевъ, гр. А. Толстой, бар. Торновъ, Тургеневъ, Фонъ-Линандеръ, Франкъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1874.

Печатано въ типографіяхъ: В. С. Балашова, В. П. Безобразова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, В. Н. Майкова, П. П. Меркульева, Ф. С. Су- щинскаго, Товарищества «Общественная Польза» и А. И. Траншеля.

PG 3201
S53

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I
Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго: ✓	
I. Крымскія фотографіи 1867 года. I—XII	1
II. Петръ Алексѣевичъ	24
III. Notturmo	30
IV. Зимняя прогулка	33
V. На прощанье	35
VI. Поминки	38
VII. Забѣтки	40
VIII. Лѣсъ	41
Изъ воспоминаній бывшаго кавказца. Барона Э. Э. Торнова	43
Вѣчный жидъ. Изъ Беранже. В. С. Курочкина ✓	56
Стихотворенія Я. П. Полоцкого	61
Живыя мощи. Отрывокъ изъ „Записокъ охотника“. И. С. Тургенева. ✓	65
Стихотворенія К. Е. Случевского	80
Государственный человѣкъ прежняго времени (графъ Н. С. Мордвиновъ). А. Д. Градовскаго. ✓	84
Два инвеститора. Изъ Николина. Н. С. Курочкина ✓	119
Городъ. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова). ✓	129
Стихотворенія Д. Д. Минаева ✓	139
Кто первый въ Россіи имѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ (воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ). М. П. Погодина	143
820-87. 1ерей. Стихотвореніе М. П. Розентейма	159
Изъ замѣтокъ проѣзжаго. А. Э. Погоскаго	163
Стихотворенія гр. В. А. Соллогуба	215
+ 1277 Дѣла и дни. К. П. Побѣдоносцева	217
104-1077 22 августа 1870 г. Стих. Д. П. Ознобишина	241
13-1816 Трудовой хлѣбъ. Спены А. Н. Островскаго	243
08-1878 Ричардъ, львиное сердце (изъ Гейне). А. Н. Струговщикова	260

	СТР.
Стихотворенія А. В. Тимофеева	261
1837 Фрески Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ. В. В. Лесевича <i>Гр. Мещерскаго</i>	265
1829 - Хай-дѣвка. А. А. Потѣкина	278
1813 Последнее прости (изъ „Корсара“ Байрона). Н. В. Гербеля . . .	309
39 - Наброски карандашемъ. Изъ современныхъ этюдовъ: „Мои друзья“. Петръ Аванасьевичъ Сусликовъ. Кн. В. П. Мещерскаго	315
1843 Стихотворенія А. Н. Плещеева	331
1835 Panis et labor. Стих. В. И. Орлова	338
1813 Первенцы лица и его преданія. Я. Е. Грота	339
Возвращеніе. Стих. П. М. Ковалевскаго	377
Сцены: I. На рѣкѣ и II. Воздухоплаватель. И. Э. Горбунова . . .	379
Поэту и Читателю, стихотв. Д. Л. Михаловскаго	395
A la pointe, стихотв. А. Апухтина	397
Изъ Томаса Мура, стих. Юліи Доппельмайеръ	400
Посредникъ. Глава изъ повѣсти. Гр. В. А. Соллогуба	401
1897 Стихотворенія А. Н. Майкова	427
Объ исторической драмѣ г. Островскаго „Дмитрій самозванецъ и Ва- силій Шуйскій“. А. В. Никитенко. <i>1864 - 2.1</i>	431
Маленькія картинки (въ дорогѣ) Э. М. Достоевскаго. <i>1822 - 1</i>	454
Плѣнница (изъ Виктора Гюго). В. П. Вуренина	479
1875 Сцены изъ перваго дѣйствія драмы: „Посадникъ“. Гр. А. К. Толстаго.	481
Сельская идиллія (изъ дневника неопытной женщины). Марко-Вовчка	508
Три элегіи. Н. А. Некрасова	522
Изъ воспоминаній и разсказовъ о морскомъ плаваніи. И. А. Гонча- рова	525
Замѣтки о Пушкинѣ. Н. Н. Страхова. <i>1846 - 3/6</i>	561
Гдѣ лучше? стих. П. Выкова	588
Бабушкинъ рай. Г. П. Данилевскаго. <i>1870 - 1870</i>	591
Двѣ басни: Хвостикъ и Индюкъ. А. Х. Франка	621
Отмѣтки при чтеніи историческаго похвальнаго слова Карамзина Екатерины II. Кн. П. А. Вяземскаго. <i>1848 - 1848</i>	625
Корабль, стих. В. Крылова. <i>1838 -</i>	655
1874 Кроха словеснаго хлѣба. Кохановской (<i>Мад. Стел. Солянская</i>)	657
Стихотворенія Д. Фонъ-Лизандера	687
Изъ Гейбеля, стих. П. И. Вейнберга	688
В. И. Живокни. П. Д. Воборыкина. <i>1836 -</i>	689
Стихотворенія А. Н. Струговицкова	707

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль о пожертвованіи отъ литературы въ пользу голодающихъ Самарской Губерніи, возникшая первоначально въ кругу нѣсколькихъ лицъ, встрѣтила живѣйшее сочувствіе петербургскихъ литераторовъ и ученыхъ. Отвѣтомъ на нее было предпріятіе, около котораго сгруппировались они, какъ на нейтральной почвѣ, чтобы соединить общія свои усилія въ одномъ безкорыстномъ желаніи помочь нуждающимся.

Немедленно составилось общее собраніе изъ большей части находившихся въ Петербургѣ литераторовъ. За первымъ послѣдовали вскорѣ еще два собранія, въ которыхъ многіе приняли участіе лично, а нѣкоторые впослѣдствіи изъявили свое желаніе присоединиться къ участію въ общемъ дѣлѣ: В. П. Безобразовъ, В. П. Гаевскій, Н. В. Гербель, И. А. Гончаровъ, И. О. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Я. К. Гротъ, О. М. Достоевскій, П. А. Ефремовъ, Н. Н. Барзинъ, В. О. Ёоршъ, А. А. Браевскій, В. и Н. С. Курочкины; В. В. Лесевичъ, Н. С. Лѣсковъ, А. Н. Майковъ, Б. М. Маркевичъ, М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ), князь В. П. Мещерскій, Д. Д. Минаевъ, Н. К. Михайловскій, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, А. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. О. Погоскій, А. А. Потѣхинъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Пыпицъ, М. Е. Самтыковъ (Щедринъ), М. И. Семевскій, графъ В. А. Солмогубъ, М. М. Стасюлевичъ, Н. Н. Страхъ, А. С. Суворинъ, Т. И. Филипповъ.

Положено было безвозмездными трудами литераторовъ и ученыхъ издать сборникъ, объемомъ отъ тридцати пяти до

сорока печатныхъ листовъ, по доступной большинству публики цѣнѣ, именно по 3 рубля за экземпляръ; печатать десять тысячъ экземпляровъ и назвать книгу «Складчиной».

Опредѣлено было также пригласить къ безвозмездному печатанію книги нѣсколько типографій, съ раздѣленіемъ между ними всего количества изготавливаемыхъ къ печати листовъ.

На это съ полною готовностію вызвались типографіи гг. Балашова, Безобразова, Вольфа, Глазунова, Котомина, Майкова, Меркулева, Сущинскаго, Траншея и Товарищества Общественной Пользы.

Готовность участвовать въ пожертвованіи изъявили также извѣстные бумажные фабриканты гг. Варгунины, сдѣлавшіе значительную уступку на большомъ количествѣ потребной для напечатанія десяти тысячъ экземпляровъ бумаги.

Затѣмъ приступлено было къ избранію, изъ присутствовавшихъ въ общемъ собраніи литераторовъ, шести лицъ, которыя могли бы взять на себя заботы по изданію сборника, требовавшему, кромѣ чтенія и классификаціи литературнаго матеріала, еще достаточной опытности въ издательскомъ дѣлѣ. Избраны были гг. Гончаровъ, Ефремовъ, Краевскій, князь Мещерскій, Некрасовъ и Никитенко. Сверхъ того, къ чтенію и оцѣнкѣ доставляемаго въ «Складчину» матеріала предложено было приглашать и другихъ участвовавшихъ въ общемъ собраніи литераторовъ.

Избранный такимъ образомъ комитетъ прежде всего объявилъ въ газетахъ о предполагаемомъ изданіи сборника, приглашая гг. литераторовъ къ безвозмезднымъ приношеніямъ ихъ трудовъ, а къ писателямъ, отсутствующимъ изъ Петербурга, отнестя письменно. Всѣ отозвались сочувственно, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ князь П. А. Вяземскій, И. С. Тургеневъ и графъ А. Б. Толстой, поспѣшили доставить свои приношенія даже ранѣе означеннаго срока, 1 февраля. Другіе доставили свои статьи вскорѣ послѣ срока, иные же значительно замедлили—и это послѣднее обстоятельство было причиною, что наборъ сборника не могъ

быть начать, какъ предполагалось, 1-го февраля, а приступлено къ нему только въ первыхъ числахъ марта. За всѣмъ тѣмъ, отъ общаго собранія литераторовъ въ декабрѣ 1873 года, на которомъ окончательно рѣшено было изданіе сборника, до выхода книги въ свѣтъ прошло *не болѣе трехъ мѣсяцевъ*. Считаемъ долгомъ заявить, что скорому окончанію дѣла содѣйствовали съ своей стороны и названные содержатели типографій. При условіи печатанія книги въ 10-ти типографіяхъ, неизбѣжно возникали затрудненія, вслѣдствіе которыхъ иная статья, набранная уже въ одной типографіи, переходила для набора въ другую; былъ также случай, что наборъ переносился въ другую типографію для печатанія; притомъ и самый объемъ книги превзошелъ предполагаемые 40 листовъ; такимъ образомъ, первоначальный планъ раздѣленія труда между 10 типографіями поровну оказался невыполнимымъ: нѣкоторыя типографіи—Безобразова, Вольфа, Глазунова, Ботомина—набрали и напечатали болѣе 4 листовъ; типографіею г. Балашова, отпечатавшею въ сборникъ три листа, набрано было собственно болѣе шести. Типографія г. Ботомина, кромѣ пяти слишкомъ листовъ текста, напечатала обертку, заглавный листъ, предисловіе и оглавленіе.

Переплетныхъ дѣлъ мастеръ Б. С. Бородинъ также сдѣлалъ значительное пожертвованіе, понизивъ цѣну за брошюровку и принявъ на себя безвозмездно упаковку экземпляровъ и доставленіе ихъ въ почтамтъ для разсылки иногороднымъ подписчикамъ.

Вотъ краткая исторія дѣла, представляемая здѣсь вмѣстѣ съ результатомъ его — съ готовою книгою.

На всѣ добровольныя благотворительныя приношенія смотрятъ обыкновенно какъ на евангельскую лепту; на литературныя тѣмъ болѣе должно смотрѣть такъ. Воззваніе къ помощи застало литераторовъ врасплохъ; кто имѣлъ готовое, тотъ успѣшилъ отдѣлить часть отъ цѣлаго: другимъ пришлось создавать новое, притомъ въ опредѣленный краткій срокъ, — въ какой-нибудь мѣсяць. Эта краткость срока, ко-

нечно, была причиною и того, что нѣкоторые писатели, заявившіе полное сочувствіе къ дѣлу, не успѣли доставить свои труды во-время.

Общество, съ своей стороны, выразило сочувствіе мысли литераторовъ полнымъ ея одобреніемъ. При первомъ объявленіи объ изданіи сборника, въ мѣста, открытыя для предварительной подписки, начали немедленно поступать требованія со взносомъ, часто превѣсившимъ назначенную цѣну.

Судя по этому, можно надѣяться, что теперь, когда литераторы довели свое предпріятіе до предполагаемой цѣли, и участіе общества къ этому дѣлу не оскудѣетъ до конца.

СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

I.

БРЫМСКІЯ ФОТОГРАФІИ 1867 Г.

I.

А Ю - Д А Г Ъ .

(дорогой).

Тамъ, гдѣ пзвплны дороги
Снують свою гругъ моря сѣть.
Вотъ странно вынолзъ изъ берлоги
Громадной тучности медвѣдь.

Глядитъ налѣво и направо,
И вдаль онъ смотритъ съ-высока,
И подппраетъ величаво
Хребтомъ косматымъ облака.

Въ своемъ спокойствіи медвѣжьемъ
Улеся плотно исполнѣ,
Любуясь и роднымъ прибрежьемъ
И роскошью его картинѣ.

Порой — угрюмый онъ и мрачный,
Порой его прелестенъ видъ,
Когда, съ закатомъ дня, прозрачной
Вечерней дымкой онъ обвить.

Порой на солнцѣ въ нѣгѣ дремлетъ
И грѣетъ жирные бока;
Онъ и не чувствуетъ и не внемлетъ,
Какъ носятся надъ нимъ вѣка.

Вотще кругомъ реветъ и рдѣетъ
Гроза или смертоносный бой,
Все неподвижно, не старѣетъ
Онъ допотопной красотой.

Нашъ звѣрь обросъ зеленой шерстью!...
Когда же зной его печетъ,
Спустившись къ свѣжему отверстию,
Онъ голубое море пьетъ.

Сынъ солнца южнаго! на взморьѣ
Тебѣ живется здѣсь легко,
Не то, что въ нашемъ зимогорьѣ,
Тамъ, въ снѣжной ночи, далеко,

Гдѣ мишка, братъ твой, терпитъ холодъ,
Весь день во весь зѣваетъ ротъ.
И, чтобъ развлечь тоску и голодъ,
Онъ лапу медленно сосетъ.

И я, сынъ сѣверныхъ метелей,
Сынъ непогодъ и буйныхъ вьюгъ,
Пришлецъ, не вѣдавшій доселѣ,
Какъ чуденъ твой роскошный югъ,

Любуясь, гдѣ мы ни пройдемъ,
Тѣмъ, что даритъ намъ каждый шагъ,
Я самъ бы радъ зажить медвѣдемъ,
Какъ ты, счастливецъ Аю-Дагъ!

II.

БАХЧИСАРАЙ.

(ночью при иллюминаціи).

Изъ тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мнѣ,
И на яву прозрѣли очи,
Что только видится во снѣ.

Здѣсь ярко блещетъ баснословный
И поэтический востокъ:
Свой рай прекрасный, хоть грѣховный,
Себѣ устраивалъ здѣсь пророкъ.

Сады, сквозь сумракъ, разноцвѣтно
Пестрѣютъ въ лентахъ огневыхъ,
И прихотливо и привѣтно
Облита блескомъ зелень ихъ.

Красуясь стройностію чудной,
И тополь здѣсь и кипарисъ,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноградъ повисъ.

Обитый огненной чалмою,
Встаетъ стрѣльчатый минареть.
И слышится ночью тьмою
Съ него молитвенный привѣтъ,

И нѣгой, полной упоенья,
Ночнаго воздуха струи
Намъ навѣвають обольщенья,
Мечты и марева свои.

Вотъ одалиски легкимъ роємъ
Воздушно по саду скользять:
Глаза ихъ пынутъ страстнымъ зноємъ
И въ душу вѣрачиво глядятъ.

Чуть слышится ихъ тайный шопотъ
Въ кустахъ благоуханныхъ розъ:
Фонтаны льютъ свой свѣжій ропотъ
И зыбкій жемчугъ звонкихъ слезъ.

Здѣсь, какъ изъ нѣдръ волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства мѣръ разнообразный,
Сновъ фантастическихъ игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханскаго двора.

Здѣсь многихъ таинствъ, многихъ былей,
Во мракѣ лѣтописи слышна.
Здѣсь дикимъ прихотямъ и силѣ
Служили молча племена;

Здѣсь, въ царствѣ нѣги, бушевало
Не мало смуть, домашнихъ грозъ;
Здѣсь счастье блага расточало,
Но много пролито и слезъ.

Вотъ стѣны темнаго гарема!
Отъ страстныхъ думъ не отрѣшась,
Еще здѣсь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не можетъ
Младой соперницѣ своей,
И тѣнь ея еще тревожитъ
Живая скорбь мпнувшихъ дней.

Невольной, роковою страстью
Несется тѣнь ея къ мѣстамъ,
Гдѣ жадно предавалась счастью
И сердца ненадежнымъ снамъ.

Гдѣ такъ любила, такъ страдала,
Гдѣ на любовь ея въ отвѣтъ,
Любви измѣна и опала,
Ее скосили въ цвѣтѣ лѣтъ...

Во дни счастливыхъ вдохновеній,
Тревожно посѣтилъ дворецъ
Страстей сердечныхъ и волненій
Самъ и страдалецъ и пѣвецъ.

Онъ слушалъ съ трепетнымъ вниманьемъ,
Рыданьемъ прерванный не разъ
И дышущій еще страданьемъ,
Печальной повѣсти разсказъ.

Онъ понялъ раздраженной тѣни
Любовь, познавшую обманъ,
Ея и жалобы и пени
И боль неисцѣлимыхъ ранъ.

Предъ нимъ Зарема и Марія —
Сковала ихъ судьбы рука —
Грозы двѣ жертвы роковья,
Два опаленные цвѣтка.

Онъ плакалъ надъ Маріей бѣдной:
И образъ узницы молодой
Тоской измученный и блѣдный,
Но свѣтлый чистой красотой,

И непорочность и стыдливость
На дѣвственномъ ея челѣ,
И безутѣшная тоскливость
По милой и родной землѣ,

Ея молитва предъ иконой,
Чтобы отъ гибели и зла
Небесъ Царица обороной
И огражденьемъ ей была. —

Все понялъ онъ! Ему не ново
И вчужѣ сознавать печаль,
И пояснять намъ слово въ слово
Сердечной повѣсти скрижалъ.

Марин дѣвственныя слезы,
Какъ чистый жемчугъ, онъ собралъ,
И свѣжій кипарисъ и розы
Въ вѣнокъ посмертный ей связалъ.

Но вмѣстѣ и Заремы гнѣвной
Любилъ онъ ревность, страстный пылъ,
И отголосокъ задушевной
Въ себѣ ихъ воплямъ находилъ.

И въ немъ борьба страстей кипѣла,
Душа и въ немъ отъ юныхъ лѣтъ,
Страдала, плакала и пѣла,
И подъ грозой созрѣлъ поэтъ.

Онъ передалъ намъ вѣщимъ словомъ
Всѣ впечатлѣнія свои,
Все, что прозрѣлъ онъ за покровомъ,
Который скрылъ былые дни.

Тѣнь я его здѣсь грустно бродить,
И онъ, нашъ Данте молодой,
И насъ по царству тѣней водить,
Даруя образъ имъ живой.

Подъ плескъ фонтана, сладкозвучный
Здѣсь плачется его напѣвъ,
И онъ, сопутникъ перазлучный,
Младыхъ Бахчисарайскихъ дѣвъ.

III.

ЧУФУТЬ-КАЛЕ.

Грустна еврейская Помпея;
Въ обломкахъ городъ тихъ и пустъ,
Здѣсь ветхій голосъ Моисея
Переходилъ изъ чистыхъ устъ
Въ уста преданьемъ непрерывнымъ,
И, вѣрный праотцамъ своимъ
Хранилъ завѣтъ ихъ съ рвеньемъ дивнымъ
Благочестивый карань.

Сюда, изгнанникъ добровольной,
Онъ свой Израиль перенесъ:

Въ обрядахъ жизни богомольной
 Съ годовъ младенческихъ онъ росъ,
 И совершивъ свой путь смиренный,
 Достигнувъ мирно позднихъ дней,
 Онъ возвращалъ свой пепель бренный
 Земль — кормилицъ своей.

Крутизна и голыхъ скалъ вершины,
 Природы дикой красота
 Напоминали Палестины
 Ему священныя мѣста.
 Здѣсь онъ оплаканнаго края
 Подобье милое искалъ
 И чулось ему: съ Синая
 Еще Господь благовѣщалъ.

Теперь здѣсь жизнь уже остыла,
 Людей житейскій гулъ утихъ,
 И словно буря сокрушила
 И разметала дома ихъ.
 Не тронуты однѣ гробницы
 Почившихъ въ вѣчности колѣнъ,
 Сии нетлѣнныя страницы
 Изъ повѣсти былыхъ временъ.

Народъ, разрозненный грозюю,
 Скитальцы по лицу земли!
 Здѣсь, наконецъ, вы подъ землею
 Осѣдность вѣрную нашли.
 Въ Иосафатовой долини
 Васъ ждалъ желаемый покой:
 И ужъ не выживуть васъ нынѣ
 Изъ лона матери родной.

IV.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗЪ КОРЕИЗА.

Усыяно небо звѣздамъ,
И чудно тѣ звѣзды горять,
И въ море златыми очами
Красавицы съ неба глядятъ.

И зеркало пропасти зыбкой
Купаетъ ихъ въ лонѣ своемъ
И вспыхнувъ ихъ яркой улыбкой,
Струнтся и брызжетъ огнемъ.

Вдоль моря громады утесовъ
Сплотились въ единый утесъ:
Надъ ними колоссъ изъ колоссовъ
Ай - Петри ихъ всѣхъ переросъ.

Деревья, какъ сборище тѣней,
Воздушно толпясь по скаламъ,
Подъ сумракомъ съ горныхъ ступеней
Киваютъ задумчиво намъ,

Тревожное есть обаянье
Въ сей теплой и призрачной мглѣ;
И самое ночи молчанье
Несется какъ пѣснь по землѣ.

То нѣгой, то чувствомъ испуга
Въ насъ сердце трепещетъ слышнѣй:
О ночь благодатнаго юга!
Какъ много волшебнаго въ ней!...

~~~~~

V.

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ,
Есть уютный уголокъ:
Онъ подъ вѣтвянымъ навѣсомъ
Тихъ и свѣжъ, и одинокъ,

Пріѣтвшися къ ущелью,
Миловидный Кореизъ,
Здѣсь надъ моремъ, колыбелью
Подъ крутой скалой, повисъ.

И съ любовью, съ нѣжной лаской,
Ночь, какъ мать, въ тихій часъ
Сладкой пѣснью, чудной сказкой
Убаюкиваетъ насъ.

Сквозъ глубокое молчанье,
Подъ деревьями въ тѣни
Слышны ропотъ и журчанье:
Съ плескомъ падаютъ струи.

Этотъ говоръ, этотъ лепетъ
Въ вѣчно-любящихся струяхъ .
Возбуждаетъ въ сердцѣ трепетъ
И тоску о прошлыхъ дняхъ.

Улыбалась здѣсь красиво
Ненаглядная звѣзда,
Къ намъ слетѣвшая на диво
Изъ лазурнаго гнѣзда.

Гостя въ блескѣ скоротечномъ
Нынѣ скрылася отъ насъ,
Но, въ святилицѣ сердечномъ
Милый образъ не угасъ.

VI.

МѢСЯЧНАЯ НОЧЬ.

Тамъ, высоко, въ звѣздномъ морѣ,
Словно лебедь золотой,
На безоблачномъ просторѣ
Ходить мѣсяцъ молодой,

Нашъ красавецъ ненаглядной,
Южной ночи гость и другъ;
Все при немъ, въ тѣни прохладной,
Все затеплилось вокругъ:

Горы, скаты ихъ, вершины,
Тополь, лавръ и кипарисъ
И во глубь морской пучины
Выдвигающійся мысъ.

Все мгновенно просвѣтлѣло —
Путь и темные углы,
Все пріяло жизнь и тѣло,
Все воспрянуло изъ мглы.

Съ нѣгой юга сны востока
Поэтическіе сны,
Вѣсти, гости издалека,
Изъ волшебной стороны, —

Все для сѣвернаго сына
Говорить про міръ иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:

Тись и сладость нѣги южной,
Въ небѣ звѣздный караванъ,
Здѣсь струей среброжемчужной
Тихо плачущій фонтанъ.

И при мѣсячномъ сіяньи,
Съ моря, съ долу, съ высоты
Вьются въ серебряномъ мерцаньи
Тѣни, образы, мечты.

Новыхъ чувствъ и впечатлѣній
Мы не въ силахъ превозмочь:
Льешься чашей упоеній,
О, таврическая ночь!

Вотъ татаринъ смуглолицый
По прибрежной вышинѣ,
Словно всадникъ изъ гробницы
Тѣнью мчится на конѣ.

Освѣщенный луннымъ блескомъ,
Дико смотритъ на меня,
Вдругъ исчезъ! и море плескомъ
Вторитъ топоту коня.

Здѣсь татарское селенье:
Съ плоской кровлей низкій домъ
И на ней, какъ привидѣнье,
Дѣва въ облакѣ ночномъ.

Лишь выглядываютъ очи
Изъ накинутаго чадры,
Какъ зарницы темной ночи
Въ знойно-лѣтніе жары.

VII.

КАЛОША.

(Е. Л. И.)

Въ чаду прощальнаго поклона
У васъ, въ послѣдній вечерокъ,
Какъ молодая Сандрильона,
Оставилъ я свой башмачекъ.

Нѣтъ, лучше слогъ кудрявый брошу,
И реализма ученикъ,
„Оставилъ я свою калошу,“
Скажу вамъ просто на прямикъ.

Одну, у вашего порогу,
Благополучно я надѣлъ:
Но вспомнить про другую ногу
Я, растерявшись, не сумѣлъ.

Все такъ дышало обаяньемъ
И нѣгою въ ночной тиши,
И вы подъ мѣсячнымъ сіаньемъ
Такъ чудно были хороши,

И мѣсяцъ такъ свѣжо глядѣлся
Въ морскую синюю волну,
Что самъ невольно засмотрѣлся
Я и на васъ и на луну.

И кто жъ тутъ память не утратить?
Кому до ногъ и до калошъ,
Когда тебя восторгъ обхватитъ
И поэтическая дрожь?

Конечно, тепель вечеръ южный,
И ночь нагрѣта зноемъ дня;
Здѣсь осторожности не нужны,
Но забки ноги у меня.

Прошу васъ оказать услугу,
Мнѣ и разрозненной четѣ;
Пришлите вѣрную подругу
Моей калошѣ — сиротѣ.

Когда-то — но теперь все плоше,
И время ужъ совсѣмъ не то —
Сказаль бы, что у васъ съ калошей
Еще забыль я кое-что.

Но это *кое-что* — напрасно
Дерзнулъ-бы я вамъ въ дань принести:
Въ вѣнокъ вашъ свѣжій и прекрасной
Цвѣтовъ весенній должно вплести.

Тутъ нужно чувство помоложе,
Чтобъ не понасть какъ разъ въ просакъ:
А сердце старое вамъ тоже,
Что вашъ изношенный башмакъ.

VIII.

ГОРЫ НОЧЬЮ.

(дорогою).

Морскаго берега стѣна сторожевая,
Дающая отбой бунтующимъ волнамъ,
Въ лазурной глубинѣ подошву омывая,
Ты гордую главу возносишь къ облакамъ.

Рукой невѣдомой изсѣченныя горы,
Съ ихъ своенравною и выпуклою рѣзбой!
Нельзя отъ нихъ отвлечь вперившіеся взоры
И мысль запугана ихъ дикою красотою.

Здѣсь въ грозной прелести, могуществомъ и славой
Природа царствуетъ съ первоначальныхъ дней:
Здѣсь стелется она твердыней величавой
И кто помѣрится осмѣлился бы съ ней?

Ужъ внятно, кажется, природа челоуѣку
Сказала: здѣсь твоимъ наѣздамъ мѣста нѣтъ:
Здѣсь бурямъ да орламъ, однимъ испоконъ-вѣку,
Раздолье и просторъ! а ты будь домоуѣдъ.

Но смертный на землѣ есть гость неугомонной,
Природы-матери онъ непослушный сынъ;
Онъ съ нею борется, и волей непреклонной
Онъ хочетъ матери быть полный властелинъ.

Крамольный сынъ, ее онъ вызываетъ къ бою;
Смѣльчакъ, пробилъ ея онъ каменную грудь;
Утесамъ онъ сказалъ: раздвиньтесь предо мною
И прихотямъ моимъ свободный дайте путь!

И съ русской удалю, татарскп-беззаботно,
По страшнымъ крутизнамъ во всю несемся прыть,
И смѣлый лозунгъ нашъ въ сей скачкѣ поворотной:
То бее or not to бее, или быть, или не быть.

Здѣсь пропасть, тамъ обрывъ: все трень-трава, все сказки!
Валяй, ямщикъ, пока не разрѣшенъ вопросъ:
Иль въ море выскочимъ изъ скачущей коляски,
Иль лбомъ на всемъ скаву ударимся въ утесъ!

IX.

Л И В А Д І Я .

(27 іюля).

Отчего красою новой
Улыбается намъ день,
Свѣявъ съ тверди бирюзовой
И послѣдней тучки тѣнь?
Отчего онъ такъ свѣтлѣеть?
Отчего еще нѣжнѣй
Насъ лобзаеть, насъ лелѣеть
Теплой ласкою своею?

Отчего такъ благосклонно
И такъ празднично глядятъ
Море, берегъ благовонной
И его роскошный садъ?
Отчего такъ солнце блещетъ,
Златомъ даль озарепа
И такъ радостно трепещетъ
Моря синяя волна?

Въ этотъ день, всѣхъ дней прекраснѣй,
И земля и небеса,
Отчего еще согласнѣй
Въ пѣснь сливаются голоса?
Отчего вездѣ такъ мило,
Чье-то имя слышно намъ
И молитва, какъ кадило,
Своей возноситъ омиамъ?

Въ уголокъ сей безмятежный
Отчего нашъ тайный врагъ —
Пресыщенье — неизбѣжный

Спутникъ всѣхъ житейскихъ благъ,
 Не помыслить, не посмѣеть
 Заглянуть за нашъ порогъ,
 И затихнувъ, здѣсь нѣмѣть
 Шумъ заботливыхъ тревогъ?

Древній міръ очарованья
 Нынѣ вновь помолодѣлъ,
 Словно въ первый день созданья
 Юной жизнью онъ разцвѣлъ,
 Непочатый самовластьемъ
 Разрушительныхъ вѣковъ,
 Юнымъ блескомъ, юнымъ счастьемъ,
 Свѣжей зеленью цвѣтовъ —

Онъ увѣнчанъ, опоясанъ
 Онъ жемчужною волной,
 Сводъ небесъ надъ нимъ такъ ясенъ,
 Да и самъ онъ — рай земной.
 Отчего, съ природой дружно,
 На кого ни погляди,
 Всѣ сердца горять такъ южно
 Въ нашей сѣверной груди?...

Оттого здѣсь все такъ живо
 Блещетъ праздничной красой,
 Что встрѣчаемъ день счастливой
 Годовщины дорогой.
 Въ этотъ день у колыбели
 Ангель жизни предстоишь
 И младенцу къ свѣтлой цѣли
 Свѣтлый путь онъ указалъ.

Съ возрастающей надеждой
 Предсказаніе сбылось,
 И подъ царственной одеждой

Сердце чистое зажглось.
 Кроткій духъ благоволенья
 Возлелѣялъ и развилъ
 Всѣ души ея движенья
 И весь строй душевныхъ силъ.

Жизнь созрѣла и богато
 Принесла дары свои,
 Все, что благо, все, что свято
 Ей знакомо, ей сродни.
 Не страшась завоеванья,
 Для другихъ враждебныхъ лѣтъ,
 Свѣжестью благоуханья
 Въ ней роскошенъ жизни цвѣтъ.

Ей къ лицу и баграница,
 Но еще она милѣй,
 Если прячется царица
 Въ женской прелести своей
 Въ свѣтломъ праздничномъ уборѣ.
 Оттого здѣсь небеса,
 Горы, голубое море
 И душистые лѣса

Всѣ, ревнуя другъ предъ другомъ,
 Расточаютъ блескъ и тѣнь,
 Чтобъ отпраздновать всѣмъ югомъ
 Этотъ радостный намъ день!

~~~~~  
 X.

Слуху мнѣя названья,
 Зрѣнью мнѣя мѣста!
 Свѣтлой цѣпью обаянья
 Къ вамъ прикована мечта.

Вотъ Ливадія, Массандра!
Благозвучныя слова!
Съ древнихъ береговъ Меандра
Ихъ навѣяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
Разцвѣтающій Мисхоръ!
Оріанда, горделиво
Поражающая взоръ!

Живописнаго узора
Свѣтлый, свѣжій лоскутокъ—
Корензъ! Звѣздой съ Босфора
Озаренный уголокъ!

Солнце, тѣнь, благоуханье,
Горъ таврическихъ краса,
Въ немерцающемъ сіяньѣ
Голубыя небеса!

Моря блескъ и тишь и трепеть!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плачь и лепеть
Ночью плещущей волны!

Поэтической Эллады
Отголоски и залогъ,
Мира, отдыха, услады,
Пристань, чуждая тревогъ!

Здѣсь, не знаясь съ ненастьемъ,
Жизнь такъ чудно хороша,
Здѣсь цѣлебнымъ, чистымъ счастьемъ
Упивается душа.

Съ нашимъ чувствомъ здѣсь созвучнѣй
 Горь, долинь, лѣсовъ привѣтъ,
 Намъ ихъ таинства сподручнѣй,
 Словно таинства въ нихъ нѣтъ.

Здѣсь намъ родственнымъ нарѣчьемъ
 Говорить и моря шумъ;
 Съ дѣтскимъ здѣсь простосердечьемъ
 Умиляется нашъ умъ.

И съ природою согласно
 Свѣжестъ въ мысляхъ и мечтахъ,
 Здѣсь и на сердцѣ такъ ясно,
 Какъ въ прозрачныхъ небесахъ.

XI.

О Р І А Н Д А .

Море яркою парчою
 Разстилается внизу,
 То блеснетъ златой струею,
 То сольется въ бирюзу,

Въ изумрудъ и въ яхонтъ синій,
 Въ ослѣпительный алмазъ;
 Зыбью радужной пустыни
 Ненасытитъ жадный глазъ.

И предъ моремъ, съ нимъ сподручно,
 Моремъ зелень разлилась
 И растительностью тучной
 Почва пышно убралась.

Тамъ, гдѣ стелется веранда,
Гдѣ гора даетъ отлогъ,
Заблѣлась Орианда,
Какъ серебряный чертогъ.

И надъ нимъ сапфирной крышей
Развернулся неба сводъ;
Воздухъ здѣсь струится тише
И все тише ропотъ водъ.

Какъ твердыня, скалъ громада
Уперлася въ полукругъ,
И охрана и ограда
Отъ напора зимнихъ вѣгъ.

Знать, здѣсь громы рокотали
И огнемъ своихъ зарницъ
Горь-осколки разметали
Съ этихъ каменныхъ бойницъ.

Средь прохлады и потемокъ
Древъ, пресѣвшихъ солнца свѣтъ,
Допотопныхъ горъ потомокъ,
Камень—древній домосѣдъ—

Весь обросшій сѣрымъ мохомъ,
На красу картинъ живыхъ,
Какъ старикъ глядитъ со вздохомъ
На красавицъ молодыхъ.

На скалъ многоголовной,
Освященемъ здѣшнихъ мѣсть,
Водружень маякъ духовной—
Искупительный нашъ крестъ.

Чуть завидя издали
 Это знаменье, морякъ,
 Ободрясь благою встрѣчей,
 Совершаетъ крестный знакъ.

И скитальцамъ въ бурномъ морѣ,
 И житейскихъ волнъ пловцамъ,
 Въ дни попутные и въ горѣ,
 Крестъ и вождь и свѣточъ намъ.

~~~~~  
 XII.

Опять я слышу этотъ шумъ,
 Который сладостно тревожилъ
 Покой моихъ лѣнливыхъ думъ,
 Съ которыми я такъ много прожилъ
 Безсонныхъ, памятныхъ ночей,
 И слушалъ я, какъ плачетъ море,
 Чтобъ словно выплакать все горе
 Изъ глубины груди своей.

Не выразить языкъ земной
 Твоихъ рыдающихъ созвучій,
 Когда, о море, въ тѣмѣ ночной
 Раздастся голосъ твой могучій!
 Бругомъ все тихо! вѣтръ уснулъ
 На вызвышеньяхъ Аю-Дага:
 Ни человѣческаго шага,
 Ни словъ людскихъ не слышенъ гулъ.

Дневной свой подвигъ соверша,
 Земля почла послѣ боя:
 Но бурная твоя душа

Одна не вѣдаетъ покоя.
Тревожась внутренней тоской,
Томясь невѣдомымъ недугомъ,
Какъ пораженное испугомъ,
Вдругъ вздрогнувъ, ты подѣмлешь вой.

Таинственъ мракъ въ ночной глуши,
Но посреди ея молчанья
Еще таинственнѣй души
Твоей, о море, прорицанья!
Ты что-то хочешь рассказать
Про таинства природы вѣчной
И намъ волною скоротечной
Глубокій смыслъ ихъ передать.

Мы внемлемъ чудный твой рассказъ,
Но разумѣть его не можемъ:
Съ тебя мы не спускаемъ глазъ
И надъ твоимъ тревожнымъ ложемъ
Стоимъ, вперя жадный слухъ:
И чуемъ мы благоговѣя,
Какъ мимо насъ, незримо вѣя,
Несется бездны бурный духъ!...

II.

ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Когда, какъ будто вихрь попутный,
Приспособля крылья намъ,
Уносить насъ вагонъ уютный
По русскимъ дебрямъ и степямъ:

Благословляю я чугунокъ!
И вдругъ мнѣ что-то говорить:
На насъ, весь вытанувшись въ струнку,
Петръ Алексѣвичъ глядитъ.

Почуя гулъ необычайный,
Царь всталъ тревожно изъ земли
И съ любопытствомъ, думой тайной,
Вперилъ на насъ глаза свои.

Въ умѣ недолго онъ пошарилъ,
Всю важность дѣла онъ смекнулъ,
И по лбу вдругъ себя ударилъ.
И тязко, нашъ родной, вздохнулъ.

Чудовищемъ любуясь жадно,
Ему отвѣсилъ онъ поклонъ;
Но все жъ голубчику досадно,
Что звѣрь сей не при немъ рожденъ!

Царь, эту пятую стихію,
Еще не выдумалъ народъ;
А царь нашъ матушку Россію
На всѣхъ парахъ ужъ гналъ впередъ.

Вставъ съ позаранку, чарку хватить,
Подасть въ походу зычный свистъ,
И сплошь свою громаду катить
Нашъ вѣнценосный машинистъ.

Не зная тундръ, ни буераковъ,
Онъ то-и-дѣло бороздить,
Не догадавшись, что Аксаковъ
Его за это пожурить.

Такъ твердо тендеръ свой державной
Онъ въ руки мощныя забралъ,
Что съ рейсовъ ковки стародавней
По новымъ круто насъ помчалъ.

Россію онъ вогналъ въ Европу,
Европу къ намъ онъ подкатилъ,
И пристрастившись къ телескопу,
Окно онъ въ море прорубилъ.

Морская зыбь—его веселье!
И самъ катается по ней,
И погостить на новоселье
Сликаетъ стаи кораблей.

Быть можетъ, скажутъ: „заспдѣлись,
Мы слишкомъ долго у окна
И на чужое заглазѣлись!“
Но полно, тутъ его-ль вина?

Онъ окончательнаго слова
Сказать, нашъ зодчій, не успѣлъ,
Имъ недостроена основа
Великихъ помысловъ и дѣлъ!

Какъ-бы то ни было, на славу
Изъ ботика развелъ онъ флотъ,
По-русски отстоялъ Полтаву
И Питеръ вызвалъ изъ болотъ.

Намъ скажутъ: „Русь онъ онѣмечилъ!“
Нѣтъ, извините, господа!
Россію онъ очеловѣчилъ,
Во имя мысли и труда.

Петръ былъ не узкій подражатель
Однихъ обычаевъ и модъ;
Нѣтъ, съ бою взялъ завоеватель
То, въ чемъ нуждался нашъ народъ.

Хоть самъ былъ среднимъ грамотѣемъ,
Науку ввелъ къ намъ на проломъ,
Всему, что знаемъ, что имѣемъ,
Всему онъ крестнымъ былъ отцомъ.

Въ его училищѣ и нынѣ
Урокъ для всякаго добра;
Да и Второй Екатеринѣ
Не быть безъ Перваго Петра!

Онъ, въ царство тьмы, во время оно,
Одинъ въ грядущее проникъ,
Одинъ былъ собственной персоной
Свой телеграфъ и паровикъ.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгихъ совершала путь,
И не могли бойца усилія
И даль и время въ комъ сомнѣуть.

Что врядъ приснится ли любому,
Онъ на яву свершилъ одинъ;
Но все жъ творилъ онъ по людскому;
Хоть и шагаль какъ исполинъ.

Въ свой краткій вѣкъ онъ жилъ сторицно,
Безсмертья заживо достигъ;
Онъ трудъ вѣковъ обдѣлалъ лично
И своеручный мiръ воздвигъ.

Ученыхъ не прося совѣта,
Онъ зналъ не хуже англичанъ,
Что время та-же есть монета,
И онъ пускалъ ее въ чеканъ.

Вездѣ пройдетъ — гдѣ есть лазейка,
Гдѣ нѣтъ — пробьетъ и выпуститъ трудъ;
Часъ каждый, каждая копѣйка
На пользу и въ процентъ идутъ,

Хоть самъ онъ былъ державнымъ водчимъ,
Учиться побѣждалъ въ Сардамъ,
И тамъ трудясь чернорабочимъ,
Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ.

Онъ пиво пилъ, курилъ онъ кнастеръ,
Кутилъ, но дѣлу не въ ущербъ,
И изъ кутилы вышелъ мастеръ,
Которымъ славенъ русскій гербъ.

Въ Карлсбадѣ, гдѣ силачь нашъ хворый
Пилъ самородный кипятокъ,
Гдѣ съ Лейбницемъ вступалъ онъ въ споръ,
Онъ тутъ же первый былъ стрѣлокъ,

Съ сѣдла сбивая смыслъ нѣмецкій
 (Карлсбадъ то въ хронику вписалъ),
 Верховъ на Гиршпрунгъ молодецки
 Онъ съ русской удалью вскакалъ.

Такъ онъ вскакалъ и на Россію
 И за собой ее повлекъ:
 Коню скрутилъ немножко вью —
 Но ужъ таковъ былъ нашъ ѣздокъ!

Онъ крутъ былъ малую толику,
 Но бодръ въ немъ и духъ и плоть,
 И мощью на добро владыку
 Самъ щедро надѣлилъ Господь.

Какого-жъ русскаго вамъ надо,
 Когда и онъ отиѣченъ въ бракъ,
 Природы русской типъ и чадъ,
 Напрусѣйшій онъ русакъ!

Нѣтъ, нѣтъ! онъ нашъ, и первой масти!
 Въ немъ русскихъ доблестей залогъ,
 И согрѣшилъ ли въ чемъ, такъ страсти
 Въ немъ тотъ же русскій духъ разжегъ.

Пусть онъ подписывался Peter,
 Но предъ отечествомъ на смотръ
 Все жъ выйдетъ изъ заморскихъ литеръ
 На русскій ладъ: Великій Петръ.

Ужъ то-то задалъ бы онъ тряску,
 Когда бъ про коврикъ-самолетъ
 Онъ могъ бы въ быль упрочить сказку,
 Безъ лишнихъ справокъ и хлопотъ;

Когда бь онь, силъ своихъ въ избыткѣ,
Всю Русь могъ обручемъ снаять,
Ее жь по проволочной ниткѣ
Заставить прыгать и плясать:

Раздолье было бь мощной волѣ!
Парь — электричеству сродни,
И въ русскомъ скороспѣломъ полѣ
Сегодня сѣи, а завтра жни.

Вотъ отчего, когда стрѣлю
Нашъ поѣздъ огненный летить,
На насъ съ завистливой тоскою
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Утѣшься, соколь нашъ родимый!
Не ты-ль насъ закалпѣ въ борьбѣ?
Нѣтъ, не пройдетъ надъ Русью мимо
Святая память о тебѣ.

Что ты задумалъ, что съ любовью
Посѣялъ щедрою рукой,
Когда работалъ ты надъ новью
Земли, распаханной тобой,

Все дало плодъ, даетъ задатокъ,
Твой мудрый свѣточъ не погасъ!
И нашъ Петровскій отпечатокъ
Вѣками не сотрется съ насъ!...

На желѣзной дорогѣ.

Іюль 1867 г.

III.

NOTTURNO.

I.

Вечерь свѣжестью смѣняетъ
Полдня знойные часы,
И на землю расточаетъ
Бисеръ серебряной росы.

Не лепечетъ вѣтвь съ вѣткой,
Приумолкъ глубокий лѣсъ
И подернуть звѣздной сѣткой
Сводъ безоблачныхъ небесъ.

Все утихло! Все смирая,
Воцарилась тишина:
Только мѣрно ударяя,
Въ берегъ плескомъ бьетъ волна.

Только въ ней одной движенье
Чутко слышится вдали,
Какъ сердечное бѣненье
Сномъ забывшейся земли.

II.

Нигдѣ такъ роза не алѣетъ,
Такъ не плѣняетъ красотой,
Нигдѣ такъ плющъ не зеленѣетъ,
Вѣся бархатной волной;
Нигдѣ прикованные взгляды
Такъ не любятся на нихъ,

Какъ на развалинахъ ограды,
Какъ средь обломковъ вѣковыхъ.

Нигдѣ златой зари отливы,
Нигдѣ блескъ серебряной луны
Такъ непричудливо красивы,
Какъ на святыняхъ старины,
Какъ на часовнѣ одинокой,
На башнѣ дѣдовскихъ временъ,
Гдѣ годы врыли слѣдъ глубокій
По камнямъ посѣдѣвшихъ стѣнъ.

Нигдѣ такъ пѣснью звучно-томной
Не умиляетъ соловей,
Какъ на владбищѣ, ночью темной,
Въ глуши сгустившихся вѣтвей.
Въ противорѣчьяхъ этихъ — прелесть!
Съ ней изъ того же родника
Во глубь души струится, нѣ-вѣсть
Съ-чего, и радость и тоска.

И молодость, вѣнокъ прелестный,
Который радости смели,
И красота, сей гость небесный,
Сей гость, поэзія земли,
Нигдѣ такой отрадой милой
Не благодатны для души,
Какъ о-бокъ съ старостью остылой
И увядающей въ тиши.

III.

Еслибъ мнѣ была свобода
Звѣзды съ голубаго свода
До послѣдней всѣ сорвать:

Тайной чуднаго издѣля,
Вамъ въ вѣнецъ и ожерелья
Я хотѣлъ бы ихъ собрать.

Еслибъ я всё розы міра
Съ Кипра, Пестума, Кашмира,
Съ Испагани могъ собрать:
Какъ невольникъ предъ царевной,
Каждый шагъ вашъ ежедневно
Я хотѣлъ-бы устилать.

Еслибъ я всё вдохновенья,
Всѣ созвучья, пѣснопѣнья
Въ строй одинъ могъ сочетать
И всемірнымъ быть поэтомъ:
Васъ одну предъ цѣлымъ свѣтомъ
Я хотѣлъ бы воспѣвать.

Еслибъ выше данной властью
Могъ я къ радостямъ и счастью
Путь надежный отыскать:
Васъ навелъ бы на дорогу,
Самъ любуясь съ порогу,
Какъ въ васъ блещетъ благодать.

IV.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА.

(Графиня М. Б. П.)

Ждетъ тройка у крыльца: порывомъ
Коней умчитъ насъ быстрый бѣгъ.
Смотрите — мѣсячнымъ отливомъ
Озолотился первый снѣгъ.

* * *

Кругомъ серебряныя сосны;
Здѣсь сѣверной Армиды садъ:
Роскошно съ вѣтви плодоносной
Виситъ алмазный виноградъ;

* * *

Вдоль по деревьямъ арабескомъ
Змѣятся нити хрустала;
Серебрянымъ, прозрачнымъ блескомъ
Сіяютъ воздухъ и земля.

* * *

И небо синее надъ нами —
Звѣздами утканный шатеръ,
И въ полѣ искрится звѣздами
Зимой разостланный коверъ.

* * *

Онъ, словно изъ лебяжьей ткани,
Пушистъ и свѣтитъ бѣлизной;
Скользя, какъ челнъ волшебный, сани
Несутся съ плавной быстротой.

* * *

Все такъ таинственно, такъ чудно:
Глядишь — не вѣрится глазамъ.
Вчерашній міръ спитъ безпробудно,
И новый міръ открылся намъ.

* * *

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещетъ въ снѣгозарной тѣмѣ;
Есть прелесть въ сей красѣ суровой,
Есть прелесть въ молодой зимѣ,

* * *

Есть обаянье, грусть и нѣга,
Позвія и чувствъ обманъ;
Степь безконечная и снѣга
Необозримый океанъ.

* * *

Вотъ лѣшій — скоморохъ мохнатый,
Киевморъ пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты,
Всѣ изъ листаго серебра.

* * *

Русалокъ рой среброудрявой,
Проснувшись въ сей полночный часъ,
Съ деревьевъ рѣзво и лукаво
Стряхаетъ иней свой на насъ.

Царское село.
Ноябрь 1868 года.

V.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Я никогда не покидаю мѣста,
 Гдѣ промыслъ далъ мнѣ мирно провести
 Дней нѣсколько нетронутыхъ бѣдою,
 Чтобъ на прощанье тихою прогулкой
 Не обойти съ сердечнымъ умиленьемъ
 Особенно мнѣ милыя тропинки,
 Особенно мнѣ милый уголокъ.
 Прощаюсь тутъ и съ ними и съ собою.
 Какъ знать, что ждетъ меня за рубежемъ?
 Казалось мнѣ—я былъ здѣсь застрахованъ,
 Былъ огражденъ привычкой суевѣрной
 Отъ тревоженій жизни ненадежной
 И отъ обидъ насмѣшливой судьбы.
 Здѣсь постоянно и однообразно,
 День за день длилось все одно *сегодня*,
 А тамъ меня въ дали невѣрной ждетъ
 Невѣдѣнье сомнительнаго *завтра*,
 И душу мнѣ тѣснить невольный страхъ.
 Какъ въ гробъ родной съ слезами опускаемъ
 Мы часть себя, часть лучшую себя,
 Такъ покидалъ теплое гнѣздо,
 Пролетныхъ дней пріютъ богохранимый,
 Сдается мнѣ, что погребаю я
 Досуговъ мирныхъ свѣтлыхъ занятъ,
 И свѣжесть чувствъ, и дѣятельность мысли,
 Все, чѣмъ я жилъ, все, чѣмъ жила душа.

Привычка мнѣ дана въ замѣну счастья.
 Знакомое мнѣ мѣсто — старшій другъ,

Съ которымъ я сроднился, свькся чувствомъ,
 Которому я довѣряю тайны,
 Подъятыя изъ глубины души
 И недоступныя толпѣ нескромной.
 Въ средѣ привычной ближе я къ себѣ.
 Природы мѣръ и мѣръ мой задушевный:
 Одинъ съ своей красой разнообразной
 И съ свѣжей прелестью картинъ своихъ,
 Другой съ своими тайнами, глубоко
 Лежащими на недоступномъ днѣ,
 Сливаются въ единый строй сочувствій
 Въ одну любовь, въ согласіе одно.
 Здѣсь тишина и цѣлость и свобода.
 Тамъ между мною внутреннимъ и внѣшнимъ
 Вторгается насильственнымъ наплывомъ
 Всепоглощающій потокъ суетъ,
 Ничтожныхъ дѣлъ и важнаго бездѣлья.
 Тамъ въ-спѣху все, чтобъ изъ пустаго — важно
 Въ порожнее себя переливать.
 Когда мой умъ въ халатѣ, сердце дома,
 Я кое-какъ могу съ собою ладить
 Отыскивать себя въ себѣ самомъ,
 И быть не тѣмъ, во что нарядить случай,
 Но чѣмъ могу и чѣмъ хочу я быть.
 Мой я одинъ здѣсь цѣль и ненарушимъ,
 А тамъ мы два, разрозненные я.

О, будь на васъ благословенье свыше,
 Сѣнь рощей, миръ полей и бытія!
 Да съ каждымъ лѣтомъ, все яснѣй, все тише,
 На западъ свой склоняясь жизнь моя,
 Подъ вашею охраной благосклонной
 Къ урочной цѣли совершаетъ путь,
 И вечеръ мирный, свѣжій, благовонный
 Дастъ отъ дневныхъ тревогъ мнѣ отдохнуть.

Люблю я нашъ обычай православный:
 Въ немъ тайный смыслъ и въ немъ намекъ есть явный;
 Не даромъ онъ въ почтенъи у отцовъ,
 Поднесъ хранимъ у насъ въ средѣ семейной:
 Когда кто въ путь отправиться готовъ,
 Присядетъ онъ въ тиши благоговѣйной,
 Сосредоточится въ себѣ самомъ,
 И оградясь напутственнымъ крестомъ,
 Предастъ себя и милыхъ ближнихъ Богу,
 А тамъ бодрѣй пускается въ дорогу.

Не всѣ ль мы странники? не всѣмъ ли намъ,
 Въ путь роковой идти все тѣмъ же слѣдомъ?
 Сегодня? Завтра? день тотъ намъ невѣдомъ,
 Но свыше онъ разсчитанъ по часамъ.
 Какъ ни засиживаться старожилу,
 Какъ на землѣ онъ долго ни гости,
 Нечаянно пробѣетъ походъ въ могилу,
 И рѣдко кто готовъ въ тотъ путь идти.
 Волнуемъ житейскою тревогой,
 Намъ, отсталымъ отъ братьевъ, прежде насъ
 Отшедшихъ въ путь,—и намъ ужъ близокъ часъ.
 Не лучше ль каждому предъ той дорогой,
 Собраться съ духомъ, молча, одному
 Сойти спокойно въ внутреннюю келью,
 И дать остыть житейскому похмѣлью
 И отрезвиться страстному уму.

Лѣсная дача.

Осенью 1855 года.

Вчера еще была полна
И нѣги и благоуханья.

* * *

Не листья ль жизни нашей дни?
Насъ и они въ свой срокъ обмануть,
Какъ листья, опадутъ они,
И какъ они, печально вянуть.

* * *

Гдѣ лѣсъ былъ зеленью обвить,
Теперь одни листы сухіе:
Такъ память грустная хранить
Отцвѣтшей жизни дни былые.

* * *

Но свѣжей роскошью вѣтвей
Весной очнется вновь дуброва:
А намъ на пеплѣ нашихъ дней
Цвѣтущихъ не дождаться снова!

Гамбургъ.
Ноябрь 1873.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

БЫВШАГО КАВКАЗЦА.

Разбирая, за неизвѣніемъ другаго дѣла, старня залежавшіяся бумаги, нашель я между прочимъ нѣсколько листовъ испещренныхъ помѣтками о давнопрошедшемъ времени. Въ моихъ глазахъ мелькнуло: Кавказъ, Чечня, экспедиція Фрейтага 1844 г., Гехинскій лѣсъ, не забыть Егора Попова и Павла Самарскаго, и цѣлый рядъ воспоминаній возникъ въ моей памяти, воспоминаній грустныхъ, потому что прошедшаго времени не вернешь, и не менѣе того воспоминаній отрадныхъ по чувству гордости, съ которыми принужденъ вспоминать о моихъ бывшихъ боевыхъ товарищахъ, безъ разбору—стояли-ли они выше, или далеко ниже меня во время оно, когда мы сообща дѣлили горе, радости и труды. Егоръ Поповъ, Павелъ Самарскій, имена незвучныя, люди неважные, простые линейскіе казаки, а помнить ихъ долженъ, и даже много виноватъ предъ ними, что такъ долго держалъ въ забытіи ихъ славныя, молодецкіе поступки. Хорошіе приятели должны оставаться на виду. Доказали они на какія дѣла безусловнаго и безразсчетнаго самоотверженія способенъ простой русскій человѣкъ, когда заговорить въ немъ сердце подъ настроеніемъ чувства благодарности, которое такъ нетрудно въ немъ возбудить. Нечего сказать, разь-другой, знатно они меня уважили; и за что было имъ меня особенно

благодарить?—развѣ только за ласковое слово, да за пригоршню дароваго овса, въ минуту нужды удѣленную ихъ усталому коню. Въ короткихъ словахъ познакомлю читателя съ тѣми случаями, по которымъ навсегда остаюсь въ долгу у моихъ казачковъ драбантовъ, неотлучно сопровождавшихъ меня въ теченіе двухъ годовъ моего послѣдняго пребыванія на Кавказѣ.

Въ 1844 году готовилась общая экспедиція на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи, для чего войска на Кавказѣ были усилены двумя дивизіями 5 пѣхотнаго корпуса подъ начальствомъ генерала Лидерса. Военныя дѣйствія открылъ Фрейтагъ, двинувшись въ сердце большой Чечни, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться еще другой отрядъ, туда же направленный изъ Владикавказа подъ командою генерала Нестерова. Изъ главной квартиры, занимавшей Щедринскую станицу на Терекѣ, къ моему величайшему удовольствію меня командировали къ Фрейтагу, у котораго, по праву старшинства, на время похода я долженъ былъ занять должность отряднаго оберъ-квартирмейстера. Первый разъ въ жизни мнѣ приходилось идти въ дѣло подъ начальствомъ этого отличнаго человѣка, съ которымъ былъ знакомъ со времени польской войны 1831 года, съ той же поры пріучившись его любить и уважать, не зная за нимъ ни одного неблагороднаго побужденія, ни одной предосудительной черты; по этому понятно съ какою непритворною радостью я принялъ мое временное назначеніе, жалея только о томъ, что ему не суждено было продлиться на время всей предполагаемой экспедиціи, отъ которой тогда еще ожидали блестящаго успѣха. Поѣхалъ я къ нему не одинъ. Вмѣстѣ со мной, изъ числа прибывшихъ изъ Петербурга офицеровъ, отправились къ Фрейтагу флигель-адъютантъ, графъ Шарль Ламбертъ, графъ Эдуардъ Барановъ, князь Александръ Голицынъ, Мердеръ, и гвардейскій артиллеристъ Василій Давыдовъ.

Въ одно ясное весеннее утро—погода благопріятствовала намъ во время всего десятидневнаго похода—выступили мы изъ кр. Грозной въ Чечню чрезъ Майкобское ущелье и, подвигаясь къ Гехинскому аулу, принялись по пути жечь селенія и уничто-

жать посѣвы, для наказанія чеченцовъ за повиновеніе ихъ Шамилю. Непрiятель тревожилъ насъ слегка, изрѣдка перестрѣливаясь съ нашею цѣпью, но нигдѣ не показывался въ значительныхъ силахъ. Эта уклончивость на первыхъ порахъ дѣятельно сопротивляться нашему наступательному движенію не могла обмануть Фрейтага; ему хорошо было извѣстно гдѣ мѣстность позволяла непрiятелю дать намъ сильный отпоръ, гдѣ онъ насъ поджидалъ, и гдѣ намъ самимъ слѣдовало глядѣть въ оба глаза, чтобы не набраться стыда. Между нами и Нестеровымъ, шедшимъ къ намъ на соединеніе, лежалъ Гехинскій лѣсъ, да протекалъ Валерикъ, два мѣста, чрезъ которыя русскія войска ни разу не проходили безъ самой кровопролитной драки. Валерикъ—рѣчка смерти—по шерсти ей была и вличка—воспѣта Лермонтовымъ, а про Гехинскій лѣсъ расскажу я сухой прозой, чѣмъ онъ былъ тогда не въ поэтическомъ, а въ чисто-практичномъ военномъ значеніи: семиверстная, глухая трупца, чрезъ которую безчисленными поворотами извивалась узкая армянская дорога. На половинѣ пути отрывалась прогалина не шире ста сажень, упиравшаяся въ крутой оврагъ шириной около сорока шаговъ; въ трехъ верстахъ за оврагомъ Валерикъ протекалъ по обширной луговинѣ, окруженной густымъ боромъ. Мѣсто ровно было создано въ пользу чеченцовъ, никогда не упускавшихъ случая сильно намъ вредить, когда лѣсная чаща ихъ скрывала отъ нашихъ глазъ и уберегала отъ нашей пули, а мы сами принуждены были двигаться по открытой дорогѣ. Узнавъ отъ лазутчиковъ что въ Гехинскомъ лѣсу собралось множество чеченцовъ—кто говорилъ три, а кто говорилъ даже пять тысячъ—Фрейтагъ остановился предъ лѣсомъ и послалъ Нестерову приказаніе: переправившись чрезъ Валерикъ, тремя пушечными выстрѣлами дать знать о своемъ приближеніи, и не вдаваться въ чащу прежде, чѣмъ отъ насъ не отвѣтятъ такимъ же сигналомъ. Рассчитывалъ Фрейтагъ, одновременно атаковавъ лѣсъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, поставить непрiятеля въ два огня и такимъ образомъ на его голову обратить пораженіе, которое онъ думалъ намъ приготовить.

На третьи сутки, послѣ обѣда часу во второмъ, слышались намъ дальніе пушечные выстрѣлы. Нестеровъ переправляется чрезъ Валерикъ, подумалось намъ, станеть лагерьмъ, отдохнетъ, а завтра поутру, извѣщенные условленнымъ сигналомъ, пойдемъ на встрѣчу его отряду. Не прошло однако не болѣе двухъ часовъ, какъ на время прекратившійся огонь, безъ предварительнаго сигнала, загорѣлся сильнѣе и гораздо ближе. Владикавказскій отрядъ, не останавливаясь, шелъ къ намъ на соединеніе; видимо тутъ произошла ошибка, объяснившаяся впоследствии тѣмъ, что посланное Фрейтагомъ приказаніе миновало Нестерова, не смотря на то, что было отправлено дубликатомъ съ двумя лазутчиками, поѣхавшими разными путями. Мѣстность, какъ я уже сказалъ, была непреодолимо трудная, непріятеля собралось вдоволь на оба наши отряда; почувалъ Робертъ Карловичъ бѣду, и не имѣя привычки въ такомъ разѣ долго думать и совѣтоваться, мигомъ поднялъ казаковъ и съ тремя сотнями и двумя конными орудіями поскакалъ къ опушкѣ Гехинскаго лѣса, отдавъ мнѣ приказаніе: наскоро построить вагенбургъ для двухъ батальоновъ и потомъ вслѣдъ за нимъ вести остальныя войска. Покончивъ съ вагенбургомъ, не успѣлъ я отвести колонну на полъ-версты, какъ приказано было ее вернуть. Нестерову не нужна наша помощь, объявилъ присланный адъютантъ, чеченцы пропустили его почти безъ драки, поэтому остается только приготовить лагерное мѣсто для новоприбывшихъ войскъ. Намъ самимъ издалека было видно, какъ находившіеся у него малороссійскіе казаки, спокойно выходя изъ лѣсу, строились вдоль опушки. Сдѣлавъ налѣво кругомъ, пѣхота пошла обратно къ мѣсту прежней стоянки, но ей успокоиться было не суждено; десять минутъ спустя прискакалъ, какъ помнится, графъ Барановъ съ новымъ приказаніемъ, двумъ головнымъ батальонамъ бѣглымъ шагомъ со мной прибыть къ Фрейтагу, ожидавшему насъ въ опушкѣ, а генералу Бѣлявскому, командовавшему всею пѣхотой, съ остальными батальонами и съ артиллерією идти слѣдомъ, неслишкомъ спѣша однако, чтобы прежде дѣла не утомить солдатъ. Вышло на повѣрку,

что самого Нестерова съ кавалерією чеченцы дѣйствительно пропустили безобидно, но загородили путь его обозу, когда онъ вошелъ въ средину лѣса, ударили въ пашки на прикрытіе, опрокинули Навагинскій батальонъ, и потомъ отбросили къ Валерику аріергардъ, которымъ командовалъ полковникъ Вревскій. Не дожидаясь хвоста, Робертъ Карловичъ, съ двумя спѣшно мною приведенными батальонами и двумя конными орудіями, пошелъ выручать Нестеровскій аріергардъ, строго запретивъ, хотябъ однимъ выстрѣломъ отвѣчать на непріятельскій огонь. Штыкомъ очищая себѣ дорогу, солдаты безъ остановки добѣжали до прогалины, но тутъ были остановлены непреодолимымъ градомъ пуль, наткнувшись сверхъ того на такое зрѣлище, отъ котораго морозъ пробѣжалъ по жилкамъ даже у самыхъ закаленныхъ кавказцевъ. Одинъ изъ бывшихъ съ нами батальоновъ, принадлежавшій къ войскамъ 5 корпуса, при этомъ съ непринычьи оробѣлъ, попытлся назадъ, но во время еще былъ остановленъ. Не полагаю, чтобы кто либо изъ бывшихъ тутъ на лицо могъ забыть это грустное мгновеніе: на встрѣчу къ намъ бѣжали совершенно нагія, съ головы до ногъ кровью залитыя человѣческія фигуры. По всему тѣлу ровно топоромъ изрубленные Навагинцы, услыхавъ русское ура, встрепенулись, выскочили изъ-за кустовъ, и въ предсмертныхъ судорогахъ, не помня себя, метались въ средину рядовъ, душу раздирающимъ голосомъ умолая о помощи, которой мы въ первую минуту не въ состояніи были имъ подать. Войска съ медиками и съ лаваретными повозками еще не подошли, а предъ нами по другую сторону оврага въ густой чащѣ сверкало дуло возлѣ дула, и дорога, доколѣ видѣлъ глазъ, была запружена сплошною массою лохматыхъ шапокъ. Куринскій батальонъ подбѣжалъ къ оврагу и сталъ какъ вкопанный. Молодцы были Куринцы, да въ немоготу пришлось: почти въ упоръ и уже слишкомъ горячо палилъ чеченецъ, а проучить его штыкомъ мѣшалъ глубокой оврагъ.

Напрасно Фрейтагъ кричалъ: Куринцы не плошай!—дружно въ оврагъ, да въ штыки!—и выскакивали смѣльчаки изъ ря-

довъ товарищамъ дорогу показать, да не живые, а мертвые ныряли въ глубину оврага. Видя, что безъ подготовки непріятеля не осилить, Фрейтагъ на краю оврага поставилъ два орудія и приказалъ картечью очистить дорогу. Мѣсто было тѣсное, Фрейтага съ находившимися при немъ офицерами и конвойными казаками, всего человекъ двадцать, пѣхота прижала къ самымъ орудіямъ. Робертъ Карловичъ стоялъ впереди всѣхъ, а мнѣ по обязанности слѣдовало находиться вблизи. Чеченцы, не замѣшкаявъ узнать его по коню и по числу окружавшихъ его офицеровъ, бросили стрѣлять по войскамъ и весь свой огонь обратили на насъ. Мгновенно насъ осыпало свинцомъ; свиста пуль уже не было слышно, ровно вихрь загудѣлъ надъ нашими головами. Въ эту критическую минуту мои казаки поразили меня неожиданною — негаданною выходкой. Егоръ Поповъ и Павелъ Самарскій, первый Горскаго, второй Ставропольскаго полка, не сговариваясь, оба разомъ выскочили впередъ и заслонили меня собой отъ непріятельскихъ пуль.

—Назадъ! не ваше мѣсто! отозвался я, разогнавъ ихъ лошадей и придвинулся къ Фрейтагу.

—Коли убьютъ нашего брата, невелика бѣда, а убьютъ васъ, иное дѣло — жалѣете вы насъ, хотимъ и васъ пожалѣть, отвѣтилъ Поповъ, подъ-устцы осадивъ мою лошадь, и снова оба казака стали между мной и непріятелемъ, который съ разстоянія пятидесяти шаговъ насъ разстрѣливалъ въ свое полное удовольствіе. Судьба однако сберегла моихъ добрыхъ казаковъ: не проронили они ни капли крови, только продыранные шапки да черкески ихъ свидѣтельствовали потомъ, что Чеченцы свинца не жалѣли и впередъ соваться отнюдь не походило на веселую шутку. И не высокопоставленную особу, не полномочнаго начальника, ради корысти или громкой похвалы, а невиднаго армейскаго офицера, угодившаго полюбиться имъ, забывъ себя, своихъ женъ и дѣтей, повинуюсь мгновенному внушенію молодецкихъ сердець, пытались они убедить отъ всѣмъ равно угрожавшей смерти. Кажись, нѣтъ столь

блистательнаго подвига, который, судя не по видимому результату, а по душевному побужденію, было бы позволено поставить выше этого мало-виднаго, и по этому мало кѣмъ замѣченнаго поступка. Фрейтагъ, отъ котораго, не взирая на его главную заботу, не ускользали и самыя незначительныя обстоятельства, при словахъ Попова обернулся, посмотрѣлъ на меня, на казаковъ, и въ памяти своей помѣтилъ ихъ имена, чтобы позже припомнить имъ дѣло, по мыслямъ его, выходявшее изъ ряда всѣдневныхъ отличій. По этому поводу онъ не далъ имъ прямой награды, когда мы вернулись въ лагерь, сказалъ имъ только — молодцы, вѣрные, честные казаки! стану васъ помнить! и потомъ, нѣсколько времени спустя, представилъ ихъ къ Георгію, по случаю другаго дѣла съ непріателемъ.

Въ этотъ день удалось намъ стать свидѣтелями еще другаго поразительнаго примѣра безстрашной русской удали, о которомъ, рассказывая гехинское дѣло, грѣшно было бы умолчать. Выстрѣлъ за выстрѣломъ наши казачьи орудія картечью бороздили узкую дорогу; отъ чугунныхъ вспрысковъ непріатель осадилъ всторону, дорога опустѣла, но по бокамъ, въ лѣсной чащѣ не переставали вспыхивать дымки, доказывавшіе, что непріатель крѣпко держался въ лѣсу. Въ это время изъ за послѣдняго поворота неожиданно показались два всадника, очертя голову скакавшіе прямо на орудія — по пикамъ ихъ слѣдовало принять за малороссійскихъ или донскихъ казаковъ, остальнаго, въ облакахъ пыли и дыма, обдававшего ихъ изъ лѣсу, нельзя было разглядѣть. Фрейтагъ, стоявшій на конѣ возлѣ самыхъ орудій, едва успѣлъ остановить канонира уже взмахнувашаго пальникомъ, чтобы снова брызнуть картечью, какъ на дуло налетѣлъ малороссійскаго казачьяго полка ротмистръ Томашевскій съ однимъ казакомъ, отряхнулся, перекрестился, и донесъ, что присланъ убѣдительно просить, какъ можно скорѣе идти на помощь арьергарду, попавшему въ страшныя тиски.

Молодецъ изъ молодцовъ! такой штуки я бы не сдѣлалъ! — невольно вырвалось у меня изъ глубины души, и не постыдился я своего восклицанія — всякой храбрости есть мѣра, и

кто ее превзошелъ, тому не скупись и на похвалу!... Я слишкомъ коротко былъ знакомъ съ опасностью, чтобъ не понять и въ полной мѣрѣ не оцѣнить, что значило версты двѣ про-скакать чрезъ лѣсъ, густо занятый чеченцами, да еще на встрѣчу собственной картечи. Не помню, до того случалось ли мнѣ быть свидѣтелемъ подобной рѣшимости. И кому въ обширной Россіи знакомо имя Томашевского, кто знаетъ про его славный подвигъ, кто вспомнилъ бы о немъ, ежели-бъ мнѣ теперь не представился случай рассказать, на какое отважное дѣло покусился храбрый малороссіанинъ.

Выслушавъ Томашевского, Фрейтагъ въ то-же мгновеніе спу-скался въ оврагъ, скомандовавъ: „орудія на передки! Куринцы за мной!“ Но Куринцы не дали ему себя опередить, роемъ насъ охватили и побѣжали впередъ. „Не пустимъ тебя, Робертъ Карловичъ,“ кричали ему обгонявшіе насъ солдаты, „наше дѣло идти передъ тобой и тебя оберегать, нече намъ указывать дорогу, сами найдемъ, не впервые намъ зубами грызться съ чеченцомъ.“

Пока мы дрались на прогалинѣ, Бѣлявскій успѣлъ подойти съ прочими батальонами; непріятель не устоялъ противъ общаго натиска, раздвинулся, и пропустилъ насъ къ Валерику. На полянѣ, съ трехъ сторонъ оюпсанной густымъ боромъ, Нестеровскій арьергардъ, прижавшись въ уголокъ, едва успѣвалъ отбиваться отъ нападавшаго на него многочисленнаго непріятеля, совершенно ослѣвшаго отъ лѣсной удачи. Чеченцы не умолкая стрѣляли изъ опушки и съ высоты деревъ, униженныхъ ими вплоть до вершины; со стороны рѣки, поддерживая непрерывный огонь, они ползкомъ добирались до застрѣльщивовъ и мѣстами уже всакивал рубили ихъ пашками. Наше появленіе разомъ дало дѣлу другой оборотъ: картечь изъ шести орудій и густая цѣпь мигомъ очистили луговину; лѣсомъ однако продолжали владѣть чеченцы и оттуда засыпали насъ пулями. Пропуская мимо себя войска, выходящія изъ лѣсу, Фрейтагъ тотчасъ замѣтилъ, что у Куринцовъ недостаетъ одной роты; никто не зналъ, куда она дѣвалась: была въ лѣвомъ прикрытіи, должно быть непріятель ее отрѣзалъ. Мнѣ было

поручено отыскать пропавшую роту. Съ полубатальономъ Куринцевъ я вернулся въ лѣсъ, пошелъ на немолкавшій въ немъ огонь и дѣйствительно наткнулся на роту, которой мы не дочитывались. Видя себя отрѣзаною, она штыками овладѣла непріятельскимъ сомкнутымъ заваломъ и изъ за громаднѣхъ колодъ, накиданныхъ чеченцами, отъ нихъ же отбивалась. По-счастливилось намъ ее не только высвободить, но и безъ чувствительной потери привести обратно къ своему батальону. Отогнавъ непріятеля на должную дистанцію, Фрейтагъ пропустилъ сперва въ Гехинскій лѣсъ Вревскаго аріергардъ, обозъ и артиллерію, съ ними отослалъ всѣхъ провожавшихъ его офицеровъ, въ томъ числѣ и меня, съ порученіемъ наблюдать, чтобы въ главной колоннѣ не разрывалась связь между частями и съ аріергардомъ; а самъ, удержавъ при себѣ одного своего адъютанта, остался позади съ двумя батальонами и четырьмя конными орудіями прикрывать наше отступленіе. Нѣсколько разъ, проѣзжая отъ хвоста къ головѣ колонны и обратно, въ этотъ день я имѣлъ случай видѣть Фрейтага въ пылу самой ожесточенной драки и вполне убѣдился, насколько была справедлива репутація, которою онъ пользовался на Кавказѣ. Въ кавказскую войну отступленіе было настоящимъ пробнымъ камнемъ распорядительности, хладнокровія и находчивости начальствующаго. Всѣ горцы вообще, а чеченцы въ особенности, слабо сопротивлялись при наступленіи, бѣшено провожали наши отступающія войска, не давая имъ шагу сдѣлать безъ драки. Въ Гехинскомъ лѣсу чеченцы роились; злобно расплачивались они за свои разоренные аулы и поля; въ боковыхъ прикрытіяхъ по всему протяженію лѣса усиленная пальба не умолкала ни на одно мгновеніе, но хуже всего доставалось аріергарду. Узкая дорога не позволяла употреблять въ дѣло больше двухъ орудій; вслѣдствіе непрестанныхъ крутыхъ поворотовъ выстрѣламъ ихъ представлялись самыя короткія дистанціи, шаговъ на двѣсти, рѣдко больше того; по сторонамъ, въ непроходимой чащѣ, съ непріятелемъ могли вѣдаться одни стрѣлки. Фрейтагъ непріятеля несъ на плечахъ, ни на мигъ не покидал аріергард-

ныхъ орудій, которыя все время шли на отвозахъ и картечью крошили чеченцовъ, то и дѣло метавшихся ими овладѣть. Хладнокровно, не спѣша, покуривая чубучекъ, Робертъ Карловичъ распоряжался дѣйствіемъ, ободрялъ солдатъ, иногда подшучивалъ надъ неудачными попытками непріятеля проломить ихъ ряды. Казаки-артиллеристы тѣмъ временемъ, шапки заткнувъ за поясъ, чтобы сучьями съ головы не сорвало, заряжали съ быстротою молніи, разумно выжидали, въ время отдавали выстрѣлъ, когда нужно было повторять, или послѣшно на лямкахъ отвозили орудіе. Благодаря Фрейтагу, мы безъ прорухи прошли обратно къ нашему вагенбургу, хотя много потеряли людей и даже принуждены были въ лѣсу побросать тѣла убитыхъ; чего наши солдатики очень не долюбивали, но нечего было дѣлать, пришлось покориться горькой необходимости, когда Робертъ Карловичъ сердито крикнулъ солдатамъ, приступавшимъ къ нему съ просьбой уносить тѣла — „бросай, не хочу живыхъ отдавать за мертвыхъ!“ Дѣйствительно каждое промедленіе, каждое скучиваніе людей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную, вело къ новымъ потерямъ. Да и непріятелю порядочно досталось въ Гехинскомъ лѣсу. Въ продолженіе всего слѣдующаго дня онъ не потревожилъ насъ ни однимъ выстрѣломъ, подбирая своихъ раненыхъ и убитыхъ, и мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для отсылки съ небольшимъ коповемъ въ кр. Грозную нашихъ собственныхъ раненыхъ и больныхъ.

Возлѣ Гехинскаго лѣса простоявъ четверо сутокъ, мы пошли обратно на Лицію чрезъ Гойтинскій лѣсъ, гдѣ вторично имѣли очень жаркое дѣло. Не стану его однако рассказывать, потому что рѣчь веду нынѣ не о кавказскихъ экспедиціяхъ, а о томъ какъ нашимъ добрымъ линейцамъ случалось понимать и править свою казацкую службу. Снова обращаюсь къ моимъ казакамъ.

Въ Гехинскомъ лѣсу не первую добрую службу они мнѣ сослужили, про какую въ воинскомъ артикулѣ итъ и помину. Годъ предъ тѣмъ, когда мы съ генераломъ Гуркой ходили выручать Гергебилъ, да не выручили, вѣдаетъ Господь Богъ, не

по нашей винѣ, мои казаки явили мнѣ такое доказательство своей сердечной привязанности, отъ которой не только тепло стало на душѣ, но сладостно согрѣлось и мое грѣшное тѣло.

Въ темную ноябрьскую ночь двинулись мы съ отрядомъ, считавшимъ неболѣе полторатысячи штыковъ и пяти горныхъ орудій, отъ Огловь на Гергебильскую гору; съ версту не доходя до спуска въ Гергебильскую котловину, въ которой находилась крѣпость, атакованная Шамилемъ, по приказанію Владиміра Осиповича была оставлена колона ждать разсвѣта. Ночь была бурная, морозная; вѣтеръ свисталъ надъ нашими головами взметая снѣжную пыль, жгучими иглами впивавшуюся въ лицо и въ глаза. Солдаты кучами улеглись на снѣгу; легъ и я, выбравъ мѣстечко, гдѣ было побольше снѣгу, чтобъ острые камни въ бока не кололи; закрылъ голову буркой и пытался уснуть, но отъ холода и отъ усталости глазъ не могъ сомкнуть. Дрожь пробирала меня до костей. Вдругъ я почувствовалъ пріятную теплоту, которая невѣсть отчего стала разливаться по жиламъ, и впалъ въ глубокій сонъ. Голосъ генеральскаго адъютанта, Василья Ивановича Муравьева-Апостола, меня разбудилъ; „свѣтаетъ, вставайте,“ шепталъ онъ мнѣ на ухо, „Владиміръ Осиповичъ приказалъ безъ боя барабаннаго и какъ можно тише поднять и построить отрядъ.“ Отвинулъ я отъ себя какую то небывалую тяжесть, взглянулъ и понялъ, отчего мнѣ стало тепло и отчего удалось такъ отлично проспать.

Три казака мои, Поповъ, Самарскій, да состоявшій въ то время при мнѣ Ивашинь, Гребенскаго полка, тремя своими—бурками меня накрыли и все время, что я спалъ, просидѣли у моихъ ногъ на рѣзкомъ ночномъ вѣтру, оттирая другъ друга, чтобъ не озоветь. Темна была ночь, никому ихъ неограниченная заботливость обо мнѣ не могла броситься въ глаза, не помогались они отличія, а съ полною простотою морили себя, жалѣя меня, потому что мнѣ случалось ихъ жалѣть. Муравьевъ не упустилъ похвалить казаковъ: „нечего сказать, славные вы ребята, отлично бережете Федора Федорыча,“ къ чему я отъ себя прибавилъ душевное спасибо, совѣтуя впередъ, однако,

сберегал меня и себя нѣсколько поберечь, потому что служба ихъ нужна еще и на другое, болѣе важное дѣло.

Еще остается мнѣ рассказать одинъ случай, давшій Попову неоспоримое право на мою вѣчную благодарность. Рискавъ быть раздавленнымъ или по меньшей мѣрѣ поломать руки и ноги, онъ спасъ мою жизнь отъ смертельной опасности. Дѣло случилось слѣдующимъ образомъ. Въ мое послѣднее пребываніе на Кавказѣ я нѣсколько разъ возилъ жену съ Липіи въ Тифлисъ на свиданіе съ родными; Поповъ провожалъ насъ во всѣ эти поѣздки. Въ 1844 году, возвращаясь изъ Тифлиса въ Ставрополь, откуда я долженъ былъ ѣхать въ Москву, рѣшившись навсегда покинуть Кавказъ, мы поздно пріѣхали въ Душеть и, переѣхавъ лошадей, поспѣшили отъѣздомъ, чтобы засвѣтло еще проѣхать по предстоявшей намъ опасной дорогѣ. Душеть, лежитъ на высокой горѣ, дорога къ Апауру, верста на семь, спускалась подъ гору уступами, пролегала карнизомъ: на право гора стѣной, на лѣво глубокой обрывъ. Помѣщались мы въ двухъ экипажахъ: въ каретѣ жена со мной, Поповъ на козлахъ; въ позади-ѣхавшемъ тарантасѣ горничная съ новобрачнымъ супругомъ, наемнымъ москвичемъ-лакеемъ, съ пріѣздомъ въ випородную Грузію всецѣло предавшимся опoitельному соблазну краснаго кахетинскаго. Во время перепряжки лошадей на душетской почтовой станціи, онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ стаканъ, отъ этого утратилъ способность удерживать свое тѣло въ должномъ равновѣсіи, но за то воспламенился ревностью къ исполненію своихъ лакейскихъ обязанностей, каковая въ нормальномъ состояніи за нимъ не водилась. На первомъ же спускѣ представилась необходимость подтормозить шестерикомъ заложившую карету. Поповъ слѣзъ съ козелъ, подложилъ тормазъ, и приказавъ тронуться, самъ пошелъ возлѣ колеса. Лакей Иванъ, не слушалъ увѣщаній своей дражайшей половины, вылѣзъ изъ тарантаса, доплелся до кареты и, шатаясь, ухватился за колесо, въ помощь тормазу. Поповъ, опасаясь, чтобы ему не случилось, спотыкнувшись, попасть подъ карету, сталъ его отгонять, но Иванъ ничего не хотѣлъ,

бранился и самого Попова отталкивалъ отъ колеса. Не предвидя добра отъ этого спора, я выпрыгнулъ изъ кареты съ цѣлью прогнать пьянаго Ивана, съ которымъ одинъ Поповъ не могъ совладать. Въ это самое мгновеніе тормазъ лопнулъ, колесо дало поворотъ, уцѣпившагося за него Ивана швырнуло впередъ и лошади понесли. Казалось не шиповать было Ивану быть подъ каретой, а женѣ съ экипажемъ, разбитымъ въ дребезги, лежать въ бездонной пропасти. Но Гехинскій молодецъ и тутъ себя показалъ. Ухвативъ, можно сказать на лету, и отбросивъ въ сторону опалѣвшаго Ивана, съ быстротою стрѣлы Поповъ обогналъ карету, бросился между лошадей, повисъ на дышлѣ и своею тяжестью затормозилъ папоръ экипажа. Сажень двѣсти проволокли его лошади въ этомъ опасномъ висачемъ положеніи, постепенно умѣряя свой бѣгъ, и жена находилась уже внѣ всякой опасности, когда я самъ, задыхался, успѣлъ нагнать карету.

Какъ, послѣ такихъ услугъ, мнѣ моихъ казаковъ не благодарить и не помнить!

Бывшій Кавказецъ.

3 Февраля 1874 года.

С.-Петербургъ.

Средь населеній обновленных!
И вѣчность, вѣчность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

Когда я вновь въ странѣ родной
Иду близъ стѣнъ Ерусалима,
Хочу я шагъ замедлить свой —
Но вихрь бушуетъ: Мпмо! Мпмо!
Я грозный голосъ слышу тамъ:
Здѣсь всё твои давно почли.
Иди! Иди! Твоимъ костямъ
Успокоенія нѣтъ въ могилахъ!
Иди! Иди!

Смерть надъ тобой однимъ не въ силѣ.
И вѣчность, вѣчность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

Надъ Богочеловѣкомъ я,
Когда онъ крестъ свой пещь, израненъ,
Дерзнулъ... Проси!.. Бѣжить земля...
Вихрь гонитъ... Помни, христіанинъ:
Будь милосердымъ. Казнь мою
Постигни: до скончанья вѣка
Не за божественность свою
Богъ мститъ во мнѣ — за челоуѣка.
Иди! Иди!

Звучить мнѣ всюду съ грозной силой.
И вѣчность, вѣчность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

В. Курочкинъ.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ „вѣчный жидъ“.

Въ вышедшей въ Парижѣ въ 1869 г. книгѣ „Histoire de l'imagerie populaire“ par Champfleury, авторъ разбираетъ всѣ легенды, народные стихи (complaintes) и изображения, также всѣ новѣйшія литературныя и художественныя воспроизведенія преданія о Вѣчномъ Жидѣ.

Вездѣ, говорить онъ, народъ относится къ участи Агасеера съ состраданіемъ — фламандцы, англичане, нѣмцы, французы, швейцарцы, шведы. Онъ приводитъ далѣе слѣдующія слова бретонскаго ученаго Деласала:

„Крайне замѣчательно это постоянное вниманіе народа къ Вѣчному Жиду: народъ, зачастую самъ голодая, снабжаетъ его, въ своихъ пѣсняхъ, всѣмъ необходимымъ; народъ, самъ ничего не имѣя, обезпечилъ ему его динарій на вѣки вѣчные; народъ, часто самъ босой и едва прикрытый рубищемъ, даетъ ему въ своихъ изображеніяхъ хорошую одежду и обувь.“

Изъ всѣхъ народныхъ пѣсней (*complaintes*) о Вѣчномъ Жидѣ Шанфлери самую распространенною считаетъ пѣснь, появившуюся уже въ XVII вѣкѣ въ Бордо и громадную ея популярность приписываетъ именно тому, что въ ней впервые упоминается о вѣчномъ динаріѣ.

Затѣмъ, разсматривая новѣйшія воспроизведенія преданія, авторъ отдаетъ пѣснѣ Беранже рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми.

Беранже — говорить онъ — понялъ какъ нельзя лучше чувства народа и этимъ вполне объясняется энтузіазмъ къ его пѣснямъ, который неоднократно выражалъ Гете въ своихъ *Besprechungen* (*Conversations*) съ Эккерманомъ.

Неизвѣстно, зналъ ли Беранже, напримѣръ, фламандскій вариантъ пѣсни, въ которомъ Вѣчный Жидъ вспоминаетъ впервые съ глубокою скорбью о своей женѣ и ребенкѣ или пятая строфа пѣсни Беранже представляетъ простое совпаденіе мысли; во всякомъ случаѣ это вѣчное воспоминаніе объ утраченномъ семейномъ счастьи прибавляетъ чисто народную черту въ преданіи.

Но самое главное, не увлекаясь подробностями, Беранже пользуется преданіемъ для проведенія въ своей пѣснѣ идеи гуманности и братства.

Гдѣ бы ни проходилъ Вѣчный Жидъ, онъ вездѣ отдаетъ свой вѣчный динарій просящему брату.

Этою идею въ шестидесятыхъ годахъ воспользовался неизвѣстный народный художникъ въ Эльзасѣ. Въ картинѣ его (въ родѣ нашихъ народныхъ картинъ) помѣщена вся пѣснь о Вѣчномъ Жидѣ изображеніями и текстомъ. На верху раскрытое евангеліе, въ которомъ написано крупными буквами: „толцете и от-

верзится“, внизу изображенъ Вѣчный Жидъ, бросающій свой динарій въ шляпу нищаго.

Страданія его должны кончиться—онъ спасенъ. Самый тяжкій грѣхъ отпустится ему за его милосердіе.

Шанфлери видитъ настоящій, современный и народный смыслъ преданія именно въ этомъ очистительномъ дѣйствіи милосердія.

Таже мысль, въ иной формѣ, выражена Беранже въ пѣснѣ „Les deux soeurs de charité“ съ припѣвомъ:

Dieu lui-même

Ordonne qu'on aime.

Je vous le dis en vérité:

Sauvez vous par la charité.

„Самъ Богъ повелѣваетъ любить. Истинно говорю вамъ: спасайтесь милосердіемъ.“

В. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

I.

Мой умъ подавленъ былъ тоской,
Мои глаза безъ слезъ горѣли;
Надъ озеромъ сплетались ели,
Чернѣлъ камышь,—сквозили щели,
Изъ мрака къ свѣту надъ водой.

И много, много звѣздъ мерцало;
Но въ сердце мнѣ ночная мгла
Холодной дрожью проникала,
Мнѣ видѣлось такъ мало, мало
Лучей любви надъ бездной зла!

II.

Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣба,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленнаго вѣка.

А сколько злыхъ измѣнъ, вражды, насмѣшекъ, слезъ
 Ты встрѣтишь? не сочтешь!....
 Нѣтъ, безнаказанно, братъ, до сѣдыхъ волосъ
 И ты не доживешь.
 Путь долгой жизни есть путь къ жизни безнадежной—
 Таковъ законъ судьбы....

Ужели неизбежный?

IV.

ИЗЪ ВУРДИЛЬЕНА.

„The night has a thousand eyes.“

Ночь смотреть тысячами глазъ,
 А день глядитъ однимъ;
 Но солнца нѣтъ—и по землѣ
 Тьма стелется какъ дымъ.

Умъ смотреть тысячами глазъ,
 Любовь глядитъ однимъ;
 Но нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
 И дни плывутъ какъ дымъ. *

Я. Полонскій.

---

* Стихотвореніе это было напечатано въ англійскомъ журналѣ «Spectator» 1873 г. № 2365.—Въ томъ же журналѣ вновь перепечатано съ переводами, присланными изъ Франціи и Германіи.—Затѣмъ, безъ подписи автора, стало появляться въ американскихъ изданіяхъ. Я перевелъ его какъ умѣлъ. Я. П.

ЖИВЫЯ МОЩИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА».*

Край родной долготерпѣнья—
Край ты русскаго народа!

Ф. Тютчевъ.

Французская поговорка гласитъ: «сухой рыбакъ и мокрый охотникъ являютъ видъ печальный». Не имѣвъ никогда пристрастія къ рыбной ловлѣ, я не могу судить о томъ, что испытываетъ рыбакъ въ хорошую ясную погоду и на сколько, въ ненастное время, удовольствіе, доставляемое ему обильной добычей, превѣшивающее неприятность быть мокрымъ. Но для охотника дождь — сущее бѣдствіе. Именно такому бѣдствію подверглись мы съ Ермолаемъ въ одну изъ нашихъ поѣздокъ за тетеревами въ Бѣлевскій уѣздъ. — Съ самой утренней зари дождь не переставалъ. Ужъ чего-чего мы ни дѣлали, чтобы отъ него избавиться! И резинковые плащики чуть не на са-

---

* Разсказъ этотъ полученъ Я. П. Полонскимъ, для передачи въ сборникъ, при слѣдующемъ письмѣ И. С. Тургенева:

«Любезный Яковъ Петровичъ! Желая внести свою лепту въ «Складчину», и не имѣя ничего готоваго, сталъ я рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывокъ изъ «Записокъ Охотника», который прошу тебя препроводить по принадлежности. — Всѣхъ ихъ напечатано двадцать-два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропуститъ; другіе — потому что показались мнѣ не довольно интересными или неидущими къ дѣлу. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и набросокъ, озаглавленный «Живыя

мую голову надѣвали, и подь деревья становились, чтобы поменьше капало... Непромокаемые плащиги, не говоря уже о томъ, что жѣшали стрѣлять, пропускали воду самымъ безстыднымъ образомъ; а подь деревьями — точно, на первыхъ порахъ, какъ будто и не капало, но потомъ вдругъ накопившаяся въ листьѣ влага прорывалась, каждая вѣтка обдавала насъ какъ изъ дождевой трубы, холодная струйка забиралась подь галстукъ и текла вдоль спинного хребта.... А ужъ это послѣднее дѣло! какъ выражался Ермолай. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, воскликнулъ онъ наконецъ. Эдакъ нельзя!... Нельзя сегодня охотиться. Собакамъ *чучье* заливаешь, ружья осѣкаются... Тьфу! Задача!

— Что же дѣлать? спросилъ я.

— А вотъ что. — Поѣдемъ-те въ Алексѣевку. Вы можете не знаете — хуторокъ такой есть, — матушкѣ вашей принадлежить; отсюда версть восемь. Переночуемъ тамъ, а завтра...

— Сюда вернемся?

Мощи.—Конечно мнѣ было бы пріятнѣе прислать что нибудь болѣе значительное; но чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ. Да и сверхъ того, указаніе на «долготерпѣніе» нашего народа, быть можетъ, не вполне неумѣстно въ изданіи подобномъ «Складчипъ».

«Кстати, позволю рассказать тебѣ анекдотъ, относящійся тоже къ голодному времени у насъ на Руси. Въ 1841 году, какъ извѣстно, Тульская и смежныя съ ней губерніи чуть не вымерли поголовно. Нѣсколько лѣтъ спустя, проѣзжая съ товарищемъ по этой самой Тульской губерніи, мы остановились въ деревенскомъ трактирѣ и стали пить чай. Товарищъ мой принялся рассказывать, не помню какой, случай изъ своей жизни, и упомянулъ о человѣкѣ, умиравшемъ съ голоду и «худомъ, какъ скелетъ». —Позвольте, баринъ, доложить», вмѣшался старикъ хозяинъ, присутствовавшій при нашей бесѣдѣ: «отъ голода не худѣютъ, а пухнутъ». — «Какъ такъ? — Да такъ-же-съ; человѣкъ пухнетъ, отекаетъ весь-какъ сыянка (яблоко такое бываетъ). Вотъ и мы въ 1841 году всѣ пухлые ходили». — «А! въ 1841 году!» подхватилъ я. «Страшное было время?» — «Да, батюшка, страшное». — «Ну и что?» спросилъ я: «были тогда беспорядки, грабежи?» — «Какіе батюшка, беспорядки?» возразилъ съ изумленіемъ старикъ: «Ты и такъ Богомъ наказанъ, а тутъ ты еще грѣшить станешь?»

«Мнѣ кажется, что помогать такому народу, когда его постигаетъ несчастіе, священный долгъ каждого изъ насъ. —Прими и т. д. Иванъ Тургеневъ.»

— Нѣтъ, не сюда..... Мнѣ за Алексѣевкой мѣста извѣстны..... многимъ лучше здѣшнихъ для тетеревовъ!

Я не сталъ разспрашивать моего вѣрнаго спутника, зачѣмъ онъ не повезъ меня прямо въ тѣ мѣста, и въ тотъ же день мы добрались до матушкина хуторка, существованія котораго я, признаться сказать, и не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ. При этомъ хуторкѣ оказался флигелекъ, очень ветхій, но нежилой и потому чистый; я провелъ въ немъ довольно спокойную ночь.

На слѣдующій день я проснулся ранѣхонько. Солнце только что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестяло сильнымъ, двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня. — Пока мнѣ закладывали таратайку, я пошелъ побродить по небольшому, нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной глушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они навѣрно унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росой. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно—всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высидись, Богъ вѣдаетъ откуда занесенные, остроконечные стебли темнозеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый амшаникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмости и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сильный, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста! повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, поджостковъ.

Я приблизился — и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать ни взять — икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать, — только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки то же бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу — силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаёте, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! — Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей въ Спасскомъ водила... помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья! воскликнулъ я. — Ты ли это? Возможно-ли?

— Я, да, баринъ, — я. Я — Лукерья,

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно-ли? Эта мумія — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ, — высокая, полная, бѣлая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья! Лукерья, умница Лукерья, за которую ухаживали всѣ наши молодые парни, по которой я самъ тайнѣмъ вздыхалъ, я — шестнадцатилѣтній мальчикъ!

— Помилуй, Лукерья, проговорилъ я наконецъ, — что это съ тобой случилось?

— А бѣда такая стрясась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастіемъ моимъ, — сядьте вонъ на кадушечку — поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ.... вишь я какая голосистая стала!... Ну, ужъ и рада же я, что увидала васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но безъ остановки.

— Меня Ермолай-охотникъ сюда завезъ. Но Расскажи же ты мнѣ...

— Про бѣду-то мою разсказать? — Извольте, баринъ. — Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только-что помолвили за Василья Полякова — помните, такой изъ себя статный былъ, мудравый, — еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было; въ Москву уѣхали учиться. — Очень мы съ Василюмъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ разъ ночью.... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таковъ удивительно поетъ, сладко!... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается.... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветь меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: — Луша!.. Я глядь восторону, да знать съ просонья — оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ — да о землю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ.

Лукерья умоляла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, продолжала Лукерья, стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже — полно и ногами владѣть; ни стоять, ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется; все хуже, да хуже. Матушка ваша по добротѣ своей и лекарямъ меня показывала, и въ больницу послала. Однако облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лекарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали — и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ-конецъ.... Вотъ и порѣшили господа, что лечить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣбъ неспособно.... ну, и переслали меня сюда — потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умоляла и опять усилилась улыбнуться.

— Это однакоже ужасно, твое положеніе! воскликнулъ я.... и не зная, что прибавить, спросилъ: а что же Поляковъ Василій?—Очень глупъ былъ этотъ вопросъ.

Лукерья отвела глаза немного всторону,

— Что Поляковъ? — Потужилъ, потужилъ — да и женился на другой, на дѣвушкѣ изъ Глиннаго. Знаете Глинное? Отъ насъ недалеко. Графеной ее звали. Очень онъ меня любилъ, — да вѣдь челоуѣкъ молодой — не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я ему могла быть подруга? А жену онъ нашелъ себѣ хорошую, добрую, — и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ у сосѣда въ прикащикахъ живетъ: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

— И такъ, ты все лежишь да лежишь? спросилъ я опять.

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станеть — меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобой ходитъ? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ъсть-то почитай что не ѣмъ ничего, а вода — вонъ она въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть сиротка; нѣтъ, нѣтъ — да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была..... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носить; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ - то. Садовыхъ у насъ нѣтъ, — были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнуть еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Дгать не хочу — сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ! А иной — слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ

подъ землею роется — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтеть или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? — многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говорить: тебя, молъ, исповѣдывать нечего: развѣ ты въ твоёмъ состояніи согрѣшить можешь? — Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка?—Ну, говорить, а самъ смѣется—это грѣхъ не великій.

— Да я, должно быть, и этимъ самымъ, мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна, продолжала Лукерья, — потому я такъ себя приучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорѣй проходить.

Я, признаюсь, удивился. — Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой-нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ.... а такъ лежу я себѣ, лежу полеживаю—и не думаю; чую, что жива, дышу—и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣбѣ жуужать да гудятъ; голубъ на крышу садеть и заворкуеть; курочка - насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей заметитъ или бабочка — а мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занято! — Одна влетитъ, къ гнѣздышку припадетъ, дѣтокъ накормитъ -- и вонъ. Глядишь — ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ — ну пищать, да влювы раздѣвать.... Я ихъ и на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю, поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, начала опять Лукерья, вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки что-ли за нимъ гнались, — только онъ прямо въ дверь какъ прикатить!.. Сѣлъ близехонько — и долго таки сидѣлъ, — все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значить, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогъ оглянулся — да и былъ таковъ! Смѣшной такой!

Лукерья взглянула на меня... ахъ, молю, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсвѣянности, принесъ календарь; да видить, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещить, али мышь гдѣ скрестись станетъ. — Вотъ тутъ-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья. Только немного я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ онъ мнѣ крестъ — значить меня онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаенствъ Всѣмъ Скорбящимъ, — да и опять полеживаю себѣ безо всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанья и не шевелился на узенькой кадучкѣ, служившей мнѣ сидѣньемъ. Жестокая, каменная неподвижность лежавшаго передо мною живаго, несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Послушай, Лукерья, началъ я наконецъ. Послушай, какое я тебѣ предложеніе сдѣлаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя въ больницу перевезутъ, въ хорошую городскую больницу? Кто знаетъ, быть можетъ, тебя еще вылечатъ? Во всякомъ случаѣ ты одна не будешь....

Лукерья чуть-чуть двинула бровями. — Охъ, нѣтъ, баринъ промолвила она озабоченнымъ шопотомъ, не переводите меня въ больницу,

не трогайте меня. Я тамъ только больше муки приму. — Ужь буда меня лечить!... Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда прїѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прощу: не тревожьте вы меня, Христа ради. Буда! переворачивать меня сталь, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говоритъ: это я для учености дѣлаю; на то я служащій человекъ, ученый! И ты, говоритъ, не моги мнѣ противиться, потому что мнѣ за мои труды орденъ на шею данъ, и я для васъ же, дураковъ, стараюсь. Потормошилъ, потормошилъ меня, назвалъ мнѣ мою болѣзнь — мудрено таковò — да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣтъ, не всегда. Ко мнѣ ходятъ. Я смирная — не жѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, погудорятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ рассказывать, про Кіевъ, про святыя города. Да мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей, ей!... Баринъ, не трогайте меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь, Лукерья. Я вѣдь для твоей же пользы полагалъ....

— Знаю, баринъ, что для моей пользы. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человекъ помогай! Вы вотъ не повѣрите — а лежу я иногда такъ-то одна.... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я — живая! И чудится мнѣ, будто чтò меня осѣнитъ.... Возьметъ меня размышленіе — даже удивительно!

— О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать; не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станеть, а что такое было — не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула съ трудомъ. Грудь ей не повиновалась, также, какъ и остальные члены.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ, начала она снова, очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, чтò скажу: я иногда и теперъ.... Вы вѣдь помните, ка-

кая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!.... знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?... Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочные, всякія! Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи — оно не годится

— Какъ же ты поешь ихъ..... про себя?

— И про себя, и голосомъ. Громко-то не могу, а все — понять можно. Вотъ я вамъ сказывала — дѣвочка ко мнѣ ходитъ. Сиротка, значить, понятливая. Такъ вотъ я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постоите, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ.... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, — въ ухахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. «Во лужахъ» пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить..... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу, проговорила она вдругъ, — силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечныя, холодныя пальчики... Она взглянула на меня — и ея темныя вѣки, опущенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, онѣ заблестали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился по прежнему.

— Экая я! проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой, и раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случилось.... съ самаго того дня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ да разговаривалъ — ну, ничего; а какъ ушелъ онъ — поплакала я таки въ одиночку! Откуда бралось!.. Да

вѣдь у нашей сестры слезы некупленныя. — Баринъ, прибавила Лукерья, чай у васъ платочекъ есть.... Не побрезгуйте, утрите мнѣ глаза.

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе — и платокъ ей оставилъ. Она сперва отказывалась... на что, молъ, мнѣ такой подарокъ? Платокъ былъ очень простой, но чистый и бѣлый. Потомъ она схватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала ихъ болѣе. Привыкнувъ къ темнотѣ, въ которой мы оба находились, я могъ ясно различить ея черты, могъ даже замѣтить тонкій румянецъ, проступившій сквозь бронзу ея лица, могъ открыть въ этомъ лицѣ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, — слѣды его бывалой красоты.

— Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня, заговорила опять Лукерья, — сплю-ли я? Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ sny вижу; хорошіе sny! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во sny здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько — анъ я вся, какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, расскажу вамъ?—Ну, слушайте.— Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая!... И будто со мной собачка рыженькая, злощая-презлющая — все укусить меня хочеть. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до-чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпнеть, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупныя! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался — такъ вотъ я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ тають да тають, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ я слышу — кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таковъ, и зоветъ: Луша! Луша!.... Ай, думаю, бѣда — не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь — по самымъ верхушкамъ колосьевъ катить ко мнѣ скорехонько — только не Вася — а самъ Христось! И почему я узнала, что это Христось —

сказать не могу,—такимъ его не пишутъ,—а только онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ, — только поясъ золотой, — и ручку мнѣ протягиваетъ. — «Не бойся, говоритъ, невѣста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня въ царствѣ небесномъ хороходы водить будешь и пѣсни играть райскія». — И я къ его ручкѣ какъ прильну! — собачка моя сейчасъ меня за ноги... Но тутъ мы взвились! Онъ впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки, — и я за нимъ! И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка — болѣзнь моя и что въ царствѣ небесномъ ей уже жѣста не будетъ.

Лукерья умоляла на минуту.

— А то еще видѣла я сонъ, начала она снова, а быть можетъ это было мнѣ видѣніе — я ужъ и не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетушкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? А за тѣмъ, говорятъ, что такъ какъ ты на семь свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже повончила; теперь наши грѣхи побѣждаешь. И сказавши это родители мнѣ опять поклонились — и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мною было. Даже батюшкѣ на духу рассказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бывають одному духовному чину.

— А то вотъ еще какой мнѣ былъ сонъ, продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я эдакъ будто на большой дорогѣ подъ ракетой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана — какъ есть странница! И идти мнѣ куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся;

а она вдругъ вертъ — да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: кто ты? — А она мнѣ говоритъ: «Я смерть твоя». Мнѣ чтобы испугаться, а я напротивъ — рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: «Жаль мнѣ тебя, Лукерья, — но взять я тебя съ собою не могу. — Прощай!» Господи! какъ мнѣ тутъ грустно стало!... «Возьми меня», говорю, «матушка, голубушка, возьми!» — И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неясвенно.... Послѣ, молъ, Петровокъ... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бывають сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась....

— Только вотъ бѣда моя: случается, цѣлая недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня да и дала мнѣ скляночку съ лекарствомъ противъ бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и какъ его получить?

Проѣзжавшая барыня очевидно дала Лукерья опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять-таки не могъ не подивиться вслухъ ей терпѣнью.

— Эхъ, баринь! — возразила она. Что вы это? Какое такое мое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начѣтчикъ: была нѣкая страна и ту страну Агаряне завоевали, и всѣхъ жителей они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявился тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на Агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть. — И Агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что!

Подивился я тутъ про себя, куда и въ какомъ видѣ зашла легенда объ Іоаннѣ д'Арѣ, и помолчавъ немного, спросилъ Лукерью: сколько ей лѣтъ?

— Двадцать восемь.... али девять.... Тридцати не будетъ. Да что ихъ считать, года-то! Я вамъ еще вотъ что доложу....

Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула....

— Ты много говоришь, замѣтилъ я ей, — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда, прошептала она едва слышно, — разговорѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лекарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ — не нужно ли ей чего?

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились.... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерѣ слово исполнить ея просьбу, и подходилъ уже къ дверямъ.... она подозвала меня опять.

— Помните, баринъ, сказала она — и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ — какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Эдакіе волосы!.. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!.. Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала.... Да.... Ну, простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали «Живыя Мощи», что впрочемъ отъ нея никакого не видать беспокойства; ни ропота отъ нея не слыхатъ, ни жалобъ. — «Сама ничего не требуетъ, а напротивъ — за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо. Богомъ убитая» — такъ заключилъ десятскій — «стало быть

за грѣхи; но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее—нѣтъ, мы ее не осуждаемъ. Пушай ее!»

Нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней.... и «послѣ Петровокъ». Рассказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничныи. Впрочемъ Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а «сверху». — Вѣроятно она не посмѣла сказать неба.

Ив. Тургеневъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

I.

РАЗСВѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Огонь, огонь! на небесахъ огонь!
Роса дымится въ воздухъ отлетая;
По грудь въ рѣкѣ стоитъ косматый конь,
На ранній вѣтеръ уши наостряя.
По длинному селу, сквозъ дымку темноты,
Идетъ обозъ съ богатой кладью жита;
А за селомъ погостъ, и низкіе кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вотъ ставней хлопнули: въ окнѣ старикъ съдой
Глядитъ и крестится на первый лучъ разсвѣта;
А вотъ и дѣвушка, извилистой тропой,
Идетъ къ рѣкѣ огнемъ зари пригрѣта;
Готово солнце встать въ мерцающей пыли,
Крѣпчаетъ пѣнье птицъ подъ безконечнымъ сводомъ,
И тянетъ отъ полей гвоздикою и медомъ
И теплой свѣжестью распаханной земли!
И, кажется, сюда, въ блескъ этого простора,
Не ходятъ призраки—ни голода, ни мора!

II.

ГРОЗОВЫЯ ТУЧИ.

По небу быстро поднимаясь,
На встрѣчу мчась одна къ другой,
Двѣ тучи хмурыя слетаясь,
Готовы ринуться на бой.

Темны, какъ участь близкой брани,
Небесныхъ ратниковъ полки,
Подняты по вѣтру ихъ длани
И рѣжутъ воздухъ шишаки!

Сквозять ихъ мрачныя забрала
Отъ блеска пламенныхъ очей...
Какъ будто въ небѣ мѣста мало
И разойтись въ немъ — нѣтъ путей?

III.

СПѢТАЯ ПѢСНЯ.

Пой, о пой, голубушка пѣвунья,
Пойте струны, ей въ отвѣтъ звѣнья,
Улетай родившаяся пѣсня
Вслѣдъ за свѣтомъ гаснущаго дня.

Ты лети Созданьемъ темной ночи,
Въ вѣчныхъ сумеркахъ, идущихъ передъ ней,
За послѣднимъ проблескомъ заката,
Впереди стремящихся тѣней.

Можетъ быть, что между днемъ и ночью,
Не во снѣ, но у предѣловъ сна,
По путямъ молитвъ идущихъ къ Богу
Скорбь земли за далью не слышна!

Можетъ быть, между «нигдѣ» и «гдѣ-то»,
 Въ мирный часъ, когда безсонный спать,
 Память гаснетъ, не влекутъ желанья,
 И любовь и ненависть молчить —

Ты найдешь покой неизъяснимый,
 Безъ грядущаго, прошедшему чужда —
 И земля своей поблекшей грудью
 Не прельститъ бѣглянки никогда!...

IV.

НА ДѢ КОЛЫБЕЛЬЮ.

Ты засни, засни моя милая,
 Дай подушечку покачаю я,
 И головушку поддержи твою,
 И тебя, дитя, убаюгаю.

Тихій, дѣтскій сонъ, ты прійди, сойди,
 Наклонись къ нему, не давая груди,
 Не цѣлуй до слезъ, не пугай дитя,
 Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнетъ, противъ воли гнетъ,
 Вразумить тогда, какъ всего сомнетъ,
 Зацѣлуешь въ смерть, заласкаетъ въ бредъ,
 И, позвавъ цвѣсти, не допуститъ въ цвѣтъ...

Ночь темна, молчить, смотреть букою;
 Хорошо ли я такъ баюгаю?...
 Сонъ спасительный, сонъ голубчикъ мой,
 Поскорѣй отца отъ малютки скрой!...

V.

*
* *

Разубрали меня, разукрасили —
 А ужъ я-ли красой не цвѣла?
 Восковыми свѣчами обставили —
 Я и такъ полнымъ блескомъ свѣтла!

Мѣдью темной глаза придавили мнѣ —
 Чтобы глянуть они не могли,
 Чтобы сердце во мнѣ не забилося
 Образочкомъ его нагнели;

Чтобъ случайно чего не сказала я —
 Краткій срокъ положили — три дня!
 И цвѣтами могилу засыпали,
 И цвѣты задушили меня!

VI.

ВЪ СТЕПИ ЗИМОЮ.

Саванъ бѣлый!... Смерть — картина!...
 Умъ смиряющая даль!...
 Ты уймись моя кручина,
 Пропади моя печаль!

Въ этомъ царствѣ заустѣнья,
 Планетарной нѣмоты,
 Не нашедшей разрѣшенья,—
 Что-же значимъ — я, да ты?!...

К. Случевскій.

*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

(Графъ Н. С. Мордвиновъ).

«Наканунѣ успеньева дня 1812 г., рассказываетъ Вигель въ своихъ запискахъ, мнѣ пришли сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. * Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйти, и взглянувъ на него, изумился: я не имѣлъ понятія о той необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ человекъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностію, въ черномъ фракѣ, не новаго покроя, съ расчесанными на обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ чрезвычайною живостію во взорахъ, съ удивительною пріятностію въ голосѣ, что-то напоминающее собою векфильдскаго священника; передо мною былъ прославившійся въ государствѣ, Николай Семеновичъ Мордвиновъ».

Таковъ портретъ Мордвинова, нарисованный человекомъ, вообще нерасположеннымъ къ похвалѣ, а тѣмъ болѣе къ похвалѣ Мордвинову, принадлежавшему къ лагерю, нелюбезному автору «записокъ». Таковы-же характеристики знаменитаго старика, оставленныя намъ С. Т. Аксаковымъ, Н. И. Тургеневымъ, Шишковымъ и другими. Въ теченіе сорока лѣтъ нынѣшняго столѣтія Мордвиновъ былъ предметомъ общаго уваженія и удивленія. «Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Катономъ и Сенской». Рылѣевъ, въ своей одѣ «Гражданское Мужество», написалъ между прочимъ:

---

* Свиданіе происходило въ Пензѣ, куда Мордвиновъ удался послѣ паденія его друга, Сперанскаго.

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
 Сей край свободы и законовъ,
 Возмогъ произвести одинъ
 И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ.
 Но намъ-ли унывать душой,
 Когда еще въ странѣ родной
 Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
 Екатерины славныхъ дней,
 Средь сонма избранныхъ мужей,
 Въ совѣтъ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Каждое мнѣніе «дивнаго исполина» было общественнымъ происшествіемъ. Среди всеобщаго политическаго и литературнаго за-тишья, они, такъ сказать, замѣняли политику и литературу. Ихъ переписывали въ сотняхъ экземпляровъ, читали съ жадностью, утверждали чуть не на память. Одни удивлялись смѣлости и простодушію адмирала, другіе его высокогуманнымъ идеямъ, третьи обширной учености, четвертые изумительному его трудолюбію. Можно сказать, что всѣ были правы. Рѣдко въ сферѣ русскихъ государственныхъ людей являлся человѣкъ съ такими глубокими, разнообразными свѣдѣніями. Подготовленный первоначально къ морской службѣ, Мордвиновъ основательно былъ знакомъ съ теоріею и практикою морскаго дѣла, чего конечно нельзя было достигнуть безъ серьезнаго математическаго образованія. Частыя его путешествія за границу и пребываніе въ Англіи дали ему возможность познакомиться со строемъ и духомъ западныхъ учрежденій и сблизиться съ представителями науки и литературы. Онъ былъ проникнутъ идеями философіи XVIII ст. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не остановился, подобно многимъ, на знакомствѣ съ представителями общихъ идей великаго вѣка. Его манили не одно философское и литературное движеніе; Мордвиновъ замѣчательнѣе тѣмъ, что ему удалось вынести изъ запада и науку, въ самомъ серьезномъ ея видѣ. А. Смитъ нашелъ въ немъ одного изъ самыхъ усердныхъ читателей и учениковъ. Знакомство съ политической экономіею и теоріею финансовъ ясно обнаруживается во всѣхъ его мнѣніяхъ по вопросамъ государственнаго хозяйства. Если А. Смитъ былъ его учителемъ по вопросамъ фи-

нансовымъ, Бентамъ имѣлъ большое вліяніе на его юридическія воззрѣнія. Онъ зналъ Бентама не только въ его сочиненіяхъ, но интимно, о чемъ свидѣтельствуеъ ихъ переписка.

Не одно обширное образованіе отличало Мордвинова. Эпоха Екатерины II основала въ Россіи, а начало царствованія Александра I создало довольно значительный кругъ просвѣщенныхъ людей. Дѣятели того времени любили говорить по Тациту и Плутарху, по Монтескье, Вольтеру и Беккари. Нѣкоторые изъ нихъ явились по зову новаго императора изъ Англіи, другіе изъ Франціи, гдѣ ихъ воспитателями были иногда республиканцы и друзья Бабѣфа. Но въ жизни и дѣятельности этихъ людей замѣчается одна рѣзкая и печальная черта — именно раздвоеніе между ихъ теоретическими взглядами, образомъ мыслей, и направлениемъ воли, если только въ это время можно было говорить о волѣ, характерѣ. Это раздвоеніе имѣло своимъ послѣдствіемъ какой-то бездушный формализмъ, какое-то внѣшнее, безсердечное отношеніе къ дѣлу. Мордвиновъ отличался тѣмъ, что усвоенныя имъ теоріи становились его второй природой, проникали все его существо, что у него не было «миѣній», а были твердыя *убѣжденія*. Этимъ объясняется его «прямодушіе и искренность», составлявшія предметъ всеобщаго удивленія. «Прямодушіе» Мордвинова не было результатомъ только его природной честности и пылкости; притомъ Н. И. Тургеневъ свидѣтельствуеъ, что рѣчь Мордвинова не отличалась рѣзкостью и горячими выходками: она характеризуется поговоркой — *suaviter in modo, fortiter in re*. Но убѣжденіе твердое и непреклонное, убѣжденіе, составляющее часть нашей природы, не можетъ быть выражено въ видѣ общихъ фразъ, казенныхъ формулъ, дающихъ возможность знать о содержаніи рѣчи по имени ея автора. «Миѣнія» Мордвинова стояли особнякомъ, потому что не подходили ни подъ одно изъ высказанныхъ миѣній, не укладывались въ официальные рамки. Такія миѣнія нужно читать сначала до конца — иначе мы смѣшаемъ ихъ съ прочими «сужденіями», излагаемыми въ официальныхъ меморіяхъ.

Идея, сдѣлавшаяся убѣжденіемъ, охватываетъ все существованіе человѣка; она не оставляетъ ему досуга, извлекаетъ изъ него всѣ силы, двигаетъ его впередъ, пока въ немъ есть силы. Мордвиновъ

былъ однимъ изъ людей, не принадлежавшихъ себѣ. 91 годъ жилъ онъ на свѣтѣ; * въ теченіе 44 лѣтъ онъ дѣйствовалъ въ высшихъ законодательныхъ сферахъ ** — срокъ, способный утопить самага усерднаго труженика. Мордвиновъ не былъ только труженикомъ, проявлявшимъ усердіе на государственной службѣ. Онъ былъ, въ своей сферѣ неистощимымъ источникомъ новыхъ идей, которыя онъ съ истиннымъ увлеченіемъ, отстаивалъ и проводилъ гдѣ можно. «Всевышній Создатель, писалъ онъ про себя, не сотворилъ меня равнодушнымъ къ общественному благу»; онъ былъ ходатаемъ этого блага вездѣ и во всемъ. Его отзывчивая душа и энергическій характеръ побуждали его высказываться едва-ли не по каждому вопросу, имѣвшему какое-нибудь общественное значеніе. Вопросы политическіе и юридическіе, реформы финансовыя и экономическія, задачи народнаго образованія и народнаго здравія занимали его попеременно и съ одинаковою силою. «Мнѣнія» Мордвинова составляютъ въ рукописи XIII томовъ in folio; ихъ смѣло можно назвать сводомъ всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ наши общественныя и административныя сферы въ теченіе первой половины XIX вѣка. Мнѣнія эти замѣчательны еще тѣмъ, что авторъ ихъ разсматриваетъ каждый вопросъ съ высоты общей теоріи. Разсуждаетъ-ли онъ о важнѣйшихъ финансовыхъ реформахъ, разсматриваетъ-ли частный процессъ, переданный на уваженіе департамента дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ *** — онъ вездѣ умѣетъ возвести дѣло къ общимъ началамъ, высказать то или другое здравое политическое начало.

При другихъ общественныхъ условіяхъ имя Мордвинова было бы довольно извѣстно всѣмъ и каждому; его мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей было-бы опредѣлено и значеніе уяснено. Но Мордвиновъ работалъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Ни печать, ни исторія не могли популяризировать его имя. Русское общественное мнѣніе часто упрекаютъ въ забывчивости и непостоянствѣ. Оно всегда поклоняется людямъ своего времени, но не умѣетъ опредѣлить ихъ относительнаго значенія, ихъ связи съ идеями и людьми прошлаго.

* Мордвиновъ род. въ 1754, умеръ въ 1845 г.

** 1801 — 1845.

*** Мордвиновъ долгое время былъ предсѣдателемъ этого департамента.

Стоитъ человѣку минуты сойти со сцены, какъ память объ немъ исчезаетъ въ безграничномъ пространствѣ Россіи; общество ищетъ новыхъ боговъ, чтобы послѣ и ихъ предать забвенію, этому ужасному наказанію, свойственному странамъ безъ преданія, безъ литературы и общественнаго мнѣнія. Но должно быть справедливымъ. Общество можетъ дать своимъ дѣателямъ только то, что въ его силахъ. Оно не можетъ сохранять въ своей памяти прошлаго, безъ внѣшнихъ средствъ, воспитывающихъ и поддерживающихъ эту память. Какъ увѣковѣчивается память о замѣчательныхъ дѣателяхъ — мы говоримъ о дѣателяхъ политическихъ — на западѣ Европы? При жизни, сильная политическая печать распространяетъ и разбираетъ ихъ мнѣнія; общество встрѣчаетъ ихъ на гласной политической аренѣ, свыкается съ ними, смотритъ на нихъ какъ на свое достояніе. Послѣ смерти, безпристрастная исторія подводитъ итоги ихъ дѣятельности, отводитъ имъ опредѣленное мѣсто въ ряду ихъ современниковъ. Ни одного изъ этихъ условій не было въ то время, когда пришлось дѣйствовать Мордвинову. Не объ одномъ Мордвиновѣ, но и о прочихъ его современникахъ послѣдующія поколѣнія знали только «по наслышкѣ», т. е. должны были довольствоваться *именемъ* и самою общою характеристикою.

Въ наше время приходится извлекать изъ «ирака забвенія» не одно нѣкогда славное и почетное имя. Мы зарылись въ архивы, общественные и семейные, неутомимо печатаемъ воспоминанія, автобіографіи, письма, мнѣнія. Нѣсколько журналовъ и правительственныхъ изданій заняты печатаніемъ актовъ прошлаго. Теперь мы даже не въ состояніи оцѣнить всей важности этой работы. Но чрезъ нѣсколько времени станетъ понятно, что сдѣлали «архивныя изданія»: странѣ будетъ возвращено ея прошлое и притомъ прошлое, съ которою она связана непосредственно. Она получитъ возможность сознательно относиться къ своей исторіи, а слѣдовательно и къ настоящему и будущему.

Въ числѣ этихъ любопытныхъ документовъ, помѣщаемыхъ въ разныхъ изданіяхъ, мнѣнія и письма Мордвинова занимаютъ видное мѣсто. Почти каждый журналъ этого рода заключаетъ въ себѣ много важнаго для характеристики адмирала. Наконецъ, профессоръ кiev-

сваго университета, г. Иконниковъ, на основаніи какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ матеріаловъ, составилъ добросовѣстную и любопытную монографію. * Этотъ трудъ можетъ быть смѣло названъ полнымъ и систематическимъ сводомъ какъ мнѣній самого Мордвинова, такъ и отзывовъ его современниковъ. Обиліе матеріаловъ, которыми располагалъ почтенный авторъ, дало-бы ему полное право представить и общую характеристику своего героя. Но эта задача не входила въ его планы. За то онъ безмѣрно облегчилъ трудъ каждаго, кто желалъ-бы за нее взяться. Мы постараемся выполнить ее, основываясь на фактической сторонѣ прекраснаго труда г. Иконникова, на сколько это позволяетъ объемъ небольшой статьи.

II.

Характеристика каждаго государственнаго дѣятеля, особенно если онъ руководился извѣстными общими началами, должна быть начата съ характеристики эпохи, среди которой выработались эти начала. Ключъ ко всѣмъ мнѣніямъ Мордвинова — въ научныхъ и политическихъ идеяхъ XVIII ст., которые онъ воспринялъ въ теченіе первой половины своей жизни и настойчиво проводилъ въ теченіе второй.

Движеніе XVIII ст., рассматриваемое съ внѣшней, политической точки зрѣнія, имѣло одну общую цѣль — обезпеченіе человѣческой личности и ея свободы посредствомъ утвержденія *законности* въ государственномъ устройствѣ и управленіи. Такое стремленіе было вполне понятно въ обществахъ, страдавшихъ отъ порядка, прямо противоположнаго началу законности. Правленіе Людовика XIV и XV во Франціи, мелкій и придиричивый деспотизмъ въ германскихъ государствахъ, ясно показали къ чему ведетъ право личнаго усмотрѣнія, поставленное на мѣсто общаго закона. Горькій, ежедневный опытъ убѣждалъ всѣхъ и каждаго, что нѣтъ права, безъ обезпеченія личности и нѣтъ обезпеченія, безъ точнаго опредѣленія границъ государственной

---

* Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія проф. Иконникова. С.П.Б. 1873.

власти и правильнаго соотношенія ея органовъ. Частныя распоряженія, занявшія мѣсто закона, административная расправа, заступившая мѣсто правосудія, приводили къ тому, что ни личная безопасность, ни частное имущество не знали никакого обезпеченія. Система раздѣленія властей, свобода печати, вѣры, право петицій, судебныя гарантіи, домашняя неприкосновенность, воспрещеніе произвольныхъ арестовъ, гласность правительственныхъ дѣйствій — все это не сходило съ языка лучшихъ представителей XVIII вѣка и все должно было вести къ одной цѣли: воцаренію царства закона (*règne de la loi*), поставленнаго на мѣсто царства произвола. Понятно само собою, что Англія, страна наиболѣе сдѣлавшая для развитія личной свободы, теперь сдѣлалась образцомъ для всѣхъ политическихъ мыслителей. Въ «Духѣ Законовъ» Монтескьё находится слѣдующее замѣчательное мѣсто:

«Хотя всѣ государства имѣютъ вообще одну и ту-же цѣль, само-сохраненія (*qui est de se maintenir*), но каждое государство имѣетъ однако свою особенную цѣль. Увеличеніе владѣній было цѣлью Рима; война — Спарты; религія — еврейскихъ законовъ; торговля — Марсели; общественное спокойствіе — Китая; мореплаваніе — законовъ Родійскихъ; естественная свобода — цѣль дикарей; вообще удовольствіе государя — державъ деспотическихъ; слава государя и государства — монархій; независимость каждаго частнаго лица — цѣль польскихъ законовъ, что ведетъ къ угнетенію всѣхъ. *

«Но есть въ мірѣ нація, имѣющая прямой цѣлью своей конституціи политическую свободу. ** Мы разсмотримъ начала, на которыхъ она ее основываетъ. Если они хороши, свобода явится въ нихъ какъ въ зеркалѣ.

«Для того чтобы открыть политическую свободу въ конституціи

* Намекъ на *liberum veto*.

** Политическая свобода въ гражданинѣ, говоритъ Монтескьё, есть спокойствіе духа, истекающее изъ увѣренности каждаго въ своей безопасности; для доставленія этой безопасности нужно, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другаго (*Есп. des lois*, XI, 6). Это опредѣленіе вошло и въ Наказъ Екатерины II, которая его дополнила. Именно послѣ словъ, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другаго, она говоритъ — «но всѣ боялись-бы законовъ».

не нужно большого труда. Если ее можно видѣть, гдѣ она есть, если ее нашли, зачѣмъ ее искать!» *

Въ этихъ словахъ очевидно скрывалась слѣдующая мысль: «хотите-ли политической свободы? Смотрите какъ она осуществлена въ Англіи!»

Не нужно напоминать какое вліяніе идеи Монтескье и писателей его школы имѣли въ Россіи. Наказъ императрицы Екаторины содержитъ въ себѣ множество извлеченій изъ «Духа Законовъ». Въ 1766 г., созывая депутатовъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія, она ясно высказала свой взглядъ на необходимость законности, съ цѣлью обезпеченія личныхъ правъ. Великое законодательное движеніе во Франціи дало новый толчокъ этимъ идеямъ. Стройная, мастерская система французскаго кодекса должна была ослѣпить современниковъ; создать для своего отечества что нибудь подобное считалось, по справедливости, дѣломъ достойнымъ государственнаго человѣка.

Мы увидимъ ниже, что Мордвиновъ, особенно при его личномъ знакомствѣ съ началами англійской государственной жизни, сдѣлался горячимъ адвокатомъ законности, обезпечиваемой раздѣленіемъ властей, хорошимъ устройствомъ судовъ, отвѣтственностію органовъ администраціи, гласностію и т. д. Но этимъ не исчерпывается содержаніе его идей. Теорія законности, въ томъ видѣ, какъ она установилась на западѣ Европы, была выраженіемъ болѣе глубокаго общественнаго движенія, для котораго «законность» явилась только внѣшнимъ средствомъ. Она соотвѣтствовала коренному видоизмѣненію нравственныхъ, политическихъ и, главнымъ образомъ, экономическихъ понятій. Постараемся въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить эту перемѣну.

XVII и XVIII ст. выработали новыя исходныя точки всей политической философіи. Идея, представляемая государствомъ, осуществляемая его учрежденіями, подверглась строгому разбору. Организмъ правительственный, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, обособившійся отъ остальнаго общества, разсматривалъ каждый

---

* *Esp. des lois*, XI, 5.

общественный вопросъ съ точки зрѣнія увеличенія или уменьшенія его собственныхъ средствъ. Понятіе объ общественномъ благѣ, *salus publica*, фактически отождествилось съ «интересомъ казны», которому можетъ быть принесенъ въ жертву интересъ не только частнаго лица, но и цѣлыхъ сословій. Система всесторонней и придирчивой государственной опеки, казалась единственнымъ надежнымъ средствомъ обезпечить процвѣтаніе государства. Казенныя монополіи, строгій надзоръ за торговлею и промышленностію, система поощреній, запрещеній, разрѣшеній и т. д. сдѣлывали правильное развитіе экономической и умственной жизни. Казенный интересъ, представляемый всемогущею бюрократіею считался критеріумомъ всего добраго, полезнаго, прогрессивнаго.

Настало время провѣрки всей существующей системы съ точки зрѣнія другаго критеріума, которымъ долгое время пренебрегали — съ точки зрѣнія *личнаго интереса*, частной пользы. Государственный интересъ составляетъ-ли нѣчто особое отъ интереса частныхъ лицъ, его составляющихъ? Всемогущество государственной администраціи составляетъ-ли единственное условіе государственнаго благосостоянія? На оба вопроса наука дала отрицательный отвѣтъ. Общее благосостояніе зиждется на благосостояніи частномъ и послѣднее осуществляется личною и свободною предпріимчивостію лучше и полнѣе, чѣмъ при помощи государственной опеки.

Личный интересъ, говорили философы, есть безспорно естественный и правильный критеріумъ полезнаго и вреднаго; личная предпріимчивость есть неизсякаемый, созданный самою природою, источникъ общественнаго прогресса. Сдѣлайте такъ, чтобы личной предпріимчивости была обезпечена ея свобода и вы увидите какъ увеличатся умственныя и матеріальныя средства общества. Таково основное начало, проникающее знаменитую теорію А. Смита.

Какимъ-же образомъ государство можетъ достигнуть этой цѣли? Въ чемъ состоитъ роль государства?

Въ системѣ естественной свободы, говоритъ *Смитъ*, на правительствѣ лежитъ только три обязанности, правда чрезвычайно важныхъ, но ясныхъ, простыхъ и доступныхъ обыкновенному разумѣнію. Первая — есть обязанность защищать общество отъ насилія и втор-

женія другихъ независимыхъ обществъ. Вторая — обязанность защищать, на сколько это возможно, каждаго члена общества, противъ несправедливости или угнетенія всякаго другаго члена, или обязанность правильной администраціи правосудія. Третья — обязанность учреждать и поддерживать общественныя установленія, недоступныя личной предприимчивости, но необходимыя для общества. *

Другими словами: доставьте каждой личности безопасность, обезпечьте ея права, *вспомните* ея средства, гдѣ они недостаточны, и вы скоро увидите, на что способна личность, пользующаяся свободой.

Тѣмъ-же индивидуализмомъ проникнута теорія *Бентама*. Конечно обширная система этого писателя представляетъ много разнообразныхъ сторонъ. Но мы разсматриваемъ ее только по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Главныя указанія по данному предмету находятся въ знаменитыхъ «Началахъ Гражданскаго Уложенія». ** Система Бентама носитъ названіе *утилитарной*, т. е. дѣлаетъ понятіе пользы основаніемъ и мѣриломъ предписаній нравственныхъ и юридическихъ. Но эта общая исходная точка не характеризуетъ всей его системы. Критеріумомъ пользы въ системѣ Бентама является чувство удовольствія или страданія, испытываемыя каждымъ чело-вѣкомъ въ виду того или другаго явленія, дѣйствія, мѣры. Какъ можетъ государство осуществить великое начало пользы въ гражданскихъ отношеніяхъ? Главнымъ образомъ чрезъ обезпеченіе свободы, безопасности и собственности каждой отдѣльной личности. Напрасно государство будетъ стремиться осуществить всеобщее благосостояніе мѣрами своей принудительной администраціи, неизбѣжно связанными съ наложеніемъ разныхъ повинностей на гражданъ. Его предписанія ничего не прибавятъ къ естественнымъ стремленіямъ каждаго къ благополучію, врожденнымъ каждому чело-вѣку; они могутъ стѣснить ихъ правильное развитіе. Не надо забывать что обязанности суть *невыгоды*, налагаемыя на гражданъ, и эти невыгоды принимаются охотно только тогда, когда при помощи ихъ обезпечиваются выгоды

* О Богат. нар. Кн. IV, гл. IX.

** Principles of the Civil Code. Нечего напоминать что Бентамъ принимаетъ слово «гражданскій» въ самомъ обширномъ смыслѣ.

болѣе цѣнныя. Каждый законъ имѣеть цѣну на столько, на сколько имъ обеспечиваются естественныя условія благосостоянія, на сколько онъ ограждаетъ свободу и безопасность лица. «Законъ не говоритъ человѣку: работай и я вознагражу тебя, но онъ говоритъ: работай и я не допущу никого посягнуть на плоды твоего труда, которые безъ меня ты не могъ-бы сохранить, и такимъ образомъ обезпечу тебѣ эту естественную и достаточную награду за трудъ — пользование его плодами. *Трудъ производитъ, законъ сохраняетъ: производствомъ мы обязаны исключительно труду, но сохраненіемъ и всеми благами производства мы обязаны исключительно закону.*

Не станемъ говорить здѣсь, что индивидуализмъ самъ былъ способенъ къ крайностямъ и преувеличеніямъ; что если прежде государство думало совершать все, новая теорія готова была ограничить его задачу простымъ охраненіемъ личныхъ силъ.* Но не подлежитъ сомнѣнію что индивидуализмъ былъ естественною и законною реакціею противъ всемогущества фискально-полицейскаго государства. Если указанные имъ цѣли не составляютъ *единственной* задачи государства, то они несомнѣнно составляютъ его *необходимыя и элементарныя* цѣли, безъ осуществленія которыхъ не мыслима правильная государственная жизнь. Въ этомъ смыслѣ индивидуалистическая теорія, останется навсегда цѣннымъ достояніемъ политической философіи. Внѣшнее могущество и блескъ государства не имѣють цѣны, если они достигнуты насчетъ умаленія частнаго благосостоянія, личной свободы, достоинства и нравственной независимости его отдѣльныхъ членовъ. «Кая польза человѣку, аще весь міръ приобрящетъ, душу-же свою отщетить?» *Душа человека*, т. е. его нравственные идеалы, его субъективное творчество, его личное достоинство и независимость, дороже цѣлаго міра. Потерю этихъ благъ не замѣнятъ ни «трепетъ» сосѣдей, ни громъ побѣдъ, ни внѣшній блескъ. Сказать-ли больше? Самое внѣшнее могущество построено на пескѣ, если оно не есть свободный результатъ всѣхъ творческихъ силъ народа, если въ основаніи силы государственной не лежитъ

* Крайности индивидуализма и ихъ послѣдствія разсмотрѣны мною въ книгѣ «Національный Вопросъ», въ отдѣлѣ: «Современныя воззрѣнія на государство и національность».

мощь *гражданина*, т. е. твердаго и независимаго характера чело-вѣческой личности. Безъ этого условія политическое общество ничѣмъ не отличается отъ стада, и его стадность, не смотря на свою внѣшнюю силу, падеть при первомъ серьезномъ столкновеніи съ дѣйствительнымъ гражданскимъ бытомъ.

Эти краткія замѣчанія были необходимы для того, чтобы освѣтить мнѣнія Мордвинова, дать ключъ къ ихъ разумѣнію и опредѣлить ихъ мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія. Теперь мы обратимся къ самымъ мнѣніямъ и пусть Мордвиновъ говоритъ самъ за себя.

III.

Въ мнѣніяхъ и дѣятельности Мордвинова необходимо различать два элемента. Во первыхъ, онъ замѣчательнъ въ нашей исторіи какъ горячій защитникъ законности и всѣхъ условій ея обезпеченія. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ свою славу съ Сперанскимъ и нѣкоторыми другими лицами. Во вторыхъ, ему принадлежитъ инициатива многихъ мѣръ, которыя должны были возвысить условія народнаго благосостоянія, огражденія личныхъ силъ челоуѣка, развитія частной предприимчивости, возвышенія нравственнаго достоинства челоуѣка. Въ этомъ отношеніи онъ сходилса съ такими людьми какъ братья Тургеневы. Но мы раздѣляемъ эти двѣ стороны дѣятельности Мордвинова только ради удобства изложенія. Каждое мнѣніе проникнуто однимъ и тѣмъ-же началомъ, которое коренится въ нравственномъ міросозерцаніи графа и одухотворяетъ каждое его слово. Онъ говоритъ и за силу закона и за необходимость образованія и за измѣненіе финансовой системы одинаково, въ виду большаго развитія и обезпеченія нравственнаго достоинства челоуѣка, для того чтобы вызвать къ жизни и къ дѣлу его творческія силы. Этимъ его юридическія теоріи отличаются отъ теорій формальной законности, развиваемой Сперанскимъ, въ которомъ чиновникъ и семинаристъ проглядывалъ слишкомъ часто. Отъ этого зависятъ самыя, такъ сказать, *акцентъ* рѣчей Мордвинова.

Первое, по времени, мнѣніе, обратившее на себя всеобщее внима-

ніе, было написано Мордвиновымъ по поводу Эмбенскихъ рыбныхъ ловель, въ 1802 г. На берегахъ Каспійскаго моря, близъ устья рѣки Эмбы, имѣются обширныя земли, съ рыбными морскими ловлями. При Екатеринѣ II эти земли достались графу Н. И. Салтыкову, не совершенно правильно. Екатерина дѣйствительно пожаловала графу земли въ тѣхъ мѣстахъ, но областное начальство надѣлило его въ гораздо большихъ, противъ указа размѣрахъ. Впослѣдствіи Павелъ I пожаловалъ эти земли съ ловлями (на которыя Салтыковъ имѣлъ весьма сомнительныя права) графу Кутайсову. Послѣ его кончины между Салтыковымъ и Кутайсовымъ возникла тяжба, дошедшая до непрѣйнаго совѣта, собиравшагося подъ предѣдательствомъ государя. Въ совѣтѣ, независимо отъ тяжбы, возникъ вопросъ о необходимости освободить рыбныя ловли отъ частнаго владѣнія, сдѣлавъ ихъ общимъ достояніемъ. Въ совѣтѣ предположено было вознаграждать Салтыкова за безспорно принадлежавшую ему часть земли (786 дес.) землями въ другихъ мѣстахъ, а семейство Кутайсова деньгами въ количествѣ 150,000 р. Мордвиновъ увидѣлъ въ послѣднемъ актѣ нарушеніе права частной собственности и подалъ слѣдующее мнѣніе:

«Если объ Эмбенскихъ рыбныхъ ловляхъ, пожалованныхъ графу Кутайсову, разсуждать по одному только отношенію ко власти самодержавной, конечно легко рѣшить все дѣло; неограниченною волею одного государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно. Опредѣлить за нихъ вознагражденіе большее или меньшее или не опредѣлять никакого — зависитъ отъ его хотѣнія.

. . . . .

«Но какъ я думаю и думать не перестану, что государь, предлагая сіе дѣло совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, но о *справедливости*, и слѣдовательно желаетъ, чтобы вопросъ сей былъ изслѣдованъ въ *понятіяхъ правленія монархическаго*, то и должно кажется мнѣ, согласиться въ слѣдующихъ началахъ:

•1-е. Владѣніе Эмбенскихъ водъ и всего, что въ указѣ 1799 г. означено, есть собственность графа Кутайсова. Совѣтъ призналъ сію истину въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ.

•2-е. Законъ собственности признается въ Россіи вообще непоко-

любимымъ, слѣдовательно и собственность графа Кутайсова должна быть неотъемлема.

«3-е. Если-бы сія неотъемлемость ограничивалась только тѣмъ, чтобы частныя люди не могли на нее дѣлать притязаній, то былъ-бы законъ достаточный въ турецкихъ владѣніяхъ, но весьма несправедливый въ Россіи, гдѣ и правительство не можетъ отнять имѣнія ни у кого безъ суда и закона.

«4-е. Изъ сего слѣдуетъ: на собственность частныхъ лицъ въ Россіи правительство не больше имѣетъ права, какъ и всякій частный человѣкъ.

«5-е. Посему, сколько бы исключительное владѣніе какимъ либо имѣніемъ не оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего взять его въ общее употребленіе, да я и не знаю, чтобы гдѣ нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ, ибо никогда общее благо не держится на частномъ разореніи».*

Затѣмъ Мордвиновъ доказываетъ, что нельзя взять Эмбенскія ловли безъ согласія Кутайсова и опредѣленія, по взаимному соглашенію, приличнаго за нихъ вознагражденія (п. 6 — 8).

«Скажутъ, продолжаетъ онъ, что сіе согласіе получить отъ него невозможно; но предлагали-ли ему о семъ? Почему необходимо должно изъяснять намѣренія людей въ худую сторону, и для чего въ дѣлѣ закона принимать вѣроятныя предположенія за достовѣрные опыты? Полагая однакожь, что и дѣйствительно требованія его будутъ неумѣренны, что онъ пожелаетъ, папримѣръ, тотъ-же самый доходъ деньгами, который теперь получаетъ отъ своего промысла, а вмѣстѣ съ симъ спрашиваю: справедливо-ли поступить правительство удовлетворивъ его требованіямъ? *Если справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ и для общаго блага выгодно, ибо нѣтъ въ сѣтѣ безо-*

---

* Здѣсь Мордвиновъ впадаетъ въ крайность. Государство имѣетъ на частную собственность больше правъ, чѣмъ «другое частное лицо», ибо оно, по началамъ всѣхъ европейскихъ законодательствъ, вооружено правомъ экспроприаціи. Оставаясь на точкѣ зрѣнія Мордвина, государство не сочло бы себя въ правѣ надѣлать крестьянъ землею. Каспійскія рыбныя ловли необходимо было обратить въ общее пользованіе. Мордвиновъ былъ правъ только относительно формъ, въ которыхъ велось дѣло.

лезной справедливости, и та самая ложная государственная экономія, которая на счетъ твердости закона думаетъ сберечь нѣсколько тысячъ рублей. Твердость закона, и особливо закона столь существеннаго, какъ собственность, ни какими милліонами оцѣнить не можно. Экономія есть часть государственнаго блага, а законъ его *основаніе*; часть развалившуюся можно поправить, но потрясенное основаніе рушить все зданіе. Если нужно, чтобы законъ былъ врѣзанъ въ сердцахъ народныхъ (а въ Россіи это нужно, ибо сіе есть единый способъ къ лучшему), то надобно начать съ того, чтобы правительсто не дѣлало ни малѣйшаго отступленія ни для кого и ни для чего. Дабы истребить пренія о несправедливости, надобно начать съ того, чтобы ихъ вновь не дѣлать; иначе силы произволенія будутъ поправляться силою. Вѣчно будетъ сила и никогда не будетъ закона.» *

Мнѣніе объ Эмбенскихъ ловляхъ надолго упрочило славу Мордвинова. Оно не было результатомъ временной вспышки, желанія стать въ извѣстную позу. Въ теченіе его долгой общественной дѣятельности, ему часто приходилось отстаивать твердость законовъ и права частныхъ лицъ.

Въ 1811 г., когда Мордвиновъ былъ уже предсѣдателемъ департамента экономіи, ему пришлось горячо защищать право подрядчиковъ противъ казны. Извѣстно въ какомъ печальномъ положеніи находились наши финансы и какъ пало достоинство ассигнацій. Курсъ ассигнаціоннаго рубля понизился до 25 коп. Въ 1810 г. правительство официально признало этотъ фактъ. Само собою разумѣется, что подрядчики, заключившіе контракты съ казною на прежнемъ основаніи, просили освободить ихъ отъ обязательствъ. Но казенныя вѣдомства не соглашались. Мордвиновъ подалъ мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Всѣмъ очевидно, что вещи возвышаются въ цѣнѣ, отъ уничтоженія въ своемъ достоинствѣ ассигнаціоннаго рубля.

«Правительство въ манифестахъ своихъ торжественно признало,

---

* См. *Иконникова*: Графъ Мордвиновъ, стр. 37 и слѣд. Почтенный авторъ напечаталъ этотъ документъ въ первый разъ.

что уничтоженіе сіе произошло отъ выпуска имъ чрезмѣрнаго числа ассигнацій.

«Послѣ такого признанія, можетъ-ли оно, безъ нарушенія справедливости, отказывать кому либо изъ частныхъ людей, вошедшихъ съ нимъ въ обязательства, въ освобожденіи его отъ продолженія оныхъ? Ибо, кто изъ нихъ могъ предполагать, чтобы правительство не удержало въ надлежащей цѣнѣ денегъ своихъ, а и того болѣе чтобы оное само тому содѣйствовало?»

«Отказывать въ столь справедливомъ требованіи, значило-бы изъявлять желаніе получить вещи на счетъ подрыва и разоренія частныхъ лицъ, не за истинныя, какъ обходятся въ дѣйствительной покупкѣ, цѣны, но за половинныя, и менѣе, да еще и тогда, какъ происшедшему возвышенію цѣнъ само же оно сдѣлалось причиною. Отказъ таковой не только не былъ-бы согласенъ съ правдою, которую паче всего уважать должно, но и было-бы противно тѣмъ высокимъ понятіямъ, какія всякъ долженъ имѣть о чести и достоинствѣ правительства.

«Ежели и для всякаго частнаго человѣка предосудительно основывать выигрыши свои на развалинахъ благосостоянія ближнихъ своихъ, то тѣмъ болѣе неужѣстно было бы это въ отношеніи высочайшей особы государя императора, не иначе всѣми понимаемой, какъ за образецъ совершеннаго безкорыстія, честности, правды и всякихъ добродѣтелей.

«Святость контракта, обязуя одну сторону выставлять какой либо товаръ въ томъ качествѣ и количествѣ, какъ назначено въ условіяхъ, налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на другую непреложный долгъ платить за оный деньги въ положенное время и въ истинной неизмѣняемой ихъ цѣнѣ, а не 25 копѣечниками».

По другому подобному поводу, Мордвиновъ высказалъ замѣчательную для его времени мысль, что «казенная копѣйка должна, какъ и всѣ прочія, по естественному закону, тонуть и горѣть».

Понятно само собою, какъ Мордвиновъ долженъ былъ отнестись къ тѣмъ реформамъ, которыя, по его мнѣнію, должны были обезпечить господство закона — къ раздѣленію властей и улучшенію судебной власти. Въ 1802 г. въ официальныхъ сферахъ возникъ

вопросъ о реформѣ сената, пришедшаго въ крайній упадокъ въ царствованіе императора Павла I. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ различныхъ предположеній, высказанныхъ по этому случаю. Мордвиновъ высказался не только за возвращеніе сенату его прежняго значенія, но и за усиленіе его. «Права въ отношеніяхъ къ государственному благу, для твердости ихъ должны имѣть опору, *in grade*, а не должны быть основаны на нѣкоторыхъ малочисленныхъ лицахъ; ибо таковое основаніе легко можетъ быть отиѣнено, уничтожено, ибо какую опору можетъ доставлять малое число лицъ? Доколѣ сенатъ не будетъ *избранный*, то въ настоящемъ положеніи онъ не имѣетъ достаточной власти и силы. Но желательно чтобы сенатъ сдѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое-же уваженіе». * По плану Мордвинова сенатъ долженъ былъ состоять изъ лицъ назначаемыхъ государемъ и избираемыхъ отъ губерній (по 2) губернскими собраніями на 3 года.

Мордвиновъ горячо привѣтствовалъ учрежденіе министерствъ, въ которомъ онъ видѣлъ зародышъ дальнѣйшихъ преобразованій. Министерства и государственный совѣтъ были, какъ извѣстно, только отрывками обширнаго плана преобразованій, задуманнаго Сперанскимъ. Но они и остались такими отрывками. Самъ Сперанскій въ 1811 г. увидѣлъ, что учрежденію министерства не достаетъ многого, и что, главнымъ образомъ, недостаточны постановленія объ *отвѣтственности* министровъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и Мордвиновъ. Но въ Россіи послѣ небольшого періода преобразовательныхъ стремленій, подготовлялось уже время господства иныхъ началъ, характеризующихъ именемъ Аракчеева. Ссылка Сперанскаго, удаленіе Мордвинова, торжество Балашовыхъ, Армфельдовъ и другихъ лицъ, предвѣщало суровую пережѣву. Симптомы ея обнаружили рано. Это видно изъ письма одного изъ лучшихъ людей того времени, графа С. С. Уварова, къ одному изъ лучшихъ людей Германіи, ба-

---

* Выраженіе «знатное сословіе», не должно, сколько мнѣ кажется, понимать въ смыслѣ «аристократіи». На языкѣ александровскаго времени, «сословіе» означало «коллегію». Въ такомъ смыслѣ государственный совѣтъ названъ «сословіемъ лицъ».

рону Штейну. Оно помѣчено 18 ноября 1813 г. Вотъ что писалъ, между прочимъ, графъ:

«Путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣянная мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и, между прочимъ, дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями (какъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа). Нѣтъ ничего благодарнѣе, или точнѣе, *невозможнѣе* ихъ. Я не мечта-тель, какъ вы знаете: я люблю дѣла и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства. Вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; не смотря на все это, я дошелъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на пути, который я собѣ начерталъ, и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ; честью, здоровьемъ, убѣжденіемъ, вещественнымъ благосостояніемъ. Не думайте, чтобы въ словахъ моихъ было хотя малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который-бы не жегъ; другіе (а ихъ всего больше) выдаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги, Моро и Робеспьера, бредни Ш... и открытія Лейбница; словомъ это такой хаосъ кривовъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Выдаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборники иностранныхъ идей, иллюминаты, философъ, франъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе».

Преобразовательныя стремленія остановились надолго. Новообразованные органы государственнаго управленія продолжали дѣйствовать безъ измѣненій. Черезъ много лѣтъ, именно въ 1827 году, 73-лѣтній Мордвиновъ представилъ новому государю свое «мнѣніе о коллегіальномъ и министерскомъ управленіи въ Россіи». Здѣсь онъ оцѣниваетъ результаты учрежденій, которыя онъ самъ нѣкогда привѣтствовалъ. Это мнѣніе на столько замѣчательно, что его полезно будетъ привести въ обширныхъ выпискахъ.

«Россия, говоритъ Мордвиновъ, со времени образованія ея Петромъ Великимъ, около столѣтїя управлялась коллегіями. Но когда предѣлы сего царства получили обширнѣйшее пространство, и когда народъ російскій вошелъ въ новыя нужды и достигъ той степени просвѣщенія, при которыхъ коллегіальное управленіе признано было останавливающимъ дальнѣйшіе успѣхи его усовершенствованій, необходимо нужные, какъ для общаго благосостоянія, такъ и для частныхъ соотношеній и пользы, то блаженной памяти императоръ Александръ I уничтожилъ коллегіи и учредилъ министерства, дозволивъ имъ отступать отъ законовъ, но только отвѣчать за послѣдствія.* Съ тѣхъ поръ въ правленіи Россіи не всегда слѣдовали законамъ, а болѣею частью оно стало производиться по министерскимъ мнѣніямъ, кои государь императоръ утверждаетъ, и мнѣнія часто замѣняли законы.

«Сколь ни уважительна была для такой перемѣны причина и сколь, по видимому, ни полезнымъ казалось учрежденіе министерствъ, но уничтоженіе власти, исполняющей свято законы, и замѣщеніе оной другою, ничѣмъ не ограниченою и свободною, по умозаключеніямъ своимъ дѣйствующею, могло сдѣлать управленіе Россіи не твердымъ, часто измѣняемымъ, часто произвольнымъ, всегда зависящимъ отъ умственныхъ способностей и душевыхъ качествъ правителей. Но Сюлли, Кольберты и Питты рѣдко являютя, а потому не всегда можно одному лицу, безъ нѣкоего опасенія предоставлять право отклоняться отъ законовъ и измѣнять оныя.

«Отъ ослабленія-же силы законовъ и постояннаго ихъ дѣйствія послѣдовали въ государственномъ благоустройствѣ многія неудобства.

«Неудобства еще болѣе начали возникать, когда министры успѣли отклонить отъ себя возложенную на нихъ учрежденіемъ отвѣтственность. Она единая могла воздержать самовластіе, остеречь въ предпріятіяхъ, остановить самонадѣянность, оградить права личныя и относящіяся къ собственности подвластныхъ имъ людей, увеличить

---

* Мордвиновъ говоритъ здѣсь о той доли дискреціонной власти, какая принадлежитъ, для исключительныхъ случаевъ, исполнительній власти, подъ условіемъ отвѣтственности. Ср. Св. З. Т. I, учр. Минист. ст. 195.

ихъ заботливость о доставленіи каждому и всѣмъ вообще высшей степени благосостоянія.

«Но министры, дабы выйти изъ такой отвѣтственности, которая могла быть для нихъ тягостною, открыли легчайшій въ тому способъ въ самомъ учрежденіи *комитета министровъ*. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ дѣламъ, а потомъ и всѣ безъ изъятія, и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія-бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ министровъ и утверждено высочайшею властью, до нихъ лично коснуться не можетъ.

«Сему самому начали слѣдовать и всѣ подчиненныя имъ лица и мѣста, такимъ образомъ, что ни одинъ чиновникъ и никакое присутственное мѣсто не могутъ быть закономъ преслѣдуемы.

. . . . .

«Въ такомъ положеніи правительства, не только не могъ ускориться ходъ дѣлъ, но каждое дѣйствіе встрѣтило новое препинаніе и предполагаемая поспѣшность въ исполненіи замѣнилась *сочиненіемъ бумагъ*. Онѣ размножились до безконечности, и дѣло, которое могло бы, при твердомъ соблюденіи законовъ, разрѣшиться капитанъ исправникомъ или городничимъ, проходить по разнымъ высшимъ инстанціямъ и оставляется безъ исполненія продолжительное время, а когда получается разрѣшеніе, то нерѣдко бываетъ, что оно не согласно съ случаемъ и неудобноисполнимо по мѣстнымъ обстоятельствамъ».

Затѣмъ Мордвиновъ разсматриваетъ невыгодныя послѣдствія такого порядка вещей для судебной власти, которая терпитъ, по его заявленію, отъ вмѣшательства въ ея область комитета министровъ.

«Всегда и вездѣ, продолжаетъ онъ, признаваемо было за непреложную истину, что *раздѣленіе властей* составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой.

. . . . .

... «Нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно-же водворилась дикость, уныніе и нищета. Нынѣ въ Аѳинахъ живутъ пастухи и гдѣ поучали Платоны и Сократы, тамъ кружатся съ крикомъ дerviши и бѣснуются юродивые умошъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно смѣшеніе властей, поставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здоровьи и силѣ царствъ земныхъ».

Самъ Мордвиновъ предлагалъ соединить начала управленія министерскаго съ коллегіальнымъ, въ которомъ онъ, опираясь на мнѣніе Петра Великаго, видѣлъ главное основаніе законности въ монархіи.

Особенное вниманіе его обращалъ вопросъ объ усовершенствованіи судебной части и исправленіи нашихъ уголовныхъ законовъ. Его рѣчи противъ смертной казни и кнута и въ настоящее время не потеряли своего значенія. Рѣчь противъ смертной казни представляетъ, кромѣ глубокихъ теоретическихъ соображеній, еще замѣчательное изъясненіе духа и смысла знаменитаго указа 1754 года, которымъ отмѣнялась смертная казнь. * «О исправленіи преступника, говоритъ онъ между прочимъ, никогда сомнѣваться не должно; не должно лишать себя надежды возвратитъ нѣкогда государству полезнаго гражданина, оставившаго прежнія заблужденія». Затѣмъ Мордвиновъ доказывалъ, что указъ 1754 г. дѣйствительно *отмѣнилъ* смертную казнь въ принципѣ. Говоря противъ кнута и клеймъ, онъ взывалъ, главнымъ образомъ, къ уваженію, къ достоинству человѣка и достоинству самого государства.

«Съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени, такъ начинается мнѣніе Мордвинова, когда европейскіе народы отмѣнили пытки, они истребили и орудія, которыми производимы были мученія. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, бывшее въ употребленіи при пыткахъ, одно названіе котораго поражаетъ ужасомъ русскій народъ и даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заклю-

---

* Замѣчательно, что Мордвиновъ родился именно въ этомъ году.

чать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи, безъ просвѣщенія и *нравственныкъ понятій о челоѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ*.

Описавъ ужасъ и неравномѣрность тѣлеснаго наказанія, Мордвиновъ продолжаетъ: «доколѣ кнутъ будетъ существовать въ Россіи, втуѣ мы будемъ заниматься уголовнымъ уставомъ. Съ употребленіемъ кнута напрасны будутъ уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи мѣры наказанія. Дѣйствіе законовъ, исполненіе приговора и мѣры наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который ста ударами сдѣлаетъ наказаніе легкимъ, десятию жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ.....»

«Законъ христіанскій, исповѣдуемый нами, возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію, и началомъ всѣхъ добродѣтелей ставитъ любовь къ ближнему, къ *челоѣку*, который носитъ на себѣ печать величія и благодати Творца».

Таже мысль проникаетъ и возраженіе противъ наложенія клеймъ на лицѣ преступника.

«*Лицо челоѣка*, говоритъ Мордвиновъ, *Творецъ оживотворилъ чувствами души и знаменіями ума*. Эта одушевленная часть тѣла не долженствовала бы быть мѣстомъ поруганія, тѣмъ болѣе, когда однажды положенное пребываетъ неизгладимымъ».

Жалкое состояніе судебныхъ мѣстъ часто вызывало «мнѣнія» удивительнаго старца. Онъ ясно видѣлъ, что одними палкательными мѣрами нельзя достигнуть великой цѣли обезпеченія правосудія. Въ 1827 г. онъ высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Доколѣ будетъ существовать у насъ *тайное производство дѣлъ*, судьи не будутъ излагать мнѣній и заключеній своихъ при открытыхъ дверяхъ, и доколѣ честолюбіе, свойственное каждому челоѣку и сильнѣе всѣхъ другихъ страстей на него дѣйствующее, не будетъ подвержено *сужденію народнаго мнѣнія съ похвалами или укоризнами*, лихоимство трудно искоренить, ибо тайный судъ влечетъ за собою удобно и тайныя злоупотребленія, а тяжущіеся, по самой необходимости, вынуждаются быть лиходелами».

IV.

Всѣ формальныя обезпеченія личныхъ правъ, вся твердость закона не достигаетъ своей цѣли, если самое *содержаніе* закона не удовлетворительно и если общественныя условія не вызываютъ того, для чего нужны личныя гарантіи — личной предприимчивости и творчества.

Мы обратимся теперь къ этой сторонѣ дѣятельности Мордвинова. Обширное поле представлялось его критическому уму и преобразовательнымъ стремленіямъ. Его «мнѣнія» столько-же обширны и разнообразны, какъ вопросы, ихъ вызвавшіе. Содержаніе ихъ вообще можетъ быть очерчено однимъ знаменитымъ изреченіемъ адмирала:

«Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка; предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ его Богъ сотворилъ, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала. Мѣра свободы есть мѣра приобрѣтаемаго богатства. Учредите общественную пользу на частной».

Приступая къ частностямъ, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ, какъ Мордвиновъ относился къ тому явленію, которое было главнѣйшимъ препятствіемъ правильнаго развитія Россіи — къ *крѣпостному праву*. Извѣстно съ какою силою былъ поднятъ этотъ вопросъ вначалѣ царствованія Александра I и какъ рѣзко опредѣлилось положеніе двухъ различныхъ партій, изъ которыхъ одна (Ростопчинъ, Державинъ и др.) столько противодѣйствовала всѣмъ попыткамъ преобразованія, а другая (главнымъ образомъ братья Тургеневы) полагала, что отмѣною крѣпостнаго права должны быть начаты всѣ другія реформы. Мордвиновъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой партіи. Но изъ этого ни какъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ противникомъ эмансипаціи. Сколько можно понять изъ отзывовъ Н. И. Тургенева (*La Russie et les Russes*), человѣка наиболѣе компетентнаго въ этомъ дѣлѣ, споръ между нимъ и Мордвиновымъ шелъ только *о мѣстѣ* предполагаемой реформы въ ряду другихъ и *о способѣ* ея осуществленія. Тургеневъ полагалъ что расширенію политическихъ правъ высшихъ сословій должно предшествовать освобожденіе крестьянъ отъ частной зави-

симости, что «грѣшно думать о свободѣ политической» тамъ, гдѣ миліоны не имѣютъ еще свободы естественной, и что эмансипація должна совершиться разомъ, актомъ верховной власти. Мордвиновъ думалъ прежде всего о расширеніи политическихъ правъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность быстрого освобожденія крестьянъ — разомъ приобретенная свобода казалась ему непрочною. Притомъ освобожденіе крестьянъ отъ частной зависимости казалось ему *одною* изъ иждр освобожденія крестьянъ отъ зависимости и возбужденія народной дѣятельности». Онъ понималъ (что немногіе видѣли въ его время), что кромя частнаго крѣпостнаго права, есть еще государственное закрѣпощеніе крестьянъ, вытекающее изъ неправильной финансовой системы, и стѣсняющее правильное развитіе народнаго хозяйства.

Какъ онъ *вообще* смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ, видно изъ слѣдующихъ словъ его: «болѣе сорока миліоновъ душъ народа составляютъ рабовъ казны и дворянскому сословію въ собственность принадлежащихъ. Умъ и руки рабовъ неспособны къ порожденію богатства. Свобода, собственность, просвѣщеніе и правосудіе суть единственные источники онаго».

Мордвиновъ не останавливался на однихъ общихъ взглядахъ и благопожеланіяхъ. Въ 1818 г. онъ подалъ проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ на слѣдующихъ началахъ.

«Въ природѣ, говоритъ онъ, мы видимъ что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя-же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри и бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія... Народу, пребывшему вѣка безъ сознанія гражданской свободы, даровать ее изреченіемъ на то воли властителя — возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу даровать законоположеніемъ — не возможно. Въ семъ соображеніи, дарованіе свободы тогда только не сопровождается ни какими ощутительными неудобствами, ни вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностію, когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и одновременно, безъ воззрѣнія на степень просвѣщенія и спѣлости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, *но когда благо это представляется въ*

видъ награды трудолюбія и приобретаемому умомъ достатку, ибо этимъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданскаго состоянія. И такъ, одно *способствованіе*, какое предержащей властью можетъ оказано быть народу въ достиженіи независимаго состоянія безопасно, заключается въ томъ, если *тѣра освобожденія* отъ зависимости учреждена будетъ закономъ».

Подъ именемъ «мѣры освобожденія» Мордвиновъ разумѣлъ *размѣръ выкупной цѣны*, которая должна быть (для разныхъ возрастовъ различно) опредѣлена закономъ. Внося ее, крестьянинъ ipso jure становился свободнымъ.

Идея, содержащаяся въ мнѣніи Мордвинова, очень ясна. Крестьяне, при содѣйствіи закона, должны, такъ сказать, *заоевать себѣ свободу своимъ трудомъ*. Тогда только она будетъ прочнымъ ихъ достояніемъ, тогда только они будутъ умѣть пользоваться этимъ благомъ. Онъ постоянно настаивалъ на необходимости приступить къ реформѣ; въ 1833 г. онъ горько жаловался: «со временъ Петра Великаго скорбимъ о судьбѣ рабовъ нашихъ, крестьянъ, и за всѣмъ тѣмъ, оставляя въ полной силѣ рабство, не испытываемъ-ли одну суету заботъ? Всякое предпріятіе безъ начала никогда не поведетъ къ назидательному успѣху. Кто не вступаетъ на прямую стезю, тотъ на пути заблуждается и не достигнетъ своего мѣста».

Если Мордвиновъ и заслуживаетъ, въ данномъ случаѣ, упрековъ, то во первыхъ они относятся въ равной мѣрѣ ко всѣмъ эмансипаторамъ александровской эпохи, не исключая Тургеневыхъ. У нихъ не было мыслей объ освобожденіи крестьянъ *съ землею*, потому что важный экономическій вопросъ о пролетаріатѣ не представлялся еще умамъ тогдашняго общества. Далѣе, совершенно ложною представляется мысль, что личная свобода подлежитъ выкупу. Смѣло можно сказать, что еслибы планъ Мордвинова былъ принятъ, вопросъ объ эмансипаціи затянулся-бы на безконечное число лѣтъ. Но не должно забывать, что Мордвиновъ твердо стоялъ на почвѣ тогдашнихъ юридическихъ и экономическихъ воззрѣній и что планъ выкупа былъ результатомъ не своекорыстныхъ реакціонныхъ соображеній, какъ у Ростопчина, а глубоко-продуманныхъ соображеній, отъ которыхъ онъ не отступалъ. Что касается теоріи *постепенности*, то мы, не

задумавшись отвергли-бы ее въ царствованіе императора Александра II. Зло было уже слишкомъ чувствительно, вѣрнопостное право во второй половинѣ XIX ст. было черезъ чуръ большимъ анахронизмомъ, чтобы думать о «постепенномъ» его уничтоженіи. Но въ царствованіе Александра I въ пользу постепенности можно было привести много доводовъ, хотя бы тотъ, что тогдашнее правительство рѣшилось бы, на такихъ основаніяхъ, приступить къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса и тѣмъ облегчить задачу будущихъ поколѣній.

Наибольшую извѣстность Мордвиновъ приобрѣлъ себѣ своими мнѣніями о финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ. Не обозрѣвая ихъ во всей подробности, остановимся на тѣхъ частяхъ, въ которыхъ болѣе всего выражается основное стремленіе Мордвинова «учредить общественную пользу на частной», и вызвать къ полезной дѣятельности народныя силы.

Адмиралъ, съ самаго учрежденія государственнаго совѣта, напалъ на плохое управленіе государственнымъ казначействомъ и безмѣрный выпускъ ассигнацій, породившій упадокъ курса и общее разстройство.

«Исторія всѣхъ народовъ, писалъ онъ, повѣствуетъ грозно и доказываетъ убѣдительно, что возвышеніе и упадокъ, богатство и скудность, сила и слабость царствъ, зависятъ непосредственно отъ мѣръ, принимаемыхъ по управленію государственнымъ казначействомъ. Съ этимъ благоденствіе частное и всѣхъ вообще соединено неразрывно.

«Никакая мѣра, разстроивающая государственное казначейство, не можетъ истощить надъ нимъ единымъ пагубнаго вреда своего, но выходитъ въ наружу и дѣйствуетъ на всѣ частныя имущества, въ ущербъ и часто въ самое потребленіе ихъ...

«Но изъ всѣхъ наиболѣе государственное казначейство разстроивающихъ мѣръ, признано уже вреднѣйшею излишество бумажной монеты противъ должнаго количества, удерживающаго единство монеты.

«Съ этимъ тѣсно соединены: достоинство имущества, успѣхъ промышленности, надежный ходъ торговли, взаимное довѣріе, внутренняя тишина, благость нравовъ, довольство частное и богатство общественное. При немъ только силенъ царь, силенъ и народъ. Безъ него

труды. Поднять производительность страны путем поощрения, освобождения и просвѣщенія народнаго труда; охранить трудовую личность отъ несправды финансовой, отъ извращенія, зависящаго отъ ложной системы обложенія— таковы цѣли воодушевлявшія Мордвинова.

Еще въ 1801 г. онъ созналъ великое значеніе кредита, въ смыслѣ силы, вызывающей къ дѣлу народную предпримчивость. Въ этомъ году онъ представилъ государю проектъ «трудо-поощрительнаго банка». По мысли автора, цѣль банка заключалась въ томъ, чтобы всѣми образами вспомошествовать, поощрять и возбуждать охоту къ трудолюбію, какъ источнику, изъ котораго протекаетъ богатство, изобиліе, сила и благоденствіе народное, а потому всякій, искусный въ хозяйственныхъ заведеніяхъ, но не имѣющій достатка къ произведенію своихъ умозрѣній въ дѣйство, прибѣгаютъ съ просьбою къ главному правленію и получаютъ отъ него руку помощи».

Проектъ этотъ остался безъ движенія. Но Мордвиновъ неутомимо проповѣдывалъ о необходимости дать кредитнымъ установленіямъ болѣе широкое развитіе. Въ 1811 г. онъ написалъ проектъ объ учрежденіи частныхъ банковъ по городамъ; въ 1816 всѣ его идеи по этому предмету были изложены въ сочиненіи: «Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ». Оно выдержало три изданія въ Россіи, не смотря на полное равнодушіе къ нему сферъ оффиціальнаго и литературнаго. Но за границею, гдѣ сочиненіе Мордвинова стало извѣстно по французскому переводу, оно вызвало сочувственные отзывы въ журналахъ и ученой литературѣ.

Трудъ необходимо было не только поощрять, но и освободить. Трудъ, закованный въ рамки крѣпостнаго права (для крестьянъ), цеховыя и гильдейскія формы (для купцовъ и ремесленниковъ), не представлялъ ручательства для экономическаго прогресса страны. Въ 1826 г. Мордвиновъ подалъ новому государю много проектовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ: «начертаніе мѣръ, коими постепенно возможно было бы улучшить народное благосостояніе и государственные доходы». Здѣсь, какъ и въ другомъ специальномъ

нѣніи, Мордвиновъ настаиваетъ на уничтоженіи гильдій, скывающихъ торговлю и промышленность, на освобожденіи крестьянъ отъ личныхъ повинностей, съ замѣною ихъ вольнымъ наймомъ, на облегченіи перехода крестьянъ въ торговые и городскіе классы; на *опредѣленіи закономъ цѣны* для выкупа крестьянъ отъ помѣщиковъ и т. д.

Въ слѣдующемъ году, по поводу обзорѣнія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, Мордвиновъ имѣлъ случай высказать снова свои взгляды на экономическую политику. Онъ настаивалъ на необходимости сокращенія арміи, по крайней мѣрѣ до 400.000 и расходовъ на 50 миліоновъ. На эти сбереженія правительство могло-бы сдѣлать много для улучшенія хозяйственнаго быта страны, именно устроить *железныя дороги*, снять подати съ капиталовъ, объявить свободу внутренней торговли, отмѣнить личную повинность крестьянъ, учредить сельскіе вспомогательные банки, увеличить бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія и судебнаго вѣдомства и т. п.

Не менѣе важны мнѣнія Мордвинова о просвѣщеніи и должноѣмъ направленіи народнаго труда. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность разнообразна. Во первыхъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ настаивалъ на необходимости общаго образованія и притомъ образованія въ массѣ. «Просвѣщеніе, говаривалъ онъ, есть начало народнаго богатства. Не руки человѣка даютъ плодородіе землѣ; не ими процвѣтаютъ искусства, торговля, промышленность; не ими умножаются и возрастаютъ денежныя капиталы: умъ и наука суть орудія богатства». Вслѣдствіе этого, онъ постоянно предлагалъ увеличить средства министерства народнаго просвѣщенія, расширить кругъ его задачъ, не жалѣть денегъ на учрежденіе сельскихъ школъ, народныхъ читаленъ, публичныхъ библиотекъ, устраивать публичныя лекціи по предметамъ общепользнымъ.

Во вторыхъ, адмиралъ спеціально нападалъ на отсталость Россіи въ отношеніи экономическаго образованія. Его поражало отсутствіе у насъ техническихъ свѣдѣній, отъ котораго зависитъ отсталость системъ сельскаго хозяйства. Онъ горько жаловался и на самое *направленіе* промышленности. Его поражалъ тотъ знаменательный

фактъ, что промышленность направлена на производство ненужныхъ предметовъ роскоши больше, чѣмъ на производство предметовъ первой и ежедневной необходимости.

«Лестъ, писалъ онъ, громко твердить, что Россія во всемъ преуспѣваетъ и ходъ ея просвѣщенія гораздо быстрѣе, въ сравненіи съ другими народами. Не говоря уже о противномъ тому, куда мы ни обратимся по внутреннимъ ея дорогамъ, стоитъ только выѣхать изъ воротъ Петербурга и Москвы, то должны будемъ убѣдиться, что Россія находится и нынѣ въ дикомъ, и неблагообразномъ древнемъ ея видѣ. Первая, процвѣтавшая въ Россіи фабрика, была *парчевая*. За пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы выливали зеркала такой величины, какой ни одна роскошнѣйшая въ Европѣ страна не имѣла; дѣлали *фарфоровыя вазы*, огромностию, живописью и позолотою удивлявшія иностранцевъ, но не было у насъ ни хорошихъ для оконъ *стеколъ*, ни *глиняной посуды*, необходимо нужныхъ для каждаго дому; гранили хрусталь на подобіе драгоценныхъ камней, но не имѣли бутылокъ; имѣли столы съ преузорочною на нихъ наклеюю изъ разноцвѣтныхъ деревьевъ, но топорами въ лѣсахъ обдѣлывали доски и домашнюю утварь; построили въ Ямбургѣ огромнѣйшія зданія для суконной фабрики, а на овцахъ нашихъ росла простая, грубая шерсть, и обширныя степи наши лежали впустѣ, безъ овецъихъ стадъ; кареты наши не уступали англійскимъ, но на торговыхъ площадяхъ нашихъ видимъ чухонскія двухколесныя тележки; носимъ московскаго произведенія тафту, гродетуръ и атласъ, а полотна на рубашки наши покупаемъ у голландцевъ и англичанъ; вышиваемъ золотыми нитями блестящіе уборы, льняныя-же нитки сучимъ на веретенахъ, намачивая онны слюною, при лучинѣ, на верстахъ свѣтлицей; украшаемъ дома наши бронзою собственнаго рукодѣлія, а мѣдъ очищаемъ не иначе, какъ очищали ее въ другихъ странахъ за 80 лѣтъ назадъ; дѣлаемъ отличные ланцеты и хирургическіе инструменты, а серпы, косы, ножи и вилки выписываемъ изъ чужихъ краевъ; имѣемъ великолѣпный С.-Петербургскій ботаническій садъ, со всѣми рѣдкими произрастеніями отдаленнѣйшихъ странъ міра, а на поляхъ нашихъ повсемѣстно существуетъ паренина, изнуряющая скотъ; имѣемъ огромныя и многочисленныя зданія, но нѣтъ у насъ ни од-

ного малаго дома для школы взаимнаго обученія; С.-Петербургъ, великолѣпнѣйшій въ мірѣ городъ, окруженъ болотами какъ драгоценный брилліантъ, въ свинець обложенный; всѣ мы почти говоримъ и пишемъ по французски, а своего природнаго русскаго языка не знаемъ».....

Какое обширное поле для каждаго, кто захотѣлъ бы дать силамъ своего отечества новое и лучшее направленіе! Къ сожалѣнію, людей подобныхъ Мордвинову вездѣ немного. Но за то эти «немногіе» надѣляются способностію къ неутомимой и разнообразной дѣятельности. Кромѣ «миръной», подаваемыхъ въ государственный совѣтъ и лично государю, Мордвиновъ вліялъ на улучшеніе экономическаго быта другимъ путемъ, болѣе практическимъ. Именно, онъ воспользовался своимъ положеніемъ президента вольнаго экономическаго общества для того, чтобы осуществить по возможности многіе изъ своихъ плановъ. Таковы его заботы о распространеніи и организаціи оспопрививанія, улучшеніи гигиеническихъ условий, системъ и орудій сельскаго хозяйства, учрежденіи публичныхъ библіотекъ, публичныхъ лекцій по предметамъ сельскаго хозяйства, изданіи полезныхъ книгъ, причемъ онъ самъ былъ авторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Настаивая на поощреніи и свободѣ народнаго труда, Мордвиновъ старался привести въ связь коренныя начала свободнаго производства съ началами государственнаго хозяйства, отсталость котораго въ Россіи онъ смѣло обличалъ. Основныя воззрѣнія на соотношеніе частнаго и государственнаго хозяйствъ высказаны имъ въ его трудѣ о банкахъ. Сравнивая экономическое положеніе Англіи и Франціи, онъ говоритъ между прочимъ:

«При всѣхъ естественныхъ неудобствахъ Англіи, ея сельское хозяйство, скотоводство, города, флотъ, порты, внутреннія сообщенія достигли совершенства... Но что произвело такое преуспѣяніе Англіи? Во первыхъ, благоуваженіе къ частной собственности, справедливѣе сказать умѣренность прикосновенія къ оной, взимая общественные доходы не отъ капиталовъ частныхъ, но отъ доходовъ получаемыхъ съ капиталовъ; во вторыхъ, полезная древняя переимѣна личныхъ повинностей въ денежныя, уравниныя по всѣмъ состояніямъ; наконецъ, утвержденіе народнаго довѣрія на неизмѣнной правотѣ, по-

стоянныхъ правилахъ и строгости законовъ, охраняющихъ всякую собственность».

Съ этой точки зрѣнія Мордвиновъ разбиралъ систему налоговъ какъ существовавшихъ, такъ и вновь предлагавшихся на разсмотрѣніе государственному совѣту. Въ 1821 г. графъ Гурьевъ представилъ проектъ вѣсколькихъ новыхъ пошлинъ, поражающихъ разныя имущества и гражданскіе акты, именно пошлинъ съ наслѣдствъ, съ духовныхъ завѣщаній и т. п. Возражая противъ проекта, Мордвиновъ высказалъ слѣдующее общее положеніе:

«Учреждаемые вновь министромъ финансовъ налоги *лежатъ на капиталахъ*. Сколь невыгодно и опасно къ нимъ прикасаться, ближайшимъ примѣромъ служить Франція. Она взидала государственные доходы болѣе изъ капиталовъ, нежели *изъ доходовъ* частныхъ людей и, слѣдуя этому порочному управленію финансовъ, менѣе получала доходовъ съ двойнаго числа народа, нежели Англія съ половиннаго...

«Налоги всегда порочны и не хозяйственны, когда бываютъ взимаемы не изъ доходовъ, получаемыхъ частными людьми, но изъ капиталовъ, приносящихъ имъ доходы; ибо цѣлостъ частныхъ капиталовъ увеличиваетъ и общее богатство народа, а съ оскудѣніемъ ихъ, естественно, что и государственное казначейство не можетъ почерпать впредь своихъ доходовъ въ изобильномъ количествѣ. Подобные налоги и самую цвѣтущую и богатыми жатвами покрытую землю превращаютъ въ дикую и безплодную пустыню; поля и города древней Греціи преобразуютъ въ удѣлы, принадлежащія теперь турецкому владычеству».

Такъ за пятьдесятъ лѣтъ до нашего времени Мордвиновъ защищалъ систему *подоходнаго налога* и доказывалъ необходимость перемѣны личныхъ повинностей, лежащихъ исключительно на низшихъ классахъ, въ денежныя, притомъ «уравненныя по всѣмъ состояніямъ».

Нечего объяснять, какъ относился онъ къ такимъ формамъ налоговъ, успѣхъ которыхъ свидѣтельствуетъ объ упадкѣ народной ответственности и обыкновенно не мыслимъ безъ разстройства существенныхъ экономическихъ силъ. Мы говоримъ объ *откупной* системѣ, всегда имѣвшей въ немъ непримиримаго врага. Въ 1838 г., по по-

воду возобновленія питейнаго откупа на новое четырехлѣтіе, Мордвиновъ представилъ въ государственный совѣтъ слѣдующее мнѣніе:

«Во всю мою жизнь я пламенѣлъ желаніемъ зрѣть въ полномъ счастіи отечество мое и въ немерцающей славѣ всеавгустѣйшихъ монарховъ моихъ. Если бы пламень сихъ чувствованій, когда уже стою я при дверяхъ гроба, и могъ угаснуть и оставалась-бы одна искра прежней моей горячности, то и тогда я не умолчалъ-бы высказать правду предъ тѣмъ, коего твердой волѣ предвѣчныя судьбы предоставилъ, на пространѣйшей площади земнаго шара, устроить благоденствіе многочисленнѣйшаго народа.

«Сколь торжественно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, стоящемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе; ибо само правитель-ство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться только каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащею рукою пьяницы; — видѣть въ цѣловальникѣ представителя власти... предавшей ему за депьги такое право; видѣть въ каждомъ человѣкѣ, выходящемъ изъ кабака, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ, уготованнымъ на всякое злодѣяніе; видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ; видѣть погрязшими въ сѣмъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому; видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые; и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи, есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распро-страненіе пьянства въ народѣ, — все сіе возбраняетъ мнѣ утвердить подписью моею то, что я нахожу совершенно вреднымъ и для миль-оновъ народа и для всего государства».

Таковъ былъ этотъ государственный человѣкъ дней минувшихъ. Послѣ всего сказаннаго врядъ-ли необходимо еще разъ обращаться къ оцѣнкѣ того, что каждымъ можетъ и должно быть оцѣнено по достоинству. Нельзя не обратить вниманія только на одно обстоя-тельство, важное для нашего времени. Перечитывая мнѣнія Мордвина и труды лучшихъ изъ его современниковъ, нельзя не замѣтить

что ихъ волновали тѣ же стремленія и цѣли, какія находятъ себѣ выраженіе въ преобразованіяхъ нашего времени. Не одна отмѣна крѣпостнаго права занимала всѣ умы. Реформы въ области государственнаго хозяйства, въ судѣ, въ администраціи, въ хозяйственной политикѣ, въ народномъ образованіи, въ системѣ повинностей, волновали лучшіе умы нашего общества съ начала нынѣшняго столѣтія. Какой урокъ для тѣхъ, чьи своекорыстные возгласы набрасываютъ тѣнь на все совершившееся съ 1861 г., чьи мнѣнія влоняются къ доказательству преждевременности и поспѣшности совершившагося. Давайте намъ больше матерьяловъ нашей современной исторіи, выводите на свѣтъ лежащія еще подъ спудомъ думы и желанія людей прошлаго и всѣмъ будетъ ясно, что все совершившееся нынѣ не есть прихоть минуты, плодъ увлеченія модною идеею, а священный завѣтъ лучшихъ изъ предковъ нашихъ, выносившихъ его въ своемъ умѣ и сердцѣ. Если бы наше время не приняло эти послѣднія мысли за священный залогъ, они превратились-бы въ осужденіе ему. Если въ доказательство «несвоевременности и поспѣшности» любятъ приводить отдѣльные факты неудачнаго примѣненія новыхъ законовъ — факты, извѣстность которыхъ зависитъ также отъ одного изъ лучшихъ достояній нашего времени, гласности, тогда какъ многочисленныя злоупотребленія прошлаго прикрывались безмолвіемъ, — то лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы могутъ послужить слѣдующія слова того же Мордвинова: «частные случаи никогда не должны служить поводомъ къ уничтоженію, или потрясенію общихъ правъ и коренныхъ законовъ».

А. Градовскій.

ДВА ИНКВИЗИТОРА.

Изъ трагедіи Никколини: «Антоніо Фоскарини». *

Актъ II. Сцена III.

КОНТАРИНИ.

Въ тяжолія минуты застаеть
Меня приходъ твой, Лоредано, — горе
Семейное гнететь меня — и жду
Я отъ тебя полезнаго совѣта...

ЛОРЕДАНО.

Прости.. но я сегодня нѣмъ и глухъ
Къ тревогамъ мелкимъ суеты вседневной...
Мой духъ — иной заботою объять,
Иныхъ идей величіемъ взволнованъ!

---

* Джіовани Баттиста Никколини (р. 1789 † 1861) поэтъ, пользующійся громадною славою въ Италіи, извѣстенъ у насъ чуть-ли не по имени только. Ни одно изъ его произведеній не переведено по русски, за исключеніемъ небольшого отрывка изъ трагедіи: «Ариальдъ да Брешиа», напечатаннаго въ «Сборникѣ Иностранныхъ Поэтовъ», гг. Берга и Костомарова. Причиною этого, кромѣ равнодушія, господствующаго вообще въ русской литературѣ къ литературѣ итальянской, отчасти и самый характеръ творчества Никколини, политическій и исключительно національный. Большая часть его трагедій и другихъ произведеній написаны преимущественно для проведенія идей необходимости національной независимости для Италіи или направлены противъ свѣтской власти папы. Лучшія его трагедіи «Джіовани да Прочида» и «Ариальдъ да Брешиа» поэтому, по признанію критиковъ, суть не что иное какъ «революціонный крикъ (grido rivoluzionario)» и по нашимъ цензурнымъ условіямъ — непереводаемы. «Антоніо Фоскарини» счи-

Знай... я провелъ сегодня ночь безъ сна
 Надъ чтеньемъ намъ однимъ доступной книги; *
 Съ ея страницъ суровыхъ на меня
 Повѣяло минувшимъ — нашихъ дѣдовъ
 Мысль трезвая и разумъ прозорливый
 Вполнѣ предъ мной открылись... понялъ я
 Значенье вѣры ихъ неумолимой
 Въ могущество спасительнаго страха!...
 Я размышлялъ не мало... и теперь
 Проникъ я въ смыслъ глубокой нашей силы
 И власти; я теперь постигъ вполнѣ
 И знаю, чѣмъ быть долженъ инквизиторъ,
 На что странѣ мы нужны въ наши дни...

К О Н Т А Р И Н И.

И ты пришелъ, чтобъ научить меня
 Какъ дѣйствовать намъ сообща огнемъ?

Л О Р Е Д А Н О.

Ты отгадалъ. Должна здѣсь наша власть
 Безпечною и дремлющей казаться,
 Но въ тоже время тысячью очей
 Все видѣть, — слышать тысячью ушами.
 Обязаны не только проникать
 Мы въ смыслъ рѣчей, людьми произносимыхъ,

тается тоже одною изъ его лучшихъ трагедій. Написана она въ 1826 г.—имѣла такой громадный успѣхъ на сценѣ, что тотчасъ же была переведена на всѣ европейскіе языки. Замѣчательно, что на нѣмецкій языкъ (прозою) перевелъ ее принцъ Луи Бонапартъ, впоследствии императоръ Наполеонъ III. Другой изъ членовъ этой семьи, пріобрѣтшій себѣ впоследствии такую печальную извѣстность убійствомъ Виктора Нуара, тотъ перевелъ въ молодости, но уже на французскій языкъ, другую трагедію Никколини «Навуходоносоръ» — представляющую собою аллюзію на судьбу Наполеона I.

* «Статутъ Инквизиціи», заправшійся въ особенномъ ящикѣ, ключъ отъ котораго хранился въ теченіе мѣсяца поочередно у одного изъ инквизиторовъ Совѣта Трехъ, для того чтобъ каждый изъ нихъ могъ его безпрепятственно и подробно изучать.

Но на лету не выданное ими
 Ловить во взглядѣ, жестѣ, вздохѣ самомъ...
 Присутствовать повсюду мы должны
 Гдѣ для порока — шумное приволье,
 На празднествахъ тщеславныхъ, на гуляньяхъ —
 Гдѣ люди забываютъ осторожность.
 Минуты увлеченій вызываютъ
 Порою наслажденья... въ тѣ минуты
 Должны мы въ бездны сердца проникать,
 Чтобъ тайны ихъ выкрадывать... ихъ выдать
 Тогда одно мгновеніе намъ можетъ:
 Неосторожно сказанное слово,
 Какъ молнія, порою освѣщаетъ
 Всю жизнь и всѣ стремленія человѣка.
 Да! наша власть могуча и страшна
 И нѣтъ границъ ей!... до всего достигнуть
 Мы можемъ силой всемогущей тайны...
 Ей — людямъ ночь страшна... и безъ нея
 Нѣтъ ни одной въ природѣ силы грозной!

К О Н Т А Р И Н И.

Ты правъ вполне: венеціанскій умъ
 Насъ мракомъ тайны окружилъ недаромъ.
 Кто избранъ изъ Совѣта Десяти
 Бываетъ въ инквизиторы — не знаетъ
 О томъ никто, — и наши имена
 Ни сильнымъ, ни народу неизвѣстны;
 Порокъ о нихъ догадываться можетъ,
 Не спрашивать ни у кого не смѣетъ,
 Преступникъ часто предъ своимъ судьей
 Находится и самъ того не зная...
 Мы — Высшему подобно существу
 Невидимы и вмѣстѣ вездѣсущи!...

Д О Р Е Д А Н О.

И можемъ мы за то, какъ Божій громъ,
 Испепелять нежданно нечестивыхъ!
 Но въ этомъ, Контаринъ, еще не все
 Удобство тайны: для того скрываемъ
 Мы отъ людей причины наказанья
 И родъ его, что слабый умъ людской
 Всего сильнѣй — незнанье устрашаетъ...
 Должны мы о судилищѣ своемъ
 Такую мысль поддерживать въ народѣ —
 Что каждый ложный шагъ его мы знаемъ
 И вмѣстѣ — не прощаемъ ничего!
 Смущенное боязнью преступленье
 Всегда само себя при этомъ выдаетъ —
 И если наша кара вслѣдъ за нимъ
 Проявится нежданно и всесильно,
 То ею оглушается народъ!
 И станутъ всѣ благоговѣть невольно
 Предъ нашими рѣшеньями, не смѣя
 Себѣ вопросовъ даже задавать
 «За что? и какъ?» считая пониманье
 Сокрытыхъ цѣлей нашихъ недоступнымъ
 Для разума... какъ Божіихъ путей
 И мудрости Его — проникновенья...

К О Н Т А Р И Н И.

Величественный образъ начерталь
 Ты нашего могущества!... должны мы
 Вселять въ умахъ благоговѣйный ужасъ,
 Чтобы блѣднѣли люди, какъ рабы,
 При мысли о Совѣтѣ Трехъ — и въ прахѣ
 Челомъ склонялись, если бы дерзнуть
 Осмѣлились — судить о нашихъ карахъ,

Чтобы при этомъ только въ высь небесъ
 Указывая трепетной рукою
 Они произносили: «намъ ясна
 Днесь воля неба!»... Ярче и сильнѣй
 Не проявлялась власть на этомъ свѣтѣ!
 Народъ — дитя; имъ надо управлять
 Держа его подѣ страхомъ неустанно;
 Готовъ онъ въ Богѣ — лишь тирана видѣть
 И признавать въ любомъ тиранѣ — Бога!
 Я понимаю, что достигнуть намъ
 Подобнаго величья надо! Смѣло
 Тогда-бъ я могъ и ненависть свою
 Вполнѣ насытить...

Л О Р Е Д А Н О .

Властью одинакой
 Мы обладаемъ — и сошлись при этомъ
 И въ ненависти нашей: ненавидимъ
 Мы съ силой одинаковой — ты сына,
 А я отца. Но ты меня счастливей,
 Ты къ цѣли — ближе; знаменитый родъ
 Спасти не можетъ твоего врага
 Отъ гибели... но дожь — другое дѣло!...
 Пускай я съ тайной радостью люблюсь
 Висящей межъ оружіемъ въ сенатѣ
 Сѣкирой той, которой голова
 Отрублена Фальери... но едва ли
 Къ ней безопасно было бы прибѣгнуть
 Въ пороками разслабленное время...
 И жажду личной мести я въ себѣ
 Заставилъ смолкнуть... видно намъ одной
 Приходится довольствоваться жертвой...
 Хоть до могилы — жесткія слова,
 Какія дожь, врагамъ моимъ на радость,

Въ лицо мнѣ бросилъ — я забыть не въ силахъ!
Они стрѣлой отравленной вонзились
Мнѣ въ сердце — навсегда!...

КОНТАРИНИ.

Ты намекнулъ
Что погубить Антонио возможно?...

ЛОРЕДАНО.

И подтверждаю снова: онъ погибнетъ!
Еще сегодня мраморнаго льва
Въ холодной пасти, жалобамъ открытой, *
Я обвиненье на него нашель;
Прочти... оно со мною...

КОНТАРИНИ (чит. . .).

«Фоскарины»

Антонио — опасенъ государству:
Мечтаетъ онъ, въ безумномъ ослѣпленнѣ,
Власть подорвать — Венеціи основы
Совѣта Трехъ». Чтожъ думаешь ты дѣлать?

ЛОРЕДАНО.

Когда-бъ онъ не былъ ненавистенъ мнѣ
Съумѣлъ бы я отважнаго безумца
Всѣ замыслы развѣять, только слово
Ему шепнувъ — и въ ужасѣ то слово
Всю жизнь не позабылъ бы онъ... но намъ
Иное нужно... пусть пока безопасно
Надъ пропастью стоитъ онъ... мы его
Тогда столкнемъ, когда намъ будетъ надо.

---

* Въ это отверстіе вкладывались доносы инквизиторамъ. Всѣ бывшіе въ Венеціи и осматривавшіе палаццо дожей знаютъ этого льва.

КОНТАРИНИ.

И не боишься ты, что казнь его
Возбудитъ общій ропотъ?

ЛОРЕДАНО.

Инквизиторъ

Свою боязнь чужою кровью тушить...

КОНТАРИНИ.

Ты дѣйствовать ужь началъ?

ЛОРЕДАНО.

Записалъ

Антонио я Фоскарини утромъ
Въ ту книгу, изъ которой имена
Смываются одною только кровью... *

КОНТАРИНИ.

Но все таки, еще придется ждать
Благопріятной мщению минуты;
А между тѣмъ, боюсь я, ослабѣть
Въ твоей груди за это время можетъ
Гнѣвъ на отца его...

ЛОРЕДАНО.

Какъ! ты меня

Еще теперь почестъ способнымъ можешь
Къ подобному забвенью?... вѣрить мнѣ

---

* Книга подозрительныхъ «Libro dei sospetti», долженствовавшая находиться постоянно предъ глазами инквизиторовъ, для того, чтобы они не забывали тѣхъ лицъ, которые были «на очереди».

Для кроткихъ чувствъ нѣтъ доступа... Нemoжеть
Онъ сдѣлаться по слабости преступнымъ,
Но злодѣянью совершить... и звѣрство
Отъ мужества избытка — онъ способенъ...
Какъ мы не сходны!... сталъ же токимъ я,
Себя вполнѣ несчастнымъ сознавая,
И я хотѣлъ бы всѣхъ лишить покоя —
За то, что самъ я имъ не обладаю!...

Н. Курочкинъ.

ГОРОДЪ.

Проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ по лѣсистой, почти безлюдной пустынѣ, испытавъ на своихъ бокахъ всевозможные роды почвъ, начиная отъ сыпучихъ песковъ и кончая болотами съ непремѣнною ихъ принадлежностью, мучительнымъ мостовникомъ, пріятно сказать себѣ: скоро конецъ дорожнымъ страданіямъ, конецъ ужасной, изнимающей душу телегѣ, конецъ уединеннымъ станціоннымъ домикамъ, около которыхъ вьются тучи комаровъ! Скоро городъ — и въ немъ пріютъ.

Да, непривѣтно глядишь ты, родная равнина! не порадуешь, не утѣшишь ты усталого путника, день и ночь умирающаго на тряской телегѣ въ переѣздахъ по безконечному твоему раздолью!

На десятки верстъ раскинулась ты окрестъ, ничѣмъ не намекая на присутствіе человѣка, ни на чемъ не представляя слѣдовъ работы его, вромѣ узкой и исковерканной дороги, но и та какъ будто не человѣческимъ рукамъ обязана своимъ существованіемъ, а проложена пустыннымъ медвѣдемъ, когда-то просѣкавшимъ здѣсь путь сквозь чащу лѣсную. Однообразная картина непросвѣтнаго лѣса, безконечно протянушагося по обѣ стороны дороги, неизвѣстно откуда берущіеся лѣсные звуки, такъ чутко и отчетливо перекатываемые эхомъ изъ конца лѣса въ другой, полумракъ, въ которомъ словно въ туманѣ утопаютъ очертанія деревъ, — все это вмѣстѣ взятое дѣйствуетъ на нервы раздражительно. Великаны встаютъ передъ глазами, страшные звѣри мерещатся въ лѣсной глубинѣ, баба-яга скачетъ въ каменной ступѣ, погоня желѣзнымъ пе-

ствомъ, соловей-разбойникъ пускаетъ шипъ по змѣиному... Словомъ, вся дѣтская мифологія вдругъ проносится надъ душою. Напуганное воображеніе напрягается въ ущербъ разсудку; путникъ инстинктивно озирается по сторонамъ и инстинктивно же прислушивается, не идетъ ли откуда опасность; жгучее, тоскливое нетерпѣніе овладѣваетъ всѣмъ существомъ...

И вотъ на смѣну лѣса является низменная, потная луговина; на смѣну полумрака является полусвѣтъ. Но что это за бѣдность, что это за чахлость и неустойчивость? Блѣднозеленые цвѣта и изморенный видъ растительности явно свидѣтельствуютъ о преждевременной зрѣлости, постигшей ее въ этой забытой лучами солнца и неприютной сторонѣ. Только изрѣдка, въ засушливое лѣто, когда все окрестъ млѣветъ отъ истомы и зноя, когда ликующая природа какъ будто никнетъ подъ бременемъ своей собственной мощи, только въ такія рѣдкія на нашемъ сѣверѣ минуты, и эта бѣдная луговина, утративъ излишнюю влагу, одѣвается на время въ праздничный нарядъ свой и сплошь покрывается яркожелтыми цвѣтами. Тогда въ воздухѣ носятся словно душистыя испаренія меда, тогда, если вы взгляните на золотистую полосу цвѣтовъ, словно радующуюся среди общаго однообразія и бѣдности, вамъ непременно покажется, будто кто-то вамъ улыбнулся тою мягкой, милою улыбкою, отъ которой вдругъ расплывется ваше сердце... Но вотъ снова пахнуло дождемъ; проѣзжіе извозчики, пользуясь временною засухой, во всѣхъ направленіяхъ избороздили веселую луговину — и передъ вами опять та же черная полоса взрытой земли.

Но уживчивъ и покладистъ коренной гражданинъ этой скучной равнины, русскій мужикъ! Какъ ни бѣдна дарами, какъ ни мало гостепріимна кругомъ его природа, онъ безропотно покоряется ей. Трудно идетъ его работа; горекъ добытый ею кусокъ, но словъ «въ потѣ лица снискивай хлѣбъ свой», слова, никогда ему не читанныя, ни отъ кого имъ, не слышанныя, по какому-то обидному насильству судьбы, такъ естественно, всецѣло слились со всѣмъ его существомъ, что стали въ немъ

плотью и кровью, стали исходною точкой, средством и цѣлью всего его существованія. Вонъ на самомъ краю болотины, среди зыбучихъ песковъ, ютится рядъ бѣдныхъ, веткихъ избъ... Что это за грустный, надрывающій сердце видъ!

Вотъ и прудъ среди селенія, прудъ мелкій и топкій, на неподвижной поверхности котораго плаваетъ зеленая плесень, и изъ котораго по мѣстамъ высовываются почернѣвшія гнилыя коряги; вотъ и улица, грязная, покрытая толстымъ слоемъ чернозема; вотъ и запачканная семья бѣловолосыхъ ребятишекъ, съ поднятыми до груди рубашонками, бережно переходящихъ по грязи черезъ улицу, или копающихся въ землѣ гдѣ нибудь въ сторонѣ у анбарушки. Вотъ у воротъ избы, на заваленкѣ, вышла погрѣться на солнышкѣ сгорбленная бабушка Афимья, которую ужъ никакіе лучи солнца не могутъ согрѣть въ этомъ мірѣ и которая ждетъ не дождется той минуты, когда среброкудрые ангелы возьмутъ ея душеньку и успокоятъ ее на лонѣ Авраамовомъ... Вотъ и самъ онъ, достолюбезный русскій мужикъ, тихо идущій за сохою, изнуренный, но не убитый трудомъ, утомленный, но все еще бодрый, угнетенный, но все еще надѣющійся...

Но городъ уже близко; болота попадаютъ рѣже, населенность дѣлается гуще.

Вотъ наконецъ и старинный сосновый боръ, составляющій какъ бы необходимую принадлежность каждаго русскаго города и служащій любимымъ мѣстомъ прогулокъ для его обывателей.

— Этотъ боръ-то уже городской, говоритъ ямщикъ, обращиваясь къ вамъ и какъ-то веселѣе покрививая на лошадей: — а вонъ тамъ — видишь просвѣчиваетъ-то, будетъ еще поляночка, а за ней ужъ и городъ.

— А что, хорошъ у васъ городъ?

— Ничего, городъ хорошій, и купцы богатѣющіе есть! По четвергамъ базары бываютъ, такъ и не проѣхать, что туда народу наѣзжаетъ!

И дѣйствительно, какъ только выѣдешь изъ сосноваго бора, глазамъ уже открывается весь городъ, какъ на ладони. Обыч-

ное тревожное чувство неизвѣстности овладѣваетъ при видѣ его: «что-то будетъ! какая-то жизнь кроется за этими стѣнами!» думаете вы, и съ любопытствомъ вглядываетесь въ каждый самый незначительный предметъ, попадающійся по дорогѣ.

На этомъ городѣ мы съ вами остановимся, читатель. Имя ему Срывный.

Онъ стоитъ на высокому и обрывистому берегу судоходной рѣки, и вдоль и поперѣкъ изрѣзанъ холмами, оврагами и суходолами. Видъ съ нагорнаго берега рѣки на противоположную сторону до такой степени привлекателенъ, что даже генераль Зубатовъ, человекъ вообще къ красотахъ природы недоброжелательный, удостоилъ обратить на него вниманіе, и обозрѣвъ съ балкона отводной квартиры окрестность, произнесъ: «достойно примѣчанія». Въ особенности хорошо бываетъ въ Срывномъ весною. Точно море, разливается въ это время рѣка, затопляя и луга, и частый тальникъ, растущій по берегу, и даже старый сосновый боръ, который словно движущійся островъ выступаетъ въ это время изъ воды колышущуюся зеленью вершинъ своихъ. Строго и негостеприимно смотритъ огромная масса водъ, мѣняя въ быстромъ и грозномъ бѣгѣ своемъ всевозможные оттѣнки цвѣтовъ, отъ мутно-бураго и темносталянаго до свѣтлобирюзоваго, мѣстами переходящаго въ прозрачно-изумрудный и рубиновый; а въ вышинѣ бѣгутъ гонимыя весенними вѣтрами облава, то отставая, то обгоняя другъ друга и принимая самыя прихотливыя, узорчатныя формы. Картина суровая и разнообразная, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражающая зрителя величіемъ самой простоты своей. Вообще замѣчено, что суровые тоны дѣйствуютъ на душу живописно. Въ виду этого простора, въ виду этой силы стихій, въ одно и то же время и разрушающей и оплодотворяющей, человекъ чувствуетъ себя отрезвленнымъ, чувствуетъ, какъ встаетъ и растетъ во всемъ существѣ его страстный порывъ къ широкому раздолью, который дотолъ дремалъ на днѣ души, подавленный кропотливостью жизненныхъ мелочей.

Въ весенній солнечный день вся окрестность выступаетъ

до такой степени отчетливо, что версть на двадцать представляется взору со всѣми подробностями и очертаніями. Вдали виднѣются два-три села съ ихъ бѣлыми церквами и черными группами крестьянскихъ избъ; ближе бурѣетъ поле, мѣстами еще не вполне освободившееся отъ снѣга, пестрящаго его въ видѣ бѣлыхъ заплатъ, а рядомъ съ полемъ уже пробивается молодая трава на степномъ лугу. Вонъ всторонѣ мелькнулъ гнутый тальникъ, сквозь густыя и перепутанныя насажденія котораго блеснула стальная полоса старицы (стараго русла рѣки), а иногда и просто оврага, который лѣтомъ сухъ и печаленъ, а весной до краевъ наполняется водой; по одному берегу его узкою грядкой лепится низенькій и тощій лѣсокъ, по другому тянется безконечная изгородь, мѣстами уже обвалившаяся и вообще плохо защищающая сосѣдній лугъ отъ погравы; а вонъ и болотце, сплошь покрытое волнующейся осокой, которой сѣрые отливы неприятно рѣжутъ глаза, а надъ болотцемъ безчисленными стадами кружатся кулички и прочая мелкая птица. Набонецъ, далѣе, на заднемъ планѣ, картина обрамливается синею полосой лѣса, того пенсходнаго лѣса, который, по увѣренію туземцевъ, тянется отсюда вплоть до Ледовитаго океана. И все это облито горячими лучами весенняго солнца, все это свѣжее, дѣвственное, либующее, полное обновляющей силы...

По рѣкѣ и на берегу кипитъ жизнь и дѣятельность. Плосководонныя расшивы, скорѣе похожіе на огромныя лубяныя кораба, нежели на суда, лѣсные плоты, барки съ протянутыми отъ мачтъ бичевами, — все это спуетъ взадъ и впередъ, мѣшаясь въ самомъ живописномъ безпорядкѣ и едва не задѣвая другъ объ друга. Медленно и самодовольно проползаетъ между ними единственная въ своемъ родѣ огромная и неугложая коноводная машина, какъ будто хочетъ сказать встрѣчнымъ судамъ: «эй вы! сторонись, мелкота! пропустите долговязаго дурака!» Въ послѣднее время начали изрѣдка пробѣгать даже пароходы, на огромное пространство вспѣнивая и возмущая воду, распугивая шумомъ колесъ робкое царство подводныхъ

обитателей, и наводя своимъ свистомъ уныніе на всю окрестность, которой тихій сонъ еще не былъ доселѣ нарушенъ торжествующими воплями новѣйшей промышленной вакханаліи. Однако, пароходы еще рѣдкость въ этомъ краю и мѣстнымъ жителямъ еще не надоѣло собираться толпами на берегу всякій разъ, какъ пронесется по городу вѣсть объ имѣющей прибыть «чортовой машинѣ». Но, увы! въ воздухѣ уже носятъ зловѣщія предзнаменованія, предвѣщающія близкій конецъ первобытнымъ формамъ жизни; атмосфера уже заражена тлетворными міазмами грядущихъ акціонерныхъ компаній, этихъ чреватыхъ надувательствомъ и невѣжественною дерзостью чужденныхъ растений, которыя поработаютъ себѣ туземнато челоуѣка, чтобъ утучнить его по́томъ тѣла разбогатѣвшихъ цѣловальниковъ и ихъ любовницъ. Одинокій нынѣ пароходъ приведетъ за собой десятки и сотни другихъ; вытянутся вдоль берега фабрики и заводы; насытятъ они ѣдкостію и срадомъ дыма свѣжій воздухъ окрестности и отравятъ вольныя воды рѣки... что-то станетъ съ тобой, милая, дѣвственная страна!

Странный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримый и въ высшей степени замѣчательный фактъ, что у насъ на Руси, всякое новое явленіе, обѣщающее, повидимому, облегчить развитіе народной жизни, прежде всего ложится тяжелымъ гнетомъ именно на эту жизнь. Мужикъ теряетъ вездѣ: фабрикантъ его притѣсняетъ, удерживая изъ заработной платы прогульные дни, насчитывая на него разнообразныя утраты; на пароходѣ и въ вагонѣ распоряжаются имъ какъ поклажею. И нигдѣ защиты, нигдѣ управы! Несомнѣнныя выгоды новаго положенія, приносимаго робкими зачатками цивилизаціи, исчезаютъ подъ бременемъ придиорокъ, формальностей и какого-то безнравственнаго служенія искусству для искусства, а ущербъ и утраты, которые неминуемо влечетъ за собой паденіе старыхъ порядковъ, выступаютъ все яснѣе и настоятельнѣе, и все назойливѣе разжигаютъ въ сердцѣ бѣднаго челоуѣка горькое недовольство настоящимъ, безъ всякой надежды на буду-

щее. Отчего это? Не оттого ли, что въ естественномъ порядкѣ всякое новое явленіе въ сферѣ экономической или политической должно входить въ жизнь не одинокое, но окруженное цѣлымъ рядомъ другихъ соотвѣтственныхъ явленій, имѣющихъ споспѣшествующее и обезпечивающее свойство, а у насъ явленіе это всегда становится уединенно, безъ всякой связи съ общимъ жизненнымъ строемъ? Не оттого ли, что всякое учрежденіе, какова бы ни была побудительная причина его существованія, прежде всего должно служить обществу, его интересамъ, даже вапризамъ и прихотямъ, а не поработать ихъ себѣ, не приурочивать ихъ къ своему масштабу? Здѣсь не мѣсто, конечно, рѣшать такого рода вопросы, но нельзя не сознаться, что они невольно представляются встревоженному уму и, однажды возбужденные, надолго оставляютъ въ сердцѣ горькій осадокъ недовольства.

Но въ отношеніи къ описываемой мѣстности, это покада только гадательное будущее, а потому станемъ продолжать прерванное описаніе.

Бичевникъ усѣянъ бурлаками и ихъ тощими лошаденками; видъ первыхъ, а равно гортанные и унылые крики, которыми они побуждаютъ какъ другъ друга, такъ и лошадей, наводятъ тоску на сердце посторонняго наблюдателя; это какой-то выстраданный, надорванный крикъ, вырывающійся съ мучительнымъ, почти злобнымъ усиліемъ, какъ вздохъ, вылетающій изъ груди человѣка, котораго смертельно и глубоко оскорбили, и который, между тѣмъ, не находитъ въ ту минуту средствъ отомстить за оскорбленіе, а только вздыхаетъ... но въ этомъ вздохѣ уже чувствуется будущая трагедія. Особенно широкіе размѣры принимаетъ торговая и промысловая дѣятельность города на пристани. Не надо воображать себѣ, чтобъ это была пристань благоустроенная, съ амбарами, съ укрѣпленною набережною и мощнымъ спускомъ; это просто такъ называемая «натуральная» пристань, большую часть навигаціоннаго времени непроходимо грязная, съ невозможнымъ спускомъ и ветхими полуобвалившимися навѣсами, вмѣсто

складочныхъ помѣщеній. Бунты кулей съ хлѣбомъ и льнянымъ семенемъ, груды роговъ и мочала, приготовленныя для сплава, въ безпорядкѣ стоятъ на берегу, ожидая своей очереди къ погрузкѣ, но эта-то безпорядочность и сопряженная съ ней суетливость и придають пристани ту оригинальность, которой она, конечно, не имѣла бы, еслибъ погрузка производилась систематически. Немолчно раздается говоръ и шумъ толпы; весь воздухъ наполненъ этимъ милымъ, какъ будто праздничнымъ гуломъ, который, по временамъ, принимаетъ самыя симпатическіе тоны. Вотъ доносится до васъ замысловатокрѣпкое слово, но доносится какъ-то не оскорбительно, а скорѣе добродушно, такъ что вамъ остается только развести руки, и подумать про себя: «вѣдь вотъ что выдумалъ человекъ! даже правдоподобія никакого нѣтъ... а ладно!» Рядомъ съ этимъ крѣпкимъ словомъ слышится дѣйствительно добродушный и задумчивый смѣхъ, и раздается острота, но такая мѣткая и хорошая, что лицо ваше прояслится окончательно, и вы невольно всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ приобщаетесь къ этой внутренней, для равнодушнаго зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа, сила которой почти насильственно заденетъ всѣ лучшія, свѣжія струны сердца, наполнить душу невѣдомыми, неизвѣстно откуда берущимися рыданіями и хлынетъ изъ глазъ цѣлымъ потокомъ слезъ... Гдѣ источникъ этихъ слезъ? въ томъ ли сочувственно любовномъ настроеніи души, которое заставляетъ симпатически относиться ко всѣмъ даже темнымъ сторонамъ родной жизни, или въ томъ вѣчно расходуемомъ, но никогда неистрачивающемся запасѣ застарѣлыхъ скорбей и печалей, который горькимъ опытомъ цѣлой жизни накопляется въ сердцѣ, набрасывая на него темную пелену унынія и безнадежности?

Не берусь рѣшить этотъ вопросъ, но знаю, что въ слезахъ вашихъ будетъ и своя доля отрады, какъ и въ томъ достолюбезномъ народномъ говорѣ, въ которомъ, среди диссонансовъ, слышится иногда такой ясный, поразительно-цѣльный звукъ,

что изъ сознанія вашего мигомъ изгоняется всякое сомнѣнiе въ возможности будущей гармонiи.

Вообще изъ всей обстановки должно заключить, что Срывный богатый промышленный городъ. Дѣйствительно, онъ и выстроенъ, сравнительно съ другими уѣздными городами, хорошо; главная площадь и главная улица сплошь застроены каменными домами и амбарами, а многочисленность магазиновъ, съ красными и галантерейными товарами, доказываетъ, что значительная часть его населенiя достаточно зажиточна, чтобы дозволить себѣ употребленiе предметовъ роскоши. Тѣмъ не менѣе каменные палаты купцовъ смотрятъ негостеприимно. Есть что-то угрюмое въ звукѣ цѣпей, которыми замыкаются тяжелыя ворота, открываемыя только для пропуска телегъ, тяжело нагруженныхъ громоздкимъ товаромъ, и потомъ снова и надолго запираемыя. Маленькiя и глубоко врѣзавшiяся въ толстыя стѣны окна домовъ тоже всегда ваперты; не проглянетъ изъ за нихъ въ глаза прохожему пригожая головка хорошенькой купеческой дочери, не освѣтитъ его слуха молодой и рѣзвый смѣхъ дѣтей, этотъ смѣхъ вѣчно ликующей, вѣчно развивающейся жизни; зеленоватыя и покрытыя толстымъ слоемъ грязи стекла скрываютъ отъ взора даже внутренность комнатъ. Постороннему чоловѣку представляется, что тамъ, за этими тяжелыми воротами, за этими толстыми каменными стѣнами, начинается совершенно иной мiръ, мiръ холодный и безстрастный, въ которомъ не трепещетъ ни одно сердце, не звучитъ ни одна живая струна.

Тамъ, мнится ему, въ этой безшумной и темной области, живутъ люди съ потухшими взорами, съ осунувшимися лицами, люди, не имѣющiе идеала, не признающiе ни радостей, ни заблужденiй жизни, и потому равнодушнымъ окомъзирающiе на проходящее мимо ихъ добро и зло. Тамъ старики-отцы заживо пожираютъ безгласныхъ дѣтей; тамъ проходимцы-святоши, смиренные и угодливыя съ вида, въ сущности же пронырливые и честолюбивые, держатъ въ рукахъ своихъ, при помощи фанатическихъ старухъ, судьбы и честь цѣлыхъ семействъ.

Въ особенности вечеромъ, это полное отсутствіе жизни принимаетъ грустный, даже мучительный характеръ. Едва спустились на землю сумерки, какъ вслѣдъ за ними почти мгновенно исчезаетъ и всякое движеніе по улицѣ, наступаетъ глубокая, мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая лаемъ спущеннаго съ цѣпи пса. И ни въ одномъ окнѣ не покажется завызнаго свѣта, ни въ одномъ концѣ не застучитъ земля подъ ногою запоздалаго пѣшехода, а сомнительные и дрожащіе лучи зажженныхъ передъ образами лампадокъ, прорѣзываясь сквозь мглу, дѣлаютъ ее еще болѣе мрачною и непроницаемою.

Но самая характеристическая особенность города, опредѣлившая однажды на всегда и составъ и занятія его населенія, заключается въ томъ, что онъ стоитъ на углу, гдѣ сходятся рубежи трехъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ центръ, въ который стекаются всѣ безвѣстные, неофициальные пути, ведущіе изъ Зауралья въ Великую Россію. Это положеніе представляетъ слишкомъ много удобствъ для всякаго рода запрещенныхъ сдѣлокъ и укрывательства, чтобы люди смысленные не воспользовались подобнымъ преимуществомъ. Изстари Срывный сдѣлался съ одной стороны становищемъ всевозможныхъ раскольническихъ толковъ, съ другой — гнѣздомъ искусниковъ, промышленяющихъ всякаго рода зазорными ремеслами. Возможность легко и скоро сбыть подоврительную вещь, а въ крайнемъ случаѣ и самому скрыться за рѣку, которая составляетъ заповѣдную для мѣстной полиціи черту, положила начало промысламъ подобнаго рода въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что полиціи остается только самой принимать въ нихъ косвенное и не безвыгодное участіе. Круглый годъ, а въ особенности съ открытіемъ рѣчной навигаціи, въ Срывномъ проживаютъ цѣлыя толпы бродягъ, между которыми нерѣдко можно встрѣтить даже бѣглыхъ каторжниковъ, а преимущественно всякаго рода искателей приключеній, которымъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сдѣлалось тѣсно и душно подъ родной кровлей.

Н. Щедринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Д. Д. МИНАЕВА.

I.

БЕЗПРІЮТНАЯ СТРАННИЦА.

«Кто ты, прекрасная жена?
До этихъ поръ тебя нигдѣ я
Не видѣлъ въ наши времена
Среди народа....»

— Я идея!

Безстрастье истины цѣня,
Я родилась гермафродитомъ,
Но люди бѣгаютъ меня;
Цѣпями рабскими звеня,
Они бредутъ путемъ избитымъ,
Предъ каждой новою тропой
Дрожать ордою непреклонной
И платять злобою слѣпой
Мнѣ за тревогу мысли сонной.
Языкъ мой простъ. Какъ солнца свѣтъ,
Доступенъ всѣмъ онъ въ мірѣ Божьемъ,
Гдѣ я скитаюсь сотни лѣтъ,
Но, распростертъ передъ подношьемъ
Богини пошлости земной,

Народъ и знать меня не хочетъ
 И, обезумленный, больной,
 То проклиная, то хохочетъ,
 То буйно пляшетъ предо мной;
 А въ тѣхъ, которыхъ въ дни гоненя
 Я выше ставила другихъ,
 Бросаетъ грязь онъ, иль камня,
 Иль подъ ногами топчетъ ихъ.
 И такъ всегда я одинока....
 Но я бессмертна на землѣ.
 Быть можетъ, время не далѣко,
 Когда съ сяньемъ на челѣ
 Пойду въ триумфѣ я великомъ
 И голосъ мой, какъ Божій громъ,
 Не заглушатъ ни хриплымъ крикомъ,
 Ни грознымъ пушечнымъ ядромъ.

II.

ДУМА.

Для счастья личнаго ужасно
 Терять васъ, лучшихъ дней друзья,
 Но очистительно-прекрасна
 Смерть ходить по свѣту, безстрастна,
 Какъ неподкупный судя.

Смерть — революція природы.
 Она, какъ мрачный другъ свободы,
 Сметаетъ дряхлый міръ съ земли,

Чтобъ поколѣній новыхъ всходы
На ней привольнѣе росли.

Такъ горе самое слабѣетъ,
Излившись ливнемъ жаркихъ слезъ,
И сердце снова молодѣетъ;
Такъ послѣ сильныхъ, вешнихъ грозъ
Земля цвѣтеть и зеленѣетъ.

III.

ПРОПАВШЕМУ БЕЗЪ ВѢСТИ.

Omnes eodem cogimus.

Ты вчера еще былъ съ нами
Въ цвѣтѣ силъ, надеждъ и лѣтъ,
А сегодня, другъ нашъ бѣдный,
Отъ тебя простылъ и слѣдъ.

Такъ на свѣтѣ все ведется:
Нынче — солнце, завтра — тьма,
То согрѣетъ душу счастье,
То бѣда сведетъ съ ума;

То мелькнетъ свободы призракъ
И — глядишь — уже исчезъ,
То на небѣ ангелъ плачетъ,
То въ аду хохочетъ бѣсъ.

IV.

* * *

Страданія — стихія человѣка.
Едва родясь, страдать мы начинаемъ;
Страдаемъ, ненавида и кляня,
Да и любя — не менѣе страдаемъ.
Страдаемъ мы при каждой каплѣ слезъ,
При вздохѣ затаённаго рыданья,
И даже смѣхъ людской — прислушайтесь къ нему —
Есть только продолженіе страданья.

Д. Минаевъ.

КТО ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ИМѢЛЪ МЫСЛЬ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ НАДѢЛОМЪ.

(ВОСПОМИНАНІЕ О КНЯЗѢ ВАСИЛІѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ ГОЛИЦЫНѢ, РУССКОМЪ
ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ДѢЯТЕЛѢ XVII СТОЛѢТІА).

Французскій агентъ *де-ля-Невилъ* былъ посланъ въ Москву мар-кизомъ де-Ветюнь, посломъ Людовика XIV при варшавскомъ дворѣ, развѣдать о переговорахъ нашего двора съ шведскимъ и бранденбургскимъ. Онъ прожилъ въ Москвѣ, подъ видомъ польскаго чрезвычайнаго повѣреннаго (*envoyé extraordinaire*) пять мѣсяцевъ, съ конца іюля до начала декабря 1689 года, и былъ, слѣдовательно, очевиднымъ свидѣтелемъ послѣдняго столкновенія между Петромъ и сестрою его Софіей, которое кончилось ея паденіемъ.

Невилъ имѣлъ сношенія со многими русскими боярами: съ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ, со стороны Софіиной, съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, со стороны Петровой, съ молодымъ Матвѣевымъ, съ переводчикомъ Спафаріемъ и иностранными резидентами; видѣлъ Софію, Ивана, Петра, и, по возвращеніи во Францію, издалъ любопытную книжку о своемъ пребываніи въ Россіи: «*Relation curieuse et nouvelle de Moskovie*». Книжка его посвящена королю Людовику XIV, и напечатана въ Парижѣ въ 1698 году. *

Многія извѣстія Невилля подтверждаются нашими несомнѣнными источниками, напримѣръ: о замыслѣ царевны Софіи женить большаго старшаго брата Ивана и управлять подъ его именемъ и именемъ предполагавшихся его дѣтей, о неудачныхъ походахъ крым-

---

* Устряловъ ссылается на изданіе въ Гагѣ, 1699 года; также и Семевскій, въ статьѣ о портретахъ царевны Софіи и князя В. В. Голицына, помѣщенной въ «Русскомъ Словѣ», 1859 г., № 12.

скихъ, о переговорахъ князя Голицына съ ханомъ, о наградахъ царевны возвратившемуся войску, о неудовольствіи Петра, выраженномъ князю Голицыну, о злоумышленіяхъ Софіи и собраніи стрѣльцовъ въ Кремлѣ, о доносахъ раскаявшихся стрѣльцовъ Петру, въ Преображенскомъ, когда уже онъ легъ спать, о запрещеніи Софіи стрѣльцамъ идти къ Троицѣ на призывъ Петровъ, и проч. Извѣстіе Невилево о любовной связи царевны Софіи съ княземъ В. В. Голицынымъ подтвердилось въ наше время ея письмами, открытыми Устряловымъ въ Секретномъ Архивѣ.

Есть мелкія черты, которыя подтверждаютъ подлинность сказанія, и на которыя изслѣдователь долженъ въ этомъ отношеніи обращать вниманіе, напримѣръ: Невиль, описывая обѣдъ свой у молодаго Матвѣева, говоритъ, что совѣтовалъ ему учиться по французски, ибо онъ еще былъ молодъ, имѣя только 22 года. Таковъ именно былъ тогда возрастъ Матвѣева: какъ могло бы подложному сочинителю (о которомъ пустословилъ Полевой, «Русскій Вѣстникъ», 1841, № 9, стр. 598) вставить такую черту!

Извѣстія вѣрныя, засвидѣтельствованныя, внушаютъ довѣренность и къ прочимъ, уваженіе къ ихъ источникамъ, кромѣ, разумеется, нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ растревоженномъ городѣ и носящихъ признаки своего происхожденія изъ среды той или другой враждовавшей стороны.

Невиль представляется въ своей книгѣ вообще наблюдателемъ безпристрастнымъ, и отдавая полную справедливость князю Голицыну, главному дѣйствовавшему лицу въ правленіе царевны Софіи, осуждаетъ безусловно властолюбіе сей послѣдней и злеме умысла противъ меньшаго брата своего Петра.

Въ донесеніи Невилево есть одно извѣстіе великой важности, которое, какъ будто затерянное въ кучѣ прочихъ, не оцѣнено было достаточно писателями, имѣвшими въ своихъ рукахъ его сочиненіе.

Изъ этого драгоцѣннаго извѣстія, озаряющаго новымъ свѣтомъ лицо князя Василія Васильевича Голицына, мы узнаемъ, что онъ,

за 200 лѣтъ до нашего времени, хотѣлъ освободить крѣпостныхъ крестьянъ и отдать имъ во владѣніе землю, которую они обрабатывали бы съ платою въ казну известной подати.

Вотъ собственныя слова Невилы:

«Цѣлю князя было поставить Россію на одну ногу съ прочими государствами: для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія (mémoires) обо всѣхъ европейскихъ государствахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, кои они обрабатываютъ въ пользу царя за ежегодную плату, которая по смѣтѣ, имъ сдѣланной, увеличивала бы ежегодно слишкомъ половиною доходъ царскій, простирающійся нынѣ по большей мѣрѣ отъ семи до восьми милліоновъ ливровъ, на французскія деньги.*

(Comme le dessein de ce Prince était de mettre cet Etat sur le même pied que les autres, il avait fait venir des mémoires de tous les Etats de l'Europe et de leur gouvernement; il voulait commencer par affranchir les paysans, et leur abandonner les terres, qu'ils cultivent, au profit du Czar, moyennant un tribut annuel, qui par la supputation, qu'il en avait faite, augmentait par an, le revenu de ces Princes, de plus de la moitié, lequel ne se monte guères qu'à sept à huit millions de livres tout au plus, monnaie de France, en argent comptant). *

Итакъ въ концѣ 17-го столѣтія, въ восьмидесятыхъ годахъ,

---

* Въ переводѣ Невилы, помѣщенномъ Полевымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г., весь этотъ важный параграфъ совершенно опущенъ, вѣроятно въ угоду домашней цензурѣ.

Въ дѣльной вышеупомянутой статьѣ г. Семейскаго, Невилевы слова объ освобожденіи крестьянъ и надѣлѣ ихъ землею замѣнены официальнымъ выраженіемъ того времени: «предполагалъ улучшить бытъ крестьянъ *своимъ* (?!)», вѣроятно также по причинамъ отъ автора независѣвшимъ; притомъ слово *своимъ*, котораго нѣтъ у Невилы, извращаетъ совершенно смыслъ.

У Терещенко, въ его исполненной всякихъ ошибокъ, біографіи князя В. В. Голцина (Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ управлявшихъ иностранными дѣлами, 1837, т. II, стр. 177), эти слова приведены мимоходомъ безъ всякаго замѣчанія.

князь Василій Васильевичъ Голицынъ думалъ уже *освободить крепостныхъ крестьянъ и надѣлить ихъ землею*, которую они обрабатывали бы.

Въ невѣрности извѣстія подозрѣвать нѣтъ повода, потому что его выдумать и сочинить было нельзя, если во всей Европѣ не было тогда даже понятія объ освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

Это извѣстіе даетъ намъ полное право утвердить за кн. Голицынымъ другую великую государственную мысль, которая до сихъ поръ приписывалась ему болѣе по догадочному предположенію, чѣмъ въ силу основательнаго доказательства: мысль объ уничтоженіи мѣстничества.

Въ поясненіе мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ важномъ въ гражданской нашей исторіи событіи.

Царь Θεодоръ, за полгода до своей кончины, 1681 г. ноября 24, указалъ князю Голицыну съ товарищи вѣдать ратныя дѣла. Вслѣдствіе сего составленъ былъ совѣтъ изъ выборныхъ людей для пріисканія средствъ устроить войско лучше, такъ какъ «непріатели показали въ ратныхъ дѣлахъ новыя вымыслы и хитрости, а наше воинское устроеніе оказалось въ бояхъ неприбыльнымъ». Совѣтъ положилъ представить царю челобитную объ уничтоженіи мѣстничества, то есть права считаться мѣстами при военныхъ и прочихъ назначеніяхъ, не служить старшему по службѣ предковъ подъ начальствомъ уступающаго ему въ служебной родословной. Челобитная была прочтена княземъ Голицынымъ на земскомъ соборѣ. Предложенное постановленіе царь утвердилъ собственноручною многозначительною подписью, служащей украшеніемъ русской исторіи: «Во утверженіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣсть въ вѣчное искорененіе моею рукою подписалъ».

Самому Θεодору, при его молодости и неопытности, вмѣстѣ съ слабостію и болѣзненностію, нельзя приписать такое

трудное и смѣлое дѣло, съ которымъ не могъ сладить ни Грозный, ни Годуновъ.

При первыхъ моихъ занятіяхъ русской исторіей я приписывалъ починъ боярину Языкову, самому приближенному лицу къ Θεодору, происходившему изъ дворянъ среднихъ. Но послѣ, занимаясь изслѣдованіями объ этомъ времени, я увидѣлъ, что объ участіи Языкова въ дѣлахъ собственно управления нѣтъ никакихъ извѣстій, ни даже намековъ.

Что касается до князя Голицына, хотя онъ и являлся официально на первомъ мѣстѣ при веденіи этого дѣла, но трудно было предполагать, чтобъ онъ, знатный родовой бояринъ рѣшился, такъ сказать, наложить на себя руку, и отказаться отъ главныхъ правъ своего сословія, навлечь на себя общую его ненависть. Я заключилъ, что уничтоженіе мѣстничества, такъ какъ и другія великія событія въ русской исторіи, принадлежать неизвѣстно кому, не имѣютъ одного какого-либо виновника, то есть принадлежать всему народу.

Извѣстіе Невилево объ мысли князя Голицына, освободить крестьянъ и надѣлать ихъ землею, показываетъ ясно, къ какимъ государственнымъ мѣрамъ былъ онъ способенъ и какъ возвышался надъ своимъ временемъ.

Итакъ, князю Василю Васильевичу Голицыну принадлежитъ навѣрное мысль объ уничтоженіи мѣстничества, приведенная имъ въ исполненіе, и мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею, приведенная въ исполненіе чрезъ двѣсти сорокъ лѣтъ въ царствованіе императора Александра II, въ вѣчной славѣ его имени.

Есть еще великая государственная мысль—о равномерной раскладкѣ податей и всякихъ повинностей, о которой однакожь теперь, впредь до открытія новыхъ документовъ, нельзя говорить рѣшительно.

Профессоръ Аристовъ обратилъ, первый, вниманіе на грамоту въ Пермь, мая 6, 1682 года, о возвращеніи собран-

ныхъ съ этой цѣлю въ Москвѣ депутатовъ, такъ называемыхъ двойниковъ. Изъ этой грамоты только мы и узнаемъ, что депутаты «всякихъ чиновъ» были собираемы въ Москву по два изъ всѣхъ городовъ и посадовъ. Означенная грамота помѣчена 6 мая, за девять дней до перваго стрѣльцоваго бунта; принадлежитъ слѣдовательно къ распоряженіямъ Петровой партіи, принявшей власть въ свои руки 28 апрѣля, по кончинѣ царя Θεодора Алексѣевича. Ясно, что первое распоряженіе принадлежало къ дѣйствіямъ партіи противной, а въ противной партіи однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ князь В. В. Голицынъ, какъ то видно изъ его участія въ уничтоженіи мѣстничества, ноября 24, 1681 года. Депутаты городскіе не могли быть созваны иначе, какъ около этого времени.

Впрочемъ, повторяю, этотъ любопытный вопросъ требуетъ еще многихъ изслѣдованій и разясненій.

Изъ дѣйствій князя В. В. Голицына, какъ «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», довольно указать на договоръ съ Польшею, 1686 г. апрѣля 26, по которому она отказалась отъ Смоленска, Кіева, Чернигова, и всей Малороссіи съ 56 городами, завоеванными Россіей въ 1654 и 1655 годахъ, обязалась не притѣснять исповѣдниковъ православія въ оставшихся у нея русскихъ областяхъ, согласилась на посвященіе духовныхъ лицъ въ Кіевѣ, и проч.

Польскій король Янъ III съ горькими слезами подписалъ этотъ договоръ.

Причиною сговорчивости польской было желаніе побудить русскихъ въ войнѣ съ татарами и турками, чѣмъ ловко умѣлъ воспользоваться князь Голицынъ. Въ Москвѣ война была рѣшена, и отправлены послы въ европейскія государства искать новыхъ союзниковъ: Шереметевъ въ Вѣну, князь Яковъ

Федоровичъ Долгорукій въ Испанію и Францію (откуда онъ привезъ, замѣтимъ мимоходомъ, астролябію 14 лѣтнему Петру).

Когда послѣ перваго крымскаго похода стало извѣстно въ Москвѣ, что цесарь и король польскій думаютъ примириться съ турками, то нашему посланнику Возницыну вѣльно было объявить, какъ приводитъ Устряловъ, что при заключеніи договора Россія требуетъ отъ султана: 1) всѣхъ татаръ вывести изъ Крыма за Черное море, въ Анатолію, и Крымъ уступить Россіи, иначе никогда покоя ей не будетъ; 2) татаръ, турокъ, при Азовскомъ морѣ, также выселить, а Азовъ отдать Россіи; 3) Кизикермень, Очаковъ и другіе города уступить Россіи или, по крайней мѣрѣ, разорить; 4) всѣхъ русскихъ и малороссійскихъ плѣнныхъ освободить, безъ всякаго выкупа и размѣна; 5) за убытки, причиненные набѣгами татаръ въ прежнее время, вознаградить двумя милліонами червонныхъ.

Вотъ какіе смѣлые и широкіе замыслы, пожалуй мечты, имѣлъ князь Голицынъ, старый нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, за сто лѣтъ до императрицы Екатерины.

Приложимъ остальные извѣстія Невиля о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ по управленію князя В. В. Голицына, которыя, послѣ предложеннаго разсужденія, имѣютъ полное право на вниманіе исторіи.

Онъ хотѣлъ установить вольную продажу вина и тѣхъ съѣстныхъ припасовъ, которые, какъ подати, поступали въ казну натурою. Такъ должно разумѣть, кажется, слова Невиля, коими онъ оканчиваетъ извѣстіе вышеприведенное (стр. 145) о царскихъ доходахъ, простиравшихся до семи или осми милліоновъ ливровъ: «Что касается до съѣстныхъ припасовъ, составляющихъ остальную отрасль доходовъ, то

ее одѣнить трудно. Онъ хотѣлъ того же (прежде говорено, какъ мы видѣли, объ отдачѣ надѣльной земли какъ бы въ наемъ крестьянамъ) относительно кабаковъ и другихъ продажныхъ предметовъ и съѣстныхъ припасовъ, надѣясь такимъ образомъ дѣйствій побудить эти племена къ трудолюбію и промышленности, въ надеждѣ обогатиться».

(Quant aux denrées, qui en sont le reste du revenu, il est fort difficile d'en savoir bien au juste la valeur. Il voulait la même chose des cabarets, et des autres ventes et denrées croyant par cette conduite, rendre ces peuples laborieux et industriels, par l'espérance de s'enrichir).

Далѣе: «Голицынъ хотѣлъ было для пользы царя и служащихъ производить всѣ государственные расходы на деньги, для чего и посылать съ вѣрными людьми мѣха, наиболѣе требуемые, на продажу въ иностранныя земли, или въ обмѣнъ за такіе нужные товары, которые можно-бы было продавать въ пользу казны».

(Le dessein de Galitzin, pour le profit des Czars, et celui des officiers, était de payer toute la dépense de l'Etat en argent; et pour cela envoyer, par des gens affidés, toutes les martes et fourrures, dont l'on a moins de débit, dans les pays étrangers, pour les y vendre ou troquer avec les marchandises, dont l'on a besoin et que l'on vendait au profit des Czars).

«Онъ выписалъ изъ Греціи человѣкъ 20 ученыхъ (de docteurs) и множество дѣльныхъ книгъ, убѣждая высшее сословіе (les grands) давать воспитаніе своимъ дѣтямъ, исходатайствовалъ имъ позволеніе посылать дѣтей своихъ въ латинскія училища въ Польшѣ, совѣтовалъ другимъ выписывать гувернеровъ (воспитателей), разрѣшилъ иностранцамъ въѣздъ и выѣздъ изъ царства, чего прежде не бывало. Онъ хотѣлъ также, чтобъ члены высшаго сословія (la noblesse) путешествовали и узнавали военное искусство въ иностранныхъ государ-

ствахъ, ибо цѣлю его было замѣнить хорошими солдатами полки крестьянъ (*de changer en bons soldats les légions de paysans*), которыхъ земли остаются безъ обработыванія, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто сей бесполезной для государства повинности обложить умѣренною поголовной податью (*de chaque tête*). Думалъ онъ также отправить министровъ для всегдашняго пребыванія при разныхъ дворахъ, и представить полную свободу совѣсти въ странѣ. Онъ принялъ уже въ Москву іезуитовъ, съ которыми часто бесѣдовалъ, и которые были выгнаны на другой день послѣ его опалы... Мы трудно было бы исчислить все слышанное мною о кн. Голицынѣ. Довольно сказать, что онъ хотѣлъ заселить пустыни, обогатить бѣдняковъ, сдѣлать людей изъ дикарей, хабрецовъ изъ трусовъ, на мѣстѣ кочевыхъ обиталищъ воздвигнуть каменные палаты: все это Московія потеряла съ опалою великаго министра».

«Собственный домъ его есть одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ (*des plus magnifiques de l'Europe*), покрытъ мѣдью, внутри увѣшенъ дорогими коврами (*meublé de tapisseries*) и картинами очень замѣчательными (*fort curieux*).

«Онъ построилъ великолѣпное зданіе для коллегіума.

«Онъ велѣлъ выстроить также домъ для иностранныхъ министровъ, что возбудило охоту къ постройкамъ и въ знати и въ народѣ, такъ что во время его управленія больше 3.000 домовъ каменныхъ (?) было построено въ Москвѣ (стр. 175—178).

«Князь Голицынъ построилъ еще на Москвѣ рѣкѣ, впадающей въ Оку, каменный мостъ, о 12 (?) аркахъ, вышины необычайной по причинѣ большихъ половодьевъ; сей мостъ есть единственный каменный во всей Московіи, а строилъ го польскій монахъ (стр. 180).

«До управленія Голицына въ Москвѣ ходили по колѣно грязи (*il fallait marcher un pied dans la boue*). Онъ велѣлъ вымостить весь городъ, то есть сдѣлать деревянную мостовую (*au lieu de pavé, qu'il n'y a point dans ce pays là*,

planchéer toute la ville), что послѣ его опалы поддерживается только на главныхъ улицахъ».

«Спафарій (Spatagus), мой переводчикъ, родомъ Волохъ, былъ принятъ княземъ Голицынымъ на службу и обезпеченъ въ содержаніи. Черезъ нѣсколько времени кн. Голицынъ отправилъ его отъ имени царей въ Китай, дабы изыскать средства, какъ можно-бъ учредить сухопутную торговлю между симъ государствомъ и Московіею. Два года провелъ Спафарій въ путешествіи, преодолевая великія трудности, но при большомъ своемъ умѣ, онъ познакомился хорошо съ мѣстами, которыми ѣхалъ, и по возвращеніи обнадежилъ кн. Голицына устроить во второе путешествіе дорогу такъ, чтобъ можно было ѣхать туда (въ Китай) столь же удобно, какъ и во всякую другую страну. По его завѣреніямъ (sur ses assurances), Голицынъ велѣлъ искать дорогу самую удобную и короткую, для перевоза товаровъ, и найдя ее, устроить почтовую гоньбу (il songea aux moyens d'y établir des voitures, qui fissent), выстроить отъ Москвы до Тобольска, главнаго города въ Сибири, нѣсколько деревянныхъ домовъ, на каждахъ десяти миляхъ и поселить въ нихъ крестьянъ, отвѣдя имъ земли, съ условіемъ, чтобъ въ каждомъ домѣ содержалось по три лошади, на первый случай имъ выданныя, съ правомъ требовать отъ ѣдущихъ въ Сибирь и оттуда, по своимъ собственнымъ дѣламъ, по три су (по 15 коп.) съ лошади за 10 верстъ дороги, что составляетъ 2 нѣмецкія мили. Онъ велѣлъ по этой дорогѣ, какъ и по всей Московіи, поставить столбы (pieds), чтобъ означить версты (разстояніе) и дорогу. Тамъ, гдѣ снѣга столь глубоки, что лошади не могутъ проѣзжать, онъ устроилъ обиталища, кои роздалъ осужденнымъ на вѣчную ссылку, снабдилъ ихъ деньгами, припасами и большими собаками, на которыхъ вмѣсто лошадей можно ѣздить по снѣгу на санихъ. Въ Тобольскѣ, на рѣкѣ Иртышъ (Irstik), которую неправильно называютъ Обью, потому что она здѣсь впадаетъ, Голицынъ устроилъ большіе

магазины, наполненные запасами, а по рѣкѣ велѣлъ построить большія баржи, въ койхъ можно плыть до Кетилбаса (Ketilbas—Байкаль?) озера, находящагося у подошвы горъ *Прагоскиль* (Pragog), гдѣ также устроилъ всѣ удобства, нужныя для продолженія пути. Спафарій увѣрялъ меня, что онъ совершилъ свое послѣднее путешествіе чрезъ Сибирь въ 5 мѣсяцевъ, и такъ легко и удобно, какъ будто въ нашей Европѣ» (стр. 220—226).

Невилъ желалъ, чтобъ Спафарій сообщилъ ему подробности о рѣкахъ, горахъ и странахъ, чрезъ кои онъ проѣзжалъ, но тогъ, изъ боязни или осторожности, не хотѣлъ удовлетворить его любопытства.

По всѣмъ симъ даннымъ нельзя не признать въ князѣ Голицынѣ истиннаго государственнаго человѣка, который возвышался надъ своими современниками, и способенъ былъ возвысить свое отечество, какъ внѣ, такъ и внутри, увеличить его благосостояніе. Онъ имѣлъ уже въ виду главныя преобразованія, которыя привести въ исполненіе послѣ досталось Петру.

Къ несчастію, судьба связала князя Голицына, при самомъ началѣ поприща, съ царевной Софіей. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія во всѣхъ ея замыслахъ и держалъ себя большею частію въ сторонѣ, даже до послѣдней минуты, если иногда и не одобрялъ ея дѣйствій, то и не препятствовалъ имъ, желалъ имъ даже успѣха, сохраняя выжидательное положеніе, за которое и заплатился позорною ссылкою, со всѣмъ своимъ семействомъ, кончилъ жизнь въ нуждѣ и поруганіи.

Могъ ли князь Голицынъ выбрать себѣ другую дорогу, могъ ли поступать иначе? По крайней мѣрѣ должно сознаться, что выборъ былъ для него затруднителенъ.

Теодоръ приближался къ смерти, и вслѣдствіе его втораго

брака (1682 г., въ февралѣ) готовилась перемѣна въ правленіи: бояринъ Матвѣевъ, умнѣйшій, передовой человекъ своего времени, ненавистное лицо для царевнѣ и Милославскихъ, родственныхъ имъ по ихъ матери, всей ихъ партіи, вызывался изъ ссылки; съ нимъ вмѣстѣ должна была выступить на сцену вдовствовавшая царица Наталья Кириловна, съ сыномъ, уже десятилѣтнимъ Петромъ, и со всѣми своими братьями и родственниками, ихъ партіей — знатнѣйшими боярами. Князь Голицынъ, принадлежавшій къ партіи Милославскихъ, не любимый боярами за уничтоженіе мѣстничества, долженъ бы былъ отойти на второй планъ или даже совсѣмъ затеряться въ толпѣ.

Ему, отвѣдавшему уже власти, мечтавшему о преобразованіяхъ, естественно было желаніе остаться на поприщѣ дѣйствій.

Милославскіе, или представители ихъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ, съ Софіей и ея сестрами, рѣшились предупредить грозившій ударъ и удержать власть, которая болѣе или менѣе находилась пока въ ихъ рукахъ, ибо приближенные Теодоровы, Языковъ и Лихачевы, не касались, кажется, внутреннихъ дѣлъ управленія, ограничиваясь первенствомъ и могуществомъ въ дѣлахъ придворныхъ и частныхъ.

Составился заговоръ возвести на престолъ по смерти Теодора старшаго брата Ивана, не смотря на его болѣзнь, слѣпоту, общепризнанную неспособность, — и самое избраніе Петра. Извѣстно, какія кровавыя мѣры были избраны партіей, которая умѣла воспользоваться смятеніями стрѣльцовъ. Князь Голицынъ не принималъ въ нихъ видимаго участія, и ни въ одномъ документѣ не упоминается его имя, но безъ сомнѣнія былъ на сторонѣ Софіи и Милославскихъ, что доказывается назначеніемъ его во второй день бунта начальникомъ посольскаго приказа.

Среди бунта погибли главныя лица Петровой партіи, и правленіе досталось царевнѣ Софіи.

Можетъ быть тогда уже, или вскорѣ, началась любовная связь ея съ княземъ Голицынымъ, и онъ сдѣлался первымъ

совѣтникомъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ государствѣ. Первоначальный планъ ихъ былъ, по свидѣтельству Невилля и молодаго Матвѣева, женить больнаго Ивана, доставить ему дѣтей, и подѣ ихъ именовемъ царствовать, а въ случаѣ нужды отстранить ихъ, какъ незаконныхъ, и самимъ сочетаться бракомъ. Съ Петромъ, оставленнымъ на произволъ судьбы гулять въ Преображенскомъ, сладить во всякомъ случаѣ, казалось, было не мудрено.

Софія вознамѣрилась быть Екатериною, но неудачно. Избранная жена Иванова рожала всякій годъ по дочери, а сына, желаннаго соперника Петру, не было.

Два похода на Крымъ, которыми, между прочимъ, правительство намѣревалось придать себѣ значеніе и прославиться, кончились несчастливо, по отсутствію ли военныхъ дарованій въ Голицынѣ, или по другимъ несчастнымъ обстоятельствамъ, а партія Петрова усиливалась, и онъ самъ показывалъ уже свой характеръ. Приверженцы ободряли его принять участіе въ дѣлахъ, чтобы и самимъ выйти съ нимъ на поприще.

Между тѣмъ поведеніе его внушало всѣмъ опасенія: занимаясь съ утра до вечера военными потѣхами, онъ сблизился и подружился съ нѣмцами, привыкалъ пить и гулять, показывалъ расположеніе къ буйству, жизни вольной, совершенно противоположной старому придворному обряду. Потѣшные его конюхи, преобразованные въ гвардію, не отличались скромнымъ поведеніемъ.

Софія, съ Голицынскимъ, Милославскими и прочими друзьями, могла оправдывать въ своей совѣсти, подѣ благовидными предлогами, намѣреніе удержать власть, чтобы не подвергнуть опасности государство подѣ управленіемъ такого гуляки и озорника, какимъ представлялся имъ семнадцатилѣтній Петръ, готовый броситься въ объятія нѣмцевъ.

Царица мать была также вѣроятно недовольна его образомъ дѣйствій, и чтобы остепенить его, придумала женить поскорѣе. Бракъ съ Евдокіей Феодоровной Лопухиной совер-

шенъ былъ еще прежде, нежели Голицынъ возвратился изъ втораго крымскаго похода (1689 г., января 27).

Не мѣсто распространяться здѣсь о послѣдовавшихъ событіяхъ.

По возвращеніи князя Голицына, препирательства Петра съ сестрою возобновлялись все сильнѣе и сильнѣе. Онъ выражалъ ясно рѣшеніе отстранить ее и царствовать безъ ея помощи. Молодая супруга его сдѣлалась беременна. Голицынъ предвидѣлъ исходъ борьбы и хотѣлъ, по извѣстію Невиля, отправить старшаго сына, вмѣстѣ съ младшимъ и внукомъ, съ посольствомъ въ Польшу и перевести туда на всякій случай свои богатства, уѣхать потомъ самому, еслибъ заговоръ не удался, подъ покровительство короля, набрать войско въ Польшѣ, присоединить казаковъ и татаръ, и силою исполнить то, чего не удалось политикѣ, но Софія, увѣренная въ преданности стрѣльцовъ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ орудія власти, удерживала его и обнадеживала въ своемъ успѣхѣ. Она рѣшилась прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ Петра. Голицынъ не принималъ дѣятельнаго, непосредственнаго участія, предоставляя вести дѣло новому любимцу Софін, начальнику стрѣлцаго приказа, Шакловитому. До послѣдней минуты она продолжала надѣяться. Но на верху написано было иначе. Все шло вопреки ея желаніямъ. Мѣры не достигали цѣли. Партія ея ослабѣвала. Послѣдній замысленный ударъ не удался. Между ея приверженцами нашлись доносчики, которые предупредили Петра. Онъ успѣлъ ускакать ночью изъ Преображенскаго къ Троицѣ, и тѣмъ рѣшилъ споръ въ свою пользу. Сухаревъ полкъ, а за нимъ и другіе, бояре и городовые дворяне, вызванные грамотами, собирались къ нему со всѣхъ сторонъ. Софія долго сопротивлялась, но принуждена была наконецъ уступить и идти въ монастырь; наперсникъ ея Шакловитый казненъ, а князь Василій Васильевичъ, только благодаря заступничеству своего двоюроднаго брата, князя Бориса Алексѣевича Голицына, избавленный отъ казни, былъ сосланъ въ Пустозерскъ, а потомъ въ Пинегу.

Тамъ прожилъ онъ подѣ стражею двадцать слишкомъ лѣтъ въ бѣдности и нуждѣ, не получая ни отъ кого никакой помощи (вромѣ царевны Софіи, которая прислала ему однажды двѣсти червонныхъ). Тамъ привелось ему слышать о новыхъ покушеніяхъ стрѣльцовъ, объ ихъ страшныхъ казняхъ, о пестриженіи царевны Софіи и вмѣстѣ о славныхъ подвигахъ того безпутнаго мальчишки, на котораго смотрѣлъ онъ вѣроятно съ одинакимъ презрѣніемъ, какъ и сестра его, не ожидая ничего добраго отъ его буйныхъ затѣй: о путешествіи по Европѣ, о сооруженіи флота, о взятіи Азова, объ основаніи Петербурга, о побѣдѣ подѣ Полтавой...

Какъ не пришло въ голову Петру, по окончаніи смуты, употребить въ дѣло дознанныя способности князя Голицына на пользу отечества?

Два раза, по пути въ Архангельскъ и изъ Архангельска, онъ проѣзжалъ такъ сказать мимо его, и не думалъ не только о принятіи его на службу, но и о возвращеніи изъ ссылки, даже объ облегченіи сколько нибудь его тяжелой участи съ семействомъ. Никто, видно, не смѣлъ и напомнить Петру...

Да, Петръ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ злопамятенъ: горе было всякому, кто бы ни былъ, становиться на пути его, быть ли казаться ему преградою для исполненія его намѣреній, задуманныхъ европейскихъ преобразованій! Пощады никому не было: жена, сынъ, сестры, любимцы, любимицы—всѣ испытывали тяжесть его руки одинаково со всѣми виноватыми и невинноватыми, которые возбуждали только его подозрѣніе.

Князь Голицынъ скончался лѣтъ семидесяти,* въ 1713 г., и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ, въ 16 верстахъ отъ Холмогоръ.

* Князь В. В. Голицынъ родился, по указанію Устрялова (11, стр. 81) въ 1643, году, потому что въ 1686 году ему было лѣтъ 43.

Русскіе люди! кому случится быть на сѣверѣ, загляните въ Пинегу, и помяните добромъ князя Василя Васильевича Голицына, который уничтожилъ мѣстничество, и за двѣсти почти лѣтъ до нашего времени, думалъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, о раскладкѣ равномерной подати, объ образованіи дворянства.

М. Погодинъ.

Января 23-го,
1874.

ІЕРЕЙ.

(НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ НА ВОСТОКѢ).

Штурмуютъ османы тверднии Царьграда:
Разметаны башни; въ дыму и въ огнѣ,
Послѣдняя пала предъ ними ограда,
Палъ кесарь послѣдній въ бою на стѣнѣ.

И сила невѣрныхъ во градъ покоренный
Вломила отвсюду; за нею во слѣдъ,
Вождей и улемовъ толпой оруженный,
Вступилъ торжествуя султанъ Магометъ.

• Спасаясь отъ плѣна, въ Святую Софію
Толпа заперлася и женъ и дѣтей;
И къ смерти готовясь, свершалъ литургію,
Средь общихъ рыданій, старикъ іерей.

И вотъ, совершилась ужъ тайна святая
Безкровныя жертвы, разверзлись врата
И выступилъ старецъ съ дарами, взывая
Народъ приобщиться во имя Христа.

Вдругъ съ громомъ разсѣлись наружныя двери,
Слетѣли запоры и турки толпой
Во храмъ ворвались, какъ дикіе звѣри,
И кровь полилася въ Софіи Святой.

И храмъ обратился въ вертепъ преисподней;
Но въ ужасѣ общемъ и женъ и дѣтей,
Какъ будто на стражѣ святыни Господней,
Одинъ не смутился сѣдой іерей.

И чашу святую, и взоръ умиленный
Всей силою вѣры онъ къ небу вознесъ;
Взоръ этотъ былъ воплемъ души сокрушенной,
Глубокимъ, сердечнымъ: «Владыко Христосъ!»

Молилъ онъ, «не дай твоему іерею
«Узрѣть оскверненье святыни своей!
«Не дай надругаться, о Боже! злодѣю
«Надъ тѣломъ пречистымъ, надъ кровью твоей!»

И вопль былъ услышанъ. Свершилося чудо:
Раздался вдругъ помость, глухая стѣна
Во очію всѣмъ поднялася оттуда
И скрыла алтарь съ іереемъ она.

Палъ градъ Константина — и дѣти ислама
Въ немъ властвуютъ гордо на стыдъ христіанъ.
Давно ужъ святыня Софійскаго храма
Мечетію стала въ рукахъ мусульманъ.

Но въ тяжелой неволѣ народная вѣра
Хранить упованье изъ вѣка во вѣкъ,

Что гнѣва Господня исполнится мѣра —
То знаютъ и вѣрятъ и турокъ и грекъ, —

Что тамъ, за чудесной стѣною, хранимый
Чудесною силой, живетъ іерей
И молить онъ Бога, для міра незримый,
И часть спасенья великаго дней.

И дни тѣ настануть; отъ странъ полунощи
Господь избавленья пошлетъ благодать:
Подъ знаменемъ вѣры, исполнена мощи,
Къ Стамбулу придетъ православная рать.

Падеть передъ нею невѣрныхъ ограда,
Ихъ силу на вѣки она сокрушить,
И снова прибѣтъ ко вратамъ Царяграда,
Какъ древле когда-то, побѣдный свой щить.

Отъ края Босфора до края Эвксина
Раздастся свободы призывъ громовой,
И вступить рать Божья во градъ Константина,
И кончится плѣна позоръ вѣковой.

И въ мигъ, какъ съ вершины Святыя Софін
Она полумѣсяцъ низвергнетъ во прахъ,
Въ тотъ мигъ, какъ сыны православной Россіи,
Воздвигнувъ надъ ней искупленія стягъ,

Съ молитвою вступать во храмъ тотъ, смиренно
Склоняя честныя свои знамена,
Въ немъ новое чудо свершится мгновенно:
Исчезнетъ внезапно глухая стѣна;

Открытый алтарь вдругъ заблещетъ огнями
И, выступивъ снова изъ царскихъ дверей,
На встрѣчу имъ выйдетъ съ святыми дарами
Скрытый вѣками сѣдой іерей.

М. Розенгеймъ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРОЪЗЖАГО *

1845—1847.

(О ЧЕРКЪ).

..... Скажи, на что бы
Выросли колыбели, гробы —
Если нѣтъ завѣтной цѣли имъ!...
Вер...

I.

По условію, охотники должны были собраться на «Вульфова Рудку» къ 4 часамъ утра. Я проспалъ: было уже почти четыре часа, когда я проснулся — и то благодаря ржанію лошадей и бряцанію сабли коннаго лѣснаго объѣзжика, который разбудилъ и всю мою благополучно-храпѣвшую команду — двухъ адмиралтейскихъ мастеровыхъ и топографа.

— Треба спешаты! настойчиво докладывалъ объѣзжикъ. — Въ пять минутъ мы были на коняхъ и немилосердно тряслись въ сѣдлахъ черезъ сжатые поля, промоины и овраги. Съ пригорка я съ удовольствіемъ увидѣлъ надъ паростникомъ тонкую голубую струю дыма.

— Сѣ Вулька! указалъ нагайкой объѣзжикъ.

«Вульфова Рудка», «Вулька», «Рудня» — имена урочищъ, очень часто встрѣчаемыя по западному краю. Что именно значать «Вульки и Рудки» въ эти филологическія тонкости я не вникалъ, но знаю, что подъ ними всегда оказывается корчма

* Другіе отрывки изъ этихъ «Замѣтокъ» были напечатаны: «Крѣмъ» въ 1859 году въ Военномъ Сборникѣ, «Темникъ» въ 1861 году въ Современникѣ и «Старикъ» въ 1867 году въ Военномъ Сборникѣ.

съ жидомъ въ мочезинѣ и на ней непремѣнно гнилой мостъ съ бродомъ.

За паростникомъ открылась вся «Вулька». У корчмы расположились десятки разныхъ бричекъ, нейтчанъ, чертопкоекъ и воевъ съ выпряженными лошадьми; немножко въ сторонѣ отъ нихъ возвышалось блестящее «ландо», запряженное цугомъ четверней, въ краковской сбруѣ. По-одадь корчмы строился сермяжный фронтъ въ бараньихъ высокихъ шапкахъ, съ палками въ рукахъ. Черный, какъ ворона, жидокъ обносилъ по фронту водку: шапки по очереди снимались, и каждый изъ крестьянъ выпивалъ свой шкаликъ и утирался полой сермяги. Это — «трактовались» *загонщики*. Ихъ было повидимому болѣе 200 человекъ. На лѣвомъ флангѣ — псаря; десятка два своръ гончихъ, то лежали, то сидѣли, дрогнувъ, то путались въ сворахъ и взвизгивали, приводимыя въ порядокъ выжлятниками.

Передъ корчмой въ двухъ-трехъ кучкахъ стояли охотники, покуривая и бесѣдуя оживленно.

— А-а! наконецъ-то! встрѣтилъ меня лѣсничій, и отозвавшись съ тонкой ироніей о «столичныхъ» охотникахъ, предложилъ прежде всего познакомиться съ графомъ Гроховскимъ, окольнымъ магнатомъ и патриархомъ всей «полюющей» (охотящейся) братіи на 300 верстъ кругомъ, и съ сыномъ его, прекраснымъ и «ученымъ» молодымъ человекомъ.

Общество охотниковъ — до тридцати человекъ, было крайне разнообразной внѣшности: тутъ были чемерки, венгерки, кашушки, сюртуки — въ числѣ ихъ два-три форменныхъ; всевозможныя шапки, картузы и мурмолки. Усы — закрученные, тонкіе, спущенные по запорожски и просто сливающиеся съ бородой. Оружіе и охотничьи доспѣхи всѣхъ сортовъ и калибровъ на многихъ было расположено со вкусомъ, на иныхъ въ изобиліи. Два-три гладкія лица, нарочито вооруженныя, все-таки почему-то напоминали второстепенныхъ божковъ Олимпа; одно изъ нихъ, всѣмъ улыбающееся, даже прямо походило на купидона. Но это оказался становой.

Познакомься кой съ кѣмъ, я пробирался къ графу, — онъ встрѣтилъ меня жестомъ благоволенія. Фигура его была замѣчательна: высокій, худой, сѣдой, но рачительно причесанный и примазанный, онъ былъ въ зеленомъ рейтъ-фрактѣ съ большими темной бронзы пуговицами, въ щегольскихъ ботфортахъ, въ охотничьемъ картузѣ и въ палевыхъ лосиныхъ перчаткахъ. Высокій накрахмаленный воротникъ, брызжи на груди и манжеты изъ-за рукавовъ, придавали какой-то, не то средневѣковой, не то балетный характеръ его костюму. Самое лицо, желтоватое, худое и серьезное ничего не выражало, кромѣ увѣренной и безвредной важности. Онъ съ достоинствомъ подаль мнѣ руку, сказалъ нѣсколько любезностей, какъ охотнику, и кстати ввернулъ, что графы Гроховскіе изъ рода въ родъ слыли страстными охотниками и что лучшими часами своей собственной жизни онъ считаетъ проведенные въ «полѣ», въ приятномъ обществѣ лучшихъ изъ людей — охотниковъ.

Я скромно отвѣтилъ, что хотя я, какъ городской житель, и худшій изъ лучшихъ, но всякій разъ въ обществѣ охотниковъ ощущаю нравственное свое усовершенствованіе.

Пошлость пошла бы далѣе, но подошелъ сынъ графа; старикъ отрекомендовалъ его: графъ Вацлавъ — такой же-де, какъ и я: истинный охотникъ.

Молодой человѣкъ, серьезной наружности, былъ очень хорошъ собой. Мы пожали другъ другу руку; въ эту минуту раздался голосъ распорядителя охоты — лѣсничаго.

— Господа, по мѣстамъ! — Потомъ краткая инструкция: не шумѣть, не курить и по мелкой дичи не стрѣлять. Загонщики и псарь уже потянулись по смугу за очереть, подъ предводительствомъ своего атамана. Нами заправлялъ старый казакъ запорожскихъ статей, съ длинной одностволкой черезъ плечо, съ торбой и рогомъ черезъ другое.

— Съ Богомъ, панове! Гайда!...

Мы направились къ опушкѣ лѣса, темнѣвшаго шагахъ въ двухстахъ отъ корчмы.

Впереди шли человѣкъ десять охотниковъ, потомъ молодой

графъ съ оруженосцемъ отца своего, — это былъ коренастый казакъ, черезъ-чуръ уже изувѣшанный ягдташемъ, патронташемъ, рожкомъ, флягой и пистоньеркой; онъ несъ свое и графское оружіе — богатую, съ серебрянымъ приборомъ и золотой насѣчкой двустволку.

Графъ шелъ со мной и продолжалъ прерванную повѣсть о родовой страсти графовъ Гроховскихъ къ охотѣ: «я охотился въ Бѣловѣжской пущѣ, на Кавказѣ, въ Абиссиніи, въ Шотландіи, а теперь—дальше своихъ «Палестинъ» не посягаю: времени нѣтъ!» прибавилъ онъ, вздохнувъ, какъ бы избѣгая ссылки на причину по очевиднѣе — окончательную драхлость свою.

Лѣсная шуба или опушка густыми желто-зелеными купами орѣшника и мелкой поросли ярко выдѣлялась на фонѣ синѣющаго дубоваго лѣса; правѣ лѣса спускался по косоугору терновый кустарникъ, за нимъ ивнякъ и еще ниже — сочилась мочезина, похожая на усохшее русло рѣки; но ней торчалъ сперва рѣдкій и невысокій, а далѣе все гуще и выше тростникъ. Солнце поднималось противъ насъ; по золотистому востоку рѣзко обрисовывались темныя вершины старыхъ дубовъ, мѣстами ихъ синеватыя кудри точно раздвигались, пропуская яркій лучъ зари, а въ прогалинахъ чернѣли развилыстыя сучья суховершинника и сухоподстоя. Мы вошли въ лѣсъ; тамъ лежала тѣнь, и прозрачный воздухъ между сѣрыми стволами деревьевъ, какъ будто курился, чѣмъ дальше, тѣмъ гуще, и со всѣмъ синѣлъ въ перспективѣ. Надъ нами стоялъ неподвижный сводъ густой и крупной листвы. Шаги и тихій говоръ охотниковъ были отчетливо слышны: въ лѣсу царствовала зарева тишина.

— Тихо, панове! обернувшись шепнулъ казакъ. Все смолкло. Только тамъ и сямъ чиликали и перепархивали проснувшіяся пташки, глухо ворковалъ лѣсной голубь и иногда рѣзко, будто осерчавъ, выкрикивалъ картавый стрекотъ сои.

— Звиря бачить! оглянувшись прошепталъ оруженосецъ графа. Графъ сопѣлъ и скользилъ по травѣ своими

ботфортами; хрипота старческой груди его играла въ тишинѣ мѣрно.

Мы подошли къ склону лѣснаго косогора; насажденіе рѣдѣло и пошло мельче, кустарники чаще. Здѣсь вдоль лѣса тянулась долина и внизу на скатѣ ея, за опушкой ивняка чуть колыхался густой очереть. Легкія повѣвы утревника иногда пробѣгали зыбью по его вершинамъ точно по зеленой степи. Предводитель нашъ началъ уставлятъ охотниковъ: шаговъ черезъ 60—70, подѣ деревомъ или за кустомъ стоялъ, охорашиваясь, то усатый шляхтичъ, то гладкій чиновникъ, или по самыя глаза заросшій баками панъ экономъ, или вахмистръ. Всѣ они улыбались и потрогивали свои шапки при проходѣ графа; онъ благосклонно кивалъ головой.

Очередь дошла до молодого графа, но казакъ кивнулъ мнѣ и указалъ на дерево: «лисъ буде!» шепнулъ онъ; графъ сдѣлалъ мнѣ «ручку»; я остался. Шагахъ въ 50-ти за мной, на самомъ, какъ мнѣ послышалось, «звѣриномъ тропу», казакъ пригласилъ остаться подѣ деревомъ графа; за деревомъ помѣстился его оруженосецъ. Еще далѣе сталъ молодой графъ. Черезъ четверть часа шаги удаляясь смолкли, все притихло— и я услышалъ даже бѣеніе моего сердца.

Въ лѣсной тишинѣ, въ напряженномъ ожиданіи перваго отдаленнаго крика загонщиковъ, и еще пуще — перваго лая твкнувшей гончей—невольнo сдерживаешь дыханіе и негoлько далекій щебетъ пташки, но и шелестъ травы подѣ пробѣжавшимъ кротомъ — все слышится отчетливо, преувеличенно, все видишь въ одно мгновенье изоцрeннымъ взоромъ, ни одно беззвучное движеніе не пройдетъ незамѣченнымъ. Кругомъ ко всему становишься внимательнымъ и кажется чувствуешь свою человѣческую, — превосходящую способность всякаго звѣря, — чуткость. Вотъ промелькнула въ вѣтвяхъ бѣлка и прислушивается не замѣчая тебя; въ травѣ у ногъ твоихъ задралась и шерчатъ двѣ букашки, издали жужжить пчела... Точно какой-то невидимый лѣсной хоръ въ глубокой тишинѣ готовится грянуть свою дивную симфонію и чуть пробуетъ свои стран-

ныя ноты... Тишина начинает томить, сердце бьется сильнее...

Тамъ и сямъ шелкнули курки—охотники на сторожѣ.

И вотъ—слышится звукъ трубы, слѣва далекій выстрѣлъ, справа—другой, загудѣли голоса и мѣрное, тонкое влаеванье... По вершинамъ лѣса, кажется, прошелъ трепетъ, смягчая дикіе диссонансы акордовъ...

Позади шелестнулъ кустъ, и чуть слышимый топотъ удалась смолекъ—это стрѣкнулъ заяцъ, либо хитрый и осторожный волкъ, первый почув облаву.

Приближаются перекливающіеся голоса и ровный лай... И вдругъ прорвался зычный вскрикъ: а ту его! ту-ту-ту у-люлю!... жалобно звянуло влаеванье гончей, нюхнувшей горячій слѣдъ звѣря; подхватилъ густой лай, залилась другая свора, дальше третья—и съ подвиганіемъ закипѣла музыкальная брехня—варомъ варить стая по зрячему. Откуда-то вырвался заяцъ, прогалопировалъ по линіи, присѣлъ, робко повода ушами; другой какъ ошпаренный летитъ мимо безъ всякаго соображенія и увлекъ за собой осторожнаго труса. Ни кто и не глядѣлъ на нихъ. Слѣва, по одалъ отъ насъ, ожесточенно залилась стая—и вдругъ сильный голосъ отрывисто крикнулъ: «пильнуй! дикъ!» Широко заколыхался и захрястѣлъ тростникъ. Что-то громоздкое мелькнуло черезъ поляну и съ отчаяннымъ плачемъ и лаемъ стая пронеслась въ лѣсъ; нѣсколько выстрѣловъ грянули дробью одинъ за другимъ, затрѣщали по лѣсу кусты и сушнякъ, черезъ мигъ смокли,—послышался короткий стонъ... За нимъ кликъ охотника: «го-го-го!» и наконецъ побѣдная труба: свалили вепря!

Въ ту же минуту издали передъ нами ревнулъ голосъ изъ тростника «пильнуй»... Вдали заливалась другая стая; гудѣли глухіе выстрѣлы.

Я глянулъ на графа, онъ держалъ свое ружье на готовѣ и съ открытымъ ртомъ глядѣлъ упорно тусклыми глазами въ мою сторону. А прямо предъ нимъ колыхались тонкой извилистой струей верхушки тростника... струя остановилась.

Гончія на мигъ, какъ будто поотдали, перебрехиваясь въ недоумѣніи... Справа отъ насъ одинъ за другимъ раздались выстрѣлы—и вдругъ точно ужаленная взвизгнула гончая—одна, другая и горячо залилась вся стая... Загонщики кричатъ яснѣе и гудче...

«Пильнуй!» оралъ точно ограбленный голосъ, а графъ глядитъ напряженно въ мою сторону и носомъ указываетъ мнѣ на тростникъ.

Я ткнулъ ему пальцемъ въ тростникъ по направленію противъ него, онъ глянулъ и застылъ...

Струя по тростнику передъ нимъ вбѣжала въ поляну: изъ подъ тростника высунулась рыжая точно подсмоленная острая морда, свербающими глазами окинула передъ собой всю открытую мѣстность и притаивъ устремила взглядъ на графа. Онъ выставилъ ногу и весь подавшись впередъ, медленно, дрожащими руками наводилъ свою двустволку...

Это былъ мигъ; я могъ стрѣлять и уже прицѣлился, но какъ стало старика. Тростникъ хрустѣлъ, гончія были близко—быстрымъ скачкомъ вынырнула на поляну лисица и пластомъ разстилаясь по травѣ, вильнула пушистой трубой, понеслась къ лѣсу между мною и моимъ дряхлымъ сосѣдомъ. Два ствола дрожащаго ружья его провожали улепетывающаго звѣря и уже глядѣли черезъ него на меня своими темными дулами... Лисица уходила за линію стрѣлковъ, я приложился и почти одновременно грянули два выстрѣла: дробь сухо царапнула по моему сапогу лисица перекувырнулась, но стремительнымъ скачкомъ метнулась лѣвѣе меня въ чащу; гончія, выскочивъ изъ тростника, заливались по ея слѣдамъ... Грянулъ близкій выстрѣлъ: правый сосѣдъ мой шелъ въ чащу и черезъ минуту раздался его голосъ: го-го-го! и радостное влаеванье подбѣжавшихъ гончихъ. Раздвигая кусты, сосѣдъ несъ ко мнѣ зашиворотъ выгнувшуюся во всю свою длину, съ повиснувшей мордой и высунутымъ языкомъ, лисицу. Она еще дергала задней ногой и судорожно вильнула хвостомъ, гончія припрыгивали, обнюхивали ее и влаевали.

Я кивнулъ головой охотнику, указавъ въ сторону графа, и оглянулся; страстный старикъ стоялъ въ какомъ-то обаяніи: онъ указывалъ дрожащимъ пальцемъ на лисицу, лицо его сіяло, ироническій взглядъ какъ будто хотѣлъ сказать: вотъ-моль мы каковы!...

Гончія тавкали по лѣсу, загонщики выходили изъ тростника, вдали раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, то по одному, то залпомъ. Скоро все смолкло. Рогъ лѣсничаго протрубилъ «отбой» и кончилъ его пріятной фісритурой. Охотники сходились,—за ними волобли двухъ волковъ, еще лису, и наконецъ лѣснаго панцырнаго богатыря—матераго кабана; залитая смолой щетина его была непроницаема для пули.

Всѣ поздравляли графа и многіе были въ восторгѣ отъ его выстрѣла. Ко мнѣ подошелъ сынъ его и улыбаясь шепнулъ: «отъ меня все было видно».

Всѣ осматривали убитыхъ звѣрей. Выстрѣлъ въ ухо кабана единогласно признанъ мастерскимъ; усатый шляхтичъ, сразившій вепря, скромно хвалилъ свою «дубельтувку», почему-то называя ее «шпаньской».

Еще скромнѣе, но довольно длинно и съ худоскрываемымъ упоеніемъ рассказывалъ графъ всю процедуру своего «счастливаго» выстрѣла: «я видѣлъ, какъ эта шельма — и онъ небрежно ткнулъ ботфортой въ морду распростертаго у ногъ его звѣря,—какъ эта бестія кралась тростникомъ, какъ выглянула изъ него: что это за хитрость! что за умъ, ловкость!.. я даль ей такъ сказать развить всю свою лисью тактику, тихо провозжалъ прицѣломъ свою жертву—и, и, и... какъ видите!...»

Какъ не видѣть: сапогъ мой у самой щиколки былъ оцарапанъ и даже почти пробитъ дробиною. Къ счастью тѣмъ и ограничился этотъ «счастливый» для обоихъ насъ выстрѣлъ преклоннаго Нимврода.

Нимвродъ сдѣлалъ жестъ своему оруженосцу, тотъ вострубилъ въ турій рогъ;—вблизи такіе же рога созывали собакъ. Облава этой «кнеи» кончена.

Черезъ нѣсколько минутъ къ кружку нашему подошелъ

дородный и также въ рейтъ-фрактъ маіордомъ графа съ хрустальной чаркой на подносиѣ въ одной рукѣ и съ старой заскорузлой бутылкой въ другой. За нимъ лѣсниѣкъ несъ небольшой мѣшокъ.

«Позвольте, господа, по товарищески, по охотничьи—важно отозвался графъ—попотчивать васъ простой, но теперь едва ли не единственной почтенной «старушкой».

Маіордомъ налилъ въ чарку нѣчто въ родѣ прованскаго масла по цвѣту и густотѣ.

«Охотники пьютъ рано!» промолвилъ графъ. Всѣ пили и изумлялись; по общему приговору «старушка» оказалась дѣйствительно «единственная». Похваламъ не было конца: «нѣжное ощущеніе какой-то бархатности, тончайшій аромат, вкрадчивая, предательская крѣпость, словомъ обаятельное чувство—не самого страстнаго поцѣлуя,—а живое воспоминаніе о немъ—все это тонкимъ эфиромъ разливается по всему вашему существу»... Тагъ говорилъ одинъ охотникъ изъ чиновниковъ и всѣ подтвердили его умную и правдивую рѣчь.

«Этой *куфь* ровно 140 лѣтъ. На то есть метрика и инныя документальныя доказательства!» промолвилъ графъ и оттопырилъ нижнюю губу: «бочка эта была налита въ день рожденія моей покойной бабушки княжны Самгуше!»

Прелестная старушка!...

На закуску маіордомъ поднесъ каждому по дюшесѣ, совершенно достойной выпитой «старушки».

Послѣ этого вполне сіятельнаго завтрака, старецъ, утомленный сильными ощущеніями удачной охоты, распрощался съ нами. Кровавый трофей — лисицу, понесли за нимъ и къ общему соблазну на шубѣ ея всѣ увидѣли два кровавыя пятна: стало ясно, что звѣрь убитъ двумя выстрѣлами — въ голову и въ пахъ, — чего никакъ не могло случиться съ третьимъ, оцарапавшимъ мой сапогъ.

Проводивъ графа до коляски, сынъ его возвратился къ намъ продолжать охоту. Занимали вторую кнею. Мы съ нимъ шли

рядомъ, и молодой человекъ сталъ было благодарить меня за мою любезность уступки выстрѣла отцу его.

— Сущяя бездѣлица! отвѣтилъ я.

— Конечно, для дилетанта — жертва не особенная, но.... Говоря это, графъ глядѣлъ куда-то въ лѣсъ и продолжалъ развязно свою благодарность.

Истинный охотникъ пойметъ меня: я всегда воображалъ себя записнымъ охотникомъ по призванію, по страсти, и уважалъ мою спеціальность нисколько не меньше всякой, какой угодно. А извѣстно, что чѣмъ мельче спеціальность, тѣмъ она щекотливѣе, раздражительнѣе; истаго же охотника назвать дилетантомъ — это почти непрощаемая обида. Я такъ и принялъ.

— То есть, почему же я дилетантъ?

— Ну, это ясно....

— То есть, отчего же ясно?

— Вы согласитесь, что тотъ, кто на примѣръ опаздываетъ на мѣсто свиданія съ женщиной, или уступаетъ ея поцѣлуй другому — ужъ конечно же не страстно любить ее!...

Я молчалъ. Пять мѣткихъ словъ разочаровали меня; я не охотникъ.

— А вы сдѣлали то и другое! продолжалъ наивный молодой человекъ.

Надо было согласиться и скрыть досаду.

— Вы однако психологъ, отвѣтилъ я ему: сравненіе ваше вѣрно и убѣдительно; ясно, что оно взято съ натуры, почувствовано, а не сочинено!...

Онъ улыбнулся. Разговоръ этотъ сблизилъ насъ. Слѣдующую вѣню мы встали сосѣдами и какъ на смѣхъ на меня выбѣжала опять лисица. Я убилъ ее на повалъ.

— Возвращаю назадъ слово! брякнулъ мнѣ графъ.

— Не принимаю!

Два-три промаха по звѣрю на этой же охотѣ, совсѣмъ разочаровали меня въ моемъ призваніи. Я махнулъ на него рукой.

Вечеромъ кончилась охота. Графъ приглашалъ меня на ночлегъ къ себѣ въ село; но я собирался на другой день въ

Одессу, а оттуда въ Петербургъ. Онъ сказалъ, что если я пробуду въ Одессѣ дней пять, то навѣрное встрѣтимся, потому что черезъ три дня онъ ѣдетъ за границу изъ Одессы же.

Увидимся у Каруты (извѣстный кафе) или въ Лондонской гостинницѣ, гдѣ совѣтую остановиться: самая удобнѣйшая.

Ладно!

Мы расстались почти друзьями.

II.

. . . . .

Пообѣдавъ довольно скверно въ Балтѣ, часу въ 7-мъ, я выѣхалъ далѣе и рассчитывалъ въ гор. Ананьевѣ выпить чаю, а къ утру быть въ Одессѣ. Воздухъ вдругъ похолодѣлъ, поднялся вѣтеръ и началъ накрапывать дождь. Со второй станціи погода разыгралась и въ полпути на небо надвинулись тавія тучи, что не стало видно дороги. Дождь хлестнулъ сплошными струями ливня; вѣтеръ вылъ, твердая дорога сразу превратилась въ бодото и не стало слышно ни колесъ, ни звонка, только кнутъ возницы шлепалъ по всей мокрой троегѣ. Не смотря на теплую шинель и плюсовый пиджакъ, холодная струя дождя пробралась мнѣ за воротникъ — я продрогъ.

Наконецъ въ темнотѣ сверкнулъ огонекъ, тройка круто повернула въ ворота и врѣзалась дышломъ въ бабую-то бочку.

— А нѣхъ васъ вишетцы дзіаблы везмо! раздалось пѣвучее привѣтствіе и вынесенный изъ дверей тусклый фонарь чуть освѣтилъ силуэтъ огромнаго дормеза; изъ него исходили проклятія. Я вылѣзъ изъ повозки въ мягкую, какъ подушка, грязь. Залѣпленный бумагой фонарь испускалъ на столько свѣта, сколько его надо было, по выраженію Мильтона, чтобы разглядѣть непроницаемый мракъ. Возница завезъ меня во дворъ

станціи. Еврей допрашивалъ, кто пріѣхалъ, я шлепалъ къ дверямъ и требовалъ пріюта.

— Не ма покоя! хрипѣлъ еврей.

— Какъ не ма? Оказалось, что весь станціонный домъ пребываетъ въ переходномъ положеніи отъ бытія къ небытію или обратно: все сломано, кромѣ сѣней, и по обѣ стороны ихъ по комнатѣ. Но одна наполнена семействами содержателя-жида и писаря хохла; въ другой пріютились двѣ проѣзжія графини; а въ сѣняхъ, на кадкахъ и бочкахъ, храпять графскій гайдукъ. Самовара нѣтъ — графини кушаютъ чай; лошадей тоже нѣтъ — самъ графъ взялъ послѣднюю тройку и изволилъ уѣхать въ Одессу для приготовления помѣщенія графинямъ; въ дормезѣ спитъ горничная.... А дождь льетъ, какъ вѣроятно лилъ во время всемірнаго потопа. Кажется, всѣ графы и графини цѣлаго бря сговорились непременно доканать меня—то огнемъ оружія, то способомъ потопа — все равно....

— Ну, такъ гдѣ жъ прикажете быть?

— А якъ вельможному пану завгодно! и еврей освѣтилъ сѣни: тутъ оказались дрова, кирпичъ, растворенная въ ящикѣ известь, дегтярныя мазницы, а надъ головами на шестахъ ободья, шлеи, сбруя и спящія куры.

Изъ апартамента несея невоздержный ревъ проснувагося жиденка, увѣщанія сонной матери его и басовое назиданіе хохла: «а якъ я возьму нагая, да пидыму тобі, триста чортывъ, батькови, сорочку, да вытягну добре, такъ вжешь заспи-ваешь въ менѣ!...»

— Зей стиль! покрикивалъ еврей передъ моимъ носомъ. Куры выражали неудовольствіе съ шестовъ.

Мною овладѣло ожесточенное чувство, подобное рѣшимости храбраго солдата, наткнувагося на непріятельскую траншею: мѣрно шелкнувъ три раза въ дверь и, не ожидая приглашенія, я дернулъ щеколду и очутился передъ двумя графинами и самоваромъ, въ обильномъ свѣтѣ двухъ свѣчей.

Послѣ мраба, праха и разрушенія все это представилось мнѣ сперва однимъ яркимъ свѣтлымъ пятномъ, предъ кото-

рымъ я вратцѣ извинился и, сбросивъ на лавку у дверей мою промокшую шинель, сталъ-было добывать изъ кармана курительные снаряды; но по немножку взглядываясь въ лежавшую на диванѣ женщину, я изумился. Храбрость моя исчезла, какъ у того же храбраго солдата, который, ворвавшись въ траншею, вдругъ носъ къ носу напоролся бы, вмѣсто непріятеля, на свое же высшее начальство.... Я попридержался съ куревомъ.

Точно въ живыхъ цвѣтахъ яркаго ковра, которымъ былъ покрытъ диванъ, покоилась надъ книгой, въ позѣ Батоніевской Маріи Магдалины, но прекраснѣе ея, женщина. Такаго мягкаго, тонкаго и художественнаго очертанія лица и всей фигуры, помнится, я не видалъ ни въ самой натурѣ и ни у какихъ мастеровъ, ни старыхъ, ни новыхъ школъ. Она читала внимательно, я влѣпилъ въ нее глаза. Она напоминала типъ Мурильовскихъ Мадоннъ, но казалась еще дѣвственнѣе и прекраснѣе.

У женщинъ, разумѣется, прекрасныхъ, есть особенная, имъ однимъ свойственная чуткость: онѣ *слышатъ* взглядъ, устремленный на нихъ, все равно откуда — хоть за пять верстъ, черезъ телескопъ. Это совсѣмъ не то, что извѣстная магнетическая сила взгляда — это еще не опредѣлено и не формулировано научно; но несомнѣнно, что свойство это принадлежитъ только прекраснымъ женщинамъ, да еще отчасти бѣглымъ преступникамъ.

Какъ будто позволивъ мнѣ наглядѣться, она положила на столъ книгу, немножко зѣвнула и, чуть обернувъ ко мнѣ античную голову свою, предложила чашку чаю: «вы, кажется, спрашивали самоваръ?»

— Вы милостивы, графиня: въ моемъ положеніи это сущее благодѣаніе....

— Слѣдовательно, христіанскій долгъ! Она улыбнулась, привстала и оправила блузу свою, изъ-подъ которой, точно бѣлый мышонокъ выглядывалъ кончикъ полуразувшейся ножи.

Въ креслахъ, тоже покрытыхъ ковромъ, сидѣла другая фигура, высокая, строгаая, старая женщина. Она хлопнула сон-

ными глазами, взглянула какъ-то надменно. Не обращая на нее особаго вниманія, я продолжалъ относиться къ младшей:

— Простите, графиня, что я такъ потревожилъ васъ.... Но тихій взглядъ красавицы легкимъ движеніемъ зѣницъ, повернулъ меня къ старшей и, повинувась инстинктивно, я кончилъ мое извиненіе уже фронтомъ къ старухѣ.

Мнѣ отвѣчено чѣмъ-то въ родѣ *à la guerre comme à la guerre* и не совсѣмъ любезнымъ зѣвкомъ. Глаза строгой старушки опять сомкнулись.

Мадонна налила чашку чаю и указала взглядомъ на стулъ, который стоялъ почти въ ногахъ ея.

Поостодвинувшись, я усѣлся. Чай былъ превосходенъ. Отъ сахарныхъ крендельковъ и бисквитъ надо было благоразумно отказаться: я могъ увлечься и съѣсть ихъ всѣ. Я рѣшился напиться чаю спеціально и за каждой чашкой встрѣчалъ легкую одобрительную улыбку. Однако послѣ четвертой, Геба моя взялась за книжку; а я было подумывалъ, какъ бы закурить папироску съ пятой чашкой.

— Можетъ быть, вы еще хотите? спросила она.

— Графиня!... я хотѣлъ поблагодарить и вмѣсто того брякнулъ: чашки ужасно малы!... Впрочемъ думалось—не дѣтей же мнѣ съ тобой крестить, я продрогъ изрядно.

— Уповаю на ваше христіанское терпѣніе!... Она налила пятую и прибавила: Если вы курите—не стѣсняетесь: я тоже курю! и предложивъ мнѣ открытую золотую папиросницу съ пахитосами, закурила сама.

Завязался разговоръ, помогшій мнѣ, вмѣсто испанской соломы, закурить, съ шестою чашкой, мой серьезный «самсонъ». Монотонный говоръ нашъ тоже помогъ пріятному сну старухи; она захрапѣла, да такъ рѣзко и непріятно, что я невольно взглянулъ на нее.

Сонъ—предатель душевныхъ тайнъ: на спящемъ лицѣ можно прочесть иногда то, что неуловимо въ экспрессіи осторожнаго, бодрствующаго человѣка. Освѣщенная съ одной стороны

спящая старая графиня, напоминала профиль Горгоны: такъ и вѣяло отъ нея холодомъ.

Собесѣдница моя, кажется, замѣтила мой взглядъ и промолвила: пашап утомилась, она не можетъ спать дорогой, за то теперь отдыхаетъ сладко. И очень любезно прибавила: а я, напротивъ, всю дорогу спала и теперь не могу спать.

Кстати, храпѣнныя старухи, ливень, хлещущій по окнамъ, безпрестанный плачь жиденка въ сосѣдней избѣ и попискиванье на нашести куръ — все вмѣстѣ настроилось въ такой монотонный, тупой гулъ, который вовсе не мѣшаетъ вниманности даже тихаго разговора. Я взглянулъ какъ-то на книжку; которую графиня положила на столъ вверхъ оберткой; это былъ еще новый въ то время романъ «Jean Sbohar». — Рѣчь зашла о литературѣ. Это была эпоха Дюма, Бальзака, Жоржъ-Занда, Гюго, Диккенса, Кореръ-Бель, Теккерей и комп. У насъ обозначился Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, возникъ Тургеневъ, Некрасовъ; она назвала много нѣмцевъ и итальянцевъ, съ которыми «мы, впрочемъ, не служили», какъ выразился категорически полковникъ Скаловубъ о Татьянѣ Юрьевнѣ. Она знала всѣхъ; знала, мнѣ казалось, все. О **каждомъ** отзывалась въ нѣсколькихъ словахъ и характеристика ея были женственно мѣткіи и оригинальны. О Диккенсѣ, **напримѣръ**, замѣтила очень скромно, что онъ чуть ли не **единственный** писатель, такъ мало теряющій въ *переводахъ*, **кто** вполне понятенъ на всѣхъ языкахъ. «Это можетъ быть **ттого**, что у него надъ умомъ преобладаетъ сердце—великій космополитъ человѣчества». Я, разумѣется, вполне соглашался.

Заговорили объ оперѣ, объ искусствахъ;—она и тамъ была «какъ дома». Тембръ голоса Фредцолини она предпочитала звучности и чистотѣ голоса Віардо-Гарціи. Она любила слушать Гризи, но изрѣдка; точно также, какъ видѣть Рашель; Рубини назвала мастеромъ и серьезнымъ талантомъ, а Маріо приторнымъ. И всѣхъ она слышала, то во Флоренціи, то въ Парижѣ, и все это припоминалось просто, кстати и

совершенно естественно. Безъ всякой натяжки и тоже естественно перешли къ дрезденской галлерей: она отзывалась о ней съ восхищеніемъ, кромѣ нѣмецкихъ классиковъ, «а Гольбейна, признаюсь, и совсѣмъ не понимаю». Кстати, я тоже не понималъ, а притомъ и не видѣлъ никогда. Изъ старыхъ мастеровъ особенно симпатіей ея пользовался Мурильо. Все это высказывалось такъ наивно и однако съ такимъ тонкимъ пониманіемъ, что мнѣ приходилось, во избѣжаніе вращенія на «общихъ мѣстахъ», сильно затягиваться моимъ «самсономъ», пуская дымъ въ сторону. Этимъ невиннымъ маневромъ я надымилъ до того, что Горгона закашлялась и угрожала пробужденіемъ, но къ счастью опять захрапѣла.

— «Мурильо — продолжала она — такъ глубоко-мягокъ и человѣчно-святъ, что Мадонна его, мнѣ кажется, всегда будетъ современна, какъ идеаль женщины»... А она сама казалась мнѣ именно тѣмъ идеаломъ, который вдохновлялъ самого Мурильо и очень походила на его Мадонну (съ чѣтками).

— Вы рисуете, графиня? спросилъ я.

— Когда-то писала, но и теперь люблю живопись...

Это *когда-то* разсердило и образумило меня: ей самой было не больше двадцати-пяти лѣтъ. Это ужъ пересолено! А мнѣ такъ пріятно было вѣрить ея наивности.

— Да, всѣму есть предѣлъ!... подумалъ я, совсѣмъ нечаянно, вслухъ. Она потребовала объясненія; лгать съ такой женщиной нельзя, да и опять таки умная женщина всегда прощаетъ даже грубость, если подкрасить ее, положимъ — лестью. Я объяснилъ, что вовсе не хотѣлъ сказать того, что сказалъ громко, но не отрицая талантовъ въ женщинахъ, не думаю, чтобы прекраснѣйшія изъ нихъ были способны разрабатывать свои таланты.

— Это отчего?

— Времени нѣтъ: на нихъ съ дѣтства вѣчно глядятъ и мѣшаютъ имъ заняться собою для себя.

Она улыбнулась какъ-то небрежно, однако согласилась со мною,

Порывъ вѣтра сильно стукнулъ въ эту минуту въ окно, заставивъ ее вздрогнуть и оглянуться: это движеніе распахнуло ея кашемировую блузу; спустившаяся батистовая, обшитая тонкими кружевами сорочка полуоткрыла ея грудь. Въ картинѣ Даная, посѣщаемая Юпитеромъ—въ облакѣхъ, нисходящемъ съ золотымъ дождемъ, великій художникъ изобразилъ невидимое божество—передъ вами тѣнь, но вы чувствуете въ ней таинственное присутствіе бога. Такая же таинственная тѣнь мелькнула передо мной въ распахнувшейся одеждѣ ея—тамъ почивали боги... Я силился потупить глаза, но нервы не дѣйствовали; она слегка покраснѣла. Кокетства тутъ не было: я былъ видимо огорошенъ или очарованъ... Она конечно понимала это и какъ будто снисходила милостиво: на прелестномъ лицѣ ея, въ задумавшихся глазахъ, куда-то устремленныхъ, въ дѣтской, хитрой полуулыбкѣ я прочелъ въ свою пользу: да Богъ же съ тобой, отдохни на распутьѣ, — все равно мнѣ скучно!... Невыносимая прелесть!...

Какое-то раболѣпіе одолѣвало меня; я чувствовалъ, что уже принимаю милостыню этой властительной красавицы. Лучезарное, ликующее и тихое могущество разбудило сатанинскую гордыню—я возмущался...

Кстати—потолокъ скрипнулъ и какъ-то застоналъ за порывомъ вѣтра.

— Что за жалкая обстановка! промолвила она, взглянувъ въ потолокъ: что-бы здѣсь въ этомъ благодатномъ, богатомъ краю сдѣлали англичане, напримѣръ!...

— Сами боги тутъ ничего не подѣлали бы! отвѣтилъ я очень храбро.

— Вы думаете?

Я совсѣмъ не объ этомъ думалъ, но разговоръ самъ перешелъ на этотъ благодатный край. Она было намекнула, точно изъ урока географіи, на климатъ, почву и естественныя произведенія страны и на отсутствіе всякой энергической дѣятельности въ ней, словомъ, покушалась на политическую экономію, но тотчасъ же созналась, что очень мало смыслить

во всемъ этомъ и очень мило подтрунила надъ собой: «мнѣ гораздо больше хочется знать, нежели могу изучить», и улыбувшись, кольнула меня: «времени нѣтъ!»—Я похвалилъ ее за сознаніе и возмущеніе мое опять смирялось.

Не помню какъ, коснулись мы охоты и я рассказалъ ей послѣднюю, въ которой участвовалъ. Она слушала съ любопытствомъ. На вопросъ ея, охотникъ ли я, я объяснилъ ей подробно мое разочарованіе въ мнимой страсти къ охотѣ. Ей очень понравилось удачное и убѣдительное сравненіе, которымъ молодой человекъ изобличилъ передо мною же мою напускную страсть.

— Онъ навѣрное самъ влюбленъ страстно, сказалъ я: — потому и выразился такимъ мѣткимъ сравненіемъ. Надѣюсь допросить его — мы встрѣтимся въ Одессѣ.— При этомъ я назвалъ графа Вацлава. — И тайна раскрылась: она чуть вспыхнула, спокойный взглядъ ея измѣнилъ ей, и пойманная врасплохъ, не съ разу овладѣла собой. Но она и не старалась заглядить своего нечаяннаго движенія. Хотя имя Вацлава было произнесено безъ всякаго ударенія, но мать графини храпнула, пошевелилась и опять уснула, вздохнувъ однако; графиня кинула на нее мелькомъ взглядъ. Помолчавъ немного, она продолжала разговоръ и между прочимъ отозвалась о Вацлавѣ: «Онъ старый нашъ знакомый; жаль, мы не увидимся съ нимъ въ Одессѣ, — послѣ завтра мы отплываемъ въ Константинополь и оттуда въ Аѣины»... На Аѣинахъ слышалось замѣтное удареніе и маменька, мнѣ показалось, опять шевельнулась. Къ чему эти Аѣины! думалось мнѣ.

Но Аѣины окончательно образумили меня: я твердо вошелъ въ роль хладнокровнаго проѣзжаго.

Кто знаетъ вашу тайну, тотъ либо другъ, либо врагъ вашъ — середины нѣтъ. Китайцы говорятъ, положимъ, еще категоричнѣе: «тайна, которую знаютъ двое — не тайна». Но какъ-то безотрадно признать эту, хотя бы и глубокую истину. Зачѣмъ отнимать у бѣдной жизни тѣ иллюзіи, которыми она такъ восхитительно-роскошна. Богъ съ ней и съ мудростью,

безпощадно срывающей оболстительные покровы тайнъ— пусть они такъ тепло и пріютно прикрываютъ скудость, холодъ и всю нищету жизни. Пусть дають наслажденіе, радости, счастье, хоть бы и ложное, обманчивое, немножко унизительное—но счастье, непремѣнно счастье. А иначе и жить не стоитъ.

Вся эта іереміада дѣвла мнѣ въ голову изъ-за Аенинъ. И мнѣ-то что за дѣло до нихъ. Чтò мнѣ Гекуба и чтò я Гекубѣ...

А все таки тайна прекрасной женщины отрезвила меня: я глядѣлъ на нее ясиѣе, спокойнѣе, холоднѣе.

Понявъ случайныя отношенія мои съ Вацлавомъ, она молча какъ будто предложила мнѣ свою дружбу; я принялъ ее молча...

Она продолжала быть прекрасной, восхитительной; я глядѣлъ на нее, слушалъ ее, но мнѣ все казалось, что откуда-то изъ смутной дали, тѣснится къ намъ какой-то строгій, оскорбленный и рогатый призракъ.

Дождь пересталъ; въ углу комнаты стучали на полъ капли съ протекшаго потолка... Свѣчи горѣли блѣдно, ничего не освѣщая, свѣтъ брезжилъ въ тускляя окна.

На дворѣ колокольчикъ изрѣдка побрякивалъ, лошади всхрапывали... Графиня задумалась... Старушка, съ мраморнымъ профилемъ, храпѣла; издали донесся Богъ вѣсть откуда тихій плачь младенца. Мы печально взглянули другъ на друга и почему-то мнѣ стало несказанно жаль ее...

На дворѣ тонко посвистывалъ сквозь губы, вѣроятно, ямщикъ; я прислушался: и самый способъ свиста, и мотивъ были не «здѣшніе».

— Размокропогодило! отозвался чисто русскій голосъ.

— Страх-х-хъ!... отвѣчалъ еврей.

— Страхъ не страхъ, а болота вдоволь!...

Затѣмъ въ комнату вошелъ еврей и доложилъ:

— Лошади васему зіательству готовись!

Мое «зіательство» приказало ему вынести и вытряхнуть

мою шинель—я всталъ. Старая графиня проснулась и значительно зѣвнула. Молодая привстала и, придерживая свою распахивающуюся блузу, подала мнѣ руку и пожала мою,—мнѣ показалось ерѣпко.

— Ты зачѣмъ тутъ въ этой губерніи проѣдаешься? спросилъ я бородатаго великорусса-ямщика, посвистывающаго на шлепающую по грязи тройку.

— Я-то?

— Ты-то!

— Да такъ себѣ, тутъ будетъ вольготнѣе.

— Ну, пошелъ, да пой ту пѣсню, что ты насвистывалъ.

— Я-то?

— Ты-то!

— Какую такую пѣсню?

— Толкуй по пятницамъ. Пошелъ и пой! прибавлю на водеу!

— Вишь ты баринъ! ухмылившись промолвилъ ямщикъ. Я сунулъ носъ въ теплый воротникъ. Небо прояснилось, вѣтеръ стихалъ, и чуть посвистывая, едва на 5-й верстѣ, ямщикъ затянулъ себѣ въ бороду, все возвышая голосъ, плакучую дребедень:

«Ты, суди, суди, астраханскій
Суди губернаторъ!
Суди правдою, суди по законамъ:
Какъ ужъ воръ-подлецъ, добрый молодецъ,
Да съ меня-ль молодой, красной дѣвицы,
Снялъ алый платочекъ.
При честномъ при всемъ при народѣ-то,
Въ глаза насмѣялся!»

И, ахъ вы, сердечныя! ямщикъ повелъ возжами, тройка топала по грязи. А пѣсня не прерывалась:

«Взговорить ли ей астраханскій-той
Судить губернаторъ:

Безъ поры-поры, безовременья
 Солнышко не свѣтитъ,—
 Безъ прилуки-ли добрый мѣлодецъ
 Къ дѣвушкѣ не ходитъ!...»

И, эхъ вы, дружки, милые жидовскіе! онъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ, и тройка понеслась, высоко снопами разметывая грязь всѣми копытами и колесами.

«Экой умный астраханскій губернаторъ!» думалось мнѣ.

Дня два спустя около полудня я сидѣлъ у Каруты и пилъ кофе. Въ 12 часовъ отходитъ пароходъ въ Константинополь; всѣ посѣтители Каруты взяли за шляпы и я тоже: какъ же не идти на пристань людямъ, которымъ все равно куда ни идти. День былъ ясный, теплый; по улицѣ крутилась знаменитая одесская пыль. Пароходъ уже развелъ пары и пассажиры протискивались сквозь толпу зрителей съ своими мѣшками. У кассы толпилось чрезвычайно пестрое общество: евреи, греки, итальянцы и прочіе народы. Общее вниманіе особенно привлекали къ себѣ двѣ стройныя гречанки съ толстенькимъ грекомъ: откинувъ вуали, гречанки носились съ своими необыкновенными, до того длинными и тяжелыми рѣсницами, что красавицы едва могли открывать одну треть своихъ прекрасныхъ глазъ; а маленькій грекъ съ такимъ же, какъ рѣсницы красавицъ, несоразмѣрнымъ носомъ, какъ будто занятымъ на время у другаго, большаго грека, — вертѣлся, точно по вѣтру.

Передъ вторымъ звонкомъ къ пристани подкатила четырехмѣстная коляска. Гайдукъ соскочилъ съ козелъ; выразительнаго и немножко суроваго лица господинъ, выпрыгнувъ нѣсколько тяжело, подаль небрежно руку сидѣвшей въ коляскѣ старушкѣ и съ помощью лакея высадилъ ее; другую даму почти на рукахъ снялъ самъ. Обѣ были подъ густыми вуалами. Горничную, съ сидѣнья за коляской, лакей стащилъ, какъ стаскиваютъ снопы съ высокаго воза. Господинъ съ гор-

мою шинель—я всталъ. Старая графиня проснулась и значительно зѣвнула. Молодая привстала и, придерживая свою распахивающуюся блузу, подала мнѣ руку и пожала мою,—мнѣ показалось крѣпко.

— Ты зачѣмъ тутъ въ этой губерніи проѣдаешься? спросилъ я бородатаго великорусса-ямщика, посвистывающаго на шлепающую по грязи тройку.

— Я-то?

— Ты-то!

— Да такъ себѣ, тутъ будетъ вольготнѣе.

— Ну, пошелъ, да пой ту пѣсню, что ты насвистывалъ.

— Я-то?

— Ты-то!

— Каку таку пѣсню?

— Толкуй по пятницамъ. Пошелъ и пой! прибавлю на водку!

— Вишь ты баринъ! ухмылившись промолвилъ ямщикъ. Я сунулъ носъ въ теплый воротникъ. Небо прояснилось, вѣтеръ стихалъ, и чуть посвистывая, едва на 5-й верстѣ, ямщикъ затянулъ себѣ въ бороду, все возвышая голосъ, плачущую дребедень:

«Ты, суди, суди, астраханскій
Суди губернаторъ!
Суди правдою, суди по законамъ:
Какъ ужъ воръ-подлецъ, добрый молодецъ,
Да съ меня-ль молодой, красной дѣвицы,
Снялъ алый платочекъ.
При честномъ при всемъ при народѣ-то,
Въ глаза насмѣялся!»

И, ахъ вы, сердечныя! ямщикъ повелъ возжами, тройка лопотала по грязи. А пѣсня не прерывалась:

«Взговорить ли ей астраханскій-той
Судить губернаторъ:

Безъ поры-поры, безовременья
 Солнышко не свѣтитъ,—
 Безъ прилуки-ли добрый молодецъ
 Къ дѣвушкѣ не ходить!...»

И, эхъ вы, дружки, милые жидовскіе! онъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ, и тройка понеслась, высоко снопами разметывая грязь всѣми копытами и колесами.

«Экой умный астраханскій губернаторъ!» думалось мнѣ.

.....

Дня два спустя около полудня я сидѣлъ у Каруты и пилъ кофе. Въ 12 часовъ отходить пароходъ въ Константинополь; всѣ посѣтители Каруты взялись за шляпы и я тоже: какъ же не идти на пристань людямъ, которымъ все равно куда ни идти. День былъ ясный, теплый; по улицѣ крутилась знаменитая одесская пыль. Пароходъ уже развелъ пары и пассажиры протискивались сквозь толпу зрителей съ своими мѣшками. У кассы толпилось чрезвычайно пестрое общество: евреи, греки, итальянцы и прочіе народы. Общее вниманіе особенно привлекали къ себѣ двѣ стройныя гречанки съ толстенькимъ грекомъ: откинувъ вуали, гречанки носились съ своими необыкновенными, до того длинными и тяжелыми рѣсницами, что красавицы едва могли открывать одну треть своихъ прекрасныхъ глазъ; а маленькій грекъ съ такимъ же, какъ рѣсницы красавицъ, несоразмѣрнымъ носомъ, какъ будто занятымъ на время у другаго, большаго грека, — вертѣлся, точно по вѣтру.

Передъ вторымъ звонкомъ къ пристани подбатила четырехмѣстная коляска. Гайдукъ соскочилъ съ возель; выразительнаго и немножко суроваго лица господинъ, выпрыгнувъ нѣсколько тяжело, подалъ небрежно руку сидѣвшей въ коляскѣ старушкѣ и съ помощью лакея посадилъ ее; другую даму почти на рукахъ снялъ самъ. Обѣ были подъ густыми вуалами. Горничную, съ сидѣнья за коляской, лакей стащилъ, какъ стаскиваютъ снопы съ высокаго воза. Господинъ съ гор-

ничною, нагруженною картонками и мѣшечками, направился къ кассѣ, и тамъ что-то объяснялъ кассиру, почтительно приподнявшему шляпу.

Дамы стояли у перилъ пристани; я — невдалекѣ глядѣлъ на суетящуюся толпу. Фигура закрытой вуалемъ молодой пріѣхавшей женщины была очень стройна и спокойна; поворотомъ головы она медленно обвела толпу и — мнѣ показалось — остановилась на мнѣ: позади меня никого не могло быть — я стоялъ у перилъ. Едва замѣтно кивнула она головой, какъ будто подзывая меня, и отвернула вуаль — это была графиня.

Я протиснулся сквозь толпу, подошелъ къ ней, раскланялся, но мать отвернулась, не замѣчая меня, а графиня торопливо и тихо, но отчетливо сказала: «Прошу васъ, скажите ему: мы ѣдемъ не въ Аѳины, а въ Венецію; я узнала только сегодня». Я спросилъ довольно громко: «Это я долженъ передать графу Вацлаву?»

— Да, будьте добры!

— Слушаю!

Она протянула мнѣ спущенную руку; въ ней былъ платокъ, я пожалъ руку. Въ эту минуту выразительный господинъ кричалъ отъ кассы:

— *Mes dames, passer, s'il vous plait.*

Старушка пропустила впередъ графиню; у ногъ моихъ лежалъ бѣлый платокъ, я поднялъ его и догоняя дамъ раза два повторилъ довольно громко: «вы уронили платокъ, графиня!» Мать обернулась и почти рванула у меня платокъ, промывавъ мерсі.

Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ. На пароходѣ, какъ мнѣ показалось, господинъ что-то спрашивалъ маменьку, она показала ему платокъ, онъ глядѣлъ пристально на меня, я на него. Но пароходъ, свистя и лопоча колесами, поворачивался кормой къ пристани, дымъ и паръ заслонялъ его.

Вотъ тебѣ и Аѳины!...

Три дня спустя, когда я пилъ у Каруты мой обычный кофе и перелистывалъ гатеты, ко мнѣ подошелъ графъ Вацлавъ.

Поздоровавшись, какъ старый знакомый, онъ сѣлъ и въ мрачномъ настроеніи духа сразу сталъ сѣтовать на судьбу, которая иногда безщадно издѣвается надъ человѣкомъ.

— За то иногда и балуетъ неблагодарнаго человѣка! сказалъ я; кстати, у меня есть къ вамъ порученіе: графиня Т* приказала сказать вамъ....

Онъ встрепенулся, вспыхнулъ и спросилъ въ недоумѣніи: «вы знаете Эмилию?»

— Не знаю — Эмилиа-ли, но повторяю: графиня Т* просила меня передать вамъ, что она съ семействомъ отправилась не въ Аѳины, а въ Венецію....

— Ради Бога, объясните!

— Извольте; только дайте кончить порученіе: и что она только сегодня узнала объ этомъ. Теперь объяснимся.

Онъ схватилъ мнѣ руку и весь просіялъ; торопливо предложилъ еще нѣсколько вопросовъ и просилъ говорить тише.

Я улыбнулся. Я не видѣлъ причины секретничать, но съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Да не лучше ли намъ выйти отсюда?

Оказалось, что мы живемъ въ одномъ отелѣ—въ «Лондонѣ». Дорогой я рассказалъ ему все, начиная со встрѣчи моей съ графиней на станціи, до отплытія ея въ Константинополь.

Онъ вѣроятно замѣтилъ, что я довольно легко отношусь ко всей этой интрижкѣ; можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ выразилось, что я не совсѣмъ былъ доволенъ участіемъ моимъ въ ихъ тайнѣ—и онъ спѣшилъ извиниться, благодарилъ меня и какъ будто успокаивалъ и оправдывалъ: «если бы вы все напередъ знали, то и тогда бы поступили точно также: вѣрьте честному слову—тутъ гораздо больше несчастія, нежели.... чегонибудь чернаго; а Эмилиа—положительно *невинна!*...»

Я что-то плохо понималъ эту странность, но вѣрилъ. Да наконецъ, какая бы была ему надобность объясняться со мной: за подобныя услуги благодарность не обязательна. Я ему это и выразилъ.

Но мы все-таки сошлись. Слѣдующій пароходъ отправлялся

через четыре дня: все это время мы проводили вмѣстѣ и много говорили о ней.

Вацлавъ былъ честный и откровенный человѣкъ, и хотя *счастливые* такимъ счастьемъ, какимъ онъ обладалъ, предпочитаютъ таинственность откровенности, но именно это счастье Вацлава и составляло его глубокое несчастье; онъ это признавалъ и искренно обвинялъ одного себя. Разъ какъ-то, рассказывая подробно сцену съ платкомъ на пароходѣ, когда мужъ Эмилиі, вѣроятно допрашивая мать, глядѣлъ на меня, я сознался, что чувствовалъ всю небезупречность моего положенія и обратись онъ ко мнѣ въ ту минуту, я рассказалъ бы ему все — меня-таки смущалъ его взглядъ. Вацлавъ находилъ это естественнымъ, но какъ будто оправдывая меня, намекнулъ, что мать Эмилиі *нехорошая* женщина, а о мужѣ сказалъ: «не хочу злословить его, но Эмилиа очень несчастлива! — Я вѣдь знакомъ съ нею уже восемь лѣтъ!» прибавилъ онъ.

Я удивился: «да ей, мнѣ кажется, всего-то не больше двадцати пяти?»

— Да, немножко больше: я зналъ ее еще почти ребенкомъ. Это ангелъ *чистоты!* Никто въ мірѣ меньше ее не заслужилъ своего несчастья!... и онъ молчалъ, погрузясь въ какую-то думу.

Никакого толку тутъ добраться нельзя было. Но честный человѣкъ не можетъ же лгать сознательно.

Послѣднюю ночь мы проболтали на пролетъ. Онъ зналъ, что я часто бываю на службѣ въ западномъ краѣ и вдругъ серьезно спросилъ меня: хочу ли я оказать ему дружескую услугу?

— Если могу — съ удовольствіемъ.

Онъ всталъ, открылъ шкатулку и вынулъ маленькій пакетъ:

— Отдайте при случаѣ эту вещицу по адресу: не знаю мѣста, но легко справиться въ Вильнѣ.

Я согласился, если вещь не цѣнная, иначе не рисковалъ, зная свою способность терять собственныя вещи.

— Не цѣнная! отвѣтилъ онъ: хоть конечно очень жаль было

бы, еслибы она потерялась; но теперь у меня рѣшительно нѣтъ случая — я никого не засталъ здѣсь изъ близкихъ знакомыхъ. Не отвѣжайте!

— Я далъ слово.

Мы условились переписываться и попрощались дружески. Я просилъ его поцѣловать ручку графинѣ Эмилиі. Онъ обнялъ меня братски.

— Эмилиа непремѣнно полюбила васъ! сказалъ онъ, пожимая мою руку.

— Ну это-то, положимъ, совершенно бесполезно! подумалъ я, пожимая его руку еще крѣпче.

Въ полдень мы разѣхались — онъ въ Константинополь, я въ Петербургъ.

III.

Прошло мѣсяца два по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ; отъ графа Гроховскаго никакой вѣсти не было, и если бы не порученный мнѣ пакетъ, то вѣроятно я забылъ бы и о немъ и о прелестной Эмилиі.

Но однажды, завтракая у безсмертныхъ «братьевъ Вольфъ», читаю въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ рубрикой «Смѣсь» выдержку изъ иностранныхъ газетъ страннаго содержанія:

Венеція недавно была встревожена загадочнымъ трагическимъ происшествіемъ: сюда приѣхало на дняхъ очень богатое и знатное путешествующее семейство. Какой-то русскій графъ съ женой и съ матерью ея; они остановились въ лучшемъ отелѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ одно раннее утро, нашли въ лагунахъ пустую гондолу и около нея — три трупа: прекрасной графини, неизвѣстнаго молодого джентльмена и гондольера, въ которомъ мать графини признала мужа своей дочери. Тайна не разъясняется: горничная ихъ скрылась, а ста-

рая графиня потеряла рассудокъ и проводитъ дни и ночи неподвижно, въ упорномъ молчаніи.

Сметливая редакція «Пчелы» прибавила отъ себя замѣчаніе: «Не *утка* ли это, которыми иногда пробавляются неизобрѣтательные нѣмцы? Какъ будто въ Венеціи не нашлось ни одного русскаго, который по крайней мѣрѣ повѣстилъ бы насъ о нашихъ погибшихъ землякахъ!»

Замѣчаніе остроумное; однако меня немножко смутило это извѣстіе.... Ужъ не *они* ли это?

Поздней весной я былъ на Волыни. Искрещивая по дѣламъ службы столбовыя дороги и проселки, проѣздомъ я остановился въ г. Ровно и въ тотъ же вечеръ зашелъ къ старому знакомому моему, управлявшему дѣлами лѣснаго округа. Это былъ честный старикъ, патриархъ двухъ поколѣній: дѣти и внуки его жили съ нимъ вмѣстѣ. При входѣ къ нимъ, на меня кинулась съ лаемъ огромная, породистая лягавая собака; но тотчасъ же смягчилась и ласково завляла хвостомъ. Меня встрѣтили очень радушно; вся семья собиралась пить чай и мы усѣлись у самовара.

На похвалу мою породистой собакѣ, хозяинъ предложилъ мнѣ ее въ подарокъ. Какъ ни люблю я собакъ, но подарокъ казался слишкомъ цѣненъ для людей небогатыхъ—я отказался. Однако всѣ дѣти, очевидно любившія своего стараго «Мильтона», какъ они звали собаку, стали упрашивать меня взять его.

«Продайте—возьму: я съ предразсудками — живыхъ подарковъ не принимаю!» отвѣчалъ я, смѣясь съ дѣтьми.

— Да онъ почти мертвый! сказалъ хозяинъ: за него ничего нельзя взять; можно только изъ великодушія спасти его, — иначе онъ завтра же будетъ повѣшенъ.

«Что за трагедія?»

— «Да-съ! этого требуетъ правосудіе и весь еврейскій кагалъ! — приговоръ уже подписанъ полицейскою властью». И хозяинъ объяснилъ, что кромѣ уже осужденныхъ преступленийъ, еще шесть дѣлъ производится въ полиціи по поводу укушенія жидовъ разбойниковъ Мильтономъ.

Какъ-то пеловко было слушать нма почтеннаго поэта, замѣшанное въ такія вляззы; но дѣло въ томъ, что Мильтонъ, никого никогда не кусающій, не можетъ удержаться, что бы не укусить жда, при каждомъ удобномъ случаѣ. Объясняя эту фатальную невоздержность, хозяинъ обратился къ собакамъ съ укоризной: «жаль, а повѣсить тебя должно: *pegeat mundus—fiat justicia!* Вотъ что, сукинъ сынъ».

Лезавшій Мильтонъ, такъ глянувъ на своего хозяина, какъ будто понималъ по латыни,—приникъ мордой къ полу, и слегка виляя хвостомъ, покосился на меня. Я позвалъ его; онъ вскопчилъ и когда я погладилъ его, онъ улегся у моихъ ногъ.

«Видите какая бестія! сказавъ ухмыляясь добрый старикъ: вѣдь чувствуетъ!» Дѣти пришли хоромъ: возьмите Мильтона! И Мильтонъ очевидно чувствовалъ, если и не именно веревку, грозившую ему, то навѣрное что нибудь подобное.

Люди напрасно не признаютъ высшихъ душевнымъ и умственныхъ качествъ въ животныхъ и унижаютъ ихъ даже до того, что взаимно ругаются ихъ именемъ.

«Кто ты, человѣкъ, употребляющій самое драгоценное время жизни на ѣду и сонъ? Ты — скотъ и больше ничего!» восклицаетъ, въ одной изъ своихъ драмъ, гениальный ругатель—Шекспиръ.

«Ты напился, какъ скотъ!» восклицаютъ безъ всякихъ драмъ и вовсе не гениальные ругатели, забывалъ, что только скотъ имѣлъ бы право сказать своему пьяному товарищу: «ты напился, какъ человѣкъ!» по нивагъ не обратно, съ большой головы на здоровую.

Напротивъ, скромные мыслители говорятъ иначе:

«Это мои лучшіе друзья!» писалъ Вальтеръ-Скоттъ о собакахъ, которыхъ онъ такъ любилъ за *человѣчныя* ихъ качества, что провелъ въ ихъ сообществѣ почти всю жизнь свою.

«У меня былъ только одинъ другъ—и тотъ лежитъ здѣсь!» надписалъ Байронъ на памятникѣ своей ньюфаундлендской собаки. Развѣ это не убѣдительно?

И я былъ убѣжденъ, что Мильтонъ какъ нельзя лучше по-

нималъ всю безотрадную для него суть разговора своего хозяина со мной. За тѣмъ, на общую просьбу—возьмите Мильтона! я согласился съ условіемъ — «если онъ самъ пойдетъ за мною и не убѣжитъ отъ меня завтра». Въ томъ и другомъ я былъ вполне увѣренъ; однако на всякій случай произнесъ это условіе повывразительнѣе, давая ему замѣтить: «дуракъ-де ты будешь, если не пойдешь или убѣжишь!» Онъ понялъ и молчалъ.

Да не подумаетъ благосклонный читатель, что Мильтону предстоитъ какая либо видная роль въ моемъ не вымышленномъ разсказѣ; онъ тутъ только потому и необходимъ, что самъ со всей своей жидовской антипатіей не вымышленъ, а таковъ и былъ. Наконецъ, проведя съ нимъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ съ своей псарней, но къ сожалѣнію только три года, если бы я зналъ куда дѣвался его случайно погибшій прахъ, непременно поставилъ бы ему памятникъ и можетъ быть написалъ бы на немъ тоже самое, что Байронъ на памятникѣ своей собаки. Онъ былъ дѣйствительно высоко благороденъ и превосходилъ въ этомъ многихъ изъ двуногихъ тварей.

Съ жидофоба Мильтона разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. Какъ ни мало такихъ «предметовъ» у уѣднаго человѣчества, но въ своемъ узенькомъ кружкѣ оно изворачивается ими нисколько не хуже столичнаго и болтаетъ точно также — до изнервленія.

«А слышали вы, спросила меня старшая дочь хозяина, безнадежная, но милая дѣва, о нашей рехнувшейся богатой старушкѣ (названа фамилія, мнѣ незнакомая): она объявила, что даетъ сто тысячъ золотыхъ тому, кто отыщетъ ея внучку».

«Съ чего жъ она рехнулась?» спрашивая это, я всталъ и готовился раскланяться. Мильтонъ то же поднялся и встряхнулъ ушами; намѣренія его меня занимали гораздо болѣе, нежели сумасбродство неизвѣстной мнѣ старухи.

«Еще бы не рехнуться!» съ нѣкоторымъ негодованіемъ отозвался хозяинъ: прошлаго года, за границей, у нее перерѣ-

зались и утопились — дочь, мужъ дочери, да еще какой-то пріятель, графчикъ!»

«Въ Венеціи?» спросилъ.

«А—а! вы знаете? Дочь хозяйна произнесла это восклицаніе почти съ упрекомъ. Но я сѣлъ и просилъ рассказать происшествіе подробнѣе. Старикъ, махнувъ рукой и улыбаясь, указалъ на дочерей: «хлѣбомъ не кормить, только слушайте. Но вы вѣрьте имъ на половину: у нихъ все—прекрасныя какъ ангелъ, и несчастныя, какъ ангелъ! а по моему, графиня ваша—смазливая, безнравственная, а потому и несчастная вертушка!»

Дѣвицы, поспоривъ съ отцомъ, изгнали изъ комнаты младшихъ дѣтей и начали рассказывать интересную для меня, но что-то очень запутанную исторію. Вотъ сущность ея:

«Бѣдная вдова жила гдѣ-то на Литвѣ съ шестнадцатилѣтней прекрасной дочерью своей, Эмилией. Въ Эмилию влюбился очень богатый, но невзрачный молодой человѣкъ, хорошей фамиліи и сдѣлалъ ей предложеніе. Эмилии онъ не нравился, но мать заставила ее принять предложеніе, они обручились. Вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ ее другой молодой человѣкъ, графъ Гроховскій, красавецъ и единственный сынъ богача магната, влюбился и тоже сдѣлалъ предложеніе. Разумѣется, графъ побѣдилъ: дочь отвѣчала его страстной любви, а мать, нарушивъ слово данное первому искателю, покровительствовала этой любви. Женихи встрѣтились, поссорились и стрѣлялись. Но родители графа, которому было лѣтъ двадцать съ небольшимъ, воспротивились этому союзу и не безъ усилій разорвали влюбленныхъ. Слухи носятъ, что немножко поздно разлучили ихъ...

«Но вѣдь злословіе безошадно, особенно къ красавицамъ!» примолвила раскащица: «впрочемъ, она была такъ молода, почти ребенокъ, а мать, не очень строгихъ правилъ»...

Отецъ презрительно улыбнулся и пробормоталъ: «хороши слухи!» а раскащица продолжала:

«Черезъ годъ, однако, Эмилія показалаcя въ обществѣ, еще прелестнѣе, чѣмъ прежде; графъ Т**, извѣстный своимъ богатствомъ и безалаберной жизнью, увидѣлъ ее, влюбился и женился на ней. Это было лѣтъ десять тому назадъ. А прошлаго года графъ съ женой и съ матерью ея поѣхалъ за границу; въ Венеціи графиня неожиданно встрѣтила графа Гроховскаго.... (Слово — *неожиданно* какъ будто задѣло меня). Старая страсть вспыхнула. Говорятъ, что горничная продала тайну счастливыхъ друзей мужу и будто въ отсутствіи его на нѣсколько дней изъ Венеціи, когда друзья вздумали вдводемъ прогуляться *au clair de la lune* на гондолѣ, тотъ же гондольеръ убилъ ихъ кинжаломъ, кинулъ въ воду и самъ убилъ себя: это и былъ переодѣтый мужъ!... Представьте ужасъ ихъ позоренія!»...

— Представляю!

«Старушка мать сошла съ ума; но теперь иногда приходитъ въ память и разсылаетъ евреевъ отыскивать будто бы *онучку* свою.... Можетъ быть это бредъ сумасшествія»...

«А можетъ быть и сущая правда!» перебилъ отецъ: «можетъ быть дѣвчонка бѣгаетъ гдѣ нибудь въ захоlustѣ босикомъ, да гусей пасеть!»...

Дочери вступились: чѣмъ же виноватъ невинный ребенокъ?

«То-то и есть! тихо сказалъ старикъ: у васъ всегда, никто не виноватъ! А всякій развратъ, и все, что отъ него, и все, что причастно ему (меня опять задѣла эта причастность) должно казниться посправедливости. Вотъ и первый обожатель вашей невинной красавицы, ужъ кажется меньше всѣхъ виновать, а все таки спился съ кругу, промотался до тла, и то же спятилъ съ ума, и говорятъ, живетъ гдѣ-то христа ради!»...

Для меня было довольно и этого разсказа; но пожилой старикъ, вѣроятно, въ назиданіе дочерямъ, опять резюмировалъ всю эту исторію и по пальцамъ доказалъ: во первыхъ всю преступность ея, во вторыхъ безнравственность общества, которое такъ легко и небрежно относится къ явной карѣ Божіей; въ третьихъ соблазнъ всѣхъ подобныхъ интрижекъ, участво-

вать и помогать которымъ не стыдятся не только честные люди вообще, но даже невинныя дѣвицы...

«Знаемъ мы всѣ эти тандресы, дусѣры, билье-ду, букетники и секретики, какъ они передаются въ видѣ невинной дружеской услуги!..» Онъ это говорилъ тихо, съ улыбкой гроя пальцемъ, но такъ язвительно, что дѣвицы покраснѣли до ушей и нагнулись надъ своимъ шитьемъ чуть не до-колѣнъ.

Войдя во вкусъ, онъ увлекся благодарной темой, и настроясь на кроткій тонъ проповѣди, началъ было рѣчь объ обязанностяхъ женъ и матерей, о современномъ паденіи этихъ обязанностей; какъ старый классикъ, прихватилъ что-то изъ Соломона о mulierem fortem... Но у меня стала побаливать голова; я всталъ и распростился съ любезными хозяевами.

«А Мильтонъ, посмотрите, за вами!» кричали вбѣжавшія дѣти и давай прощаться съ нимъ, чуть что не со слезами.

Мы съ Мильтономъ вышли. Мирный городъ собирался спать; на улицахъ было пусто, кой гдѣ въ окнѣ мерцала какъ пскра жидовская «шабашувка» грѣшевая свѣчка. Это располагаетъ въ задумчивости и раскаянію.

«Приди я десять минутъ позже на одесскую пристань!... думалось мнѣ: и я не былъ бы въ заговорѣ съ этими преступными, но очень симпатичными людьми! Да Богъ вѣсть и случилось ли бы, что либо подобное!...»

Такъ этотъ старикъ развередилъ мою, очень спокойную, совесть...

«Минутами позже—раздумывалъ я... Слепой случай!.. Но развѣ слѣпой случай управляетъ нравственнымъ чувствомъ...»

«Вей гвалдъ!» раздался передъ мною вопль и рычаніе.

«Сбогаръ, назадъ! тубо!» крикнулъ я — и невольно улыбнулся: какъ кстати подвернулось имя разбойника!

«Будь же ты отнынѣ разбойникъ Сбогаръ — и не поноси именемъ своимъ память благороднаго поэта!..» Однако, способомъ прямыхъ силлогизмовъ оправдавъ сперва Сбогара, которому природа не дала никакихъ кромѣ зубовъ мягчайшихъ средствъ явить ненравящагося ему человѣка, потомъ невольно

я перешелъ къ себѣ: я-то чѣмъ виноватъ въ исторіи утопленниковъ! На ничтожную просьбу прекрасной женщины—«скажите *ему!*—ужь не отвѣтить ли: нѣтъ, не скажу, а скажу мужу! Да и что я за Катонъ такой, развѣзжающій по казенной надобности улпчатъ любовниковъ цѣлаго края — что ли? Да и Богъ же съ вами! вѣшайте, рѣжьте, топите — уываю руки!..

Пойдемъ, Сбогарь! Оба мы не такъ черны, какъ кажемся ровенской полиціи и моей совѣсти!..

И все таки мнѣ было жаль погибшую любящуюся чету, да кстати и коварнаго роконосца...

О господи, прости наши тяжкія согрѣшенія! вольныя и невольныя!..

Но—*satis pro peccatis!* Я зашелъ на огонь въ кондиторскую, закупилъ имѣвшіяся тамъ чорствыя конфѣкты и отослалъ ихъ отъ Сбогара дѣтямъ почтеннаго знакомца моего.

На завтра я уѣхалъ. Сбогарь весело скакалъ около четверни, побрехивая на каждого прохожаго вообще и на жида въ особенности.

Прошелъ почти годъ. На слѣдующую весну я поѣхалъ прямо въ М. губернію. Сбогарь былъ со мной. Въ Вильнѣ я остановился на нѣсколько часовъ и только на четвертой или пятой станціи оттуда вспомнилъ о справкѣ адреса того лица, которому я долженъ былъ, по обѣщанію Вацлаву, передать пакетъ. Другой годъ вожусь я съ нимъ, словно въ самомъ дѣлѣ съ упрекомъ совѣсти. Тотъ часъ же по приѣздѣ въ М. я написалъ въ Вильну знакомому лѣсническому о справкѣ и просилъ прислать ее сюда скорѣе.

Надобно—а можетъ быть и вовсе не надобно, но мнѣ такъ кажется—надобно сказать, что въ то время у насъ вводилось по казеннымъ лѣсамъ «правильное лѣсохозяство»—и нѣмецкая «лѣсная наука» только начинала приносить еще мелкіе плоды своей ранней аклиматизаціи на нашей богатой лѣсной почвѣ.

Но, слѣдуетъ отдать справедливость, — уже лѣса наши мѣстами «очищались» изрядно: трущобы ихъ по направленіямъ сплавныхъ рѣкъ, принимали все болѣе и болѣе видъ порядка по опушкамъ, а кой гдѣ начинали исподволь сквозить какъ парки. Наука работала. Только «заказныя корабельныя рощи» невѣжественно дремали въ дикой первобытной неприкосновенности, стрегомыя безъ всякой науки, единымъ пострахомъ «драконовскаго» закона: «весьма бить внудомъ и сослать на галеры» за каждую хищную порубку. Дремучіе, непролазные гущавники этихъ рощъ крѣпко искушали и манили въ свою таинственную тѣнь нѣмецкую лѣсную нимфу со всей ватагой ея похотливыхъ сатировъ—еврейскихъ лѣсопромышленниковъ; но корабельное вѣдомство стояло твердо, и грубо не пускало шаловливыхъ божковъ въ свои «заказныя трущобы» — отсюда столкновение специалистовъ нѣмецкой науки съ російскими профанами ея. Я имѣлъ честь принадлежать къ числу послѣднихъ.

Губернскій лѣсничій, съ которымъ мнѣ съ первымъ по приѣздѣ въ М. пришлось имѣть дѣло — былъ специалистъ серьезный: онъ постигъ науку на казенный счетъ, въ нѣдрахъ рожденія ея—въ Германіи. Онъ началъ съ того, что объяснилъ мнѣ совершенно рационально всю непримѣнимость этой науки къ неисчерпаемому богатству обширныхъ лѣсовъ Россіи, какъ будто сѣтуя или успокаивая, что-моль нѣмецкимъ ковшемъ русскаго моря не вычерпашь. По долгу противорѣчія, я несовсѣмъ соглашался съ этимъ, и за неимѣніемъ специальныхъ аргументовъ, намекнулъ на народную сказку о томъ, какъ нашъ музичокъ надулъ чорта, продавъ ему свою душу за шапку золота: сдѣлалъ въ шапкѣ дыру, положилъ ее наземь, а въ землѣ вырылъ такую яму—прорву, что у бѣднаго чорта и монеты не хватило, чтобы насыпать шапку.

— Помилуйте-съ! возразилъ специалистъ, презрительно улыбаясь: вамъ неизвѣстно, что, напримѣръ, одинъ нашъ Печорскій лѣсъ оцѣненъ знаменитымъ ученымъ барономъ Гакстаузеномъ въ 50 билліоновъ рублей!

— Да, вѣдь онъ получилъ крестикъ за это! замѣтилъ я: а извѣстно, что нѣмецъ изъ честолюбія за лишнимъ нулемъ не постоитъ: поторговаться-бы—еще нуликъ прикинулъ-бы!

— Помилуйте-съ! этакъ нельзя относиться къ наукѣ-съ!...

— Боже избави! я учтивъ съ прекрасными незнакомками, а такъ только—насчетъ нулей!...

Не обращая, однако, вниманія на мои вульгарныя отношенія къ наукѣ, почтенный спеціалистъ несъ свое: доказывая необходимость разумной эксплуатаціи втунѣ лежащихъ природныхъ лѣсныхъ богатствъ, онъ между прочимъ горько жаловался на господствующее у насъ невѣжество (тонкій намекъ!) и положительный недостатокъ въ спеціалистахъ.

— Вотъ и теперь — вы ѣдете въ Н* лѣсничество: васъ встрѣтитъ человекъ, состоящій только рго форма на службѣ, а всѣмъ заправляетъ очень умный и свѣдущій письмоводитель его, онъ все и покажетъ вамъ.

— Зачѣмъ же этотъ—рго форма? спросилъ я.

— Ну, это особъ-статья: особое снисхожденіе, высшая протекція! Онъ, бѣдняга... тово! и спеціалистъ постучалъ пальцемъ себя въ лобъ.

— Глупъ?

— Похуже-съ: соскочилъ! Затѣмъ объяснилъ, что это человекъ хорошей фамиліи, говорятъ—высокообразованный, имѣлъ огромное состояніе, но какая-то нравственная катастрофа, кажется любовь, изломала его въ конецъ и вотъ онъ — нищій, почти идиотъ и при томъ чуть-ли не испиваетъ. Впрочемъ, дѣла по лѣсничеству у него идутъ отлично. Это все, что требуется.

Вечеромъ я поѣхалъ въ г. Н*. На другой день, собравшись въ лѣсничество, я завтракалъ; вдругъ въ комнату входитъ лѣсничій въ полной формѣ, съ киверомъ на головѣ. Онъ отрекомендовался: Самсоній Львовичъ Собацко.

Вся фигура его была такъ странно-комична, что нельзя было не угадать въ немъ «соскочившаго» любовника. Набрякшая, тупая фізіономія, широкій, какъ-будто чужой мундиръ,

короткія, обтянутыя бѣлыя пантолоны, на самой макушкѣ киверъ и чуть не на животѣ шпага. Комизмъ казался утрированъ умышленно. Я объяснилъ ему, что не могу принять па свой счетъ его парада—и пригласилъ на стаканъ вина. Сбогаръ сперва брехнулъ на него, но тотчасъ же сталъ ласкаться. Я давно убѣдился, что Сбогаръ знатокъ человѣческаго сердца и никогда не ошибался. Чего же болѣе для встрѣчи съ человѣкомъ, съ которымъ придется провести пять-шесть дней!

Черезъ часъ мы поѣхали; лѣсничій сѣлъ со мной, а мастеровые мои — въ его экипажъ.

Дорогой онъ оказался глупъ непритворно и казалось—безнадежно.

Ничего нѣтъ скучнѣе постоянной бесѣды съ такъ называемыми «неглупыми людьми»—она истомляетъ. Другое дѣло—мудрецъ, или круглый дуракъ: перваго можно слушать долго и съ увлеченіемъ, втораго можно и совсѣмъ не слушать; въ обоихъ случаяхъ это не утомительно.

Спутникъ мой что-то вралъ дорогой, и не получая отвѣта, молчалъ, позѣывая; я дремалъ, и вдругъ онъ вскрикнетъ: вонъ ворона! или: сорока! вишь кабая! и улыбается, провожая глазами ея полетъ, да еще и голову задереть вслѣдъ за нею. Наконецъ мы пріѣхали въ «лѣсной дворъ». Письмоводитель съ перваго же взгляда оказался продувнымъ плутомъ; онъ проводилъ насъ въ назначенный мнѣ апартаментъ, суетился, распорядился и при этомъ третировалъ своего начальника довольно нагло. Но мнѣ показалось, что иногда лѣсничій кидалъ на него мелькомъ какой-то рыбій взглядъ—и письмоводитель на минуту смирялся; и потомъ снова начиналъ рисоваться, не обращая на него вниманія. Я попросилъ его позволенія отдохнуть; но онъ въ свою очередь просилъ разъяснить, когда я намѣренъ осматривать съ нимъ лѣсъ?

— Мы рѣшимъ это съ г. лѣсничимъ! отвѣтилъ я.

— Какъ-же-съ? Я бы расположилъ мои дѣла...

— Располагайте какъ угодно, а осматривать лѣсъ я поѣду съ г. лѣсничимъ.

Не безъ сарказма въ ужимкахъ онъ раскланялся и вышелъ.

Хотя я былъ предупрежденъ, что у Собацько никто и никогда не останавливается и не заѣзжаетъ къ нему, но мнѣ хотѣлось, чтобы онъ пригласилъ меня къ себѣ, — такъ не нравился мнѣ проныра-письмоводитель. Несмотря на всѣ мои намеки и даже навязчивость — уродъ ничего не понималъ и наконецъ, забравъ свой киверъ, распрощался. Условлено было завтра рано прислать мнѣ объѣздчика съ лошадьми и съѣхать на мѣстѣ осмотра.

Въ лѣсу лѣсничій велъ себя какъ слѣдуетъ, хотя мало принималъ участія въ осмотрѣ, ссылаясь чаще на объѣздчика, проворнаго, но глуповатаго унтера; а самъ иногда по полчаса возился съ Сбогаромъ; они очень понравились другъ другу, валялись по травѣ, цѣловались и разъ даже погрызлись: другъ укусилъ собаку за ухо, такъ что она взвизгнула:

— Вотъ тебѣ за то; а то смотри — прокусилъ мнѣ ляжку до крови!—Но ссора тотчасъ же смѣнилась дружбой.

Два дня осмотръ происходилъ своимъ порядкомъ; въ сумерки, отпустивъ людей, мы съ Собацько обыкновенно возвращались верхами домой—онъ къ себѣ, а я, версть за шесть, къ себѣ. На третій вечеръ, на узкой и обрывистой лѣсной тропѣ у ногъ моей лошади сорвался шальной заяцъ. Сбогаръ кинулся за нимъ; лошадь, шарахнувшись всѣми четырьмя ногами, оступилась въ обрывъ, а я по счастью успѣлъ схватиться за нависшій надъ тропой сукъ, но крѣпко ушибся о дерево. Оказалось, что ни сѣсть въ сѣдло, ни идти я не могъ: нога и бокъ болѣли, какъ изломанные. Докричались съ трудомъ объѣздчика; Собацько съ нимъ повели меня подъ руки. До фольварка Собацько было версты полторы, а до меня около пяти. Онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Когда мы подходили къ дому, онъ хотѣлъ было пойти впередъ, но я рѣшительно не могъ держаться на ногахъ и мы вошли вмѣстѣ. Въ сѣняхъ мимо насъ промелькнула жен-

щина, но ни лица, ни фигуры ея я не разсмотрѣлъ. Меня помѣстили на диванѣ. Собацко послалъ объѣздчика приказать полѣсовщику, дежурившему у насъ, принести чаю и самъ побѣжалъ за какой-то спасительной примочкой, исцѣляющей, по его словамъ, всевозможные недуги и поврежденія. Было еще не темно; на диванѣ мнѣ попало подъ руку какое-то женское рукодѣлье и открытая книга. Первое обазалось очень тонкимъ вышиваньемъ по батисту, натянутому на клеенку; а **вглядываясь въ заглавіе книги, я прочелъ: «La divina comedia di Dante Alighier col comento del Pompeo Venturi. Firenze».**

— Ай да идіотъ!... Но очевидно, что тутъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, два: должно быть и подурюша.

Я оглядѣлся. Просторная комната была пропорціональных размѣровъ; карнизы и лепной потолокъ изящно-просты; по стѣнамъ, оклееннымъ свѣтлыми обоями, висѣли портреты въ старыхъ волооченыхъ рамахъ; въ такихъ же рамахъ большое простѣночное зеркало. У стѣны, противоположной дивану, стоялъ большой старинной рѣзной работы дубовый шкафъ, въ углу—каминъ. Мебель дубовая старой рѣзбы. Все было прилично и комфортабельно и далеко не ветхо.

Полѣсовщикъ внесъ на подносѣ чай, двѣ свѣчи, тарелочки съ закуской; за нимъ явился лѣсничій съ графинчикомъ—все было сервировано небогато, но очень чисто,—и уставлено на столѣ.

— А вотъ вамъ и цѣлительный бальзамъ! говоря это, Собацко вынулъ изъ кармана бутылку, и совѣтовалъ вытереться этимъ бальзамомъ на ночь.

— А теперь, передъ чаемъ, лучше водки! и по мѣстному обычаю, выпилъ прежде самъ, но одну за другой двѣ рюмки, не закусывая и страшно поморщился. Признакъ, какъ извѣстно, плохой.

Послѣ перваго стакана чаю, выпитаго въ безмолвіи, онъ предложилъ еще рюмочку: я отказался, а онъ выпилъ.

— Вы занимаетесь итальянской литературой? спросилъ я его.

— Какой литературой? и онъ глупо выпучилъ глаза.

— Кто-жъ у васъ читаетъ Данта?

— Какого Данта?

Я указалъ на книгу.

— Ахъ, эту комедію: это—я.

— Но вѣдь же вы знаете итальянскій языкъ?

— Боже избави! и онъ засмѣялся ужъ слишкомъ естественно: комизмъ походилъ на высокое искусство.—Это написано латинскими бубвами—продолжалъ онъ—тутъ полный шеставникъ и съ картинками есть—я иногда разсматриваю...

Я взялъ вышиванье, будто разглядывая его.

— А это шьетъ здѣшняя ховяйка, экономка: даромъ старуха, а чудесные глаза, наработать себѣ можетъ деньжоно

— Чей же это домъ? спросить я.

— Это моего старого пріятеля; онъ былъ очень богатъ человѣкъ, а теперь—такъ-себѣ; все живетъ за границей, а я далъ тамъ комнату—онъ ткнулъ пальцемъ назадъ,—за тѣмъ наблюдаю, этакъ, знаете...

Подозрѣнія мои исчезли: ужъ коли онъ заговорилъ о своихъ наблюденіяхъ, такъ и сомнѣваться нечего — совсѣмъ плохъ бѣдняга.

Кончая чай, я просилъ его сказать откровенно — не стѣснели его, пока оправляюсь?

— Ручаюсь, что послѣ моей притирки вы завтра же будете здоровы!

— Въ такомъ случаѣ прикажите объѣздчику, чтобы завтра утромъ пріѣхала сюда моя бричка.

— Вещи вамъ нужны? спросилъ онъ тараща глаза.

— Я самъ уѣду къ себѣ.

— Нѣтъ, этого нельзя! перебилъ онъ торопко: вамъ не ходить дня... дня два, по крайней мѣрѣ!

— Въ такомъ случаѣ благодарю васъ, воспользуюсь вашимъ гостепріимствомъ.

Онъ какъ-будто не понялъ, что я сказалъ; выпилъ рюмку и ушелъ и раскланялся.

Полѣсовщикъ постлалъ мнѣ на диванѣ постель, убралъ

стола и предложилъ фривцію спасительнымъ бальзамомъ. После этого, пожелавъ пріятнаго сна, ушелъ.

Спалъ я скверно и проснулся поздно—почти около полудня. Въ самомъ дѣлѣ притирка подѣйствовала: я могъ даже кое-какъ стать на ноги, но бокъ болѣлъ. Обѣздчикъ принесъ чай и сказалъ, что лѣсничій давно ушелъ въ лѣсъ къ рабочимъ.

На-единѣ, я добрался до шкафа: шесть широкихъ полокъ были заставлены и заложены книгами, большею частию въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ съ краснымъ и пестрымъ обрѣзомъ. Поднимая пыль можетъ быть полустолѣтія, я взглянулъ въ нѣкоторыя. Это была непроходимая латынь *Tractatus Historicus de Clarissimi viri... Tractatus theologico-politicus... Il seminario di governi... De mirabilis potestate...* и тому подобная въ прахѣ спящая премудрость возбудила во мнѣ робость—я насилу отчихался. Далѣе Вольтеръ, энциклопедисты, Шатобрианъ, Шлоссеръ и проч.—все это вмѣстѣ представляло руину серьезной библіотеки. Но вторая полка снизу была занята вся книгами новѣйшей литературы, видимо избранными для юнаго возраста, и учебниками по разнымъ предметамъ. Тутъ же сложены тетрадки задачъ и переводовъ легкаго женскаго почерка; и все это было свѣжо, нигдѣ не было выли- казалось всѣ эти книги и тетради теперь только сложены послѣ урока. Нѣсколько притупленныхъ карандашей и свѣжихъ перьевъ не оставляли сомнѣнія, что здѣсь учится и вѣроятно дѣвочка или дѣвица, судя по ленточкамъ вмѣсто закладокъ. Зачѣмъ же тутъ Самсоній Львовичъ—вопросъ?

Обозрѣвая, отъ нечего дѣлать, загадочное заключеніе мое, я увидѣлъ на стѣнахъ портреты какихъ-то почтенныхъ сановныхъ лицъ; четыре старыя картины походили на оригинальныя: двѣ Польпоттера, одна будто Теньера, и одна чуть-ли не самого низущаго кистью бисеромъ Жерардова.

Въ углу, надъ люпитромъ съ нотами, висѣла скрипка и смычекъ. На полу валялось перо волана. Все это очень естественно интересовало мое праздное любопытство, и какъ окажется вовсе не напрасно.

Въ окно глядѣлъ ясный, прекрасный день; я отворилъ окно. Роскошный, ароматическій лѣтній воздухъ пахнулъ въ комнату и охватилъ меня такою нѣгой, что ушибленные бокъ и нога заняли какимъ-то болѣзненнымъ и пріятнымъ зудомъ. Высунувшись въ окно, я удивился граціозности разстилавшейся передо мной картины: за усыпанной пескомъ дорожкой большая куртина пестрѣла цвѣтами, съ тычинками и надписями на дощечкахъ; за куртиной лугъ спускался къ густой рошѣ вишневыхъ, сливовыхъ деревъ и кустарника; сквозь эту зелень бѣжала внизъ крутая дорожка и точно оправленный въ листву кусокъ озера сверкалъ и дрожалъ золотистымъ отблескомъ солнечныхъ лучей. За рощей, безъ начала и конца озеро, съ островомъ посреди его, а на противоположномъ берегу вдали нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, въ живописномъ барщинскомъ убожествѣ. Пейзажъ былъ чрезвычайно живописенъ, воздухъ живителенъ до упоенія.

Утомясь, я легъ на диванъ и попалъ прямо на Данте; машинально я раскрылъ книгу и занялся чтеніемъ по способу моего хозяина. Очень пріятно иногда дремать подъ говоръ, котораго не слушаешь; не менѣе пріятно, дремля, читать и не беспокоиться понимать то, что читаешь. И однако, дойдя до III пѣсни (это былъ I томъ) я не безъ удивленія хлопнулъ глазамъ и прочелъ довольно сознательно:

Per me si va nella cita dolente: *

Per me si va nell' eterno dolore...

И уже не безъ наѣса продекламировалъ знаменитый избитый стихъ:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate! **

. * Черезъ меня (т. е. въ ворота) входятъ въ градъ страданій, черезъ меня входятъ въ вѣчныя муки.

** Оставьте всякую надежду тѣ, которые сюда вошли!

Вдругъ, невдалекѣ закипѣла возрастающая ожесточенно драка псовъ и раздались женскіе вопли; одинъ даже мелодичный, почти дѣтскій. Я слышалъ рычаніе Сбогара и опасался за жида... Но драка была серьезнѣе и велась съ упорствомъ. Наконецъ грубый старческій голосъ смѣшался съ рычаніемъ звѣрей и за нимъ всплескъ, казалось, цѣлаго ушата воды. Единичная перебрешка и взвизгиванье повѣстили о концѣ прерваннаго поединка.

«А не будешь швендать тутычки!» хрипѣлъ иронически старческій голосъ и подъ окномъ послышался Сбогаръ. Я кинулъ Данте, взглянулъ за окно и увидѣлъ Сбогара въ положеніи хуже отчаяннаго: такъ ободрать храбрую скотину можетъ только стая подобныхъ ему стервецовъ: морда вся въ крови, весь мокрый и ухо болтается почти въ лоскуткахъ...

— Что я могъ сказать ему въ утѣшеніе. Онъ лежалъ въ лужѣ собственной крови, и облизываясь, все еще перебрехивался съ соперникомъ, тоже брехавшимъ и взвизгивавшимъ издали. Только и было во всемъ этомъ утѣшительнаго, что и сопернику, какъ видно, нездоровилось; надъ нимъ тоже убивался женскій сухой голосъ: «бачь, какъ винъ подлый разнесъ тебѣ, и нога не ходитъ!»...

Заглядывая въ окно на Сбогара, я замѣтилъ на одномъ стемѣ искращійся надарапанннй отчетливо стихъ:

Dimmi, por prego, si sea morta o viva! *

и нѣсколько вензелей буквы Е.

Цюкое предназначнаменованіе Сбогару! суевѣрно подумалъ я. На подоконникѣ, о который я облокотился, гляжу, тотъ же стихъ, написанъ карандашемъ, кажется свѣжимъ.

Что тутъ за итальянцы, классики и музыканты? И что за роль этого идиота? Ссылка его на заграничнаго пріятеля не совсѣмъ удовлетворяла меня. Но больше я ничего не могъ добиться отъ чудака.

---

* Скажи мнѣ, прошу тебя, ты мертвая или живая?

Онъ вернулся изъ лѣса къ обѣду; очень сѣтовалъ на своего «Гайдамака», подравшагося съ Сбогаромъ, и принялъ мѣры къ ихъ излеченію все той же цѣлебной примочкой, которая такъ пособила мнѣ.

За столомъ опять выпилъ двѣ рюмки сряду, не закусывая и сморщился, какъ гуттаперчевый.

— Неужели такъ вамъ горько? спросилъ я.

— Нѣтъ, не очень!

Этотъ вечеръ прошелъ не умнѣе вчерашняго; Собацко на всѣ вопросы моп несъ околесную. Но несомнѣнно тутъ была какая нибудь тайна или самое страшное чудачество. Не стоило труда, да я и не имѣлъ ни права ни повода стараться проникнуть ее.

Утромъ я чувствовалъ себя гораздо лучше; лѣсничій уѣхалъ на работы и я попробовалъ пройтись по саду.

Садъ оказался прелестенъ и уютенъ; всюду видна была заботливость въ присмотрѣ за нимъ. Возвращаясь въ мою комнату вдоль высокой живой изгороди акацій и боярышника, съвозъ узкую калитку въ ней я замѣтилъ маленькій дворикъ и преземистый домишко; въ чистенькихъ окнахъ его, бѣлыми занавѣски, цвѣты, вѣтку съ какой-то пташкой.

Баба свирѣпой фізіономіи полоскала на крыльцѣ крынку и мрачно глянула на меня. Сбогаръ было сунулся въ калитку, но раздумалъ и взвизгнулъ, ему отвѣчено рычаньемъ изъ-за акацій.

Отъ акацій мнѣ надо было проходить мимо оконъ того же дома, въ крайней комнатѣ котораго помѣщался я. Я заглянулъ въ нихъ мимоходомъ; но они оказались закрашенными изънутри черной краской. Однако сквозь какую то царапину я съ трудомъ разглядѣлъ во мракѣ странные предметы: посреди комнаты остовъ лошади, въ углу скелетъ человѣка, на полкахъ бюсты. У стѣны и на стѣнѣ — мольбертъ, палитра и полотно. На полу валялась бѣлая длинная нога, около нея голова съ пробитымъ носомъ. Очевидно, что это было упразд-

ненное atelier художника; онъ-то вѣроятно и есть — за границей.

Кромѣ хриплаго старика и свирѣпой женщины никого не замѣтилъ я на фольваркѣ. Мелькнула разъ какая-то опрятная и легкая фигурка, но такъ случайно и мгновенно, что и разобратъ не было возможности; а на мой вопросъ о ней полъсовщикъ отвѣтилъ:

— Живетъ такая, такъ соби!...

Распрашивать было неловко; да наконецъ, Господь же съ ними, съ мелькающими фигурками!

Данте со скуби я прочелъ всего и кое-что понялъ; а кое-что и очень многое предоставилъ дочитывать и понять Собацкю.

Дѣла мои кончились. Приѣхалъ проѣдоха письмоводитель; вѣдомости составлены превосходно, переписаны, подписаны еще лучше, и я приказалъ моимъ людямъ уложиться и завтра утромъ приѣхать съ бричкой. Лѣсничій не очень удерживалъ; но на завтра просилъ отобѣдать передъ дорогой.

На завтра я проснулся на зарѣ; было такъ ясно, легко на душѣ; мнѣ захотѣлось еще разъ пройтись по саду. При поворотѣ къ тропинкѣ ведущей къ озеру, я услышалъ всплески, — любопытство тянуло туда невольно. Сѣвось вѣтви кустарника промелькнула въ озерѣ купающаяся — въ такихъ случаяхъ всегда кажется — красавица, а надъ кустомъ выросла свирѣпая образина старухи:

— Чего нѣ бачили? спросила она такъ язвительно, что я отвѣтилъ. Тебя! и вернулся. Сбогарь тоже брехнулъ.

Часу въ 3-мъ накрыли на столъ; мы усѣлись. Послѣ своихъ рюмокъ лѣсничій ѣлъ за двоихъ, я едва-ли меньше: обѣдъ былъ превосходный. Мы выпили бутылку такого вина, что при первой рюмкѣ — я удивился, а при послѣдней — захотѣлось спать. Это было старое венгерское.

— Гдѣ вы берете вино?

— Тутъ въ погребѣ есть немножко: мой другъ мнѣ позволилъ, такъ иногда бутылочку!..

— Вашъ другъ человекъ со вкусомъ!

— Да, онъ порядочно богатъ былъ, а теперь немножко тово!..

Венгерское клонило ко сну! Но я распрощался съ моимъ гостепріимнымъ и глупымъ хозяиномъ; отказался отъ его проводовъ, поблагодарилъ за радушіе и, сопутствуемый копнымъ объѣздчикомъ, уѣхалъ, зѣвнулъ да тотчасъ и заснулъ—неудержимо...

Мягкій песокъ дороги качалъ бричку, какъ колыбель... Я спалъ и даже видѣлъ во снѣ Венецію, лагуны, гондолу и около нея плавающіе трупы...

Вдругъ толчокъ — и, еле удержавшись на нагренившейся бричкѣ, я проснулся... Ось врѣзалась концомъ въ песокъ, а колесо лежало по одаль...

— Ахъ, чтобъ тебя прорвало, осель ты этакой!

— Что такое? спрашиваю.

— Да вотъ, гайку потеряли! Недовернулъ, безрукая охлоботина! ругался мой топографъ.

— Что ты будешь дѣлать!

Долго искали гайку, но въ глубокомъ пескѣ не нашли. Объѣздчикъ посоветовалъ добраться до кузнецы—версты полторы впередъ.

— Тамъ коваль живо сварганитъ гайку — то есть въ дватри, много въ четыре часа готова будетъ.

— Ну ужъ и живо! а далеко-ли отъѣхали отъ лѣсничаго? спросилъ я.

— Версты три, може съ половиной!

— Ну, вы варганьте и пріѣзжайте за мной, а я тамъ подожду у лѣсничаго. И я отправился назадъ; Сбогаръ со мной.

За день нагрѣтый солнцемъ воздухъ едва начиналъ охлаждаться; вѣтерокъ дышалъ изъ-за поростника молодыхъ дубчарковъ и сосняка. Предзаревая тишина водворилась въ золотистомъ, тонкомъ, какъ будто мягкой кистью пролисированномъ, голубоватомъ воздухѣ.

Позади хладнокровные голоса поругивались: мужланъ—мужланъ и есть! сказано—охлоботина! Недовинтилъ!...

— Тай я-жь хфинтыль!..

— Я-а, я-а, я-а! дразнилъ его ругательный голосъ: хфинтыль, кроводиль ты этакой! Но мужланъ обидѣлся: въ насъ такой поганой хфамилии и не чуваль никто!

— То-то! не чуваль!..

Свѣжій воздухъ, насыщаясь испареніями хвоя и вереска, проникалъ глубоко въ грудь, дышалось хорошо... Издалека слышалось будто тихая, дѣтская пѣсенка; то выдѣляя ноты, то сливаясь, вдругъ потекла она полной выразительности струей тонкихъ звуковъ—это пѣла скрипка. Именно, она — пѣла... Что она пѣла—не знаю: я не музыкантъ. Помню одну пасторальную симфонію, кажется, Бетховена: журчанье ручья, трели соловья, пѣсни хороводовъ, буря и черти и любовь — и все есть тамъ, коли нѣтъ обмана. Эту симфонію я когда-то слышалъ такъ восхитительно и живо исполненную, что почти всѣ мотивы ея остались у меня въ памяти. Кажется, скрипка фантазировала на эти мотивы. Казалось, звуки таяли и замирали вдалекѣ, то вспрыгнувъ, заливались веселымъ скерцо; то опять какъ будто изъ далека слышались тонкія, сухія ноты—арпеджіо щипаль за сердце—и опять неожиданно разражались такой хожочущей рѣладой, которую, кромѣ «лѣшовой дудки», и называть не умѣю...

Я подходилъ заслушиваясь; звуки росли; Сбогаръ насторожилъ уши и начиналъ ворчать. Я взялъ его за ошейникъ.

Почти противъ цвѣточной куртны сада, были запертыя, простыя низкія ворота въ родѣ прясель; я приближался къ нимъ, въ эту минуту скрипка запѣла такую херувимскую жалобу или молитву, что дыханіе само притаилось... Я подошелъ къ воротамъ, облокотился на нихъ, взглянулъ — и ошалѣлъ....

Въ бѣлой рубашонкѣ, съ засученными выше локтя руками, въ коротенькой свѣтлой юбочкѣ, съ пунцовой лентой въ темныхъ волосахъ, волнами падающихъ по плечамъ, передо мной

стояла—въ самомъ дѣлѣ казалась—нимфа... Съ лейкой въ рукѣ, другая откинута немножко назадъ, она не шевелилась, точно позировала передъ художникомъ, и облитая послѣдними лучами зари, выдѣлялась прелестнымъ античнымъ профилемъ на темномъ фонѣ. Она слушала, чуть улыбаясь. И мнѣ невольно припомнился стихъ:

Dimmi, per prego, si sea morta o viva?..

Это была она—прелестная графиня Эмилія.

Она—вся, съ ея прекраснымъ профилемъ, съ глубокимъ взоромъ, съ роскошными волосами, отъ которыхъ вѣетъ ароматомъ, но возведенная въ идеаль... и вся фигура ея, дѣтски дѣвственная, точно выточенная ножка, рученка съ тонкими пальчиками... Вся изящная, полная жизни, въ цвѣтахъ, въ гаснущемъ отблескѣ солнца, словно въ фиміамѣ звуговъ—она заслушавшись, дышала еще дѣтскимъ, но уже предвкушающимъ грусть и радость тайнъ жизни дыханіемъ... Дыханіемъ, еще безсильнымъ колебать ея отроческую, не испытавшую волненія, чуть обозначавшуюся грудь...

Скрипка пѣла, дрожала, млѣла; пунцовая ленточка едва скользила по темнымъ прядямъ волосъ... И я невольно шепнулъ: Эмилія!.. Она вздрогнула.

Ваше скородіе! гайка нашлась! Ораль сзади меня безсвѣстный голосъ...

Какъ испуганная серна мелькнула и исчезла она; Сбогарь рычалъ, скрипка смолкла, точно оборвалась...

— Гайка ваше скородіе!..

Нечего дѣлать, я пошелъ къ бричкѣ; сзади брехалъ толстый басъ Гайдамака и свирѣпая баба причитала, что-то какъ будто ругательное...

«Такъ вотъ она!..» повторилъ я самъ себѣ...

— Точно такъ-съ ваше скородіе—тутъ же и была шаговъ съ пятокъ...

До ночи тянулся я по песчаной дорогѣ. Въ далекой беззвучной выси, надо мной казалось рѣялъ прозрачный призракъ чуждаго ребенка... возрождающейся для чистой любви, погибшей и прелестной преступницы...

Да, она будетъ также прекрасна какъ мать. Дай Богъ, чтобы судьба не обманула также воярно этого чистаго существа, взлелѣяннаго въ дыханіи цвѣтовъ и мелодій, безграничнымъ самоотверженіемъ несчастливца, въ память любимой имъ женщины.

Въ Н** я нашелъ почту полученную наканунѣ. Между письмами одно изъ Вильны. Лѣсничій сообщилъ мнѣ адресъ плебаніи или прихода того патера, которому я долженъ былъ вручить пакетъ отъ графа Гроховскаго.

По справкѣ оказалось, что плебанія всего въ восьми верстахъ отъ лѣсничества и я недалеко отъ нея проѣхалъ теперь.

Экая досада! Но дѣлать нечего — едва-ли когда нибудь я возвращусь сюда—два года таскаю я этотъ пакетъ за собой: слово данное мертвецу тяжело—пожалуй самъ придетъ за пакетомъ. Я заказалъ лошадей на завтра.

Едва въ шесть часовъ вечера удалось мнѣ выѣхать: предстоитъ около версты 35 песчаной дороги.

Было совсѣмъ темно, когда за оградой плебаніи, за чернѣющимъ стройнымъ рядомъ пирамидальныхъ тополей, внизу показался теплившійся въ окнѣ одинокій огонекъ. Я послалъ ямщика достучаться и спросить, можетъ ли патерь принять на полчаса проѣзжаго, имѣющаго къ нему личное дѣло.

На громкій лай дворняги, въ темнотѣ пропѣли двери, и по краткихъ переговорахъ, возница отперъ ворота; тройка подѣхала къ крыльцу; бѣлая фигура женщины съ фонаремъ въ рукѣ встрѣтила меня. Окна освѣтили Старичекъ почтенной наружности принялъ меня благосклонно.

При имени графа Вацлава онъ немножко потупился, освѣтилъ себя крестомъ. Я объяснилъ ему вкратцѣ свою миссію и представилъ пакетъ Священникъ принялъ пакетъ съ тѣмъ

ни у кого не бываетъ. Даже къ обѣдни ѣздить съ Эмилией не иначе, какъ въ будни.

Онъ говорить, что Эмилія спасла его отъ самоубійства... Это тяжкій грѣхъ! промолвилъ вздохнувъ священникъ. Но Богъ милостивъ!..

Былъ уже второй часъ ночи. Почтенный патеръ предложилъ мнѣ переночевать у него и даже, если я этого желаю, послать за Собацко, чтобы я самъ вручилъ ему медальонъ... И оба мы задумались. Это можетъ быть потрясетъ его... Особенно если въ медальонѣ...

— Да поглядимъ, что тамъ?.. сказалъ я тихо.

Онъ надѣлъ очки и передъ свѣчой открылъ медальонъ; мы оба точно застыли: черезъ минуту глубокаго созерцанія, старецъ вздохнулъ, осѣнилъ крестомъ и тихо шепталъ молитву, вѣроятно *de profundis*.—Я глядѣлъ до слезъ: графиня глядѣла на насъ своими глубокими прекрасными, чуть влажными глазами и въ улыбка ея было столько нѣжной печали, столько любви, что она, кажется, дышала—сходство было разительное.

«Это двѣ капли воды—малютка Эмилія!» сказалъ старецъ и опять перекрестился. Миниатюрный портретъ былъ мастерской работы—красоты необыкновенной.

Открыли и оборотную сторону медальона: тамъ была за стекломъ свернутая прядь волосъ графини, связанная крошечной пунцовой ленточкой.

«Это потрясетъ его!» промолвилъ священникъ.

— Да и мнѣ будетъ тяжело его видѣть; и зачѣмъ?..

Мы сидѣли утомленные, безмолвно.

— Скажите, однако, *reverendissime pater!* За чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, столько горя на свѣтѣ? Къ чѣму нужна гибель этой прекрасной четы, полной ума, красоты и любви? Зачѣмъ наконецъ этотъ прелестный ребенокъ—невинный, добрый—и уже обреченный на сиротское несчастье? Къ чему эти жертвы? Что въ нихъ—отмщеніе или очищеніе духа, возмущеннаго противъ своего Творца?..

Священникъ поглядѣлъ на меня спокойно, но какъ-то и строго и снисходительно:

— Вы дѣлаете вопросы — и предрѣшаете ихъ сами, — сказалъ онъ: но я обязанъ отвѣчать вамъ.

— Ничто въ мѣрѣ не совершается безцѣльно, напрасно. Не только ни одна душа Божія, но даже ни одно слово, ни единый звукъ не пропадаетъ безслѣдно. Много думалъ я о несчастныхъ погибшихъ преступникахъ; молился и думалъ. Я знаю подробности этой назидательной кары небесной.

— Вацлавъ и Эмилія были добры и честны — и погибли преступными. Кто же однако понесъ страшнѣйшую кару въ ихъ гибели? Не та ли, кто изъ корысти и тщеславія отдала соблазну невинную дочь? И не тотъ ли, кто изъ слѣпой гордости пожертвовалъ счастьемъ единственнаго сына?

— Плачьте не объ умершихъ, а о злѣ живущихъ! Скорбите надъ черствымъ корыстолюбіемъ и тщеславіемъ дряхлѣющихъ безумцевъ — и не жалѣйте прекрасныхъ! Жертвы — и непременно лучшія, прекраснѣйшія — необходимы. Путь всего прекраснаго труденъ на землѣ; оно всегда близко къ гибели. Но именно въ гибели его — сѣмя будущаго, возрожденнаго и обновленнаго въ чистотѣ, еще прекраснѣйшаго созданья. Таковъ путь совершенствованія — законъ безсмертія!..

Старецъ замолчалъ, и вздохнувъ, онъ точно также просто и спокойно досказалъ въ скромной прозѣ тоже самое, что написалъ великій поэтъ своими вдохновенными стихами:

— Человѣку не дано проникать помысломъ божественныхъ предвѣчныхъ цѣлей. Но воля и желанія наши свободны: они движутся тою вѣчною силою любви, которая вращаетъ точно также и солнце и землю и всѣ звѣзды безконечнаго міра...
Надо — вѣрить!

Ранній утренній колоколъ раздался, какъ-то убѣдительно звонко призывая къ молитвѣ. — Заря занялася. Священникъ далъ мнѣ напутственное благословеніе и отправился въ церковь; я за нимъ. Тамъ еще никого не было.

Помолясь за себя и за всѣхъ живыхъ и мертвыхъ грѣш-
ныхъ,—я вышелъ и уѣхалъ.

Солнце, точно въ златѣ и багряницѣ, восходило надъ про-
сыпающейся землей: птички щебетали, лѣса и луга курились
ароматомъ и въ повѣвахъ свѣжаго утренника чуюсь дыха-
ніе нѣжной, могучей и переполняющей разымчивымъ чув-
ствомъ грудь — силы... вѣроятно

L'amor, che muove l'sole & *.

А между тѣмъ, впереди опять — гвалдъ! Каналья Сбогаръ
трепалъ за-полы какого-то странствующаго жида!

Что за невоздержная прозаическая бестія!... способу нѣтъ!

Погоскій

* Любовь, которая движетъ солнце и пр.

СТИХОТВОРЕНІЯ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

I.

Т Е М Н И Ц А.

Попалъ я въ темницу, въ темницу такую,
Что вспомнивъ о ней, я томлюсь и тоскую.
Въ ней связана воля, покоя въ ней нѣтъ.
Попалъ я въ темницу на старости лѣтъ.

Зовутъ ее горемъ, безвыходнымъ горемъ,
Когда ни о чемъ мы ужъ съ жизнью не споримъ,
Когда утомясь отъ напрасной борьбы,
Себя отдаемъ мы на волю судьбы.

А мимо темницы, гдѣ страшно и душно,
Прохожіе ходятъ, смѣясь равнодушно.
И нѣтъ имъ заботы о горѣ чужомъ;
У нихъ есть семейство и воля и домъ.

Бываетъ однако. . . . но рѣдко бываетъ,
Что узникъ неволю на мигъ забываетъ,
Когда онъ съ простора, гдѣ живъ Божій свѣтъ,
Услышитъ нежданный и добрый привѣтъ.

Тогда, вострепнувшись отъ милаго слова,
Онъ счастливъ, онъ молодъ, свободенъ онъ снова,
И сброситъ онъ съ сердца, забудетъ въ умѣ,
Что долженъ онъ погибнуть въ холодной тюрьмѣ.

II.

КРАСАВИЦА.

Какъ хороша, сказалъ старикъ,
Смотря на вѣсъ, на станъ вашъ гибкій.
На взоръ задумчивый на мигъ,
И вдругъ сверкающій улыбкой.
Какъ хороша, но я такъ старъ,
Что мнѣ не встати, не пригоже
Припоминать сердечный жаръ.
Увы, зачѣмъ я не моложе?

А юноша сказалъ грустя:
Она любви понять не можетъ,
Игрушкой тѣшится дитя,
И сердце только мнѣ тревожить.
Никто не въ силахъ мнѣ помочь.
Къ ней такъ присталь душевный холодъ,
И я томлюсь и день и ночь.
Увы, зачѣмъ зачѣмъ я молодъ?

А я сказалъ: изъ суеты
Пустыхъ надеждъ роптать грѣховно;
Блескъ лучезарной красоты
Сіяетъ всѣмъ свѣтло и ровно.
Хоть молодъ ты, хоть старцемъ будь,
Онъ озаряетъ понемногу
И юноши далекій путь,
И старца краткую дорогу.

Гр. В. Соллогубъ.

ДѢЛА И ДНИ.

(Emerson. Society and Solitude).

Русскіе читатели почти вовсе не знакомы съ Эмерсономъ. Но кто не знаетъ его, тотъ не знаетъ самаго оригинальнаго изъ нынѣшнихъ представителей литературнаго генія англосаксонской расы. Правду сказать, Эмерсонъ пользуется популярностью почти исключительно въ Америкѣ и, отчасти, въ Англии. Можетъ быть главная тому причина — слогъ его, въ высшей степени своеобразный, — слогъ, который чрезвычайно трудно передать на другомъ языкѣ; а мысль у Эмерсона, едва ли не болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ писателей, нераздѣльна со слогомъ.

Но кто узналъ Эмерсона, тотъ не можетъ не полюбить его, тотъ не перестанетъ питаться съ наслажденіемъ вдохновенною, сильною его рѣчью. Въ Америкѣ имъ вскормлено, взрощено не одно поколѣніе, потому что старику Эмерсону уже болѣе 70 лѣтъ; но онъ живетъ еще, бодрый, около Бостона, близъ Гарвардской коллегіи, и отъ времени до времени слышится еще вдохновляющій его голосъ въ публичныхъ чтеніяхъ — любимой формѣ, въ которой американскіе писатели обращаются къ публикѣ. Почти всѣ сочиненія Эмерсона появились въ этой формѣ. Последняя изданная имъ серія чтеній появилась въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ: «Общество и уединеніе», и состоитъ изъ 12 статей, изъ коихъ одна предлагается теперь вниманію русскаго читателя.

мѣра — въ тѣлѣ. Глазъ ощущаетъ такіе оттѣнки, которые не въ силахъ уловить искусство. Ученикъ не разстается съ аршиномъ, но опытный мастеръ мѣряетъ безъ ошибки пальцемъ и локтемъ, опытный нарядчикъ отмѣряетъ шагами аккуратнѣе, чѣмъ иной — веревкой и цѣпью. Степной индѣецъ, бросая камень изъ пращи, знаетъ что попадетъ какъ разъ въ точку: въ такомъ сочувствіи глазъ у него съ рукою; плотникъ рубитъ бревно свое по насѣченной линіи, ни на волосъ не отступая. Нѣтъ чувства, нѣтъ органа, который нельзя было бы довести до самаго тонкаго совершенства въ дѣлѣ.

Дивиться — любимое ощущеніе человѣка, и въ этомъ чувствѣ сѣмя нашей науки. Таковò механическое направленіе нашего вѣка, и такъ еще свѣжи лучшія наши изобрѣтенія, что радость и гордость отъ нихъ еще не износилась въ насъ, и мы готовы жалѣть отцовъ своихъ, что они не дожили до пара и до гальванизма, до сѣрнаго ээира и до морскихъ телеграфовъ, до фотографіи и спектроскопа, — какъ будто они бѣднѣ насъ на половину жизни. И кажется намъ, что эти новыя искусства открываютъ намъ настезь двери въ будущее, обѣщаютъ одухотворить формою весь матеріальный міръ и возвести жизнь человѣческую изъ нищенства ея въ богоподобное состояніе довольства и силы.

Правда, и нашему вѣку достался не скудный запасъ въ наслѣдство. Былъ уже компасъ, былъ типографскій станокъ, были часы, спиральныя пружины, барометры, телескопы. Но съ тѣхъ поръ прибавилось столько изобрѣтеній, что вся жизнь какъ будто передѣлана за ново. Лейбницъ сказалъ о Ньютонѣ: «если счесть все, что сдѣлано математиками съ начала міра до Ньютона, и все что сдѣлано Ньютономъ, послѣдняя половина превзойдетъ первую»: такъ можно сказать, что сумма изобрѣтеній за послѣдніе 50 лѣтъ поравняется съ итогомъ остальныхъ 50 столѣтій. Новость для насъ — безмѣрное усиленіе производства желѣза и крайнее разнообразіе желѣзнаго издѣлія; новость — множество самыхъ употребительныхъ и необходимыхъ орудій для дома и для сельскаго хозяй-

ства; швейная машина, ткацкій станокъ, жатвенная машина Мак-кормика, косильная машина, газовое освѣщеніе, фосфорныя спички, безчисленныя произведенія химической лабораторіи — все это новости нынѣшняго столѣтія, и порція угля цѣною на одинъ франкъ замѣняетъ намъ двадцатидневный трудъ прежняго работника.

Нужно ли поминать о парѣ, пожирателѣ пространства и времени, о громадной и тонкой силѣ, которая въ больницѣ приноситъ чашку съ супомъ въ самой постели больного, гнетъ и плющитъ какъ воскъ толстыя желѣзныя брусья, и мѣрится съ силами поднявшими и выворотившими геологическіе слои нашей планеты. Чему хочешь, онъ выучится, какъ способный мальчикъ, что хочешь подниметь на рабочія плечи; но онъ еще далеко не совершилъ всего своего дѣла. Онъ уже ходитъ по полю какъ человѣкъ и работаетъ всякую работу; поливаетъ кашу ниву, срываетъ намъ горы гдѣ нужно. Но онъ будетъ еще пить намъ рубашки, будетъ возить телеги и коляски наши; Беббеджъ принялся уже учить его счету, и научить когда нибудь вычислять проценты и логарифмы. Лордъ канцлеръ Тюрло надѣется, что онъ когда нибудь станетъ составлять исковыя бумаги и возраженія для канцлерскаго суда. Положимъ, что это сатира, но и сатира будетъ недалеко отъ дѣйствительности, судя по начальнымъ попыткамъ примѣнить паръ къ механическимъ дѣйствіямъ, соединеннымъ съ умственнымъ расчетомъ.

Сколько чудныхъ механическихъ примѣненій изобрѣтено для тѣла человеческого: для зубныхъ операцій, для прививанія оспы, для ринопластики, для усиленія нервовъ тонкимъ сномъ новаго изобрѣтенія. Наши инженеры, съ помощью громадныхъ машинъ, подобно кобольдамъ и волшебникамъ, сверлятъ Альпы, роютъ насквозь Американскій перешеекъ, прорѣзываютъ пустыню Аравійскую. Въ Массачусетсѣ мы побѣждаемъ море, укрѣпляя зыбкій берегъ простымъ травянымъ растеніемъ, укрѣпили песчаную пустыню — сосною плантаціей. Почва Голландіи, — самаго населеннаго когда-то края въ Европѣ, —

ниже морскаго уровня. Египетъ не зналъ что такое дождь, въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ: теперь, говорятъ, тамъ бываютъ ливни, благодаря оросительнымъ каналамъ и лѣснымъ плантаціямъ. Древній царь еврейскій сказалъ: «восхвалить Бога и ярость человѣческая». И въ числѣ доказательствъ единобожія, самое сильное, — это громадность результатовъ, достигаемыхъ самими обыкновенными дѣлами и средствами.

Кажется, нѣтъ и предѣловъ новымъ откровеніямъ того же духа, который нѣкогда создалъ стихійные элементы, а нынѣ, посредствомъ человѣка, разработываетъ ихъ. Искусство и сила и впредь не престанутъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали до нынѣ — ночь претворять въ день, пространство во время и время въ пространство.

Отъ одного изобрѣтенія родится другое. Едва обозначился въ умѣ электрическій телеграфъ, какъ открылся и матеріалъ необходимый для него — гутта-перча. Съ усиленіемъ торговаго движенія — открыты новые запасы золота въ Калифорніи и въ Австраліи. Когда Европа переполнилась населеніемъ, — открылся запросъ на него въ Америкѣ и въ Австраліи; и такъ, гдѣ ни случается неожиданное явленіе, оно приходится ко времени, какъ будто природа, устроивъ повсюду замки, ко всякому замку устроила и ключъ, который сама помогаетъ отыскать когда нужно.

Вотъ еще слѣдствіе изобрѣтеній: — умноженіе отношеній между людьми. Оно изумляетъ насъ, открывая новые пути въ рѣшенію трудныхъ и запутанныхъ политическихъ вопросовъ. Отношенія эти — не новость: только размѣры ихъ новые. Сами по себѣ, мы по чувству эгоизма ухватились бы за рабство, готовы были бы замѣнить четвертую часть земнаго шара ото всѣхъ, кто внѣ ея, на чужой почвѣ родился. Наша политика отвратительна; но чему въ силахъ она помочь, чему можетъ помѣшать, въ такую пору, когда первородные инстинкты двигаютъ массаи рода человѣческаго, когда цѣлыя народы движутся приливомъ и отливомъ? Природа любитъ скрещивать расы: — германецъ, китаецъ, турокъ, русскій, индеецъ —

всѣ стремятся къ морю, всѣ женятся между собой и посягаютъ; коммерція приходитъ въ движеніе — и море кишитъ кораблями, которые готовы перевезть съ берега на берегъ цѣлыя населенія.

Тысячерукое искусство вошло новымъ элементомъ и въ жизнь государства. Наука власти волею или неволей вынуждена признать власть науки. Цивилизація восходитъ, карабкается — выше и выше. Когда Мальтусъ выводилъ, что число желудковъ умножается въ геометрической, а количество пищи — лишь въ арифметической прогрессіи, — онъ забылъ прибавить, что разумъ человѣческій — тоже одинъ изъ факторовъ въ политической экономіи, и что съ умноженіемъ въ обществѣ нужды умножатся и сила изобрѣтенія.

Для потребностей общественнаго быта у насъ есть уже значительная артиллерія всяческихъ орудій. Мы ѣздимъ вчетверо быстрѣе, чѣмъ ѣздили отцы наши. Много лучше ихъ путешествуемъ, мелемъ, вяжемъ, куемъ, сажаемъ, воздѣлываемъ и копаемъ. У насъ совсѣмъ новые сапоги, перчатки, стаканы, инструменты; у насъ есть счетная машина; у насъ—газета, и посредствомъ газеты каждая деревня можетъ составить докладъ о себѣ и поднести его намъ за завтракомъ. У насъ деньги и кредитный билетъ; у насъ — языкъ, тончайшее изъ всѣхъ орудій, и самое близкое душѣ. Много, — и чѣмъ больше есть, тѣмъ больше требуется. Человѣкъ льститъ себя, что власть его надъ природою еще возрастетъ и умножится. Событія начинаютъ повиноваться ему. Насъ ожидаетъ еще — воздухоплаваніе, и можетъ быть недалеко намъ до войны, которая разыграется на воздухѣ. Немудрено, что мы изобрѣтемъ такую воду, отъ которой негръ разомъ станетъ бѣлымъ. Онъ уже видитъ, какъ мѣняется головной типъ англо-саксонской расы подѣ влияніемъ условій американской жизни.

Въ старину видали Танталя, какъ онъ стоя на самой глубинѣ, напрасно пытался утолить жажду свою текучею струею, которая убѣгала, лишь только онъ наклонялся къ ней. Старикъ Танталя, говорятъ, недавно опять появился въ мірѣ. Его ви-

дѣли въ Парижѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ. Онъ веселъ, увѣренъ въ себя: думаетъ, что ему скоро удастся поймать струю, даже наполнить ею бутылку. Но, кажется, увѣренность его напрасная. Обстоятельства — все еще мрачнаго вида. Сколько ни прошло столѣтій непрерывной культуры, — новый человѣкъ все таки стоитъ на самомъ рубежѣ хаоса, все таки не выходитъ изъ кризиса. У кого на памяти такая пора, когда бы не жаловались, что денегъ нѣтъ, что время тяжелое? У кого на памяти такое время, когда довольно было добрыхъ людей, разумныхъ людей, и такихъ мужчинъ и такихъ женщинъ какихъ было нужно? Танталъ начинаетъ думать, что паръ — есть фантазія, и что гальванизмъ — не больше того, чѣмъ по природѣ служить.

Многое уже заставляетъ задумываться, многое наводитъ на мысль, что благо наше лежитъ гдѣ-то глубже, что его не сыщешь — въ парѣ, въ фотографіи, въ воздушномъ шарѣ, въ астрономіи. Все это орудія сомнительнаго качества. Все это — реактивы. Множество машинъ имѣетъ угрожающій видъ. Ткачъ самъ превращается въ ткань, механикъ — въ машину. Кто самъ не владѣетъ орудіемъ, того беретъ во власть орудіе. Всѣ орудія — съ обточеннымъ остриемъ, и стало быть опасны. Человѣкъ строитъ себѣ прекрасный домъ: и вотъ является у него владыка, приходитъ работа на всю жизнь, и онъ долженъ устроить домъ свой, беречь его, показывать, поддерживать и починивать — до послѣдняго своего издыханья. Человѣкъ создалъ себѣ репутацію: онъ уже не свободенъ, онъ долженъ беречь свое сокровище, уважать его. Человѣкъ написалъ картину, издалъ книгу: и чѣмъ больше успѣха имѣло твореніе, тѣмъ хуже оттого иной разъ творцу. Я зналъ одного добраго человѣка: онъ жилъ вольно какъ птица небесная, какъ звѣрь лѣсной; но разъ ему вздумалось украсить кабинетъ свой нарядными полками для коллекціи раковинъ, яицъ, минераловъ и чучель. Это была забава, но чѣмъ забавлялся онъ въ сущности? Тѣмъ, что устраивалъ изящныя цѣпи и оковы для своихъ же членовъ.

Задумывается и ученый эконоmistъ. «Сомнительно, — всѣ какія только есть, механическія изобрѣтенія, облегчили-ли трудъ дневной хоть одному человѣку». Машина развинчиваетъ, раздѣлываетъ человѣка. Машина доведена до высшаго совершенства, а кто механикъ при ней? никто. Всякое новое усовершенствованіе въ машинѣ сокращаетъ механика въ его дѣятельности, разучиваетъ его. Бывало машина требовала для себя Архимеда; нынче для нея довольно мальчика, лишь бы онъ зналъ нужные приемы, умѣлъ двинуть рукоятку, смотрѣть за котломъ; но когда испортится машина, опъ не знаетъ что съ нею дѣлать.

Посмотрите на газеты: онѣ наполнены каждый день ужасными подробностями. Прежнія изданія, въ родѣ «календаря ньюгетской тюрьмы» стали ненужны съ тѣхъ поръ, какъ въ лондонскомъ Таймсѣ, въ нью-Йоркской Трибунѣ появляются свѣжіе рассказы о преступленіяхъ, гораздо еще ярче, гораздо ужаснѣе.

Въ политикѣ — развѣ бывало когда больше чѣмъ у насъ, своекорыстія, разврата, насилія? А торговля, это любимое дитя океана, гордость его и слава, эта воспитательница народовъ, эта благодѣтельница по неволѣ и вопреки себѣ, торговля наша кончается во всемъ мірѣ постыдною несостоятельностью, надувательнымъ предпріятіемъ и банкротствомъ.

Мы перечисляемъ всякія искусства, всякія изобрѣтенія человѣческія, какъ мѣрило достоинству человѣка. Но когда, при всѣхъ своихъ искусствахъ и знаніяхъ, онъ оказывается лувавъ и преступенъ, явно что механическое искусство со всѣми своими изобрѣтеніями не можетъ служить ему мѣриломъ достоинства. Пойщемъ, нѣтъ ли другой мѣрки.

Что прибавило отъ этихъ искусствъ и знаній — характеру и достоинству рода человѣческаго? Стало ли лучше человѣчество? Многіе спрашиваютъ съ недоумѣніемъ, не понижалась ли нравственность по мѣрѣ того какъ возвышалось искусство? Мы видимъ съ одной стороны великія знанія, съ маленькими людьми, съ другой стороны видимъ, какъ изъ низости вырастаетъ

величіе. Видимъ торжество цивилизаціи, и радуемся, но намъ указываютъ такую благодѣющую руку, которую душа не хочетъ признать. Самый главный факторъ преуспѣянія въ мірѣ — это торговля, сила личнаго эгоизма и мелкаго разчета. Казалось бы, всякая побѣда надъ матеріей должна возвышать достоинство природы человѣческой въ сознаніи человѣка. А намъ, когда смотримъ на свое богатство, приходится дивиться, откуда взялось оно, и кто его виновникъ. Посмотрите на изобрѣтателей. У каждаго изъ нихъ есть свой фокусъ, въ которомъ онъ силенъ. Геній бьется въ извѣстной жилкѣ, пробивается въ извѣстномъ мѣстѣ; но гдѣ найдешь великій, ровный, симметрическій умъ, питаемый великимъ сердцемъ? У всякаго больше есть что притаять въ себѣ, нежели что выказать, всякаго заставляетъ хромать свое совершенство. Слишкомъ замѣтно, что отъ матеріальной силы отстало нравственное преуспѣяніе. По всему видно, что мы помѣстили капиталъ свой не совсѣмъ разчетливо. Намъ предложены были *дѣла* и *дни* на выборъ: мы выбрали *дѣла*.

Новѣйшія изслѣдованія санскритскаго языка раскрыли намъ происхожденіе древнихъ названій Божества — *Dyaeus, Deus, Zeus, Zeu pater, Jupiter*, все имена солнечныя. Въ нихъ еще слышится, сквозь новую одежду ежедневнаго нарѣчія, слово: *День* (*Day*). Не значить ли это что *день* — для насъ явленіе Божественной силы? Что люди древняго міра, пытаясь выразить рѣчью верховную силу вселенной, дали ей имя: *день*, и что это названіе всѣ племена приняли?

Гезіодъ написалъ поэму и назвалъ ее: *Дѣла и дни*. Въ ней поэтъ описываетъ времена греческаго года, учитъ хозяина, когда, подъ какимъ созвѣдіемъ слѣдуетъ сѣять, когда начинать жатву, когда рубить лѣсъ, въ какой счастливый часъ плователю пускаться въ море чтобъ избѣжать бури, и за какими небесными планетами слѣдовать. Поэма наполнена хозяйственными наставленіями для греческой жизни: въ ней указанъ возрастъ для брака; въ ней есть правила для домашней экономіи, для гостепріимства. Поэма эта дышетъ благочестіемъ

и исполнена разума житейскаго: она прилажена ко всѣмъ меридіанамъ, потому что и дѣла и дни повѣтъ представляетъ въ нравственномъ ихъ значеніи. Но *наука дней* не глубоко имъ разработана, хотя это очень глубокая наука.

Крестьянинъ, работая на полѣ своемъ, говорилъ: хорошо когда бы моя была вся земля, какая примыкаетъ къ моему полю. Такія же наклонности были у Бонапарта: онъ хотѣлъ сдѣлать средиземное море французскимъ озеромъ. Говорятъ, одинъ владыка земной простиралъ еще дальше свои планы, и весь тихій океанъ хотѣлъ назвать *своимъ океаномъ*. Но хотя бы и удалось ему, хотя бы онъ всю землю могъ взять въ удѣлъ себѣ и океанъ счесть за свое озеро, — все таки онъ былъ бы нищимъ. Тотъ лишь одинъ богатъ, *кто владѣетъ днемъ своимъ*. Вотъ сила; нѣтъ на свѣтѣ ни царя ни богача ни чародѣя ни демона, кто-бъ имѣлъ такую силу. Дни для насъ — тѣже сосуды Божества какъ и для прародителей нашихъ арійцевъ. Изъ всего сущаго — они всего менѣе общаются, а вмѣщаютъ — всего болѣе. Они приходятъ безмолвно и торжественно, точно видѣніе образа, съ ногъ до головы закрытаго покрываломъ, точно нѣмые посланники, съ даромъ изъ дальняго пріязненнаго края; и такъ же безмолвно удаляются, унося съ собою дары свои, если мы не беремъ ихъ и ими не пользуемся.

Какъ приходится день по душѣ, какъ обвивается вокругъ нея точно тонкое покрывало, какъ одѣваетъ всѣ ея фантазіи! Всякій праздничный день окрашиваетъ насъ своимъ цвѣтомъ. Мы носимъ его вокарду, всякій привѣтъ его отражается на нашемъ душевномъ расположеніи. Вспомнимъ свое дѣтство: что у насъ было въ душѣ праздничнымъ утромъ, наприимѣръ въ день національной годовщины, въ день Рождества Христова. Несемъ, бѣжимъ, и кажется, самыя звѣзды съ неба мигаютъ намъ объ орѣхахъ и пряникахъ, о конфетахъ, подаркахъ и потѣшныхъ огняхъ. Помните, какъ въ ту пору жизнь считалась по календарю минутами, сосредоточивалась въ узлы нервной силы, въ часы радужнаго блаженства, а не разливалась ровнымъ и гладкимъ потокомъ счастья. Въ уединеніи и

въ деревнѣ — какимъ торжествомъ дышетъ праздничный день! Встаетъ изъ бездны временъ священный часъ праздника, древняя суббота, седьмой день, убѣленный тысячелѣтіями религіозныхъ вѣрованій, раскрывается чистая страница, которую мудрецъ испишетъ словами истины, дикій исцарапаетъ фигурами своихъ фетишей; — и мы слышимъ, въ уединеніи своемъ, вселенскій псаломъ, соборный хоръ всей исторіи человѣческаго рода.

И какъ сходится погода съ душевнымъ расположеніемъ въ молодости! Вѣтеръ, мѣняясь, мѣняетъ свою ноту на тысячи ладовъ, мѣняетъ тысячу разъ картины, которыя несетъ воображенію, и всякій новый ладъ его — новая оболочка, новое жилище для духа. Бывало я умѣлъ выбирать настоящую пору для каждой изъ любимыхъ книгъ своихъ. Одинъ писатель приходится всего лучше къ зимнему времени, другой — къ лѣтнимъ каникуламъ. Есть книги (напр. Платоновъ Тимей), для которыхъ ждешь, долго ждешь настоящаго часа. Наконецъ приходитъ желанное утро, занимается заря, на небѣ является мерцаніе свѣта, какъ будто въ первую минуту мірозданія и въ началѣ бытія: и вотъ, въ этотъ часъ простора смѣло раскрываешь книгу....

Въ иные дни къ намъ подходятъ великіе люди, близко — близко; на челѣ у нихъ ни малѣйшей суровости, ни малѣйшаго снисхожденія; они намъ ровные, берутъ насъ за руку, говорятъ съ нами, и мы съ ними бесѣдуемъ. Въ иные дни мы чувствуемъ что насталъ праздникъ — изо дней день въ году. Ангелы являются во плоти, уходятъ и приходятъ снова. Вся природа оживаетъ, точно у всѣхъ духовъ и боговъ проснулось воображеніе, и являетъ живые образы отовсюду. Вчера не слышать было птичьяго голоса, міръ былъ сухъ, каменистъ и пустыненъ; сегодня — все населено и наполнено; все созданіе цвѣтетъ, роится и множится.

Дни ткуются на чудномъ станѣ: основа и утокъ его — прошедшее и будущее. Нити ложатся величественнымъ рядомъ, какъ будто всѣ боги принесли по нитѣ для небесной ткани. Странно по-

думать, отчего мы богаты, отчего мы бѣдны; — нѣсколько больше, нѣсколько меньше монеть, ковровъ, платьевъ, камня, дерева, краски: тотъ или иной покрой, та или другая форма; наша доля — точно доля краснокожаго индѣйца: — одинъ гордится тѣмъ что у него есть нитка бусъ или красное перо, — а остальные, не имѣя ни того ни другаго, почитаютъ себя несчастными. Но не таковы тѣ сокровища, на которыя истощилась для насъ природа: вѣками образованная, тонкая, сложная анатомія человѣка, надъ которою потрудились всѣ прежніе слои мірозданія, всѣ племена бывшія до насъ; — всѣ формы и образы творенія, которыми окружены мы; вся земля и исполненіе ея; воздухъ — несущій дыханіе и мѣру жизни; — море, зовущее вдаль; бездна небесная со всѣми ея мірами; и на все это отзывается мозгъ съ нервнымъ составомъ, и глазъ, способный проникать въ бездну, и бездну снова отражать въ себѣ: — бездна бездну призывающая. Все это безъ мѣры дано всѣмъ и каждому — не то что бусовое ожерелье, что ковры и монеты наши.

Не диво-ли это? И это диво въ рукахъ у послѣдняго нищаго. Рынокъ людской кипитъ подъ голубымъ небомъ, и въ небѣ херувимъ и серафимъ надъ нами витаютъ. Небо — это сіяніе славы, которымъ великій художникъ одѣлъ свое созданіе, — это предѣльная черта между матеріей и духомъ. Это край мірозданія: дальше не могла идти природа. Когда бы осуществились самыя блаженныя сновидѣнія наши, когда бы тонкая сила открыла намъ новое зрѣніе и мы увидѣли какъ ходятъ по землѣ милліоны духовныхъ существъ, и тогда бы, кажется, открылось, что сфера, въ которой они движутся, окружена отовсюду той же самой тванью синевы небесной, которая осѣняетъ меня теперь, на городской улицѣ, между ежедневныхъ дѣлъ человѣческихъ.

Странно, что на богатомъ нашемъ англійскомъ языкѣ не находится слова, чтобъ назвать вселенную. Есть старинное англійское слово *Kind* (родъ), но оно выражаетъ лишь малую часть того, что заключается въ прекрасномъ латинскомъ

словѣ, имѣющемъ тонкій оттѣнокъ будущаго, дальнѣйшаго бытія: *natura*, т. е. не только рожденное, но и *имѣющее родиться*, чему въ германской философіи соотвѣтствуетъ *das werden*. Но ни на одномъ изъ новыхъ языковъ нѣтъ слова для выраженія силы, дѣйствующей только *въ красотѣ*. Для нея было только одно соотвѣтственное слово на греческомъ языкѣ: *Kosmos*, и отъ того Гумбольдтъ прибралъ удачное названіе *Kosmos* для своей книги, въ которой изложены послѣдніе результаты науки.

Таковы дни: земля — полная чаша, которую предлагаетъ намъ природа отъ безмѣрныхъ щедротъ своихъ, каждый день, въ насущное наше питаніе; и покровъ чаши нашей — сводъ небесный. Но намъ дана еще сила *мечты*, которая съ нами родится и остается при насъ до послѣдняго издыханія.

Она ласкаетъ насъ, льститъ намъ, обманываетъ насъ съ ранней зари до вечерней, отъ рожденія до смерти — и ни чей опытный глазъ не успѣвалъ еще до сихъ поръ распознать обмана. Индусы представляютъ Маію, *энергію мечты*, въ числѣ главныхъ атрибутовъ Вишну. Моряки въ бурю привязываютъ себя къ мачтамъ и снастямъ корабельнымъ: не такъ ли, въ той бурѣ воюющихъ элементовъ, которая зовется жизнью, требуется привязать къ жизни души человѣческія, и природа употребляетъ для этого, вмѣсто канатовъ и веревокъ, всякаго рода мечты и фантазіи: для ребенка — погремушку, куклу, яблоко; для мальчика на возрастѣ — коньки, рѣву, лодку, лошадь, ружье; для юноши и для взрослога — нечего и приводить примѣры, потому что имъ нѣтъ числа и предѣла. Иногда — маска спадаетъ, завѣса медленно поднимается, и дается человѣку увидѣть безобразную массу, набитую чучелу, — замазанную краской, поддѣланную сваружи. Юмъ утверждалъ, что измѣняются только обстоятельства, а средняя доля счастья—всегда одна и та же; что у нищаго, что сидитъ на мосту и ловитъ мухъ на досугѣ, и у вельможи, проѣзжающаго мимо въ богатой коляскѣ, и у дѣвушки, выѣзжающей на первый балъ, и у оратора, когда онъ съ торжествомъ воз-

вращается изъ парламента,—у всѣхъ разные способы душевнаго возбужденія, но количество его одно и тоже.

Воображеніе всею своею силой помогаетъ намъ скрывать отъ себя дѣлу и значеніе настоящаго времени. Кто изъ насъ не сознаетъ въ каждую минуту, что его настоящая дѣятельность ниже и меньше того, что бы онъ могъ сдѣлать? «Что ты дѣлаешь?» — «Да ничего; я только что занимался вотъ чѣмъ, или я намѣренъ дѣлать вотъ что, а теперь я только....». Ахъ, простае! неужели никогда ты не вырвешься изъ сѣтей своего фокусника, — неужели никогда не поймешь, что когда исчезло *сегодня*, когда между нынѣшнимъ днемъ и нами невозвратимые годы протанули уже свою лучезарную ткань, — минувшіе часы сіяютъ предъ нами обольстительною славой, и тянутъ насъ къ себѣ, какъ фантастическій романъ, представляются намъ царствомъ красоты и поэзіи? Какъ трудно смотрѣть на нихъ прямо безъ обмана! Все, что въ нихъ происходило, всѣ отношенія, всѣ слова и разговоры, всѣ горячіе интересы и горячія дѣла минувшихъ дней — все это бросаетъ намъ пыль въ глаза и развлекаетъ наше вниманіе. Тотъ сильный человѣкъ, кто можетъ глядѣть на нихъ прямо, безъ смущенія, не поддаваясь обольщенію, кто видитъ въ нихъ все какъ было, сохраняя при себѣ свое самосознаніе; кто знаетъ и помнитъ, что ничего нѣтъ новаго подъ луною, и что было прежде, то и всегда бываетъ; кого ни любовь, ни смерть, ни политика, ни стяжаніе, ни война, ни удовольствіе — не въ силахъ отвлечь отъ предпринятаго дѣла.

Міръ всегда самъ себѣ равенъ, и всякій человѣкъ въ минуту глубокаго раздумья о себѣ, чувствуетъ, что проходитъ тотъ же опытъ жизни, какой проходили до него люди въ древнихъ Фивахъ или въ древней Византіи. Непрестоящее *нынѣ* царствуетъ въ природѣ, и украшаетъ наши кусты тѣми же розами, которыя плѣняли древняго человѣка въ висячихъ садахъ Вавилона и Рима. Невольно просится въ душу вопросъ: стоитъ ли учить языки, стоитъ ли обходить вселенную, для того, чтобы узнать такія простыя и старыя истины?

Передъ нами — памятники древняго искусства, вырытые изъ подъ земли города, вновь открытыя рукописи и надписи: правда — это красота, и стоитъ знать ея исторію, и наши академіи сходятся рѣшать нерѣшенные споры пьволъ древняго искусства. Какія экспедиціи, каковой трудъ измѣренія, какія усилія умовъ — Нибура и Миллера и Ляйарда, — для того, чтобы опредѣлить мѣсто нахождения Трои и столицы Нимродовой! Сколько морскихъ походовъ — для того чтобы почтить память Данта, — и для того чтобы привести въ ясность, кто открылъ Америку, приходится пуститься въ плаваніе не меньше того, какое нужно было для открытія. Дитя человѣкъ! вѣдь эта мягкая масса, изъ которой старшіе братья наши въ древности вылѣпили дивные свои символы, — совсѣмъ не персидская и не мемфисская и не тевтонская, и совсѣмъ не мѣстная глина:— это обыкновенная известь, обыкновенный песчаникъ съ водою и со свѣтомъ солнечнымъ, съ жаромъ крови, съ дыханіемъ легкихъ: ту же самую глину ты самъ держалъ въ неумѣлыхъ рукахъ своихъ, и бросилъ изъ рукъ, когда побѣждалъ ее же отыскивать въ старыхъ гробницахъ, въ гробовыхъ колодцахъ, въ старыхъ книжныхъ лавкахъ малой Азіи, Египта и Англіи. Это все то же многозначущее *сегодня*, всѣми пренебрегаемое; та же богатая бѣдность, всѣми ненавидимая, то же многоглаголющее, любвеобильное уединеніе, отъ котораго бѣгутъ люди въ города, на шумный рынокъ. Нынѣшній день притаился и спрятался, — его надобно отыскивать: въ немъ удача и побѣда, въ немъ дѣйствительность, радость и сила. Всякій льститъ себя, никто не думаетъ, что настоящій часъ — критическій, рѣшительный часъ для всякаго. Но всекому надо написать у себя въ сердцѣ, что каждый день, каковой приходитъ — лучший день въ году. Ничего въ правду не узнаетъ человѣкъ, покуда не почувствуетъ, что каждый день — день судьбы въ его жизни, день посѣщенія. Отъ вѣка божество являлось на землѣ въ смертной одеждѣ, въ низкомъ и смиренномъ видѣ: плохое величіе то, что любить являться міру съ возвышенія, въ брилліантахъ и въ золотѣ. Настоящіе цари и владыки оставляютъ

свои короны въ владовой, и являются въ простомъ и бѣдномъ нарядѣ. Въ сѣверной легендѣ нашихъ предковъ, Одинъ является въ видѣ рыбака, живетъ въ бѣдной хижинѣ, чинить свою лодку. Въ индійской легендѣ — Гари живетъ между поселянь, простымъ поселяниномъ. Въ греческой легендѣ Аполлонъ живетъ съ адметскими пастухами, и Юпитеръ дѣлитъ сельскую жизнь съ бѣдными еѳіоплянами. И въ нашей исторіи Иисусъ родился въ ясляхъ, и двѣнадцать апостоловъ его — изъ простыхъ рыбаковъ. Въ нашей наукѣ мы видимъ на каждомъ шагу, что природа является въ маломъ крайнее свое величіе; таково было правило Аристотеля и Люкреція, — а въ наши времена правило Сведенборга и Ганеманна. Возрастъ слоевъ земной коры опредѣляется по тому же порядку, въ которомъ совершается развитіе яйца. Въ народныхъ сказкахъ и легендахъ нашихъ — самая могущественная фея всегда меньше всѣхъ ростомъ. Въ ученіи о благодати смиреніе выше всѣхъ добродѣтелей, и живой образецъ смиренія — Мадонна; въ жизни тайна смиренія — тайна мудрости человѣческой. Заслуга генія передъ человѣчествомъ всегда состоитъ въ томъ, что онъ снимаетъ намъ завѣсу съ простыхъ явленій обыденной жизни, и мы видимъ, чего не подозрѣвали прежде, видимъ божество въ простой одеждѣ, среди толпы цыганъ и разнощиковъ. Въ ежедневномъ быту пріемъ для работы обличаетъ намъ мастера; мастеръ пользуется подручнымъ матеріаломъ, не дожидаясь повуда достанутъ ему издалека то, что слыветъ у другихъ за отличное, или изъ чего другіе работали со славой. «У полководца, — говорилъ Бонапартъ, — всегда достаточно войска, если только умѣетъ онъ употребить людей своихъ, и если самъ дѣлитъ походъ и бивуакъ съ ними». — Дѣло, которое принесъ тебѣ настоящій часъ, не отвергай для другаго, болѣе заманчиваго и славнаго. Высшая точка на горизонтѣ мудрости въ одинаковомъ разстояніи отовсюду, и если хочешь найти ее, ищи ее теми способами, какіе тебѣ самому сродны и свойственны.

Но воображенію нашему всегда привлекательнѣе то дѣло, которое не на сей часъ требуется. Сегодня именно, и въ тотъ

часъ когда обѣщали мы придти на работу, въ засѣданіе, — какъ влекутъ насъ къ себѣ, сколько намъ обѣщаютъ дальніе холмы и вершины!

Главный урокъ исторіи состоитъ въ томъ что она показываетъ намъ цѣну настоящаго часа и долгъ его. Благо мое, дѣло мое — то, на которое мнѣ указываютъ родина моя, мой климатъ, мои средства и матеріалы, мои сотоварищи.

Есть повѣрье что конскіе волосы въ водѣ превращаются въ червей — волосатиковъ. Ученые считаютъ его басней; но мнѣ часто думается, что старыя вещи гніютъ, и изъ прошедшаго рождаются змѣи. Поклоненіе дѣламъ предковъ можетъ превратиться въ обманчивое чувство. Достоинствомъ ихъ было не поклоненіе прошедшему; заслуга ихъ состояла въ томъ что они чтили настоящую минуту; и мы напрасно ссылаемся на нихъ въ оправданіе такой наклопности, которая имъ была бы противна, которой они не слѣдовали въ жизни.

И еще любимая мечта наша — что намъ мало времени для дѣла. Но мы могли бы размыслить, что многія твари вкушаютъ изъ одной чаши, и каждое существо, сообразно своему составу, принимаетъ и перерабатываетъ въ немъ тѣ элементы которые ему свойственны, — и время и пространство и свѣтъ и воду и пищу тѣлесную. Змѣя обращаетъ всякую свою добычу въ змѣю, лисица въ лисицу; и Петръ и Павелъ обращаютъ все бытіе свое въ Петра и Павла. Въ Нью-Йоркѣ кто-то однажды жаловался что мало времени. Простой индеецъ отвѣтилъ ему умнѣе иного философа: «мнѣ кажется, въ твоей власти все время какое у тебя есть».

Есть еще мечта: мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли о великомъ значеніи долгаго времени — года, десятилѣтія, столѣтія. Но старая французская поговорка гласитъ: Божье дѣло въ минуту совершается, — «En peu d'heure Dieu labeure.» Мы молимъ себѣ долгой жизни, но долгая жизнь значитъ: полная жизнь, жизнь великая минутами. Истинная мѣра времени — духовная а не механическая мѣра. Жизнь длинна свыше мѣры. Минуты духовнаго разумѣнія и провидѣнія, минуты полного

единства въ личномъ отношеіи, одна улыбка, одинъ взглядъ, — вотъ чѣмъ мы проникаемъ въ вѣчность и черпаемъ изъ нея полную мѣру. Въ такія минуты жизнь возносится до крайней точки и сосредоточивается; по словамъ Гомера «боги однажды только и въ одинъ только день даютъ смертнымъ ту долю разума, какая кому назначена».

Я одного мнѣнія съ поэтомъ Вордсвортомъ, что «одно только есть въ жизни счастье и нѣтъ иного — счастье въ разумѣ и въ добродѣтели». Одного мнѣнія съ Плиніемъ, что «чѣмъ больше углубляемся мыслью въ эти истины, тѣмъ болѣе долготы придаемъ своей жизни». Я одного мнѣнія съ Главкономъ, когда онъ говоритъ: «О Сократъ! мѣра жизни для мудраго — говорить и слушать рѣчи подобныя тому, что мы отъ тебя слышимъ».

Тотъ одинъ можетъ обогатить меня, кто дастъ мнѣ мудрость дня, кто мнѣ освѣтитъ путь мой отъ восхода до восхода солнечнаго. — Разумѣніе дня — служить мѣрою человѣка. Поэтъ, — только одною своей поэзіей, математикъ, съ одними своими проблемами, не вполнѣ удовлетворяетъ насъ; но когда человѣкъ постигаетъ душой за одно и основныя начала мірозданія и праздничное величіе вселенной, — тогда и его поэзія вѣрна и числа его отзываются намъ музыкой. Не тотъ для меня ученый изъ ученыхъ, кто можетъ раскопать передо мной погребенныя въ землѣ династіи Сезострисовъ и Птолемеевъ, опредѣлить мнѣ годы олимпиадъ и консульствъ, но тотъ кто можетъ раскрыть мнѣ теорію нынѣшняго понедѣльника, нынѣшней среды. Есть ли въ немъ то знаніе любви (piety), которое одно умѣетъ разгадать пошлость ежедневной жизни, можетъ ли онъ снять покровы съ тѣхъ узъ, которыми пошлые люди, пошлые предметы соединяются съ первымъ началомъ бытія? Пролетѣло пятнадцать минутъ: въ людскомъ мнѣніи, это доля времени а не вѣчность; мелкая, подневольная доля, — доля надежды или доля памяти, это дорога къ счастью или отъ счастья, но не само счастье. Можетъ ли онъ показать мнѣ эту четверть часа въ связи ея со счастьемъ и съ вѣчностью? Вотъ истин-

ный учитель, вотъ кто можетъ провестъ насъ изъ рабскаго и нищенскаго быта — въ богатство и въ увѣренность. Съ нимъ, на томъ мѣстѣ гдѣ онъ, — честь и достоинство. Наша Америка, нищенствующая Америка, любопытствующая, всюду заглядывающая, повсюду странствующая, всему подражающая, изучающая Грецію и Римъ и Германію и Англию, — Америка сниметъ запыленные свои сандалии, сброситъ полинявшую дорожную шляпу, и останется дома, и сядетъ въ мирѣ и въ сіяніи радости. Посмотритъ вокругъ себя: во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ видовъ природы, въ исторіи вѣковъ не было такого часа, въ будущемъ не найдется другой минуты благоприятѣе! Часъ поэтамъ пѣть, часъ искусствамъ раскрывать все свое богатство!

Еще одно замѣчаніе. Жизнь только тогда хороша, когда она очаровательна и музыкальна, когда въ ней полный ладъ, полное созвучіе, и когда мы не анатомируемъ ее. Держи въ чести дни свои, превратись самъ въ день свой, не допрашивай его какъ профессоръ ученика. Міръ нашъ — загадочный міръ; все что говорится, все что познается и дѣлается — все загадка, все надобно принимать не въ разумѣ буквы, а въ разумѣ духа. Чтобы уразумѣть все въ правду, мы должны быть на верху своего званія. Когда птица поетъ пѣснь свою, слушай, но если хочешь слышать пѣснь, берегись разлагать ее на имена и глаголы. Постараемся воздержать себя, отдать себя, покориться. Когда утро наступаетъ, дадимъ мѣсто утру.

Все во вселенной идетъ волной и изгибомъ. Прямыхъ линий нѣтъ. Помню какъ теперь, что рассказывалъ иностранный ученый, захватившій на недѣлю къ намъ въ домъ — на радость моей юности. «Любимая забава у дикихъ островитянъ — сказывалъ онъ — играть съ волною на береговомъ прибоѣ. Они ложатся на волну, которая подхватываетъ ихъ и выноситъ, потомъ плывутъ опять, снова отдаются волнѣ, и съ наслажденіемъ по цѣлымъ часамъ занимаютъ этой игрой. Вся человѣческая жизнь состоитъ изъ такихъ-же переходовъ. Надобно умѣть выйти изъ себя, отдаться: кто не умѣетъ этого, для того

не можетъ быть и величія. А у васъ здѣсь и астрономія какъ будто для того чтобы присматривать за человѣкомъ. Не смѣешь выйти изъ дому, и посмотрѣть на мѣсяць и на звѣзды: все кажется что и они считаютъ шаги мои и допытываются, сколько строчекъ и страницъ я написалъ и прочелъ съ тѣхъ поръ какъ съ ними видѣлся... Не такъ жила мы въ своемъ краю: всѣ наши дни были не похожи другъ на друга, и всѣ смыкались во едино — единою любовью къ тому, что занимало и наполняло насъ. Чувствовать полнымъ свой часъ — вотъ въ чемъ счастье. Наполните, боги, часъ мой, такъ чтобы, когда пройдетъ онъ, я могъ бы сказать: я прожилъ часъ, а не говорилъ бы такъ: вотъ, прошелъ еще часъ моей жизни.»

Намъ нужны не *опланные* люди, мастера на всякое литературное или искусственное дѣло, тѣ что умѣютъ написать поэму, отстоять судебный процессъ, провести ту или другую мѣру — за деньги; тѣ что могутъ крѣпкимъ усиліемъ воли обратить свою способность куда угодно — на тотъ или другой предметъ, въ ту или въ иную сторону. Нѣтъ; — все что совершено лучшаго въ мірѣ — дѣло генія — совершилось даромъ, ничего не стоило; вышло на свѣтъ безъ тяжкихъ усилій, свободнымъ теченіемъ мысли. Шекспиръ создалъ своего Гамлета, какъ птица вьетъ гнѣздо свое. Иныя поэмы вылились бессознательно, между сномъ и пробужденіемъ. Великіе художники писали картины въ радость себѣ, и не чувствовали какъ сила изъ нихъ выходила. Такъ не могли бы они писать въ хладнокровномъ настроеніи. И мастера лирической нашей поэзіи также писали свои пѣсни. Чудная сила цвѣла въ нихъ чуднымъ цвѣтомъ красоты, — и твореніе ихъ было, по выраженію извѣстныхъ писемъ французской женщины «прелестнымъ случаемъ прелести въ жизни» (*le charmant accident de l'existence epoque plus charmante*): Ни одинъ поэтъ не истощается, не терпитъ убыли отъ своей пѣсни. И пѣсни не будетъ, пока не придетъ часъ вольно и въ красотѣ спѣтъ ее. Если отъ того поэтъ пѣвецъ, что долженъ пѣть, и что нельзя миновать пѣсни — то лучше пусть ея вовсе не будетъ. Сонъ самъ собою

приходить къ тѣмъ однимъ кто не заботится о снѣ: такъ и говорятъ и пишутъ всего лучше тѣ, кого не нудитъ забота: какъ скажется и какъ напишется.

Въ наукѣ — тоже самое. Нашъ ученый часто бываетъ изъ любителей. Подвигъ его состоитъ въ какой нибудь запискѣ для академіи — о странной рыбѣ, о головоастивахъ, о паутиныхъ ножкахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія, сидитъ надъ микроскопомъ какъ другіе академики; но когда записка его окончена, прочитана, напечатана, — онъ входитъ снова въ обычную жизнь, которая идетъ у него сама по себѣ, совсѣмъ отдѣльно отъ жизни ученой. — Не таковъ Ньютонъ: у него наука была такъ же вольна какъ дыханіе; для того чтобъ опредѣлить вѣсъ луны, онъ употреблялъ ту же умственную способность, которая ему служила на застежку крючковъ на платьѣ; вся жизнь его была простая, мудрая, величественная. Таковъ былъ Архимедъ — всегда самъ себѣ подобенъ, какъ сводъ небесный. У Линнея, у Франклина — таже ровная простота и цѣльность; нѣтъ ни ходулей ни вытягиванья; и дѣла ихъ плодотворны и достопамятны всѣмъ людямъ.

Освобождая время отъ всѣхъ его иллюзій, стараясь отыскать сердцевину дня, мы останавливаемся на качествахъ минуты и отлагаемъ заботу о долготѣ ея. На какой глубинѣ стоитъ наша жизнь — вотъ что важно для насъ, а широта ея протяженія не существенна. Мы стремимся къ вѣчности, а время — преходящая оболочка вѣчности; и въ самомъ дѣлѣ, отъ малѣйшаго ускоренія мысли, отъ малѣйшаго углубленія мыслительной силы, наша жизнь расширяется, углубляется, и мы чувствуемъ долготу ея.

Есть люди, которымъ нѣтъ нужды проходить долгую школу опытовъ. Послѣ многолѣтней дѣятельности они могутъ сказать, все это мы напередъ знали; они съ перваго взгляда любятъ и отвращаются, умѣя различать сразу сродственное и несродственное. Они не спрашиваютъ никогда объ условіяхъ, потому что сами всегда въ единомъ условіи съ собою, и живутъ въ волю; приказываютъ другимъ, не принимая ни отъ кого при-

каза; сознавая право свое на успѣхъ, всегда въ немъ увѣрены, и всегда пренебрегаютъ общіе приемы и способы для успѣха. Сами собой живутъ, сами собой держатся, сами ведутъ себя. Во всякомъ обществѣ остаются — сами собою: имъ это позволяется. Они велики въ настоящемъ; они не имѣютъ талантовъ и не заботятся имѣть ихъ, потому что въ нихъ та сила, которая прежде таланта была и послѣ таланта будетъ, и самый талантъ употребляетъ себѣ орудіемъ. Сила эта — *характеръ* — самое высокое имя, до какого достигала философія.

Не важно, *какъ* такой человекъ дѣлаетъ то или иное дѣло: важнѣе всего, кто онъ, что такое онъ самъ. Кто онъ, что въ немъ, — это выражается въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи. Здѣсь минута сливается съ характеромъ: не различь одно отъ другаго.

Преимущество характера надъ талантомъ прекрасно выражено въ греческой легендѣ о состязаніи Феба съ Юпитеромъ. **Фебъ** сталъ вызывать боговъ на состязаніе, и спросилъ: кто **изъ** васъ обстрѣляетъ Аполлона стрѣлометателя? — Зевсъ **отозвался**: я обстрѣляю. Марсъ принесъ жеребьи, положилъ **ихъ** въ шлемъ свой, и первая очередь выпала Аполлону. Онъ **натянулъ** лукъ свой и метнулъ стрѣлу далеко, на край дальняго запада. Тогда всталъ Зевесъ, однимъ движеніемъ занялъ **все** пространство, и сказалъ: куда стрѣлять? Не осталось мѣста. **И** боги присудили награду за стрѣльбу тому, кто не бралъ **въ** руки лука.

И вотъ путь восхожденія для духа ищущаго мудрости: — **отъ** дѣлъ людскихъ и всякаго дѣланія рукъ человѣческихъ — до **наслажденія** тѣми силами, которыя управляютъ дѣломъ; **отъ** почтенія **къ** дѣламъ — до мудраго благоговѣнія передъ таинствомъ времени, **въ** которое духъ человѣческій поставленъ для дѣланія; **отъ** мѣстныхъ **искусствъ** и **отъ** экономіи, считающей *по часамъ* сумму **производительности**, — до той высшей экономіи, которая ищетъ **видѣть** качество дѣла, право на дѣло, вѣру и вѣрность **въ** дѣлѣ; **ищетъ** проникнуть черезъ дѣло въ глубину мысли, являющейся **въ** дѣлѣ, мысли во вселенскомъ ея значеніи, той мысли,

которой корень не во времени а въ вѣчности. Источникъ та-
кихъ дѣлъ — характеръ, — высшее начало духовной цѣлости.
Передъ нимъ всѣ минуты равны; онъ даетъ человѣку величiе
во всякомъ званiи; въ немъ единственное опредѣленiе свободы
и силы.

К. Побѣдоносцевъ.

22 Августа 1870 года.

(Изъ народныхъ реляцій).

Чернь ворвалася въ палаты,
Крикъ: «республика!» въ устахъ,
И возсѣли депутаты
Министерства на скамьяхъ.

Гдѣ же Франціи властитель,
Нашихъ дней Агамемнонь?
Въ Сольферино побѣдитель,
Гдѣ же, гдѣ Наполеонъ? —
Тотъ, кто міръ держалъ въ тревогѣ
Мановеніемъ бровей,
Нынѣ плѣнникъ, по дорогѣ
Быстро мчится въ Вильгельмсгѣге
Съ жалкой свитою своей!
За безумную отвагу
Онъ короной заплатилъ,
И къ стопамъ Вильгельма шпагу
Раболѣпно положилъ.

Позабудутся невзгоды
Тяжкихъ царственныхъ годовъ,
Истязанія свободы,

Ссыла доблестныхъ сыновъ,
Миллиардовъ расхищенье
Для безумственныхъ растратъ,
Нравовъ роскошью растлѣнье,
Биржей созданный развратъ,
Дворъ изъ челяди бездушной,
Все что Францію томить!
Край простить великодушной;
Но позора не простить.

Смерть найди въ разгарѣ боя,
Былъ какъ дядя-бъ онъ великъ,
Съ славнымъ именемъ героя
Въ сонмъ бы всталъ земныхъ владыкъ;
А теперь, безъ сожалѣнья
На него взираетъ міръ,
И, поднявъ съ земли камень,
Съ громкимъ хохотомъ презрѣнья
Мечетъ въ сверженный кумиръ.

Озновишинъ

ТРУДОВОЙ ХЛѢБЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАХОЛУСТЯ.

(ОТРЫВОКЪ).

СЦЕНА III.

Л И Ц А:

Матвѣй Петровичъ Потроховъ, разбогатѣвшій чиновникъ, 50-ти лѣтъ, высокій, очень полный мужчина, съ круглымъ лицомъ, которому онъ старается придавать, смотря по обстоятельствамъ, различныя выраженія, но которое ничего не выражаетъ.

Поликсена Григорьевна, его жена, высокая, худощавая женщина, 40 лѣтъ съ небольшимъ. Часто вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, стараясь изобразить страданіе и покорность судьбѣ. Выраженіе лица злое.

Егоръ Николаевичъ Копровъ, пріятель Потрохова; очень приличенъ и красивъ, во всѣхъ манерахъ видна порядочность; лѣтъ подлѣ 30; ведетъ себя то робко, то самоувѣренно, смотря по обстоятельствамъ; смотритъ пытливо.

Юасафъ Наумычъ Корпѣловъ, товарищъ по гимназій и ровесникъ Потрохова, преждевременно состарѣвшійся и сторбившійся, но всегда улыбающійся человекъ. Одѣтъ въ черное длинное сакъ-пальто, застегнутое съ верху до низу. Тонъ, движенія, манеры педантскіе съ пріемскою шутливостію. По занятію — учитель, промышляющій дешевыми частными уроками.

Сакердонъ — лакей Потрохова, важень.

Ариша — горничная, молодая дѣвушка, ни хороша, ни дурна.

Комната въ домѣ Потрохова. Много изящной и удобной мебели; три двери: одна въ глубинѣ — въ пріемную и двѣ по сторонамъ. Съ правой стороны, ближе къ авансценѣ, окно.

хоть немного поблагороднѣе и почестнѣе. Цѣловать горничныхъ при женѣ — это такъ низко....

Петроховъ.

У васъ изъ всякой малости выходитъ важное дѣло. Это скучно. Что такое особенное произошло? Невольный жестъ съ просонковъ и жестъ весьма естественный.

Поликсена.

Естественный? Скажите пожалуйста! Хороша естественность.

Петроховъ.

Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотѣлъ приласкать непременно Аришу; можетъ быть, мнѣ съ просонковъ показалось, что вы поддѣ меня.

Поликсена.

Ахъ, ахъ! Вы меня до обморока доведете. Оскорбленіе, насмѣшки....

Петроховъ.

Я не понимаю, чѣмъ оскорбляться. Простой жестъ, естественный....

Поликсена.

Не говорите вздору! Я не глушій васъ и не хуже знаю, что естественно, что неестественно. Впрочемъ, можетъ быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изученія особый отдѣлъ — горничныхъ; въ такомъ случаѣ я съ вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу специальность и гнушаюсь вами. (*Язытелимо*): Ес-тес-тво-испытатель. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОТРОХОВЪ, ПОТОМЪ КОПРОВЪ.

ПОТРОХОВЪ (*вставая съ кресель*).

Фу ты, какая бѣшенная баба. (*Вынимаетъ часы изъ кармана и смотритъ*). Экъ я.... до которыхъ поръ.... вотъ угораздило! А впрочемъ что и дѣлать-то больше! Тоска.... хотъ бы зашелъ кто.... Какой нынче день? Да, пятница.... Я сегодня Корпѣлова звалъ, кажется. Вотъ еще нужно очень! И зачѣмъ это я? Что дѣлаю, что говорю, — себя не помню (*махнувъ рукой*), нить въ жизни потерялъ.... Придетъ Корпѣловъ съ нимъ еще скучнѣй будетъ, а еще, пожалуй, денегъ запросить.... Хотъ бы въ пиветъ съ вѣмъ поиграть. (*Подходитъ къ окну*). Кто это въ саду? Никакъ Копровъ? (*Манитъ рукой и отходитъ*). Эка тяжесть, эка тяжесть! (*Ходитъ по комнатъ, вздыхаетъ и отдувается. Входитъ Копровъ*).

КОПРОВЪ.

Здравствуй!

ПОТРОХОВЪ.

Здравствуй, Жоржъ!

КОПРОВЪ (*пристально глядяваясь въ Потрохова*).

Ты бы зельтерской.

ПОТРОХОВЪ.

Двѣ выпилъ; да что, братецъ.... (*Остонавливаясь передъ Копровымъ*). Тоска! Вѣришь ли, какая тоска!

КОПРОВЪ.

Дурное пищевареніе, спишь много.

Потроховъ.

Знаю.

Копровъ.

Особенно послѣ обѣда тебѣ негодится.

Потроховъ.

Знаю, что негодится. Толкуй еще! Все это я знаю; ~~но~~ но главная причина тоски моей не въ этомъ. (*Копровъ смотритъ на него вопросительно*). Что ты смотришь?

Копровъ.

Да странно мнѣ....

Потроховъ.

Ничего нѣтъ страннаго. Тутъ, Жоржъ, не пиццеварен ~~е~~, тутъ другое: въ характерѣ у меня кой что....

Копровъ.

Нѣтъ, чтожъ, у тебя характеръ — ничего.

Потроховъ.

Вообще-то говоря, у меня характеръ хорошій, даже оче ~~е~~ хороши́й; но есть, братецъ и важные недостатки: иногда ~~д~~ даю, чортъ знаетъ что; говорю, чего не слѣдуетъ; вру ~~мно~~ лишняго.

Копровъ.

Нельзя сказать, чтобъ очень....

Потроховъ.

Чтобъ очень вралъ-то? Нѣтъ, очень, очень.... ягу безъ конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, какъ я разстроены.

Копровъ.

Ну, какъ хочешь, я спорить не буду.

Потроховъ.

И не надо мнѣ и никто меня не заставляетъ, а болтаю, особенно вотъ если выпью я рюмку вина,—одну только рюмку, кажется, что за важность; а никакого удержа на меня нѣтъ... И пошелъ, и пошелъ, и вру, какъ сивый меринъ. (*Копровъ улыбается*). Что ты смѣешься? Что тутъ веселаго? Ты долженъ войти въ мое положеніе, вѣдь я, братецъ, страдаю. Эка тоска!

Копровъ.

Что твоя тоска! Вотъ у меня тоска-то!

Потроховъ (*чуть не плача*).

Раскаяніе, Жоржъ.

Копровъ.

Ну, я этого грѣха не знаю. Да и у тебя, что за раскаяніе, понять не могу. Скажешь ты, на примѣръ, что у тебя весь родится самъ-пятнадцать, а онъ всего самъ-другъ...

Потроховъ.

Ну, не самъ-другъ; ты ужъ тоже...

Копровъ.

Ну, извини! Самъ-другъ съ половиной. Такъ чтожъ это преступленіе? Въ чемъ тутъ раскаяваться?

Потроховъ.

Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вотъ третьяго дня былъ я у одного стараго товарища, выпили шампанскаго до воль, ужъ чего я тамъ ни городилъ! Ахъ, вспомнить гадо.

Копровъ.

Всѣ вы были выпивши; что говорено — забудется, — такъ и пройдетъ.

Потроховъ.

Былъ тамъ одинъ, тоже старый товарищъ, лѣтъ двадцать — мы съ нимъ не видались, учителяшко жалкій, Корпѣловъ, — въ какомъ-то засаженномъ пальто.

Копровъ.

Ну, такъ что же?

Потроховъ.

Физиономія въ родѣ тѣхъ, что въ погребкахъ на гитарахъ играютъ. Встрѣтся онъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, я бы отворотился отъ него, а ужъ руки ни за что бы не подалъ; а тутъ что я ему говорилъ, что я ему говорилъ!

Копровъ.

Стоить сокрушаться.

Потроховъ.

Да ужъ очень досадно на себя: съ чего было мнѣ такъ унижаться передъ нимъ, за чѣмъ было мнѣ себя ругать! Вѣдь я что говорилъ-то! Что онъ честнѣй насъ всѣхъ, что намъ совѣстно смотрѣть ему въ глаза, что мы разбогатѣли не безъ ущерба для совѣсти. Предлагалъ за него тосты: «господа, выпьемъ за честнаго человѣка!» Говорилъ ему, чтобъ онъ обращался ко мнѣ за деньгами, какъ въ свой карманъ; звалъ въ гости, кланялся; просилъ его даже жить у меня. Скотина я, больше ничего.

Копровъ.

Не бойся, не пойдетъ, посовѣстится; я его знаю.

Потроховъ.

Да онъ и то отказывался, — говорилъ, что боится моей жены, что онъ человѣкъ дикій; такъ я въ нему присталъ, какъ съ ножомъ въ горлу, честное слово взялъ.

Копровъ.

А придетъ, такъ можно и выпроводить поучтивѣе.

Потроховъ.

Да разумѣется, можно; только все какъ-то скверно на **ДУШѢ**. А вотъ сейчасъ съ просонковъ съ чего-то пришло мнѣ **ВЪ** голову Аришу поцѣловать, а тутъ жена....

Копровъ.

А, такъ вотъ что! Вотъ отъ чего тоска-то!

Потроховъ.

Не одно это, а все вмѣстѣ. Конечно все вздоры; а нако-
ПИТся, знаешь, этихъ мелочей въ душѣ, ну и вздыхаешь, точно
ПРЕступникъ какой, право, точно душу загубилъ. А вотъ по-
ГОВОрилъ я съ тобой, Жоржъ, попріятельски, излилъ тебѣ
свою душу, ну, и легчаетъ. (*Затѣваетъ*). «Не называй ее не-
БЕСной...» Разумѣется, я не со всякимъ такъ откровененъ.
И отъ чего бы мнѣ сокрушаться, вѣдется?... Положеніе мое
блестящее.... Это ты правъ, желудокъ тутъ во всемъ вино-
ВАТь. Вѣдь я еще наслѣдство получаю, умеръ дядя мой; ты
СЛЫшалъ?

Копровъ.

Слышалъ.

Потроховъ.

Я единственный наслѣдникъ, завѣщанія не осталось....

Копровъ.

Ты вѣрно знаешь, что не осталось?

Потроховъ.

Знаю навѣрное. Всѣ бумаги его я самъ перебиралъ и за-
печатывалъ; да вотъ ужъ цѣлые два года при немъ никого и
не было, кромѣ меня да старой старухи ключницы. Она те-
перь у насъ живетъ.

Копровъ.

Вѣдь у него дочь есть.

Потроховъ.

Незаконная. Какія же она права имѣеть! Онъ еще пр ~~и~~ жизни далъ что-то ея матери; потомъ до самой его смерти ~~и~~ она жила у насъ; онъ зналъ, что мы о ней заботимся, как ~~и~~ о родной. Чего жъ ей еще! Я дамъ ей что-нибудь изъ ~~м~~ лости....

Копровъ.

Дашь ли?

Потроховъ.

Не знаю, какъ сказать.... Глядя по обстоятельствамъ ~~и~~ зъ. Надо бы дать.... Кушъ возьму хорошій, — однихъ денегъ ~~и~~ 5 тысячъ.

Копровъ (*жметъ ему руку*).

Поздравляю тебя! Я очень радъ, очень радъ.

Потроховъ.

Чему жъ ты-то радъ?

Копровъ.

Ты и со мной подѣлишься.... мнѣ, братъ, крайность.... до зарѣзу.

Потроховъ.

Нѣтъ ужъ, конечно.

Копровъ.

Не говори такъ рѣшительно! Меня въ холодный потъ бросаешь.

Потроховъ.

Не дамъ. (*Запѣваетъ*). «Не называй ее небесной...»

Копровъ.

Смотри, жалѣть будешь.... У меня дѣло вѣрное, два рубля за рубль отдамъ.

Потроховъ.

Нельзя тебѣ давать. Ты и кирпичи машиной дѣлалъ, и еледокъ ловилъ на Волгѣ, и въ провинціяхъ театры содержалъ, и крахмаломъ картофельнымъ торговалъ, и гальваномастигу какую-то отливалъ; а что изъ этого вышло? Гдѣ твои деньги?

Копровъ.

Помоги теперь, всѣ долги выплачу, тебѣ первому.

Потроховъ.

Ни одного гульдена.

Копровъ.

Ты меня топишь; мнѣ хоть въ петлю лѣзть.... Эта афера стоить мнѣ 300 тысячъ; мнѣ они нужны, я ихъ желаю имѣть. Ты знаешь мой образъ мыслей,—я могу жить на свѣтѣ только въ капиталомъ въ 300 тысячъ, другой жизни я не понимаю. Бить какъ нибудь я не соглашусь. Если мое дѣло разстроится отъ твоей скупости.... смотри, не возьми грѣха на душу.

Потроховъ.

Дать тебѣ денегъ, такъ вѣдь ты, прежде всего, щегольскую коляску и пару лошадей заведешь.

Копровъ.

Заведу: во первыхъ, у меня такія потребности, я воспитанъ хорошо; а во вторыхъ, такъ нужно для моего дѣла.

Потроховъ.

Для какого?

Копровъ.

Повуда не сважу.

Потроховъ.

Ну, я подумаю.

Копровъ.

Благодарю тебя. (*Входитъ Поликсена съ книгой въ рукахъ садится въ кресло и читаетъ*).

Явленіе III.

Потроховъ, Копровъ, Поликсена.

Потроховъ.

Мнѣ самому теперь чистыя деньги приплись очень встать. Не знаю, сказывалъ ли я тебѣ, или нѣтъ; я хочу переѣхать на житье въ рязанское имѣніе.

Поликсена.

Я ужъ сказала, что не поѣду съ вами.

Потроховъ.

Какъ вамъ угодно. Заведу машины, все хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, стану самъ заниматься агрономіей. У меня вѣдь съ дѣтства страсть къ агрономіи. Отъ того я и скучаю. что мнѣ здѣсь не къ чему приложить моихъ рукъ и способностей.

Поликсена.

А какъ вы думаете? Вѣдь порядочной женщиной съ вами жить никакъ невозможно.

Потроховъ.

Слышалъ ужъ я это.

Поликсена

Мало этого, что слышали.

Потроховъ.

Чтожъ мнѣ руки что-ль на себя наложить прикажете? Я прочелъ всѣ сочиненія, русскія и иностранныя, объ сельскомъ хозяйствѣ, о химіи; былъ въ перепискѣ...

Поликсена.

Не слушайте его, Жоржъ! Ничего вѣдь этого не будетъ, ему только хочется меня разстроить. Подите сюда! (*Копровъ подходит*). Посмотрите! (*Указываетъ одно мѣсто въ книгѣ*).

Копровъ (*читаетъ*).

«Вся жизнь ея была непрерывная цѣпь страданій...»

Поликсена.

Это про меня сказано, Жоржъ, про меня; и моя жизнь есть непрерывная цѣпь страданій.

Потроховъ.

А моя жизнь непрерывная цѣпь скуки. Пойдемъ, Жоржъ, въ пиветъ играть!

Поликсена (*Копрову*).

Я сяду подлѣ васъ и принесу вамъ счастье. (*Уходятъ въ боковую дверь. Сакердонъ и Кортьловъ показываются изъ пріемной и останавливаются у двери*).

Явление IV.

САКЕРДОНЪ, КОРПЪЛОВЪ.

Сакердонъ.

Какъ объ васъ сказать-то? По видимости, я такъ полагаю, вы блаженный.

Корпъловъ.

Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердонъ.

Ну, само собой. Только вы здѣсь не найдете.

Корпъловъ.

А гдѣ жъ искать блаженства? Будь другъ, скажи!

Сакердонъ.

И скажу; отъ чего жъ не сказать! У купцовъ ищите! Вотъ ужъ тамъ для вашего сословія дѣйствительно рай земной?

Корпъловъ.

Вотъ спасибо, что сказалъ; такъ и знать будемъ. А теперь доложи, поди!

Сакердонъ.

Ужъ я такъ и доложу.

Корпъловъ.

Какъ тебѣ угодно. Только не забудь: Корпъловъ.

Сакердонъ.

Ужъ коли принимать такихъ, такъ все одно примутъ, какъ васъ ни звать. (*Корпъловъ хочетъ състь*). Что же это вы?

Корпѣловъ.

Усталъ, братецъ, изъ Сокольниковъ пѣшвомъ шелъ.

Сакердонъ.

Но однако позвольте! На это есть приемная. Здѣсь господскій домъ, такъ нельзя; здѣсь вамъ не дозволено по всѣмъ комнатамъ славить. Пожалуйста! *(Уходитъ съ Корпѣловымъ въ приемную, потомъ возвращается, подходитъ къ боковой двери и беретъ за ручку. Изъ двери выходитъ Поликсена).*

Явленіе V.

Поликсена, Сакердонъ, потомъ Корпѣловъ.

Поликсена.

Что тебѣ нужно?

Сакердонъ.

Сударыня, блаженъ мужъ пришелъ.

Поликсена.

Какой блаженъ мужъ?

Сакердонъ.

Которые свитающіе.

Поликсена.

Не понимаю. Позови!

Сакердонъ (у двери).

Пожалуйте! *(Уходитъ. Входитъ Корпѣловъ).*

Поликсена.

Кто вы такой?

Корпѣловъ.

Ното sum.

Поликсена.

Я вашего жаргона не понимаю.

Корпѣловъ.

Азъ есмь человѣвъ; человѣвъ Божій, на прочихъ смертныхъ не похожій.

Поликсена.

Да, вижу, что не похожій. Но что же вамъ угодно?

Корпѣловъ.

Въ гости пришелъ.

Поликсена.

Не ожидала.

Корпѣловъ.

Не удивляюсь; потому что не вы меня звали, а *stultus*.

Поликсена.

Какой стультусъ?

Корпѣловъ.

Бывшій мой collega, Матвѣй Потроховъ.

Поликсена.

Это мой мужъ.

Корпѣловъ.

Охотно вамъ вѣрю, сударыня.

Поликсена.

Еще бы вы не вѣрили. Что же значить стультусъ?

Корнѣловъ.

Дуракъ, такъ мы его величали въ гимнази.

Поликсена.

Но вѣдь онъ теперь ужъ не въ гимнази, онъ статскій совѣтникъ, вы не забывайте этого!

Корнѣловъ.

А можетъ быть, онъ, не взирая на чины, остался вѣренъ самъ себѣ.

Поликсена.

Ну ужъ, извините! Разговаривайте съ мужемъ, а я такъ разговаривать не умѣю. Матвѣй Петровичъ, къ вамъ пріятель пришелъ. . . . (*Входитъ Потроховъ*).

А. Островскій.

РИЧАРДЪ ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ).

Съ поморья, поляной, въ кольчугѣ стальной,
Неистово всадникъ несется . . . .
Свой плѣнь вспоминаетъ смущенной душой,
И пуще на родину рвется.

Прославился ратною доблестью онъ,
И твердымъ, внушительнымъ словомъ,
Былъ „Львиное Сердце“ за то нарѣченъ,
Отъ рати, на гробъ Христовомъ.

Да здравствуетъ Ричардъ! — горланять лѣса;
Зеленую грудь раздвигая, —
Встрѣчаемъ на почвѣ британской тебя,
Оковы твои проклиная!

И вспомнилъ темницу австрійскую онъ,
И снова коню даетъ шпоры . . . .
Увы, на темницу безсрочную тронъ,
Ричардъ, промѣняешь ты скоро!

А. Струговицковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. В. ТИМОФЕЕВА.

I.

Долгъ.

Святѣй всѣхъ словъ и чувствъ святыхъ,
Какія есть у человѣка,
Прочнѣй всѣхъ мудростей земныхъ,—
Будь выше нашего мн. вѣка,—
Всѣхъ громче суетныхъ тревогъ,
Что наша жизнь полна земная,
Есть мысль высокая, благая,—
Та мысль: я выполнялъ свой долгъ!

* * *

Пускай глупецъ тогда кричитъ
Иль празднолюбецъ суесловитъ,
Пусть клевета тогда язвитъ
И зависть низкая злословитъ,
Пускай пилитъ насъ гнусный токъ
И злоба адская насъ гложетъ,—
Что эту мысль, что превозможетъ,
Ту мысль: я выполнялъ свой долгъ!

* *
*

На все въ природѣ есть законъ,—
Законъ есть свѣту и движенью,
Законъ положенъ отъ временъ
Земли и солнца обращенью;
Такъ точно начерталъ самъ Богъ
Законъ и въ сердцѣ человѣка,

И слышимъ мы его отъ вѣка,—
Законъ: ты выполни свой долгъ!

* *
.

Пускай онъ труденъ и тяжелъ,
Пускай ведетъ онъ въ заточенье,
Иль пусть онъ малъ, и ты-бъ нашелъ
Въ себѣ иное назначенье,—
Да, пусть ты выше-бы стать могъ,
И шепчетъ гордое сознание:
Онъ есть толпы всей достойнее,
Но ты,—ты выполни свой долгъ!

* *
.

Такъ онъ высокъ для насъ иль малъ,
Какъ на него мы смотримъ сами:
Однимъ онъ свѣтлый идеалъ,
Другимъ онъ кажется цѣпями:
Кому тяжелъ, кому легокъ,
Иному жизнь, другому бремя,—
И только послѣ скажетъ время:
Кто точно выполнилъ свой долгъ.

* *
.

А между тѣмъ? А цѣлый вѣкъ?
Кто намъ про это нынѣ-жъ скажетъ?
Чему повѣрить человекъ?
Кто укрѣпитъ? Кто путь укажетъ?—
А этотъ гласъ, что влилъ въ насъ Богъ!...
А совѣсть—гласъ всегда гремящій?...
Какая музыка намъ слаще,
Какъ та: ты выполнилъ свой долгъ!

II.

Спаситель на двухъ моряхъ.

Плыветъ ладья во мглѣ ночной,
Блеститъ дрожащею звѣздой
По озеру Тиверіады;
Сквозь этотъ чудный блескъ на ней
Двѣнадцать движутся тѣней;
Съ небесъ—звѣздъ смотрятъ мириады;
Еще одинъ спитъ на кормѣ,
И отъ него-то въ дальней тьмѣ
Сіяетъ свѣтъ сей надъ водою.
Но вотъ съ горъ вѣтеръ набѣжалъ,
Завылъ озеро межъ скалъ
И вздулось, вспѣнилось грозю;
Слѣшать пловцы толпой въ кормѣ,
У всѣхъ страхъ смерти на умѣ:
—Наставникъ! гибнемъ!... Надъ волнами
Онъ всталъ; но это былъ Христосъ!
Духъ бури смолкнулъ—и какъ песъ
Ласкался подъ его стопами.

* *

Такъ мы плывемъ въ ладьяхъ своихъ,
Какъ призраки тѣней ночныхъ,
Пучиной жизненнаго моря;
Вокругъ все тихо, и въ тотъ часъ
Не слышимъ мы, что также въ насъ
Почилъ Господь; намъ надо горя,

Христось межъ нимъ и духомъ бури;
Смолкаетъ ревъ кипящихъ волнъ,
И вновь скользить спасенный челнъ
Звѣздой дрожащей по лазури.
Намъ надо треволнений, бѣдъ,
Чтобы узрѣть сей дивный свѣтъ,
Что блещетъ всеу передъ нами;
Но вотъ, чуть вѣтеръ набѣжалъ
Иль челнъ ударило средь скалъ,
И онъ наполнился волнами,—
Кто вѣруеть, тотъ вопіеть:
—Спаситель! гибну!... И встаетъ.

А. Тимофеевъ.

ФРЕСКИ КАУЛЬБАХА

ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Фрески Каульбаха, украшающія берлинскій музей, принадлежатъ къ числу новѣйшихъ художественныхъ произведеній, пользующихся особенно-громкою извѣстностью, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ. Тысячи русскихъ путешественниковъ, ежегодно устремляющихся за границу черезъ Эйдкуненъ, никогда почти не минуютъ Берлина, не осмотрѣвъ произведеній искусствъ, хранящихся въ музеѣ, и въ особенности каульбаховскихъ картинъ. Въ нихъ есть для насъ нѣчто новое, нѣчто такое, подобнаго чему въ отечествѣ мы ничего видѣть не можемъ, и потому мы невольно останавливаемся передъ этими картинами, невольно относимся къ нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Посѣтивъ лѣтомъ берлинскій музей, вы встрѣтите передъ фресками Каульбаха не однихъ только художниковъ, изучающихъ фрески эти въ качествѣ специалистовъ и знатоковъ, но и массу разнообразнѣйшей публики, привлеченной европейской славой Каульбаха. Если изъ массы зрителей, толпящихся передъ картинами, вы выдѣлите, во-первыхъ, восторгающихся по рутинѣ и лицемѣрью и, во вторыхъ, тѣхъ, которые только и поражены, что встрѣчей съ чѣмъ-то совершенно для нихъ непостижимымъ, подавляющимъ своею колоссальностью и многосложностью, то останется еще не мало и такихъ, которые, будучи не компетенты въ спеціальныхъ вопросахъ: — эстетическихъ, археологическихъ, техническихъ, — возбуждены главнымъ образомъ къ размышленію

надъ *содержаніемъ* картинъ, пытаются проникнуть въ ихъ основную мысль, стараются оцѣнить ее по отношенію къ тому складу понятій, который они усвоили, который ими почитается за вѣрный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, картины Каульбаха наиболѣе интересны конечно и большинству тѣхъ, которые знакомы съ ними только по снимкамъ, дающимъ, вообще говоря, крайне слабое понятіе о художественномъ впечатлѣніи оригинала и передающимъ вѣрно одно только, лишенное прелести и блеска, содержаніе.

Двѣ стѣны громадной залы, заключающей въ себѣ главную лѣстницу музея, покрыты тѣми шестью картинами, о которыхъ я теперь говорю. Эти шесть картинъ представляютъ: расселеніе племенъ, процвѣтаніе Греціи, взятіе Іерусалима Титомъ, битву на Католаунскихъ поляхъ, крестовые походы и вѣкъ реформаціи. Онѣ, такимъ образомъ, связаны между собою единствомъ сюжета и представляютъ одно величественное цѣлое. Сюжетъ ихъ—судьбы человѣчества съ древнѣйшихъ временъ.

Представьте себя стоящимъ на верхней площадкѣ лѣстницы между двумя колоссальными статуями конеукротителей, невольно принимаемыхъ вами за символы торжества разума надъ грубой силой; окиньте взоромъ картины одну за другой: съ правой стороны у васъ расселеніе племенъ, процвѣтаніе Греціи и взятіе Іерусалима, съ лѣвой — каталаунская битва, крестовые походы и реформація. На *первой* изъ этихъ картинъ передній планъ занятъ изображеніемъ трехъ группъ различныхъ по своему типу племенъ, идущихъ врознь по направленію отъ башни, высющейся за ними въ глубинѣ картины. Средняя группа уноситъ своихъ фетишей, лѣвая угоняетъ стада, правая—мчится впередъ со своими конями. Выше башни, на небѣ, видѣнъ грозный образъ Іеговы, ниспосылающаго вѣры на отважныхъ строителей, виднѣющихся у подножія башни и окружающихъ своего повелителя, гордо сидящаго на тронѣ. На *второй* картинѣ вы видите берегъ моря, покрытый народомъ, слушающимъ пѣсни Гомера, подвѣзжающаго къ берегу на лодкѣ, окруженной веревками. Вдали — толпа пляшущихъ юношей, вверху — боги, шествующіе по небу. *Третья*

картина представляет вступающего въ Иерусалимъ Тита; онъ видѣнъ въ глубинѣ картины на конѣ, окруженный своими легионами. На переднемъ планѣ—группа пораженныхъ ужасомъ евреевъ и, между ними, закалывающій себя первосвященникъ. Вправо отъ этой группы видны охраняемые ангелами христіане, влѣво—предающійся бѣгству Агасееръ. Верхъ картины занятъ изображеніемъ разгнѣваннаго Иеговы, окруженнаго пророками и предшествуемаго ангелами. На *четвертой* картинѣ вы видите жестоку битву. Азцій съ мечемъ въ рукѣ, осѣняемый крестомъ, во главѣ христіанъ—съ одной стороны, Аттила, потрясающій бичемъ, впереди гунновъ—съ другой. Согласно легендѣ, художникъ изобразилъ эту битву не только между живыми на землѣ, но и между тѣнями убитыхъ, поднимающимися къ небу и продолжающими въ воздухѣ отчаянную борьбу. Женщины, плачущія надъ окровавленными трупами, дополняютъ картину, смягчая въ то-же время ея суровый характеръ. *Пятая* картина, подобно тремъ первымъ, состоитъ изъ двухъ частей; въ первой, имѣющей мѣсто на землѣ, передъ вами проходитъ шествіе крестоносцевъ. Здѣсь вы видите Петра пустычника, восторженно-молящагося на колѣнахъ, и Готфрида, поднимающаго вѣнецъ свой къ небу, занятому второю частью картины, представляющею олицетвореніе вѣровацій крестоносцевъ. *Шестая* картина, наконецъ, представляетъ героя реформаціи, Лютера, центральнымъ лицомъ всей сложной композиціи. Лютеръ стоитъ на возвышеніи среди обширнаго храма; въ рукахъ его евангеліе, которое онъ раскрылъ и поднялъ надъ головою. Вокругъ него размѣщены группы его сподвижниковъ и современниковъ, служившихъ реформаціи, а также и тѣхъ, которые подвизались на поприщѣ наукъ, литературы, искусствъ, просвѣщенія вообще. Здѣсь же видна масса лицъ, взятыхъ изъ другихъ эпохъ; тутъ увидите вы и Абельяра, и Вэкона Веруламскаго и Шекспира, и вообще всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе долгаго періода времени отъ XII до XVII вѣка, по идеѣ художника, состояли въ нравственной связи съ духомъ эпохи, олицетворенной главнымъ лицомъ картины.

Первое впечатлѣніе, производимое этими картинами порази-

тельно. Но о первомъ впечатлѣніи я говорить не буду: эстетическая сторона разсматриваемаго предмета дѣйствуетъ слишкомъ сильно на зрителя и мѣшаетъ ему мыслить объективно и критически. Отрѣшимся отъ перваго впечатлѣнія, устранимъ изъ мысли весь тотъ внѣшній блескъ, въ которомъ является передъ нами избранный художникомъ сюжетъ, и тогда выскажемъ о немъ свое мнѣніе.

Художникъ, избравшій сюжетомъ жизнь человѣчества, всего прежде—историкъ. Мыслить онъ образами, ими передаетъ свои воззрѣнія; но образы эти могутъ и должны имѣть ту ясность и опредѣленность, какъ и изложеніе словесное. Мы всего прежде относимся поэтому къ Каульбаху какъ къ историку хотимъ знать, въ какой мѣрѣ успѣшно овладѣлъ онъ предметомъ, за который взялся.

Взглядъ на исторію очень измѣнился, какъ извѣстно, въ последнее время. То, что недавно еще исключительно привлекало представителей этой науки:—жизнь политическихъ вождей, интриги ихъ приближенныхъ, войны, сраженія, побѣды и т. внѣшнія событія отошли теперь далеко на задній планъ и уступили мѣсто явленіямъ, обнаруживающимъ внутреннее состояніе и развитіе всего человѣческаго общества. Экономическія и политическія условія общественнаго быта, нравы, вѣрованія, умозрѣнія, наростаніе упадокъ знаній, — вотъ элементы, изученіе которыхъ даетъ содержаніе наукъ объ обществахъ (соціологіи), а слѣдовательно и исторіи, какъ части ея. Изучая явленія внутренней жизни человѣчества, историкъ, съ одной стороны, опирается на богатый матеріалъ, добытый учеными изслѣдователями, научно-возстановившими массу фактовъ, начиная съ глубочайшей древности, съ другой—на руководящія начала, которыя выработаны мыслителями, посвятившими себя изслѣдованію прецесса жизни общественной. По здѣсь чрезвычайно обширно: я, поневолю, ограничусь указаніемъ на весьма немногое. Открытіе санскрита (считая конечно не от Сассети, а отъ Вилькинса и Джонса) было открытіемъ новаго міра для Европы. Послѣдствія его для науки неисчислимы. Оно указало на связь между племенами, считавшимися до того в

всѣхъ отношенійхъ далекими другъ другу, указало на связь между языками этихъ племенъ, на родственныя черты ихъ первоначальныхъ религій и дало богатый во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ для восстановленія культуры предковъ нашихъ — арійцевъ. Исслѣдованія въ области исторіи семитическихъ племенъ были не менѣе плодотворны; они вдвинули въ общій строй исторической жизни то изъ этихъ племенъ, которое долѣе всѣхъ остальныхъ племенъ земнаго шара имѣло свою обособленную исторію, слутывавшую и затемнявшую понятіе о единствѣ и связи исторіи человѣчества. Укажу, наконецъ, на успѣхи изслѣдованія доисторической эпохи, которые дали такой драгоцѣнный матеріалъ для введенія въ исторію, для пролога ея. Они выяснили многое, оставшееся спорнымъ и загадочнымъ, и окончательно устранили неопредѣленность изъ представленія о зарѣ жизни человѣчества. О другихъ пріобрѣтеніяхъ науки я не упоминаю, такъ какъ и сказаннаго достаточно для моей цѣли. Переходя затѣмъ къ вліянію на исторію тѣхъ мыслителей, которые дали руководящія начала для приведенія въ порядокъ и связь всей обширной и постоянно возрастающей массы матеріала, я ограничусь также только главными, существенно-важными чертами. Мыслители, отрѣшившіеся отъ сбивчивыхъ умозрѣній, созданныхъ путемъ творческаго произвола и фантазіи, установили ту несомнѣнную истину, что измѣненія, непрестанно претерпѣваемая жизнью человѣчества, подобно сѣмъ измѣненіямъ, совершающимся въ природѣ, подчинены законамъ. Важнѣйшій изъ этихъ законовъ есть, конечно, констатированіе опредѣленной послѣдовательности въ совершающихся въ общественной жизни измѣненіяхъ, послѣдовательности, общій характеръ которой заключается въ постоянно возрастающемъ преобладаніи свойствъ отличительно-человѣческихъ надъ свойствами общими человѣку и животнымъ. Умственная дѣятельность, являющаяся первенствующимъ и руководящимъ элементомъ реди этихъ свойствъ, и поставлена поэтому наукою какъ центральная цѣпь общаго хода развитія, съ каждымъ звеномъ которой соотвѣтственныя звенья другихъ параллельно ей развивающихся элементовъ находятся въ связи. И, наконецъ, въ ходѣ раз-

вптія самой этой цѣли подмѣчена правильность, а именно послѣдовательная смѣна безсознательно-наивнаго склада понятій, уподоблявшаго весь міръ собственной природѣ человѣка и усматривающаго повсемѣстно человѣкоподобныя явленія, болѣе зрѣлымъ фазисомъ, сознательно-творческимъ, произвольно-измысливающимъ объясненія внѣшней и внутренней природы посредствомъ чисто-умозрительныхъ комбинацій, въ свою очередь уступающихъ мѣсто третьему и окончательному фазису развитія умственной дѣятельности — сознательно-критическому, ищущему установленія міро-разумѣнія на положительной почвѣ наблюденія, опыта, сравненія, и принимающаго за истину только то, что доказано этими чисто-научнымъ путемъ.

Такимъ образомъ, пониманіе исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ въ ея область вступила строгая, объективная наука, потерпѣло коренное измѣненіе и по содержанію, и по складу. Вместе съ тѣмъ оно получило полную опредѣленность и ясность, внесенная въ него духомъ естествознанія, который прежде былъ ей чуждъ.

Если послѣ вышесказаннаго, сдва намѣтившаго нѣкоторыя главныя черты современной науки объ обществѣ, и имѣвшаго единственною цѣлью возбудить въ умѣ читателя ту ассоціацію идей, которая неизбежно возникаетъ въ умѣ сколько-нибудь образованнаго читателя при напоминаніи ему объ этихъ главныхъ чертахъ, — если послѣ вышесказаннаго обратимся мы опять къ Каульбаху и спросимъ: стоитъ ли онъ на той высотѣ, до которой достигла современная наука, овладѣлъ ли онъ ея содержаніемъ, усвоилъ ли ея основныя положенія, правильно ли передалъ усвоенное своимъ языкомъ, языкомъ живописи, то, для отвѣта на эти вопросы, намъ придется разобрать обширное твореніе его сначала въ цѣломъ, потомъ по частямъ, на которыя онъ самъ раздѣлилъ его.

Всего прежде, гдѣ у Каульбаха введеніе въ исторію, какъ у него прологъ ея? Отвѣтомъ на это служитъ первая его картина, и отвѣтъ не можетъ не поражать насъ своею странностью. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, руководящая точка зрѣнія у Каульбаха мистическая. Все, въ первой картинѣ, какъ сюжетъ, такъ и обра-

ботка его говорить за такое предположеніе; но стоящая рядом картина процвѣтанія Греціи разрушаетъ такое обвиненіе Каульбаха при самомъ его зарожденіи; она гордо отстаиваетъ честь Каульбаха, не позволяя примѣнить къ нему то, что сказалъ Гейне о Корнелиусѣ. На этой картинѣ, также какъ и на первой, мы видимъ олицетвореніе народныхъ вѣрованій: здѣсь Зевсъ, Гера, Фебъ, Афродита шествуютъ въ облакахъ. Каульбахъ, очевидно, не мистикъ, онъ пользуется только символикой какъ художественнымъ раскрытіемъ міросозерцанія данной эпохи, не болѣе. Но и въ такомъ случаѣ, первый шагъ его въ области исторіи все же таки очень неудаченъ. Что значатъ эти типы, опредѣлившіеся уже при совмѣстномъ жителствѣ, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же естественныхъ законовъ; что значить этотъ первобытный монотенизмъ, возможный только послѣ долгаго развитія и неизбежно исходящій изъ политеизма, который, въ свою очередь, имѣетъ исходною для себя точкою фетишизмъ? Далѣе, почему нѣтъ намека даже на до-историческую эпоху, также какъ нѣтъ его и на послѣдующее развѣтвленіе племенъ? Если ужъ было допущено обобщеніе, идеализированіе взятаго конкретнаго факта, то, очевидно, необходимо было сдѣлать это такъ, чтобы не только фантазія, но и знаніе наше было удовлетворено. Безъ этого весь блескъ художественнаго исполненія израсходованъ напрасно и колоссальная картина обращается въ колоссальную ложь.

Но если исходная точка исторіи избрана Каульбахомъ неудачно, то еще неудачнѣе пзбранъ имъ заключительный моментъ ея. Представить вѣкъ реформаціи, хотя бы распространенный произвольно до начала XVII вѣка, какъ завершеніе развитія челоувѣчества, есть ошибка и большая ошибка. Если Каульбахъ — допустимъ смягченіе его мысли — хотѣлъ сказать, что въ теченіе представленной имъ эпохи положены начала, отъ которыхъ потомъ не отступало челоувѣчество, то и это такая же большая ошибка. Еслибы Каульбахъ и здѣсь не путался между наукой и традиціонными воззрѣніями, какъ онъ путался при началѣ своего труда, то ему всего прежде необходимо было бы устранить реформацію съ той картины, которой у него пришлось быть послѣд-

ней. Реформація, какъ реставрація прошедшаго, не была шагомъ въ будущее, а потому штандпунктъ ея давно уже обойденъ. Шагъ въ будущее, послѣдствія котораго мы и теперь переживаемъ, былъ сдѣланъ совершенно независимо отъ реформаціи. Этотъ шагъ былъ началомъ движенія независимаго разума, ринувшагося подъ вліяніемъ возродившагося духа древней мысли, къ независимому изученію дѣйствительности не ради цѣлей виѣшнихъ, но ради ея самой. Ошибочно, поэтому, даже и въ современную реформаціи эпоху ставитъ Лютера во главѣ умственнаго движенія въ томъ случаѣ, если художникъ, не желая вовсе исключить его, рѣшился взять вѣкъ реформаціи сюжетомъ для картины, предшествующей заключительной. Тѣ же значеніе, которое теперь имѣетъ картина реформаціи, дѣлаетъ ее вовсе негодною даже и помимо главенства въ ней Лютера, такъ какъ нельзя же было пройти молчаніемъ развитіе науки въ два послѣдніе вѣка и не показать обусловленную этимъ развитіемъ постановку философскихъ, политическихъ и общественныхъ вопросовъ нашего времени. Если Каульбахъ окончилъ свою исторію человечества реформаціею, то онъ всего бы лучше сдѣлалъ, еслибы не началъ ее.

Если, затѣмъ, мы остановимся надъ промежуточными моментами, избранными Каульбахомъ между расселеніемъ племенъ и вѣкомъ реформаціи, то должны будемъ признать, что моменты эти избраны болѣе или менѣе неудачно. Счастливейе другихъ выборъ момента для второй картины. Это дѣйствительно характеристика цѣлой эпохи, такъ живо напоминающая „Da Ihr noch die schöne Welt regieret“ Шиллера, эпохи важной въ исторіи развитія человечества, но въ исполненіи картины — разработанной, къ сожалѣнію, не достаточно полно. Сюжеты остальныхъ картинъ совершенно неудачны. Взятіе Иерусалима, фактъ частный, малозначительный, не въ состояніи восполнить отсутствія характеристики сблизившаго народности и космополитировавшаго ихъ Рима, безсознательно подготовившаго элементы главной изъ мировыхъ монотеистическихъ системъ. Битва на Каталунскихъ равнинахъ съ успѣхомъ могла бы дать мѣсто изображенію того

паденія умственного и общественнаго, до котораго доведенъ былъ міръ вслѣдствіе паденія древней цивилизаціи и торжества германцевъ. Явленіе это гораздо общѣе и глубже, чѣмъ каталаунское побоище, но ему съ патриотически-нѣмецкой точки зрѣнія, вѣрующей въ призваніе германцевъ для обновленія человѣчества, придается совершенно ложное значеніе. Гунны грозили серьезною опасностью европейской цивилизаціи, но нельзя не признавать однакоже, что и торжество германцевъ сдѣлало ей очень много зла. При томъ же, неудачный натискъ гунновъ былъ явленіемъ проходящимъ, тогда какъ торжество германцевъ на долгое время оставило въ исторіи глубокіе слѣды. Каталаунская битва, поэтому, ни въ какомъ случаѣ не должна бы исключать собою картины состоянія міра въ варварскую эпоху, отъ паденія Западной Имперіи до первыхъ проблесковъ возстановленія погибшей образованности при Карлѣ Великомъ и Алкуинѣ. Безъ этой картины, слѣдующая за нею — картина возстановленія древней цивилизаціи и возрожденія свободной умственной дѣятельности лишается должнаго освѣщенія и принадлежащаго ей значенія. У Каульбаха она пропущена: крестовые походы, какъ явленіе болѣе внѣшнее, ничего не объясняющее, а напротивъ для себя требующее объясненія, не въ состояніи замѣнить картины возрастанія умственныхъ силъ и обусловленнаго имъ развитія общественной жизни, начиная съ XII, и еще рѣшительнѣе съ XIII вѣка. Передъ нами нѣтъ главныхъ, блестящихъ дѣятелей, подготовлявшихъ броженіе этого времени, начиная съ X вѣка, нѣтъ арабовъ съ ихъ философами, учеными, мистиками, съ сокровищами наукъ, спасенными ими отъ всеобщаго крушенія древняго міра, нѣтъ посредниковъ между ними и европейцами — средневѣковыхъ евреевъ, переводчиковъ, комментаторовъ, пропагандистовъ среди латинской расы науки, философій, своевольной мистики; нѣтъ ихъ послѣдователей, творцевъ колоссальныхъ энциклопедій, скептиковъ, авторовъ всевозможныхъ еретическихъ положеній, аверроистовъ, уже въ XIII вѣкѣ не пугавшихся ни какой смѣлости мысли. Глазъ, останавливающихся на Петрѣ Аміенскомъ и Готфридѣ Бульонскомъ, напрасно ищетъ Рожера Бэкона, Леонарда Пизанскаго, Іоахима ди

Фіоре, Петра Пармскаго и т. д.; напрасно ищеть массы пропагандистовъ теолого-философской двойственности мысли, авторовъ гороскона религій и хоть намека на сказанія: о трехъ кольцахъ, трехъ лжецахъ и т. п.; напрасно ищеть, наконецъ, великаго Данте, этого карателя лжи и зла и проповѣдника необходимости общедоступной науки для народа. Ихъ нѣтъ у Каульбаха, а какъ понять безъ нихъ окончательное возрожденіе мысли въ XV и XVI вѣкѣ. Съ одними Готфридами, Петрами Аміенскими и имъ подобными средніе вѣка не далеко бы ушли и не закончились бы провозглашеніемъ свободы мысли и эпохою великихъ открытій и изобрѣтеній.

Въ частности, картины Каульбаха задуманы врядъ ли удачнѣе, чѣмъ сдѣланъ выборъ ихъ сюжетовъ, опредѣляющій собою общую картину развитія человѣчества по мысли автора. Если брать картины независимо отъ ихъ значенія въ общей связи избранныхъ Каульбахомъ моментовъ, то лучшею слѣдуетъ признать, я думаю, битву гунновъ. Превосходство этой картины надъ остальными признають и нѣмцы, и на этотъ разъ я раздѣляю ихъ мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ одной этой картинѣ только и отсутствуетъ символизмъ, обременяющій другія картины, а потому она одна не лишена единства. Это прекраснѣйшая иллюстрація народной легенды, иллюстрація, сохранившая весь грозный, мрачный колоритъ этой легенды, иллюстрація полная такого правдиваго движенія, столь вдохновенна, что не создай Каульбахъ, кромѣ ея, ничего больше, и тогда онъ все же былъ достоинъ стать въ числѣ первыхъ художниковъ нашего времени. Мы, русскіе, сознательно или нѣтъ, тяготѣемъ, какъ вѣмъ-то уже было замѣчено, къ сюжетамъ, представляющимъ столкновеніе нравственной и стихійной силъ. Торжество или возможность торжества послѣдней такъ болѣзненно сжимаетъ наше сердце, такъ глубоко захватываетъ весь нашъ психическій строй, что для живописи едва-ли и существуетъ другой сюжетъ, который бы сильнѣе возбуждалъ насъ. По этой причинѣ „Послѣдній день Помпей“ Брюлова и „Отшествіе Іуды“ Ге пользуются у насъ такою славой, популярностью и симпатіями, какія не выпали на долю ни одной другой

картины. У Брюлова мы видим самый момент гибели сознательнаго, у Ге моментъ этотъ только намѣченъ какъ неизбежный, — это разница не существенная, не препятствующая намъ одинаково любить обѣ эти картины и, отвлекаясь отъ вопросовъ исполненія, ставить ихъ выше битвы гунновъ Каульбаха, гдѣ исходъ трагедіи иной. Тѣмъ не менѣе однакоже и здѣсь есть достаточно захватывающихъ мотивовъ, и если впечатлѣніе ваше не будетъ испорчено суесловіемъ какого-нибудь лже-знатока, то вы долго не отойдете отъ этой картины.

Остальныя картины задуманы гораздо менѣе удачно. Кромѣ реформаціи, всѣ онѣ страдаютъ двойственностью, избыткомъ символизма и неизбежно-происходящею оттого искусственностью общаго строя каждой. Вѣкъ же реформаціи, хотя и лишенъ двойственности и обособленныхъ символовъ, страдаетъ однакожъ искусственностью болѣе всѣхъ остальныхъ. Это произведеніе должно быть причислено къ неудачнѣйшимъ по мысли. Для пяти картинъ Каульбахъ избралъ опредѣленные событія и на ихъ фонѣ развилъ тѣ мотивы, намѣтилъ тѣ общія черты, которыя, по его взгляду, должны характеризовать цѣлую эпоху. Для реформаціи онъ не избралъ никакого такого фанта. Здѣсь, въ условномъ мѣстѣ сосредоточилъ онъ массу личностей отъ Абеяра до Шекспира — теологовъ, философовъ, ученыхъ, поэтовъ, музыкантовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, — размѣстилъ ихъ группами и во главѣ всѣхъ поставилъ Лютера. Что же вышло? Полнѣйшая разрозненность, рѣзко противорѣчащая насильственному сосредоточенію. Не только группы лишены взаимной связи между собою, не только нѣтъ связи между всѣми ими и одиноко стоящей среди толпы фигурой Лютера, но и между лицами отдѣльныхъ группъ также не существуетъ связующаго начала. Смотришь и не понимаешь зачѣмъ здѣсь вся эта масса людей? Каульбахъ очевидно подражалъ „Аѳинской школѣ“ Рафаэля, но подражаніе его чисто-внѣшнее, безъ-идейное, окончательно губящее его собственное произведеніе невольнымъ вызовомъ къ сравненію. У Рафаэля есть опредѣленная мысль; между всѣми группами и фигурами его существуетъ связь, такъ какъ цѣль у нихъ общая.

Совсѣмъ не то у Каульбаха, втѣснившаго въ стѣны своего храма самую пеструю и нравственно-разрозненную толпу и тѣмъ сдѣлавшаго изъ своей картины, по замѣчанію одного нѣмецкаго критика, ребусъ, разгадать который не подъ силу всего прежде ему самому.

Общее заключеніе мое изъ всего сказаннаго выше — слѣдующее.

Исторія развитія человѣчества продумана Каульбахомъ, очевидно, слабо и метафизично. Въ томъ представленіи, которое онъ передалъ намъ шестью разсмотрѣнными картинами, начала не существуетъ совсѣмъ, а конецъ воплощенъ въ моментъ, избранномъ ложно и истолкованномъ нелѣпо. Событія, представляющія главныя эпохи развитія человѣчества, взяты неудачно: значеніе имѣютъ они или чисто-внѣшнее или, обладая внутреннимъ значеніемъ, обработаны неполно или невѣрно. Прогрессивность развитія исторической жизни хотя и обозначена, но руководящее въ ней значеніе умственной дѣятельности не проведено: истинные герои и представители человѣчества отсутствуютъ въ большей части картинъ, тогда какъ нѣкоторые второстепенныя личности прославлены не въ мѣру. Узкій націонализмъ и остатки традиціонныхъ воззрѣній, наконецъ, пробиваясь тамъ-сямъ, портятъ болѣе или менѣе почти всѣ картины. Картины эти не удовлетворяютъ поэтому современнаго человѣка, и послѣ перваго обаянія, производимаго ихъ блестящею художественною внѣшностью, они, за исключеніемъ второй и четвертой, оставляютъ одно безплодное утомленіе, не вознаграждаемое даже тѣмъ впечатлѣніемъ, которое „Прощаніе Греціи“ и „Битва гунновъ“ производятъ внѣ связи съ остальными.

Ктонибудь станетъ утверждать, пожалуй, вмѣстѣ съ поклонниками Каульбаха, что, имѣя въ виду зрителей всѣхъ состояній и сословій, художникъ долженъ былъ держаться традиціонныхъ воззрѣній, долженъ былъ избрать простые и наглядные сюжеты, долженъ былъ, однимъ словомъ, написать именно то, что онъ написалъ, а не что другое. Такую защиту я считаю недостигающей цѣли: всего прежде очевидно, что картины Каульбаха ни въ какомъ случаѣ и ни при какомъ выборѣ сюжетовъ

не могутъ быть понятны всѣмъ и каждому; затѣмъ, если защитники Каульбаха хотятъ выдвинуть впередъ стремленіе его создать прочную связь между своими произведеніями и публикою, преимущественно же наименѣе образованною частью ея, то имъ слѣдуетъ держаться взгляда, діаметрально - противоположнаго тому, котораго они теперь держатся. Конечно, художникъ долженъ посвящать свои силы искусству не ради искусства, конечно, онъ долженъ быть не паразитомъ общества, а слугою его; но развѣ слѣдуетъ изъ этого, что ему необходимо измѣнять своимъ убѣжденіямъ, выдавать за правду то, что считаетъ неправдой, поучая — лгать? Взваливать такое обвиненіе на Каульбаха врядъ ли справедливо: произведенія его полны увлеченія и искренности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ онъ не кривить душой, что въ нихъ высказался не только талантъ его, но и его знанія и его убѣжденія. Поэтому-то мы и имѣемъ право утверждать, что Каульбахъ, какъ художникъ, могъ бы стоять на высотѣ уровня современныхъ требованій образованнаго общества, могъ бы дѣйствительно служить распространенію истинныхъ и здравыхъ воззрѣній, если бы онъ обладалъ тѣмъ, безъ чего художникъ нашего времени, избирающій такой сюжетъ, какой онъ избралъ, не долженъ браться за кисть — знаніями и органически-связанными съ ними убѣжденіями.

В. Лесевичъ.

ХАЙ-ДЪВБА.

(неоконченный этюд).

I.

У богатаго торговаго крестьянина деревни Барашихи, Дмитрія Петрова, единственная дочь, Татьяна, года два уже считается невѣстой. Не налюбуется на нее досыта вся деревенская молодежь. Рѣдко задаются такія дѣвки: высокая, коренастая, здоровая, сильная — сейчасъ видно, что не заморышь, не на однихъ пустыхъ щяхъ выросла, а что ей не въ диковинку ни пироги съ начинкой, ни баранина. Румянецъ у Татьяны во всю щеку, коса на спинѣ ниже пояса, лицо гладкое, широкое, какъ булка сдобная, правда, пестритъ лѣтомъ отъ веснушекъ, да это не въ зазоръ красѣ дѣвичьей; глаза хоть и маленькіе и сердитые, зато, бѣда, какіе юркіе, смѣлые, бойкіе, и брови надъ ними дугой, точно нарисованные. На языкъ Татьяна куда востра: какой бы ни былъ парень ловкій, разухабистый, хоть бы Питерець, а на словахъ ее не собьетъ и въ краску не вгонитъ: сама всякаго по косточкамъ переберетъ и на смѣхъ подниметъ. А если кто изъ парней, залюбовавшись на ея красу дѣвичью, на грудь высокую, богатырскую, по мужицкой привычкѣ, рукамъ волю дастъ, того такъ на-отмашь огрѣветъ, что твой добрый сотскій, или староста: въ другой разъ не присунется. Веселье да смѣхъ Татьяна точно носила съ собой: куда ни придетъ, тамъ и смѣхъ и при-

баутки, и пѣсни, и пляска пойдутъ. А какъ нарядится въ праздничный день: вполететь въ косу ленту цвѣтную, надѣнетъ рубашку кисейную, сарафанъ шелковый, еще бабушкинъ, да башмачки сафьянные красные (у одной только и были въ ту пору во всей деревнѣ), такъ парни за ней, точно стая на сворѣ, такъ и бѣгаютъ; пойдетъ въ хороводъ, никто лучше ея голосомъ не выведетъ; пѣсни играть вздумаетъ: откуда что берется! и старья всѣ знаютъ и новья выдумываетъ: такія отхватываетъ, что и женатые, и старики даже, сойдутся иной разъ смотрѣть да слушать и только въ бороду себѣ посмѣиваются; на качеляхъ качаться начнетъ, такъ этакой смѣлости да силы не у всякаго и парня станетъ: смотрѣть духъ захватываетъ, того и жди, что черезъ перекладину перелѣтитъ, или веревка лопнетъ: только скрипъ идетъ, да красные башмачки сверкаютъ въ воздухѣ. Вся деревня Танюхой любовалась и хвастала, на всю округу слава про нее прошла: даже изъ чужихъ деревень парни ходили, о праздникахъ, только посмотрѣть на нее и нарочно дружбу заводили съ барашихинскими ребятами, чтобы въ кругъ пускали: съ Танюхой пойтъ да походить. И то чудное дѣло: всѣ Татьяну знали, всѣ про нее говорили, всѣ къ ней льнули, а не любили ее; ужъ очень она языкомъ ехидна была и нравомъ задорлива, супротивна: всякаго просмѣетъ, прозубоскалитъ, все про всѣхъ знаетъ и на язычокъ свой подхватитъ, никому не поступится, а ужъ коли въ брань дѣло пойдетъ, лучше и не вступайся: безъ ножа зарѣжетъ, на всю жизнь просмѣетъ, такую ивѣтку положить, что такъ съ ней и останешься и въ гробъ пойдешь. И какихъ, какихъ она людямъ прозвищъ не надавала; почитай всѣ въ деревнѣ, по ея милости, съ фамиліями сдѣлались: Ивана, что у попа въ работникахъ былъ, Кутей назвала; Василья, что шея длинная, Гусемъ сдѣлала, кого Маклакомъ, кого Сычемъ, кого Квашней: да такъ ивѣтко, такъ складно, съ такой прибауткой, что поневолѣ подхватишь, и пойдетъ чловѣкъ съ новымъ именемъ вмѣсто крестоваго. И народъ въ отѣстку прозвалъ Татьяну, за веселость, за бойкость, за разнашеу, за языкъ ея длинный, неуступчивый, за голосъ звонкій,

за ростъ и дородство — прозвалъ Хай-дѣвкой. Такой бы дѣвкѣ, самой по себѣ, да и по семьѣ ея богатой, давно бы замужемъ надо быть, да что-то мало сватовъ ѣхало: нраву ли ея боялись женихи и ихъ отцы и матери, или то думали, что богатый мужикъ погнушается бѣдной родней и не отдастъ дочку въ бѣдную семью, а въ чужой домъ идти, призатиться, не всякому лестно богатыхъ же жениховъ, и во всемъ по плечу Татьянѣ и Дмитрію Петрову, было мало: какъ ни какъ, а Танюха третій годъ сидѣла въ дѣвкахъ. Правда, отецъ съ матерью и не торопились отдавать ее за-мужъ: одно дѣтище, да и нужды никакой не знали; Татьяна сама дала замѣтить отцу, что пора ему подумать о выборѣ жениха. Среди всѣхъ мужиковъ и парней въ деревнѣ, надъ которыми она потѣшалась и зубы свои востряла, былъ одинъ, на котораго и она лишній разъ взглядывала. Мужика этого звали Илюхой.

Сынъ нѣкогда очень богатого торговца мужика, теперь горѣвшago отъ какого-то неудачнаго торговаго предпріятія, Илья половину жизни своей проводилъ въ Петербургѣ, занимаясь торговлей въ разность, по домамъ, всякой всячины, а больше всего: деревенскихъ холстовъ и полотенецъ. Удалой, бойкій и расторопный отъ природы, Илья являлся въ деревню разухабистымъ краснобаемъ Питерцомъ. Женили его, лишь только минуло ему 18 лѣтъ, на дѣвкѣ, которая пятью годами была старше его не отличалась ни умомъ, ни ростомъ, ни дородствомъ. Въ деревнѣ всѣ знали, что онъ не любилъ ее. Молодой еще, хоть женатый, не столько красивый, сколько соблазнительный для деревенскихъ красавицъ своей шляпой пуховою, плисовыми шароварами, жилетомъ расписнымъ и серебряной сережкой въ ухѣ, онъ затѣвалъ поголовно всѣхъ своихъ сверстниковъ и даже молодыхъ парней: и смѣлымъ взглядомъ, и дерзкой насмѣшливостью, и всей своей повадкой городской. Слава про Илью ходила въ деревнѣ плохая: онъ и пьяница, онъ и мотъ, и какежникъ, и отъ жены гуляетъ, пожалуй и сплутуетъ безъ нужды на гулянкахъ, на пирушкахъ, или въ хороводѣ, между парнями и дѣвками онъ былъ первый человекъ и игралъ почти такую ж

роль, какъ Татьяна. Разница была только въ томъ, что при веселости и удали характера, при бахвальствѣ и красноречивѣ, Илья отличался какой-то доступностью, добродушіемъ: обругаетъ человѣка, позубоскалитъ надъ нимъ, но до сердца не обидитъ, побахвалится, наломается надъ своимъ братомъ, да тутъ же и угоститъ нарочитъ. Его всѣ любили. Дѣвки и бабы въ немъ души не слышали, и если бы не зазорно было, пожалуй, также бѣгали бы за нимъ стаями, какъ парни за Танюхой. Среди круга ходить съ Ильей каждая красная дѣвица считала не только за удовольствіе, но и за особенную честь, потому никто не умѣлъ такъ голову склонить, такъ шляпу надѣть; такой поклонъ отдать, такъ плечомъ повести и платочкомъ махнуть, никто не могъ ногами такого выверта сдѣлать, какъ Илюшка-Питерець. И вотъ, бывало, любованье на всю деревню и молодымъ, и старымъ, какъ среди круга стануть да пойдутъ Илья съ Татьяной: одинъ сухой да жилистый, кажись каждая восточка въ немъ вздрагиваетъ, каждый суставчикъ разговоръ ведетъ; другая точно лебедь бѣлая плаваетъ.

Мудрено ли, что въ деревнѣ толки и разговоры пошли:

Танюха въ кругу больше все съ Ильей стоитъ! Илюхѣ счастье: обманилъ Танюху, только вывернулась, да отмахнулась, зардѣлась, а не ругается даже ни-ни!..

Илюха нынче въ Питерѣ грибамъ сушенымъ торговать будетъ: слышно, съ Танюхой вмѣстѣ въ лѣсъ по грибы ходять, къ зимѣ значить запасаютъ: видѣли!..

Стали разные слухи и до матери Татьяниной доходить, слухи неясные, неопредѣленные, но для материнскаго чутья понятные.

Забѣжала къ ней какъ-то сосѣдка, баба старая, сварливая, на доѣдница.

— Матрена Поликарповна, одолжи, говорить, пудикъ мучки... Отдай, вось, съ нови...

— Знаемъ мы васъ, отдавальщиковъ, отвѣчаетъ мать Татьяны, Матрена Поликарповна. Взять-то вы всякій, а отдать-то нѣтъ.

— Одолжи, полно... Вось отдадимъ... Мой-отъ разбойникъ похвалъ, вѣдь, въ городъ съ деньгами, общалъ кулъ привезти,

да вотъ и съ деньгами-то пропала... а дома квашни растворить нечѣмъ.

— То-то вотъ и есть: меньше бы пьянствовали... У большака-то моего вонъ въ амбарѣ-то всѣ стѣны крестами вымѣлены, а сусѣки-то пусты... Весь хлѣбъ въ людяхъ; а отдачу-то вашу мы знаемъ: подожди, да помилуй, а сами въ кабакъ, да въ кабакъ...

— Отстань-ко, Поликарповна, возражаетъ осердившаяся соседка. Кѣмъ вы сыты-то и самъ-дѣлѣ какъ не нами? Какъ-бы не было экихъ-то пьяницъ, какъ мой разбойникъ, не было бы у тебя пятистѣнной избы... Чей хлѣбъ-то ѣдите? все мірской.. Дашь пудъ, а наровишь два приполону взять... Кабакъ-отъ естоля не съѣсть, что вы, мірофды...

— Ну, а коли мы мірофды, такъ и ступай съ Богомъ: нѣтъ у насъ про тебя...

— Такъ не дашь?

— Поищи у другихъ, коли мы твоимъ сыты: намъ твою не надо...

— Такъ не дашь? пристааетъ соседка, уже совсѣмъ готова заогрызнуться.

— Нѣту, нѣтъ... И давно тебѣ говорю: нечего тебѣ намъ и ходить: доука-то мнѣ твоя давно ужъ надоѣла... Отъ тебя только и рѣчей, что дай да подай, а замѣсть спасибо — то одна твоя ругань... Ступай съ Богомъ...

— Такъ не дашь?

— Нѣту... Что пристала: точно за своимъ добромъ. И большаку не велю тебѣ давать... Вотъ что... Ты сначала старшего долги отдай.. А то мірофды!.. И впрямь точно за своимъ пристала... Мірофды!.. Ступай, ступай... Тебя не кто кликнулъ: сама пришла... Нѣтъ про тебя ничего... Ступай...

— Да я уйду... Уйду да и не приду... Наплевать вамъ... А мотри, на повои звать будешь — и на повои не приду.

— Ну, Богъ милостивъ, стары ужъ мы съ тобой...

— Дочь, матва, молодая: смотри къ масляной-то заѣсть блиновъ вашу крестильную варить будешь...

— Что ты, злой духъ...

— Ничего, здорово живешь... Послѣ вспомнишь...

Сосѣдка быстро скрылась, хлопнувши за собой дверью.

Матрена Поликарповна задумалась: можетъ та и со зла сбредла, а можетъ и шла съ тѣмъ, чтобы рассказать, что люди узнали, да о чемъ слухъ недобрый пошелъ. Сторонніе люди всегда прежде досмотрятъ, да спознаютъ; отецъ съ матерью всегда слѣ людей: Матрена Поликарповна знала эту практическую гину.

— Эка я, думала она, дать-бы ей пудъ-то муки, куда-бы съ ни шло, да распросить-бы путемъ обо всемъ... Хоть-бы пала, что люди говорятъ: какъ и съ вѣмъ... Сама дѣвка не ажетъ!.. пожалуй спрашивай... А послѣ придетъ время и плачься ней... Вотъ говорила отцу: пора дочку за-мужъ. Вотъ такъ есть... Нѣтъ, надо ему сказать: пускай скорѣй жениха ищетъ...

Во время разговора съ сосѣдкой, ни дочери, ни мужа не было ума: они были въ полѣ; Матрена Поликарповна домовничала она и ей была полная свобода обсудить все дѣло и обдумать: го нужно предпринять въ виду недобрныхъ слуховъ. Она была женщина умная, толковая и съ характеромъ. Жизнь въ довольствѣ помѣшала развиться въ ней сварливости и бранчивости, которыя составляютъ почти общее свойство деревенской бабы, вѣчной жертвы нужды, заботы и чрезмѣрныхъ трудовъ. Напротивъ, Матрена Поликарповна держала себя очень степенно, говорила всегда резонно и умѣренно, любила очень почетъ и возмущалась только тогда, когда его ей не оказывали. Она была большая хотница давать совѣты и чувствовала особенное расположеніе къ тѣмъ, кто ихъ просилъ у нея и выслушивалъ. Обо всякомъ вѣмъ любила она разсудить всесторонне и обстоятельно. Въ отношеніи къ мужу она была вѣрная, преданная жена, къ дочери образъ, благоразумная мать; но любила, чтобы все дѣбалось по ея волѣ и умѣла всегда настоять на своемъ. Это было тѣмъ добнѣе, что Дмитрій Петровъ, человекъ торговый, мало жившій дома, занятый и поглощенный исключительно одною заботою о прозябаніи, все домашнее хозяйство, весь распорядокъ въ домѣ,

охотно предоставилъ въ распоряженіе жены, такъ что она собственно была главою въ домѣ. Помогая мужу въ торговлѣ, ѣздя съ нимъ по базарамъ, сталкиваясь съ множествомъ разнаго народа, она умѣла различать людей, знала, какъ съ кѣмъ себя повести и о чемъ съ кѣмъ говорить. Въ себя и свой умъ она очень вѣрила, и имѣла при этомъ характеръ настойчивый: что обдумывала, на что рѣшалась — къ тому шла неуклонно и считала обязанностью поставить на своемъ.

— Надо разузнать съ кѣмъ Танюха слюбилась, коли правду люди говорятъ! думала она сама съ собою. Если парень тихой, покладливой, можно и приютить — въ домъ взять. Ну, а ужъ если шалыганъ какой, гуляка, да больно бойкій, пускай не — прогнѣвается, ни въ жисть не отдамъ за такого: не въ чужой же домъ отдавать намъ дочку: она у насъ одна, какъ персть, другихъ дѣтей нѣтъ, ну, а и въ свой домъ взять экого — Богъ съ нимъ, намаешься! Да и Танюхъ съ ея нравомъ надо мужа смирнаго, покладливаго; а то на ея характеръ да какого озорнаго взять — у нихъ поножовщина будетъ.

Разсудивши такимъ образомъ, Матрена Поликарповна тотчасъ же отправилась собирать справки. Не много ей нужно было употребить хитрости въ разговорѣ съ сосѣдками, чтобы навестить ихъ на интересовавшій ее вопросъ и узнать всѣ подробности извѣстныхъ деревнѣ о любовныхъ похожденияхъ дочки. Имя Ильи Питерца очень разстроило Матрену Поликарповну.

— Ну, дочка, выбрала же хвата, думала она про-себя — Что ни на есть первый плутъ и озорникъ на всю деревню.. Да хоть бы ужъ съ холостымъ-то, а то ну-ка съ женатымъ.. Эка срамница, экой озоръ-дѣвка... Что ты тутъ прикажешь дѣлать!?

— Какъ только воротилась Татьяна съ поля, мать отозвала ее въ свѣтелку.

— Честь имѣемъ проздравить, дочка милая! сказала она, церемонно сжимая губы и слегка кланяясь.

— Съ чѣмъ, матушка, проздравляешь-то? бойко спросила Татьяна.

— Какъ съ чѣмъ, матеа? тебѣ лучше знать: съ женишкомъ прошишь...

Матрена Поликарповна въ-упоръ смотрѣла дочери въ глаза.

— Аль кто засылалъ... Что больно рано: въ рабочую-то ру? спросила Татьяна, нѣсколько смущенная взглядами мате-, но стараясь сохранить обычную бойкость.

— Кто къ намъ станетъ засылать? Кому нужда? Всякой веть, что у насъ дочка сама себѣ жениха хорошаго выберетъ...) станетъ ждать, чтобы отецъ съ матерью честнымъ порядкомъ брали, да благословили...

— Не вѣду, матушка, что ты говоришь... на счетъ чего и какую сторону....

— Какъ не вѣдать дочка: добрые люди съ чего нибудь да ворять и на женишеа показываютъ, только отецъ-отъ съ терью ничего не знаютъ...

— Ты слушай больше: добрые-то люди и нивѣсть что рады меня наплести...

— Такъ неправду люди говорятъ, что ты съ Илюшкой зничевниъ по грибы въ лѣсъ ходила?..

— Мало ли народу въ лѣсу ходить: не я одна, никому не казешь...

— Такъ неправда, что Илюшеа и около нашего овина жю шлялся...

— Можетъ и шлялся, почему я знаю?... Я не сторожу по какъ...

— Да ты сторожить-то не сторожишь, а больно рано нынче утрамъ-то встаешь... Ни свѣтъ, ни заря тебя на гумнѣ видѣли...

— Такъ можетъ не заспалось... Ы встала... Не велика на- :ть: рано утромъ встала да на гумно вышла. Видно, кто и ѣше всталъ, коли меня видѣлъ.

— Да не въ томъ напасть, дѣвушка, что рано встаешь, а въ ть, за какимъ дѣломъ идешь, да что добрые люди говорятъ...

— А пушай говорятъ, что хотятъ: всѣхъ не переслушаешь....)говорили бы со мной: я бы ротъ-то замазала...

— Не замажешь, дочка, коли хвостъ не чистъ... И опять

что говорятъ: Вонъ Коробиха-то приходила да на повоѣ напрашивалась... Такъ матери-то эти разговоры слушать не очень-то лестно. И опять тѣ сказать, дочка: я тебѣ мать, а не потатчица... Ты хоть разговорку-то эту и бойко со мной ведешь, а я ужъ вижу по всему, что слухъ-то не даромъ про тебя прошелъ... Хоть ты у насъ одна, да и мать-то у тебя одна: такъ ты бы ужъ лучше матери-то повинилась, коли грѣхъ попуталъ... Мы тебѣ не злодѣи: лучше матери-то никто не покроетъ...

У Татьяны вдругъ наворачнулись на глазахъ слезы. Она бросилась къ матери на шею.

— Матушка болѣзная, доняла ты меня... Кажись, ни слова бы не молвила, кабы стала ты меня бить да тиранить... А ужъ теперь винюсь тебѣ... Прикрой ты мой стыдъ... Окрутите что съ кѣмъ побудь...

— Экая ты озорная дѣвка, безстыжая, Татьяна: хоть бы ты съ жепатымъ-то... Не нашла ты холостаго-то, да получше... бы не съ этакимъ плутомъ, пропойцей связалась-то... Нешто ласы-то да баласы его польстилася, такъ, кажись, нечего: сама на нихъ мастерица... А онъ, поди, чай, на всѣхъ перекресткахъ похваляется, да бахвалится тобой, по всему свѣту хорощую на тебя помолвку пускаетъ... Въ немъ стыда-то да совѣсти не много: ему ротъ не замажешь... Знаю я его... Онъ и жекъ-то своей прямо скажетъ, что съ тобой гулялъ: не бойсь и не пожалѣетъ... Ему что? ему все равно... Ахъ ты, Танюха, Танюха!.. Экого сокола выбрала... Ну, какъ я отцу-то скажу это?... Вѣдь онъ не мать... Онъ спасибо не скажетъ... Подумала ли ты о своей головушкѣ?...

Татьяна, молча и отворотясь въ сторону, слушала всю длинную рѣчь матери. При послѣднихъ словахъ она вдругъ повернулась къ матери: глаза ея, до сихъ поръ подернутые слезой, вдругъ высохли и загорѣлись сердитымъ огнемъ.

— А я вотъ что, матушка, о своей головѣ одумала... За что я Илюшку полюбила? про то я одна знаю... Пускай онъ плутъ, пускай пьяница, а нѣтъ мнѣ лучше его... Любовь мнѣ онъ... Ужъ коли не умѣла концы спрятать: коли прознали люди про нашу

любовь... значить такова моя судьба: надо съ милымъ дружкомъ разставаться, за постылаго подѣ вѣнецъ идти... Мужа съ живою женой не разведешь... Пришло вамъ мнѣ суженаго выбирать... свой стыдъ, а мой грѣхъ покрывать... Кого выберете, за того и пойду: супротивничать родителямъ дѣвкѣ нельзя... Да я за свой грѣхъ и не стану... Съ кѣмъ поставите подѣ вѣнецъ: съ тѣмъ и стану... Мнѣ все едино... Согрешила, погуляла на свою дѣвичью волю: теперь ваша власть: выбирайте съ кѣмъ мнѣ жить коротать... А только вотъ что, матушка, молвлю я тебѣ, а ты батюшкѣ скажи: коли станете вы меня срамить, да попрекать, да тиранить, хорошаго не будетъ... Что ни на есть надъ собою сдѣлаю... А вы лучше обкрутите меня поскорѣй съ кѣмъ хотите... Вотъ и весь мой сказъ....

Матрена Поликарповна недовольно покачала головой и вдругъ не нашла даже что и возразить дочери.

— Не для ради тиранства, а для науки, поучить бы тебя надо, Татьяна, сказала она подумавши: больно уже ты озорна, да безстыжа стала... Да ужъ за покорство твое буду просить Отца простить твой грѣхъ... Только смотри: ты ужъ хоть пообѣщайся мнѣ, что теперь-то не станешь бѣгать къ Илюшкѣ...

— Не стану!.. рѣшительно отвѣтила Татьяна, отворотясь отъ матери.

— Хоть бы ты поклонилась матери-то въ ноги, хоть бы прощенья попросила за свой грѣхъ... Неужто у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти?

Татьяна встала и молча поклонилась матери въ ноги.

— Ужъ за покорство за твое и я тебя ругать не стану... Помни же, что обѣщала!... проговорила Матрена Поликарповна, и вышла изъ свѣтелки. Она знала смѣлый и неуступчивый характеръ дочери; знала, что съ нею ссорой да бранью ничего не сдѣлаешь — и была довольна уже и тѣми вѣшними знаками покорности, которые почти выпросила у дочери.

Ночью у Матрены Поликарповны была секретная бесѣда съ мужемъ. Она все рассказала ему.

— Экой разбойникъ, экой мошенникъ! гнѣвался Дмитрій

Петровъ на Илью. Весь родъ ихъ этакой поганой. Вотъ и отецъ-то: какой капиталъ важный имѣлъ — много ли осталось?... А Илюшка-то и остатки промытарить, совсѣмъ, смотри, прогорить.... въ конецъ... по міру пойдетъ!.. А Таньку надо постегать хорошенько... Вотъ что...

— Ну что ты стеганьемъ возьмешь... Она дѣвка характерная: съ ней бѣды только наживешь, — коли крѣпко за нее взятыся... Да и что теперь: хошь стегай, хошь истирань всю, ужъ все одно — не поможешь. .

— А ты чего же прежде-то смотрѣла!

— Э-эхъ, Дмитрій Петровичъ, развѣ за дѣвкой усмотришь... Наша Танька умная, а не то что за ней, за послѣдней душой, какова есть дура-дѣвка по деревнѣ, такъ и за той въ этомъ дѣлѣ не доглядишь: всякаго проведетъ... Вѣдь не на привязи же ее, въ самъ дѣлѣ, али не за замкомъ держать.

— Знамо, ужъ ваша сестра, коли непутная которая, такъ ужъ ты ее ничѣмъ не отвадишь...

— Такъ вотъ то-то и есть... А ужъ и Танюхины годы такіе пришли... Позасидѣлась она у насъ въ дѣвкахъ-то... Сами ни виноваты: давно бы пора ее замужъ выдать... Нечего бы сватовъ-то ждать, а самимъ бы надо женишка ей поискать... Намъ же не въ люди ее отдавать, а надо къ себѣ въ домъ принять, такъ самимъ бы и поискать... Пускай хоть и не изъ богатой семьи, да чтобы паренекъ-отъ смиренный, чтобы и у тебя въ послушаньи былъ... и съ нея-то чтобы не больно спрашивалъ...

— Да ужъ и мнѣ, признаться, одному-то трудненько приходится... Чего бы лучше, какъ бы подъ рукой-то свой человекъ былъ: и послать куда съ товаромъ, и все такое... и по дому присмотрѣть... И знамо, первое дѣло, чтобы смиренный былъ, да не-пьющій... У меня, правда, и на слуху есть парень-то, въ Мандурахъ, Сажины: очень одобряютъ, и грамотный, говорятъ... А намъ, къ нашему дѣлу, грамотный человекъ дорогаго стоить: и прочитать что, и записать...

— Да ужъ это на что бы лучше... Такъ чего же, 'отецъ, думать-то... Вотъ бы и разузнать хорошенько... Семья-то хо-

рошей?... На знати семья-то у тебя, отца-то знаешь, али нѣтъ? Парень-то каковъ изъ себя?...

— Никого не знаю, никого еще не видалъ... А такъ разговора разъ была у меня съ Демьяномъ, знаешь, изъ Мандуровъ: пражу я у него бралъ, такъ зашли въ трактиръ чаю напиться... Они сродни Демьяну-то, такъ онъ сказывалъ: семья, говорить, смиренная, а большая — нуждаются... А парень, говорить, чудесный, смиренный и начетчикъ... Въ церкви на крылосу поетъ и дома, говорить, какъ празднигъ, развернетъ, говорить, псалтырь и въ голосъ такъ и читаетъ...

— Ахъ, отецъ, такъ это чудесно... это бы надо парня-то посмотрѣть... Что же ты мнѣ ничего не сказалъ до сей поры?...

— Да и изъ ума вонъ совсѣмъ. Тутъ съ пражей-то, да долго ее ѣздилъ собиралъ, и забылъ совсѣмъ, теперь вотъ только вспомнилъ.

— Такъ надо бы съѣздить, отецъ, разузнать, чтобы намъ въ осени-то, коли Богъ на сердце положить, да лады дастъ, — и свадьбу бы сыграть...

— Время-то больно теперь не такое: самая горячая работа подходить.

— Что дѣлать-то, отецъ... Ужъ согрѣшили, такъ надо какъ нибудь хлопотать поскорѣе... Самому некогда, ну такъ хоть я съѣзжу въ Мандуры-то такъ, ровно бы за какимъ дѣломъ, въ базарный день: разузнаю все... Что же, вѣдь, не Богъ знаетъ что, хоть и двадцать пять верстъ... съѣзжу! А мнѣ еще то по мысли, что парень-то не здѣшний, а дальній: по теперешнему-то нашему горю все лучше, не на слуху... А здѣшніе-то, смотри-ка теперь: скоро всѣ въ голосъ закричатъ, чужому-то горю всякій радъ...

— Ладно, пожалуй, съѣзди... проговорилъ, зѣвая, Дмитрій Петровъ. А надо бы эту Таньку постегать... хоть бы для памяти... Озорница экая...

— Ну, отецъ, ты этого и не затѣвай... только срамъ одинъ, хуже... Ужъ произнеси на себѣ... Что дѣлать-то?...

Но Дмитрій Петровъ своимъ храпомъ даль знать жонѣ,

что онъ спитъ. Матрена Поликарповна, лежа около него, долго ворочалась и не могла уснуть, обдумывая предстоящую поѣзду въ Мандурн.

II.

Матрена Поликарповна принялась за розыски жениха и за сватовство съ ретивостью, свойственною всѣмъ замужнимъ крестьянскимъ жепщинамъ. Для нихъ нѣтъ дѣла болѣе пріятнаго, болѣе интереснаго и увлекательнаго, какъ свадьба со всѣми ея подробностями: для Матрены Поликарповны это любезное дѣло сопровождалось еще особенной прелестью таинственности, хитрыхъ подходовъ, къ которымъ она должна была прибѣгать, чтобы разузнать о будущемъ своемъ зятѣ и объ его семьѣ всю подноготную.

Мандурн — село небольшое, но съ еженедѣльнымъ базаромъ. Это дало Матренѣ Поликарповнѣ поводъ отправиться въ него въ одинъ изъ базарныхъ дней подъ предлогомъ продать нѣсколько новинъ и скупить пряжи. Она очень хорошо знала, что дѣлается это зимою, раннею весною и поздней осенью, а не въ настоящую рабочую пору, послѣ Петрова дни; но другаго предлога для объясненія своей поѣздки придумать не могла, а надо же было что нибудь сказать сосѣдкамъ на вопросъ: куда? да зачѣмъ ѣздила? Матрена Поликарповна наравнѣ съ мужемъ занималась торговлей, когда позволяло домашнее хозяйство: скупала пряжу, раздавала ее въ точку на холсты и полотна, которые потомъ и продавала; значить выѣздъ ея изъ дома по торговому дѣлу не могъ ни въ комъ возбудить особаго вниманія.

Въ Мандурахъ Матрена Поликарповна какъ слѣдуетъ въехала на базаръ, заняла мѣсто съ своей телегой, отпрягла лошадь, привязала ее сзади, выложила наружу въ телегѣ для виду нѣсколько холстовъ и сама сѣла возлѣ нихъ, не ожидая покупателей и продавцевъ, но высматривая какого нибудь знакомаго человѣка, съ которымъ можно бы было рѣчь повести о нужномъ дѣльцѣ. Недолго ждала она; въ ней скоро подошелъ

тотъ самый Демьянъ, о которомъ говорилъ въ ночной бесѣдѣ Дмитрій Петровъ. Его-то больше всего и хотѣлось повидать Матренѣ Поликарповнѣ, и она очень обрадовалась этой встрѣчѣ; но и виду не показала. Демьянъ человѣкъ знакомый и не кое-какой: хотъ и не богатъ, а все маленькая копѣйка водится; ма-клячилъ онъ пражей, скупалъ ее у бабъ по мелочи и потомъ перепродавалъ крупнымъ покупателямъ, въ числѣ которыхъ считался и Дмитрій Петровъ: это-то ихъ и познакомило.

— Матренѣ Поликарповнѣ! сказалъ онъ подходя. Какими такими судьбами?

— А вотъ новинишекъ осталось: завалились... Около-то насъ всѣ ужъ накупились, такъ и надумалъ большакъ-то: съѣзди, чу, въ Мандуры — не продашь ли тамъ. Да и пражу купишь, — жולי попадется: можетъ у кого тоже завалилась отъ весны-то...

Демьянъ сейчасъ смекнулъ, что тетка Матрена не за тѣмъ пріѣхала, ибо очень хорошо зналъ, что въ лѣтнюю пору ихнаго товара ни купить, ни продать нельзя; но тоже и вида не показавъ, что не повѣрилъ Матренѣ.

— Ну, давай Богъ тебѣ купить и продать поскладнѣе да повыгоднѣе... Чай, ночуешь здѣсь: я бы тебѣ товарца-то поискалъ да показавъ...

— Нѣтъ, ночевать-то бы мнѣ не охота: время-то, знаешь, какое; тоже работа въ полѣ, лошадь-то больно нужна дома...

— Эка, такъ тебѣ бы надо ее хотъ на дворъ поставить покормиться-то, а то что здѣсь на жарѣ да на мухахъ стоитъ: какая ѣда... Тоже дорога до васъ не ближняя, чай, пристала...

— Да у меня знати-то тутъ никого нѣтъ: не вѣду куда поставить-то...

— Ко мнѣ бы, по знакомству, да только что изба-то моя въ отдаленности отсюда: на вскраю живу... Да постой-ка, у меня свать здѣсь есть: Сажини прозываются... Вотъ тутъ недалечко и изба-то ихняя... Къ нему и поставимъ.

— Экой мужикъ умный, подумала про-себя Матрена, сейчасъ дѣломъ смекнулъ, что надо: и видно, что торговый чело-

вѣкъ! — Сажинныхъ-то ей и нужно было, для нихъ-то она и въ Мандуры ѣхала.

— Какіе это Сажинны? спросила она вслухъ. Ничто я про нихъ и не слыхивала...

— Не сумлѣвайся, тетка Матрена, мужикъ степенный, работящій... Семья только его съѣла: хода не даетъ, да и самъ-то вдовъ, а то бы онъ, куда тѣ! — отъ людей бы не отсталъ... Вотъ сыновья-то стали подростать, такъ и онъ поправляться началъ: старшаго-то женилъ о запрошломъ годѣ, а второй ужъ тоже женихъ... Семень... Ахъ какой пречудесный парень: такой смиренный, ровно дѣвка... И грамотный... Подишь ты вотъ, старикъ-отъ какой: даромъ что экая семья, а сына грамотѣ обучилъ...

— Ахъ, почтенный, стало быть, человекъ... умный!... А матери-то нѣтъ?...

— То-то нѣтъ, вдовъ: года три ужъ побывшилась... Ну, а за вдовца при малыхъ дѣткахъ кто поидеть, сама ты подумай-такъ безъ хозяйки цѣлый годъ и жила. Вотъ ужъ теперь сноху-то взялъ, такъ она и большничаетъ... Да что говорить: люди первый сортъ, вся семья... Не сумлѣвайся, тетка Матрена... пристань, за постой ничего не возьмутъ — не бойся!... Я говорю хоть лошадь-то передохнетъ маленько въ тѣнѣкъ-то...

— Да я очень благодарна, только бы какъ... потому люди незнакомые...

— Говорю не сумлѣвайся: съ полнымъ удовольствіемъ! не взыщи только: чѣмъ богаты... Ты постой-ка тутъ, а я сбѣгаю только узнаю: есть ли кто въ избѣ-то... Да коли котораго парня захвачу, такъ и приведу: онъ тебѣ и лошадь отведетъ...

— Поворно тебѣ благодарю за твою ласку и неоставленіе...

— Ну-ка полно, Матрена Поликарповна: кажись, на-знати люди... Дмитрій-то Петровъ почитай одинъ всю пряжу у меня забираетъ... Можетъ, когда и не оставитъ: и деньжонками ссудитъ подъ пряжу, особливо, какъ ежели Богъ дастъ...

Но Демьянъ спохватился и не докончилъ словъ, которые были бы теперь еще очень преждевременны и неприличны.

— Такъ ты пообожди, Матрена Поликарповна, продолжайтъ. Я минутой сбѣгаю, а ты тѣмъ часомъ на базарѣ-то погу-й: можетъ и товарцу поприсмотришь, али купецъ какой набѣ-итъ... у тебя что купить...

Демьянъ ушелъ, а Матрена Поликарповна думала про-себя: къ, видно, такое это Божье произволеніе! Надо же такъ быть: къ прѣѣхала, такъ и Демьяна встрѣтила... И парень-то гра-отный, а Дмитрію Петровичу куда какъ хотѣлось грамотнаго-) зятя... Да ужъ и на что же лучше по нашему положенію: ирень не балованный, смиренный, выросъ не въ богатствѣ, рабо-щій да еще и грамотѣ знаетъ... Надо Господа благодарить, коли зло сдѣлается... Вотъ только большака самого, да дожь по-отрѣтъ... А тутъ и сватовъ посылать... Эхъ, Танюха, Танюха, де Божіе милосердіе къ намъ грѣшнымъ велико: ну-ка, и изъ жой стороны, ничего не знаетъ, и человѣкъ-отъ хорошій, ирный...

Среди такихъ размысленій Матрена Поликарповна замѣтила де издали Демьяна, который шелъ по направленію къ ней въ провожденіи молодого парня. Тетка Матрена сейчасъ смекнула, о Демьянъ вель жениха, и стала внимательно всматриваться него.

— Хозяева милости просять, Матрена Поликарповна, сказалъ Демьянъ подхода. Вотъ Сеня тебѣ лошадь-то запряжетъ и отве-тъ на дворъ вмѣстѣ съ возомъ... На базарѣ-то, видно, ужъ него ждать: расходится... Да и базаришко-то былъ дрянной, доду-то совсѣмъ нѣтъ никого...

Семень поклонился Матренѣ Поликарповнѣ. Это былъ моло-й парень, высокій, худощавый, смугловатый, съ длиннымъ блѣд-нмъ лицомъ, на которомъ торчала маленькая борода и какъ-то тусонно смотрѣли большіе черные, глубоко впавшіе глаза. На-рвный взглядъ онъ казался недурень собою, но имѣлъ видъ къ-будто запуганнаго и пришибеннаго; добродушно-глупова-я улыбка не сходила съ его красивыхъ губъ. Очевидно на-казъ и второпяхъ онъ надѣлъ праздничный синій кафтанъ врху грязной обыденной рубахи. Семень, по своему вѣншему

виду, сразу понравился Матренѣ Поликарповнѣ. Она съ охотой соглашалась, чтобы онъ запрягъ въ телегу ея лошадь и втихомолку наблюдала, какъ онъ это дѣлалъ. Расторопный дядя Демьянъ, помогавшій Семену, успѣлъ и въ этомъ отношеніи рекомендовать его будущей тещѣ съ самой выгодной стороны: лошадь была многожъ запряжена и Семенъ съ возжами въ рукахъ уже сидѣлъ на передкѣ.

— Присядите, тетенька, али пѣшкомъ дойдете? спрашивалъ онъ Матрену Поликарповну.

— Поѣзжайте, любезнишкѣй, шажкомъ, а мы съ дядей Демьяномъ за вами поидемъ. Ужъ оченно мнѣ совѣстно на вашей ласкѣ...

— Ничего, тетенька... Пожалуйте, милости просишь.

Телега тронулась.

— Пречудесный парень! — говорилъ Демьянъ, мигая на Семена.

— Да, должно быть тихій...

— И-и... одно слово красная дѣвка... А работникъ какой, для дома..... Пословный парень...

Изба Семенова отца произвела на Матрену Поликарповну весьма неблагоприятное впечатлѣніе: она носила на себѣ всѣ признаки бѣдности, недостаточности и даже безхозяйственности въ дѣльцевѣ. Крыша на дворѣ раскрыта, крыльцо гнилое пошатнулось, разбитое окно заткнуто тряпичей — все это мозолило глаза богатой и заботливой хозяйки, какою была Матрена; за то въ избѣ ее встрѣтила вся семья съ такимъ почтеніемъ, внимательностью и угожденіемъ, что дурное впечатлѣніе скоро изгладилось. Что же дѣлать съ бѣдностью-то, думала Матрена, она не все отъ человѣка, бываетъ и отъ Бога: не дастъ Богъ счастья, такъ ничего не подѣлаешь. А они люди добрые, притомъ, радѣльные такіе!... Да, вѣдь, и не въ этой же избѣ Танюшкѣ: слава Богу, въ своей проживеть.

Разговоръ шелъ все о вещахъ постороннихъ: объ урокахъ, повинностяхъ, о попѣ, о торговлѣ, о семьѣ, изъ которой взяты сноха, и только мимоходомъ коснулся дѣтъ Семена и его грамот-

ности. Семень почти вовсе не принималъ участія въ разговорѣ и на вопросы прямо къ нему обращенные отвѣчалъ коротко и скромно, что очень понравилось Матренѣ.

Послѣ двухъ-часоваго пребыванія въ душѣ ея сложилось окончательное убѣжденіе, что Семень — суженый Татьяны. Прощаясь, она сдѣлала даже тонкій намекъ на это.

— Прощайте, Сидоръ Спиридоновичъ, говорила она отцу Семена. Покорнѣйше благодарю на привѣтъ и ласкѣ вашей. Напредки не оставьте. Хоть и далеко живемъ, а всяко бываетъ... Гора съ горой не сходится, а промежъ людей мало ли что бываетъ: и чужіе родитѣе родныхъ прилучаются... Къ намъ милости просимъ: Богъ дастъ путь-дорога лежать будетъ въ нашу сторону... Просимъ милости: не оставьте...

Демьянъ и Семень провожали Матрену Поливарповну до самаго выгона, и она очень любезно распрощалась съ женихомъ.

— Ну, теперь смотри, скоро сватовъ пришлетъ, сказалъ Демьянъ Семену, оставшись съ нимъ наединѣ. Счастливъ ты, Сенька: у Дмитрія-то Петрова деньжищъ этихъ лопатой не проворотить... Да и дѣвка-то — король...

Семень ослабился.

— Что же не кланяешься, не благодарствуешь мнѣ?... Али не чувствуешь?...

— Чего не чувствовать, дядюшка Демьянъ... Завсегда долженъ чувствовать...

— То-то же! Смотри, женишься, чтобы завсегда я былъ первнѣ гостемъ... А когда нужда, на оборотъ и деньжонковъ дай... Брѣшнекъ Дмитрій-то Петровъ, а все ты замѣсть сына у него будешь: дочь-то одна... Все онъ долженъ тебя къ дѣлу своему приспособить, все деньги въ рукахъ будутъ... Вотъ ты завсегда дядю Демьяна и помни, что который все твое благополучіе могъ тебѣ предоставить...

— Буду помнить, дядюшка Демьянъ.

— То-то, смотри...

III.

Послѣ секретнаго разговора съ женою, Дмитрій Петровичъ, при встрѣчѣ съ дочерью, не вступая ни въ какія объясненія, ограничился только очень коротенькимъ внушеніемъ:

— Ты что выдумала, озорница, а?... сказалъ онъ Татьянѣ. Возжами бы тебя нужно за это... Ишь ты!... Ты гляди у меня, чтобы и духа этого больше не было... Безстыжіе глаза!... Кто тебя теперь возьметъ экую?... Слышь, чтобы и званія и духа того не было около тебя... и близко не подпускай его къ себѣ... А то изобью...

Татьяна молча, насупившись и отворотясь, слушала отца и ждала, что онъ примется ее бить; но Дмитрій Петровъ ушелъ изъ избы, только крѣпко хлопнувъ дверью, и затѣмъ считалъ всѣ свои обязанности, какъ отца, исполненными. Онъ былъ человекъ неразговорчивый и безучастный ко всему, кромѣ прибыли. Самъ себѣ составивши состояніе, онъ только и думалъ, только и заботился, что о сохраненіи и увеличеніи его: стремленіе къ наживѣ поглотило всего его, безраздѣльно. Живя ладно съ женою, нѣтъ и только одну дочь, онъ никогда не обижалъ ихъ, не отказывалъ ни въ чемъ нужномъ, давалъ имъ полную свободу; но ни жена, ни дочь не видали никогда отъ него ни особенной заботы о себѣ, ни тѣмъ болѣе ласки. Онъ не былъ ни золь, ни эгоистъ, но и не жилъ для семьи своей: на базарѣ, въ торговлѣ, за своимъ дѣломъ — вотъ гдѣ была его настоящая жизнь; здѣсь онъ былъ и веселъ, и разговорчивъ, и оживленъ; домой онъ приходилъ только ѣсть и спать.

Дочь ничего къ нему не чувствовала: ни любви, ни привязанности, но признавала за нимъ право взмскивать и наказывать, и всегда ждала отъ отца скорѣе брани и побоевъ, чѣмъ ласкаго слова, хотя не видала, и не слыхала ни того, ни другаго. Какъ ни была смѣла и бойка Татьяна, но отца она побаивалась. Оставшись одна послѣ его угрозы, она задумалась.

— Вотъ теперь всѣ узнали, думала она. Прощай, мой И...

пенька—голубчикъ, прощай удалая головушка. Не много мы погуляли съ тобой, своей волюшкой потѣшились; разведутъ насъ теперь по угламъ: тебѣ съ женой постылой жить, меня окрутятъ съ немилымъ мужемъ мываться... А и разбойникъ-же этотъ Илюшва: ровно ворожбой какой приворожилъ меня. Вѣдь, не писанный же онъ, и знаю, что женишь мужъ, а такъ бы я все на него и смотрѣла, такъ бы все его рѣчей и слушала... Ни стыдобушки, ни вазорушки, мнѣ нѣтъ передъ нимъ... Ужъ сказала, что не стану съ нимъ водиться: такъ не стану, а хоть разокъ еще одинъ да повидаю его, разбойника, хоть въ глаза его плюну безстыжіе за то, до чего онъ меня, дѣвчу, довелъ, что люди всѣ пальцами показывають, да на смѣхъ поднимають; хоть попревну, что отъ живой жены за дѣвкой бѣгаетъ и концовъ хоронить не умѣетъ. Вотъ пускай теперь, злодѣй, знаетъ, что пойду за-мужъ не по выбору, а за кого велеть... Ужъ хоть заплачусь, да и наругаюся надъ нимъ, супостатомъ: не замай дѣвкина сердца, не привораживай, коли взять за себя нельзя... Ну-ка, и самъ-дѣлѣ первая я дѣвка была въ всю округу, какой бы парень самый наилучшій на меня не польстился, а онъ, разбойникъ, ну-ка, что со мной сдѣлалъ... И чѣмъ онъ, чѣмъ только къ себѣ привораживалъ?... Куда у меня разумъ-то дѣлся, чѣмъ онъ языкъ-отъ мой рѣзвый припечаталъ, чтобы обрить, оборвать его, насмѣшника, чѣмъ онъ силу изъ меня выжалъ, чтобы не идти мнѣ, дѣвкѣ, къ нему, когда звалъ, чтобы руки ему обломать, когда обнялъ впервой... Нѣтъ, вѣдь, сами ножоньки бѣжали къ нему, сами рученьки держали его, самъ языкъ слова говорилъ ласковыя, небранчивыя, а сердечушко при немъ, разбойникѣ, то застынетъ совсѣмъ, то восколыхнется, равно невѣсть радость какая вмѣстѣ съ нимъ придетъ... Погоди-жь ты, супостатъ, живи-жь ты теперь съ нелюбой женой, пускай она тебѣ твои космы чешетъ, пускай она тебѣ сладкія рѣчи говоритъ, ей свои шутки шути, свои прибаутки рассказывай, съ ней и въ хоровахъ ходи, съ ней и пѣсни пой...

Татьяна совсѣмъ притихла, сѣла за точку и почти нигде не выходила изъ дома. Настоящая причина отъѣзда матери въ Мандуры была ей неизвѣстна, но она, конечно, не вѣрила, что мать

вдѣтъ туда, ради торговли, и догадывалась, что дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Когда мать уѣхала, первую мысль Татьяны было воспользоваться ея отсутствіемъ для послѣдняго свиданія съ Ильею. Матрена Поликарповна поѣхала съ ночи, чтобы къ утру поспѣть на базаръ, отецъ присматривать не станеть; слѣдовательно, отлучиться изъ дома было очень удобно. Но какъ дать знать Ильѣ, какъ вызвать его изъ избы? думала Татьяна, сидя ночью у раскрытаго окошка своей свѣтелки. На улицѣ было все тихо, только ржали лошади, пасшіяся на скошенныхъ гумнахъ, да перекликались изрѣдка пѣтухи. Вдругъ Татьяна услышала, что ее кто-то снизу, съ улицы, назвалъ по имени. Она высунулась изъ окна и въ тѣни, въ углу дома, съ трудомъ разсмотрѣла прижавшуюся фигуру человѣка, въ которомъ тотчасъ же узнала Илью.

— Экой злой духъ, подумала Татьяна, точно кто ему ска-
залъ. Вотъ мужикъ-отъ... Ровно ножъ вострый въ сердце...

— Выйдешь, аль нѣтъ? прошепталъ тотъ же голосъ.

— Нишени... Сейчасъ... также тихо отвѣчала Татьяна.

Босая, неслышнымъ шагомъ, несмотря на свое дородство, спускалась Татьяна съ крыльца, и еще не сошла съ послѣднихъ ступенекъ, какъ ее обхватили руки вывернушагося изъ-за стѣны Ильи.

— Лапушка! приговаривалъ онъ, снимая Татьяну съ крыльца и собираясь ее поцѣловать; но Татьяна съ силой вырвалась и оттулкнула его отъ себя.

— Что ты? спросилъ удивленный Илья.

— Нишени... Иди сюда... проговорила Татьяна, пробравшись около стѣны дома и двора.

Илья шелъ вслѣдъ за нею.

Когда они дошли такимъ образомъ до самаго укромнаго скрытаго отъ чужихъ глазъ мѣста, между полѣнницами дровъ, стоявшихъ сзади двора, Татьяна остановилась. Илья бросилъ было къ ней съ ласками, но она опять сурово оттолкнула его.

— Да что ты, Танюха? спросилъ опять вновь озадаченный Илья. Со сна что-ли сердита?

— Не цѣловаться я съ тобой пришла, не миловаться: на время прошло, другъ сердечный... Посчитаться я съ тобой хочу: зачѣмъ ты, чужой мужъ, меня, дѣвку, съ пути собилъ, чѣмъ на-смѣхъ людямъ пустилъ? зачѣмъ меня въ сухоту водалъ?...

— Да что? Али что подѣлалось?

— Что подѣлалось — ты самъ давно знаешь... только объ томъ рѣчей у насъ съ тобой не было. А вотъ теперь время шло и рѣчь о томъ завести... Всѣ люди про нашу любовь узнали: до матушки съ бабушкой довели... Была я дѣвка первая, стала черезъ тебя, разбойника, послѣдняя... Теперь мнѣ вѣнча ищутъ: найдутъ, не спросятъ: любъ ли? силкомъ отдать дѣвку гулящую...

— А ты не ходи, коли не любъ...

— Да любой-то мой чужезенникъ мужъ... Приворотникъ-то мой — злодѣй мой проклятый. За него что-ли я пойду? Ну-ка мнѣ, безстыжіе глаза!...

— Такъ, али ты впервой узнала, что я чужезенникъ мужъ... вѣнчалъ, не чужой деревни, въ одной живемъ... Не силкомъ бралъ, любви сошлись...

— Я-то знала, да про любовь-то нашу люди не знали... силкомъ-то меня взять мало кто возьметъ, да любовь-то моя съ чего ко мнѣ пристала? Вотъ ты что мнѣ молви: съ зелья-ли, съ приворота-ли, али съ обхода какого?

— Съ удали молодецкой, съ припѣвки моей, да съ прикесту — вотъ съ чего, Танюша.....

— А ты не замай, не трожь, тебѣ говорить. Не затѣмъ пришла... Тебѣ ласы точить да бахвалиться, а мнѣ горе горевать, плакаться: такъ не такая я, парень, дѣвка.... Коли не умѣлъ ты людскаго глаза уберецъся, коли далъ прознать людямъ про нашу пробывку любовную, про мой стыдъ что съ мужикомъ знатымъ связалась, коли приходитъ мнѣ теперь за-мужъ идти не-милаго, такъ не гѣшитъ же и тебѣ моей красой... Выль тебя свѣтъ въ глазахъ, была Танюха, что ни на есть первая дѣвка, хоровадница, пѣсельница, а теперь вѣтъ про тебя ее, а'

есть про тебя одна жена не-милая, плаксивая, слюнявая... Ступай къ ней, а здѣсь тебѣ нѣтъ череда... Слышалъ...

— Такъ-то, Татьяна Дмитревна... проговорилъ озадаченный, неожиданный такой выходки Илья.

— Такъ-то, Илья Кузьмичъ... Уходи, проваливай... Поищи другой экой-то дѣвки: коли найдешь, приходи похвастаться... Коли угодила я своей рѣчью тебѣ подъ сердце, такъ мнѣ и лучше не надо... слаще мнѣ это меда... счастливо оставаться!..

Татьяна пошла прочь отъ Ильи. Онъ нагналъ и схватилъ ее за руку.

— Не трожь, а то на всю деревню закричу: всѣхъ перебулгачу... громко сказала Татьяна, вырывая свою руку. Подъ къ женѣ: на что лучше своя законная... прибавила она со злобы смѣхомъ, ускоряя шаги къ дому.

— Татьяна Дмитревна, да чтожъ ты и самъ-дѣлѣ... Чтожъ ты моихъ-то рѣчей не хочешь выслушать... говорилъ Илья, слѣдуя за ней.

— Свои-то рѣчи ты женѣ побереги, да и мои перескажи: вотъ, молю, дѣвка какая, не разлучница, сама милого дружка прогнала отъ себя, къ женѣ спать послала...

Татьяна подходила къ крыльцу. Илья опять хотѣлъ остановить ея.

— Тая, лапушка, да постой...

— Миндали-то эти ты женѣ разводи, а мнѣ до тебя никого дѣла нѣтъ... Проваливай... Отстань, падсадникъ ты мой окаянный... При послѣднихъ словахъ въ голосъ Татьяны слетались слезы, но она съ такой силой толкнула Илью, который было ее обнялъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, и быстро безъ всякой уже осторожности взбѣжала на крыльцо, и захлопнула за собою сѣнную дверь.

Придя въ свѣтелку, она бросилась на лавку и на-взрндъ заплакала.

Илья нѣсколько минутъ постоялъ около крыльца, почесался, выругался, и пошелъ домой.

IV.

Матрена Поликарповна подробно сообщила мужу о результатах своей поездки и своих наблюдений.

— Мнѣ очень пришлось по мысли паренекъ-то, заключила она: такой смиренный, повлончивый...

— А пуще всего грамотный: это-то вотъ мнѣ ужъ очень обо... замѣтилъ Дмитрій Петровъ.

— Ну и самъ-то старикъ ничего, человекъ разсудительный... Конечно, бѣдность у нихъ, недостатки, да, вѣдь, это какъ что Богъ награждаетъ.... А по моему, изъ бѣдной-то семьи намъ чаще еще взять: больше въ глаза будетъ смотрѣть, больше стать слушаться: знаетъ, что все у тестя да у тещи въ рукахъ.. И дня-то все ужъ больше будетъ съ почтеніемъ да съ угожденіемъ...

— Такъ что-же, надо коли хлопотать...

— Надо, надо, Дмитрій Петровичъ: ни искать другаго, ни мать нечего... Парень подходящій!... нечего связать!... Вотъ, смотри, дядя Демьянъ, онъ мужикъ догадливый, онъ домекнулъ дѣломъ, смотри гдѣ нибудь да ужъ до тебя дотолкнется и рѣчь завезъ на-счетъ этого, такъ ты его больно-то и не отваживай, ну-то нечего, а такъ молви слово, что, молъ, у насъ въ дому ери для добрыхъ людей не заперты, всегда милости прощай... Обо всякомъ-молъ дѣлѣ говорить надо помолвившись да думавши...

Но Дмитрію Петровичу не пришлось искать и долго ждать грѣчи съ дядей Демьяномъ. Въ первый же ближайшій праздникъ самъ явился прямо въ домъ къ Дмитрію Петрову. Матрена, видя его, тотчасъ же удалила изъ избы Татьяну, и послала раздѣть и позвать спавшаго мужа.

— Вотъ, Матрена Поликарповна, не въ долгихъ и къ вамъ ужъ привелъ... Не осудите! говорилъ, раскланиваясь, Демьянъ.

— Очненно благодарна, милости просимъ. Дорогимъ гостямъ

завсегда рады... Али къ большаку на-счетъ какихъ вашихъ дѣловъ?

— Да, то есть, дѣльцо-то оно у меня, конечно... Наши торговны дѣла такія, что завсегда объ нихъ разговоръ имѣть можно... Нѣтъ, тутъ я за долгишкомъ ѣздилъ вотъ въ Тропинское, да по сосѣдству и къ вамъ, мимоѣздомъ... Гдѣ же Дмитрій-то Петровичъ?..

— Да онъ дома... Поди, чай, спитъ праздничнымъ дѣломъ на сѣновалѣ... Сейчасъ придетъ... Да чтой-то ты гдѣ сѣлъ, дядя Демьянъ, больно далеко... Садись поближе къ столу-то, честиѣе будетъ.

— Ужъ больно ты меня почѣстно принимаешь, Матрена Поликарповна, больно высоко садишь... замѣтилъ лукаво Демьянъ, пересаживаясь къ столу подъ образами. Господи благослови, мѣсто-то хорошо: крѣпко бы мнѣ на немъ сидѣть, да съ той же честию уйти, съ коей пришелъ... Бываетъ тѣ не хорошо, Матрена Поликарповна, какъ гостя-то посадятъ высоко, а послѣ за рукавъ и выведутъ изъ избы-то...

— Это, вѣдь, Демьянъ... какъ васъ по батюшкѣ-то?..

— Прохорычъ... привставши и поклонившись отвѣтилъ тотъ...

— Это, Демьянъ Прохорычъ, отъ рѣчей бываетъ: какія кто рѣчи говорить... Коли рѣчи тѣ отъ гостя по мысли да по сердцу, такъ его не то что подъ Богомъ садятъ, а и угощеніе правятъ; а коли рѣчи не въ согласъ идутъ, такъ извѣстное дѣло: взялъ за рукавъ да и вывелъ...

— Это такъ, Матрена Поликарповна, вѣрно твое слово: коли я, быть, купецъ и пришелъ къ тебѣ за товаромъ, а товаръ-то у тебя не продажный... ну, ты стало быть мнѣ и отказъ предлагаешь: вотъ Богъ, а вотъ порогъ... Или хоть онъ и продажный, да не по моей силѣ, и обидно тебѣ даже, что я съ неимтой рожей язнулся и торговать-то его... Ну стало быть тебѣ тоже рѣчей со мной тратить не приходится, а значить: за руку, да и вонъ изъ избы... Это такъ, вѣрно: тутъ и обижаться нечѣмъ, на все власть — воля Божія, Божіе положеніе... о томъ ему, Создателю, и молимся... Одинъ богатъ да уменъ... другой

бываетъ и бѣденъ да счастливъ. Какъ кого Госнодь наградить... О томъ и я тебѣ благодарствую, Матрена Поликарповна, что ты насъ при нашей бѣдности и при нашемъ богатствѣ на большое мѣсто сажаешь... То-то и спрашиваю, крѣпко ли мнѣ будетъ сидѣть... Не обидѣть бы тебя... Такъ ли, я говорю?..

— Счастье-то въ людяхъ, говорятъ, отъ ума живетъ, Демьянъ Прохорычъ: который человекъ и бѣдный, да наградить его Создатель разумомъ, онъ никогда никого не обидитъ, потому слова знаетъ умныя, и разговоръ такой поведетъ, что можетъ всякое дѣло себѣ на счастье поворотить... А у насъ съ мужемъ такой лады: умному человекъу завсегда большое мѣсто...

— На томъ покорнѣйше благодаримъ, Матрена Поликарповна, что не обезсудила, первымъ рѣчамъ моимъ остуды не дала... а тамъ Богъ...

Въ это время въ избу вошелъ Дмитрій Петровичъ. Онъ былъ со сна, глаза красные, лицо потное, въ волосахъ торчало сѣно.

— А-а, Прохорычъ... Добро пожаловать...

Демьянъ церемонно раскланивался и уступалъ свое мѣсто хозяину.

— Садись-ка, садись... Что-же, хозяйка, самоварчикъ бы наставила. А я, братъ, соснулъ чудеснымъ манеромъ... на свѣженькомъ-то сѣнцѣ важно... Вотъ теперъ чайку-то испить первый сортъ... Что жъ, Поликарповна, наставь самоварчикъ-то для гостя...

Но Матрена даже не пошевелилась: ея лицо выражало неудовольствіе. Дмитрій Петровичъ догадался, что еще разговора окончательнаго не было и что слѣдовательно угощать свата еще рано и неприлично.

— Ну что, какъ дѣла? обратился онъ къ Демьяну.

— А что, Дмитрій Петровичъ, дѣла на свѣтѣ всякія: и худія, и хорошія... Кому какъ Богъ дастъ... Иной бьется-бьется, а ничего не дается, а другому все въ руку...

— Знаю, все отъ Бога, отвѣтилъ, зѣвая въ руку, Дмитрій Петровъ. Надо больше Богу молиться; грѣшны мнѣ, мало Богу-то молится...

— Иной и Богу-то молиться не умѣеть... Хорошо какъ это въ грамоту ученъ, тому хорошо: развернулъ Вожію книгу, да и читай... Его и Богъ скорѣй услышитъ...

— Это вѣрно...

— Вотъ у Сажинныхъ, ты, Матрена Поликарповна, видѣла: оба парня-то хороши, и старшій, и меньшей, и разумъ-то у нихъ ровный, а меньшей-то завсегда верхъ возьметъ, потому грамотный: въ церковь ли пришелъ — сейчасъ на крылосъ, руку приложить — сейчасъ бѣгутъ за Семеномъ, его и попъ знаетъ, и все такое... И пойдетъ человекъ въ люди. Правильно ли я говорю, Дмитрій Петровичъ?.. Матрена Поликарповна?

Но Дмитрій Петровичъ вмѣсто отвѣта только промывчалъ что-то и зѣвнулъ въ руку, а Матрена Петровна даже глазомъ не моргнула, точно ничего и не слыхала.

Прошло нѣсколько мгновеній совершеннаго молчанія. Демьянъ кашлянулъ.

— Вотъ ты гостилась у Сажинныхъ-то, Матрена Поликарповна: какъ тебѣ семья-то ихная?..

— Ничего, они люди такіе ласковые, привѣтныя... Нужда, видно, только большая...

— Сама видѣла, какая семья-то?.. А ничего, они поправляются... Вотъ старикъ - отъ срубы присматриваетъ, другу избу хочетъ ставить: неравно, говоритъ, сына второго женю такъ, чтобы было гдѣ жить съ женой; ему, говоритъ, и отдамъ и самъ, говоритъ, съ нимъ буду жить, да помогать, а старшій пускай говоритъ, живетъ въ отдѣлѣ.... Что-же, вѣдь, это онъ правильно говоритъ, что надо ему меньшаго сына на первыхъ порахъ поддерживать: ему помогать?

— Что же, дай Богъ добра всякому хорошему человеку! — уклончиво проговорила Матрена.

— Нѣтъ, я на-счетъ того, что Семену-то, коли отецъ вѣстроитъ ему новую-то избу, да женить и самъ къ нему перейдетъ жить — и очень превосходно будетъ. Жена въ дому будетъ большая, отецъ на-счетъ поля, а онъ самъ человекъ гра-

МОТНИЙ: ты его куда хошь поверни, онъ на всякую руку.... и торговлей можетъ заняться...

Демьянъ примолкъ и опять ожидалъ какаго либо замѣчанія.

— Конечно, всякій человекъ старается, чтобы какъ ему было лучше и вальготнѣе... опять также уклончиво проговорила Матрена.

Затѣмъ опять наступило молчаніе. Демьянъ снова кашлянулъ.

— Ну, хозяйова, сказалъ онъ наконецъ: посадили вы меня въ мѣсто, сдѣлали вы меня гостемъ, не обезсудьте теперь на моихъ рѣчахъ... Онъ привсталъ и поклонился.

— Говори: послушаемъ! сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Коли будете говорить къ дѣлу, такъ и мы вамъ будемъ отвѣчать по дѣлу, а на бездѣльные рѣчи мы не отвѣтчимъ! прибавила съ своей стороны Матрена Поликарповна съ гордымъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

— По моему бы моя рѣчь къ дѣлу и отъ чистаго сердца, а любя ли она вамъ будетъ, вы мнѣ по дѣлу и скажете, а въ обиду себѣ не полагайте. Сама ты видѣла, Матрена Поликарповна, парня Семена Сажина: каковъ онъ есть изъ себя человекъ и что въ него Богомъ положено, мнѣ говорить о томъ, стало быть, нечего... Сама ты изволила молвить, что по уму человеку и счастье бываетъ... Надо дѣло говорить: о Семеновомъ счастьѣ и пришелъ я вамъ кланяться... Коли не противны вамъ мои слова, примите меня за свата: у васъ товаръ, у меня купецъ: не богатъ да тароватъ, не знатенъ да уменъ, не съ ордостью, а съ поклономъ да съ почестью... Не знаю во что положите: подъ Богомъ ли сидѣть да съ хозяйовами въ сожасіи хлѣбъ-соль водить, или поклонъ да и вонъ, отъ во-отъ поворотъ да и съ Богомъ домой?... На чемъ порѣшите, то говорите: мы бьемъ челомъ съ поклономъ и съ прошеньемъ, а вы Божья воля да родительская...

Демьянъ вновь поклонился и замолчалъ. Матрена удерживалась отъ отвѣта, уступая эту честь и право большаку, хотя ей сильно хотѣлось говорить.

— Говори, жена: это ваше бабье дѣло... Ты мать!... сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Мы купцомъ не брезгуемъ, хоть и товаръ у насъ не дешевый, не хаенный... Поклонъ вашъ и почтеніе за цѣну беремъ, хоть купцы вы и не богатые. Не все богатство — и человекъ нуженъ; не все деньги — и послуга дорога, а больше того миръ да любовь и къ родителямъ почтеніе. Семенъ Сидоровичъ не зазорный женихъ: тихой онъ парень и смиренный, и при грамотѣ — этого отнять у него нельзя. А только то надо, сватушка, въ умѣ вамъ держать, что дочь-то у насъ одна, какъ свѣтъ въ глазахъ, какъ сердце въ утробѣ... Отдать ее въ люди, ровно свѣтъ изъ глазъ вынуть, этого и думать нечего: въ люди мы ее не отдадимъ. Не со свекромъ ей жить и со свекровью, а такъ мы въ умѣ положили: пускай она намъ въ домъ сына приведетъ, чтобы намъ старикамъ смотрѣть да тѣшиться, да уму-разуму дѣтей учить и внучать качать, и изъ теплыхъ рукъ своихъ дѣткамъ, за ихъ любовь и почтеніе, что ни скопимъ — все пожаловать... Вотъ вы что, сватушка, должны въ предметъ имѣть: коли къ тому рѣчь ваша шла, такъ и разговоръ у насъ будетъ, а коли къ чему другому, такъ сочти, что и рѣчей твоихъ не было, что и не слыхали мы ихъ.

— Да, это говорить нечего: въ чужой домъ не отдамъ... подхватилъ Дмитрій Петровичъ. которому много рѣчіе Демьяна — и жены уже стали надоѣдать. Коли хочетъ привязаться, такъ — вотъ толкуйте съ женой: она парня хвалитъ.. А это нечего — пустое и говорить: избу выстроить, да отдѣлить сына... и самъ — съ нимъ жить будетъ... Намъ это не подходящее. Пустое дѣло. .. Коли хочетъ въ намъ въ домъ идти, сыномъ имѣ быть, да сл — шаться, да съ женой ладно жить — это другой разговоръ...

— Обидненько будетъ, Дмитрій Петровичъ...

— Чего обидно... Одежи я имъ обнимъ нашу вволю, свадьбу — сыграю на свой счетъ... ужъ свата ни до чего не доведу: ве — мой изьянъ... Только бы было въ чемъ жениху подъ вѣнчикъ встать, вотъ и вся его трата... Какая тутъ обида?... Для него — лучше не надо... за счастье долженъ считать... Такъ что ли?...

Боли ладно, такъ давай по рукамъ бить, да пропой пить, а послѣ того чайку... У меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло... Тутъ канитель-то тянуть нечего... Надо дѣло говорить... Ну?.. ставить что ли самоваръ-то?..

Дмитрій Петровичъ протянулъ къ Демьяну руку ладонью вверхъ. Матрена Поликарповна хмурилась и была не довольна такимъ грубымъ и быстрымъ поворотомъ дѣла: по ея мнѣнію, мужъ велъ себя крайне неприлично, и безъ достоинства; по ея мнѣнію, обрядъ сватовства, такъ прекрасно начатый, былъ вполне испорченъ и нарушенъ торопливостью и рѣзкостью мужа. Но дѣлать было нечего: Демьянъ перекрестился и ударилъ по рукѣ Дмитрія Петровича.

— Будь Божья воля. Поцѣлуемся, сватушка! сказалъ онъ при этомъ.

— Вы хоть бы помолились сначала... сказала съ неудовольствіемъ Матрена Поликарповна.

— Чтожъ все одно: мы и теперь помолимся! возразилъ Дмитрій Петровичъ, вставая и обращаясь къ образамъ.

— Господи благослови, проговорилъ Демьянъ, также вставая и крестясь: подай, Господи, на согласъ да любовь и на всякое благополучіе... Творецъ милостивый... Пресвятая Богородица... Матушка, неопалимая купина, не опади ты насъ грѣшныхъ... продолжалъ онъ, размахисто крестясь и вздыхая.

— Ну, сватушка, свахонька... дай Господи! обратился Демьянъ къ хозяевамъ, кланаясь. По началу бы и конецъ святой... Ни кто бы не перешель, не переѣхалъ... Тьфу, тьфу!... Демьянъ поклонилъ по сторонамъ.

— Дай Богъ... дай Богъ!... отвѣчала повеселѣвшая Матрена Поликарповна.

— Теперь, свахонька, съ вашего позволенія, можно и выпить пополившись-то, чтобы дѣло наше крѣпче было...

— Давай, давай, жена, скорѣе... Есть ли дома водка-то?..

— Ну какъ не быть... Сейчасъ подамъ...

— Какъ у тебя не быть въ дому, Дмитрій Петровичъ, весело сказалъ Демьянъ: чай, полная чаша всего...

— Да, братъ, благодаримъ Создателя... Слава Богу, живемъ по трудамъ по своимъ...

— Сватушка, пожалуйста-ка, подчивала Матрена Поликарповна Демьяна.

— Съ васъ, свахонька...

— Ну, будьте здоровы. Всѣмъ бы намъ на радость, на союзъ да любовь.

— Дай Богъ!

Матрена Поликарповна пригубила, за ней Демьянъ и Дмитрій Петровичъ.

Хозяинъ велѣлъ полуштофъ оставить на столѣ, а Матрена Поликарповна побѣжала ставить самоваръ. Такимъ образомъ судьба Татьяны была рѣшена.

Сваты долго еще сидѣли и долго толковали о всѣхъ будущихъ свадебныхъ порядкахъ; въ Ильинъ день назначили быть погляденкамъ и запою, а самое вѣнчанье положили сдѣлать послѣ Успенья, тотчасъ по окончаніи яроваго жнитва.

Алексѣй Потвѣхинъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

(Изъ первой пѣсни «Корсара» Байрона).

Взбираясь на скалу извилистой тропой,
Конрадъ стремился въ даль и взоромъ, и душой.
И вотъ предъ башней онъ — и звукамъ тѣмъ внимаешь,
Боторымъ никогда внимать не забываетъ.
Изъ узкаго окна текутъ они рѣкой —
И звуки тѣ — слова пѣвуньи молодой:

«Простившись со свѣтомъ, запавши глубоко,
Лежать моя тайна въ душѣ одиноко,
И сердце тревожнымъ бѣньемъ въ отвѣтъ
Встрѣчаетъ лишь милаго сердца привѣтъ.

«Тамъ, въ мракѣ глубокомъ, какъ въ лепѣ, лампада
Горитъ тихимъ свѣтомъ, горитъ какъ отрада,
И буря невзгодъ не погаситъ ее,
Хотя и бесплодно ея бытіе.

«Стоя надъ моею могильной плитою,
Ты помни, чьи кости лежатъ подъ землею!
Одной не могла бы я муки снести —
Въ душѣ твоей страстной забвенью найти.

«Услышь мои стоны, мой ропотъ, моления!
 Въ печали по мертвомъ вѣдь нѣтъ преступленья:
 Почти, подари меня теплой слезой,
 Последней наградою любви молодой!»

Переступивъ порогъ, онъ въ комнату спѣшитъ;
 Но смолкло все кругомъ — и пѣсня не звучитъ.

«Какъ пѣснь твоя грустна, Медора дорогая!»

— Безъ милаго на умъ пойдетъ ли пѣснь иная?
 Пускай ты не со мной, чтобъ пѣснѣ той внимать.—
 Она должна струной души моей звучать...
 О, сколько разъ, томясь въ постели одинокой,
 Я превращала тишь въ напоръ грозы жестокой!
 Чуть слышный вѣтерокъ, что парусъ твой вздымаетъ,
 Мнѣ дикій вѣтра вой и бурю предвѣщалъ —
 И — тихій — онъ звучалъ мнѣ пѣсней похоронной,
 Рыдавшей по тебѣ надъ пропастью бездонной.
 Страхася чьей-нибудь довериться рукѣ,
 Сама я берегла огонь на маякѣ;
 Но исчезала ночь предъ свѣточемъ востока,
 А ты, мой милый, былъ попрежнему далеко.
 Хотя мнѣ вѣтеръ въ грудь больную проникалъ
 И хмурый день мой взглядъ тоскующій встрѣчалъ,
 Я все смотрѣла вдаль — и флагъ мелькалъ отвѣтомъ
 Потокамъ слезъ моихъ, души моей обѣтамъ.
 Вотъ полдень — и я жду, тотъ флагъ благословляя...
 Онъ близится... исчезъ... Но вотъ ладья другая!
 Гляжу — сомнѣнья нѣтъ: тотъ флагъ кровавый — твой! —
 Ужели никогда не будетъ, милый мой,
 Лучами мирныхъ благъ душа твоя согрѣта?
 Иль нѣтъ нигдѣ такихъ прекрасныхъ странъ, какъ эта?
 Не страшень мнѣ союзъ всѣхъ ужасовъ и бѣдъ!

Я лишь дрожу, когда тебя со мною нѣтъ —
 Но не за жизнь свою — за боль дорогую,
 Что от любви бѣжить въ неволю боевую.
 Какъ можетъ существо, столь нѣжное ко мнѣ,
 Вести борьбу съ судьбой — лишь думать о войнѣ?—

«Давно я сталъ другимъ — и сердцемъ, и душою.
 Растоптанный, какъ червь, я сдѣлался змѣею.
 Я вѣрю лишь тебѣ — любви твоей одной,
 Да вѣчнымъ небесамъ и благодати святой.
 Мое желанье — мстить, достойное укора,
 Есть страсть моя къ тебѣ — любовь моя, Медора!
 Тѣ чувства такъ срослись, что если раздѣлить,
 То для людей тебя пришлось бы разлюбить.
 Но прошлое мое въ томъ можетъ поручиться
 Градущему всему, что страсть моя продлится;
 Но нынче же судьба, хотъ ненадолго, насъ
 Новѣ разлучить должна — и въ этотъ самый часъ.»

— Разстаться — и теперь?... Благое провидѣнье!
 Такъ исчезаютъ сны, волшебныя видѣнья!...
 Не можетъ быть, чтобъ ты уѣхалъ въ этотъ часъ,
 Когда лишь на зарѣ вернулся твой баркасъ,
 Когда тебя ждетъ одръ, когда матросамъ тоже
 На берегу морскомъ усталость стелеть ложе...
 Ты хочешь закалить мою больную грудь,
 Пока къ ней боль еще не проложила путь;
 Но не шути моею печалью, ради Бога!
 Въ подобной шуткѣ злой ужъ слишкомъ жолчи много.
 Приди и раздѣли желанный пиръ со мной,
 Устроенный твоей подругой молодой.
 Готовить пиръ любви — блаженство — не труды.
 Мой милый, я рвала лишь лучшіе плоды;
 Когда же въ выборѣ порой я затруднялась,

Брала лишь только то, что лучшимъ мнѣ казалось.
 Я трижды путь къ горамъ окрестнымъ направляла,
 Чтобъ самый свѣтлый ключъ сыскать — и отыскала.
 Душистъ и сладокъ твой остуженный шербетъ:
 Взгляни, какъ онъ блеститъ, какъ свѣжъ онъ, что за цвѣтъ!
 Не любишь гроздїй ты плѣнительнаго дара:
 Ты больше чѣмъ османъ, когда обходить чара.
 Но это не упречь! Я радуюсь, что то,
 Что для другаго — все, для милаго — ничто.
 Идемъ! обѣдъ готовъ и лампа ужъ искрится:
 Прикрытая, она сирожко не боится.
 Прислужницы мои, чтобъ время скоротать,
 Со мною будутъ верругъ и пѣть, и танцовать,
 И звукъ гитары той, что сердце къ нѣгѣ манить,
 Твой очаруетъ слухъ; а если грустно станеть,
 То Аріоста мы творенья развернемъ
 И объ Олимпїи покинутой прочтемъ...
 Ты былъ бы во сто разъ преступнѣе злодѣя,
 Что скорбной измѣнилъ, когда бы не жалѣя
 Покинулъ ты меня... Я видѣла, какъ ты
 Съ улыбкою глядѣлъ, весь погруженъ въ мечты,
 Съ высокихъ этихъ скалъ на островъ Аріадны...
 И говорила я — и были безотрадны
 Слова мои, затѣмъ, что думала о томъ,
 Чтобы спасенья лучъ не превратился въ громъ...
 Такъ точно и Конрадъ свое не сдержитъ слово:
 Онъ обманулъ меня, ко мнѣ явившись снова! —

«И вновь вернется онъ, чтобъ пасть къ твоимъ ногамъ —
 Пока въ насъ жизнь кипитъ и есть надежда Тамъ,
 Вернуться долженъ онъ... Теперь же, полонъ муки,
 Слѣпнуть на встрѣчу намъ печальный часъ разлуки.
 Куда, затѣмъ — теперь нѣтъ нужды говорить,
 Когда грядущій часъ насъ долженъ разлучить.
 Я рассказала бы все, лишь было бы возможно...

Но не страшись, мой другъ: препятствіе — ничтожно;
 А здѣсь оставлю я достаточно людей,
 Чтобъ защищать тебя въ теченіи многихъ дней.
 Ты будешь не одна, хотя и не со мною:
 Всѣхъ нашихъ женщинъ я оставлю здѣсь съ тобою.
 Мой другъ! въ разлукѣ мысль тебя да поддержишь,
 Что безопасность намъ покой озолотитъ.
 Но, чу! звучитъ труба! Я жажду поцѣлуи!
 Еще одинъ... еще... Прощай! пора — иду я!»

Привставъ, она къ нему въ объятія упала *и его грудь*
 И блѣдное лицо къ груди его прижала; *и чистотой своей*
 Но онъ не смѣлъ поднять къ своимъ ей очей, *девушка и восторг*
 Опущенныхъ къ землѣ подъ тяжестью скорбей; *и восторгъ.*
 Побѣги черныхъ косъ въ рукахъ его лежали *и восторгъ, душа*
 И въ безпорядкѣ внизъ волнистыя сбѣгали; *и восторгъ, душа*
 А сердце, гдѣ онъ жилъ съ такою полнотою, *и восторгъ, душа*
 Едва лишь билось въ ней подъ грудью молодою. *и восторгъ.*
 Чу, выстрѣлъ! — то сигналъ: ужь солнце за горой! — *на пути души*
 И проклинаетъ онъ свѣтъ солнца золотой... *и восторгъ, душа*
 Еще! — и онъ къ груди Медору прижимаетъ,
 Что плачемъ на его восторги отвѣчаетъ...
 Еще! — и онъ ее на ложе положилъ...
 Въ послѣдній разъ свой взоръ на ней остановилъ —
 И въ глубинѣ души почувствовалъ впервые,
 Что для него она — всѣ радости земныя;
 Потомъ поцѣловалъ въ холодный лобъ — и вотъ...
 Ужель Конрадъ ушелъ — ушелъ и не придетъ?

«Ужель онъ ушелъ?» Медора прошептала.

Какъ часто эхо горь вопросъ тотъ повторяло.

«Еще минуты нѣтъ, какъ былъ со мною онъ —

Теперь же!...» — и она вдругъ побѣжала вонъ

Изъ башни вѣстовой и тамъ, между камнями

Склонившись, залилась горячими слезами.
И слезы тѣ лились изъ пламенныхъ очей —
Одна вслѣдъ за другой — свободно, какъ ручей;
Но блѣдныя уста все болѣе сжимались
И все еще «прости» сказать не соглашались,
Затѣмъ, что въ звукѣ томъ, въ томъ словѣ роковомъ,
Все дышетъ пустотой, отчаяньемъ и зломъ,
Хотя бъ при этомъ намъ клялись и обѣщали.
Лицо ея было исполнено печали,
А нѣжная лазурь ея горячихъ глазъ,
Блуждавшихъ по горамъ, туманилась не разъ,
Пока они ею опять не увидали:
И слезы вновь въ очахъ, и вновь онѣ бѣжали
Изъ-подъ густыхъ завѣсъ опущенныхъ зеницъ
По черной бахромѣ увлажненныхъ рѣсницъ.
«Ушолъ!» — и руки вдале Медора простираетъ.
«Ушолъ!» — и къ небесамъ ихъ тихо подымаетъ.
Глянуть — и видить флагъ: онъ манитъ, онъ зоветъ...
Но долѣ глядѣть ей силъ не достаетъ...
И вотъ она идетъ... Печаль ея глубока...
«Нѣтъ, это ужъ не сонъ!... Увы, я одинока!»

Н. Гербель.

НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЭТЮДОВЪ „МОИ ДРУЗЬЯ“.

ПЕТРЪ АНАСТАСЬЕВИЧЪ СУСЛИКОВЪ.

Другъ онъ мнѣ и пріятель. Родился въ провинціи потомствен-
нъ дворяниномъ. Привезенъ въ Петербургъ лѣтъ двѣнадцати.
анъ въ первоклассное гражданское училище Умный мальчикъ;
илъ сладости, лѣнивъ былъ, сентименталенъ. Вообще малокро-
нъ. Оттого при ростѣ, развились не столько кости и мускулы,
нъко жиръ. Наружности красивой, но вялой. Задумчивъ и
нне подозрителенъ сталъ около 16-ти лѣтъ. Кончилъ курсъ
одаря дарованіямъ отлично. Лѣтъ 19 поступилъ на службу,
зруглымъ лицомъ, слегка отвислымъ подбородкомъ, медленными
неніями, умными глазами и страшною ненавистью къ холодной
нъ и къ рыбѣ. Воспитаніе общественное не излечило нѣкоторыхъ
тговъ домашняго воспитанія, напр., разныя суевѣрія, страхъ
нъчи съ попами, трехъ свѣчей, тринадцати за столомъ, дурнаго
нъ, даже страхъ темной комнаты.

За то воспитаніе привило ему даръ писательства. Вѣдннй
нъ, отчего ты не предугадалъ сколько бѣдъ этотъ даръ тебѣ
нвнть!

Предметомъ сочинительства была политическая экономія. На-
нлъ Сусликовъ статью 20-ти лѣтъ отъ роду подъ заглавіемъ:
народныхъ экономическихъ силъ. Написалъ и отдалъ по
ту совѣту въ редакцію NN. Напечатали. — Черезъ нѣ-
нъ или около того получаю записку отъ Сусликова: „Пріѣзжай,
раю. Твой Сусликовъ.“ Лечу къ нему; онъ лежитъ на диванѣ,

и видъ у него точно умирающій; лицо его такъ судороги и дергали. Возлѣ лежалъ открытымъ номеръ журнала NN.

— Что съ тобой, говорю я.

— Убили, прощенталь Сусликовъ, и рукою указалъ на книгу.

Я поднялъ книгу, взглянулъ на то мѣсто, гдѣ она была открыта: рецензія статьи Сусликова. Въ концѣ было сказано: „словомъ, для заключительной характеристики этой статьи скажемъ, что авторъ ея, почтенный г. Сусликовъ, столько же смыслить въ политической экономіи, сколько нѣкое животное (только не сусликъ, а покрупнѣе) въ апельсинахъ“.

Я расхохотался. Друга моего передернула еще сильнѣйшая судорога.

— Да, сказалъ опъ умирающимъ голосомъ, такъ теперь смѣется надо мною вся Россія, Европа будетъ смѣяться. При словѣ Европа опять судорога: носъ сошелъ къ подбородку.

— Боже, къ чему я подписалъ! вѣдь именно въ тотъ день, какъ я подписалъ статью и везъ ее въ редакцію, какъ вчера помню, встрѣтилъ не одного, а трехъ поповъ. Говорило вѣдь мнѣ предчувствіе проклятое, а тамъ у самой редакціи еще похороны встрѣтилъ; убили, убили, похороненъ, на вѣки, на всегда; а начальство-то что скажетъ. Нѣтъ, да ты представь только себѣ, какъ это я войду въ департаментъ, — заговорилъ присѣвши на диванъ Сусликовъ, — такъ свиньею и войду, непременно обзовутъ свиньею, обзовутъ, обзовутъ, а директоръ-то вѣдь пожалуй просто выгонитъ, — я со свиньями, скажетъ, и служить не хочу, мараете наше вѣдомство, чего вы за писательство-то принялись, это васъ просиль, а, ну, ну отвѣчайте, для позора, безчестія, а, что, довольны? — а потомъ на Невскомъ, какъ я на Невскій то выйду, а въ театрѣ, помилуй, куда и показываться нельзя, потому какъ увидятъ, сейчасъ, сейчасъ же и скажутъ — а, Сусликовъ, это тотъ знаешь, политико-экономъ, котораго свиньею въ журналъ выругали. Нѣтъ, да ты только вообрази, ну куда я теперь пойду, куда, — я тебя спрашиваю, — я могу теперь идти? И вѣдь далось мнѣ это писательство подлое, мерзкое; что? радъ теперь, глушое ты рило, хари ты богомерзкая, доволенъ, а? свинья ты и есть.

И опять Сусликовъ повалился на диванъ, и опять начались дерганья.

Бѣдный другъ. Мало по малу онъ сталъ поправляться отъ удара. Но, увы, остались неизлечимые слѣды катастрофы. Какъ только произносилось имя журнала, въ которомъ его выругали, или слова: политическая экономія, апельсинъ, или свинья, у Сусликова начинались въ лицѣ такіа дерганья, что онъ долженъ былъ или становиться въ уголь комнаты спиною къ гостямъ, или уходилъ въ другую комнату, и въ теченіе минутъ пяти все отдергивался.

По совѣту докторовъ Сусликовъ лечился желѣзными водами въ Франценбаденѣ, такъ какъ доктора приписывали этотъ страхъ журнальной руготни малокровію. И дѣйствительно послѣ шести недѣль курса леченія, Сусликовъ сталъ относиться къ критикѣ журнальной пошлѣе и дерганья лица сдѣлались слабѣе. Но въ то же время общее состояніе духа его сдѣлалось подозрительнѣе. Въ каждомъ человѣкѣ Сусликовъ принимался искать заднія мысли.

На службѣ Сусликовъ сдѣлался невыносимъ; такъ по крайней мѣрѣ охарактеризовалъ его директоръ департамента, прямой его начальникъ. Встрѣтится съ директоромъ, тотъ дастъ ему руку и пройдетъ мимо, Сусликовъ сейчасъ выводитъ изъ этого, что директоръ имѣетъ противъ него личность; скажетъ ему директоръ что нибудь, Сусликовъ отвѣтитъ, тотъ ничего не скажетъ или заговоритъ съ другимъ, Сусликовъ уходитъ въ увѣренности, что слова его директору не понравились.

И что же онъ дѣлаетъ? Писать или вѣрнѣе куда нибудь дѣвать свою писательскую способность, была потребность души и пальцевъ у Сусликова, и вотъ садится онъ и начинаетъ строчить объяснительное или сентиментальное письмо директору: въ первомъ случаѣ онъ пишетъ 8 большихъ страницъ въ поясненіе того, что онъ хотѣлъ сказать въ тѣхъ двухъ словахъ, которыя при свиданіи съ директоромъ онъ, директоръ, будто бы не такъ понялъ; во второмъ письмѣ Сусликовъ объясняетъ на 10 страницахъ, какія чувства онъ питаетъ къ своему начальству вообще, какъ сладко онъ его любитъ, и какъ горько было ему сегодня убѣдиться въ департаментѣ, что директоръ питаетъ къ нему какую-то глухую,

для него непонятную вражду, и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы ему ее выказывать. Директоръ, получивъ письмо, объясняетъ Сусликову словесно, что онъ никогда не имѣлъ въ виду питать къ нему какія нибудь враждебныя чувства, и что напротивъ, проявленія будто бы этой вражды суть не что иное какъ фантазія его, Сусликова. Сусликовъ въ отвѣтъ говоритъ нѣсколько словъ изъ глубины обрадованной и ободренной директорскими словами души и уходитъ; но черезъ два часа онъ опять сидитъ и валяется, что есть духу, письмо тому же директору; пыхтитъ, потѣветъ, утирается и все строчитъ — для чего-бы вы думали? ему показалось что директоръ пойметъ его слова не такъ, а такъ, то есть во вредъ ему Сусликову, и вотъ Сусликовъ считаетъ своимъ „священнымъ долгомъ“ возстановить истину въ высказанныхъ имъ словахъ.

Кончилась эта переписка очень трагически для Сусликова. „Вообрази,“ говоритъ мнѣ Сусликовъ, „я поругался съ начальствомъ, подалъ въ отставку; нельзя, братъ, совѣмъ служить: придираются на каждомъ шагу“.

— Какъ придираются, за что? спросилъ я.

— Да за все: представь себѣ, вдругъ директоръ говоритъ мнѣ — впрочемъ тутъ не директоръ, нѣтъ, какое, тутъ интриги, все интриги, я ужъ знаю, и Сусликовъ принялъ таинственную фигуру.

— Да что же случилось?

— Вообрази, братецъ ты мой, директоръ за мной присылаетъ — ему на меня наговорили, и вѣдь я знаю это, все это по правдѣ сказать одна только зависть, больше ровно ничего.

— Господи, да говори же въ чемъ дѣло.

— Ну да очень просто — директоръ говоритъ мнѣ: вамъ, батюшка, служба не по праву; какъ, говорю я, отчего не по праву; вообрази, а? не по праву! какъ тебѣ это кажется? мнѣ-то не по праву.

— Ну, ну, дальше что?

— Да-съ, говоритъ онъ, потому вы всѣмъ тревожитесь, вы письма какія-то пишете, — а? слышишь, какія-то! имъ пишутъ дѣло, потому нельзя же не писать, когда Богъ знаетъ что на васъ

думаютъ, ну напишешь строчекъ 20, объяснишься, чтожь тутъ дурнаго, а онъ вишь какъ хватилъ: *какія-то* письма.

— Ну, дальше что?

— Ну я, разумѣется, того: значить вы мною недовольны; **очень жаль**, говорю, потому такъ и такъ.

— Ну и что же?

— Ну пришелъ я домой, и написалъ ему письмо.

— Какъ опять письмо, да вѣдь тебя просили убраться?

— Ну такъ что же, что просили; просили — я и уберусь, а **все-таки** надо было объяснить въ чемъ дѣло: безъ этого смѣшно уходить; точно бѣглець какой; да и письмо-то маленькое было. (Послѣ я узналъ, что письмо было на 16 большихъ страницахъ).

— Ну и что же?

— Ну и ничего! отвѣта вижу никакого: ждалъ двѣ недѣли, **и** еще письмо.

— Да ты съ ума сошелъ, ну а затѣмъ?

— А затѣмъ, какъ увидѣлъ, что нѣтъ отвѣта, я и перешелъ въ другое вѣдомство.

По справкѣ оказалось, что мой другъ Сусликовъ въ эти 3 года службы написалъ директору и министру 83 письма; среднимъ числомъ каждое письмо вмѣщало въ себѣ 12 страницъ in-quarto; значить 240 съ чѣмъ-то листовъ или до 1000 страницъ!

Дня черезъ три встрѣчаю я Сусликова на Невскомъ. Вижу, **лицо** у него чѣмъ-то озабочено.

— Что ты такимъ озабоченнымъ министромъ гуляешь, спрашиваю я.

— А, здравствуй братецъ! да такъ, какъ бы тебѣ сказать: **и** нынче у своего новаго министра былъ.

— Ну что, доволенъ ты имъ?

— Доволенъ-то доволенъ: какже, принялъ прекрасно, **обласкалъ**, наговорилъ вучу любезностей, премилый человекъ, ну и все-что того о дѣлахъ пораспросилъ, видно интересуется. Да, только **вотъ** дѣло въ чемъ: чортъ его знаетъ, такъ ли я ему отвѣтилъ, **пожалуй** онъ того не такъ понялъ, или у меня языкъ не такъ

къ бы слѣдовало повернулся, кто его знаетъ, чего добраго
тъ того, усомнится, скажетъ, неравно...

— Ну, батюшка, я ужъ вижу къ чему ты всю эту ахинею
лесешь: руки чешутся, объяснительное письмо писать хочешь.

— Нѣтъ, какое письмо; нѣтъ, я это только такъ, хожу себѣ,
гуляю, да такъ про себя и разсуждаю: нѣтъ, гдѣ тутъ письмо;
я письма и не думаю писать; стану я писать, вотъ еще, только
что представился, и ужъ письмо; ну, тамъ, немного погодя, по-
жалуй того, и можно, разумѣется, глядя по тому какъ обстоятель-
ства высказутся; да и признаться сказать, онъ мнѣ показался изъ
такихъ знаешь, которые писемъ не особенно любятъ читать.

— Ну то-то же, Боже тебя упаси писать ему письмо.

На другой день прихожу къ Сусликову.

— А вѣдь я, братецъ, написалъ письмо.

— Кому, министру?

— Да, братецъ ты мой, министру.

— Ахъ ты сумасшедшій этакой.

— Да нельзя было, постой, братецъ ты мой, я тебѣ сейчасъ
объясню: нельзя было не написать, потому я какъ того, сталъ
припоминать, выходить, что не то совсѣмъ сказать, а вѣдь онъ
можетъ обо мнѣ Богъ знаетъ что подумать.

— Послушай, ты право себя погубишь этими письмами. Ну
дай мнѣ честное, благородное слово, что безъ моего согласія ни
одного письма министру писать не будешь: пока не дашь, я отъ
тебя не уйду.

— Ну, ну, успокойся, даю тебѣ слово; это только такъ, впе-
редь ужъ не буду. Ну, зарекомендовался, больше ничего, чтожъ
тутъ дурнаго. А впередъ не буду, ей Богу, не буду.

Мнѣ все таки стало страшно за Сусликова. Пожалуй въ
моемъ дѣлѣ его упекутъ въ сумасшедшій домъ. Мнѣ хотѣлось
что бы то ни стало обратить его къ литературной дѣятельно-
сти такъ какъ онъ имѣлъ дарованіе, а потребность въ писаніи былъ
удовлетворена. Но какъ? Послѣ эпизода съ свиньею, затрогъ
даже шутя вопросъ о литературной для него дѣятельности
немыслимо.

Слѣдующій смѣшной случай помогъ мнѣ осуществить мое намѣреніе.

Сусликовъ бывалъ въ свѣтѣ и любилъ ухаживать за дамами. Одной изъ нихъ онъ написалъ стихи. Та возьми и сыграй съ нимъ штуку, зная его ненависть и страхъ къ печати.

Въ прекрасный день записка отъ Сусликова: „Умеръ, совсѣмъ умеръ, пріѣзжай. — Сусликовъ.“ Пріѣзжаю и что же застаю: Сусликовъ у письменнаго стола, съ растрепанными волосами, съ блѣднѣющимъ лицомъ, съ впалыми глазами сидитъ и строчитъ письмо.

— А это ты, говоритъ онъ, ну, братъ, вотъ, на гляди, совсѣмъ-таки убили меня, всю ночь не спалъ, вчера вечеромъ возвращаюсь домой, — Сусликовъ говорилъ захлебываясь, задыхаясь и лихорадочно скоро, — вообрази, застаю пакетъ, открываю, и вотъ, а, какъ тебѣ это нравится, вотъ, моя смерть, потому какъ есть смерть, — Сусликовъ подаетъ мнѣ газету, въ ней напечатаны его стихи за подписью Нето, — нѣтъ, да ты только вообрази, а, мои стихи! — и Сусликовъ обтеревъ лобъ платкомъ, принялся опять писать, прочитавъ на-скоро, что было имъ написано.

Я прочелъ стихи: они были прелестны.

— Да ты что же пишешь-то, спросилъ я, и съ ужасомъ увидѣлъ что уже два письма были написаны и адресованы: на одномъ адресъ былъ: Его Высокопревосходительству NN., въ собственныя руки; на другомъ: Его Высокоблагородію господину редактору газеты NN.

— Я-то, я, я пишу, да какъ тутъ не писать; нельзя не писать: министру во первыхъ надо объяснить; онъ, братъ, терпѣть не можетъ никакихъ стиховъ; ну такъ какже не написать, не сказать что-декать я и не думалъ, однимъ словомъ объяснить, что это, тѣфу ты мерзость адовая. Ну-ну, какже послѣ этого жить, вѣдь жить невозможно: напишешь стишки; такъ, на вечерѣ, отъ нечего дѣлать, вдругъ въ газетѣ они появились, а? и пойдутъ ругать, да еще какъ, но то что свиньей, похуже еще пожалуй, да изъ службы опять выгонять, а барыня-то что скажетъ, Господи! вотъ напасть-то.

— Да ты въ редакцію чего же пишешь?

— Какъ чего? Объяснить надо, спросить, что это значитъ, милуй, какъ это можно.

Я раскохотался.

— Да вѣдь стихи же не подписаны, говорю я: почему знать, что это ты писалъ.

— Не подписаны?—медленно проговорилъ Сусликовъ, взглянувъ на стихи. — Да, правда, не подписаны; съ чего же это я испугался: экой я дуралей, вотъ ужъ дуралей, — и лицо Сусликова вдругъ подобрѣло и просвѣтлѣло, — болванъ я, болванъ: и вѣдь часа два ужъ пишу все письма, а? ну пошли я эти письма, вѣдь пропаль бы я, а? Это я тебѣ вотъ что скажу: вчера насъ съло за столъ тринадцать, ну и плохо, а такъ минутъ пять спустя, пришелъ четырнадцатый: вотъ оно такъ и вышло: начало скверное, а конецъ-то лучше. Ома, а Ома!

Вошелъ Ома, старый слуга Сусликова.

— А вѣдь мы съ тобою напрасно совсѣмъ тревожились, стихи вѣдь не подписаны. Написаны Нето, значитъ не я совсѣмъ, а? Ты радъ?

— Какъ не раду быть; ужъ вы, Петръ Аванасьевичъ за- всегда изволите понапрасно тревожиться.

— А? слышишь, понапрасно тревожусь; да когда же это я, братецъ ты мой, понапрасно тревожусь: тутъ вопросъ для меня жизни, а онъ говорить напрасно тревожусь.

— А вѣдь стихи хороши, сказалъ я.

— Право? съ улыбающимся лицомъ и съ видомъ легкаго кокетства, спросилъ Сусликовъ, — ужъ будто и хороши, намаралъ такъ себѣ, что взбрело въ голову.

— Нѣтъ, стихи, я тебѣ скажу, очень недурны; слушай Сусликовъ ты спасень.

— Какъ это спасень? и Сусликовъ началъ было уже тревожиться и складывать испуганную физиономію.

— Да такъ: ты можешь сколько угодно писать въ журналахъ

— Я-то? Богъ съ тобой, что ты, что ты! и лицо Сусликова подернуло.

— Да разумѣется: ты можешь писать подъ чужимъ именемъ, подъ псевдонимомъ, ну хочешь возьми мое имя.

— А въ самомъ дѣлѣ, вдругъ сказалъ Сусликовъ, весь просявши.

— Экое ты дѣтище: не зналъ этого до сихъ поръ.

— Зналъ-то зналъ, да признаться сказать не приходило никогда въ голову; а вѣдь въ самомъ дѣлѣ: ну, а какъ узнають? узнають, непременно узнають.

— Никогда! редакторъ будетъ знать, но больше никто.

— Редакторъ? да, да, да, я и забылъ: какой же это псевдонимъ? редакторъ знаетъ, значить всѣ узнають: какъ нибудь проговорится, скажетъ тому-то, тотъ скажетъ третьему, и пошло, да тамъ и министръ узнаетъ, и газеты и журналы, нѣтъ, ни за что!

— А жаль, у тебя талантъ есть; неужели такъ на объяснительныя письма по начальству его ты и потратишь.

Сусликовъ призадумался. При всей своей трусости онъ очень былъ надокъ и щекотливъ на похвалу.

— Ну, а если твою вещь похвалятъ, а не выругаютъ?

— Если похвалятъ? Сусликовъ опять принялъ кокетливую фигуру. Чтожъ? ничего, прибавилъ онъ.

— Ну такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ: садись и пиши для журналя; да подпиши „символическій“, да отнеси въ редакцію, да скажи, что ты желаешь сохранить свое имя въ секретѣ, прощай. Я ушелъ.

Чтоже бы вы думали. Сусликовъ на совѣщаніи съ Омою рѣшилъ, что будетъ *писать* и даже отдавать свои статьи въ журналы. Но это событіе его жизни обставилось самыми курьезными подробностями, о которыхъ я узналъ на другой же день отъ Сусликова.

Пришелъ онъ ко мнѣ, вошелъ, поздоровался, потомъ вотъ что произошло.

— У тебя братецъ никого здѣсь нѣтъ постороннихъ, спросилъ Сусликовъ съ таинственнымъ видомъ.

— Никого, попугай въ сосѣдней комнатѣ.

— Ну попугай Богъ съ нимъ. Сусликовъ заперъ дверь къ

угаю, заперъ я дверь въ столовую, затѣмъ подошелъ ко мнѣ ючти на ухо сказать: рѣшился.

— Писать?

— Да, братецъ ты мой, но подъ величайшимъ секретомъ, кто въ мірѣ не долженъ знать, Боже сохрани: ты, я, да Оома: ольше никто въ цѣломъ мірѣ, никто.

— А редакторы?

— Ни одинъ?

— Какъ ни одинъ!

— Да, ни одинъ: я уже все это обдумалъ, придумалъ, разсудилъ. Видишь что, какъ вчера ты ушелъ, мы и стали съ Оомою обдумывать, какъ это мнѣ въ самомъ дѣлѣ припятся за писаніе: оно не то что нужно, ну а такъ, иной разъ просто руки чешутся: ну да и ты поощрилъ; вотъ я и придумалъ: писать я запираюсь на два замка, всѣ сторы и занавѣси спускаю, такъ чтобы съ улицы-то не было видно, оно все безопасноѣ, неравно, знаешь, заглянуть....

— Въ третьемъ-то этажѣ?

— Эхъ, братецъ, а напротивъ-то, развѣ не видать? Ну, да и свѣтъ видѣнъ въ окнахъ, значить—дома; ну и ввалится одинъ, другой, надо прятать; нѣтъ, это удобнѣе; ну да и при свѣчахъ удобнѣе знаешь писать, какъ-то веселѣе; только, говорю я Оомѣ: строго я тебѣ, братъ, наказываю, чтобы никто не зпалъ, что я пишу, слышишь, ни-ни, никто: ни дворникъ, ни прачка, потому кто ее знаетъ, у кого еще моетъ бѣлье, пожалуй у литератора какого, ну и проговорится, такой-то молъ пишеть; сейчасъ разспросы: какъ, что, ну словомъ никому; а если, говорю я ему, кто придетъ пока я пишу, я себѣ назначилъ извѣстные часы, пускай звонить, и не отпирай; а то пожалуй какъ вступишь, а онъ и полѣзеть -- неправда, скажетъ, дома, или тамъ ему записочку какуюнибудь написать, а не то просто не повѣритъ: скважину свѣта скажетъ, увидѣлъ черезъ занавѣсы...

— Дальше-то что? Экая у тебя страсть болтать, а съ редакціей-то ты какъ намѣренъ поступить, вотъ что ты мнѣ объясни

— Очень, братецъ ты мой, просто. Какъ у меня статья г

това, я сейчас подписываю Оома Вичевъ, и его въ редакцію отправляю: авторъ онъ, а не я; пускай его и ругаютъ, мы съ нимъ такъ и уговорились.

Я расхохотался, и было съ чего: никогда ничего подобнаго не слыхалъ въ моей жизни.

— Да развѣ это не умно придумано, а? Вѣдь сознайся, что умно! чего смѣешься?

— Ну, а если расхвалить твою статью?

— Не расхвалить, обругаютъ.

— Ну, а если?

— Ну, пускай хвалятъ, тѣмъ лучше.

— Не выдержишь, скажешь что ты писалъ, ей-Богу, скажешь.

— Ну вотъ еще, что я дуракъ, что-ли?

И вообразите: Сусликовъ такъ и сдѣлалъ. Компичень онъ только сдѣлался своею подозрительностью.

Сидить, бывало, у себя дома. Входитъ Оома.

— Ты это что, Оома, а? спрашиваетъ Сусликовъ, поглядывая на него подозрительно.

— Да ничего, Петръ Аонасьевичъ, я только прибрать при-
шелъ.

— Нѣтъ, да ты какъ-то того смотришь, что... ужъ не случилось ли что, а?

— Ничего не случилось, Петръ Аонасьевичъ; съ чего это вы
зяли?

— Нѣтъ, я только такъ, а прибрать-то тебѣ что? чай, пегго и прибрать, и Сусликовъ все оглядываетъ подозрительно:
а и ничего, право нѣтъ, ужъ лучше ступай.

Оома уйдетъ.

Сидимъ мы.

— Одно вотъ непріятно, начнетъ Сусликовъ: ужъ кажется увѣ-
снѣ въ человѣкѣ, какъ въ самомъ себѣ, онъ чуть-ли не 20 лѣтъ въ
омѣ, а все боишься. Ну, проговорится, вѣдь языкъ у него не мой,
свой. Кто его тамъ знаетъ, прачка какая, поговорять, поговорять,
да онъ что нибудь такое скажетъ, ну хоть намекнетъ; а она бестія,
пожалуй, Богъ знаетъ что изъ этого выведетъ, да давай по городу

тараторить; нѣтъ, знаешь, я думаю не бросить ли писать, право оно спокойнѣе будетъ какъ-то.

Я стану уговаривать Сусликова; успокоится; вынетъ изъ секретнаго ящика свою рукопись и прочтетъ: статья выходитъ предѣльная; я похвалю, и Сусликовъ снова принимается за работу.

Неменѣе боичонъ бывалъ онъ, когда кто зайдетъ къ нему изъ знакомыхъ въ тѣ часы, когда снимался арестъ съ его двери.

— Ну, что ты подѣливаешь, Сусликовъ? спрашиваетъ знакомый.

— Да какъ тебѣ сказать, ничего: служу, почитываю.

— Ну, а писать не пишешь?

— Писать, я-то? Боже меня сохрани! Да ты съ чего это вздумалъ спросить: такъ просто или что-нибудь такое слышалъ? а? заговорить испуганно Сусликовъ.

— Да такъ просто, вѣдь ты кажись писалъ.

— Писалъ, когда глушь былъ и молодежь; а теперь и бумага да чернила все повывбросилъ, чтобы и искушенія не было; вотъ видишь, ничего на столѣ нѣтъ.

Въ другой разъ на вопросъ пріятеля: какъ поживаете, Петръ Аванасевичъ? Сусликовъ отвѣчалъ такъ:

— Да что дѣлаю: все читаю, читаю и читаю; потому ни когда не пишу, ненавижу писать; вонъ иные, напротивъ, писатъ любятъ, и пишутъ, а я ни-ни-ни, то есть вотъ какъ: записку написать — и то иной разъ не могу.

Окончивъ свою статью, озаглавленную: „О крестьянскомъ хозяйствѣ“, Сусликовъ ее отдалъ подписать Томѣ, и Тома ее снесъ въ редакцію NN. гдѣ сдалъ ее благополучно секретарю редакціи.

Ее напечатали. Черезъ мѣсяцъ въ двухъ газетахъ ее даже похвалили. Отъ многихъ знакомыхъ я слышалъ отзывы объ этой статьѣ самые похвальные и лестные.

— Ну что, похвалили? говорю я Сусликову.

— Похвалили, какже; и слава тебѣ Господи! а я, признаюсь сказать, побавался: ну, если обругаютъ?

— Да тебѣ-то не все ли равно?

— Ну, все неприятно; какъ-нибудь узнаютъ, что это я ни

саль, да и узнали. Вчера сказывали мнѣ, что министръ объ этой статьѣ отзывался очень одобрительно и будто намекалъ на меня.

— Сусликовъ, ты кому-нибудь сказалъ, что ты эту статью писалъ; признавайся!

— Да никому, ей-Богу, никому. Только въ министерствѣ одному человѣку и сказалъ, и то какъ сказалъ, что-дескать она собственно не моя статья, а я ее такъ слегка редижировалъ, всего только и сказалъ; ну, вѣроятно, онъ и сказалъ министру; а я что же, я ничего такого не сказалъ. Да еще въ клубѣ, какъ стали говорить объ этой статьѣ, я что-то такое сказалъ, не помню; да ничего особеннаго, а такъ что-то такое намекнулъ; ну и догадались, должно быть, кто ихъ знаетъ.

— Эхъ ты, маленькая душошка, не выдержалъ; похвалили, а онъ ужъ и слюнки распустилъ.

— Да не распустилъ; какія тутъ слюнки, просто нечаянно; ну, сорвалось съ языка...

— Вотъ ты подъ судъ и пойдешь.

— Подъ судъ, да за что?

— Да какже, ты подложную подпись сдѣлалъ на рукописи, да всѣ это узнаютъ, да какъ узнаютъ, да какъ въ газетахъ тебя пропишутъ, вотъ тебѣ и будетъ; баба ты эдакая малодушная, и по дѣломъ.

Въ одинъ мигъ у Сусликова фигура постарѣла на 10 лѣтъ.

— Да какже это, да постой; фу ты, Боже, да какже это, да что же ты мнѣ наговорилъ, да вѣдь эдакъ пожалуй я... Господи Боже, да какже это я не сообразилъ, подъ судъ, непременно, потому скажутъ или я, или не я, если я, значить... да еще въ газетахъ; нѣтъ постой; кому, бишь, я сказывалъ, дай-ка припомню: ~~надо~~ имъ написать.

— Ну и напиши.

— Да какже написать-то? вѣдь эдакъ придется всему городу ~~написать~~.

— Какъ всему городу?

— Да такъ, мало ли я кому сказалъ; вонъ вчера и фельето-
~~нисту~~ какому-то сказалъ: навязался, пристаъ, чортъ его знаетъ,

ну я ему и скажи, экой языкъ подлый, баба ты старая, вотъ ужъ правда, и вѣдь онъ пойдетъ справляться, непременно пойдетъ, да какъ узнаетъ, фельетонъ и махнетъ... Господи, Господи, что я надѣлалъ! Сусликовъ схватилъ себѣ голову и собирался заплакать. Оказалось, что дѣйствительно онъ протрубилъ по городу, что статья его! Похвала обольстила.

Но и наказанъ же былъ мой бѣдный другъ.

Послѣ моего ухода онъ сталъ придумывать способъ выйти изъ этого критическаго положенія. И что же бы вы думали онъ придумалъ? Онъ написалъ статейку, въ которой было сказано: что нѣкоторые приписываютъ ему такую-то статью, что слухъ этотъ несправедливъ и что авторъ статьи подписался подъ статью, и это то объявленіе онъ разослалъ по всѣмъ газетамъ въ тотъ же день. Очевидно, главное, что побудило его пуститься на эту штуку было — страхъ отвѣтственности за подлогъ. О томъ, что этимъ объявленіемъ онъ навлекалъ на себя отвѣтственность за ложь передъ тѣми, которымъ онъ разболталъ свою тайну — Сусликовъ и позабылъ.

Вечеромъ въ тотъ же день я зашелъ къ нему узнать о состояніи его мыслей, и узнаю о томъ, что онъ надѣлалъ.

Признаюсь, такое неожиданное извѣстіе заставило меня испугаться за Сусликова: не съ ума ли онъ сошелъ, не на шутку подумалъ я.

Когда я объяснилъ Сусликову, въ чемъ дѣло, и что его ожидаетъ послѣ такого объявленія, онъ дѣйствительно почти лишился разсудка; но къ счастью съ нимъ случился первый припадокъ, спасшій его отъ умопомѣшательства.

Я между тѣмъ послалъ во всѣ редакціи извѣщенія о не печатаніи объявленія за подписью г. Сусликова.

Все успокоилось. Но Сусликовъ сталъ хандрить.

Черезъ четыре дня получаю записку отъ него съ разсмысленнымъ „Вези въ желтый домъ, я схожу съ ума. Сусликовъ.“

Я прискакалъ. Сусликовъ ходитъ по комнатамъ; волосы подняты на четверть аршина; лицо какъ полотно: движенія нервные, лихорадочны, походка нетвердая, на полу газета.

— Я съ ума сошелъ, сказалъ мнѣ Сусликовъ, когда я вошелъ;

вонъ, она подлая, мерзкая, ехидная, на, на тебѣ! и гляжу Сусликовъ топчетъ ногами газету.

— Что случилось?

— Я ѣду за границу завтра; сегодня уже нельзя; поздно; а то бы сегодня; совсѣмъ, ѣду въ Испанію, въ Италію, въ Парижъ, кутить ѣду, въ Брюссель, въ Лондонъ, въ Дрезденъ, въ Берлинъ, вездѣ буду — но только Россіи не видать моего носа, нѣтъ, шалишь, или нѣтъ постой... Ома! крикнулъ Сусликовъ.

Ома вошелъ съ смущеннымъ отъ соболѣзнованія къ барину видомъ.

— Что еще? спросилъ онъ.

— А вотъ что. Сусликовъ задумался. Ома, голубчикъ, ты ужь меня извини. Я того уѣду, уѣду надолго да далеко, никогда ужь не вернусь; такъ ты, значить, того, можешь искать себѣ мѣста, да поскорѣе братецъ, ну хоть сегодня, завтра, только поскорѣе, да еще, нѣтъ постой, постой, вотъ что: ты себѣ голубчикъ иди куда хочешь, а только прежде ступай, — знаешь инстинкты глухонѣмыхъ?

— Ну, ну, знаю, сказалъ флегматическій Ома.

— Такъ отправляйся, голубчикъ, туда, да достань мнѣ, или нѣтъ, постой, завтра, сегодня поздно: завтра, завтра, а теперь ступай. — Ома ушелъ, не сказавъ ни слова.

Я начиналъ не на шутку пугаться.

— Ты что на меня такъ смотришь? спросилъ Сусликовъ.

— Какъ что? На что тебѣ глухонѣмые?

— Какъ на что? Я, братецъ мой, Ому уволю: потому Богъ его знаетъ, человекъ онъ пожилой, вѣрный, да кто знаетъ, проболталъ, проболталъ, и вотъ тебѣ и отпечатали, а глухонѣмой не проболтаетъ.

— Какъ, ты хочешь себѣ глухонѣмаго въ лакеи! вскрикнулъ я и фыркнулъ.

— Да чтожъ тутъ смѣшнаго?

— Да какже онъ тебя-то слушать будетъ?

— Извѣстно какъ! я ему знаками, и онъ мнѣ знаками; а за

то, другое что уже ничего не услышитъ, да ужъ никакая прачка не будетъ съ нимъ тараторить...

Я замолчалъ, и поднявъ газету, попалъ на фельетонъ, озаглавленный: „Исторія одной журнальной статьи“. Начиналось такъ: „Нѣкто г. С—ковъ, имѣетъ слугу Оому,“ — и вся исторія статьи Сусликова такъ цѣликомъ и прописана.

— Другой разъ такія штуки выкидывать не будешь, сказалъ я Сусликову.

— Другаго разу не будетъ; не будетъ, нѣтъ, шалишь... Оома! крикнулъ онъ.

Вбѣжалъ Оома.

Сусликовъ подошелъ къ письменному столу, взялъ чернильницу и перья и отдалъ ихъ Оомѣ.

— На, братъ, скорѣе вынеси, и не показывай, слышишь; въ руки пера больше не беру.

— А прошеніе объ увольненіи въ отпускъ, кто напишетъ? спросилъ я.

— Напиши за меня, голубчикъ, сказалъ Сусликовъ: или нѣтъ, постой-ка, Оома, министру вѣдь надо написать... или нѣтъ, словахъ скажу; ступай, ступай, неси вонъ.

Вмѣсто чернильницы Сусликовъ поставилъ на свой письменный столъ статуэтку Пятти.

Сусликовъ черезъ 3 дня захворалъ тифомъ, — такъ было сильно полученное имъ сотрясеніе. Въ бреду онъ только и говорилъ про статьи да про редакцію журнала.

Оправившись, Сусликовъ поѣхалъ за границу.

Вернувшись, онъ совсѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы не писать. Когда приходили къ нему съ записками или письмами и просили отвѣта, Сусликовъ говорилъ: скажи, братецъ, что буду, что рука болитъ, палець обрѣзалъ, извиняюсь, что не могу писать.

СТИХОТВОРЕНИЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

I.

ЦВѢТЫ.

(На мотивъ Морица Гартмана).

Каждый день, когда изъ дому
Выхожу я, у воротъ
Ждетъ меня еудравый мальчикъ,
И цвѣты мнѣ подаетъ.

Я привыкъ къ его букетамъ,
И какъ будто веселѣй
Стало съ ними въ одинокой,
Тѣсной комнаткѣ моей.

Такъ красивы, ярки, свѣжи,
Тѣ цвѣты всегда, что я
Наконецъ спросилъ ребенка:
Гдѣ ты взялъ bouquet, дитя?

«У меня могильщикъ дядя,
Онъ отвѣтилъ; и живу
Вмѣстѣ съ нимъ я на кладбищѣ;
Тамъ цвѣты я эти рву».

И пошелъ я съ грустной думой,
Тихо молвивъ: узнаю
Я и здѣсь, судьба, все ту же
Шутку вѣчную твою!

Въ каждой радости, что въ жизни
Намъ тобою послана,
Капля есть отравы горькой, —
Грусть на днѣ затаена.

II.

АЛЬМАНЗОРЪ.

(Изъ Гейне).

I.

Есть соборъ въ Кордовѣ; старый
Мощный куполь подпираютъ
Исполнскія колонны;
Ихъ числомъ — тринадцать сотень.

Стѣны стараго собора,
И колонны тѣ, и куполь
Изрѣченьями корана
Сверху до низу покрыты.

Этотъ храмъ воздвигли мавры
Всемогущему Аллаху;
Но съ тѣхъ поръ, время пучина
Измѣнила въ мѣръ много.

Башня та, съ которой звали
На молитву правовѣрныхъ,

Превратилась въ колокольню;
Слышенъ звонъ на ней тоскливый.

На священныхъ тѣхъ ступеняхъ,
Гдѣ слова пророка пѣлись,
Нынче лысе монахи
Католическіе служатъ.

И, раскрашенныя всюду,
Тамъ стоятъ святыхъ статуи;
Дымъ отъ ладона клубится,
И въ дыму мигаютъ свѣчи...

Вотъ Альманзоръ бекъ Абдулла
Подъ соборнымъ, темнымъ сводомъ
На колонны грустно смотритъ
И такія шепчетъ рѣчи:

«Мощны вы и колоссальны,
Въ честь Аллаха васъ воздвигли;
А теперь сносить должны вы
Терпѣливо христіанство.

Вы жили съ нимъ по немногу,
Вамъ не тяжело ваше бремя,
Такъ ужъ тотъ, кто послабѣе
И давно примирится...»

И въ соборѣ кордуанскомъ,
Альманзоръ съ лицомъ веселымъ,
Предъ украшенной купелью,
Низко голову склоняетъ.

II.

Храмъ покинувъ, онъ поспѣшно
На коня вскочилъ. Взвѣвались
Кудри влажныя, и перья
Колыхались на шляпѣ.

По дорогѣ въ Альколею,
Вдоль рѣки Гвадальевивира,
Гдѣ облѣтеть цвѣтъ миндальный,
Апельсинъ душистый зрѣть,

Вотъ куда помчался рыцарь!..
Онъ поетъ, смѣется, свищетъ,
И его веселью вторятъ
Пѣнье птицъ и водъ журчанье.

Въ Альколеѣ обитаетъ
Донья Клара ди Альварецъ;
На войну отецъ уѣхалъ,
Безъ него свободнѣй въ замкѣ.

Вотъ ужъ слышать въ отдаленнѣ
Альманзоръ литавры, трубы...
Вотъ огни мелькаютъ въ окнахъ
Сквозь листву деревьевъ темныхъ...

Въ Альколеѣ балъ. Танцуютъ
Тамъ двѣнадцать дамъ красивыхъ
И двѣнадцать кавалеровъ —
Альманзоръ царитъ надъ всѣми!

Онъ, какъ будто окрыленный
Счастьемъ, носится по залѣ, —
Очаровывать красавицъ
Онъ умѣетъ лестью тонкой...

Цѣловалъ сейчасъ онъ руки
У прекрасной Изабеллы,
И ужъ вотъ подсѣлъ къ Эльвирѣ,
И глядитъ въ лицо ей нѣжно...

Онъ съ усмѣшкой Леонорѣ
Говорить: хороша я нынче?
И указываетъ взглядомъ
Плащъ свой, вышитый крестами.

Дамъ въ любви всѣхъ увѣряя,
Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ,
Онъ воскликнулъ въ этотъ вечеръ
«Я клянусь — какъ христіанинъ!»

III.

Все затихло въ Альколеѣ.
Смокли музыка и говоръ,
Скрылись рыцари и дамы,
И огней не видно въ окнахъ.

Альманзоръ и донья Клара,
Лишь одни остались въ залѣ.
Ихъ, обонхъ озаряетъ
Блѣдный свѣтъ послѣдней лампы.

Въ кресла сѣла донья Клара,
Альманзоръ сѣлъ на скамейку,

исторіи Лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 году барономъ (нынѣ графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117 — 119). Обязательность высокоуважаемаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоценнымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса Лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго Лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о Лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ послѣдующихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ П. В. Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію Лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лиценсты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Пущинѣ, или взгляды на самого поэта, высказанные съ одной стороны тѣмъ же графомъ Модестомъ Андреевичемъ, а съ другой Пущинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ описаніяхъ и показаніяхъ. Такъ послѣднее изъ названныхъ лицъ совершенно по-разному говоритъ о впечатлѣніи произведенномъ Александромъ Павловичемъ Пушкинымъ на Пущинскій первый курсъ Лицея. Пущинъ Дельвигъ и Дельвигъ Дельвигъ — свѣдѣ-

PANEM ET LABOREM.

Работы, работы, работы!...
Не денегъ, не хлѣба—труда
Прошу я у васъ, господа:
Работы мнѣ дайте, работы!...

Зачѣмъ мнѣ просить подаянье,
Когда есть охота къ труду
И вѣра въ людей—упованье,
Что въ нихъ не звѣрей я найду!...

Богъ далъ мнѣ здоровыя руки
И прочно скроенную грудь,
Готовъ я на всякія муки—
Лишь трудъ бы достать какънибудь!...

Работы!... Семья, малолѣтки!...
Не съ голоду-жъ имъ помирать?
Что сдѣлали бѣдные дѣтки,
Чѣмъ ты виновата, ихъ мать?...

Какъ вынести голода муки,
Рядъ длинныхъ бессонныхъ ночей,
Рыданія женскаго звука
И крики голодныхъ дѣтей!...

Работы, работы, работы!...
Не денегъ, не хлѣба—труда
Прошу я у васъ, господа:
Работы мнѣ дайте, работы!...

В—ръ Орловъ.

ПЕРВЕНЦЫ ЛИЦЕЯ И ЕГО ПРЕДАНИЯ.

Велико значеніе поэта, который проводитъ въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ роднаго слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій Лицей, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожь привлекаетъ вниманіе потомства потому, что въ немъ началъ свое развитіе величайшій русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей «къ важнымъ частямъ государственной службы», но насмѣшливая судьба устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго Лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего поэта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ Лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода Пушкинской поэзіи, становится драгоценна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники Лицея и близкаго ему цейскаго пансіона, сдѣлали немного для исторіи этихъ заве-

деній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ Лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другаго. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьезно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безымянный авторъ (князь Н. Г—нъ?) впити: *Благодарный пансіонъ Царскосельскаго Лицея (С.-Петербургу, 1869 года)*.

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникъ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и Лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицее и его лицейскія стихотворенія*. Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею Лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пущина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенее* 1859 года. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія Лицея тогдашній бібліотекаръ его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный «очеркъ» ея, основываясь главнымъ образомъ на оффиціальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый Лицею, умѣлъ однакожь оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій профессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шулгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся Пушкинскимъ періодомъ Лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта,—гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся

исторіи Лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 году барономъ (нынѣ графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117 — 119). Обязательность высокоуважаемаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса Лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго Лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о Лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ послѣдующихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ П. В. Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію Лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Куницынѣ, или взгляды на самого поэта, высказанныя съ одной стороны тѣмъ же графомъ Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пушцинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣднее изъ названныхъ лицъ обстоятельно говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, прощальною пѣснью Дельвига, а изъ другихъ свидѣ-

иногда оказывается что государь совѣмъ не присутствовалъ и ея пѣніи.

Обратившись къ этому предмету по поводу скопившихся меня лицейскихъ бумагъ, я однакожь никакъ не берусь рѣшить, на чьей сторонѣ правда; и имѣю также въ виду существенно дополнить исторію Лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать къ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполне сочувствую замѣчанію г. Анненкова, что въ виду близкаго сооруженія памятника Пушкину, «на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной фizioноміи, лежитъ обязанность сказать свое послѣднее слово, какъ бы маловажно оно ни было». На исторію перваго періода существованія Лицея съ характеристикой лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другаго, рисующагося въ будущемъ всенароднаго памятника Пушкину—историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена Лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ Лицею, или Лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благоприятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники военной славы и посреди всего этого невидимый, но всюду присутствующій, исполинскій и прекрасный образъ гениальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспримчивую душу одного изъ первенцевъ Лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онъ и впослѣдствіи не утратилъ своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до во

жизни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ Лицею и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ въ дорогимъ мѣстамъ:

Воспомяненьями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!
 Такъ отрокъ Библии, безумный расточитель,
 До капли истощивъ раскаянья фіаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главою поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынь своимъ воспоминаніямъ:

И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены великою женою,
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго Царскосельскаго Лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ Лицей въ стихахъ своихъ: воспоминаніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни Лицея. Конечно и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало Лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталь съ самаго начала. Имя Пушкина было для Лицея палладіумомъ и спасло его отъ духовнаго паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Не смотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицействова. Правда, что это мѣшало приоб-

II.

Храмъ поклонувъ, онъ поспѣшно
На коня вскочилъ. Вздвѣвались
Кудри влажныя, и перья
Колыхались на шляпѣ.

По дорогѣ въ Альколею,
Вдоль рѣки Гвадальquivира,
Гдѣ бѣлѣтъ цвѣтъ миндальный,
Апельсинъ душистый зрѣтъ,

Вотъ куда помчался рыцарь!..
Онъ поетъ, смѣется, свищетъ,
И его веселью вторять
Пѣнье птицъ и водъ журчанье.

Въ Альколеѣ обитаетъ
Донья Клара ди Альварецъ;
На войну отецъ уѣхалъ,
Безъ него свободнѣй въ замѣ.

Вотъ ужъ слышится въ отдаленнѣ
Альманзоръ литавры, трубы...
Вотъ огни мельбаютъ въ окнахъ
Сезозъ листву деревьевъ темныхъ...

Въ Альколеѣ балъ. Танцуютъ
Тамъ двѣнадцать дамъ красивыхъ
И двѣнадцать кавалеровъ —
Альманзоръ царитъ надъ всѣми!

Онъ, какъ будто окрыленный
Счастьемъ, носится по залѣ, —
Очаровывать красавицъ
Онъ умѣетъ лестью тонкой...

Цѣловалъ сейчасъ онъ руки
У прекрасной Изабеллы,
И ужъ вотъ подсѣлъ къ Эльвирѣ,
И глядеть въ лицо ей нѣжно...

Онъ съ усмѣшкой Леонорѣ
Говоритъ: хорошъ я нынче?
И указываетъ взглядомъ
Плащъ свой, вышитый крестами.

Дамъ въ любви всѣхъ увѣряя,
Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ,
Онъ воскликнулъ въ этотъ вечеръ
'Я клянусь — какъ христіанинъ!'

III.

Все затихло въ Альколеѣ.
Смогли музыка и говоръ,
Скрылись рыцари и дамы,
И огней не видно въ окнахъ.

Альманзоръ и донья Клара,
Лишь одни остались въ залѣ.
Ихъ, обонхъ озаряетъ
Блѣдный свѣтъ послѣдней лампы.

Въ кресла сѣла донья Клара,
Альманзоръ сѣлъ на скамейку,

И усталой головою
Онъ припалъ къ колѣнамъ милой...

Съ грустной думою во взорѣ,
Изъ флакона золотого
Масло розовое дама
Льетъ на кудри Альманзора.

Съ грустной думою во взорѣ,
Дама нѣжными устами
Къ тѣмъ кудрямъ густымъ прильнула...
Альманзоръ чело нахмурилъ.

Изъ очей ея лучистыхъ
Слезы капаютъ на кудри
Смоляные Альманзора...
Онъ со злостью стиснулъ губы.

И мечтаетъ рыцарь — будто
Онъ опять стоитъ въ соборѣ,
Головой на грудь поникнувъ,
И глухой тамъ говоръ слышать...

То колонны гигантскихъ ропотъ:
«Вносить нѣтъ больше силы
«Это бремя...» И всѣ вмѣстѣ
Пошатнулись великаны.

Съ трескомъ куполъ провалился;
И попы и богомольцы
Стонуть, ужасомъ объаты,
И святыхъ блѣднѣютъ лики...

Ш

Н О Ч Ь Ю.

Жалобно вѣтеръ въ трубѣ завываетъ,
Ночь непривѣтная смотритъ въ окно.
Маятникъ мѣрно стучитъ. Догораеть
Блѣдный ночникъ. Въ домѣ спать всё давно.

Мнѣ одному, этой поздней порою,
Сонъ не смежаетъ тяжелыхъ рѣсницъ.
Прошлаго тѣни встають предо мною,
Много знакомыхъ мнѣ вспомнилось лицъ.

Вспомнились тѣ, что когда-то такъ смѣло
Вышли на битву съ неправдой и зломъ;
Дѣлу благому отдавшись всецѣло,
Передъ толпой не склоняясь челомъ.

Тѣ, что, отвергнувъ всё блага мірскія,
Честную имъ нищету предпочли;
Въ комъ ни обманъ, ни гоненія людскія,
Вѣры въ добро умертвить не могли.

Гдѣ-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Намъ прозвучитъ въ эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвигъ суровый
Дастъ намъ, готовымъ въ борьбѣ изнемочь.

Зовъ нашъ услышьте, среди тьмы безпроглядной,
Нуженъ усталымъ вашъ братскій привѣтъ;
Гаснетъ ихъ вѣра; увидѣть отрадный
Взоры не чаятъ разсвѣтъ!

А. Плещеевъ.

PANEM ET LABOREM.

Работы, работы, работы!...
Не денегъ, не хлѣба—труда
Прошу я у васъ, господа:
Работы мнѣ дайте, работы!...

Зачѣмъ мнѣ просить подаянье,
Когда есть охота къ труду
И вѣра въ людей—упованье,
Что въ нихъ не звѣрей я найду!...

Богъ далъ мнѣ здоровыя руки
И прочно скроенную грудь,
Готовъ я на всякія муки—
Лишь трудъ бы достать какънибудь!...

Работы!... Семья, малолѣтки!...
Не съ голоду-жъ имъ помирать?
Что сдѣлали бѣдные дѣтки,
Чѣмъ ты виновата, ихъ мать?...

Какъ вынести голода муки,
Рядъ длинныхъ бессонныхъ ночей,
Рыданія женскаго звуки
И крики голодныхъ дѣтей!...

Работы, работы, работы!...
Не денегъ, не хлѣба—труда
Прошу я у васъ, господа:
Работы мнѣ дайте, работы!...

В—ръ Орловъ.

ПЕРВЕНЦЫ ЛИЦЕЯ И ЕГО ПРЕДАНИЯ.

Велико значеніе поэта, который проводит въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ роднаго слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій Лицей, бывшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ прищахъ, болѣе всего однакожь привлекаетъ вниманіе потомства потому, что въ немъ началъ свое развитіе величайшій русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей «въ важнымъ частямъ государственной службы», но насмѣшливая судьба устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго Лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего поэта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ Лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода Пушкинской поэзіи, становится драгоценна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники Лицея и близкаго ему лицейскаго пансіона, сдѣлали немного для исторіи этихъ заве-

деній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ Лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другаго. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьезно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безымянный авторъ (князь Н. Г—нъ?) книги: *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея (С.-Петербургъ, 1869 года)*.

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникъ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и Лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицее и его лицейскія стихотворенія*. Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею Лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пущина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенее* 1859 года. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія Лицея тогдашній бібліотекаръ его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный «очеркъ» ея, основываясь главнымъ образомъ на официальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый Лицею, умѣлъ однакожь оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій профессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шулгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся Пушкинскимъ періодомъ Лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта,—гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся

исторіи Лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 году барономъ (нынѣ графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117 — 119). Обязательность высокоуважаемаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса Лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго Лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о Лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ послѣдующихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ П. В. Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію Лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Буницынѣ, или взгляды на самого поэта, высказанныя съ одной стороны тѣмъ же графомъ Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пуцинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣднее изъ названныхъ лицъ обстоятельно говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, прощальною пѣсню Дельвига, а изъ другихъ свидѣ-

тельство оказывается что государь совсѣмъ не присутствовалъ при ея пѣніи.

Обратившись въ этому предмету по поводу скопившихся у меня лицейскихъ бумагъ, я однакожь никакъ не берусь во всѣхъ частныхъ случаяхъ рѣшить, на чьей сторонѣ правда; не имѣю также въ виду существенно дополнить исторію Лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать въ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполне сочувствую замѣчанію г. Анненкова, что въ виду близкаго сооруженія памятника Пушкину, «на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной фізіономіи, лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ бы маловажно оно ни было». На исторію перваго періода существованія Лицея съ характеристикой лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другаго, рисующагося въ будущемъ всенароднаго памятника Пушкину—историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена Лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ Лицею, или Лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благоприятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники военной славы и посреди всего этого невидимый, но всюду присущій, исполинскій и прекрасный образъ гениальной Еватерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на восприимчивую душу одного изъ первенцевъ Лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онъ и впослѣдствіи не утратилъ своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца

изни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотворенiяхъ. Сущность его отношенiй къ Лицею и Царскому Сслу рекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращенiи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!
 Такъ отрокъ Библiи, безумный расточитель,
 До капли истощивъ раскаянья фiаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главою поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченiй и въ тяжелыя минуты поэтъ бращался къ святынѣ своихъ воспоминанiй:

И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены великою женою,
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенiя, въ которомъ идѣлъ колыбель своей славы. Значенiе поэта для позднѣйшаго Царскосельскаго Лицея заключалось не въ одномъ блескѣ имени, которымъ это учрежденiе гордилось, не въ одной обивѣ, съ какою онъ прославлялъ Лицей въ стихахъ своихъ: воспоминанiе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни Лицея. Конечно и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленiе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардiи. Лицей по учению оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенiя, который имѣли въ виду при его основанiи. Но преданiе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало Лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для Лицея палладiумомъ и спасло его отъ рокового паденiя въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей изъ-подъ влiянiя князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Не смотря на избившiйся духъ управленiя, чтенiе и авторство остались любимыми занятiями лицейстовъ. Правда, что это мѣшало приоб-

рѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая самодѣятельность неоспоримо имѣла всетаки свою полезную сторону, изошря умственныя способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но въ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители науки въ Лицеѣ, хотя онъ и считался первымъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соответствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали конечно и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на безплодное рѣмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ въ замѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи Царскосельскій Лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгуду, которыя могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію Царскосельскаго Лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія Лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная самодѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе г. Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Соби-

ратся для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобы общими силами рассказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственные забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ Лицеѣ и послѣ, однакожь явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторялось. Въ рукахъ г. Гаевского былъ самый ранній сборникъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ было упомянуто, что «Инспекторъ Лицея Мартынъ Ст. Пилецкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными въ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключать». Трудно однакожь вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицейстовъ былъ Пилецкій, человекъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться. Но Пилецкій въ приведенномъ случаѣ могъ быть только исполнителемъ чужаго внушенія.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 г. ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ Лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, въ слѣдствіе распоряженія министра;

остальные пятеро (Вольховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ Лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное паправленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ *печатались* въ сборникахъ, носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или «собраніе» для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, на примѣръ Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впослѣдствіи изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя заря* (М. 1800—1808).

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и Лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царвосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ и по его желанію книга *Утренняя заря*, при самомъ открытіи Лицея, была приобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каедрѣ. Наконецъ и первый директоръ Лицея, В. Ѡ. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему съ молодости, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что самъ онъ рано привыкъ къ самодѣтельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ.* Такимъ образомъ при основаніи Лицея

---

* См. *Памятную книжку Лицея 1856—1857 г.* и Н. Сущкова *Московскій университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858.

мы видимъ и въ начальствѣ его, и на одной изъ главныхъ каедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другаго заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благодарную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса Лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Иличевскаго, писанныхъ во время самаго пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоценный источникъ для занимающаго насъ предмета. Все существенное изъ нихъ напечатано мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г.

Иличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ Лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фусомъ, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литературѣ Иличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ «Опытовъ въ антологическомъ родѣ», изданный въ 1827 г.; но находясь въ Лицеѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія, и кромѣ того отличался искусствомъ рисовать каррикатуры. При журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Иличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ Лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину. «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій», писалъ онъ 25 марта 1812 года, «я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодаго человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса; и читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки». Замѣчательно, что уже такъ рано Пушкинъ заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Не менѣе любопытно слѣдующее тотчасъ за этимъ свидѣніе: «Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять,

но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ, — Илличевскій еще не называетъ его) пишемъ укладкою». Такое запрещеніе, какъ надобно полагать, было вызвано тѣмъ, что молодые новобранцы Лицея, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались своей страсти въ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ какъ Малиновскій сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Кошанскій всегда считалъ умѣніе писать самой существенной стороной литературнаго образованія. Впрочемъ запрещеніе было во всякомъ случаѣ непродолжительно; уже черезъ мѣсяць (26 апрѣля) Илличевскій писалъ: «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперъ сочинять, и мы начали періоды». (Въ своей Общей Реторикѣ Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ «началами прозы»).

Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія слѣдующимъ образомъ: «Учимся въ день только 7 часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учиться, кто хочетъ гуляеть; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче-жѣ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ пѣтербургскихъ». Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить что тогда при Лицеѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободные часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ* — вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но въ первомъ курсѣ Лицея ихъ уже не было; тамъ молодые люди гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ Лицеѣ продолжалось и послѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до перехода въ старшій курсъ * Илличевскій наивно пишетъ: «Ежели уроки мѣш

* До преобразованія Лицея въ 1830-хъ годахъ, въ немъ было два курса

ютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не мѣше мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть въ стихамъ. Къ счастью, уроковъ у насъ немного и времени довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣлываться. Черезъ нѣсколько времени онъ повторяетъ прежнія свѣдѣнія о ходѣ лицейскихъ занятій, но прибавляетъ: „Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну стать: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся“. Здѣсь приведу замѣчаніе, слышанное мною отъ Матюшкина. Послѣ смерти перваго директора Лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякой ореолы величія. Таковъ былъ напримѣръ домъ управлявшаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ, который былъ равнодушенъ въ супругѣ хозяина. Впослѣдствіи онъ написалъ стихи на смерть графини, вызвавшіе пародію Дельвига: „На смерть вучера Агаѳона“, напечатанную въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 года.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты за то много читали. Фусъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Илличевскаго, доходятъ ли до Лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіемъ о пользѣ чтенія и прибавляетъ: «Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямъ получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ* и пр.» Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современны-

---

класса, *старшій* и *младшій*, изъ которыхъ въ каждомъ оставались по три года. Курсомъ называли также совокупность воспитанниковъ одного пріема, и въ этомъ смыслѣ подъ 1-мъ курсомъ разумѣютъ лицейство, вышедшихъ въ 1817 году.

ми поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія: Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ и съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. «Не худо», заключаетъ онъ, «заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія». Здѣсь Илличевскій слегка намѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ *Городкѣ* Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія глубоко запало въ умы лицействъ. Еще въ 1822 году Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: «Чтеніе—вотъ лучшее ученіе». * Но въ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно производиться не такъ, какъ оно производилось въ Лицеѣ. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранее опредѣленный господствующій характеръ, лицеисты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ конечно и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ Лицеѣ и послѣ: воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы, и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Сообщенія Илличевскаго о необязательности ученія въ Лицеѣ его времени могутъ показаться иному читателю преувеличенными; легко при этомъ заподозрить молодого человека въ нѣкоторой хвастливости передъ своимъ мѣсто-свободнымъ пріятелемъ. Но есть другія свидѣтельства, которыя представляютъ учебную часть тогдашняго Лицея еще въ худшемъ видѣ. Достаточно припомнить повторявшіеся уже неоднократно рассказы объ урокахъ Галича, или мѣсто, приведенное г. Гаевскимъ изъ рукописи графа Корфа. На основаніи тѣхъ же данныхъ картина внутренней жизни первона-

* Библиогр. Записки 1868 г. № 1.

чальнаго Лицея вышла у г. Анненкова едва ли не слишкомъ уже мрачною. Еслибъ тамъ жилось дѣйствительно такъ плохо, то чѣмъ объяснялась бы та горячая привязанность къ мѣсту своего воспитанія, та признательная память о немъ, то крѣпкое товарищество, которыя, начиная уже съ перваго курса, составляли отличительную черту всѣхъ бывшихъ лицейцевъ. Къ тому же мы знаемъ, что съ самаго начала оттуда выходили хоть немногіе люди съ основательными познаніями; слѣдовательно Лицей всегда давалъ средства къ образованію, но не всѣ желали и умѣли ими пользоваться. Вся формальная и офіціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но за то бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени, исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: «Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата».

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицейцами перваго выпуска дѣломъ обыкновеннымъ. Кроме сочиненій Пушкина, уже печатались также сочиненія Дельвига, Кюхельбекера, Пущина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ на примѣръ изданіе *Новаго Плутарха для юношества* и составленіе біографіи знаменитаго математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное, было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16-го января 1816 года Илличевскій сообщаетъ о немъ: «Онъ пишетъ теперь комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Фило-*

собръ. Планъ довольно удаченъ, и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, общаетъ вѣчто хорошее; стихи—и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!» Отъ этого только начатаго Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; вонечно онъ, сознавая свой планъ неудачнымъ, скоро бросилъ работу, и принялся за поэму *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ Лицеѣ.

Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто *19-го Октября*, начинающееся словами:

«Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ съ гитарой сладкогласной».

Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшою частью его, и вратѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ.

Сохранившійся *Лицейскій Мудрецъ* составляетъ небольшую тетрадь или книжку, въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнцѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: «1815».

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре нумера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Иличевскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секунданта Пушвина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: «Въ типографіи Данзаса». Изъ прибавленной въ этому шутки: «Печатать по-зволѣется, Цензоръ Баронъ Дельвигъ», можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность,

просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться; «если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣляетесь. Подумайте.—Онъ не будетъ издавать журнала.—Хуже.—Онъ натретъ ядомъ листочки *Лицейскаго Мудреца*.—Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (то есть Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произношеніе русскаго языка, служить постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ *Лицейскаго Мудреца*. Одна изъ статей любопытна какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе властителя Европы. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: «Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ». Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ эксъ-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ въ ними кусокъ сахару, занимался тѣмъ, что эти твари рились и дрались за него съ остервененіемъ!.. Порадовавъ удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ ящикъ, и гуляя по комнатѣ, говоритъ: «Oh, le maudit lard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait dir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon uni-plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais attrre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, uis bien aise.. Бѣдный монархъ! тебя разбили, поса- на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣ- въ двухъ крысахъ!»

итъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ «Апо- Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ

Россію иностранныхъ преподавателей: «Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой рассказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

Стихотворная часть *Лицейскаго Мудреца* принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Иличевскому и др. На пародію «Пѣвца» Жуковскаго и одну эпиграмму Иличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя пѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. Г. Анненковъ нашелъ отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ «Матеріалахъ» немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

„Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастыръ душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе *нѣмецкія бредни* намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризированы, со словъ графа Корфа, гг. Гаевскимъ и Анненковымъ. О

Гауэншильдъ Илличевскій писалъ Фусу: «Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ». Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ, и успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого положенія, въ которомъ ничего не было легче какъ употребить её во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ-быть онъ и не вполне соответствовалъ своему назначенію. «В. Ѡ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аванасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ. Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса».

Не смотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, Лицеѣ вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее междуцарствіе, о которомъ долго жила память въ Лицеѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не приславъ тотчасъ же способнаго

преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще ббольшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій пансіонъ возникъ изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собственные средства этимъ находчивымъ прищепомъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился было Кошанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ Лицеѣ нѣмецкую литературу по-французски. Результатомъ его пансіонскаго управленія былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10000 рублей.

По словамъ графа Корфа, «Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Довказательствомъ общей къ нему ненависти служила національная пѣсня, которая пѣбалась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись *adagio* и *sotto voce*; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые наконецъ переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, прибавляетъ нашъ источникъ, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства».

Къ счастью, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ Лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленіяхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился конечно въ особенно-благоприятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но въ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Недавно напечатанная

записка его объ обязанностяхъ воспитателя * показываетъ какъ разумно онъ смотрѣлъ на предстоявшій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорого Лицею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицействовъ. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, а иногда ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать «Егору Антоновичу» въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести её. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицействовъ имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія Лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностію нѣкоторыхъ изъ первенцевъ Лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили «изъ рода въ родъ» не безъ прикрасъ воображенія. Они пріобрѣли еще болѣе прелести послѣ того какъ Лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Около 1830 года, когда я воспитывался въ Лицеѣ, преданія эти были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, бывшемъ начальникѣ дворянскаго корпуса, человѣкѣ добромъ и честномъ, управленіе Лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи Лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совсѣмъ были довольны

---

* См. *Русскій Архивъ* 1872 года.

настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ у каждаго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнаткахъ. По-старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые привертѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожь надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литературныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая первому курсу, составлять тайкомъ подобныя сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, на примѣръ рассказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса мало по малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые наконецъ однакожь попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, вѣдается даже не безъ послѣдствій для автора при его выпускѣ. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполне удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое бы могло быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25 человекъ. Въ отношеніяхъ между тѣмъ и другимъ господствовалъ характеръ, благопріятный для воспитанія. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли какое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и считая себя обязанными охранять честь

и преданія Лицея, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ Лицеѣ еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какою во всемъ ознаменовалось первое время существованія Царско-сельскаго Лицея. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезневымъ списка. Такова уже была судьба Лицея: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ, по переходѣ Лицея въ военное вѣдомство до нашего курса, т. е. въ теченіе какихъ нибудь 5—6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднеѣ перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ Лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такою считать звѣзду Пушкинскою поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно наконецъ выяснить истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его риторикой составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которыя въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и по видимому неопровержимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникѣ говорили большею частію только по наслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что риторика Кошанскаго занимается только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти такъ называемыя украшенія

рѣчи составляютъ только небольшую часть его Общей реторики, рассматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій; другой его курсъ, Частная реторика, есть то, что нынче проходитъ подъ именемъ теоріи словесности и трактуетъ подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и пожалуй страннаго; но при этомъ не должно терять изъ виду, во первыхъ, что обѣ онѣ имѣютъ одно рѣдкое для того времени достоинство,—историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской, и во вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется знанію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ быть въ слѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Таеъ должно заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина *Къ моему Аристарху* и по упомянутой выше пародіи Дельвига. Но въ послѣдующее время Кошанскій пріобрѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы, и слово *реторика* даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впоследствии явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, разшевелить нашу самодѣятельность. Этого достигъ онъ можетъ-быть именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, изданные еще въ Москвѣ, по греко-римской археологіи и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н. Муравьевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполне подготовленъ къ своей каедрѣ въ Лицеѣ.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностію, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ рассказывалъ намъ содержаніе гомеровыхъ поэмъ, объяснялъ мифологию и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Илиаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гнѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его рассказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи *Образцовыхъ сочиненій* и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментариемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ Лицеѣ; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкой. Тѣмъ не менѣе однажды Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ Пушкина изъ деревни рукопись *19 Октября 1825 года* («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ») и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя въ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его приемы. Особенно при стихахъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ“,

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоценные стихи о родномъ Лицеѣ и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственныя наши упражненія, въ которыхъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудренныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и потомъ читалъ наши опыты въ слухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его

учебникѣ; попытки учащихся, по его словамъ, «не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* что хорошо и почему; а *послѣ* показываетъ, что должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и выѣклассные, поэтическіе грѣхи. Также точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю (оба уже умершіе). Пушкинъ, при насъ посѣтившій Лицейъ, читалъ ихъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однакожь первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія: «И Георгіевскій и Троицкій и преподаватели въ низшихъ классахъ», замѣчаетъ авторъ, «преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ Лицеѣ и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи, онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполне можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать къ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполне соответствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ.

Будучи старшимъ изъ профессоровъ Лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора Лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ Лицеѣ и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора Института слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ. *

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показанія бывшихъ лицействъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: «Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впослѣдствіи въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ занимательнымъ. ** Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на каедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣдъ много содѣйствовала начитанность профессора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учебники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX.» ***

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно потому, что уже собирался покинуть Лицея: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣз-

* *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея* (СПБ. 1869), стр. 183.

** Тамъ на стр. 57 Частной Реторики разсказанъ случай изъ жизни императора Александра I: «Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большаго пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и хотя летѣть, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: «Что это значитъ, Димитъ? Лебеди летать не могутъ?»—Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобъ не разлетѣлись...—Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно — пусть летятъ, куда хотятъ!»—Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на взморье; но къ осени дѣйствительно почти всѣ возвратились».

*** *Памятная книжка Лицея* на 1856—1857 г., С.-Петербургъ, стр. 155.

дять, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта П. Е. Георгіевскаго, человѣка почтеннаго, весьма исправнаго, но къ сожалѣнію не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значить личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Я могъ бы поговорить здѣсь о нѣкоторыхъ умершихъ лицествахъ перваго курса, но чтобы не утомлять вниманія читателей, перейду прямо къ Пушкину.

Во время моего пребыванія въ Лицеѣ поэтъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1829 г.; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣщеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдовъ», мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ спрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнату и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени. Онъ присутствовалъ у насъ на экзаменѣ изъ исторіи. Вскорѣ послѣ того были напечатаны вмѣстѣ, въ одной брошюрѣ въ четвертку, три стихотворенія: одно Жуковскаго — «Старая пѣсня на новый ладъ», (на побѣды Паскевича), и двѣ пьесы Пушкина — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина». Жуковскій доставилъ въ Лицеѣ нѣсколько экземпляровъ этой брошюры.

Всѣмъ извѣстно, что при переходѣ воспитанниковъ перваго выпуска изъ меньшаго курса въ старшій, на послѣднемъ экзаменѣ въ январѣ 1815 г. присутствовалъ Державинъ и что Пушкинъ прочелъ тогда приготовленное къ этому случаю стихотвореніе свое: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Въ те-

традяхъ знаменитаго Еватерининскаго лирика, между разными переплетенными вмѣстѣ брошюрами, сохранилось и это стихотвореніе, писанное рукою Пушкина и съ полною его подписью. Вѣроятно, это тотъ самый списокъ, по которому Пушкинъ читалъ вслухъ свое произведеніе. Удивительно, какъ твердо былъ уже тогда его почеркъ и какъ мало онъ измѣнился впослѣдствіи. Это стихотвореніе въ собраніи сочиненій поэта напечатано въ первоначальномъ видѣ, почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ предпоследней строфѣ третій стихъ читается въ автографѣ такъ:

„Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллы“.

Въ позднѣйшей же редакціи:

„Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины“.

Въ той же тетради Державина находится рукописный алфавитный списокъ тогдашнихъ лицействъ, а рядомъ съ нимъ печатная «программа открытаго испытанія воспитанникамъ начальнаго курса императорскаго Царскосельскаго Лицея Генваря 4 и 8 дня 1815 г.». Въ первый день предметами испытанія означены: «Законъ Божій, Логика, Географія, Исторія, Нѣмецкій языкъ и правоученіе»; во второй день: «Латинскій языкъ, Французскій языкъ, Математика, Физика и Россійскій языкъ». По каждому предмету изложены далѣе довольно подробныя программы. Вотъ что входило въ экзаменъ изъ русскаго языка: 1) Разные роды слоговъ и украшенія рѣчи, 2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи, 3) Славянская грамматика, и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій. Программа кончалась слѣдующими строками: «Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посѣтителями и профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предметахъ. Въ заключеніе показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи». Изъ числа гостей на этомъ экзаменѣ, Иличевскій въ письмѣ къ Фусу называетъ, кромѣ Державина: Горчакова, Саблукова, Салтыкова, Уварова и Филарета. По словамъ графа Корфа, тутъ былъ также министръ просвѣщенія князь Голицынъ; изъ постороннихъ профессоровъ онъ упоминаетъ: Лоди, Кувольника, и Шлисова; «сверхъ того были, прибавляетъ онъ, родители и родственники нѣко-

торыхъ изъ насъ, была и обыкновенная царсвосельская публика».

Отъ покойнаго Матюшкина я слышалъ, что при поступленіи въ Лицей Пушкинъ довольно плохо писалъ порусски. У Кошанскаго онъ считался по своимъ свѣдѣніямъ 16-мъ, а Матюшкинъ 15-мъ, хотя послѣдній, по собственному сознанию, ужь конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. Товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Въ поэзіи Илличевскій считался его соперникомъ, такъ что у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ Илличевскій былъ даже выше по таланту, но, какъ мы уже видѣли, самъ онъ сознавалъ неизмѣримое превосходство Пушкина.

Въ Лицеѣ Карамзинъ увидѣлъ Пушкина въ 1816 г., на обратномъ пути изъ Петербурга въ Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас. Льв. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, который тогда и познакомился съ даровитымъ юношей. Рассказываютъ, что Карамзинъ, прочитавъ въ Лицеѣ какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: «Въ немъ зрѣетъ великій поэтъ». По отъѣздѣ гостей нашъ лицейскій вступилъ въ переписку съ княземъ Вяземскимъ и Василиемъ Львовичемъ. Письмо его къ первому напечатано недавно въ *Русскомъ Архивѣ* (1874, № 1); ко второму написалъ онъ стихотворное посланіе. Отвѣтъ дяди сохранился въ бумагахъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ. Вотъ онъ:

Москва. 1816, апрѣля 17.

«Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобы *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ повоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно чтобы

вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любить и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужать къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многого ожидаемъ. — Скажи Ломоносову, * что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и не пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня.

Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ эпитафия, которую я сдѣлалъ *Яжелбичахъ*.
Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ **.

«Шихматовъ! почталіонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?
Признаться надобно, что участь ваша злая:
У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегасъ».

Это письмо бросаетъ новый свѣтъ на одно изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, озаглавленное: *Желаніе* (см. его *Сочиненія* въ первомъ изданіи Исакова, Спб. 1859, т. I, стр. 150). Оказывается, что въ немъ поэтъ обращается къ своему дядѣ вскорѣ послѣ ихъ свиданія въ Царскомъ Селѣ. Сообщенное выше письмо служить отвѣтомъ на это посланіе, и выраженіе Василья Львовича: *непокойные стихотворцы* вызвано слѣдующимъ концомъ посланія:

Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,

* Въ *Яжелбичахъ* мы нашли почталіона хромого, и Вяземскій мнѣ эту задаль эпитафию. (Прим. В. Л. Пушкина).

** Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ товарищей Пушкина, впоследствии бывшій посланникомъ въ Америкѣ, а еще позднѣе въ Голландіи, до Лицея получилъ первоначальное образованіе въ какомъ-то петербургскомъ учебномъ заведеніи и вѣсть съ княземъ Вяземскимъ.

Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И *непокойный* графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтъ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

Въ рукахъ моихъ находятся два неизвѣстныхъ до сихъ поръ подлинныя письма А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, писанныя изъ Кишинева. Они обязательно переданы мнѣ Л. М. Лобановымъ, котораго отецъ, умершій въ 1846 г. членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, нѣкогда служилъ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной библиотекѣ.

Сообщая эти два письма, напередъ замѣчу, что первое изъ нихъ, отъ 24-го марта 1821 г., было писано на другой день послѣ письма поэта къ Дельвигу, которое уже давно напечатано (Сочиненія Пушкина, изд. Анненковымъ, т. I, стр. 81). Какъ это письмо къ Дельвигу, такъ и письмо къ Гнѣдичу начинаются стихами. Пушкинъ въ ту пору любилъ подобныя поэтическія вставки въ «почтовую прозу», бывшія въ обычаѣ еще съ прошлаго вѣка и пущенныя въ ходъ особенно Вольтеромъ. Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ, нигдѣ еще не напечатанные, показываютъ между прочимъ, что Пушкинъ тогда уже, т. е. въ мартѣ 1821 г., изучалъ Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора во второмъ письмѣ, свидѣтельствуютъ, что нашъ поэтъ читалъ своего любимца не во французскомъ переводѣ, какъ думали нѣкоторые, а въ подлинникѣ.

Извѣстно, что поэма «Русланъ и Людмила» уже послѣ отъѣзда Пушкина на югъ была отпечатана въ Петербургѣ подъ надзоромъ Гнѣдича; но до сихъ поръ не знали, когда и куда именно экземпляръ ея, по выходѣ книги въ свѣтъ, былъ высланъ поэту. Г. Бартеневъ, въ известномъ трудѣ своемъ (*Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 24), допускаетъ предположеніе, что Пушкинъ еще на Кавказѣ могъ получить это изданіе. Слѣдующее за симъ письмо окончательно разъясняетъ этотъ вопросъ.

Письмо 1.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
 И хитрымъ Августомъ изгнанный
 Овидій мрачны дни влачилъ;
 Гдѣ элегическую лиру
 Глухому своему кумиру
 Онъ малодушно посвятилъ,
 Далече сѣверной столицы
 Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
 И вольный гласъ моей цѣвницы
 Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
 Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
 Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
 Съ Орловымъ* спорю, мало пью,
 Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
 Молебновъ лести не пою,
 И Дружбѣ легкія посланья
 Пишу безъ строгаго старанья.
 Ты, коему судьба дала
 И смѣлый умъ и духъ высокой,
 И важнымъ пѣснямъ обрекла,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты, который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера Музу намъ явилъ,
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ **, —
 Твой гласъ достигъ уединенья,
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханжи и гордаго глупца *** —

* Михаиломъ Федоровичемъ.

** Т. е. эпическія пѣсни Гомера началъ переводить стихами безъ рима, —
 аметрами.

*** Эти стихи становятся понятнѣе послѣ прочтенія въ брошюрѣ г. Барте-

И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
 Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны:
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ,
 И поучительной лозой
 Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности*.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена *Кавказскимъ плетникомъ*. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго

нева „Пушкинъ въ южной Россіи“, разсказа о его отношеніяхъ въ Кляшторіи (см. стр. 117). То же выражаетъ его маленькая пьеса *Уединеніе*, 1822 годъ:

Блаженъ кто въ отдаленной стѣнѣ,
 Вдали взыскательныхъ вѣвѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминаній и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала;
 Кто скрытъ, по милости Творца,
 Отъ уснителя глуца,
 Отъ пробудителя нахала.

* Извѣстный уже изъ другихъ болѣ раннихъ изданій вѣвѣль АО означилъ Оленина, который сочинялъ виньетку къ поэмѣ.

Бешту видѣлъ я только въ отдаленнѣхъ ледяныхъ горахъ Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, — гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей—Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9 тома Русской Исторіи—Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы ли Онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.

Пушкинъ.

1821 марта 24.
Кишиневъ.

Письмо 2.

Второе неизданное письмо въ Гнѣдичу писано почти ровно черезъ годъ послѣ перваго и касается «Кавказскаго плѣнника», котораго изданіе поэтъ опять поручилъ переводчику Иліады. Двѣ строки этого письма, именно тѣ, которыя здѣсь печатаются курсивомъ, были уже извѣстны изъ черноваго отпуски, найденнаго въ бумагахъ поэта г. Анненковымъ и приведеннаго въ его *Матеріалахъ* (стр. 97). Любопытно, что продолженіе черноваго письма, тамъ же сообщенное и содержавшее оцѣнку новой поэмы, исключено самимъ Пушкинымъ при перепискѣ письма начисто. Вотъ подлинное письмо:

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! *недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долгу не могу*

рѣшится ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи * (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

(Письмо на цѣломъ листѣ почтовой бумаги; оно проколото; на оборотѣ надпись: «Николаю Ивановичу Гнѣдичу», безъ адреса, изъ чего видно, что это письмо было вложено въ какое-нибудь другое).

О кавказско-кишиневской эпохѣ жизни и поэзіи Пушкина я имѣлъ недавно случай бесѣдовать съ почтенной Катериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, съ именемъ которой связываются воспоминанія о двухъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателяхъ (она по женской линіи правнучка Ломоносова). Большинству читателей конечно извѣстно, что Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, нашелъ К. Н. Раевскую въ числѣ обитателей крымскаго имѣнія Юрзуфа, и потомъ, въ первыхъ письмахъ изъ Кишинева, говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Эта замѣчательная женщина сохраняетъ еще и въ глубокой старости всю свѣжесть своего живаго ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава; она по-прежнему слѣдитъ за литературой, и то, что пишется о Пушкинѣ, не ускользаетъ отъ ея вниманія. Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Катериной Николаевной въ рассказахъ его біографовъ, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями и еще разъ показывающихъ, какъ иногда «дѣ-

---

* Идиліи *Рыбаки*, напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ *Сынъ Отечества*. Вѣроятно, она была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

лается исторія», какъ по банвѣ иногда самыхъ простыхъ случайностей выводятся въ послѣдствіи затѣйливые узоры.

Старшій изъ братьевъ Раевскихъ, пріятелей Пушкина, Александръ Николаевичъ, родился въ 1795 г.; меньшей, Николай, въ 1801-мъ. Александръ страдая отъ раны въ ногѣ, лѣчился на Кавказѣ еще до пріѣзда туда Пушкина съ нѣкоторыми изъ членовъ этого семейства. Александръ тамъ и оставался долѣе прочихъ, и потомъ пробѣжалъ прямо въ калужскую деревню, ту самую, гдѣ въ послѣдствіи, въ царствованіе Николая, Катерина Николаевна жила съ мужемъ своимъ, М. Ѡ. Орловымъ. Александръ Раевскій былъ чрезвычайно уменъ, и тогда уже успѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность. Позднѣе, когда они видались въ Каменѣ и Одессѣ, Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи, и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей проказѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго въ послѣдствіи такъ много было писано и истощено догадочь.

Съ меньшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ еще болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу. Они познакомились еще въ Петербургѣ. Николай Раевскій страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное показаніе, будто Пушкинъ, учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея словамъ, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью Н. Н. Раевского въ Юрзуфѣ на-

чалъ читать Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали на верхъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ первый познакомилъ Пушкина съ Шенье.

Ошибаются также, думая, что Пушкинъ изъ Крыма проводилъ своихъ кавказскихъ спутниковъ до кievскаго имѣнія Давыдовыхъ, Каменки. Послѣ посѣщенія Бахчисарая Раевскіе доѣхали съ нимъ только до Симферополя или можетъ быть до Перекопа, и тамъ разстались. Каменка, какъ извѣстно, принадлежала матери Раевского, Катеринѣ Николаевнѣ Давыдовой (второй мужъ ея былъ Левъ Денисовичъ Давыдовъ). Тамъ все семейство съѣзжалось обыкновенно къ Екатеринину дню, 24 ноября, а уже въ первыхъ числахъ декабря возвращалось въ Кіевъ. Свадьба старшей дочери, К. Н. Раевской, съ Орловымъ была въ маѣ 1821 г., и Пушкинъ на ней не присутствовалъ, а былъ онъ въ Каменѣ до того, зимою.

Въ первой изъ своихъ недавнихъ статей о Пушкинѣ П. В. Анненковъ въ примѣчаніи привелъ дословно—не раздѣляемое имъ впрочемъ—мнѣніе о поэтѣ одного изъ товарищей его по Лицею. При всемъ моемъ уваженіи къ авторитету этого лица въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ Лицеѣ и его воспитанникахъ, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе. Конечно молодой Пушкинъ ни дома, ни въ заведеніи не могъ получить строго-нравственной основы, а жгучая страстность и рѣдкое остроуміе значительно усиливали для него обыкновенную мѣру искушеній молодости. Но мы знаемъ какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, а, знаемъ какъ неутомимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразования въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости былъ въ полномъ смыслѣ повѣсою; что онъ нерѣдко предавался влеченію страстей, онъ и для враснаго словца, для острой эпиграммы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ впрочемъ сознаются и строгіе суды

его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ-подъ вліянія внѣшнихъ соблазновъ. Извѣстно, какъ глубоко онъ, въ позднѣйшіе годы, раскаявался въ легкомысленномъ кощунствѣ, которому принесъ дань въ молодости. Рано убѣдился онъ, что

„Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво“,

и если все-таки часто измѣнялъ этому взгляду, то причиною была не коренная испорченность сердца, а страстная природа, которая брала свое, вопреки разуму и убѣжденіямъ.

Какъ благородно признаніе, тогда же высказанное имъ, при сравненіи себя съ Дельвигомъ:

„Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ втиши.“

И сколько чертъ высокаго благородства мы видимъ въ жизни Пушкина! Съ какимъ строгимъ самоосужденіемъ онъ говорилъ о своемъ прошломъ при возвращеніи въ первый разъ послѣ Лицея въ Царское Село, когда онъ сравнилъ себя съ блуднымъ сыномъ. Кто такъ говорить, не можетъ не быть искреннимъ; такого настроенія нельзя дать себѣ искусственно; подъ него нельзя поддѣлаться. Если-бъ это не была въ высшей степени благородная душа, какой смыслъ могло бы имѣть вѣрное замѣчаніе г. Анненкова «о заслугахъ Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ». Нѣмецкій поэтъ сказалъ, что злые не поютъ. Кажется, можно распространить эту мысль и согласиться, что истинный поэтъ не можетъ быть вполнѣ недобрымъ человѣкомъ. Кто глубоко чувствуетъ и понимаетъ красоту, не можетъ не быть расположеннымъ ко всему доброму. Онъ можетъ падать и низко падать нравственно, но любовь къ прекрасному облегчаетъ ему возможность вставать и снова возвышаться.

Многое въ этомъ отношеніи хорошо понято и ловко выражено г. Анненковымъ. Чтобы отдать полную справедливость нашему поэту, надобно также принять въ соображеніе тѣ умственные и нравственные элементы, среди которыхъ ему приходилось жить:

немногіе умѣли бы дать такой отпоръ, какъ онъ, обществу, окружавшему его, напр. въ Кишиневѣ. Эта среда могла бы окончателно погубить его, еслибъ постоянный умственный трудъ и творчество не укрѣпляли его для борьбы за сохраненіе своего человѣческаго достоинства. На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть какъ на серьезную подготовительную школу для дальнѣйшей быстро разрастающейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта.

Конечно въ жизни его легко отыскать много заблужденій, слабостей, даже сумасбродствъ; но едва ли кто-нибудь укажетъ въ ней на низкій или противный чести поступокъ. Много приносилъ онъ жертвъ суетности, тщеславію, легкомыслію, но доходилъ ли онъ когда-либо до униженія ради выгоды или успѣха?

Недавно кто-то печатно упрекнулъ Пушкина за бѣдность содержанія изданныхъ въ послѣднее время писемъ его изъ Кишинева. Къ сожалѣнію, критикъ не обратилъ вниманія на прежде извѣстныя письма поэта за ту же эпоху, въ которыхъ давно оцѣненъ важный біографическій матеріалъ; критикъ забылъ также, что во всѣдневныхъ письмахъ и запискахъ, имѣющихъ только минутную цѣль и вовсе не назначаемыхъ для публики, мы никакъ не въ правѣ требовать того, что можетъ быть поучительно для потомства. Дѣло въ томъ, что интересъ таковыхъ писемъ заключается совсѣмъ не въ положительныхъ фактахъ и не въ важныхъ размышленіяхъ: при видимой бѣдности содержанія они всетаки могутъ быть очень интересны. Съ своей стороны я долженъ признаться, что въ новыхъ письмахъ Пушкина меня часто поражали внезапныя искры ума и остроумія, которыя въ ту эпоху могли принадлежать только человѣку, далеко ее опередившему. Вотъ гдѣ лежала тайна быстрого самоусовершенствованія юноши, говорившаго, что «для существа одареннаго душою нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое каждому дается обстоятельствами его жизни и имъ самимъ». (Изъ письма къ Дельвигу 1821 г.).

Я. Гротъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

(А. Ф. К—ой).

Еще обвѣянная югомъ,
Въ его загарѣ золотомъ,
Ты шла соединиться съ другомъ
Въ краю покинутомъ родномъ.

Напрасно зимъ душистыхъ розы
Вѣнки сплетали надъ тобой —
Манили бѣлыя березы
Тебя лепечущей листвою.

Ты ихъ ждала. Призывно пѣли
Въ лѣсахъ родныя пѣсни бурь;
Тамъ гордо возносили ели
Тьму вѣчныхъ иглъ своихъ въ лазурь.

Тамъ нивы стлались на просторѣ...
И тщетно привлекало взоръ
Алмазомъ брызжущее море,
Все въ ожерельи синнихъ горъ.

Не здѣсь, не солнцемъ залитая —
Подъ хмурымъ небомъ и дождемъ
Сложилась повѣсть молодая
О чувствѣ до сихъ поръ живомъ.

Его первоначальный лепетъ,
Тотъ пламень вспыхнувшій въ сердцахъ,
И этотъ плачь, и этотъ трепетъ
Разлуки, все разбившей въ прахъ,

И жданный тягостные годы
Свиданья вождельный мигъ:
Все въ этомъ краѣ непогоды,
Вдали морей и горъ чужихъ,

Въ глуши степей его безбрежныхъ,
Гдѣ воетъ бѣлая метель
И стелеть изъ сугробовъ снѣжныхъ
Зимѣ на жолгода постель.

Въ родномъ углу уединенномъ,
Въ безлюдьи тихаго села —
Въ томъ захолустѣ забывенномъ,
Гдѣ ты любила и жила...

Вдали отъ свѣта и искусства,
Отъ избранныхъ далече душъ,
Ты всю наполнишь жизнью чувства
Свою безжизненную глушь!

И пусть надъ тѣмъ уединеньемъ,
Гдѣ ждетъ тебя желанный другъ,
Манящимъ снова искушеньемъ
Не пронесется свѣтлый югъ...

П. Ковалевскій.

СЦЕНЫ И. О. ГОРБУНОВА.

I.

НА РѢКѢ.

Сцена изъ народнаго быта.

Лица:

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ, старикъ, лѣтъ 60, сторожъ опустѣвшей барской усадьбы.

ИВАНЪ, крестьянинъ, егеръ.

ВАСЯ

НАСТЯ

ГРИШКА

ДЕМА и

другіе

} Крестьянскія дѣти изъ ближняго села.

ЖАРЕННЫЙ, 16 лѣтъ, учился въ Петербургѣ у портнаго, отданъ родственникамъ по приговору Окружнаго суда.

На берегу рѣки поросшемъ ивой землянка. Изъ рѣки выдался въ берегъ большой камень. На противоположномъ крутомъ берегу старый барскій домъ, съ заколоченными окнами.

Дѣдушка Степанъ сидитъ у землянки, чинить сапогъ. Иванъ подходитъ.

ИВАНЪ.

Богъ помощь, дѣдушка, Степанъ.

Дѣдушка Степанъ.

Спасибо, милый человѣкъ, спасибо тебѣ. Что Богъ даль?

ИВАНЪ.

Плохо!.. Пару чирять... (къ собакѣ) Кушъ, ляжъ тутъ, подлая!

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Что мало?

ИВАНЪ.

Съ ружьемъ что-то... Очень отдавать стало... нѣтъ никакой возможности. Утрось зайца хлестанулъ, на силу на ногахъ устоялъ... Въ кузницу надо зайти, казенникъ отвернуть... Ильичъ не приходилъ?

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Выпалилъ тутъ кто-то по рѣвѣ.

ИВАНЪ.

Должно онъ, окромя его не кому. Надо полагать, онъ теперича къ Кривому ударился.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Отошелъ онъ, значитъ, отъ генерала-то?

ИВАНЪ.

Отошелъ, мѣста ищеть.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

А житье, кажись, у генерала-то хорошее.

ИВАНЪ.

Умирать бы ненадо, но только и терпѣть нѣтъ никакой возможности.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Ну!

ИВАНЪ.

Очень ужъ дерется... Такъ дерется—страсть! Ежели онъ

теперича стрѣляетъ и какъ, напримѣръ, мимо—сей-часъ съ-горя въ ухо. Лучше не стой близко... Сапожен гонопишь?

Дѣдушка Степанъ.

Да, парнишкѣ Маврипому... починить просиль...

Иванъ.

Это черненькій-то?

Дѣдушка Степанъ.

Да, черненькій. Вчера прибѣжалъ: дѣдушка, говоритъ, почини. Такой шустрый мальчишка, я такихъ и не видывалъ. Даромъ что махонькой, отъ земли не видать, а пойдетъ говорить—складнѣе барскаго сына. Ежели бы его въ ученье въ какое хорошее...

Иванъ.

Ты ребятъ уже больно балуешь, сказываютъ.

Дѣдушка Степанъ.

Цѣлый день они у меня тутъ. Вотъ жаръ-то посвалилъ, всѣ сей часъ прибѣгутъ. Васютка ужъ вонъ тамъ подѣ ивой старается, удить. Съ большимъ мнѣ, другъ, хуже, вѣрно тебѣ говорю... не люблю... а парнишка придетъ—первый онъ у меня человекъ. Ты думаешь—парнишко что? Онъ все понимаетъ, все смыслить, только ты его не бей, не огорчай его...

Иванъ.

Что ты, дѣдушка Степанъ, развѣ возможно ихъ не бить? Первое дѣло—безъ этого онъ не выростеть, а второе дѣло—ежели его не бить, онъ тебя почитать не станетъ... Не очень что бы бить, а такъ потрепать инный разъ—это очень въ пользу.

Дѣдушка Степанъ.

Стало быть, ты словъ не умѣешь, коли малаго ребенка бьешь...

ИВАНЪ.

Да я не бью; мнѣ, примѣрно, все одно, только словно бы безъ этого невозможно... Насъ тоже лупили порядочно... Въ фалеторы меня махонькаго взяли, такъ бывало кучеръ тебя приберетъ, да дворецкій тебѣ наладетъ... а въ трактиръ то меня въ ученье отдали, тамъ пять годовъ сряду били... Оченно ужъ разъ мнѣ пришлось, пошелъ хозяину жаловаться, такъ меня сей часъ за бунтоство въ часть отправили, да чуть было на поселенье не сослали, цѣлый день у хозяина въ ногахъ валялся... (Собака бросается за птичкой). Еси сюда, подлая!... Убью!...

ДѣДУШКА СТЕПАНЪ.

Хорошаго мало, милый человекъ.

ИВАНЪ.

Ну, постой! Такъ будемъ говорить: наше дѣло протестное, а по купечеству теперича, не къ намъ ихъ въ мужикамъ приравнять:—теперича я на фабрику въ купцу Гладкову дичь представляю къ механику къ англичанину, такъ вотъ я тебѣ что скажу: такъ этотъ купецъ своихъ дѣтей жучить, что лучше требовать нельзя. А купецъ значительный, дочь у его за полковникомъ... Значить, слѣдуетъ.

ДѣДУШКА СТЕПАНЪ.

Бьетъ шибко, а дѣти всѣ пьяницы повышли.

ИВАНЪ.

Пьяницы какъ есть, это что говорить... Пьяницы настоящіе. Намедни было фабрику пьяные сожгли... а Семень Митричъ вотъ изъ этого самаго ружья у тѣшиловскаго мужичка лошадь застрѣлил. Блажной!... Опухъ теперь весь и хозяйка отъ его сбѣжала, въ Москвѣ путается... (раздается выстрѣлъ). Это Ильичъ!.. Прощай, дѣдушка Степанъ...

ДѣДУШКА СТЕПАНЪ.

Дай Богъ часъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Вася показывается изъ за куста.

В а с я.

Дѣдушка, ребята идутъ, должно тоже рыбу ловить...

И в а н ъ (закуривая трубку).

А ты, Васютка, умѣешь рыбу-то ловить.

В а с я.

Умѣю.

И в а н ъ.

Врешь?!

Дѣдушка Степанъ.

Хорошо ловить, старается.

В а с я.

Я намени такую щуку выворотилъ, индо удилице затрещало... За три гривенника мы продали...

Дѣдушка Степанъ.

Щуку важную ухватилъ! Рыболовъ будетъ чудесный...

И в а н ъ.

Ну, помогай Богъ... Прощайте... (уходить).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣже, безъ егеря.

В а с я.

Дѣдушка, мы ихъ сюда не пустимъ, они только рыбу пугаютъ.

В а с я.

Чтожь ты дѣдушку-то ругаешь, онъ постарше тебя.

Ж а р е н н ы й.

Стара у попа собака! Я всѣ ваши верши перерѣжу.... а сторожку сожгу.. ей Богу сожгу.... (Кидаетъ въ воду камень).

Г р и ш к а.

Что рыбу-то пужаешь. Чортъ!

Ж а р е н н ы й.

Ноньче ночью я къ поцу въ садъ за яблоками....

Д е м а.

Не поспѣли еще... зеленые...

Ж а р е н н ы й.

Печеные они ничего, скусно.

Д е м а.

А шея-то у тебя крѣпва?

Ж а р е н н ы й.

Крѣпвая, крѣпче твоя!... Когда я въ Обуховской больницѣ лежалъ, со втораго этажу меня спустили....

Г р и ш к а.

За что?

Ж а р е н н ы й.

За бѣлемъ мы съ товарищемъ у Вознесенскаго мосту на чердакъ залѣзли, а дворники насъ и выждали... Пашкѣ сейчасъ лопатки назадъ, а я, пока его крутили, хотѣлъ шмыгнуть; старшій дворникъ какъ взизнетъ меня, такъ я и покатился.... (Всѣ смѣются). Сейчасъ въ больницу. Доктора эти мяли меня, мяли,—нутромъ, говорятъ, здоровъ, только въ ребрахъ у него поврежденіе.

Д е м а.

Вотъ такъ приладилъ!

ЖАРЕННЫЙ.

Порядочно!.. Вылечили меня и сейчасъ въ острогъ. Слѣдователь допрашивать сталъ: повинись, говорить, скажи какъ дѣло было? Ничего, говорю, я не знаю, потому какъ мнѣ дворники память отшибли и поэтому случайю я въ больницѣ лежалъ. Опосля этого въ судъ повезли... народу, братецъ ты мой, жендары.... Сейчасъ всѣхъ присягу примать заставили. Ты, говорить, какой вѣры? Здѣшной, говорю. Воровалъ бѣлье? Никакъ нѣтъ, а что дворники меня били оченно и даже теперь рукой владать не могу.

ДЕМА.

Я бы, кажись.... (Смѣется). Ужъ оченно страмъ!..

ЖАРЕННЫЙ.

А ужъ меня въ острогѣ одинъ мѣщанинъ обучилъ—ты, говорить, главная причина, говори одно: били да и шабашъ. И вышло намъ такое разрѣшеніе: Пашку въ арестанскія роты служить, а меня въ деревню по етапу. Къ Покрову, Богъ дастъ, я опять въ С.-Петербургъ уйду.

ГРИШКА.

А ежели опять поймають, такова жару зададутъ.

ЖАРЕННЫЙ.

Тамъ канпанія большая—ничего. Ужъ оченно тамъ жистъ хорошая.... слободно... Разъ мы въ кіятрѣ у одного барина.. (Изъ кустовъ показывается дѣдушка Степанъ). Старый чортъ этотъ опять идетъ... Пойдемъ братцы... (Къ Васѣ). А ты ему скажи: будетъ онъ меня помнить. Я ему покажу. Въ кіятрѣ мы разъ у одного барина.... (уходятъ)..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Вася садится на камень и закидываетъ удочку. На противоположномъ берегу показывается Настя.

НАСТЯ.

Васька, матушка велѣла домой чтобы...

В а с я (насаживая червя).

Я заночую здѣсь.

Н а с т я .

Матушка сердчаетъ. Совсѣмъ, говоритъ, отъ дому отбился.

Д ѣ д у ш к а С т е п а н ъ .

Скажи, голубка, дѣдушка - мошь завтра самъ приведетъ. Они мошь къ вершамъ пойдуть.

Н а с т я .

Раньше приходите. Прощайте.

Д ѣ д у ш к а С т е п а н ъ .

А ты бы... тово... рыбу-то бы съ собой захватила, сковородки на двѣ у насъ будетъ. Скажи матери, Васютка все наловилъ...

Н а с т я .

Да онъ ловить-то не умѣетъ.

Д ѣ д у ш к а С т е п а н ъ .

Нѣтъ, ловить важно...

В а с я .

Я сейчасъ головля поймалъ...

Д ѣ д у ш к а С т е п а н ъ .

Свѣжая она теперь... Поужинаете...

Н а с т я .

Завтра на покось поидемъ, обжаримъ...

Д ѣ д у ш к а С т е п а н ъ .

А косить то еще много?

Н а с т я .

Росы на двѣ еще хватить

(Вася отталкиваетъ лодку на противоположный берегъ и возвращается).

Спасибо, дѣдушка. Прощайте.

Вася.

Щука давя плеснула вонъ у энтаго вуста... здоровая!..

Дѣдушка Степанъ.

Лукавая эта рыба-то... Что-то Богъ намъ въ верши послалъ...

Вася.

А далече, дѣдушка, отсюда?

Дѣдушка Степанъ.

Нѣтъ, недалече.. Вотъ мы поужинаемъ да и поѣдемъ... Тихо теперь, хорошо.... (рѣжетъ хлѣбъ). Садись, батюшка.. (салятся). Господи благослови. Ёшь, во славу Божью. Ты бы лучеу погрызь, посоли-ба его да хорошенько... Вотъ такъ.

Вася.

Дѣдушка, намени къ намъ посредственнѣ прїѣзжалъ, народъ на сходку сколачивали, чтобы съ души по полтиннику и ребятъ, значить, всѣхъ грамотѣ обучать. А опосля того волостной всѣхъ ребятъ собиралъ. Я, говорить, тетка Варвара, Васютку перваго возьму. Три копечки мнѣ далъ...

Дѣдушка Степанъ.

Это за твою добродѣтель....

Вася.

А мужики которые, мы, говорить, ребятъ своихъ не выдадимъ... Въ кабаѣ подрались. Коряга ужъ очень кричалъ.

Дѣдушка Степанъ.

А волостной-то что?

Вася.

Долго онъ съ ими ругался, а Корягъ говорить: я тебя, говорить, въ солдаты отдамъ. А Коряга ему:—я, говорить три затылка заростилъ,—меня отдать невозможно....

Дѣдушка Степанъ.

Это, батюшка, хорошо. Ежели ты обучишься—первый человекъ будешь. Кто перомъ умѣетъ, такому человекъу завсегда

и ужъ смѣть.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Ну, и слава тебѣ Господи. Богъ напиталъ, никто не видалъ...

Вася.

Темно какъ стало.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Темно. Теперь лихому человѣку хорошо, теперь ужъ лихой человѣкъ на дорогу вышелъ. Возьми-ка ведерочко, залей огонь-то.

ВАСЯ (заливаетъ).

Я боюсь ночью-то...

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Чего, голубчикъ, бояться. Доброму человѣку бояться нечего, лихихъ людей здѣсь нѣтъ, они теперича на проѣзжей дорогѣ, али къ городу гдѣ поближе, гдѣ народъ ходитъ, а здѣсь имъ дѣлать нечего — люди мы съ тобой бѣдные, взять съ насъ нечего.

Вася.

Страшно оченно. Разъ мы съ матушкой за хворостомъ ѣздили да въ оврагѣ къ ночи-то и застряли...

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Испужались!

Вася.

Страсть!.... А въ барскомъ домѣ, дьячекъ сказывалъ, никому невозможно ночью пройти...

НА РѢКѢ.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Ну!..

ВАСЯ.

Сейчасъ умереть!

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Чтожъ тамъ?

ВАСЯ.

А старый баринъ тамъ по ночамъ ходить.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Зря болтають, батюшка. Самъ я ему голубчику и могилу-то вонпаль и восточекъ-то его, поди, нѣтъ теперь.

ВАСЯ.

Нѣтъ, дѣдушка, видѣли—ходить.... Сердитый...

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

Полно, глупенькой, врать-то....

ВАСЯ.

Очень ужъ мнѣ жутко, дѣдушка.

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ.

А ты сотвори молитву... Садись въ лодку.

ВАСЯ (садится).

Темъ какая по рѣкѣ-то... Тихо...

ДѢДУШКА СТЕПАНЪ (зажигая фонарь).

Ночь, батюшка... Ночью завсегда тихо. А ты вотъ что: ты рѣки ночью не бойся.. Я съ малыхъ лѣтъ на рѣкѣ живу, съ малыхъ лѣтъ я ее знаю... Говорять ежели что, ты этому не вѣрь, мало что бабы болтають. Вотъ ежели въ лѣсу, тамъ страшно—и звѣрь и попадается и все... а въ рѣкѣ окромя рыбки голубушки никого нѣтъ и та спитъ теперь. Вотъ мы верши посмотримъ да въ стогу и заночуемъ.. сѣно-то свѣжее... чудесно!... Экая намъ съ тобой жисть-то, милый чело-вѣкъ, умирать не надо... (Отпихиваетъ лодку отъ берега).

10 февраля, 1874 г.

II.

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

СЦЕНА.

Около воздушнаго шара толпа народа.

- Скоро полетить?
- Не можемъ знать, сударь. Съ самыхъ вечеренъ надувають; раздуть, говорятъ невозможно.
- А чѣмъ это, братцы, его надувають?
- Должно кислотой какой... Безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь.
- А какъ онъ полетить—съ человѣкомъ?
- Съ человѣкомъ... Самъ нѣмецъ полетить, а съ имъ портной.
- Портной!?!..
- Портной нанялся летѣть... Купцы наняли...
- Портной!...
- Пьяной?
- Нѣтъ, черезвый, какъ слѣдуетъ.
- Портной!... Зачѣмъ же это онъ летить?
- Запутался человѣкъ, ну и летить. Вѣстимо, отъ хорошаго житья не полетишь, а, значитъ, завертѣлся...
- Мать его тамъ старушка у воротъ стоитъ плачетъ... На кого ты, говорить, меня оставляешь.—Ничего, говорить, матушка, слетаю, опосля тебѣ лучше будетъ. Знать, говорить, мнѣ судьба такая, чтобы, значитъ, летѣть.
- Давай мнѣ теперича, при бѣдности моей, тысячу цѣлковыхъ, да скажи: Петровъ, лети!..

— Полетишь?

— Я то?

— Ты то?

— Низачто! Первое дѣло—мнѣ и здѣсь хорошо а второе дѣло—ежели теперича этотъ портной летить, самый онъ выходитъ пустой человѣкъ... Пустой человѣкъ!.. Я теперича осьмушечку выпилъ. Богъ дастъ — другую выпью и третью, можетъ по грѣхамъ моимъ... а летѣть мы не согласны. Такъ ли я говорю?—Не согласны!..

— Гдѣ же теперича этотъ самый портной?

— А вонъ ему купцы водки подносятъ.

— Купецъ ублаготворить, особливо ежели самъ выпивши.

— Всѣ пьяные... Ужъ они его угощали и цѣловать пробовали—все дѣлали. А одинъ говоритъ: — ежели, Богъ дастъ, благополучно прилетишь, я тебя не забуду.

— Идешь, идешь... Портной идетъ...

— Кто?

— Посторонись, братцы...

— Портной идетъ...

— Это онъ самый и есть?

— Онъ самый...

— Летишь?

— Летимъ; прощайте.

— Насъ прости, Христа-ради, милый человѣкъ.

— Прощай, братъ!.. Кланяйся тамъ... Несчастный ты человѣкъ, вотъ я тебѣ что скажу! Мать плачетъ, а ты летишь...

— Это дѣло наше...

— Но только ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ, и какъ ты оттедова турманомъ... въ лучшемъ видѣ... только пятки засверкаютъ...

— Смотри-ка, братцы, купцы его подъ руки повели; сей часъ, должно, сажать его будутъ...

— Ты что за человѣкъ?

— Портной...

— Какой портной?

— Портной съ Покровки отъ Гусева. Купцы его летѣть наняли.

- Летѣть! Гриненко, сведи его въ часть.
- Помилуйте...
- Я-те полечу!.. Гриненко!.. Извольте видѣть!.. Летѣть!...

Гриненко, возьми...

- Поволокли голубчика!...
- Полетѣлъ!...
- Да, за такія дѣла...
- И какъ это возможно безъ начальства летѣть!...
- Народъ-то ужъ очень избаловался, придумываетъ что чуднѣй!...
- Что это мошенника повели?
- Нѣтъ, сударь, портнова...
- Что же, укралъ онъ что?
- Никакъ нѣтъ, сударь... Онъ изволите видѣть... Бѣдный онъ человѣкъ... и вупцы его наняли, что бы сей часъ, значить, въ шару летѣть.
- На воздухахъ...
- А кварталному это обидно показалось...
- Потому—безпорядокъ...
- Летить, братцы, летить... Трогай!..

Иванъ Горбуновъ.

ПОЭТУ И ЧИТАТЕЛЮ.

(изъ Ад. Штебера).

Если ищешь вдохновенья—
Съ тайнымъ трепетомъ въ груди,
Какъ во храмѣ для моленья,
Въ глубь души своей уйди,

Чтобы внѣшней суетою
Не развлекся праздно ты,
Чтобъ возсталъ передъ тобою
Ясно образъ красоты;

Чтобъ во всѣхъ частяхъ и въ цѣломъ
Могъ его ты созерцать
И потомъ какъ бы на бѣломъ
Чистомъ мраморѣ ваять.

Хочешь генія твореньемъ
Насладиться—вотъ, читай;
Но съ святымъ благовѣньемъ
Къ этой книгѣ приступай.

Чтобы весь покрытый свѣтомъ
Воплощенный идеаль,

Образъ созданный поэтомъ,
Предъ умомъ твоимъ предсталъ,

Чтобъ въ глубокомъ созерцаньи
Шелъ ты дальше, до конца,
И постигнуть могъ въ созданьи
Идеаль его творца.

Д. Михаловскій.

A LA POINTE.

Недвижно безмолвное море...
По берегу чинно идутъ
Знакомыя лица, и въ сборѣ
Весь праздный, гуляющій людъ.

Проходитъ банкиръ бородатый,
Гремитъ офицеръ палашомъ,
Попарно снуютъ дипломаты
Съ серьезнымъ и кислымъ лицомъ.

Какъ муміи важны и прямы
Въ коляскахъ своихъ дорогихъ
Болтаютъ нарядныя дамы,
Но рѣчи не клеются ихъ.

„Вы будете завтра у Зины?“
„Княгинѣ мой низкій поклонъ“.....
„Изъ Бадена пишутъ кузины,
Что Бисмаркъ испортилъ сезонъ.“

Блондинка съ улыбкой небесной
Лепечетъ поднявши лорнетъ:

„Какъ солнце заходить чудесно!“
А солнца давно уже нѣтъ.

Гуманное общество тѣша,
Несется пріятная вѣсть:
Пришла изъ Берлина депеша,
Убитыхъ не могутъ и счесть.

Графиня супруга толкаетъ....
„Однако, мой другъ, посмотри,
Какъ радостно Рейсъ выступаетъ,
Какъ жалокъ несчастный Флѣри!“

Не слышно веселаго звука,
И гордо на всемъ берегу
Царить величавая скука,
Столь чтимая въ свѣтскомъ кругу.

Темнѣеть. Роса набѣжала.
Туманомъ одѣлся заливъ.
Разъѣхались дамы сначала,
Запасъ новостей истощивъ.

Наружно-смирненны и кротки,
На промыселъ выгодный свой
Отправились въ городъ кокетки
Безпечной и хищной гурьбой.

И слѣдомъ за ними, зѣвая,
Дивя ихъ своей пустотой,
Ушла молодежь золотая
Оканчивать день трудовой.

Разсѣялись всадниковъ бучи,

Коляски исчезли въ пыли....
На западѣ хмуря тучи
Какъ пологъ свинцовый легли.

Одинъ я. Опять надо мною
Вездѣ тишина и просторъ.....
Въ лѣсу далеко за водою
Какъ молнія, вспыхнулъ костеръ.

Какъ рвется душа, изнывая,
На яркое пламя костра!
Кипитъ здѣсь бесѣда живая
И будетъ кипѣть до утра;

Отъ холода, скуки, ненастья
Здѣсь вѣрно надежный пріютъ;
Быть можетъ, неожиданное счастье
Свило себѣ гнѣздышко тутъ....

И сердце трепещетъ неволью.....
И знаю я: ѣхать пора,
Но какъ-то разстаться мнѣ больно
Съ далекимъ мерцаемъ костра.

10 Августа
1870-го года.

А. Апухтинъ.

Изъ юношескихъ стихотвореній Т. Мура.

О, не гляди такъ на меня! Твой жгучій взглядъ
Изъ глазъ потоки слезъ невольно исторгаетъ.
Не знаешь ты, что онъ собой напоминаетъ
Все, чѣмъ когда-то былъ я счастливъ и богатъ.
Когда тотъ взглядъ, ко мнѣ порою обращаясь,
То говорилъ *люблю*, то *нѣтъ* вдругъ говорилъ,
И, какъ безумный, я душой за нимъ слѣдилъ,
Весь затаенный смыслъ въ немъ разгадать стараясь,
Не думалъ я, чтобъ часъ мучительный пробилъ,
Когда въ укоръ себѣ, на посмѣянье свѣту
Узнаю, что одну фальшивую монету,
Какъ драгоценный перлъ, у сердца я хранилъ!
Да, правды много такъ во взглядѣ томъ сіяло,
Что кто подумалъ бы и угадалъ бы кто-жъ,
Что въ немъ царятъ одни—обманъ, притворство, ложь?
Нѣтъ, жизнь всю за него отдать казалось мало.
Такъ если живъ твой взглядъ, что счастье мнѣ сулить,
—О, пощади меня! Ты видишь, сердце снова
Страдать по прежнему и полюбить готово
И страсти сдержанной ужъ въ немъ огонь горить.
Поработить меня—пустая лишь забава:
Безумно - горячо я рвусь къ любви земной,
Нещадно жъ пошутить и поиграть со мной—
Какая честь, скажи, какая въ этомъ слава?

Ю. Дюпелъмайеръ.

ПОСРЕДНИКЪ.

(ГЛАВА ИЗЪ ПОВѢСТИ).

I.

На одномъ изъ тѣхъ широко гладкихъ пространствъ К... губерніи, которыя не именуются степями, хотя и имѣютъ на то полное право, далеко кругомъ видна зеленѣющая, какъ островъ, густая роща обозначающая помѣщичью усадьбу.— Тутъ, подъ навѣсомъ столѣтнихъ липъ, существовалъ недавно, вѣроятно существуетъ и нынѣ вытянутый въ одну линію старый деревянный господскій домъ съ мезониномъ.— Зданіе въ то время, когда начинается нашъ разсказъ не обозначало никакихъ признаковъ ветхости и выкрашено было заново темнооранжевымъ цвѣтомъ съ бѣлыми опушками и кантиками.— Подновленная крыша блестѣла на солнцѣ яркой зеленой краской. Разбитыхъ оконъ въ домѣ, противъ сельскаго обычновенія, не оказывалось. Стекла сверкали глянцемъ. Весь домъ былъ похожъ на выстроенную роту, ожидающую инспекторскаго смотра.— Видно было, что помѣщикъ отставной генералъ-маіоръ Федоръ Львовичъ Лудинъ, командовавшій нѣкогда гвардейскимъ полкомъ, привыкъ къ порядку и любилъ акуратность.— Непріятности по службѣ, при нѣкоторыхъ нововведеніяхъ въ военномъ вѣдомствѣ, повышение сверстника,

неполученіе ожидаемой награды заставили его выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ деревнѣ онъ охотно бы нарядилъ крестьянъ своихъ въ мундиры и заставилъ бы ихъ молотить рожь въ три темпа, но уничтоженіе крѣпостнаго права рѣшительно ужь тому воспротивилось. Отъ одной досады генералъ перешелъ къ другой. Крестьяне не только не стояли передъ нимъ руки по швамъ, не только издали не ломали ему шапки, но кромѣ того не выходили на урочныя работы, не выплачивали оброка, спорили о всякихъ пустякахъ и не оказывали никакого послушанія. Въ этомъ генералъ видѣлъ признаки общественнаго разрушенія, и когда ему докладывалъ прикащикъ, что староста поѣхалъ съ жалобой на него, генерала и разныхъ орденовъ кавалера, къ волостному старшинѣ и что волостной писарь опять затѣялъ новыя кляузы, Федоръ Львовичъ готовъ былъ кликнуть фельдфебеля и дать ему приказаніе отвести ослушниковъ на конюшню для дальнѣйшихъ распоряженій. Но, увы, — прикащикъ одинъ сохранялъ видъ подобострастья за 600 руб. объявленнаго жалованья и невысказанное право красть сколько ему угодно. Съ глубокимъ вздохомъ осмѣливался онъ представлять его превосходительству, что времена теперь уже другія, что самоуправство воспрещается закономъ, и что если оно и проскакиваетъ иногда въ измѣненномъ видѣ и съ другаго конца, то и это, уповательно, уже не надолго. Слушая такія рѣчи, генералъ желчно смѣялся, поздравлялъ русскую землю съ отмѣннымъ порядкомъ, взъерошивалъ рѣдкіе сѣдые волосы, раскуривалъ трубку и объявлялъ, что онъ уѣзжаетъ, — дѣлайте дескать какъ знаете, а я безъ субординаціи жить не могу. — Нѣсколько разъ онъ даже хотѣлъ вернуться въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ, одинъ его товарищъ уже командовалъ дивизіей, другой, моложе его пятью годами по службѣ, произведенъ былъ уже въ генералъ-лейтенанты. Какъ же будетъ онъ жить съ ними въ одномъ городѣ, вступить опять на службу ему не приходилось, да и служба-то сама измѣнилась въ многомъ. Москвы не любилъ онъ, какъ олицетво-

ренія отставки; за границей ни что его не привлекало. Иностранныхъ языковъ онъ не зналъ, политикой, искусствомъ, наукой, даже природой онъ не интересовался. Горизонтъ его замыкался Марсовымъ полемъ, и то постарымъ преданьямъ то есть выправкой, вытягиваніемъ носковъ, церемоніальнымъ маршемъ, повзводными эволюціями. Въ памяти его звенѣли трубачи, горнисты, барабаны, крики командованія и когда въ воспоминаніяхъ своихъ онъ живо представлялъ себя свербающей штыками плацъ - парадъ и въ облакахъ пыли при громѣ музыкѣ несущуюся пеструю толпу коней, мундировъ, развѣвающихся султановъ, аксельбантовъ, орденовъ — онъ долго сидѣлъ въ задумчивости, вперивъ вдалъ мутный взоръ бѣловатыхъ выдающихся глазъ и крупная слеза скатывалась незамѣтно по загорѣлому его лицу на бѣлѣющіе усы. Живой обломокъ другой эпохи, другаго образа мыслей, онъ попалъ въ новую среду понятій и стремленій, къ которой ничѣмъ не былъ подготовленъ и въ которой ничего не понималъ. Онъ привыкъ слушаться и приказывать. Но разсуждать о томъ что хорошо, что дурно, но принимать участие въ развитіи самобытной народной жизни... этого отъ него никогда не требовалось. Онъ былъ по природѣ справедливъ, добродушенъ, честенъ, щедръ, хлѣбосомъ. Въ полку его любили, не смотря на его взыскательность по службѣ. Состояніе у него было большое. Жилъ онъ всегда роскошно. Все это онъ за собой признавалъ, и никакъ не могъ онъ объяснить себѣ—какъ, по какой причинѣ, онъ, соединяющій въ себѣ всѣ достоинства начальника, былъ вдругъ лишенъ всякой начальнической власти... и гдѣ же... у себя?.. въ своей родовой вотчинѣ, гдѣ еще недавно его встрѣчали на колѣнахъ и валялись у него въ ногахъ, испрашивая его милостей. Развѣ онъ покривилъ душой? Развѣ онъ сдѣлалъ какое нибудь безчестное дѣло? Развѣ онъ кого нибудь обидѣлъ? Развѣ онъ не кормилъ голодныхъ, не обстраивалъ погорѣвшихъ? Онъ ничего, рѣшительно ничего дурнаго за собой не зналъ. Зачѣмъ же онъ наказанъ? Зачѣмъ же онъ, заслуженный генералъ,

галъ ниже мошенника, имъ же изъ его конторы выгнаннаго, одостнаго писаря, котораго всѣ слушаются, тогда какъ его, генерала, получившаго столько знаковъ отличія, никто не слушается. Все это казалось ему вопіющею несправедливостью. Онъ, передъ которымъ дрожалъ гвардейскій полкъ, долженъ былъ становиться на одну доску съ послѣднимъ мужикомъ, его нагло обманывающимъ, — судиться съ нимъ передъ какимъ нибудь отставнымъ поручикомъ, явно мужику потворствующимъ, тогда какъ такъ просто было бы посадить поручика подъ арестъ, а мужика высѣчь. Поневолѣ Федоръ Львовичъ затаилъ въ душѣ глубокое негодование, хозяйство предоставилъ прикащику, а самъ оставилъ за собой хлопоты около дому, строенія выправилъ во всѣхъ ихъ частяхъ и принадлежностяхъ, къ густой рощѣ присадилъ по ранжиру длинныя прямыя аллеи кругомъ всей усадьбы, окопался рвомъ, замкнулся со всѣхъ сторонъ валомъ, оставилъ для выѣзда одни ворота, и огородился какъ въ крѣпости на пушечный выстрѣлъ отъ села, имѣя въ тылу большой прудъ, а по всѣмъ фасамамъ неприступныя фортификаціи. Бѣсчастью, старинный садъ съ разноцвѣтной зеленью, въ безпорядкѣ разбросанный около примыкающаго къ дому круга тѣнистыхъ липъ, нѣсколько смягчалъ грозную симметрію генеральскаго обиталища.

Въ прекрасный іюльскій день стояла погода удушливая. Ни одинъ листикъ на деревьяхъ не шевелился. Въ природѣ все дремало и притихло. Звонокъ для садовыхъ рабочихъ уже возвѣстилъ полдень, по усадьбѣ казалось все вымерло. Въ одной только бесѣдкѣ изъ зеленаго трельяжа съ пригнутой къ нему акаціей слышался шорохъ.

Въ бесѣдкѣ шелъ разговоръ между семнадцатилѣтней дочерью генерала и ея гувернанткой. Молодая дѣвушка съ черными волосами, едва сдерживаемыми голубой сѣткой, и въ бѣломъ утреннемъ платьѣ нетерпѣливо ударяла по землѣ кончикомъ зонтика. Глаза ея сверкали.

— Вы всегда браните меня, говорила она по-французски, что я читаю англійскіе романы. Да что же прикажете мнѣ чи-

татъ. Французскихъ мнѣ не даютъ. Русскіе возможные я читаю, а теперь для меня русскихъ кажется нѣтъ, по крайней мѣрѣ то, что я пробовала читать. Въ журналахъ описываютъ большею частью что-то весьма скучное... и совершенно для меня непонятное.

— Я вамъ не совѣтую читать русскихъ романовъ, отвѣчала высокая красивая женщина лѣтъ за тридцать съ греческимъ носомъ и необыкновенно тонкими губами. — Я вамъ совѣтую вообще не читать романовъ, а читать хорошія учительныя книги для образованія ума и сердца.

Эти слова были высказаны, сухо, тономъ величавымъ какъ будто по официальной обязанности.

Молодая дѣвушка возразила вспыльчиво:

— Да я, развѣ я не читаю вашихъ серьезныхъ книгъ. Я читаю по вашему желанію и вашихъ классиковъ и Боссюэта и Фенелона, читаю Гизо и Вилльмена, Баранта вашего читаю. Да вѣдь это работа, а не отдохновеніе, не удовольствіе. — Помилуйте, мнѣ семнадцать лѣтъ, мнѣ и повеселиться хочется. А въ этомъ зеленомъ монастырѣ съ тоски умереть можно. Гулять негдѣ, степь кругомъ, сосѣдства нѣтъ, общества нѣтъ, развлеченья нѣтъ, дорогъ даже нѣтъ. Послѣднее мнѣ остается—жить въ книгахъ, чужой жизнью. Вы и это хотите отнять у меня.

— Во всемъ есть мѣра, на все есть время, протяжно вымолвила гувернантка. Отчего же не развлечь себя иногда легкимъ увеселительнымъ и свойственнымъ вашимъ лѣтамъ чтеніемъ, но вы не читаете, а глотаете книги. Какъ только васъ заинтересуетъ какая нибудь сказка, вы не можете съ ней разстаться, готовы не спать, не обѣдать, пока не дочитали всего до конца. Этого я одобритъ не могу. Тутъ крайность, могу даже сказать болѣзнь.... какъ всякая страсть. Мало ли у васъ удовольствій другихъ въ деревнѣ—гулянье, катанье, бесѣды съ вашимъ папенькой.

— Съ папенькой? — тутъ молодая дѣвушка судорожно вскинула головкой... Да онъ почти не говоритъ со мной.

Онъ почти всегда недоволенъ или молчитъ или бранить всѣхъ. А что я для него? Игрушка, когда на мнѣ хорошенькое платьє. Непонятливая кукла, когда онъ начинаетъ разсказывать про свой полкъ.

— Позвольте... прервала старшая собесѣдница. — О родителяхъ должно всегда относиться съ уваженіемъ и не осуждать ихъ. У васъ тоже со временемъ будутъ дѣти и вы будете требовать отъ нихъ, чтобъ они уважали свою мать.

Будущая мать еще болѣе вспыхнула. Слезы досады сверкнули на ея большихъ глазахъ. Она хотѣла сказать что-то весьма колкое, но остановилась, закусивъ губы до крови и, немного подумавъ, отвѣчала съ принужденнымъ смиреніемъ.

— Я никого не обвиняю... Я сама виновата. Согласна. Я вообразила себѣ, что Россія край образованный, что жить въ деревнѣ не то, что жить въ ссылкѣ за какое нибудь преступленіе... Въ Смольномъ монастырѣ меня не приготовили къ моей настоящей жизни.

— О вашемъ воспитаніи, прервала наставница, я говорить не могу. Вы лучше меня знаете, отчего вы воспитывались въ Смольномъ монастырѣ. Что же касается до того, что вообще въ Россіи воспитаніе не соотвѣтствуетъ требованіямъ дѣйствительности, это вопросъ такой важный, что такъ какъ вы русская, а я французенка, то о немъ говорить мнѣ неприлично и я это оставляю слѣдовательно въ сторонѣ. — Я только замѣтила, что въ Россіи жизнь всѣхъ обыкновенно застаетъ въ расплохъ, — и что въ Россіи человѣкъ тамъ именно теряется, гдѣ долженъ выказать волю. Хотѣла бы я знать, что вы бы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Вы знаете, что родители мои были весьма знатные люди. Дѣдъ мой былъ маркизомъ. Отецъ мой былъ командоромъ почетнаго легіона. Я родилась въ кружевахъ. Политическіе перевороты лишили, въ несчастію, насъ всего... и я должна существовать трудами своими. Конечно, вашъ батюшка такъ любезенъ, что не даетъ мнѣ чувствовать все, что есть унижительнаго въ настоящемъ положеніи наслѣдницы маркизовъ Шаторивъ. Конечно, мнѣ

иногда очень тяжело... но я умѣю владѣть собой — а вы не умѣете...

— Отчего же?...

— Оттого, что вы нетерпѣливы, избалованы, не умѣете безъ досады выслушать истину, и возмущаетесь противъ всего, что даже косвенно можетъ задѣть ваше самолюбіе.

— Да что же мнѣ дѣлать! Я рада бы исправиться.

— Это вы похвально сказали, но въ васъ есть итальянская кровь и русская необузданность, и я боюсь вы забудете мои совѣты.

— Какіе совѣты?

— Вотъ видите... Вы уже и забыли. А кажется я вамъ сейчасъ же совѣтовала не предаваться вашей страсти къ романамъ.

— Развѣ это страсть?..

— А что же?.. Когда молодая дѣвушка, природой счастливо одаренная, становится по праву хозяйкой дома у вдоваго отца, когда она поняла всю суетность, всю поверхность своего прежняго воспитанія, что она должна дѣлать?— Неужели лежать цѣлый день подъ деревомъ или на кушеткѣ съ какимъ нибудь нелѣпымъ романомъ *Mistriss Wood* въ рукахъ? Не лучше ли ей сдѣлаться настоящей хозяйкой дома, начать жизнь дѣятельную, распредѣлить свое время, подумать о своемъ второмъ, правильномъ воспитаніи, обезопасить себя отъ обмановъ воображенія и доказать, что она въ будущемъ не готовитъ себя для разсѣянности и забавы, а для пользы и добродѣтели...

Молодая дѣвушка вскочила съ скамьи и съ дѣтскимъ увлеченіемъ хотѣла броситься на шею наставницы, но удержалась, взглянувъ на холодное выраженіе ея лица. Наслѣдница маркизовъ говорила какъ поучительная книга, но ни въ ея правильныхъ чертахъ, ни въ ея однозвучномъ голосѣ не проявлялось даже и тѣни любви и участія, которыя одни могутъ придать поученію силу убѣдительности.

За бесѣдкой раздался громкій повелительный голосъ:

— Людмила... Людмила... Гдѣ ты?

Людмила бросила книгу на лавку и поспѣшно выбѣжала изъ бесѣдки къ отцу.

Федоръ Львовичъ, не смотря на сѣдину, былъ еще плотный, статный мужчина, съ ловкими движеніями, съ цвѣтомъ лица нѣсколько похожимъ на красноватый сафьянъ, вѣроятно, отъ привычки къ стужамъ, морозамъ и дождямъ сѣверной природы. Онъ былъ въ военной фуражкѣ и въ сѣренкомъ сюртучкѣ, съ вдѣтымъ въ петлицу орденомъ.

— Я думалъ, что ты пропала, сказалъ онъ.

— Я сидѣла и зачиталась въ бесѣдкѣ, отвѣчала дочь, цѣлуя у него жилистую руку. — Мадамъ Шмидтъ меня за то и бранила.

Генераль улыбнулся наставницѣ и закруглилъ плечи по какому-то прежнему генеральскому щегольству.

— Хорошенько ее... а бесѣдку надо будетъ срыть.

— Папенька!.. какъ можно?..

— А что... впередъ не зачитывайся, отца не забывай.

Генераль былъ въ духѣ, что съ нимъ иногда случалось, когда погода была хорошая, и въ особенности, когда онъ ожидалъ гостей. Какъ русскій человекъ, онъ любилъ угостить. Людмила съ утра замѣтила, что на кухнѣ происходило что-то необыкновенное и что дворецкій Егоръ Самсоновичъ нѣсколько разъ заботливо бѣгалъ къ погребу.

— У насъ будутъ гости? спросила она.

— Какъ же... Большая оказывается сегодня намъ маленькимъ людямъ честь. Развѣ я тебѣ не говорилъ. Насъ удостоиваетъ сегодня своимъ посѣщеніемъ самъ г-нъ мировой посредникъ, отставной арміи поручикъ и бронзовой цѣпи кавалеръ. Я уже думалъ не надѣть ли полную парадную форму, да отъ старосты никакого приказанья по сему предмету еще не получалъ. Авось, и такъ обойдется!

Тутъ онъ разразился громкимъ генеральскимъ хохотомъ.

— А когда же, папенька, вы съ посредникомъ познакомились? Я думала, что онъ къ вамъ не ѣздитъ.

— Гдѣ же, помилуйте, ему было пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ въ его высокому чинѣ! Исправникъ, становой, тѣ пріѣзжали. И за то спасибо. Не подумали, что вѣжливостью передъ старымъ человѣкомъ можно уронить себя, а посредникъ? Куда ты,—слышалъ я, что пріѣзжалъ онъ только въ мою контору, распорядиться моимъ имѣніемъ; дастъ приказанія моимъ людямъ, мужиковъ по головкѣ погладить, чтобъ и впередъ не слушались, а потомъ и поминай какъ звали.

— Да какъ же, папенька, сегодня-то?

— А вотъ какъ. Третьяго дня ѣздилъ я къ нашему сосѣду Щуринову. Хотѣлъ потѣшить бѣднаго человѣка. Житье-то ему признаться не завидное... Да помню я, въ 29-мъ году я служилъ съ его братомъ въ одной бригадѣ. Такъ вотъ пріѣхалъ, да и встрѣтился у него съ посредникомъ. Ну и познакомились... Слово за словомъ. Я говорю, что это вы слѣсивитесь, что къ старому солдату заглянуть не хотите. Занять, говорить. Дѣловъ много. Ну дѣла дѣлами, а чай обѣдать все-таки надо. Вотъ и согласился сегодня пожаловать. Ты однако посмотри, чтобъ столъ былъ накрытъ какъ слѣдуетъ, чтобъ онъ видѣлъ, что онъ въ порядочномъ домѣ и что не смотря на ихъ стараніе, у насъ все-таки кое-что еще осталось.

— Слушаю, папенька.

Федоръ Львовичъ отправился къ себѣ, приготовить на всякій случай кое-какія бумаги о разверстаніи угодій, образующемъ для него нѣчто въ родѣ личной обиды. Разложивъ на столѣ огромный планъ, надѣвъ очки и взявъ карандашъ въ руки, онъ скоро углубился въ соображенія оборонительнаго свойства, какъ бы готовясь выдержать приступъ сильнаго непріятели. Мадамъ Шмидтъ, вдругъ нѣсколько поблѣднѣвшая, задумчиво устремила къ мезонину, гдѣ находилась ея комната, подлѣ комнаты Людмилы. Людмила съ своей стороны пошла къ флигелю, гдѣ дымилась кухня. Толстый поваръ въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ беретѣ тотчасъ явился на ея зовъ и между ними произошло небольшое совѣщаніе.

Молодая дѣвушка разспрашивала съ важностью и достоинствомъ будущей хозяйки. Поваръ отвѣчалъ съ полнымъ величіемъ самоувѣренности и непогрѣшимости. Людмила притворилась, что его понимаетъ и поспѣшила въ пріемныя комнаты. Въ комнатахъ ей показалось душно. Она затворила окна, опустила сторы и потомъ по ступенямъ балкона слѣтѣла въ цвѣтникъ, нарвала цѣлую кучу цвѣтовъ, связала два огромные букета и поставила ихъ сама въ двѣ японскія вазы на столѣ, приготовленный къ обѣду. Проходя мимо зеркала, она невольно въ него взглянула и испугалась. Нѣжное ея личико было все въ пятнахъ.

— Что скажетъ мадамъ Шмидтъ? подумала она громко, что подумаетъ посредникъ? сказала ей тайное женское чувство.

Она поспѣшила въ свою комнату раздѣлась, опрыскалась холодной водой и мила какъ Психея Бановы легла на кушетку.

— Дуняша, что я надѣну къ обѣду?

— Что прикажете, сударыня... Я приготовила лиловое баржевое платье.

— Нѣтъ... я и то красна.

— Бѣлое кисейное прачка принесла, сѣренькое подать можно съ мушками, голубое съ полосками, зеленое въ тѣнь... А что, сударыня, видно хорошіе господа будутъ сегодня къ обѣду? — Поваръ трюфель готовить. — Дай то Богъ жениха намъ хорошаго, да добраго, да богатаго, да главное, чтобъ барышня, онъ вамъ по сердцу пришелся. Признательно сказать, мнѣ больше ничего и не надо. Каждый день, вѣрьте слову, Бога молю. Ужъ такая забота моя, что и сказать нельзя.

— Ахъ, Дуняша, какой ты вздоръ говоришь. Дай мнѣ бѣлое кисейное. Хорошо выглажено.

— Сама, барышня, гладила. Здѣшнимъ прачкамъ ничего вѣдь дать нельзя. Какъ разъ испортятъ. Да какія онѣ прачки, прости Господи... Ничему не ученныя, просто бабы деревенскія... мужички.

Людмила пролежала цѣлый часъ въ полудремотѣ и ду-

мала, думала, сама не зная о чемъ... То ей казалось, что она поднялась на воздухъ и носится между облаками, то вдругъ ей чудилось, что она несется по степи, обгоняя вѣтеръ, и что чье то дыханіе горячо дышетъ у самой ея щеки, и что въ этомъ дыханіи слышатся шопотомъ какія-то слова, которыхъ она никогда еще прежде не слыхивала, а между тѣмъ ей было какъ-то задумчиво-весело, какъ-то уповательно-легко. Пріѣздъ въ деревнѣ молодого человѣка—событіе далеко не обыкновенное. Но кто сказалъ Людмилѣ, что посредникъ молодой человѣкъ и что такое вообще посредникъ. Вѣроятно какой нибудь бѣдный чиновникъ, который и взглянуть на нее не посмѣетъ. Отчего же такое волненіе, такое ожиданіе?... Выходить на повѣрку, что мадамъ Шмидтъ-то и права. Вотъ что значитъ читать романы, дать какое-то глупое мечтательное, несбыточное направленіе мыслямъ, искать и требовать романическаго въ Курской губерніи въ труппѣ, о которой герои романовъ и во снѣ не видывали. А впрочемъ не все ли равно, гдѣ мы живемъ, въ Италіи, въ Малороссіи. Не наружная обстановка, а блаженство сердечное, вотъ цѣль земной жизни, а что нужно для блаженства, для святаго безграничнаго блаженства?—Пожатіе руки, взоръ, полный сочувствія, отгаданная наклонность, единая мысль, сознание радости и спокойствія при свиданіи, сознание взаимнаго горя при разлукѣ. Это немного... и это все... Этого нигдѣ не сыщешь, искавши. Это вдругъ скажется невзначай — тамъ гдѣ и не думаешь.

Вдали зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Барышня!... ѣдетъ, ѣдетъ! дай Богъ въ добрый часъ!

— Что ты, Дуняша... еще рано... Мимо проѣдутъ, какъ всегда.

— Нѣтъ-съ, сударыня... съ большой дороги свортели. Извольте одѣваться.

Колокольчикъ становился все слышнѣе и, наконецъ, издали показался запыленный тяжелый тарантасъ, который, объѣхавъ кругомъ палисадника, остановился у крыльца.

Людмила, набросивъ на себя легкую мантилью, осторожно выглянула изъ-за спущенной сторы и съ замирающимъ сердцемъ начала смотрѣть сверху на то, что происходило у подъѣзда.

Изъ тарантаса съ трудомъ вышелъ весьма толстый господинъ, въ нанковомъ сюртугѣ. Очутившись на крыльцѣ, онъ снялъ картузь, вынулъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ и сталъ имъ обтирать красную лысину, окаймленную, какъ лавровымъ вѣнкомъ, двумя прядями сѣдыхъ волосъ. Людмила чуть не заплакала. Мечты ея разлетѣлись, какъ стая испуганныхъ ласточекъ. Она одѣлась на-скоро, не взглянула ни разу въ зеркало и зашла къ своей сосѣдкѣ, чтобъ вмѣстѣ спуститься въ гостиную. Но г-жи Шмидтъ въ комнатѣ не было. — Раздался первый звонокъ къ обѣду. — Федоръ Львовичъ, какъ человѣкъ акуратный, никого не ждалъ. При первомъ звонокѣ надо было собираться. Второй звонокъ означалъ, что супъ на столѣ и что хозяинъ садится кушать.

Когда Людмила вошла въ гостиную, отецъ ея сидѣлъ съ толстымъ господиномъ, лицо котораго, за исключеніемъ необходимаго, было тоже похоже на лысину. Господинъ вздыхалъ и горько на что-то жаловался.

— А вотъ вамъ моя дочь, прервалъ его Федоръ Львовичъ, — прошу быть знакомымъ. — Мила! сосѣдъ нашъ, Иваноръ Авдѣевичъ Щуриновъ.

«Это не онъ», подумала Людмила и обернулась. Въ столовой стоялъ высокій молодой человѣкъ и съ кѣмъ-то говорилъ, но съ кѣмъ — не было видно. «Вотъ это онъ», подумала Людмила, и на этотъ разъ, не ошиблась. Въ столовой стоялъ мировой посредникъ.

II.

Онъ остановился въ волостномъ правленіи, переодѣлся и прошелъ черезъ садъ. Генералу понравилось, что онъ былъ

во фракѣ, одѣтъ просто, но весьма прилично. Генераль, забывшись, хотѣлъ было даже поцѣловать его три раза и говорить ему ты. Но онъ опомнился, замѣтивъ холодную и нѣсколько серьезную фізіономію своего гостя. Они даже бесѣдовали съ полчаса, но когда пріѣхалъ Щуриновъ, то посредникъ вышелъ въ столовую и вступилъ въ разговоръ съ особой, которой Людмила не могла разглядѣть. Молніеноснымъ женскимъ взглядомъ, она обинула его съ ногъ до головы. Онъ былъ лѣтъ тридцати, не хорошъ и не дуренъ, не великъ и не малъ, съ чертами, нѣсколько крупными, съ глазами маленькими, но выразительными, съ курчавыми темными волосами и усами, плечистъ и съ широкимъ затылкомъ — признакъ твердой воли. Онъ говорилъ такъ тихо, что словъ его нельзя было слышать, но лицо его было блѣдно и онъ казался смущенъ. Общее первое впечатлѣніе было невыгодное. Людмилѣ онъ рѣшительно не понравился.

Въ это время Щуриновъ жалобно продолжалъ свою роль.

— Я, ваше превосходительство, не зналъ попаду ли сегодня къ вамъ. Повѣрите-ль... въ двѣ недѣли шесть кучеровъ перемѣнилъ. И сегодня у меня кузнецъ на козлахъ сидитъ... Право-съ... Не остаются каналы, что станешь съ нимъ дѣлать. Жалованье запрашиваютъ страшное. Деньги давай имъ впередъ. Иначе на идутъ... а деньги получаютъ, пьютъ безъ просыпа. Двоихъ у меня насилу откачали. Видно, грѣхи наши были тяжкіе.

Помѣщикъ Щуриновъ, столбовой курскій дворянинъ, никогда и нигдѣ не служилъ. Дворянское званіе удовлетворяло прежде вопль его честолюбію, имѣніе въ 40 заложныхъ душъ — его вещественнымъ требованіямъ. Онъ въ 50 лѣтъ былъ пашой въ миниатюрѣ, имѣлъ повара, который игралъ при томъ на скрипкѣ, буфетчика, который былъ и ключникомъ по хозяйству, стремяннаго — онъ же прикащикъ — поочередно понукающаго собаками и людьми, двухъ босыхъ казачковъ, которые раскуривали у него трубки, двухъ кучеровъ, которые смотрѣли за садомъ и за экипажами, наконецъ

пьянаго старичка, который, въ веселую минуту, плясалъ передъ нимъ послѣ обѣда въ присядку. Женская его прислуга была еще многочисленнѣе. Онъ держалъ для семейства двухъ нянекъ, трехъ горничныхъ: одну для самовара и двухъ для комнатъ, двухъ прачекъ, двухъ ключницъ. Все это кормилось чѣмъ Богъ послалъ въ общей застольной и усиливалось еще мальчишками по наряду.

Въ огородахъ саживалось и сѣялось все потребное для пищи растительной. Женскій полъ усердствовалъ по части пекарни, квасовъ, соленій, наливокъ. Мужескій доставлялъ доходецъ болѣе существенный, а иной разъ, лишняя рекрутская квитанція позволяла помѣщику съѣздить въ губернскій городъ, провести нѣсколько пріятныхъ вечеровъ съ своей братьей, дворянами. И вдругъ все разомъ рушилось. Поварь со скрипкой, казачки съ трубками, прикащикъ съ борзыми, горничныя съ самоварами и даже сознание дворянской спѣси, дворянской силы... все исчезло какъ сновидѣніе. Въ домѣ осталось семейство: жена, теща, восемь человѣкъ дѣтей, да старая, парализованная разбитая нянька и пьяный старичекъ, который и въ присядку плясать пересталъ. Наступили горькія минуты. Дѣло коснулось разомъ дворянскаго самолюбія и насущнаго хлѣба. Надѣла съ выкупомъ едва хватило на покрытие казеннаго долга. Имущества осталось — старая усадьба да десятинъ сто, съ небольшимъ, безъ рабочихъ рукъ, и безъ капитала. Никаноръ Авдѣевичъ, всегда похожій на лучезарное солнце, началъ походить на багровую луну, когда доставалъ кучера, ѣздивъ по сосѣдямъ напѣвать съ вздохами, свою слезливую монотонную элегію, съ неизбѣжнымъ припѣвомъ: «За грѣхи терпимъ. Видно, грѣхи наши были тяжкіе».

— Представьте, ваше превосходительство, продолжалъ онъ, до чего у нихъ безсовѣстность доходитъ. Былъ у меня огородникъ... Всѣмъ мнѣ мошенникъ обязанъ. Говорю я ему — помоги мнѣ, братецъ, въ огородѣ. Чтожъ вы думаете? Контрактъ, говорить, напишемъ. — Нѣтъ, каково вамъ пока-

жется? чтобъ я съ нимъ-то, съ мошенникомъ, контрактъ сталъ заключать, а онъ у меня сапоги чистилъ? Да, хоть бы грамотъ-то зналъ.

— Это точно, замѣтилъ, покручивая усы, генералъ. Это точно... Грубость теперь большая... Однако, соловья баснями не кормятъ. Пора и щей солдатскихъ отвѣдать. Викторъ Ивановичъ, не угодно ли закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Милочка, поди-ка сюда, мой другъ. Присядь пониже... Это Викторъ Ивановичъ Палинъ, нашъ мировой посредникъ. Вся твоя будущность зависитъ отъ его доброжелательства. Онъ теперь нашъ отецъ и командиръ.

Палинъ холодно поклонился и сталъ еще блѣднѣе. Видно было, что онъ вооружился терпѣніемъ на цѣлый день. Людмила покраснѣла и слегка поклонилась.

Въ это время задребезжалъ второй звонокъ къ обѣду.

— Милости просимъ...

Генералъ и Щуриновъ подошли къ водкѣ. Посредникъ отказался и сталъ подлѣ Людмилы. Она ожидала, что онъ ей что нибудь непременно скажетъ и собиралась духомъ, чтобы отвѣчать. Однако онъ ей ничего не сказалъ, — даже не взглянулъ на нее, а о чемъ-то думалъ.

Сѣли за столъ, роскошно убранный. Тарелки были поставлены серебряныя, употребляемая нѣкогда на маневрахъ, когда генералъ угощалъ въ лагерѣ офицеровъ своего полка. Егоръ Самсоновичъ въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ воротничкомъ выше ушей, величаво отдавалъ приказанія двумъ официантамъ въ нитяныхъ перчаткахъ и ливрейному слугѣ. Людмила сѣла передъ дымящейся серебряной миской и стала разливать супъ. На право ея сѣлъ со вздохомъ Ниганоръ Авдѣевичъ, на лѣво молчаливо-угрюмый посредникъ. Подлѣ посредника усѣлся генералъ. Пятый приборъ остался пустой. Симметрия приготовленного стола была испорчена, что весьма непріятно подѣйствовало на генерала.

— А гдѣ же г-жа Шмидтъ?... спросилъ онъ. — Развѣ она не знаетъ, что мы обѣдаемъ въ три часа.

— Онъ, ваше превосходительство, извиняются, виѣшался почтительно Егоръ Самсоновичъ. — Къ обѣденному столу быть сегодня не могутъ, чувствуютъ себя не совсѣмъ здоровыми.

— Что это? обратился Федоръ Львовичъ къ дочери и нѣсколько измѣнился въ лицѣ.

— Не знаю, папенька. Давеча она была совершенно здорова.

Говоря это, Людмила взглянула на посредника и ей почудилось, что онъ сдерживалъ насмѣшливую улыбку. Это ей показалось страннымъ. Съ другой стороны она находила еще страннѣе и крайне невѣжливымъ, что онъ не только не говорилъ съ ней, но упорно не глядѣлъ даже вовсе на нее, какъ будто бы ей не 17 лѣтъ, какъ будто она не красавица. Сама съ нимъ заговорить она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла, и требуя уже тайно къ себѣ поклоненія и обиженная невниманіемъ, обратилась къ лысому сосѣду, который въ грустныхъ размышленіяхъ ѣлъ за четверыхъ.

— Вы ѣздите верхомъ? спросила она его. — Я такъ люблю ѣздить верхомъ.

— Какъ же-съ... очень... то есть... гдѣ же мнѣ теперь... съ моимъ тѣлосложеніемъ. А прежде... большой былъ охотникъ... и лошадки были... могу... сказать. Ну... ваше превосходительство, какой у васъ поваръ.

— Вамъ нравится... хотите еще.

— Нѣтъ ужъ не могу болѣе... а впрочемъ... попрошу.. Какой у меня былъ поваръ, ваше превосходительство, — пята горькій, — но за то когда я его вытрезвлю. Мастеръ. Не знаю куда мошенникъ дѣвался. Былъ у губернатора. Теперь кажется въ острогѣ.

— А садъ у васъ большой? спросила Людмила.

— Какому быть саду у насъ разоренныхъ людей. Рощица есть небольшая. Былъ цвѣтникъ, крапивой тепер заросъ... А вы, сударыня, по вашимъ лѣтамъ цвѣточки любите... Понятное дѣло! Вотъ у меня... Тутъ Никаноръ Ав-

дѣвичь поперхнулся и чуть не задохся, онъ хотѣлъ глотать и говорить въ одно время, оправившись онъ продолжалъ. — Вотъ у меня дочь Варвара... кругленькая такая. Я называю ее Барбочка, та тоже страшная охотница до цвѣтовъ. Того гляди вѣночекъ сплететь, горшечикъ какойнибудь достанетъ желтофіоли, бальзамина... Въ этомъ возрастѣ горя еще не понимаютъ... Не то что мы грѣшные при старости. Терпимъ за грѣхи свои... Вѣрите-ль, Людмила Федорова...

За этимъ послѣдовала трогательная картина всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ семействомъ помѣщика. Супруга его, родственница княгини Челокотуевой, оставалась съ одной горничной дѣвкой. Дочери его сами гладятъ бѣлье. Прачекъ найти нѣтъ средства. И слова никому не смѣй сказать. Сей часъ расчета требуютъ. Прежде у нихъ были крѣпостные. Теперь мы сами стали крѣпостными.

На эту тему долго продолжались вариации. Людмила, наклонивъ личико къ разскащику, казалось слушала его съ большимъ вниманіемъ, но не слыхала ни одного слова. Все вниманіе ея было обращено на разговоръ слѣва между ея отцомъ и посредникомъ.

— А! вы кажется служили въ военной службѣ?

— Служилъ.

— А! въ какомъ полку?

— Въ Нижегородскомъ драгунскомъ.

— А! стало быть на Кавказѣ?

— Да.

— А! чѣмъ же вы служили?

— Солдатомъ.

Генералъ немного отодвинулся.

— А! вы были разжалованы?

— Да.

— А! по какому случаю? Коль смѣю спросить. За шалость, вѣроятно?

Посредникъ улыбнулся. Глаза его какъ будто открылись

и блеснули. Онъ былъ хорошъ въ эту минуту. Людмила искоса это замѣтила.

- Да... сказалъ онъ,—за шалость.
- Гдѣ же вы напали?
- Въ университетѣ...
- А! вы были студентомъ?
- Былъ.
- Въ Петербургѣ?
- Въ Петербургѣ.
- Кончили курсъ?
- Кончилъ.
- Чѣмъ?
- Кандидатомъ.
- Странно!.. И тогда вы напали. Какъ же это?
- Наша шалость была политическая.
- А!.. понимаю. Ну, а на Кавказѣ въ дѣлахъ были?
- Былъ.
- Ранены?
- Раненъ.
- Получали награды?
- Какъ же. Прощенъ, получилъ два офицерскіе чина.
- А кресты имѣете?
- Имѣю.
- Какіе?
- Владиміра съ мечами, георгіевскій солдатскій.

Генераль ударилъ кулакомъ по столу, такъ что рюмки зазвенѣли. У него за храбрость въ дѣлахъ ни одного ордена не было, потому что онъ ни въ одномъ сраженіи никогда не находился. Не смотря на то военное чувство въ немъ всегда истинно било сильной струей. Въ глазахъ его посредникъ весь преобразовался. Онъ глядѣлъ на него съ завистью, съ восторгомъ, чуть ли не съ благоговѣніемъ.

— Мила! крикнулъ онъ.—Слышала ты, у Виктора Ивановича георгія за храбрость. Да какъ же это? Вы должны носить его по статуту. Я бы спалъ съ нимъ.

— Я и ношу его въ городѣ и на службѣ. Но здѣсь мы на дачѣ.

— Нѣтъ, Викторъ Ивановичъ, нѣтъ, это вы напрасно дѣлаете.— Человѣкъ шампанскаго!— Будете ко мнѣ ѣздить, потѣшите меня, старика.. надѣвайте хоть ленточку.

— Извольте...

— Кто бы могъ подумать! А? Посредникъ и георгіевскій кавалеръ. Да скажите же пожалуйста, Викторъ Ивановичъ, отчего же вы въ отставку вышли?

— По случаю окончанія войны.

— Такъ что за дѣло. Вы могли продолжать службу.

— Я не находилъ надобности быть въ военной службѣ безъ войны.

— Отчего же?

— Не за чѣмъ..

— Не за чѣмъ.. Не за чѣмъ. Какъ? Почему?—Генералъ растерялся. Стало быть онъ самъ тридцать лѣтъ трудился совершенно напрасно... трудиться было не за чѣмъ. Да это вольнодумство, масонство.—Онъ не могъ сообразить ничего. Онъ думалъ сперва обидѣться, но вспомнилъ между тѣмъ, что подлѣ него сидитъ настоящій воинъ, кровью своей заслужившій прощенье и отличіе, а это въ глазахъ его имѣло такой вѣсъ, что онъ самъ, по чувству, признавалъ себя какъ будто подчиненнымъ.

Подали шампанское.

Федоръ Львовичъ пріосанился и сказалъ протяжно.

— За здоровье нашего мирового.—Тутъ онъ остановился и горячо воскликнулъ:

— Нѣтъ, какъ угодно, за ихъ здоровье я пить не стану. Извините меня, Викторъ Ивановичъ. Мнѣ жаль, мнѣ прискорбно, что вы посредникъ... Я пью за здоровье нашего сосъда, нашего дворянина, нашего заслуженнаго георгіевскаго кавалера, который имѣлъ честь носить военный мундиръ, который имѣлъ счастье служить государю и отечеству, — не

такъ какъ я на ученьяхъ, — а кровью своей въ дѣлахъ съ неприятеlemъ. — Ваше здоровье, Викторъ Ивановичъ. — Чокнемтесь. — Чокнись и ты, Людмила.

Людмила поднесла рюмку свою къ рюмкѣ Палина. Онъ взглянулъ на нее и она замѣтила, что онъ остолбенѣлъ, не могъ сказать ни одного слова.

— Ура! промывчалъ Никаноръ Авдѣевичъ, не пропускавшій мимо ни одной бутылки, подносимой Егоромъ Самсоновичемъ.

Людмиль стало неловко. Палинъ глядѣлъ на нее пристально, какимъ то страннымъ взглядомъ наблюдателя и художника. Стало быть онъ былъ, прежде озабоченъ, что въ самомъ дѣлѣ ее не замѣтилъ. Стало быть онъ не притворялся разсѣяннымъ и равнодушнымъ, не игралъ никакой роли. Но теперь какъ онъ ее началъ разсматривать, онъ любовался ею, какъ знатокъ любитъ картиной Рафаэля или греческой статуей. И дѣйствительно Людмила могла возбудить восторгъ чelовѣка одареннаго тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Черты ея не столько отличались правильностью, сколько миловидностью. Античная форма ея головки и шеи, привязь затылка, округленность крошечныхъ ушей, овалъ лица, спускъ плечъ, столь важный въ женской красотѣ, гибкость талия, соразмѣрность бюста и ногъ, всѣ эти условія прекраснаго придавали ей граціозность необыкновенную. Оттого каждое невольное ея движеніе казалось картиною. Густые и черные какъ смоль волосы съ синеватымъ волнистымъ отливомъ были до необычайности мягки и несмотря на усилія гребня вились мелкими кудрями, прорывавшимися на нѣсколько открытый, дѣтскій лобъ и виски, изобличающіе сътъ голубенькихъ жилокъ. Большіе глаза, отуманенные длинными черными рѣсницами, казались оттого черными, но они были темно-голубые и замѣчательно выразительны, то задумывались и казались синимъ бархатомъ, то искрились блескомъ въ минуты гнѣва и веселости, то изображали безмятежно спокойствіе, напоминающее озеро въ безоблачный лѣтній день. Носикъ, нѣжно отточенный, былъ нѣсколько вздернутъ, ротъ

маленькій съ закругленнымъ подбородкомъ, верхняя губа нѣ сколько приподнята отчего при малѣйшей улыбкѣ выказывался рядъ блестящихъ и рѣдко посаженныхъ зубовъ. Вообще верхняя часть лица изобличала характеръ пылкій, даже страстный, нижняя—безпечность, веселость, чистосердечность ребенка. Ребенкомъ и казалась она, по нѣжности кожи, по легкому румянцу.

Платье на ней было бѣлое кисейное съ большимъ голубымъ поясомъ. Ей стало вдругъ дасадно, что она не позаботилась болѣе о своемъ нарядѣ.—Она не понимала, что въ небрежности наряда и таилась особая прелесть.

Палинъ не сводилъ съ нея глазъ. Она чувствовала, что краснѣеть, хотѣла что-то сказать, — не стумѣла. Генераль ее выручилъ.

— А скажите, пожалуйста, обратился онъ снова къ посреднику.—Какъ далеко отсюда имѣніе князя Турагова?

— Верстъ сорокъ.

— Оно у васъ подѣ командой?

— Оно подѣ командой у закона, замѣтилъ улыбнувшись

Палинъ.

— Да! ну это конечно. Но я хотѣлъ спросить: кто тамъ посредникомъ?

— Я.

— Хорошее имѣніе?

— Большое имѣніе.

— Да! Тураговъ богатый человѣкъ... то есть былъ богатый человѣкъ... Теперь богатыхъ помѣщиковъ нѣтъ, не въ укоръ будъ вамъ сказано. Я съ нимъ познакомился въ 28-мъ году. Онъ былъ гвардіи поручикомъ, когда я вступилъ подпрапорщикомъ въ полкъ, которымъ послѣ имѣлъ честь командовать. Теперь онъ сенаторъ и чуть ли не получилъ Бѣлаго Орла.—Я вамъ расскажу забавный случай,—такъ сказать анекдотъ, который съ нимъ былъ.—Это было-съ въ 37, нѣтъ виноватъ въ 38-мъ нѣтъ точно... въ 37-мъ, еще большіе дожди шли. Стояли мы въ Красномъ селѣ. По ночамъ игра

въ азартъ завелась, я вамъ доложу, у насъ страшная. Ну, разумѣется, люди все молодые, время убить чѣмъ нибудь надо. Да и деньги водились. Не то что теперь.—Только представьте себѣ Тураговъ въ одинъ присѣсть пробухалъ 60.000. — Знаете, былъ немножко выпивши. А игралъ съ нимъ, штатскій какой-то, шулеръ естественный, съ брилліантами на всѣхъ пальцахъ. Нарочно къ ночи изъ города приѣзжалъ банкъ метать. Я вижу, что дѣло нечисто и поднялъ скандалъ. Шулеръ на меня вломился въ амбицію, какъ вы смѣете, милостивый государь, говорить, что я мастеръ подтасовывать.— Извините, говорю я,—я не сказывалъ, что вы мастеръ подтасовывать, я сказалъ, что вы такъ скверно подтасовываете, что малый ребенокъ увидитъ, да и показалъ пиковую семерку что онъ на всякій случай припряталъ себѣ въ рукавъ.— Ха, ха, ха!.. Ну тутъ конечно расправа короткая. Запись къ чорту! Шулера въ окно! А вотъ съ того времени съ Тураговымъ мы и подружились. И теперь, повѣрите ли, какъ встрѣтимся, ужъ непременно вспомнить: а помнишь ли, какъ ты, братецъ, меня спасъ? Я моимъ состояніемъ, говорить, тебѣ обязанъ. Я этому мерзавцу все бы проигралъ. А вотъ теперь, по твоей милости, живу.—Да! хорошій онъ человѣкъ. У него и сынъ уже на службѣ.

— У нихъ ваше превосходительство хорошо обошлось, подхватилъ Ниганоръ Авдѣвичъ, языкъ коего уже нѣсколько отяжелѣлъ. — Крестьяне пошли на четверть надѣла. На-те вамъ, отвяжитесь только. Хорошо, когда это можно сдѣлать, самое лучшее дѣло... если долговъ нѣтъ. И тутъ бѣдному человѣку притѣсненіе... Просто хотъ въ петлю... Да вотъ... про себя доложу, ваше превосходительство: пустошь у меня было гвоздиковская. Ъздили мы прежде туда съ семействомъ чай пить. Давалъ я ее своимъ крестьянамъ въ пользованіе—такъ, по глупости. Она дѣдовская, къ имѣнію не принадлежитъ. Въ уставную грамоту, разумѣется, включать ее не слѣдовало.. хотъ на кого сошлюсь, сами разсудите... особнякъ, въ череполоסף.—На глазахъ помѣщика показались слезы..

Дѣдовское благословеніе, женно приданое, что же вѣдь... отняли. — Грѣхъ вамъ, Викторъ Ивановичъ, конечно, мы люди маленькіе, обидѣть насъ легко. Да каково-то будетъ на томъ свѣтѣ.

Людмила взглянула на посредника. Онъ молчалъ, только въ чертахъ его показалось выраженіе спокойной и презрительной горделивости.

Людмила угадала, что онъ не хотѣлъ оправдываться, что онъ усталъ повторять одно и то же людямъ, не желающимъ его понять. Что, наконецъ, онъ, неустрашимый въ борьбѣ съ непріателемъ, отказывался отъ состязанія съ тупоуміемъ. Все это молніей промелькнуло въ ея головѣ.

— Папенька, сказала она, я приказала подать фрукты и кофе на балконѣ.

Палинъ взглянулъ на нее съ благодарностью.

Стулья отодвинулись. Обѣдавшіе отправились подъ холщевой навѣсъ балкона. Выпивъ чашку кофе, Никаноръ Авдѣевичъ извинился передъ генераломъ, что сдѣлалъ привычку отдыхать послѣ обѣда. За тѣмъ, шепнувъ что-то на ухо Егору Самсоновичу, который въ отвѣтъ одобрительно кивнулъ ему головой, исчезъ съ нимъ по направленію къ флигелю, предназначенному для гостей. Генералъ послѣ обѣда не спалъ никогда, боясь удара.... Онъ курилъ трубку, но казался встревоженъ, оглядывался на всѣ стороны, крутилъ усы и вдругъ вскочилъ съ мѣста и вышелъ.

Посредникъ и Людмила остались вдвоемъ. Тутъ уже необходимо было начать разговоръ.

— Не хотите ли курить? спросила она.

— Благодарю васъ. Я не курю.

Людмила открыла синіе глаза свои во всю ихъ величину, и пытливымъ взоромъ ребенка долго и пристально смотрѣла на посредника.

— Вы не разсердитесь на меня, сказала она наконецъ.

— Я... Зачѣмъ?

— Мнѣ хочется у васъ что-то спросить.

— Спрашивайте.

— За чѣмъ вы не отвѣчали на глупость Никанора Авдѣевича?

Палинъ взглянулъ въ удивленіемъ на генеральскую дочь.

— Еслибъ я долженъ былъ отвѣчать на всѣ глупости, которыя слышу, мнѣ бы не оставалось времени для исполненія моей обязанности.

— А ваша какая обязанность.

— Развѣ вы не знаете... Я здѣшній посредникъ.

— Это я знаю... Названіе я знаю... Но вотъ что я хотѣла бы знать: что такое посредникъ?

— Посредникъ—какъ вамъ сказать... Это такой человѣкъ, на котораго мужики сердятся за помѣщиковъ, а помѣщики за мужиковъ.

— Да развѣ ихъ нельзя примирить?

— Не скоро... сказалъ грустно Палинъ. Мы по крайней мѣрѣ этого не увидимъ. Трудъ нашъ свѣше нашихъ силъ. Отъ насъ хотятъ, чтобъ мы все сдѣлали въ одинъ день, чтобъ и крестьяне поняли вдругъ то, чего и помѣщики еще не понимаютъ. Вотъ и Никаноръ Авдѣевичъ на меня сердится, и батюшка вашъ на меня сердится, какъ будто я что нибудь значу и могу. Я здѣсь ровно ничего, какъ только слуга, исполнитель закона.

— А законъ хорошъ?... спросила наивно Людмила.

— Да! воскликнулъ Палинъ. Законъ хорошъ. Законы рѣдко бываютъ дурны. Исполненіе плохо, люди нехороши. Но все равно... Мы должны радоваться. Молодость теперь большое счастье. Вы счастливѣе меня потому, что моложе, вы долго еще будете жить, потому что не знаете горя и трудностей. Вы много еще увидите, и доживете до того времени, когда Никаноры Авдѣевичи и всѣ ихъ упреки, всѣ ихъ оскорбленія, даже всѣ ихъ невымышленныя страданія и огорченія, будутъ невозможными.

Говоря такъ, Палинъ вдругъ остановился. Лицо его оживленное и похорошѣвшее отъ какого-то разгорающагося вдохновенія, мгновенно измѣнилось, стало блѣдно и сурово.

Людмила оглянулась и замѣтила, что госпожа Шмидтъ, выступивъ на шагъ отъ двери, смотрѣла на нихъ, насмѣшливо сжавъ губы и сохраняя свой величавый видъ. Только щеки ея противъ обыкновенія пылали.

— А вы и не спросили о моемъ здоровьѣ... обратилась она къ своей воспитанницѣ.—Батюшка вашъ внимательнѣе васъ.

Людмилѣ стало досадно, что съ ней обращаются, какъ съ дѣвочкой въ присутствіи посторонняго.

— Да вы здоровы, отвѣчала она рѣзко. Иначе вы не пришли бы сюда.

— Какъ вы сегодня нарядны! подхватила съ колкостью гувернантка.

Людмила вспыхнула. При ней явно намекали молодому человѣку, что она для него нарядилась. Будь она опытнѣе, она бы съумѣла злобно отшутиться, но какъ ребенокъ, она потеряла до того присутствіе духа, что не зная, что дѣлать, двумя прыжками порхнула въ садъ, гдѣ тотчасъ, не оглядываясь, скрылась за кустами цвѣтущей сирени.

— Что за несносный характеръ, медленно сказала г-жа Шмидтъ.—А впрочемъ женихи скоро явятся. Она единственная наслѣдница. Найдеть себѣ мужа.

— А вашъ мужъ гдѣ? спросилъ холодно Палинъ.

Отвѣтомъ ему былъ сперва странный взглядъ, похожій на вызовъ. Въ этомъ взглядѣ можно было прочесть и нѣжность и ненависть, на выборъ.

— Вы знаете, промолвила она едва внятно, что я свободна. Мой мужъ въ Сибири.

— Викторъ Ивановичъ, раздался за ними голосъ генерала, не угодно ли вамъ посмотрѣть на планы имѣнія въ моемъ кабинетѣ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Оба удалились.

Госпожа Шмидтъ, тихо опустилась на плетеный стулъ, оперла голову рукой и осталась неподвижна. Передъ ней раз-

стился прудъ голубымъ зеркаломъ. Далѣе торчали въ безпорядкѣ крыши сельскихъ избъ вокругъ церквей съ зеленымъ куполомъ; за ними чернѣли конопляники и сверкали желтыя нивы, вплоть до небосклона. На селѣ издали слышались пѣсни и слабо звенѣлъ колокольчикъ дальняго проѣзжаго. Въ воздухѣ отзывалось тихимъ дремотнымъ спокойствіемъ русской деревенской жизни. Не было лишь спокойствія въ душѣ гувернантки. Безвзорно глядѣла она въ даль, и мысли ея были далеко. Въ чертахъ ея высказывались тоскливость, досада, угроза, и долго, до самаго чая, сидѣла она такъ, не двигаясь, отдавшись вся своей тоскѣ—холодной, непримиримой, безслезной.

Графъ В. Соллогубъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. МАЙКОВА.

I.

МЕНУЭТЬ.

Да-съ, я видѣлъ менуэтець—
О-го-го! Сбаву вамъ... да-съ...
Къ государынѣ пакетець
Въ Петербургъ возилъ я разъ.

Ну дворець—само собою
Ужъ Армидины сады—
И гирляндю цвѣтною
Колыхаются рады.

Только спросишь: «Въ этой парѣ
Кто? простите!» Назовутъ,
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ,
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлне летятъ!

Спросишь, напримѣръ: «Кто это?»
 «Графъ Орловъ».—Чесменскій?—«Онъ»
 «Ну а тамъ?»—Суворовъ!.. Свѣта
 Преставленье! чисто сонъ!

«А съ самой, позвольте, кто же?»
 Князь Таврическій... Горитъ
 Въ брилліантахъ весь... и—Боже!
 Что за поступъ! что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома
 Потрашающіе міръ,
 Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома,
 Собираются на пиръ.

И вступая въ домъ къ царицѣ,
 Волшебствомъ какимъ-то тутъ,
 Вдругъ блестящей вереницей
 Кавалеры предстаютъ.

Передъ ней склоняютъ вши,
 И она лишь, какъ живой
 Образъ такъ сказать Россіи,
 И видна надъ всей толпой...

II.

ВЪ СТЕПЯХЪ.

Мой взоръ теряется въ торжественномъ просторѣ...
 Сіяетъ ковыля серебряное море
 Въ дрожащихъ радугахъ, незримый хоръ пѣвцовъ
 И степь и небеса весельемъ наполняетъ.
 И только тѣнь порой отъ быстрыхъ облаковъ
 На этомъ праздниѣ какъ дума пробѣгаетъ.

1862.

III.

ВОПРОСЪ.

Мы всё хранители огня на алтарѣ
 Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
 Дабы всѣмъ видѣнъ былъ! мы соль земли, мы свѣтъ!...
 Когда голодныя толпы въ годину бѣды
 Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вошютъ,
 Проворчимъ какъ нибудь мы этотъ темный людъ,
 Чтобы не умереть ему, не голодать,
 Намъ есть пока, что дать!

Но еслибъ умеръ въ немъ живущій идеалъ
 И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
 И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ
 Своимъ старѣйшимъ, пророкамъ и вождямъ,—
 Мы всё хранители огня на алтарѣ
 Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
 Дабы всѣмъ видѣнъ былъ, и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
 Чтобъ дали мы ему?...

IV.

У ПАМЯТНИКА КРЫЛОВА.

Вотъ дѣдушка Крыловъ... Всегда въ тотъ уголь сада
 Къ нему толпа идетъ; всегда веселье тамъ
 И смѣхъ. Старикъ какъ будто радъ гостямъ.
 Съ улыбкой доброю, съ привѣтливостью взгляда,
 Со старческой неспѣшностью рѣчей,
 Онъ точно говоритъ съ своихъ высокихъ кресель

Про нравы странные и глупости звѣрей,
 И всѣ смѣются вокругъ, и самъ онъ тихо-весель...
 Но что-то странное въ немъ есть. Толпа уйдетъ,
 И, кажется старикъ впадетъ сей-часъ же въ думу;
 Улыбка добрая съ лица его спорхнетъ

Вслѣдъ умолкающему шуму,

И лобъ наморщится, и скажетъ онъ, съ тоской,
 Во слѣдъ намъ покачавъ маститой головой:

«Ахъ всѣ-то вы, какъ посмотрю я, дѣти!

Вотъ—побасенками старикъ потѣшилъ васъ;

Вы посмѣялися и прочь пошли, смѣясь,—

Того не вѣдая, какъ побасенки эти

Достались старику, и какъ неразъ пришлось

Ему, слагая ихъ, смѣяться, но—сквозь слезъ,

Ужъ жало испытать ехидны ядовитой,

И когти всяческихъ, большихъ и малыхъ птицъ,

И язвы на пальцахъ отъ лисицъ,

И на спинѣ своей ослиное копыто...

И то, что кажется вамъ въ басенѣ моей

Лишь шуткой—отъ того во времена былыя,

Вся, можетъ, плакала Россія,

Да плачетъ, можетъ быть, еще и до сихъ дней!...»

А. Майковъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЪ Г. ОСТРОВСКАГО:

„ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ И ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ“.

(ИЗЪ ПРИГOTOВЛЯЕМАГО КЪ ПЕЧАТИ СОБРАНІЯ КРИТИЧЕСКИХЪ ЭТЮДОВЪ О ЗАМЪЧАТЕЛЬНЪЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ).

Судя по заглавію, можно бы подумать, что авторъ имѣлъ въ виду раздѣлить интересъ пьесы между двумя равносильными дѣйствующими личностями, противопоставивъ одну другой, чѣмъ онъ, разумѣется, нарушилъ бы одно изъ главныхъ условій художественнаго произведенія—единство его и цѣлость. Авторъ не сдѣлалъ этой ошибки. На самомъ дѣлѣ настоящій центръ и герой драмы есть Шуйскій. Самозванецъ, при всей своей важности, все-таки есть лицо второстепенное. По ходу дѣйствія, по цѣли, къ которой направлены всѣ его пружины и по той волѣ, которая ими движетъ, первенство принадлежитъ Шуйскому.

Шуйскій свергаетъ съ престола Лжедмитрія и тѣмъ пролагаетъ къ нему путь самому себѣ. И такъ на Шуйскомъ естественно сосредоточивается все вниманіе читателя или зрителя. Надобно, чтобы авторъ въ дѣйствительномъ историческомъ Шуйскомъ — въ его характерѣ, жизни и судьбѣ, понялъ и отличилъ драматическіе элементы—это главное. Исторія Шуйскаго извѣстна. Ловкій царедворецъ при Борисѣ Годуновѣ, внутренно, конечно, съ прочими древнихъ родовъ боярами, питавшій къ нему нерасположеніе, какъ къ узур-

патору, но, повидимому, готовый служить ему вѣрно и засвидѣтельствовавшій это исполненіемъ въ Угличѣ извѣстнаго порученія, согласно съ его видами, потомъ присягнувшій Лжедмитрію, не смотря на то, что онъ лучше всѣхъ зналъ, что это не истинный царевичъ,—Шуйскій склонялся передъ могучимъ напоромъ событій, заботясь, повидимому, только о своей безопасности. Скрѣпя сердце, онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ другими вельможами, преклонился бы совсѣмъ передъ совершившимся фактомъ, и для избѣжанія общественныхъ смуть, остался бы вѣренъ новому хищнику престола, если бы этотъ послѣдній велъ себя благоразумно. Но нравственная несостоятельность Лжедмитрія, не смотря на нѣкоторыя его блестящія качества, вскорѣ изобличилась, и Шуйскій, достовѣрно знавшій истину смерти царевича Дмитрія, не могъ долѣе сносить обмана, не обѣщавшаго никакихъ благопріятныхъ послѣдствій ни для кого, кромѣ самого обманщика и его друзей и покровителей, поляковъ и іезуитовъ. Чувство національной чести и личной чести древняго княжескаго рода возмутилось въ немъ—Шуйскій открыто и смѣло сталъ противъ позора и скорби видѣть на тронѣ Мономаховомъ дерзкаго пройдоху. Легкомысліе, ложный расчетъ, или великодушіе спасли отъ плахи Шуйскаго, но не погасили въ немъ желанія свергнуть съ престола счастливаго искателя приключеній, а напротивъ, къ патріотическому побужденію и чувству оскорбленнаго родоваго достоинства присоединили жажду мести за осужденіе на казнь и за унижительное помилованіе. Теперь жребій Шуйскаго рѣшенъ—онъ долженъ погубить Лжедмитрія, или погибнуть самъ. Но что же потомъ, если удастся первое? Кто займетъ вакантное мѣсто на тронѣ? Весьма естественно, ему могло придти на мысль, что сѣявшему подобаешь пожать и плоды. Шуйскій, конечно, былъ честолюбивъ, и вотъ честолюбію его казалось сама судьба отрывала широкое поприще. Примѣръ Годунова доказалъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и простой подданный можетъ достигнуть верховной власти. Но кромѣ

того за Шуйскаго были и знатность рода и не запятанность преступленіемъ, потому что не могло же, въ глазахъ его, считаться преступленіемъ уничтоженіе похитителя, попиравшаго народное чувство и готовившаго государству страшную будущность, подъ вліяніемъ Польши и папства. Правда, Шуйскому, въ случаѣ успѣха, недоставало бы всенароднаго формальнаго избранія, но мудрымъ правленіемъ, такъ же какъ и освобожденіемъ отечества отъ чуждой нежданной власти, онъ могъ надѣяться заслужить народную санкцію въ признаніи столь счастливо для народа совершившагося факта. Предъ нимъ конечно былъ печальный и поучительный опытъ Годунова, котораго не спасло и избраніе отъ козней и предательства бояръ, считавшихъ себя и заслугами и правомъ крови ближе его къ трону. Но кого научаютъ чужіе опыты? Особенно честолюбецъ всегда готовъ слѣпо вѣрить въ свою звѣзду и думать, что онъ составляетъ исключеніе и что если его предшественники пали, то пали отъ своихъ ошибокъ, для избѣжанія коихъ у него всегда найдется довольно ума и искусства. Авторъ разбираемаго нами сочиненія не имѣлъ въ виду досказать судьбы Шуйскаго; онъ избралъ изъ его жизни и дѣятельности одинъ моментъ низверженія съ престола Лжедмитрія—на то была его воля.

Изъ сказаннаго видно, что историческій эпизодъ Шуйскаго дѣйствительно заключаетъ въ себѣ возможность драмы, и что слѣд. авторъ не ошибся, избравъ его сюжетомъ своего драматическаго произведенія. Тутъ есть и та чрезвычайность положенія и обстоятельствъ, которая вызываетъ человѣка на дѣла, требующія энергическаго напряженія нравственныхъ силъ, и силы эти поднимаетъ до обширныхъ видовъ; тутъ есть взволнованная, бурная среда, поражающая грозныя страсти, блестящіе успѣхи и великія бѣдствія. Словомъ, тутъ есть и нравственная мощь человѣка, искушаемая, но не подавляемая судьбою и вѣчный антагонизмъ между индивидуальностію человѣческою и общимъ непреложнымъ ходомъ вещей—одна изъ главныхъ стихій, дающихъ такой ве-

личавый и такой трагическій характеръ исторіи челоуѣчества. Эпоха самозванцевъ и междоусобствія съ такими характеристическими личностями, каковы Годуновъ, Лжедмитрій, Шуйскій, съ движеніемъ народныхъ массъ и ихъ представителями и вождями, каковы: Скопинъ—Шуйскій, Ляпуновъ, Мининъ, Пожарскій, Гермогенъ, архимандритъ Діонисій, Палицынъ и проч.—эпоха русской жизни со всѣми ея тревоженіями и чисто національнымъ ея духомъ, безъ сомнѣнія, составляютъ самую знаменательную часть нашей исторіи, къ которой наша поэзія будетъ обращаться, какъ къ роднику богатыхъ драматическихъ концепцій.

Лжедмитрій, второстепенное лицо драмы, составляетъ и до сихъ поръ неразгаданную загадку для историка, психолога и поэта. Самое необъяснимое въ немъ, это родъ замѣчательной образованности, ставившей его выше среды, надъ которою онъ такъ странно былъ призванъ властвовать — это широта государственныхъ видовъ, догадывающая умъ, навывшій въ высшихъ идеяхъ правленія и власти. Способности даны ему были природою; но гдѣ онъ могъ приобрести качества, которыя даются только извѣстнымъ положеніемъ и благоприятными обстоятельствами? Въ Польшѣ, какъ думаютъ нѣкоторые и какъ думаетъ, кажется, самъ авторъ, гдѣ Дмитрій систематически былъ подготовляемъ враждебною Годунову партіей къ тому, чтобы занять его мѣсто. Но справедливо ли послѣднее? Автору драмы впрочемъ не было никакой надобности вдаваться въ соображенія о томъ, какъ все это могло сложиться. Ему нужны были характеры, явившіеся на исторической аренѣ уже съ готовыми элементами и задатками художественной драмы, вмѣстѣ съ постигшимъ ихъ концемъ, а они въ достаточной ясности обозначались исторіей. Въ драмѣ Дмитрій самъ, кажется, если не вѣритъ въ свои царственные права, то все-таки считаетъ себя не обманщикомъ, а какимъ-то избраннымъ существомъ, свыше призваннымъ къ роли, которую теперь долженъ выполнить.

Я,—говорить онъ,—себя не знаю,
 Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
 Я назвался не самъ.—Бояре,
 Давно меня царевичемъ назвали,
 П'сть торжествомъ и злымъ смѣхомъ въ Польшу
 На береженье отдали. Не самъ я
 На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
 Давно меня зоветъ твоя столица,
 Давно идетъ по всей Россіи шопоть,
 Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
 Изъ монастырскихъ келій послало
 Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
 Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ
 На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
 Король меня царевичемъ призналъ,
 Благословилъ меня на царство папа,
 Царевичемъ зовутъ меня бояре,
 Царевичемъ зоветъ меня народъ.

Какъ сонъ припоминаю,
 Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;
 И здѣсь въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
 Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
 И радостно во мнѣ играло сердце.
 Такъ кто же я?.. Ну, если я не Дмитрій,
 То сынъ любви, иль прихоти царицы...
 Я чувствую, что не простая кровь
 Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
 Княжить душа—побѣдъ, коронъ я жажду,
 Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,
 И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
 И подвиговъ моихъ. Отецъ мой Грозный,
 Пусти меня! Счастливый самозванецъ
 И царствъ твоихъ невольный похититель
 Я не возьму тираническихъ правъ твоихъ
 Губить и мучить. Я себѣ оставлю
 Одно святое право всѣхъ владыкъ —
 Прощать и миловать. Я обещаю
 Прославить Русь и вознести высоко,
 И потому теперь сажусь я смѣло
 На сей священный грозный маестатъ.

Авторъ съ большимъ психологическимъ тактомъ выставилъ рельефно эту черту совѣстливости въ характерѣ Самозванца. Пусть этотъ Дмитрій будетъ орудіе Польши, іезуитовъ и московскихъ бояръ, ненавидѣвшихъ Годунова; но безъ глубокаго сознанія, если не права своего, то назначенія самой судьбы, онъ не могъ бы дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, съ такою отвагою и самоувѣренностію, не могъ бы въ такой мѣрѣ проявить замѣчательныхъ способностей, которыми онъ обладалъ безспорно. Во всемъ этомъ нужна сила вѣры въ самого себя и свой жребій, нужна внутренняя опора, которую человѣкъ можетъ найти только въ своей совѣсти и убѣжденіи. Убѣжденіе это можетъ быть основано на ложныхъ началахъ и фактахъ, но оно нужно, чтобы окружить человѣка нравственнымъ обаяніемъ и дать ему господство надъ умами, хотя бы то на время. Но вообще характеръ Лжедмитрія совмѣщаетъ въ себѣ разныя противорѣчія, пеструю и яркую смѣсь дурнаго съ хорошимъ. Онъ вовсе не золъ; напротивъ, онъ готовъ дѣлать добро, миловать, прощать. Въ его правительственной программѣ преобладаютъ либеральныя начала, невѣдомыя тогдашней Россіи, и стремленіе къ реформамъ, что, между прочимъ, сильно повредило ему въ общественномъ мнѣніи.

Править—говорилъ онъ боярамъ—
 Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
 Вездѣ, во всемъ вы дѣйствуете страхомъ:
 Вы жемъ своихъ любить васъ приучили
 Побоями и страхомъ; ваши дѣти
 Отъ страха глазъ своихъ поднять на васъ не смѣютъ;
 Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
 Идетъ отъ страха воинъ на войну;
 Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
 Со страхомъ вашъ посолъ посольство править;
 Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
 Отцы мои и дѣды, государи,
 Въ Ордѣ татарской, за широкой Волгой,
 По ханскимъ ставкамъ страха набирались,

И страхомъ править у татаръ учились.
 Другое средство лучше и надежнѣй—
 Щедротами и милостью царить (стр. 42).

Когда Басмановъ изобличаетъ Шуйскаго въ измѣнѣ, Лже-
 дмитрій говоритъ:

Не вѣрю я. Владычество тирапа
 Пугливаго васъ приучило видѣть
 Измѣнниковъ вездѣ.

Потомъ продолжаетъ:

Я никого не осужу одинъ,
 И не пролью ни капли крови русской!
 Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей думѣ
 Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа,
 И дать ему всѣ средства оправдаться.

Но всѣ эти прекрасныя стремленія, вмѣстѣ съ доблестію
 война и мечтами героя, вмѣстѣ съ обширными замыслами
 политическаго честолюбія, подрывались порывами его страст-
 ной натуры, не могшей подчиниться тѣмъ разумнымъ поня-
 тіямъ, какія рождались въ его собственномъ умѣ. Онъ не
 только хотѣлъ имѣть власть, но и наслаждаться плодами ея.
 Молодость соблазняла его приманками удовольствій, и онъ
 не хотѣлъ въ нихъ отказывать себѣ, хотя эти удовольствія
 находились въ прямомъ противорѣчій съ окружавшимъ его
 порядкомъ вещей. И предполагаемый отецъ его, Грозный
 Иванъ, любилъ удовольствія, и какъ ни были они грубы и
 грязны, но они были свои, туземнаго происхожденія, и по-
 тому народъ, привыкшій къ мысли, что властителю все поз-
 волено, смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы. Удовольствія Са-
 мозванца, именно потому, что они были болѣе утонченнаго
 свойства, поражали всѣхъ своимъ несогласіемъ съ обще-
 ственными обычаями. Отдавшій разъ силѣ своихъ страст-
 ныхъ влеченій, подстрекаемый удобствомъ удовлетворить ихъ

безотчетно, онъ становился безразсуденъ, забывалъ совершенно правило, которое вѣроятно было не чуждо его правительственнымъ идеямъ, что недолжно становиться въ противорѣчіе съ вѣковыми обычаями, нравами и даже предрасудками подвластнаго ему народа, и дошелъ наконецъ до существеннаго и явнаго оскорбленія національнаго чувства. Онъ не хотѣлъ давать воли ни полякамъ, ни іезуитамъ, вовсе не сочувствуя ихъ политическимъ и религіознымъ замысламъ, а между тѣмъ прельщаемый образомъ жизни своихъ иноземныхъ сподвижниковъ и протекторовъ, дозволилъ имъ поступки, оскорбительные для русскихъ, какъ бы ихъ прямой соучастникъ и поощритель.

«Все новое» — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, калачникъ:

Палаты новы у царя; у нѣмцевъ
Кафтаны новы — бархатъ фіолетовъ;
У русскихъ вѣра новая—латинцы
Въ самомъ Кремлѣ поставили костель,
И цѣлый день гнусятъ свои обѣдни,
Своимъ душамъ на вѣчную погибель
И на соблазнъ крещеному народу.
Теперь обѣдать съ музыкой садятся,
Не молятся, ни ругъ не умываютъ.
Поляки бьютъ народъ, сѣкутъ и рубятъ
И встрѣчнаго и поперечныхъ; бродятъ
По улицамъ, по лавкамъ, по базарамъ,
Берутъ добро безъ денегъ и безъ спросу. (Стр. 78).

Такъ все болѣе и болѣе Джемитрій возбуждалъ недовѣріе къ своему царскому происхожденію въ народъ, который былъ убѣжденъ, что настоящій русскій царевичъ не дозволилъ бы себѣ такихъ рѣзкихъ отступленій отъ отеческихъ обычаевъ и преданій. Пріѣздъ Марины въ Москву переполнилъ мѣру народнаго терпѣнія и ускорилъ взрывъ всеобщаго негодованія. Эта честолюбивая, надменная иноземка хотѣла не только того, чтобы Россія чтала въ ней свою вѣчную

царицу, но чтобы, вопреки своей вѣрѣ, достоинству и постоянной враждѣ къ ея отчизнѣ, чтала въ ней польбу. Она хотѣла въ Россіи основать вторую Польшу, съ ея нравами, формами и образомъ жизни, со всѣмъ ея бытомъ, относясь съ пренебреженіемъ ко всему, что должна была уважать въ новомъ отечествѣ за дарованное ей величіе, или казаться уважающею изъ благоразумія. Самозванца, страстно въ нее влюбленнаго, она окончательно совратила съ настоящаго пути и столкнула его въ бездну съ трона, на которомъ онъ, можетъ быть, и удержался бы, если бы его мудрость равнялась прихотямъ судьбы, вознесшимъ его такъ высоко. Но этой-то мудрости и не дается ея случайнымъ созданіямъ; катастрофа должна была совершиться—и она совершилась скорѣе и неожиданнѣе, чѣмъ могли полагать втайнѣ не вѣрившіе въ прочность новой власти.

Дѣйствіе, въ которомъ проявляютъ себя противопоставленные другъ другу лица, начинается въ домѣ Шуйскаго сценою народнаго движенія, возбужденнаго приближеніемъ къ Москвѣ Дмитрія. Къ боярину, какъ къ лицу, пользующемуся наибольшою передъ другими народною любовью и довѣріемъ, собрались граждане московскіе, съ заявленіемъ своихъ радостныхъ чувствованій о возстановленіи на царствѣ древней отрасли русскихъ царей. Идея этого общаго движенія выражается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ одного изъ гражданъ:

Привелъ Господь! Царевичъ прирожденный
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ
И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ
Возсѣлъ опять и утвердился.

Другое лицо дополняетъ эту мысль, говоря:

Чудо
Великое свершилось. Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно поваралъ,

И сохранилъ лѣпорожденну отрасль
Отъ племени царей благочестивыхъ.

Но тутъ же въ народѣ проносится глухо молва, что ожидаемый царь не истинный царевичъ. Нѣкоторые намеками, другіе открыто выражаютъ другъ другу свои сомнѣнія и опасенія, и передаютъ зловѣщіе признаки чего-то необычайнаго, несовмѣстнаго съ общими ожиданіями и вѣрою. Является Шуйскій; въ толпѣ онъ ведетъ себя сдержанно и двусмысленно, не подтверждая подозрѣній и не противорѣча имъ. Но нѣкоторымъ изъ приближенныхъ своихъ онъ прямо объявляетъ о подложности Дмитрія. На вопросъ Осипова: не монахъ ли онъ? Шуйскій отвѣчаетъ:

Ну, вѣтъ, не чернецомъ онъ смотритъ...
Ошиблись мы съ Борисомъ. Монастырской
Повадки въ немъ не видно. Рѣчи быстры
И дерзостны, и поступью проворень,
Войнолюбивъ и смѣлъ, очами зорокъ,
Орудуетъ доспѣхомъ чище лаховъ,
И на коня взлетаетъ, какъ татаринъ.

Потомъ рѣшительно говоритъ тому же Осипову:

Онъ воръ, не царь, и сходства очень мало
Съ покойникомъ; не царская осанка,
Вертлявъ, и говорливъ, и безбородъ,
Обличіе и поступь препростыя,
Не сановитъ, да и лѣтами старше!

Нѣсколькимъ бупцамъ, добывавшимся удостовѣренія въ истинѣ, онъ объясняетъ также прямо, что этотъ Дмитрій не царевичъ, а Отрепьевъ.

И такъ Шуйскій въ самомъ началѣ драмы выступаетъ уже противъ Лжедмитрія и старается посѣять и распространить враждебное къ нему расположеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить къ себѣ сочувствіе, какъ къ единственному изобличителю обмана и защитнику народной чести и законно-

сти. Тутъ же, въ прекрасномъ монологѣ, онъ раскрываетъ и свои виды на престолъ.

Русь — говорить онъ —
Скомороха на тронѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ. Рано или поздно,
Бродяга, царь московскій самовольный
Поплатится удалой головой.
Потомъ... Потомъ — я царь!

Весь этотъ монологъ на стр. 22, 23 и 24 отличается блестящимъ литературнымъ достоинствомъ, какъ по вѣрности идей, такъ и по изяществу поэтическаго рисунка и изложенія. На одно только мѣсто мы можемъ указать, которое намъ кажется ошибочнымъ и въ психологическомъ смыслѣ и въ смыслѣ самой пьесы, именно, гдѣ Шуйскій, говоря о своихъ видахъ на престолъ, выражается такъ:

Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца.

Такое немножко грубое и слишкомъ хладнокровное сознание въ предосудительныхъ замыслахъ едвали естественно въ человѣкѣ, недостигшемъ вершины зла, гдѣ уже вовсе не церемонятся ни съ совѣстію и ни съ какими нравственными началами. Да и къ чему Шуйскому рѣшаться на такія темныя крайности, или даже мечтать о нихъ, когда и безъ того онъ могъ достигнуть цѣли? Событія такъ сложились, что въ этихъ крайностяхъ не было никакой необходимости—обстоятельства сами открывали ему путь къ престолу. Отъ того и въ драмѣ онъ дѣйствуетъ открыто, самоувѣренно и прямо. Онъ мужественно идетъ на встрѣчу очевиднымъ опасностямъ, не боится пытки, плахи. Его сила не въ обманѣ и козняхъ, а въ законности самаго дѣла, въ избавленіи Россіи отъ тѣхъ бѣдствій, какими угрожаетъ ей торжество Лжедмитрія и друзей его поляковъ, и если онъ думаетъ о престолѣ, то съ его точки зрѣнія, не имѣлъ ли онъ права помышлять о немъ, какъ о

наградъ за свой подвигъ, когда прямыхъ и законныхъ наследниковъ не было? Конечно, это не есть героическое великодушіе, однакожь и не есть вина, которая бы ставила его наравнѣ съ великими историческими злодѣями. О какомъ же преступленіи тутъ можетъ быть рѣчь, когда верховная власть, такъ сказать, сама впадала въ его руки? Въ самой драмѣ нѣтъ ни повода къ нему, ни факта въ этомъ родѣ. Авторъ этою чертою, можетъ быть, хотѣлъ означить, что и Шуйскій принадлежалъ къ тому разряду честолюбцевъ, которые для возвышенія своего не останавливаются ни передъ какою нравственною преградой; однако изъ хода въ драмѣ этого не видно, и не зачѣмъ было безъ нужды бросать тѣнь на характеръ, обставленный въ ней другими атрибутами, не имѣющими такого предосудительнаго значенія. Что Шуйскій честолюбивъ и что честолюбіе вообще не такая дорога, которая бы вела къ святости—это вѣрно; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякій по ней идущій непременно свирѣпствовалъ и злодѣйствовалъ, безъ очевидной надобности, опрокидывая всѣхъ и все ему встрѣчающееся.

Вторая сцена первой части заключаетъ въ себѣ торжественную встрѣчу Лжедмитрія въ Кремлѣ. Посреди оживленной группы русскихъ гражданъ, нѣмцевъ и поляковъ, привѣтствующихъ новаго царя, являются знатнѣйшіе бояре, члены царскаго сингелита—Мстиславскій, Буракинъ, Бѣльскій, Воротынскій, Басмановъ. Видно, что у нихъ нѣтъ единодушнаго чувства, которое должно бы одушевлять всякаго въ достопамятный моментъ, когда является спасенный отъ Годуновскаго ножа законный наследникъ престола; всѣ они какъ то смущены, встревожены, носятъ въ себѣ какую то затаенную думу, или обращаются съ какимъ нибудь укоромъ другъ къ другу, напоминая этимъ общую боярскую рознь и вражду. Ихъ, по видимому, не очень заботитъ будущность, которая за этимъ днемъ ожидаетъ Россію. Одинъ Голицынъ выражаетъ мысли, достойные государственнаго и земскаго чловека, хотя съ аристократическимъ оттѣнкомъ:

Да, настало время—говорить онъ—
 Вздохнуть и намъ. Димитрій, Богомъ данный,
 Видалъ ине царства и уставы
 Иную жизнь боярства и царей;
 Оставитъ онъ тиранскіе порядки;
 Народу льготы, намъ, боярамъ, вольность
 Пожалуетъ; веругъ трона соберется
 Блестательный совѣтъ вельможъ свободныхъ,
 А не рабовъ трепещущихъ и льстивыхъ
 Иль бражниковъ опричины кровавой
 На всѣхъ концахъ Россіи проклятой.

Шуйскій холоденъ и сдержанъ; но по временамъ у него вырываются замѣчанія, исполненныя ироніи. Лжедмитрій пошелъ въ архангельскій соборъ поклониться праху почившихъ князей и царей русскихъ, а на площади гремѣла польская музыка. На восклицаніе Мстиславскаго: «веселый день!» Шуйскій отвѣчаетъ:

И царь у насъ веселый:
 Самъ молится, а музыка играй!
 Повеселить отцовъ и дѣдовъ хочеть.
 Давно они въ тиши гробницъ смпренно
 Подъ пѣніе молебное, подъ дымомъ
 Кадильныхъ ароматовъ, почиваютъ,
 И музыки доселѣ не слышали.

Драма подвигается впередъ—Басмановъ доноситъ Лжедмитрію объ измѣнѣ Шуйскаго, чему сначала онъ не вѣритъ; однако, по настоянію Басманова, назначаетъ надъ измѣнникомъ судъ въ Царской Думѣ. Въ сценѣ, гдѣ это происходитъ, Лжедмитрій, между прочимъ, предается размышленію о своемъ происхожденіи, судьбѣ и своемъ назначеніи. Изъ монолога объ этомъ мы привели уже нѣсколько стиховъ; но весь онъ заключаетъ въ себѣ превосходную характеристику Лжедмитрія по исторической правдѣ и вѣрности психологическаго анализа, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ блистательную поэтическую картину отличающуюся ясностію и

теплотою колорита. Мы просимъ читателей особенно обратить вниманіе на выраженіе чувствованій самозванца, когда онъ вступилъ въ царственные чертоги и на обращеніе его къ Іоанну Грозному. Это мѣсто чрезвычайно замѣчательно въ томъ смыслѣ, о какомъ мы сейчасъ сказали. Далѣе открывается судъ надъ Шуйскимъ, который признается въ томъ, что дѣйствительно возбуждалъ въ народѣ мысль о подложности явившагося Дмитрія, но въ защиту свою приводитъ причину, что онъ тѣмъ только исполнялъ волю покойнаго царя Бориса, повелѣвшему ему, еще въ началѣ появленія Дмитрія, объявить всенародно, что настоящій царевичъ погибъ, и слѣдовательно этотъ не настоящій царевичъ. На укоризну Басманова, что онъ не только тогда, но и теперь смущаетъ народъ, Шуйскій отвѣчалъ уклончиво, но безъ робости и малодушія. Дмитрій ведетъ себя съ достоинствомъ, спокойно, безъ гнѣва, самъ не хочетъ произнести приговора надъ обвиняемымъ, но повелѣваетъ это сдѣлать Думѣ по закону и совѣсти. Дума приговариваетъ Шуйскаго къ смерти. Дмитрій отмѣняетъ это рѣшеніе, приказывая вывести Шуйскаго на лобное мѣсто, положить голову его на плаху и объявить ему прощеніе. Въ послѣдовавшей за тѣмъ сценѣ Дмитрія съ Масальскимъ, есть мѣсто, которое намъ показалось совершенно и неумѣстнымъ и лишнимъ. Это декларация самозванца о любви его къ Ксеніи, дочери Бориса и намѣренія добиться ея сочувствія. Онъ даже изъявляетъ желаніе по-рыцарски сразиться за нее съ какимъ нибудь соперникомъ, чтобы цѣною побѣды пріобрѣсти ея сердце. Хотѣлъ ли авторъ этимъ представить сколь возможно оцутительнѣе легкомысліе Лжедмитрія, которое быстро и неожиданно переходило отъ важныхъ государственныхъ заботъ къ веселой игрѣ въ юношескія чувствованія и потѣхи, для чего необходимо, разумѣется, требовалась женщина? Но въ такомъ случаѣ, эпизодъ, придуманный авторомъ, занимаетъ слишкомъ ничтожное мѣсто въ драмѣ; онъ видимо составляетъ что-то приставочное въ пьесѣ, не имѣющее ни начала, ни послѣдствій, что-то случайное какъ бы

слегка и нечаянно набѣжавшее. Для показанія легкомыслія Лжедмитрія, достаточно было и другихъ данныхъ, которыми авторъ и воспользовался. При томъ извѣстно, что Дмитрій неотличался доброю нравственностію и что его любовныя забавы носили на себѣ характеръ грубаго сластолюбія, котораго и сдѣлалась жертвою Ксенія. Облагородить это помощію рыцарскаго сентиментализма, какъ это сдѣлалъ авторъ, значило поступить явно противъ свидѣтельства исторіи. Да и естественна ли любовная выходка Дмитрія почти наканунѣ брака его съ Мариною, въ которую онъ влюбленъ, и при томъ передъ глазами поляковъ, ея родственниковъ и друзей?

Касательно легкомыслія Лжедмитрія очень хорошо выразился Басмановъ въ отвѣтъ своемъ Голицыну и Мстиславскому на замѣчаніе ихъ о томъ, что ему не удалось погубить Шуйскаго:

Обидно мнѣ не за себя, бояре!
Онъ добрый царь, но молодъ и довѣрчивъ;
Играсть онъ короной Мономаха,
И головой своей и всѣми нами.

Послѣ сцены Дмитрія съ царицей Марьей, гдѣ она принимаетъ его за своего сына, онъ съ большею увѣренностію и, такъ сказать, безъ оглядки предается своимъ идеямъ и порокамъ, болѣе и болѣе забывая о благоразумной осторожности. Шуйскій между тѣмъ не дремлетъ. Ставъ, послѣ избавленія отъ плахи, при помощи своей ловкости и ума, близкимъ человѣкомъ къ Дмитрію, онъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе подвигаетъ дѣло свое впередъ. Онъ пользуется всѣми его ошибками, которыя растутъ и накапливаются съ каждымъ днемъ, искусно возбуждаетъ въ народѣ, посредствомъ усердныхъ своихъ агентовъ, противъ него негодованіе и въ средѣ самыхъ бояръ, находитъ себѣ тайныхъ единомышленниковъ. Прибытіе Марины въ Москву, какъ мы видѣли уже, служитъ для Лжедмитрія новымъ искушеніемъ и успливаетъ средства Шуйскаго. Уступая безразсуднымъ ея домогательствамъ, онъ

дѣлаетъ неслыханное въ Россіи дѣло — вѣнчаетъ женщину царскимъ вѣнцомъ, при этомъ расточаетъ безсчетно государственную казну на подарки ей и пиры, въ которыхъ все— и музыка, и пляска и одежда и яства чужія, противныя народу. Напрасно вѣрный Басмановъ предостерегаетъ его; тяжесть ошибокъ его и страстныхъ увлеченій, какъ неотразимая роковая сила гнутъ его неотразимо на ту сторону, гдѣ готовить ему бездну Шуйскій и оскорбленное національное чувство. И хотя онъ наконецъ послушался Басманова и велѣлъ арестовать Шуйскаго, однако это было уже поздно. Авторъ очень искусно схватываетъ главные характеристическіе симптомы въ этомъ бурномъ и хаотическомъ волненіи событій чрезвычайныхъ и страстей, направляя все ихъ къ одной неизбѣжной катастрофѣ—гибели Лжедмитрія и торжеству Шуйскаго. Сцена, гдѣ происходитъ эта трагическая развязка начинается набатомъ. Дмитрій и Басмановъ думаютъ сначала, что это пожаръ.

Пожаръ теперь бѣда—говорить послѣдній—
Москва горѣтъ горазда;
Какъ приймется и не уймешь покуда
Не выгорить поболѣ половны.

Но оба скоро удостовѣряются, что это призывъ къ общему возстанію. Начинается страшное смятеніе—народъ, предводительствуемый Шуйскимъ, врывается къ Кремль и проникаетъ въ царскія палаты. Дмитрій однако не теряетъ присутствія духа и велитъ призвать къ защитѣ нѣмцевъ и поляковъ, желая умереть, если это необходимо, въ битвѣ съ мечомъ въ рукахъ. Басмановъ, вѣрный до конца тому, кому онъ присягнулъ, падаетъ пораженный Татищевымъ. Дмитрій скрылся и его повсюду ищутъ. Шуйскій ободряетъ народъ и распоряжается, какъ главное лицо и какъ мастеръ дѣла.

Проворнѣ ребята! говоритъ онъ — не забывать зачѣмъ пришли! Пограбить успѣете. Ищите намъ разстригу, уйти нельзя. Тащите къ намъ живаго или мертваго! Обезоружьте

нѣмцевъ. Нетрогать ихъ, они впередъ годятся, спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу, поставь при нихъ; царицны покой оберегай! Не съ бабами воюемъ!

На одну минуту однако устѣхъ возстанія дѣлается сомнительнымъ такъ, что самъ Шуйскій смутился — стрѣльцы хотятъ стоять за Дмитрія, пока ихъ не увѣрятъ, что онъ не истинный царевичъ. Шуйскій успѣваетъ уничтожить всѣ ихъ сомнѣнiя. Дмитрій найденъ безоруженный и раненый; но онъ свердо стоитъ за свое мнимое право и осыпаетъ укоризнами Шуйскаго, требуетъ суда народнаго — Шуйскій отвѣчаетъ:

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!.. кончайте съ нимъ, ребята!

А между тѣмъ обращается къ народу, толпящемуся у двора и говоритъ, указывая на Дмитрія:

Эй! винится!
Во всемъ, во всемъ разстрига повинился.

Валуевъ убиваетъ несчастнаго — Шуйскій восклицаетъ къ народу: «покончили!» Въ народѣ слышны блики:

Храни тебя Господь на многи лѣта!
Великій Князь и Государь Василій Ивановичъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ содержанiе пьесы и ходъ ея дѣйствiя и то и другое очень просто и всегда опираются на историческiя данныя. Авторъ не задавался никакою отвлеченною мыслью; единственною цѣлю его было — извечъ изъ фактовъ нашей исторiи присущiе имъ драматическiе элементы и представить ихъ въ органически цѣлой художественной, соотвѣтственной имъ формѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы у автора не было никакой направительной мысли. Въ характерѣ и дѣйствiяхъ Шуйскаго, какъ и въ судьбѣ Лжедмитрія, онъ понялъ и поставилъ на видъ историческiй законъ,

что если неизбежный ходъ вещей вызываетъ на сцену міра извѣстные событія, то свободѣ воли человѣческой предоставлено изъ самаго этого хода извлекать сущность и направлять событія по своему усмотрѣнію и видамъ, и что далѣе эти виды должны быть судимы и взвѣшиваемы по высшему нравственному принципу, каковы бы ни были успѣхи или неуспѣхи ихъ. Угрожаемая русская народность требовала защиты противъ тѣхъ, кто ей угрожалъ. Такъ или иначе это требованіе должно было выразиться и нуженъ былъ дѣятель, который бы взялъ на себя великое народное дѣло и по своимъ способностямъ и характеру въ состояніи былъ бы совершить его. Надобно было уничтожить главную силу, слишкомъ рѣзко, слишкомъ несвоевременно и незаконно воздвигшуюся на измѣненіе народныхъ нравовъ и обычаевъ, которые могли быть измѣнены только или ходомъ самыхъ вещей, или реформою диктатуры, по диктатуры не чужой, а своенародной, облеченной всѣми полномочіями закона, и исторической необходимости, а не пришлой воли. Тутъ были самые противуестественные и враждебные народу распорядители — поляки и католики и подъ ихъ вліяніемъ Лжедмитрій, обманщикъ, да хотя бы и не обманщикъ, но лицо дѣйствовавшее совершенно вопреки національному чувству—онъ, этотъ непріазанный, чужой, неразумный реформаторъ долженъ былъ пасть и Шуйскій создалъ его паденіе. Чтожъ ему предстояло сдѣлать послѣ того? Предоставить народной волѣ избрать царя, или тотчасъ воспользовавшись благопріятною минутою сдѣлаться самому царемъ. Тамъ было прекрасное, благородное, высоконравственное дѣло, здѣсь соблазнялъ успѣхъ обширнаго личнаго честолюбія, эгоизма. Собственная воля Шуйскаго въ этихъ противоположныхъ равносильныхъ понужденіяхъ вещей должна была рѣшить — какому теченію послѣдовать; ей предстояло выдержать испытаніе передъ судомъ великаго нравственнаго закона — Шуйскій не выдерживаетъ его, онъ долженъ быть и осужденъ этимъ судомъ за то, что въ совершенномъ имъ дѣлѣ онъ поставилъ на мѣсто общественной воли

свой эгоизмъ, свою личную волю, свое честолюбіе. Положимъ, что онъ былъ достойнѣе всѣхъ занять мѣсто, на которое погушался взойти, что онъ искренне и справедливо вѣрилъ въ возможность умиротворить Россію и дать ей блага, которыхъ никто другой тогда дать ей не могъ. Но нравственный законъ требовалъ, что бы не онъ самъ далъ себѣ это назначеніе, вмѣстѣ съ сопряженными съ нимъ правами, чтобы онъ дождался ихъ отъ тѣхъ, кто имѣлъ право судить о его достоинствахъ и справедливости его притязаній. Словомъ, по пресѣченіи царскаго рода, новаго царя должна была возвести на тронъ не партія, а Россія. Онъ не былъ, какъ замѣчено нами выше, преступникомъ, потому что не похищалъ ничего права, какъ Годуновъ и Самозванецъ, но вовсякомъ случаѣ, онъ не честный, не добродѣтельный человѣкъ, потому что сдѣлалъ то, чего не слѣдуетъ дѣлать честному и добродѣтельному человѣку—свои личные интересы онъ поставилъ выше общественнаго долга. Его нельзя ни презирать, ни ненавидѣть; но и уважать его не за что. Словомъ онъ таковъ, какимъ представляетъ его намъ исторія.

Въ заключеніе драмы, авторъ поясняетъ ея общую мысль, влагая въ уста Голицына слѣдующіе стихи о Шуйскомъ:

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
 Бояриномъ ему бы оставаться,
 Крамольнику не слѣдъ короноваться.
 Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой;
 Обонмъ тронъ Московскій былъ могилой.
 Для Шуйскаго примѣровъ не довольно:
 Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно.
 Не царствовать ему! На тронъ свободный
 Садится лишь избранникъ всенародный.

Пьеса Г. Островскаго заключаетъ въ себѣ замѣчательныя художественныя красоты. Правда, зданіе драмы не отличается широкими и величественными размѣрами, которые бы поражали смѣлостію задачи и обиліемъ творческихъ комбинацій. Авторъ не возвышается до того всеобщаго, необы-

чайнаго момента нашей исторической жизни, гдѣ совершилось столь много трагическаго и важнаго для нашей будущности. Онъ держится въ скромныхъ границахъ одной личности Шуйскаго въ связи съ другою—личностію Лжедмитрія и ближайшихъ къ нимъ отношеній. Онъ также не отличается изобрѣтательностію положеній, свидѣтельствующею о силѣ поэтическаго творчества. Предназначивъ себѣ цѣль изъ избраннаго имъ историческаго мотива извлечь его драматическія стихіи, онъ воспользовался ими не только съ полнымъ знаніемъ исторіи, но и съ искусствомъ опытнаго и даровитаго поэта. Дѣйствіе въ его пьесѣ развивается въ постепенно возрастающей занимательности само собою, безъ всякихъ искусственныхъ усилій со стороны поэта, безъ аффектаціи; онъ предоставляетъ ему идти своимъ естественнымъ историческимъ путемъ, заботясь единственно о сосредоточеніи вниманія читателя или зрителя на главныхъ моментахъ и лицахъ и о томъ, чтобы эти моменты и лица являлись передъ нимъ въ движеніи и полно тѣ жизни. Въ пьесѣ нѣтъ выдуманыхъ произвольно и напрасно ни лицъ, ни событій и страстей—и вообще простота ея въ планѣ и исполненіи, отсутствіе всякаго усложненія, запутанности, умничанья, составляетъ одно изъ существенныхъ ея качествъ и достоинствъ. Что касается до характеровъ, то разумѣется всего болѣе обращаютъ на себя вниманіе по своей сосредоточенности, характеры Шуйскаго и Лжедмитрія, о которыхъ мы и должны были распространиться выше. Другіе характеры, съ меньшимъ значеніемъ для драмы, не нуждались въ такой полнотѣ и опредѣленности развитія, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, нѣсколько болѣе выдвигающіеся, отгѣнены чертами своеобразными. Таковы, выступающіе изъ безцвѣтной среды, бояре: Голицынъ, Татищевъ, Басмановъ. Послѣдній впрочемъ такое замѣчательное историческое лицо, что требовалось бы, по нашему мнѣнію тщательнѣйшей и болѣе серьезной оттушовки. Слѣдовало бы кажется хоть нѣсколькими чертами дать почувствовать зрителю или читателю, почему онъ такъ рев-

ностно служить Дмитрію и охраняетъ его. Не могъ онъ не знать, что это за личность—и должны быть сильныя причины, заставляющія его держаться стороны самозваннаго царя. Басмановъ не дюжинный царедворецъ, который бы изъ одного мелкаго своекорыстія или боязни рѣшился стать подъ его знамена и оказать столько преданности дѣлу, ни въ законности котораго, ни въ прочности онъ не могъ быть увѣренъ. Надобно было имѣть въ виду, что Басмановъ былъ изъ людей новыхъ, что бояре древняго рода смотрѣли на него съ пренебреженіемъ и что онъ видѣлъ въ Дмитріи данныя, по которымъ послѣдній могъ сдѣлаться опорой земскихъ людей, а не быть только орудіемъ придворныхъ козней. Женщины, царица Марѳа и Марина Мнишекъ, являются съ свойственными имъ историческими чертами — одна слабою, изъ боязни, ради выгодъ житейскихъ жертвующею своими материнскими чувствами въ пользу Самозванца, пока онъ могучъ и отрекающеюся отъ него въ минуту неизбежнаго паденія; Марина властолюбивою, хитрою, жаждущею короны и царскаго величія. Всѣ другія лица, содѣйствующія ходу драмы, не смотря на кратковременность своего появленія, обозначены по возможности каждое индивидуальными чертами. Таковы представители народнаго движенія *калачникъ*, умный и бойкій подстрекатель народа противъ Лжедмитрія, *Коневъ*, движимый тѣмъ же чувствомъ, но простодушнѣе и сосредоточеннѣе перваго, подъячій съ обычнымъ своимъ оффиціальнымъ подмигиваньемъ и придиричивостію и проч. Мы позволимъ себѣ только сдѣлать замѣчаніе противъ юродиваго Аеопа. Юродивый сдѣлался общимъ мѣстомъ въ нашихъ историческихъ драмахъ. Безъ него не обходится почти ни одна. Оставляя въ сторонѣ религіозную сторону, эти русскіе. Діогены составляютъ типическое проявленіе нашей народности. Прикрывшись щитомъ религіи и дѣйствительно воодушевленные ею, они принимали на себя роль публицистовъ и обличителей общественныхъ и административныхъ пороковъ. Это были олицетворенные протесты различныхъ злоупотреб-

лений, единственные въ тѣ темныя времена, когда страхъ смыкалъ всѣмъ уста и когда письменныя изобличенія кромѣ тайныхъ доносовъ и подметныхъ писемъ, были невозможны. Одинъ Божій человѣкъ, убогій, отвергнутый міромъ и самъ его отвергнувшій, напускающій на себя безуміе, но въ высшей степени умный и тонкій, одинъ такой человѣкъ, подъ покровительствомъ ученія, что такимъ Богъ открываетъ свою волю, могъ въ мистической экзальтаціи притворной или истинной, являться смѣлымъ глашатаемъ противъ злоупотребленій власти всесильнаго произвола и порока. Для этого надобно было имѣть замѣчательную силу ума и воли. Поэтому мы нисколько не противъ употребленія этого элемента въ нашей исторической поэзіи. Но его уже кажется слишкомъ много употребляли и онъ опопылся, сдѣлался, какъ выше мы замѣтили, общимъ мѣстомъ. Въ пьесѣ Островскаго онъ является не въ лучшемъ свѣтѣ—по обыкновенію, онъ говоритъ мистически, но безъ всякой надобности — дѣло слишкомъ ясно само по себѣ и не требуетъ никакихъ таинственныхъ, чрезвычайныхъ пружинъ и возбужденій. Отъ того его никто и не слушаетъ и онъ является только какъ бы по заведенному порядку, что нельзя же обойтись безъ юродиваго, когда дѣло идетъ о прошлыхъ и особенно смутныхъ временахъ.

О языкѣ драмы, мы не можемъ отозваться иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. Это чистый русскій языкъ, употребленный и обработанный вполне художественно. Онъ живъ, отчетливъ, легокъ и благороденъ, не переставая быть языкомъ *соразмѣрнымъ*, т. е. согласнымъ съ характеромъ мыслей и положеній лицъ и вещей. Тутъ нѣтъ ни изысканныхъ фразъ, ни пошлой преднамѣренной вульгарности, изъ которыхъ одними стараются нерѣдко придать важный тонъ выраженію безъ важности идей, а другою придать слогу народность, какъ будто поэтически и вѣрно понятая наша народность не есть въ высшей степени благородство.

Но одно изъ важнѣйшихъ правъ этого литературнаго произведенія на одобреніе критики состоитъ въ томъ, что, при-

надлежа по идеѣ и намѣренію къ разряду поэтическихъ, оно дѣйствительно заключаетъ въ себѣ много поэзіи. Ни историческая достовѣрность, ни искусно составленный планъ и удачное распредѣленіе частей и обрисовка характеровъ, ни правильный и чистый языкъ не въ состояніи были бы возбудить въ душѣ отраднѣхъ и высокихъ эстетическихъ впечатлѣній, если бы произведеніе не проникнуто было теплою струею жизни и одушевленія, безъ которыхъ нѣтъ ни красоты, ни поэзіи, ни художественнаго значенія. Еще одно важное, художественное качество пьесы, это то, что историческій элементъ въ ней очищенъ отъ всего лишняго и несущественнаго, отъ чего поэтическая сторона его блеститъ тѣмъ ярче и свободнѣе. Недостатки въ пьесѣ г. Островскаго есть — и какъ имъ не быть, когда ихъ не чужды и произведенія Шекспира, Гете и подобныхъ имъ гигантовъ искусства? Мы и замѣтили нѣкоторые изъ нихъ. Но всякіе недостатки въ вещахъ человѣческихъ бываютъ двухъ родовъ — одни, которые губятъ самую цѣль и характеръ вещей и слѣдовательно трудъ, предпринятый для ней, дѣлается тщетнымъ; другіе мѣшаютъ достиженію абсолютнаго совершенства, въ которомъ, какъ извѣстно, отказано человѣку и всѣмъ его дѣйствіямъ. Одни наказываются общимъ невниманіемъ, или, пожалуй, чѣмъ нибудь худшимъ, такъ какъ отъ человѣка зависѣло избѣжать ихъ, не принимаясь за дѣло, для котораго онъ не обладаетъ надлежащими силами; другіе прощаются ихъ виновнику, изъ уваженія къ тому, что онъ успѣлъ сдѣлать лучшаго, несмотря на общее человѣческое несовершенство. Есть дурное, при которомъ очевидно невозможно ничто хорошее; но есть худое, до того превозмогаемое хорошимъ, что надобно уже быть крайне взыскательнымъ и несправедливымъ въ критикѣ, чтобы изъ-за него не видѣть и не признавать послѣдняго.

МАЛЕНЬКІЯ КАРТИНКИ.

(въ дорогѣ).

Я разумѣю дорогу паровую, чугулку и пароходы. Про дороги прежнія, про дороги «конемъ» — какъ выразился недавно одинъ мужичекъ, мы, жители столицъ, стали совсѣмъ забывать. А должно быть и на нихъ теперь можно встрѣтить много новаго противъ прежнихъ порядковъ. Я покрайней мѣрѣ слышалъ много любопытнаго отъ разскащиковъ, и такъ какъ повсемѣстнымъ, будто бы, разбойникамъ я все-таки не вѣрю вполне, то и собираюсь чуть не каждое лѣто проѣхать куда нибудь поглубже, по прежнимъ дорогамъ, для собственнаго назиданія и поученія. А пока милости просимъ на чугулку.

Ну вотъ мы входимъ въ вагонъ. Русскіе люди классовъ интеллигентныхъ, являясь въ публику и сбиваясь въ массу, всегда становятся любопытны для поучающагося наблюдателя; но въ дорогѣ особенно. У насъ въ вагонахъ заговариваютъ другъ съ другомъ туго; особенно характерны въ этомъ отношеніи самыя первыя мгновенія пути. Всѣ какъ бы настроены другъ противъ друга, всѣмъ какъ-то не по себѣ; оглядываются съ самымъ недовѣрчивымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ непременно съ враждебностью, стараясь въ

тоже время сдѣлать видъ что не только не замѣчаютъ одинъ другаго, но и не хотятъ замѣчать.

Въ интеллигентныхъ отдѣленіяхъ поѣзда первыя мгновенія размѣщеній и дорожныхъ ознакомленій, для очень многихъ—суть рѣшительно мгновенія страданія, невозможнаго нигдѣ, наприимѣръ, за-границей, именно потому, что тамъ всякій знаетъ и тотчасъ же вездѣ самъ находитъ свое мѣсто. У насъ же, безъ кондуктора и, вообще, безъ руководителя трудно обойтись и найти себѣ свое мѣсто сразу, даже гдѣ бы то ни было, не только въ вагонахъ, а даже и въ вагонахъ съ билетомъ въ рукахъ. Я не про одни споры изъ-за мѣстъ говорю. Случится спросить о чемъ нибудь самомъ необходимомъ незнакомаго сосѣда, около котораго сѣли—и вопросъ задается въ самомъ трусливо-усласщенномъ тонѣ, точно вы рискнули на чрезвычайную опасность. Спрашиваемый разумѣется тотчасъ же испугается и посмотритъ съ необыкновенной нервной тревогой; и хотя и отвѣтитъ вдвое торопливѣе и усласщеннѣе вопрошающаго, тѣмъ не менѣе оба они, не смотря на взаимную усласщенность, довольно долго еще продолжаютъ чувствовать нѣкоторое преоригинальное опасеніе: «а не вышло бы какъ нибудь драки»! Предположеніе это хоть и не всегда сбывается, но въ первое мгновеніе, когда гдѣ бы то ни было собираются въ незнакомую толпу образованные русскіе люди, — это предположеніе хоть на мигъ, хоть въ видѣ безсознательнаго лишь ощущенія, а право должно проноситься, по всѣмъ этимъ собравшимся вмѣстѣ образованнымъ русскимъ сердцамъ.

— И это вовсе не потому, — яростно замѣтилъ мнѣ на это замѣчаніе одинъ пессимистъ изъ «болѣющихъ сердецъ», — это вовсе не потому, что они взаимно не довѣряютъ европеизму своего развитія, а непремѣнно и потому еще, что у насъ почти всякій согласенъ въ глубинахъ европейской души своей, что его пожалуй и стоитъ побить... нѣтъ, о нѣтъ, безконечно совралъ! — съ крикомъ поправилъ себя тотчасъ же мой пессимистъ, — никогда нашъ европеецъ не со-

знается, что его стоитъ прибить! Нѣтъ, это слишкомъ много чести ему приписать! Сознаніе, хотя бы лишь самое отдаленное, что тебя стоитъ высѣчь, — есть уже начало добродѣтели, а гдѣ у насъ добродѣтель? Лганье передъ самими собою у насъ еще глубже укоренено чѣмъ передъ другими. У насъ всякій можетъ почувствовать что его стоитъ высѣчь, но никогда не сознается, даже и себѣ самому, что его и впрямь надо бы хорошенько вспороть.

Привожу это мнѣніе пессимиста въ видѣ оригинальности, отчасти лишь любопытной; самъ же я не во всемъ съ нимъ согласенъ и склоненъ къ мнѣнію гораздо болѣе примирительному.

Второй періодъ собравшагося въ дорогѣ русскаго образованнаго общества, т. е. періодъ завязывающихся разговоровъ, наступаетъ всегда почти очень скоро послѣ перваго, т. е. періода трусливыхъ высматриваній и подергиваній. Не умѣютъ заговорить лишь въ началѣ, а потомъ расходятся такъ, что иной разъ и не удержишь. Что дѣлать: крайности — наша черта. Виновата къ тому же и наша бездарность; (кто что ни говори, а у насъ ужасно мало талантовъ, въ какомъ бы то ни было родѣ; напротивъ, ужасно много того, что называется «золотою серединою». Золотая середина — это нѣчто трусливое, безличное, а въ то же время чванное и даже задорное. Боятся заговорить, чтобы какънибудь себя не скомпрометировать, дичатся и совѣстятся: умные, потому что считаютъ всякій самостоятельный шагъ какъ бы ниже ума своего, а глупые изъ гордости. Но такъ какъ русскій человѣкъ, по природѣ своей, въ то же время и самый общительный и стадный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, то и выходитъ, что въ эту первую четверть часа всѣ до того наконецъ изстрадаются, что наконецъ сами себѣ станутъ въ тягость и примутъ съ радостью когда ктонибудь первый рѣшится разбить стекло и завязать хоть чтонибудь въ родѣ

общаго разговора. На желѣзныхъ дорогахъ это разбитіе стекла происходитъ иногда довольно забавнымъ образомъ, но всегда почти нѣсколько иначе чѣмъ на пароходахъ (причину объясню ниже). Иногда, надъ всеобщей «срединой» и бездарностью, вдругъ и совсѣмъ неожиданно, возникаетъ геніальный талантъ и увлекаетъ примѣромъ своимъ съ разу всѣхъ до единого. Вдругъ объявляется такой господинъ, который, среди всеобщаго напряженнаго молчанія и конвульсивныхъ потугъ, громко и безъ всякаго приглашенія, безъ всякаго даже повода, мало того — безъ малѣйшаго даже присюсюкиванья, столь необходимаго по нашимъ понятіямъ каждому джентльмену, когда онъ вдругъ очутится среди незнакомаго общества; безъ малѣйшей этой подленькой скандировки въ выговорѣ самыхъ обыкновенныхъ словъ, столь укоренившейся въ нѣкоторыхъ нашихъ джентльменахъ тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, въ видѣ какъ-бы обиды по этому поводу; напротивъ, съ видомъ самаго прежняго, стариннаго джентльмена, начинаетъ рассказывать, всѣмъ вообще и никому въ особенности — ни болѣе ни менѣе, какъ свою собственную автобіографію, разумѣется къ совершенному и недовѣрчивому изумленію слушателей. Всѣ сначала даже теряются и вопросительно переглядываются другъ съ другомъ; ободряются лишь мыслію, что «вѣдь во всякомъ случаѣ это не они говорятъ, а онъ». Такой рассказъ, съ самыми интимными, а иногда даже и чудесными подробностями, можетъ продолжаться полчаса, часъ, сколько угодно.

Мало-по-малу всѣ начинаютъ ощущать на себѣ магическое вліяніе таланта, — ощущаютъ именно тѣмъ, что вовсе не находятъ себя обиженными, несмотря даже на все желаніе того. Всѣхъ, главное, поражаетъ то, что онъ никому не льститъ, ни въ чемъ ни у кого не заискиваетъ, въ слушатель рѣшительно не нуждается, подобно тому, какъ нуждается въ немъ какой нибудь обыкновенный, бездарный болтунъ; говоритъ же единственно потому, что не можетъ таить въ себѣ своего сокровища. «Хотите слушайте, хотите нѣтъ, мнѣ вѣдь

все равно; я вѣдь только чтобъ васъ осчастливить», — вотъ что, кажется, могъ бы онъ сказать; между тѣмъ и этого даже не говоритъ, потому что всѣ чувствуютъ себя совершенно свободными, тогда какъ въ самомъ началѣ (ну, нельзя же безъ этого), когда онъ только что началъ такъ неожиданно говорить, разумѣется каждый почувствовалъ себя, въ первыя мгновенія, какъ бы лично обиженнымъ. Мало-по-малу ободряются до того, что начинаютъ его останавливать, спрашивать, входить въ подробности, ну, разумѣется, со всѣми возможными предосторожностями. Джентльменъ, съ необычнымъ вниманіемъ, хотя и безо всякой услуженности, тотчасъ же васъ выслушиваетъ и тотчасъ же вамъ отвѣчаетъ, — поправляетъ васъ, если вы ошибаетесь, и немедленно соглашается съ вами, если вы хоть чуть-чуть выходите правы. Но поправляя-ли, соглашаясь-ли онъ рѣшительно доставляетъ вамъ несомнѣнное удовольствіе; вы это чувствуете всѣмъ существомъ вашимъ, каждую минуту, и рѣшительно не понимаете, какъ это онъ умѣетъ хорошо такъ дѣлать. Вы, напримѣръ, ему только-что возразили; и хоть онъ, не далѣе какъ за минуту, говорилъ совершенно противоположное, но теперь выходитъ, что и онъ говорилъ именно тоже самое, что вы только-что изволили найти нужнымъ ему замѣтить, и совершенно съ вами согласенъ, такъ что и вы польщены и онъ сохранилъ свою полную независимость. Польщены же вы бываете иногда до того, послѣ иного удачнаго вашего возраженія, да еще при всѣхъ, что начинаете оглядываться на публику съ видомъ настоящаго именинника, несмотря даже на весь вашъ умъ, но таково ужъ обаяніе таланта. О, онъ все видѣлъ, все знаетъ, вездѣ былъ, вездѣ ходилъ, вездѣ сидѣлъ и только-что вчера всѣ съ нимъ простились. Онъ еще тридцать лѣтъ назадъ приходилъ къ извѣстному министру, въ прошлое царствованіе, а потомъ къ генералъ-губернатору Б—ву, жаловаться на его родственника, вотъ что отличился недавно своими мемуарами, и Б—въ тотчасъ же посадилъ его съ собой курить сигары. Та-

нихъ сигаръ онъ потомъ никогда не куривалъ. Конечно, ему лѣтъ пятьдесятъ на видъ, такъ что онъ можетъ помнить и Б—ва; но вчера еще онъ провожалъ извѣстнаго жида Ф., только-что бѣжавшаго за-границу, и тотъ, въ послѣднюю минуту разлуки, открылъ ему всѣ свои послѣднія тайны, такъ что только онъ одинъ во всей Россіи и знаетъ теперь всю подноготную всей этой исторіи. Пока дѣло шло о Б—вѣ всѣ еще были спокойны, тѣмъ болѣе что и рассказъ-то вышелъ изъ-за сигаръ; но при имени Ф. самые даже солиднѣйшіе изъ слушателей принимаютъ особенно заинтересованный видъ; даже наклоняются нѣсколько къ рассказчику и слушаютъ съ алчностью, и при этомъ безъ малѣйшей даже зависти въ томъ, что рассказчикъ въ дружбѣ съ такимъ высшимъ жидомъ, а они нѣтъ. Шаръ «Жюль-Фавръ» — одно надуванье и непременно лопнетъ; въ франко-прусскую войну леталъ совсѣмъ другой, а этотъ новый. Тутъ un mot de Jules-Favre о князѣ Бисмаркѣ, прошлаго года ему на ухо и подъ секретомъ въ Парижѣ—впрочемъ хотите вѣрьте, хотите нѣтъ; даже видно, что рассказчикъ особенно не настаиваетъ, но про проектъ новыхъ акцизныхъ законовъ онъ знаетъ все что третьяго-дня говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ; даже лучше знаетъ чѣмъ знаютъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Остроумнѣйшій анекдотъ, какъ съострилъ при томъ *** о кабатчикахъ. Всѣ улыбаются и заинтересованы очень потому что ужасно похоже на правду. Инженерный полковникъ сообщаетъ сосѣду вполголоса, что онъ давеча почти тоже самое слышалъ и что чуть-ли это не правда; кредитъ рассказчика мгновенно вырастаетъ. Съ Г—вымъ онъ ѣздилъ въ вагонахъ тысячу разъ, ты-ся-чу разъ, и тутъ вовсе не то; тутъ анекдотъ, котораго никто не знаетъ и Незнакомцу равно ничего не будетъ, потому что замѣшано извѣстное лицо, и лицо хочетъ непременно всему положить предѣлъ. Лицо простило и сказала, что не будетъ вмѣшиваться, но лишь до извѣстной черты, а такъ какъ оба перешли черту, то лицо конечно вмѣшается. Онъ самъ тутъ былъ и все это видѣлъ;

самъ въ станціонную книгу записывалъ въ качествѣ свидѣтеля. Примирять разумѣется. За то про охотничьихъ собакъ, и про извѣстныхъ собакъ, нашъ джентльменъ говоритъ такъ, какъ будто въ собакахъ-то и состояла главная задача всей его жизни. Разумѣется, подъ конецъ ясно для всѣхъ, какъ дважды два, что онъ никогда не ѣздилъ съ Г—вымъ, ровно ничего не записывалъ въ книгѣ, съ Б—вымъ не курилъ, собакъ не имѣлъ, очень далеко отъ Государственнаго Совѣта; тѣмъ не менѣе всякому, даже специалисту, понятно, что онъ все это знаетъ и даже довольно прилично знаетъ, такъ что очень и очень можно, не компрометируя себя, слушать. Но не въ извѣстїяхъ дѣло, а въ удовольствїи слушать ихъ. Замѣтенъ впрочемъ и пробѣлъ у всезнайки: мало и даже почти совсѣмъ неговорить о школьномъ вопросѣ, объ университетахъ, о классицизмѣ и реализмѣ, и даже объ литературѣ—точно эти темы совсѣмъ даже и не подозрѣваются имъ. Спрашиваешь себя, кто бы это могъ быть и рѣшительно не находишь отвѣта. Знаешь только что талантъ, но специальности его угадать не можешь. Предчувствуешь однако что это типъ, и, какъ и всякій рѣзко очерченный типъ, непременно имѣетъ свою специальность, и если ее не угадываешь, то именно потому что не знаешь типа и его до сихъ поръ не встрѣчалъ. Особенно сбиваетъ съ толку наружность: одѣтъ широко, и портной у него былъ очевидно хорошій; если лѣтомъ, то непременно по-лѣтнему, въ коломѣннѣ, въ гетрахъ и въ лѣтней шляпѣ, но... все это на немъ нѣсколько какъ бы ветхо, такъ что если и былъ хорошій портной, то только *былъ*, а теперь уже можетъ и нѣтъ. Высокъ, худощавъ, очень даже; держитъ себя какъ-то не по лѣтамъ прямо; смотритъ прямо передъ собой; видъ смѣлый и съ неотразимымъ достоинствомъ; ни малѣйшаго нахальства, напротивъ, благоволеніе во всемъ, но безъ сахару. Небольшая съ просѣдью борода клиномъ, не то чтобъ совсѣмъ наполеоновская, но за то самого дворянскаго обрѣза. Вообще манеры безукоризненны, а въ манерахъ у насъ очень падеи.

Очень мало курить, даже можетъ и совсѣмъ нѣтъ. Поклажи никакой, — маленькій тощій сачекъ, въ родѣ ридикульчика, несомнѣнно заграничной когда-то выдѣлки, теперь же позволительно истершійся, вотъ и все. Кончается тѣмъ, что такой джентльменъ вдругъ и совсѣмъ неожиданно исчезаетъ, и даже непремѣнно на какойнибудь самой незначительной станціи, на какомънибудь самомъ неважномъ поворотѣ куда-нибудь, куда никто и не ѣздитъ. По уходѣ его ктонибудь изъ наиболѣе слушавшихъ и поддакивавшихъ, вслухъ рѣшаетъ, что «все вралъ». Разумѣется, тутъ всегда окажутся двое такихъ, что всему повѣрили и заспорятъ; въ противоположность имъ непремѣнно окажутся двое такихъ, которые еще съ самаго начала были обижены и если молчали и не возражали «вралю», то единственно отъ негодованія. Теперь они съ жаромъ протестуютъ. Публика смѣется. Кто-нибудь, доселѣ очень скромно и солидно-молчавшій, съ видимымъ знаньемъ дѣла заявляетъ предположеніе, что это — «особый, стародворянскій типъ благороднаго приживальщика высшей руки, самъ помѣщикъ, но только маленькій, благородный лѣнтяй съ чрева матери, дѣйствительно съ хорошими знакомствами и всю жизнь витающій около высшихъ людей, — типъ чрезвычайно полезный въ обществѣ, особенно въ деревенской глуши, куда за-частую заглядываетъ и куда особенно любить ѣздить гостить». Съ неожиданнымъ мнѣніемъ всѣ какъ-то вдругъ соглашаются, споры прекращаются; но стекло разбито и разговоры завязаны. Даже и безъ разговоровъ всякій чувствуетъ себя какъ дома и всѣмъ вдругъ стало совершенно свободно. А между тѣмъ все благодаря таланту.

Впрочемъ, если только не брать въ расчетъ тагъ называемыхъ случайныхъ скандаловъ и иныхъ неминуемыхъ неожиданностей, довольно иногда непріятныхъ и, къ несчастію, все-таки слишкомъ частыхъ, то по дорогамъ нашимъ, въ результатъ, все-таки можно проѣхать. Разумѣется, съ предосторожностями.

Я уже написалъ однажды и напечаталъ, что задача про-

ѣхать пріятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается, главное, «въ умѣніи давать врать другимъ и какъ можно болѣе этому вранью вѣрить; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть если и сами вы соблазнитесь; стало быть взаимная выгода». Здѣсь же подтверждаю, что и доселѣ придерживаюсь того же мнѣнія, и что высказано было оно мною нимаю не въ юмористическомъ, а напротивъ въ самомъ положительномъ смыслѣ. Что же собственно до вранья и особенно желѣзно-дорожнаго, то я уже заявилъ тогда же, что почти и не считаю его порокомъ, а напротивъ естественнымъ отправленіемъ нашего національнаго добродушія. Злыхъ лгуновъ у насъ почти нѣтъ, а напротивъ почти всѣ русскіе лгуны — люди добрые. Не говорю, впрочемъ, что хорошіе.

Тѣмъ не менѣе поражаетъ иногда, даже и въ дорогахъ, даже и въ вагонахъ, нѣкоторая вновѣ-зародившаяся жажда разговоровъ серьезныхъ, жажда учителей на всевозможныя соціальныя и общественныя темы. И являются учителя. Объ нихъ я тоже писалъ, но то особенно поражаетъ, что изъ желающихъ учиться и научиться всего болѣе женщинъ, дѣвицъ и дамъ, и совершенно не стриженныхъ, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Скажите, гдѣ встрѣтите вы теперь дѣвицу или даму безъ книжки, въ дорогѣ или даже на улицѣ? Можетъ быть я преувеличилъ, но все-таки очень много пошли съ книжками, и не то, чтобъ съ романами, а все съ похвальными книжками, съ педагогическими, или съ естественно-научными; даже читаютъ Тацита въ переводѣ. Однимъ словомъ жажды и ревности очень много, самой благородной и свѣтлой, но... но все это еще какъ то нейдетъ. Ничего нѣтъ легче какъ напримѣръ увѣрить такую ученицу почти въ чемъ вамъ угодно, особенно если кто складно умѣетъ поговорить. Женщина глубоко-религіозная вдругъ, въ вашихъ глазахъ соглашается съ выводами почти атеистическими и съ рекомендуемымъ примѣненіемъ ихъ. А ужъ насчетъ педагогіи напримѣръ, такъ чего-чего имъ не внушаютъ и чему-чему онѣ не способны увѣровать! Содроганіе пройдетъ иногда при мысли, что она,

пріѣхавъ домой, тотчасъ и начнетъ примѣнять на дѣтяхъ и на супругѣ то, чему ее научили. Ободряешься лишь догадкой, что можетъ быть она вовсе и не поняла учителя, или поняла совершенно противоположно, и что дома спасетъ ее инстинктъ матери и супруги и здравый смыслъ, столь сильный въ русской женщинѣ, даже съ изначала русскихъ вѣковъ. Но смыслъ смысломъ, а все-таки пожелать надо и научнаго образованія, только твердаго и настоящаго, а не то, что изъ всякихъ книжекъ, да по вагонамъ. Тутъ самые похвальные шаги могутъ обратиться въ плачевные.

Хорошо на нашихъ дорогахъ и то, что, — опять таки если не считать разныхъ «случаевъ», — можно проѣхать почти что *incognito* все время пути, молча и ни съ кѣмъ даже не заговаривая, если ужъ очень говорить не желаешь. Теперь только развѣ одни священники прямо начинаютъ съ распросовъ: «кто вы, куда ѣдете, по какимъ дѣламъ и чего ожидаете». Но впрочемъ и этотъ благодушный типъ кажется переводится. Напротивъ даже и въ этомъ родѣ бываютъ, съ недавняго времени, пренеожиданныя встрѣчи, такъ что глазамъ не вѣришь.

На пароходахъ, какъ я сказалъ уже, разговоры завязываются нѣсколько иначе чѣмъ въ вагонахъ. Причины естественныя, и во-первыхъ уже то, что публика *избраннѣе*. Я, конечно, говорю лишь про парходную публику перваго класса, про публику *на кормѣ*. Про публику *носовую*, т. е. втораго разряда и говорить не стоитъ; да и не публика она, а просто пассажиры. Тамъ мелкотравчатые, тамъ узлы съ поклажей, давка и тѣснота, тамъ вдовы и сироты, тамъ матери кормятъ грудью дѣтей, тамъ общипанные старички получающіе пенсію, тамъ переѣзжающіе священники, цѣлыя артели рабочихъ, мужики съ своими бабами и краухами хлѣба въ мѣшкахъ, парходная прислуга, кухня. Кормовая публика, вездѣ и всегда, совершенно игнорируетъ носовую и не имѣетъ

объ ней никакого понятія. Можетъ быть покажется страннымъ мнѣніе, что парходная «первоклассная» публика всегда *избраніе* чѣмъ даже соответственнаго разряда въ вагонахъ. Въ сущности конечно это неправда, да и вся эта публика чуть лишь пріѣдетъ домой и сойдетъ съ парохода, немедленно, въ нѣдрахъ семействъ своихъ, понижаетъ свой тонъ даже до самаго натурального; но покамѣстъ семейство это на парходѣ, оно поневолѣ подымаетъ свой тонъ до нестерпимо великосвѣтскаго, единственно, чтобъ казаться не хуже другихъ. Вся причина въ томъ, что больше пространства гдѣ помѣститься, и больше досугу, чтобъ поковеркаться, чѣмъ на желѣзной дорогѣ, то есть, какъ я сказалъ уже — причина естественная. Тутъ не такъ сбиты вмѣстѣ, публика не рискуетъ образовать изъ себя *кучу*, не такъ быстро летятъ, не такъ подчинены необходимости, звонку, минутѣ, заснувшимъ или расплакавшимся дѣтямъ; тутъ вы не принуждены обнаруживать иные ваши инстинкты въ такомъ натуральномъ и уторопленномъ видѣ; напротивъ, тутъ все похоже на строгую гостиную; входя на палубу вы какъ будто званый и входите въ гости. Между тѣмъ вы все-таки связаны пятью-шестью часами совмѣстнаго пути, пожалуй цѣлымъ днемъ пути, и непременно знаете, что надо доѣхать вмѣстѣ и почти познакомиться. Дамы почти всегда лучше одѣты чѣмъ бываетъ это въ вагонахъ, дѣти ваши въ самыхъ очаровательныхъ лѣтнихъ костюмахъ если только вы хоть сколько нибудь себя уважаете. Разумѣется и тутъ иногда встрѣчаются дамы съ узлами и отцы семействъ, совсѣмъ какъ настоящіе отцы у себя дома, иные даже съ дѣтьми на рукахъ и съ надѣтыми орденами на всякій случай; но это лишь низкій типъ «заправду путешественныхъ», принимающихъ дѣло плебейски серьезно. Въ нихъ нѣтъ высшей идеи, а одно только уторопленное чувство самосохраненія. Настоящая публика немедленно игнорируетъ этихъ жалкихъ людей, хотя бы они сидѣли подлѣ, да и сами они тотчасъ же начинаютъ понимать свое мѣсто, и

хоть крѣпко займутъ оплаченныя свои мѣста, но передъ общимъ тономъ совершенно и покорно стушевываются.

Однимъ словомъ, пространство и время измѣняютъ условія радикально. Тутъ даже и самый «талантъ» не могъ бы начать съ своей автобіографіи, а долженъ бы былъ поискать другаго пути. Можетъ даже и совсѣмъ бы не имѣлъ успѣха. Тутъ разговоръ почти не можетъ завязаться изъ одной только дорожной необходимости. Главное, тонъ разговоровъ долженъ быть совершенно другой, «салонный», а въ этомъ вся сущность. Само собою, если пассажиры незнакомы другъ съ другомъ предварительно, то стекло еще труднѣе разбивается чѣмъ въ вагонѣ. Общій разговоръ на пароходѣ чрезвычайная рѣдкость. Собственныя же страданія отъ собственного лганья и кривляній, особенно въ первыя мгновенія пути, даже значительнѣе чѣмъ въ вагонѣ. Если вы хоть чуть-чуть внимательный наблюдатель, то навѣрно будете поражены какъ можно нагаты въ какую нибудь четверть часа, сколько нагутъ всѣ эти пышныя дамы и столь уважающіе себя ихъ супруги. Конечно все это встрѣчается всего чаще, и въ самомъ чистомъ видѣ, въ поѣздкахъ такъ сказать увеселительныхъ, каникулярныхъ, въ поѣздкахъ отъ двухъ до шести часовъ всего пути. Лгутъ же всѣмъ: манерами, красивыми позами; каждый какъ будто каждое мгновеніе заглядываетъ на себя въ зеркало. Пискливой скандировки фразъ, самой неестественной и противной, самаго невозможнаго произношенія словъ, съ какимъ никто бы не рѣшился произносить ихъ, еслибы только чуть-чуть уважалъ себя, — кажется еще больше чѣмъ бываетъ въ вагонахъ. Отцы и матери семействъ (т. е. пока не завязалось еще никакого общаго разговора на палубѣ) стараются говорить между собою неестественно громко, изъ всѣхъ силъ желая показать, что совсѣмъ какъ у себя дома, [но тотчасъ же и постыдно не выдерживаютъ характера] заговариваютъ между собою о совершенныхъ пустякахъ, ужасно не идущихъ къ дѣлу, къ мѣсту и къ положенію, а иногда мужъ обращается къ женѣ, какъ не-

знакомый кавалеръ къ незнакомой ему дамѣ, гдѣ нибудь въ гостяхъ. Вдругъ быстро и безъ причины обрываютъ уже завязанный разговоръ, да и вообще говорятъ болѣе отрывками; нервно и безпокойно оглядываются на сосѣдей, слѣдятъ за взаимными отвѣтами съ недоувѣрчивостью и даже съ испугомъ, а иной разъ даже и совсѣмъ краснѣютъ одинъ за другимъ. Если же случится имъ (т. е. заставить необходимость) заговорить другъ съ другомъ о чемъ нибудь прямо идущемъ къ дѣлу и къ положенію, и объ чемъ всякому нужу съ женой можетъ случиться нужда переговорить въ началѣ дорогъ, — объ чемъ нибудь хозяйственномъ, напримѣръ, или семейномъ, о дѣтяхъ, о томъ что у Мишеньки кашель, а здѣсь свѣжо, или у Сонички слишкомъ подымаются юбочки, — то конфузятся и быстро начинаютъ шептаться, чтобъ по возможности никто ихъ не разслышалъ, хотя въ томъ, что они говорятъ ровно ничего нѣтъ неприличнаго или предосудительнаго, а напротивъ все достойно самаго полного уваженія, тѣмъ болѣе, что всѣ эти дѣти и хлопоты не у нихъ однихъ, а точно также есть и у всякаго, даже на этомъ самомъ пароходѣ. Но именно эта-то самая простѣйшая идея ни за что и не приходитъ имъ въ голову и даже имѣть ее кажется имъ ниже ихъ достоинства. Напротивъ, каждая семейная группа болѣе склонна, хотя и съ завистью, принять чуть не всякую другую семейную группу на этой палубѣ за нѣчто, во-первыхъ, хоть градусомъ высшее себя, во-вторыхъ за нѣчто изъ какого-то особаго міра, въ родѣ какъ изъ балета, но ужъ ни подъ какими видомъ за людей тоже могущихъ имѣть, подобно имъ — хозяйство, дѣтей, нянекъ, пустой кошелекъ, долгъ въ лавочкѣ и проч. Такая мысль была бы даже слишкомъ для нихъ оскорбительною; безотрадною даже; разрушала бы такъ сказать идеалы.

На пароходахъ, къ числу первыхъ начинающихъ вслухъ заговаривать, можно причислить, почти прежде всѣхъ, гувернантокъ, — разумѣется разговоры съ дѣтьми и на французскомъ языкѣ. Гувернантки въ обществѣ средней руки, боль-

шею частію всегда одного пошиба, т. е. всѣ молоденькія, всѣ недавно, изъ учебнаго заведенія, всѣ не совсѣмъ хороши собою, но и никогда не бываютъ вполне дурны; всѣ въ темныхъ платьицахъ, всѣ съ стянутыми тальями, всѣ стараются выказать ножку, всѣ съ гордою скромностью, но и съ самымъ непринужденнымъ видомъ, свидѣтельствующимъ о высокой невинности, всѣ до фанатизма преданы своимъ обязанностямъ, у каждой непременно съ собою англійская или французская книжка благовоспитаннаго содержанія, чаще всего какое нибудь путешествіе. Вотъ она беретъ на руки двухъ-лѣтнюю дѣвочку, а сама, не спуская глазъ, строго, но съ любовью, зоветъ заигравшуюся шести-лѣтнюю сестру ребенка (въ соломенной шляпкѣ съ незабудками, въ бѣломъ коротенькомъ съ кружевцами платьицѣ и въ очаровательныхъ дѣтскихъ ботиночкахъ) своимъ гувернантски-французскимъ языкомъ: *Wega, venez-ici*, — непременно классическое *venez-ici*, и непременно съ сильнѣйшимъ удареніемъ на соединительномъ звукѣ *zi*. Мать семейства, полная и необычайно высшаго общества женщина (мужъ ея тутъ же — европейскаго хотя и помѣщичьяго вида господинъ, росту не малаго, болѣе плотенъ чѣмъ художавъ, съ легкою просѣдью, съ бѣлокурою бородой, хоть и длинною, но несомнѣнно парижской модели, въ бѣлой пуховой шляпѣ, одѣтъ по лѣтнему, чина сомнительнаго) — мать семейства немедленно замѣчаетъ, что гувернантка взявъ на руки двухъ-лѣтнюю Нину, беретъ на себя лишній трудъ невыговоренный въ условіи, и чтобъ напомнить той, что она вовсе не такъ-то это цѣнить, необычайно ласковымъ голосомъ, исключаяющимъ однако малѣйшую мечту въ подчиненной дѣвцѣ о правѣ на дальнѣйшую фамиллярность, замѣчаетъ, что ей съ Ниной должно быть «тя-же-ло» и что надо кликнуть няньку, при чемъ спокойно и повелительно осматривается вокругъ, чтобъ отыскать улизнувшую няньку. Европейскій супругъ ея дѣлаетъ даже недоконченное движеніе въ томъ же смыслѣ, будто желая бѣжать отыскивать няньку, но одумывается и остается, и видимо доволенъ, что

все-таки одумался и не побѣждалъ за нянькой. Онъ, кажется, немножко на посылкахъ у своей высшей дамы-супруги, и въ тоже время принимаетъ это къ сердцу. Гувернантка спѣшитъ успокоить на счетъ себя высшую даму, увѣряя вслухъ и на распѣвъ, что она «такъ любитъ Нину» (страстный поцалуй Нинѣ). Тутъ опять легкій окрикъ по-французски на Вѣру, съ тѣмъ же зісі, но любовь такъ и сверкаетъ изъ глазъ этой преданной дѣвицы даже и къ виноватой Вѣрѣ. Вѣра наконецъ подбѣгаетъ подпрыгивая и фальшиво ластится (шести-семи лѣтній ребенокъ, еще въ чинѣ ангела, и тотъ уже жметъ и коверкается!). Мамзель немедленно начинаетъ на ней опрывать, безъ всякой впрочемъ необходимости, колеретку; затѣмъ и звала ее....

Пароходу этому всего шесть часовъ пути и поѣздка почти что увеселительная. Повторяю опять: безъ сомнѣнія два-три дня пути, гдѣнибудь по Волгѣ, или изъ Бронштадта въ Остенде взяли бы свое: необходимость разогнала-бы гостиную, балетъ полинялъ-бы и растрепался и стыдливо припрятанные инстинкты выскочили бы наружу въ самомъ открытомъ видѣ, даже радуясь своему праву выскочить. Но три дня и шесть часовъ — разница и на нашемъ пароходѣ все осталось въ самомъ «чистомъ видѣ», съ начала и до конца. Вотъ мы понеслись, въ прелестный юньскій день, въ десятомъ часу утра, по тихому и широкому озеру. Носовая часть парохода клонится отъ «пассажировъ», но тамъ это лишь всякая всячина, о которой мы ровно ничего знать не хотимъ; у насъ-же, какъ я сказалъ, свой салонъ. Есть впрочемъ и у насъ изъ такихъ, что вездѣ собой задаютъ задачу, такъ что, по правдѣ, и не знаешь, что съ ними дѣлать, напримѣръ нѣмецъ-докторъ съ семействомъ, состоящимъ изъ его шуттеръ и изъ трехъ германо-восоротыхъ дѣвицъ, на которыхъ трудно чтобъ ктонибудь изъ русскихъ жениховъ могъ польститься. Для всѣхъ этихъ лицъ нашъ

законъ не писанъ. Старикъ докторъ совершенно въ своей тарелкѣ; онъ уже надѣлъ свою дорожную клеенчатую нѣмецкую фуражку, весьма глупой формы, и сдѣлалъ это нарочно для независимости, то есть по крайней мѣрѣ это намъ такъ кажется. Но въ замѣнъ этого недоумѣнія есть одна прехорошенькая дамочка и инженеръ - полковникъ, есть старушка-мать съ тремя нѣсколько перерѣзанными, но весьма шикарными дочками, средне-высшаго петербургскаго генеральскаго круга, дѣвцами должно быть задорными и уже издавшими виды. Есть два хлыща; одинъ художникъ, есть юнкеръ и есть кавалерійскій офицеръ изъ одного извѣстнаго гвардейскаго кавалерійскаго полка; но онъ держитъ себя въ какомъ то надменномъ уединеніи и молчитъ свысока, конечно считая себя не въ своемъ обществѣ и это всѣмъ у насъ очевидно нравится. Но всѣхъ болѣе обращаетъ на себя вниманія и занимаетъ собою мѣста очутившееся вмѣстѣ съ нами *начальство*. Это впрочемъ весьма добродушнаго вида превосходительство, въ фуражкѣ и въ полуформѣ. Всѣ сейчасъ же узнаютъ, что это самый старшій чиновникъ и такъ сказать «хозяинъ губерніи»; утверждаютъ даже, что онъ теперь ѣдетъ что-то «обозрѣвать». Вѣроятно же, что онъ просто провожаетъ свою супругу и семейство недалеко, на лѣтнюю ихъ резиденцію. Супруга его замѣчательно красивая дама, лѣтъ тридцати шести или семи, изъ знатной фамиліи С-хъ, (о чемъ отиѣнно хорошо знаютъ на пароходѣ), ѣдетъ со всѣми четырьмя дѣтьми (все дѣвочки, старшей лѣтъ десять), съ гувернанткой-швейцаркой, и, къ негодованію нѣкоторыхъ нашихъ дамъ, держитъ себя слишкомъ по-мѣщански, хотя и нестерпимо «подымаетъ носъ». Одѣта по будничному, «и это теперь у нихъ въ модѣ, у ма-те-рей се-мей-ствъ», — протянула вполголоса одна изъ генеральскихъ дочекъ, съ завистью осматривая изящный фасонъ слишкомъ скромнаго платья супруги хозяина губерніи. Обращаетъ тоже отиѣнное и даже нѣсколько высшее на себя вниманіе одинъ высокій, худощавый, съ сильною просѣдью джентльменъ, лѣтъ уже

примѣрно пятидесяти-шести или семи, и независимо усѣвшійся почти на самомъ проходѣ на пароходномъ складномъ стульчикѣ, рѣшительно спиною къ публикѣ, и черезъ бортъ лѣниво и безпредметно смотрящій на воду. Всѣмъ извѣстно что это *такой-то*, камергеръ и щеголь въ прошлое царствованіе, и хоть не Богъ знаетъ какого значенія теперь, но за то самаго высшаго круга, баринъ, прожившій много въ своей жизни денегъ и что-то очень долго скитавшійся въ послѣднее время за границей. Онъ одѣтъ даже нѣсколько и небрежно и вида самаго партикулярнаго, но осанка самаго безукоризненнаго русскаго милорда и даже почти безъ примѣси французскаго парикмахера, что уже одно составляетъ совершенную рѣдкость въ настоящемъ русскомъ англичанинѣ. У него на пароходѣ два лакея, а съ нимъ собака сеттеръ удивительной красоты. Она ходитъ по нашей палубѣ и желая познакомиться тычетъ носъ между колѣнками сидящей публики, видимо наблюдая очередь. И хоть это скучно, но никто этимъ не обижается, а нѣкоторые изъ насъ даже пробуютъ и погладить собаку, но непремѣнно съ видомъ знатоковъ, совершенно умѣющихъ оцѣнить достоинство дорогаго пса, и у которыхъ завтра же можетъ быть у каждаго точно такой же сеттеръ. Но сеттеръ ласки принимаетъ равнодушно, какъ настоящій аристократъ, и у колѣнъ остается не по долгу, и хоть и машетъ чуть-чуть хвостомъ, но лишь изъ свѣтской вѣжливости, лѣниво и равнодушно. У милорда очевидно знакомыхъ здѣсь нѣтъ, но по обрюзглому и разваренному виду его совершенно ясно, что ему никого и не надо, и не изъ принципа какогонибудь, а просто потому что не надо. Къ административному значенію «хозяина области» онъ, на складномъ своемъ стульчикѣ, въ высшей степени равнодушенъ и равнодушіе это тоже въ высшей степени безпринципное. Но уже видно, что разговоръ между ними несомнѣнно готовъ завязаться. Администраторъ похаживаетъ около складнаго стульчика и изъ всѣхъ силъ желаетъ заговорить. Онъ хоть и женатъ на урожденной С—й, но самъ со свойственнымъ ему прямодушіемъ,

кажется признаеть себя на довольно крупную степень пониже милорда,—разумѣется безовсягой потери достоинства; вотъ эту то послѣднюю задачу и предстоитъ теперь разрѣшить ему. Тутъ вертится одинъ господинъ «со второй ступеньки» и, по его старанью, хозяинъ и милордъ какъ-то успѣли уже случайно и безъ предварительнаго ознакомленія, переброситься двумя словами. Поводомъ послужило извѣстіе сообщенное господиномъ «со второй ступеньки» объ одномъ сосѣдномъ губернаторѣ, тоже извѣстномъ аристократѣ и который, за границей, спѣша на воды къ своему семейству, какъ-то вдругъ сломавъ себѣ въ вагонѣ ногу. Нашъ генераль пораженъ ужасно, и ему очень хотѣлось бы узнать подробности. Милордъ знаетъ подробности и довольно обязательно уже промямлилъ сквозь вставные свои зубы двѣ-три пары словъ, впрочемъ, не глядя на генерала и даже неизвѣстно кому говоря, — ему или вѣстовщику «со второй ступеньки». Генераль съ искреннимъ нетерпѣніемъ стоитъ надъ стуломъ, заложивъ за спину руки, и ждетъ. Но милордъ рѣшительно пеблагонадеженъ и пожалуй вдругъ замолчитъ и забудетъ о чемъ говорилъ. Покрайней мѣрѣ у него видъ такой. Животрепещущій господинъ «со второй ступеньки» такъ и дрожитъ надъ нимъ, желая не дать ему замолчать. Онъ поставилъ себѣ священнѣйшимъ долгомъ свести обоимъ высшихъ джентльменовъ и познакомить ихъ между собою.

Замѣчательно, что такихъ господъ «со второй ступеньки» всегда довольно въ дорогѣ, особенно около «старшихъ» лицъ, и уже потому одному, что въ дорогѣ ихъ некуда отогнать. Но ихъ и не отгоняютъ, потому что они довольно полезны, разумѣется если сами находятся въ извѣстныхъ благопріятныхъ и подходящихъ условіяхъ. У нашего, на примѣръ, даже орденовъ на шеѣ и самъ онъ хоть и въ гражданской, но въ форменной какой-то одеждѣ и фуражка у него съ какимъ-то форменнымъ околышемъ — стало быть въ нѣкоторомъ отношеніи при-

личень. Такой господинъ такъ и начинаетъ съ того, передъ старшимъ лицомъ, что всѣмъ своимъ существомъ выражаетъ собою, безъ словъ, одной фигурой, въ видѣ предупрежденія: «Вѣдь я со второй ступеньки; на равную ногу не бью ни за что и на первую ступеньку къ вамъ не покушусь. Обидѣться на меня вы никакъ не можете, ваше превосходительство, а развлечь васъ я могу даже со счастьемъ себѣ-съ, такъ что вы всегда можете отвѣтить мнѣ сверху внизъ на вторую ступеньку, а я свое мѣсто даже до гроба моего всегда знаю-съ.» Безъ сомнѣнія ясно, что эти господа бьются изъ выгоды, но «чистый типъ» подобныхъ господъ дѣйствуетъ даже и безъ расчета на выгоду, а изъ нѣкотораго чиновничьяго вдохновенія; вотъ въ такомъ то случаѣ онъ и полезенъ, тутъ-то онъ и искренно веселъ, тутъ-то онъ и простодушенъ до того, что въ немъ даже исчезаетъ лакей; а выгода его все-таки приходитъ сама собою, какъ фактъ и необходимое слѣдствіе. —

Къ начинающемуся разговору «двухъ высшихъ лицъ» всѣ на палубѣ становятся вдругъ чрезвычайно внимательны; не то чтобъ они желали тоже примкнуть; это было бы даже слишкомъ, а хотъ поглядѣть и послушать. Иные уже бродятъ около, но болѣе всѣхъ страдаетъ европейскій мужъ «высшей дамы». Онъ чувствуетъ, что могъ-бы не только подойти, но даже и въ разговоръ ввязаться, и что даже имѣть на то нѣкоторое свое право: генералы генералами, а Европа Европой, какъ вѣдь тамъ хотите. И совсѣмъ, совсѣмъ бы онъ не хуже другихъ могъ поговорить о губернаторѣ, сломавшемъ за границую ногу! Онъ даже думаетъ, съ этою цѣлью, поласкать сеттера и съ этого какъ-нибудь и начать, но гордо отдергиваетъ уже протянувшуюся руку; и даже вдругъ ощущаетъ непреодолимое побужденіе задать сеттеру ногою пинка. Мало по малу онъ принимаетъ какъ-бы уединенный и обиженный видъ, на минутку отходитъ и

начинаетъ всматриваться въ блестящую даль озера. Супруга его, онъ видитъ это, смотритъ на него съ самой ехидной ироніей. Этого онъ не выдерживаетъ и возвращается опять къ «разговору», ходитъ и бродитъ около разговора, какъ душа въ чистилищѣ. И если безгрѣшная душа эта способна хоть что нибудь ненавидѣть, то ненавидитъ она въ эту минуту господина со «второй ступеньки», ненавидитъ изо всѣхъ силъ, и не будь только этого господина со второй ступеньки, ничего бы можетъ и не было изъ того что далѣе произошло!

— Теле-гра-фи-ровалъ сюда, — скандируетъ сухопарый милордъ, слѣдя за сеттеромъ и едва отвѣчая генералу, — и я въ первую минуту во-об-ра-зите себѣ, по-те-ря-лся...

— Вѣроятно вамъ родственникъ? — желалъ бы освѣдомиться генералъ, но сдерживаетъ себя и ждетъ.

— И представьте, семейство въ Карлсбадѣ, а онъ теле-гра-фи-ровалъ, опять безсвязно шамкаетъ милордъ, наладивъ одно: «телеграфировалъ».

Его превосходительство продолжаетъ ждать, хотя въ лицѣ его изображается сильнѣйшее нетерпѣніе. Но милордъ вдругъ умолкаетъ совершенно и рѣшительно забываетъ о разговорѣ.

— Вѣдь у него кажется... главное его имѣнье... въ Тверской губерніи? — рѣшается наконецъ самъ спросить генералъ, съ нѣкоторымъ стыдомъ неувѣренности.

— Оба, оба су-хо-щавые, и Яковъ и А-ри-стархъ... Оба брата. Братъ теперь въ Бес-са-ра-біи. Яковъ ногу сломалъ, а Аристархъ въ Бес-са-ра-біи.

Генералъ вздергиваетъ голову и находится въ чрезвычайномъ недоумѣніи.

— Су-хо-ща-вые, а имѣнье женнино, отъ Га-ру-ни-ныхъ. Она у-ро-ж-денная Га-ру-ни-на.

— А! — радуется генералъ. Онъ видимо доволенъ тѣмъ, что «она Гарунина». Онъ теперь понимаетъ.

— Добрѣйшій кажется человекъ, съ жаромъ воскли-

цаетъ онъ...—Я его зналъ... то есть я именно думалъ здѣсь познакомиться... благороднѣйшій человѣкъ!

— Добрѣйшій человѣкъ, ваше превосходительство, добрѣйшій! и знаете именно, какъ вы изволили сейчасъ опредѣлить: «добрѣйшій-съ!» горячо ввязывается развязный человѣчекъ со второй ступеньки и неподдѣльный восторгъ сіяетъ въ глазахъ его. Онъ осанисто озирается на пассажировъ, и чувствуетъ себя нравственно, выше всѣхъ насъ остальныхъ на палубѣ.

Этого уже совершенно не выдерживаетъ европейскій господинъ, скитающійся «около разговора»: Увы, тутъ даже цѣлый фатумъ!

Въ томъ, главное, фатумъ, что супруга его, «высшая дама», когда то еще въ дѣвицахъ была чуть не подругой супруги «хозяина губерніи», урожденной С—й, и тогда еще тоже дѣвица. «Высшая дама» — тоже чья-то «урожденная» и тоже причисляетъ себя къ существамъ нѣсколько высшаго типа, чѣмъ супругъ ея. Вступая давеча на пароходъ, она отлично знала, что хозяйка губерніи тоже поѣдетъ на пароходъ и рассчитывала съ ней «встрѣтиться». Но уввы, онъ не «встрѣтились» и даже съ перваго шагу, съ перваго взгляда обозначилось съ необычайною ясностію, что и не могутъ встрѣтиться! «И все это изъ за несноснаго этого человѣка!»

А «несносный этотъ человѣкъ» съ своей стороны слишкомъ хорошо знаетъ безсловныя мысли своей супруги и слишкомъ пріучился ихъ узнавать въ семилѣтіе своего супружества. А между тѣмъ и онъ «въ Аркадіи рожденъ». У него здѣсь, въ этой же губерніи, въ старину было восемьсотъ даже душъ! На выкупныя они и проѣздили всѣ эти семь лѣтъ за границей и даже на дубовую рощу (триста десятинъ-съ!), проданную еще три года назадъ. И вотъ они теперь возвратились въ отечество, даже четыре уже мѣсяца какъ въ отечествѣ, и ѣдутъ теперь въ развалины своего

помѣстья, сами не зная за чѣмъ. Главное, высшая дама кажется и знать не хочетъ, что уже нѣтъ болѣе ни выкупныхъ, ни дубовой роци. Но всего болѣе она раздражена тѣмъ, что вотъ уже они четыре мѣсяца какъ воротились, а ей все ни съ кѣмъ не удастся «встрѣтиться». Случай съ генеральшей не первый. «И все изъ-за него, изъ-за этого ничтожнаго человѣчишка!»

— Что въ томъ, что у него европейская борода, за то ни значенія, ни чинишка, ни связей! Онъ ничего не сдумѣлъ самъ выдумать, даже жениться самъ не сдумѣлъ. И какъ могла я за него выйти. Я бородой прельстилась! Пусть онъ тамъ говоритъ, что бесѣдовалъ съ Милемъ и способствовалъ низверженію Тьера; вѣдь за это ему здѣсь ничего не дадутъ; да втому-же и врать: еслибъ Тьера низвергалъ, я-бы видѣла...

Счастливый мужъ великолѣпно, отлично знаетъ, что таковы именно мысли о немъ его «высшей дамы», и именно въ эту минуту. Она не высказала ему желанія «встрѣтиться» съ хозяйкой губерніи, но онъ знаетъ, что если не устроить ей этой встрѣчи, то это причтется ему уже на всю жизнь. Бтому же онъ самъ непремѣнно хочетъ, чтобы она первая созналась, что онъ не только съ Милемъ, но даже и съ отечественными генералами можетъ поговорить, что онъ тоже птица, и не простая какая нибудь, а настоящая птица каганъ. Увы, вотъ это-то добровольное признаніе супругою его совершенствъ и составляло, въ сущности, главнѣйшую задачу всей его столь манкированной жизни, и даже всю цѣль ея, съ самыхъ первыхъ часовъ супружества! Какъ это такъ устроилось, слишкомъ долго передавать, но это было такъ, и тутъ было все и ничего болѣе. И вотъ онъ вдругъ, нервно, потерянно, шагаетъ впередъ и становится прямо противъ милорда.

— Я... генераль... я тоже былъ въ Карлсбадѣ,—лепечетъ онъ съ дубу генералу, и представьте, генераль, тамъ при мнѣ тоже былъ случай съ ногой... Это вы про Аристарха

Яковлевича изволили говорить? ужасно быстро повертывается онъ вдругъ къ милорду, не выдержавъ генерала.

Генераль вздергиваетъ голову и съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотритъ на подбѣжавшаго господина, который говоритъ, а самъ весь трясется. Но милордъ не вскинулъ даже и головы, а между тѣмъ, о ужасъ, протягиваетъ руку и европейскій господинъ ясно чувствуетъ, что милордъ, упираясь рукой съ боку въ его ноги, съ силою отстраняетъ его съ мѣста. Онъ вздрагиваетъ, смотритъ внизъ и вдругъ замѣчаетъ причину: забѣжавъ и легкомысленно помѣстившись между скамейкой и стульчикомъ милорда, онъ и не замѣтилъ какъ задѣлъ, лежавшую на скамейкѣ трость его, которая уже скользитъ и готова упасть со скамейки. Онъ быстро отскакиваетъ, трость падаетъ и милордъ съ ворчаньемъ нагибается поднять ее. Въ то же самое мгновеніе раздается ужасный визгъ: Это сеттеръ, которому отскочившій на два шага господинъ отдалъ лапу. Сеттеръ визжитъ нестерпимо, нелѣно; милордъ всѣмъ корпусомъ поворачивается на стульчикѣ и яростно скандируетъ господину:

— Я васъ по-кор-нѣйше прошу оставить въ по-коѣ мое со-ба-ку....

— Это не я.... Это она сама.... бормочетъ собесѣдникъ Миля, желая провалиться сквозь палубу.

— Вы не повѣрите, вы не повѣрите, сколько я должна была выстрадать изъ-за этого без-дар-наго человѣка! слышится ему сзади яростный полусшепотъ его супруги на ухо гувернанткѣ, — и даже не слышится, а только всѣмъ существомъ предчувствуется, а супруга можетъ быть и не шептала ничего гувернанткѣ...

Но вѣдь ужъ все равно! Онъ не только рѣшается провалиться сквозь палубу, но даже готовъ ступешаться куда нибудь на носъ, спрятаться у колеса. Такъ кажется и дѣлаетъ. По крайней мѣрѣ въ остальную часть пути его что-то не видно у насъ на палубѣ.

Все кончается у нас тѣмъ что администраторъ не выдерживаетъ, и познакомивъ милорда съ своей супругой, самъ отправляется въ каюту, гдѣ, стараньями капитана, уже изготовленъ карточный столъ. Всѣ знаютъ маленькую слабость администратора. Господинъ со второй ступеньки все уже устроилъ и добылъ позволительныхъ по обстоятельствамъ партнеровъ: приглашены—одинъ чиновникъ, состоящій при постройкѣ ближайшей желѣзной дороги, съ какимъ-то неестественной величины жалованьемъ, и уже нѣсколько знакомый его превосходительству, и инженеръ-полковникъ, хотя и не знакомый, но согласившійся составить партію. Этотъ держитъ себя угрюмо и туповато (отъ напыла собственного достоинства), но разыгрываетъ партію хорошо. Желѣзно-дорожный чиновникъ нѣсколько тривиаленъ, но умѣетъ сдерживаться; господинъ же со второй ступеньки, сѣвшій за четвертаго, ведетъ себя совершенно такъ, какъ ему надо вести себя. Генераль испытываетъ большое удовольствіе.

А милордъ между тѣмъ знакомится съ генеральшей. О томъ, что она урожденная С—я, онъ со всѣмъ позабылъ и не догадывался. Теперь онъ вдругъ припомнилъ ее еще шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Генеральша обращается съ нимъ нѣсколько свысока и какъ будто небрежно, но это все только видъ. Она вяжетъ какое-то вязанье и едва глядитъ на него; но милордъ становится чѣмъ дальше, тѣмъ милѣе; онъ одушевляется, правда шамкаетъ и брызгается, но такъ отлично рассказываетъ (разумѣется по-французски), припоминаетъ такіе прелестные анекдоты, такіа дѣйствительно-остроумныя вещи.. А сколько онъ знаетъ сплетенъ! Генеральша улыбается все чаще и чаще. Обаяніе прелестной женщины дѣйствуетъ на милорда до странности, онъ все ближе и ближе подвигаетъ къ ней свой стульчикъ, онъ наконецъ совсѣмъ какъ-то раскисаетъ и какъ-то странно хихикаетъ... Этого уже окончательно не можетъ вынести несчастная «высшая дама». Съ ней дѣлается тикъ (*tic douloureux*), она переходитъ въ дамскую каюту, въ особое отдѣленіе, вмѣстѣ съ гувернанткой

и съ Ниной. Начинаются укусныя примочки, раздаются стоны. Гувернантка чувствуетъ, что «утро потеряно» и рѣшительно дуется. Она не хочетъ заговаривать, усадила Вѣру, а сама смотритъ въ книжку, которую, впрочемъ, не читаетъ.

— Это съ ней однако же въ первый разъ во всѣ три мѣсяца, — мѣряетъ ее глазами страдающая дама. — Она бы должна говорить, должна! Меня развлекать должна, меня сожалѣть; она гувернантка, она должна юлить, распинаться, это все, все черезъ этого человѣчишку! — и она съ ненавистью продолжаетъ коситься на дѣвицу. Заговорить же съ ней сама не хочетъ изъ гордости. Дѣвица между тѣмъ мечтаетъ про только что покинутый Петербургъ, про бабенбарды двоюроднаго братца, про офицера его пріятеля, про двухъ студентовъ. Мечтаетъ объ одной компаніи, гдѣ такъ много собирается студентовъ и студентокъ и куда ее уже приглашали.

«А чортъ бы драгъ! рѣшаетъ она окончательно: пробуду у этихъ езоповъ еще мѣсяцъ и если все также будетъ скучно, удеру въ Петербургъ. А жрать будетъ нечего, пойду въ акушерки. Наплевать!»

Пароходъ наконецъ подходитъ къ пристани и всѣ бросаются къ выходу, какъ изъ спертаго темничнаго воздуха. Какой жаркій день, какое ясное, прекрасное небо! Но мы на небо не смотримъ, некогда. Мы спѣшимъ, спѣшимъ; небо не уйдетъ.

Небо дѣло домашнее, небо дѣло не хитрое; а вотъ жизнь прожить, — такъ не поле перейти..

ПЛѢННИЦА

(ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО).

Вотъ плѣнница. Окружена
Толпой свирѣпою, она
Проклятій злобныхъ внемлетъ крикъ.
Уныль ея поблеклый ликъ,
Сверкающій потушенъ взглядъ,
Лохмотья, рубища хранятъ
Слѣды кровавой раны.

... Въ чемъ
Ея вина? Никто о томъ
Не знаетъ и она сама
Всѣхъ меньше. Тамъ гдѣ дыма тьма
Ложилася, гдѣ вопль рѣзни
Не умолкалъ, ее они
Съ оружемъ взяли.

Нелетучивый Голодь злой
Несчастную въ кровавый бой
Быть можетъ бросилъ; можетъ быть
Она хотѣла раздѣлить
Судьбу того, кого любить
Велѣло сердце,—и пошла
За нимъ покорно въ бездну зла;
Быть можетъ, голосъ мщенья звалъ
Ее въ борьбу и ей шепталъ:
«Ты голодна, ты въ нищетѣ,
Нѣтъ крова у тебя; а тѣ,
Кому ты отдаешь свой трудъ,
Въ безчестной роскоши живутъ!»
И винулась въ тоскѣ она,
Куда влекла ее волна
Гражданской смуты....

На павитъ те нѣтъ Будто звѣрь,
 Къ цѣпи прикована, теперь
 Она идетъ среди солдатъ.
 Ругательствъ и насмѣшекъ градъ
 Ее преслѣдуетъ. Съ тоской
 На грудь поникнувъ головой,
 Она молчитъ и лишь, порой,
 Какъ бы мгновенный, дикій страхъ
 Мелькаетъ у нея въ очахъ....

Заслышавъ шумъ, навстрѣчу къ ней
 Изъ зеленѣющихъ алей
 Выходятъ дамы. Красоты
 Онѣ исполнены. Цвѣты
 Уборовъ пышныхъ головныхъ
 И шолкъ и бархатъ платьевъ ихъ
 Сіяютъ ярко въ свѣтѣ дня;
 Иныя, нѣжный станъ склона,
 Идутъ съ любовниками въ рядъ
 Рука съ рукою, и блестятъ
 На пальцахъ ихъ изящныхъ рукъ
 Брильянты, золото....

И вдругъ, *о сорахъ и сорахъ онѣ*
 Завидѣвъ плѣнницу, толпой
 Онѣ бѣгутъ къ ней съ воплемъ злой,
 Безумной радости; ихъ взоръ
 Сверкаетъ мщеньемъ.... О, позоры!
 Одни съ ругательствомъ плюютъ
 Въ ея лицо, другія рвутъ
 Ей рану зонтиками!... *жестокимъ*

Такъ *т. е. дурная*.
 Волчицу свора злыхъ собакъ
 Терзаетъ въ ярости.

Печаль. *т. е. тѣмъ ея же*
 Меня томить: мнѣ жертву жаль,
 И гнуснымъ палачамъ ее
 Я шлю проклятіе мое! *т. е. мнѣ*

В. Вуренинъ. и Мам

Сцены изъ перваго дѣйствія драмы.

ПОСАДНИКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бояринъ Глѣзь Мироничъ, степенный посадникъ Новгородскій.	Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежняго посадника.
Посадница, жена его.	Подвойскій.
Вѣра, дочь ихъ.	Три товарища Василька.
Василько, женихъ Вѣры.	

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ въ XIII столѣтіи.

Домъ посадника.

ПОСАДНИЦА и боярыня МАМЕЛФА ДМИТРОВНА.

БОЯРЫНЯ.

Что-жь это значить, матушка? Чай вѣче
Ужь отошло, а Глѣба твоего
Миронича доселѣ нѣту? Полно
Ужь вѣдомо-ль ему, что у тебя
Сижу я?

ПОСАДНИЦА.

Какъ-же, матушка Мамелфа
Димитровна! Передъ его уходомъ
Твой посланный намъ повѣстилъ, что ты
Пожаловать изволишь.

БОЯРЫНЯ.

Дивно мнѣ,
Что онъ не поторопится; чай знаетъ —
О вѣчевомъ услышать приговорѣ
И мы хотимъ! Ну, а невѣста гдѣ-жь?

ПОСАДНИЦА.

Вишь, у ея кормилицы вчера
Убили мужа; утѣшать вдову
Она пошла, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

Да; много

Теперя есть въ Новѣгородѣ вдовъ,
Да и сиротъ не мало. И затѣмъ-то
Совѣтоваль Оома Григорычъ миръ
Намъ учинить. Онъ дѣло говорилъ.
Его-же вздумали смѣнять. Пустое
Затѣяли!

ПОСАДНИЦА.

Да говорятъ онъ городъ
Сбирался сдать?

БОЯРЫНЯ.

Кто это говорить?

Не вѣрь тому! На всей новгородской
На волѣ онъ хотѣлъ мириться съ княземъ!
Отъ самого слыхала.

ПОСАДНИЦА.

Статься можетъ.

Его-то, чай, ты лучше знаешь.

БОЯРЫНЯ.

Знаю,

Сударыня: благочестивъ и вѣжливъ;
Почтителенъ и скромненъ; вхожъ ко мнѣ
Не первый годъ; а я вѣдь не со всякимъ
Вожу хлѣбъ-соль.

ПОСАДНИЦА.

Кто-жь этого не знаетъ!

Кого къ себѣ принимаешь ты, того
Весь городъ чтить.

ПОСАДНИКЪ.

БОЯРЫНЯ.

Да, матушка; на деньги
Да на породу не смотрю. Кто прямъ,
Бойтса Бога да живетъ по правдѣ,
Хоть черный будь онъ — милости прошу!
Кто-жь въ чемъ не чистъ, такъ будь онъ хоть
самъ князь —

Не прогнѣвись, ворота на запорѣ!
Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

ПОСАДНИЦА.

Право? А за что?

БОЯРЫНЯ.

Провѣдалъ, вишь, что корабли разбило
Путятины, да съ долговымъ листомъ
Присталъ къ нему; притиснулъ такъ Путяту,
Что тотъ ему за поль-цѣны товары
Свои отдалъ; а Аввакумъ возьми ихъ,
Перепродай, да ссуду ровно вдвое
И выручи!

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, стыдъ какой!

БОЯРЫНЯ.

И послѣ

Безсовѣстнаго дѣла своего,
Онъ, скаредный, еще не побоялся
Ко мнѣ прійти; да я ему при всѣхъ:
Пей, батюшка, свою сегодня чару,
И помни вкусъ — впередъ не поднесутъ!

ПОСАДНИЦА.

Что-жь? И ушелъ?

БОЯРЫНЯ.

Небось, не засидѣлся.

ПОСАДНИЦА.

Жена-то бѣдная!

БОЯРЫНЯ.

Та ни при чемъ;
Я въ тотъ-же день сказать велѣла ей:
По прежнему во мнѣ пускай-де ходить,
Ей рада-де!

ПОСАДНИЦА.

Да какъ-же ей теперь-то
Ходить въ тебѣ?

БОЯРЫНЯ.

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но еслибъ онъ, Господь меня прости,
Чтò студное-бы учинилъ, я съ нимъ-бы
Не стала жить, пошла-бы въ монастырь!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка; но вѣдь сама-же ты
Пускать въ себѣ, кажися, перестала
Какъ-бишь ее?... Что съ мужемъ-то не ходить?

БОЯРЫНЯ.

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыдъ и обыкъ позабыла:
Пока Якунъ въ Новѣгородѣ былъ,
Они ни разу съ Чернымъ не видались,
А только лишь уѣхалъ мужъ въ Торжокъ,
Чтò день, то къ ней таскаться началъ Черный!
По моему жена по разумѣню

ПОСАДНИКЪ.

Должна предъ мужемъ голову держать
Поклонную: хранить не только вѣрность,
Но такъ вести себя, чтобъ про нее
Никто не смѣлъ худаго и подумать.
Но если мужъ безчестный—брось его,
Вернись къ роднымъ, не то—вселися въ пустынь,
Иль постригись!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка, вѣстимо....

БОЯРЫНЯ.

И матерямъ твержу, для дочерей
Чтобъ жениховъ богатыхъ не искали;
Напредъ всего, чтобъ зять боялся Бога!
И правду блюлъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо....

БОЯРЫНЯ.

А не то,
Пусть лучше въ дѣвкахъ дочери сидятъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо такъ; да гдѣ-жъ найти такаго,
Чтобъ не было на немъ укору?

БОЯРЫНЯ.

Значить,

Есть и на вашемъ?

ПОСАДНИЦА.

Грѣхъ его винить,
А помирнѣй конечно-бы хотѣлось
Для нашей Вѣры.

БОЯРЫНЯ.

Значить, сорванецъ?

Зачѣмъ-же ты дала согласье?

ПОСАДНИЦА.

Я-то?

И, матушка! Да мнѣ ль со Глѣбомъ спорить
Съ Мироньчемъ? Согласья моего
Не спросить онъ. Къ тому-жь и полюбились
Другъ-другу молодые....

БОЯРЫНЯ.

Не причина!

Опречь тебя тутъ некому рѣшать;
Коль матери не по-сердцу женихъ,
Такъ прочь его! Тебѣ, чай, лучше вѣдать
Что дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

ПОСАДНИЦА.

Да не-за-что его
Корить-то, матушка.

БОЯРЫНЯ.

Благочестивъ?

ПОСАДНИЦА.

Благочестивъ, сударыня.

БОЯРЫНЯ.

И вѣжливъ?

Почтителенъ, какъ слѣдуетъ, къ тебѣ?

ПОСАДНИЦА.

Ужь какъ-же зятю къ тещѣ нарѣченной
Почтителну не быть!

БОЯРЫНЯ.

Одно мнѣ въ немъ

Не нравится: въ повольникахъ бывалъ.

ПОСАДНИКЪ.

ПОСАДНИЦА.

Что-жь дѣлать, матушка! Мужъ говоритъ:
Не удержать боярамъ молодежи;
Коль нѣтъ войны, гдѣ-жь удалъ показать?

БОЯРЫНЯ.

Да удалъ-то безбожная. На Волгу
Твой, что-ль, ходилъ?

ПОСАДНИЦА.

На Чудскую, кажись,
Ходилъ на Емь, аль на Студено море.

БОЯРЫНЯ.

А то походъ затѣяли на Волгу
Повольники при мужѣ. Въ Костромѣ
Урвали дѣвокъ, отвезли въ Сарай
Да тамъ и продали татарамъ. Что?
Чай, добрая повольница?

ПОСАДНИЦА.

Помилуй,
Какіе-же повольники то были!
То воры, матушка!

БОЯРЫНЯ.

Не велика
Межъ ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Чермный вотъ, что нонѣ
Толкается по женамъ по чужимъ,
Онъ также былъ въ повольникахъ; на Пермь
Никакъ ходилъ.

(Вѣра вбѣгаетъ, испуганная, и бросается на лавку).

ПОСАДНИЦА.

Что, Вѣрушка, съ тобой?
Чего дрожишь ты?

БОЯРЫНЯ.

Что-те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что-ль, меня?

ВЪРА (вставая).

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Димитровна! съ испугу я... прости!
На улицахъ такая давка, крикъ,
Бѣгутъ, шумять, толбаются, чуть съ ногъ
Не сшибли....

БОЯРЫНЯ.

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бываетъ такъ,
Когда народъ отъ вѣча по домамъ
Расходится.

ПОСАДНИЦА.

Хлѣбни водицы, Вѣра,
Да расскажи, не слышала-ль чего?
Чѣмъ кончилось?

ВЪРА.

Поставленъ воеводой
Бояринъ Чермный.

БОЯРЫНЯ.

Чермный? Воевода?
На Омино на мѣсто?

ВЪРА.

Межъ собой
Такъ говорили встрѣчные; о томъ-то
У нихъ и споръ.

БОЯРЫНЯ.

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще-бъ кого другаго—пусть-бы такъ!
Но Чермнаго!

ПОСАДНИКЪ.

ПОСАДНИЦА.

Я, матушка, слыхала,
И Глѣбъ Миронъчъ также говоритъ,
Что доблестнѣй нѣтъ Чермнаго во всей
Землѣ Новгородской.

БОЯРЫНЯ.

Сорванецъ!
Прихвостникъ бабій! Человѣкъ безъ страху
Безъ Божьяго!

ПОСАДНИЦА.

Но, кажется, его
И рать и городъ любить....

БОЯРЫНЯ.

А за что?
За то, что лихъ вертѣтся на конѣ,
Да каждый день на площадь въ новомъ корнѣ
Выходить къ нимъ! Да медомъ угощаетъ
Всѣ пять Концовъ! Да уличанъ своихъ
Знай кормить до отвалу! Вотъ за что
Ему любовь! А что-бъ онъ смогъ сидѣть
Когда Ома не можетъ — нѣтъ, не вѣрю!
Онъ сгубить насъ! То Глѣбъ Миронъчъ кашу
Твой заварилъ! Ужъ не взъщи, а я
Въ глаза ему скажу!

ПОСАДНИЦА.

Но можетъ статья,
Оно не такъ, сударыня; быть можетъ,
Ослышалася Вѣра...

БОЯРЫНЯ.

Чермный! Вотъ ужъ
Сокровище нашли! И водить имъ
Всегда не та, другая баба. Нонѣ

Какая-то Наталья завелась;
 Что вздумаетъ, то и чинитъ; казну
 Его, пѣвка, высосала всю!
 Прогнать ее, безстыжую, велѣла-бъ
 Я метлами изъ города!

ВЪРА.

Наталью?

Нѣтъ, матушка, боярыня, должно быть,
 Тебѣ не такъ сказали; не такая
 Она совсѣмъ! Неправду про нее
 Тебѣ сказали!

БОЯРЫНЯ.

Что ты, что ты, мать?

Отколѣ знать тебѣ? Да про нее
 И говорить тебѣ не слѣдъ, ни даже
 Упомянуть! Не дѣвичье то дѣло,
 Сударыня!

ВЪРА.

Я видѣла ее...

БОЯРЫНЯ.

Что-о? Ее? Ослышалась никакъ я?

ПОСАДНИЦА.

Гдѣ видѣла ее ты, Вѣра?

ВЪРА.

Въ церкви,

На той недѣлѣ, матушка. Стояла
 Она одна, прижавшись въ уголку,
 Молилась такъ усердно, и на ней
 Была одежда бѣдная, простая;
 Когда-же служба кончилась, тихонько
 И робко такъ къ иконѣ подошла,
 Уврадкою жемчужное монисто

посадникъ.

Повѣсила на вѣнчикъ, и скорѣй
Изъ церкви вонъ. Отца Захарья кто-то
О ней спросилъ; вздохнулъ отецъ Захарій
И говорить: Наталья это, та,
Которую бояринъ Чермный любитъ;
Все, что-бъ онъ ей ни подарилъ, на церковь
Она несетъ; казну-жъ, бакая есть,
Межъ нищихъ дѣлить; духомъ, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!

посадница.

Пусть такъ, но все-жъ тебѣ
Знать про нее не гоже...

боярыня.

Что подарки
Она свои на церковь отдаетъ
И нищую жалѣетъ братью — это
Зачтется ей, на томъ свѣту зачтется;
Ты-жъ неразумна, дитяtko, еще;
Не вѣдаешь о чемъ бываетъ вмѣстно
Боярышнѣ, о чемъ не вмѣстно знать.
Коль при тебѣ впередъ о той Натальѣ
Заговорятъ, ты, дитяtko, молчи.
(Звонъ струнъ и пѣсня за сценой).

голосъ.

Какъ ушеуйники по морю
Славить Новгородъ пошли,
Они, слава, проходили
Ажъ до Мурманской земли!

хоръ.

Ай люди, люди, люди,
Ажъ до Мурманской земли!

Боярыня (къ Посадницѣ).
Кто это тамъ въ сѣняхъ твоихъ горланить?

ГР. А. К. ТОЛСТОЙ.

ВАСИЛЬЕО (входитъ съ товарищами).

Опускайте стягъ, Мурмане!
Выдавайте корабли...

(Увидя боярыню, прерываетъ пѣсню).

Боярыня, прости! Не чаялъ я,
Что здѣсь ты...

БОЯРЫНЯ.

А еслибы меня

И не было, все-жѣ, государь, не входятъ
Такъ въ честный домъ. На приступъ, что-ль ты лѣзешь?
Аль думаешь, что съ вражьемъ кораблемъ
Ты сбѣгился?

ВАСИЛЬЕО.

Боярыня, прости!

Съ разбѣгу мы, на радости вошли,
Что по-боку спровадили Оому,
А Чермный сталъ надъ нами воеводой!
(къ товарищамъ).
Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчасъ къ вамъ!

РАДЬЕО.

Смотри-жѣ, не заживайся!

ГОЛОВНЯ.

Заклада не забудь!

ВАСИЛЬЕО.

Небось!

СТАВРЪ.

Простите,

Боярыни!

РАДЬЕО.

Обычай нашъ веселый
Въ вину намъ не поставьте!

ГОЛОВНЯ.

Бьемъ челомъ!

(Всѣ трое уходятъ. За сценой слышна удаляющаяся пѣсня:

Мы, ушкунники, съ баграми
Славить Новгородъ пришли и пр.).

БОЯРЫНЯ.

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

ВАСИЛЬКО.

Виноваты,

Сударыня!

(Подходить къ Вѣрѣ).

Дай на тебя скорѣй
Полюбоваться, радость ты моя,
Безцѣнная!...

БОЯРЫНЯ.

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! Съ тобой, кажись,
Я говорю, такъ ты сперва постой
Да выслушай меня, а ужъ потомъ,
Когда я кончу, да скажу: ступай!
Тогда иди къ невѣстѣ!

ВАСИЛЬКО.

Виновать!

Что, матушка, прикажешь?

БОЯРЫНЯ.

А чтобъ ты
Обычай помнилъ, батюшка. Съ чего
У васъ сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Сталъ воеводой Новгородскимъ! Шутъ онъ
Гороховый, твой Чермный!

ВАСИЛЬЕО.

Ужъ на этомъ
Насъ извини, боярыня! Позволь,
Тебѣ не въ гнѣвъ...

БОЯРЫНЯ.

Да ты меня, отецъ,
Перебивать-то не могли! Тебя
Я разуму учу, такъ стой да слушай;
Авось умнѣ будешь. И не только
Тебѣ скажу, безумному повѣсѣ,
А всѣмъ скажу, и наперво твоему
Скажу я тестю...

(Входитъ Посадникъ).

Леговъ на поминѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Поклонъ тебѣ, боярыня Мамелфа
Димитровна! Какъ, матушка, живешь?

БОЯРЫНЯ.

Съ находкой поздравляю, Глѣбъ Миронычъ!
Ну, батюшка, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
Убилъ бобра!

ПОСАДНИКЪ.

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чернаго? Онъ вѣчемъ
Поставленъ есть. Объ этомъ толковать
Ужъ нечего.

БОЯРЫНЯ.

А кто мнѣ запретить?
Я съ той поры, какъ помню лишь себя,
Всѣмъ въ очи правду рѣзала; и нынѣ
Скажу тебѣ: гдѣ былъ у васъ расудокъ
Ому смѣнить?

ПОСАДНИКЪ.

ПОСАДНИКЪ.

Про то тебѣ отвѣтъ
Я послѣ дамъ, сударыня. Теперь
Дозволь мнѣ дѣло кончить.

(къ Васильку).

Тамъ Подвойскій
Ждетъ у дверей. Проси его войти.

(Василько уходитъ).

ВОЯРЫНЯ.

Смотри, пожалуй! Вѣчемъ, вишь, поставленъ!
Да развѣ все апостолы сидятъ
На вѣчѣ-то? Чай сторона твоя
Перекричала тѣхъ, кто былъ разумнѣй!
Да, слава Богу, Новгородъ не весь
По дудѣ пляшетъ по твоей! Доселѣ,
Слышь, спорять какъ! Опомнятся, дастъ Богъ,
Еще до завтра!

(Входятъ Подвойскій).

ПОСАДНИКЪ.

Государь Подвойскій!

Дай знать Кончанскимъ старостамъ, что я
Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, привазаъ
По городу услышатъ, да вѣли
Чтобъ бирючи по улицамъ кричали:
Боярину-де Чермному дана
Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушитъ послушанье.
Коль дѣломъ это, иль словомъ провинится —
Хватать строптивыхъ!

. ВОЯРЫНЯ.

Отчасу не легче!
Съ вторыхъ поръ въ Новгородѣ слово

Ужъ не вольно? Не въ Ироды-ль цари
Вы Чермнаго поставили?

ПОСАДНИКЪ (къ Подвойскому).

Сей ночью

Бѣжалъ одинъ изъ плѣнныхъ. Повѣстить
По всѣмъ Концамъ, чтобы, во что-бъ ни стало,
Его нашли.

БОЯРЫНЯ.

Да долго-ли ты будешь

Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ-же словно
Меня и нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ (отпустивъ Подвойскаго).

Что, матушка, тебѣ

Угодно отъ меня?

БОЯРЫНЯ.

Ушамъ не вѣрю!

На жизнь и смерть судить насъ будетъ Чермный!
Приказано на улицахъ хватать.
Кто Чермнаго не хвалитъ! Да вѣдь этакъ
Ты, государь, пожалуй и меня
Схватить велишь?

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ, матушка, мы бабъ

Не трогаемъ. Кричи себѣ, коль хочешь,
Во здравіе!

БОЯРЫНЯ.

И буду, государь!

Кому вы городъ отдали-то въ руки?
Безпутному, шальному сорванцу!
Да не ему—его Натальѣ городъ
Вы отдали! Не знаемъ развѣ мы,

ПОСАДНИКЪ.

Кто держитъ верхъ надъ кѣмъ? Не воеводу,
А воеводшу, Господи прости,
Вы надъ собой поставили!

ПОСАДНИКЪ.

Ты все-ли,
Сударыня, сказала?

БОЯРЫНЯ.

Нѣтъ, не все!
За что Ѳому смѣнили вы? За то-ли,
Что миръ хотѣлъ онъ учинить? Чай лучше,
Чтобъ приступомъ насъ взяли? Изъ церквей
Иконы потащили-бъ? Да на щитъ
Дружиннику-бъ досталась дочь твоя?
Вотъ до чего не допустить хотѣлъ
Ѳома, а вы его-же очернили,
Гудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока языкъ мой
Еще къ гортани не присохъ, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставленъ онъ! Ужъ не взыщи, а кто
Безвинно терпитъ, да къ тому-жъ мнѣ другъ,
Ужъ за того до самой смерти буду
Горой стоять!

ПОСАДНИКЪ.

Ты кончила-ль теперь,
Сударыня?

БОЯРЫНЯ.

Могу еще и болѣ
Тебѣ сказать, отецъ мой...

ПОСАДНИКЪ.

Не трудися.
Хотя Великій Новгородъ тебѣ

Отвѣта и не держить, но за то,
 Что вдовью честь твою онъ уважаетъ
 И по дѣломъ тебя за правду чтить,
 Я, такъ и быть, тебѣ отвѣчу. Слушай,
 Боярыня: Ому смѣнили мы
 За то, что сдать совѣтоваль онъ городъ,
 Когда еще держаться можно намъ.
 Который-же верховный воевода
 Не вѣрить самъ, что онъ побьетъ врага —
 Ужъ тотъ побить заранѣ. Чермный вѣрить
 Въ себя и въ насъ, въ него же вѣрить рать.
 Неправда то, что имъ Наталья водить,
 Никто еще досель имъ не водилъ.
 А что живеть онъ въ Новгородѣ весель —
 То до поры, пока отвѣта не-взялъ
 Онъ на себя. Ты, матушка, пойми:
 Онъ словно шолкъ блестящій, шамаханскій,
 Что и цвѣтисть и гибоеъ; поглядѣть —
 Ужъ ничего нѣтъ мягче; а попробуй
 Его порвать — лишь руки натрудишь!

БОЯРЫНЯ.

Хвали, хвали его, отецъ, а я
 Скажу тебѣ: нѣтъ Божьяго на томъ
 Благословенья, кто не вѣрить въ Бога!
 Не ходить въ церковь, батюшка, твой Чермный,
 Второе воскресенье не видала
 Его въ соборѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Некогда ему
 Въ соборѣ быть. Ужъ двѣ недѣли съ валу
 Онъ не сходилъ. Подъ прыскомъ вражыхъ стрѣлъ,
 Отъ приступовъ спасая городъ, служить
 Онъ Господу!

ПОСАДНИКЪ.

БОЯРЫНЯ.

Что? Невогда быть въ церкви?
Нѣтъ времени молиться? Стало быть,
Намъ не нужна молитва?

ПОСАДНИКЪ.

Не криви

Мои хъ рѣчей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если волѣ нашей
Грозить бѣда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитникъ нуженъ намъ!
И не о томъ мы спрашивать должны:
Онъ часто-ли, не часто-ль ходитъ въ церковь,
А какъ онъ въ бой полки свои ведетъ!

БОЯРЫНЯ.

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О тѣлѣ онъ велитъ лишь помышлять,
А душу ставить ни во что! Ступай
Въ свою свѣтлицу, Вѣра, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчасъ!
Безбожницей тебя онъ сдѣлать хочетъ!
Сударыня-посадница, скорѣй
Дочь уведи!

ПОСАДНИКЪ.

Боярыня! Тебѣ

Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь далъ. Но при себѣ учить
Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогнѣвись, а въ домѣ я своемъ
Самъ господинъ!

БОЯРЫНЯ (вставая).

Здѣсь долѣ оставаться
Чевѣстно мнѣ. Другимъ давать уроки,
А не себѣ ихъ слышать отъ другихъ

Привыкла я. Учиться благочестью
 И въжеству собирается ко мнѣ
 Весь Новгородъ. Самой-же научатся
 Какъ мнѣ вестись — на это я стара,
 И отвязать молиться Богу также!
 Я, матушка-посадница, тебя
 За мужнины за рѣчи не виню,
 Одно тебѣ на память только слово
 Еще скажу: дочь отъ него держи
 Подалъ, матушка, подалъ — слышишь?
 Теперь прости—прошу не провожать!

(Уходитъ).

ПОСАДНИКЪ (слѣдитъ за ней глазами).

Тыфу, взбалмочная баба!

ПОСАДНИЦА.

Глѣбъ Мироничъ!
 Свѣтъ мой, голубчикъ! Что-бъ тебѣ пойти
 Догнать ее, предъ пей-бы извиниться?
 Намъ, право, съ нею ссориться не слѣдъ,
 Она въ великомъ гнѣвѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ? Еще
 Предъ ней мнѣ извиняться?

ПОСАДНИЦА.

Свѣтъ, подумай:
 Всѣ на тебя подымутся теперь!

ПОСАДНИКЪ.

А мнѣ какое дѣло?

ПОСАДНИЦА.

И слова
 Твои перетолкуютъ!

ПОСАДНИКЪ.

Мнѣ-то что-жъ?

Иль въ самомъ дѣлѣ я безбожникъ?

ПОСАДНИЦА.

Сила

Святая съ нами! Но тебя, мой свѣтъ,
Осудятъ всѣ! Отъ недруговъ твоихъ
Богъ вѣсть теперь пойдутъ какіе толки!

ПОСАДНИКЪ.

Боятся толковъ — шагу не ступить!

ПОСАДНИЦА.

Вѣдь чтить-же ты и самъ ее доселѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Я чту ее, но гнуться передъ ней —
Ужъ не взыщи! Нашла коса на камень!

ВАСИЛЬЕО.

И подлинно! Такого не встрѣчала
Она отпора!

ПОСАДНИКЪ.

Новгородъ старуху
Избаловалъ?

ВАСИЛЬЕО.

А выплыла какимъ

Въ дверь кораблемъ!

ПОСАДНИКЪ.

Шабашъ о ней — довольно!

О чемъ вы тутъ шептались межъ собой?

ВАСИЛЬЕО.

Мы, государь...

ВЪРА.

Они хотятъ...

ПОСАДНИКЪ.

Въ чемъ дѣло?

ВЪРА.

Вишь вылазку затѣяли они!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ вылазку? Кто вылазку затѣялъ?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь, Словенскіе ребята:
 Съ Гончарскими побились объ завладѣ.
 Тѣ говорятъ: не пустить воевода!
 Мы-жъ говоримъ: зачѣмъ его спрощать?
 Мы выльземъ въ полночь о себѣ,
 А послѣ скажемъ воеводѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Кто

Вамъ отогреть ворота?

ВАСИЛЬКО.

Не въ ворота —

Мы по веревкамъ, государь. За нами
 Ихъ приберутъ, когда-жъ вернемся, снова
 Намъ выкинуть!

ПОСАДНИКЪ.

Изрядно! И могли

Подумать вы, что я, и съ воеводой
 Позволимъ то?

ВАСИЛЬКО.

Пожалуй, государь,
 Намъ не мѣшай; у насъ уже все дѣло
 Улажено.

ПОСАДНИКЪ.

Съ ума вы, что-ль, сошли?

Когда нашъ князь готовить новый приступъ —
Тутъ каждый дорогъ человѣкъ, а вы
Ребачиться затѣяли? Брось дурь!

ВАСИЛЬКО.

Не можемъ, Глѣбъ Мироничъ! Объ закладъ
Побились мы!

ПОСАДНИКЪ.

Такъ я перевязать

Васъ прикажу.

ВАСИЛЬКО.

Не въ гнѣвъ тебѣ, а насъ
Вязать не слѣдъ. Въ Новѣгородѣ было
Такъ искони, что молодежь могла
Всегда какъ хочетъ тѣшиться, и воля
У насъ на то отъ прадедовъ идетъ!

ПОСАДНИКЪ.

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь-ли какой его есть толкъ?
Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьими
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше-жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другаго-жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.
И за нее съ низовыми мы нонѣ
Ведемъ войну, и за нее, коль надо,
Поляжемъ всѣ! И чтобы воля эта
Была вѣрка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться —

Мы Новгородъ Великій государемъ
 Поставили, и головы послушно,
 Свободныя, склонили передъ нимъ.
 Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
 Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
 Не прихоти княжія исполнять,
 Но то чинить безропотно и свято,
 Что государь нашъ Новгородъ велитъ —
 Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
 Воленъ былъ то, что въ голову взбредетъ —
 Нѣтъ, то была-бъ не воля — неуряде
 То было-бы! Когда-бъ такую волю
 Терпѣли мы, давно княжной-бы стали
 Мы вотчиной, иль раздѣлили-бъ насъ
 Между собой сосѣди! Выкинь дурь
 Изъ головы!

ВАСИЛЬКО.

Самъ вижу, Глѣбъ Миронычъ,
 Что виновать, и если только прежде
 Подумалъ-бы, заклада-бъ не держалъ.
 Но посуди: Словенскіе меня
 Начнутъ корить; Гончарскіе-же на-смѣхъ
 Меня подымутъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВАСИЛЬКО

Какъ что за дѣло? Трусомъ обзовутъ!
 Стыдъ будетъ мнѣ, безчестье понесу я!

ПОСАДНИКЪ.

Ты развѣ трусь?

ВАСИЛЬКО.

Ты знаешь самъ, что нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ.

А коль не трусь, о чемъ твоя забота?
Не предъ людьми — передъ собой будь чистъ!

ВАСИЛЬКО.

Такъ, государь, да не легко-же...

ПОСАДНИКЪ.

Что?

Чужіе толки слышать? Своего,
А не чужаго бойся нарѣканья —
Чужое вздоръ!

ВАСИЛЬКО.

Тебѣ-то благо, Глѣбъ
Мироновичъ, такъ говорить! Высоко
У каждаго стоишь ты въ мысли. Твой
Великъ почетъ. Но что-бы сдѣлалъ ты
Коль на тебя-бы студное что-либо
Взвалили люди?

ПОСАДНИКЪ.

Плюнулъ-бы на нихъ!

Вотъ что-бы сдѣлалъ. Иль ужъ самъ себѣ
Не вѣдомъ я? Себя я, благо, знаю,
Самъ чту себя. Довольно мнѣ того.

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, свѣтъ мой Глѣбъ! Вотъ этимъ-то и нажилъ
Ты недруговъ! Ни за-что никому
Не сдѣлаешь уступки! Ни другихъ,
Ни самого себя, вишь, не жалѣешь!
А такъ нельзя! Живемъ вѣдь не одни,
Съ людьми живемъ. Ужели-жъ на людей
И не смотрѣть? Когда-бъ ты захотѣлъ,
Иной-бы разъ друзей себѣ словечкомъ
Нажить-бы могъ!

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛЯ.

(изъ дневника неопытной помѣщицы).

Быль знойный, душный іюльскій полдень. Солнце ослѣпительно сіяло на безоблачномъ небѣ. Обширное поле спѣлыхъ колосевъ стояло таеъ неподвижно, словно вылитое изъ золота. Поле перехватывали мягкія, темнозеленыя, усыпанныя розовой кашкой, сыркнутыя утреннимъ ливнемъ межи; надъ межами тихонько, чуть-чуть волновался легкій паръ. По полю куда-то вилась узкая проселочная дорожка. Вдали синѣлъ большой лѣсъ.

Жатва уже началась. На нѣкоторыхъ участкахъ поля видѣлись сложенные копны, подъ которыми отдыхали жницы.

Вѣроятно такой именно благодатный день описалъ нашъ поэтъ Кольцовъ въ своей «Жницѣ»:

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печеть
Землю матушку.

Какъ хороша еѣ жница!

Душно дѣвнцѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи;
Всю сожгло еѣ
Поле жаркое,
Горять горю все
Лицо бѣлое...

И здѣсь, передъ моими глазами была жница... Она одна не спала, тихо сидѣла поодаль подъ тѣнью копны и какъ будто о чемъ-то задумалась.

И у этой, подумала я, можетъ статья:

Охъ болеть у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Я видѣла изъ за колосьевъ только часть ея лица, полосу краснаго головнаго платка, да бѣлый рукавъ рубашки. На сколько можно судить издали, она была молода, красива, ни щета не наложила на нее своего отвратительнаго отпечатка.

У меня забилося сердце...

Поэтъ Кольцовъ, подумала я, писалъ въ тяжелыя времена, но если даже тогда находились свѣтлыя черты въ народной жизни, то что же теперь, когда народу живется вольнѣе, когда онъ развивается и совершенствуется?

Мнѣ вспомнились слова Алексиса Витиеватова на обѣдѣ у предводителя, и сердце мое забилося еще сильнѣе...

«Сладко слѣдить за народнымъ развитіемъ, хорошо, любо чувствовать, что посильно содѣйствуемъ народному благу! Будемъ же идти бокъ о бокъ съ народомъ, будемъ его заботливо поддерживать на тернистой стезѣ самосовершенствованія! Тутъ требуются жертвы, но развѣ кто изъ насъ убоится жертвъ?»

Какъ дружно всѣ крикнули: «никого! никого!» и какъ залпомъ выпили шампанское за народъ! Даже я, сама не помню какъ, проглотила полный бокалъ. Я бы тогда огонь проглотила.

Я глядѣла на жницу и спрашивала себя:

О чемъ она задумалась? Какія ея желанія и стремленія? Чѣмъ подарила ее жизнь? Чего она еще ждетъ отъ этой жизни? Какія бури она вынесла? Какія видала радости и печали?

У меня явилось непреодолимое желаніе заглянуть въ ея внутренній міръ. Кто знаетъ, думала я, можетъ статья тутъ встрѣтятся такія психологическія тонкости, какихъ и не ожи-

даешь... Можетъ статья, нечаянно обнаружатся замѣчательныя черты нравовъ и обычаевъ... ♦

— Подойду, заведу разговоръ, рѣшила я, и авось чтонибудь вывѣдаю, авось удастся заглянуть въ этотъ простой, но полный свѣжести и поэзіи внутренній міръ.

Слѣдуя по цвѣтущей межѣ, я направилась въ сторону задумавшейся жницы, и чтобы привлечь ея вниманіе, стала тихо покашливать.

Жница тотчасъ же оглянулась и на мой поклонъ отвѣтила поклономъ.

Я подошла ближе и начала съ жалобы на усталость, мучительный зной и жажду.

Она, прикрывая личико младенца, уснувшаго у ея груди, предложила мнѣ испить водицы изъ глинянаго кубшинчика, который стоялъ тутъ же во ржи, спросила, кто я такая, издалекали меня Богъ несетъ, и подвинулась, давая мнѣ мѣстечко сѣсть въ тѣни.

Она тотчасъ угадала, что я не «тутошняя».

— Погулять въ наши края пріѣхали? спросила она.

— Не погулять, а поработать, отвѣтила я ей.

Она оглянула меня еще разъ съ ногъ до головы.

Я была въ совершенно простенькомъ сѣромъ платьѣ, въ совершенно простенькой шляпкѣ.

— Учить что-ль маленькихъ господъ понѣмецки? спросила она.

— Нѣтъ.

— Что-жь, вы вышиваете что-ль узоры? Тутъ жила разъ такая барышня, что вышивала,—и не сказать какъ ужъ она, бають, красно вышивала!

Я постаралась ей объяснить, что не всѣ барышни занимаются нѣмецкимъ преподаваніемъ да узорами. Сердце у меня было переполнено, я говорила не стѣсняясь. Я силилась дать ей понять, что у насъ есть задачи болѣе высокія, что мы теперь всею душой преданы дѣлу народнаго образованія, а слѣдовательно народному благу, что мы хотимъ передать на-

роду свои знанія, что знанія для него необходимы въ видахъ его будущаго... Я, разумѣется, излагала все это простымъ, доступнымъ для нея языкомъ, но она все-таки мало меня понимала. Я видѣла по ея лицу, что всѣ мои слова для нея китайская грамота.

— Вы меня понимаете? спрашивала я. Понимаете, что я говорю?

— Понимаю, отвѣчала она съ улыбкою.

— Но не совсѣмъ? Развѣ я непонятно говорю?

Она улыбнулась!

Наконецъ, мнѣ удалось отъ нея добиться того, что «всѣ господа мудрено говорятъ», — «понятно, да мудрено».

Сердце у меня сжалось... Я думала, что меня нельзя смѣшать со «всѣми господами» и что я говорю не «мудрено»!

Я, однако, побѣдила тяжелое чувство. Мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось достигнуть своей цѣли — заглянуть въ ея внутренній міръ.

Я свела разговоръ на урожай, начала толковать о разныхъ лѣтнихъ хозяйственныхъ заботахъ и тревогахъ, потомъ спросила изъ какой она деревни.

— Изъ Кириловки, отвѣчала она. Можетъ бывали, знаете?

— Проѣзжала. Село, вѣжется, большое?

— Большое.

— А какъ люди у васъ живутъ? Богатыхъ больше, или бѣдныхъ?

— Больше бѣдныхъ.

— А вы?

— Мы ничего, слава Богу.

— Не изъ послѣднихъ, значить, въ селѣ?

— Не изъ послѣднихъ, отвѣчала она съ такою улыбкою, которая ясно показывала, что они — изъ первыхъ.

— Хорошо съ мужемъ живете?

— Хорошо.

— Еще дѣтки есть?

— Есть еще двое.

— А свекровь не злая?

— Злѣе бывають.

— У васъ большая семья?

— Большая. Деверья, заловки... и дѣдъ еще живъ.

— И всѣ въ согласьи между собой?

— У насъ свекоръ брани не любитъ. Чуть что, такъ сейчасъ и поучить.

— Вы молоды шли за мужъ?

— По семнадцатому году.

— Охотою шли?

— Охотою.

— Большою охотою?

— Ничего...

— И потомъ не жалѣли?

— Что-жъ жалѣть-то: ужъ не воротить.

— Да вѣдъ случается, что знаешь воротить нельзя, а все-таки сердце ноетъ, все-таки не отвязывается мысль: ахъ, зачѣмъ это такъ вышло, а не иначе!

— Случается.

— А вамъ не случилось?

— Нѣтъ. Можетъ за другимъ-то еще бы хуже было.

— Вы долго его знали до замужства?

— Гдѣ тамъ долго! Всего два раза и видѣла.

— Расскажите мнѣ, какъ вы выходили замужъ.

— Да какъ и всѣ. Сговорили насъ да и обвѣнчали.

— А до замужства какъ вы жили?

— Да какъ и всѣ.

— Вы вѣдъ помните, какъ вы маленькой дѣвочкой были?

Помните, какъ до невѣсты доросли?

— Извѣстно, помню.

— Ну, расскажите мнѣ, пожалуйста; мнѣ очень хочется знать, какъ у васъ въ деревняхъ растутъ, живутъ... Пожалуйста, расскажите!

— Да что рассказывать-то?

— Ну, что вы дѣлали, когда были маленькой дѣвочкой?

— Скотъ пасла. У насъ деревня большая (я изъ Тросты взята, за тридцать верстъ отсюда), скота много.

— И цѣлый день пасли скотъ?

— А то какъ же? Бывало, выгонишь на зорьѣ...

Передъ ней какъ будто возсталъ картина прошлаго. Она на нѣсколько секундъ умолкла и затѣмъ прибавила:

— У насъ тамъ веселыя мѣста.

— Веселыя?

— Да. Рѣчка быстрая, лѣса большіе. Что цвѣтовъ, что ягодъ! Мы пасли скотъ подъ самымъ лѣсомъ. Въ жару, бывало, лежишь въ кустахъ...

— Ну и что жъ? глядите кругомъ?..

— Глядишь въ траву... или на небо... слушаешь, какъ кругомъ шелестить листь... И такія чудныя, мысли приходятъ на умъ!

— Какія же чудныя мысли?

— Да разныя... Теперь ужъ забыла... Мало ли что взбредетъ на умъ ребятишкамъ? думаешь, бывало, какъ вотъ это все на свѣтѣ чудно сотворено... Небо голубое, солнце красное... Извѣстно дѣти!

Она улыбулась и тихонько вздохнула.

— Чему вы усмѣхнулись? спросила я.

— Да вотъ, вспомнила... То-то дѣти глупы! Хотѣлось мнѣ все на облака попасть... Да такъ хотѣлось, что хоть плачь! Или то же, что бы крылья у меня выросли... что бы это мнѣ полетѣть куда нибудь... Ужъ и сама не знаю куда... Гдѣ бы не скотъ мнѣ пасти, а... ужъ и не знаю что! И этакъ, бывало, жутко станеть, ажно не вздохнешь... Словно душитъ что... Придешь домой—ни ѣды, ни сну... Лежишь на лавкѣ, горько этакъ, что всѣ спять, обидно чего-то... Глядишь на звѣздочки, покуда ажно слезы потекутъ... И заснешь-то, такъ видишь все такое... Крылья у тебя будто и ты летишь, и радуешься, а крылья разомъ подсѣкаются и въ яму въ какую-то тонешь... А то разъ увидала я нашу барышню, бѣленькая она этакая, нарядная, властительная—и потомъ съ ума у меня

не идетъ, что кабы я была барышня... И не такъ мнѣ ея наряды и сласти, какъ что она всюду можетъ, куда хочетъ... Какъ только, бывало, подумаю, такъ ажно задрожу вся... Ужъ чего не приберу бывало! Можетъ, обнадеживаюсь, какой царевичъ замужъ меня возьметъ, какъ вотъ въ сказкахъ сказывается... Или, можетъ, я колдовать выучусь... Мало ли какая дурь!...

Она снова улыбнулась, снова тихонько вздохнула и смолкла.

— Сколько тутъ богатыхъ силъ подъ спудомъ! подумала я. Неужто онѣ такъ и останутся подъ спудомъ? Боже мой! и скоро ли наступить, наконецъ, желанное время, когда всѣ будутъ правильно развиваться, совершенствоваться, вносить свою долю нравственнаго богатства въ общую сокровищницу человечества!

Я сказала ей:

— Какъ жаль, что вы не учились!

Она только взглянула на меня, но ничего не отвѣтила.

Я долго объясняла ей необходимость ученія; доказывала, какъ оно много даетъ, какъ уравниваетъ. Она все слушала молча. Я увлеклась, привела примѣры энергіи и предприимчивости и не знаю ужъ какъ у меня вырвалось:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ ушла, убѣжала учиться! Понимаете?

— Чтобы это мнѣ-то было уйти? спросила она.

— Да, вамъ! вскрикнула я:

— Куда?

— Какъ куда?

— Идти-то мнѣ?

На меня точно плеснули холодной водой. Въ самомъ дѣлѣ, куда ей было уйти?

Она переспросила:

— Куда?

— Въ большой городъ, отвѣтила я, но запнулась, потому что мнѣ вдругъ въ первый разъ представились всѣ трудности

и напасти, ожидающія деревенскаго человѣка въ незнакомомъ городѣ.

Она поглядѣла на меня и какъ-то такъ странно улыбнулась, что я покраснѣла и поскорѣе замѣтила:

— Правда, вы и дороги никуда не знали, и...

— И на знамой бы пропала, добавила она.

— Почему пропали?

— А кто жъ кормить бы сталь? Къ кому бъ я пошла?

— Когда хочешь чего нибудь добиться, такъ всѣмъ ужъ рискуешь, возразила я,—не раздумываешь, что впереди тебя ждетъ!

— Это только барышнямъ можно, отвѣтила она.

— Какъ барышнямъ? почему-же барышнямъ? вскрикнула я.

— Потому барышни нѣжныя и ихъ всякій пожалѣетъ, а мы... Мы темныя...

— Да послушайте, развѣ у васъ не было и поближе людей?

— Какихъ людей?

— Хорошихъ! которые бы васъ хорошо приняли... Вѣдь бываютъ по деревнямъ этакіе люди, я слыхала, знавала...

Я глядѣла на нее, я ожидала, что она назоветъ Витіеватовыхъ...

Но она не назвала ихъ, а только проговорила:

— Можетъ и бываютъ.

Мнѣ припомнились слова Алексиса Витіеватова о старикѣ, который выучился читать и съ утра до вечера читаетъ, и я сказала себѣ: слава Богу! не всѣхъ одолѣла такая апатія, какъ мою собесѣдницу!

Я сказала ей:

— У васъ есть гдѣ-то тутъ старикъ, который вотъ на старости лѣтъ выучился читать, и теперь съ утра до вечера читаетъ.

— А кто-жъ его кормить-то? спросила она.

— Кого?

— А этого старика-то. Коли онъ съ зари до зари читалъ, такъ работа-то какъ-же?

И она опять такъ улыбнулась, и такъ поглядѣла, что я снова смутилась. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ старикъ могъ читать?

Я ей отвѣтила, что вѣрно ему помочь ктонибудь.

— Кто-жъ помогать будетъ? возразила она. Всякому тоже кормиться надо. Мало что наплетутъ люди! У насъ, вонъ, рассказывали, что одинъ старикъ леталъ въ Кіевъ, а онъ совсѣмъ не леталъ.

— Но вѣдь есть же у васъ гдѣнибудь какіе-нибудь хорошіе умные люди, съ которыми можно обо всемъ посоветоваться, потолковать, поговорить...

— Некогда разговаривать-то у насъ.

— Я знаю, работы много, но вѣдь все-таки выберется часокъ-другой... Ну въ праздникъ... Въ праздники вѣдь гуляютъ?

— Въ праздники гуляютъ.

— Ну?

— Ну, пьяны бываютъ.

Каждое ея слово рѣзало меня, словно ножомъ!

— А какой у васъ священникъ? спросила я.

— Отецъ Левонтій.

— Нѣтъ, не имя, а какой онъ человѣкъ-то, — хорошій, добрый? Въ уваженьи онъ у васъ?

— Извѣстно въ уваженьи.

— Въ случаѣ какой бѣды можно къ нему пойти?

— А что-жъ онъ въ бѣдѣ? Коли вотъ родины либо крестины, похороны либо свадьба, или пособоровать, такъ заплатишь и пойдешь.

— А кому нечего заплатить?

— Ужъ какъ-нибудь споможется.

— Ну, а если не споможется?

— Ужъ не знаю. Онъ, какъ если мало дадутъ, урекаетъ

такъ, что Господи Боже мой! Отработку такую положить, немилостивую!

— Какую это отработку?

— А вотъ чтобы это отработать у него на полѣ, либо и огородѣ, кому за поминанье, кому за свадьбу.

— Да зачѣмъ-же соглашаются на такія отработки? вскрикнула я.

Она опять только посмотрѣла на меня, но ничего не отвѣтила, не пояснила.

— Зачѣмъ-же соглашаются? повторила я.

— Какъ-же тягаться-то съ нимъ? Онъ заѣстъ.

Я просто начинала приходить въ отчаяніе! Всѣ мои свѣтлыя мечты разрушались.

— Неужли вы не знаете Витѣватовыхъ? спросила я. Неужли не слышали хоть про нихъ?

— Это про помѣщиковъ-то нашихъ?

— Да.

— Какъ не знать, не слышать! Мы ихніе крѣпостные были.

— Ну что-жъ?

— А что?

— Вѣдь добрые?

— Добрые.

У меня отлегло отъ сердца.

— Вѣдь въ нимъ всѣ могли ходить, ихъ всѣ могли о чемъ угодно спрашивать?

— Какъ можно! Ужъ коли это ходилъ, такъ по горькой по нуждѣ.

— Отчего-жъ это?

Она опять улыбнулась также какъ и прежде — не то съ сожалѣніемъ въ моему простодушію, не то съ насмѣшкой надъ нимъ, и отвѣтила:

— Какъ же намъ, мужикамъ, туда можно ходить?

— Да вѣдь добрые!

— Добрые, а все-таки у нихъ тамъ и собаки, и цвѣты

такіе, что подороже насъ. Дуракомъ-то тоже стоять не хочется.

— Таеъ вы никогда и не бывали?

— Какъ не бывать! Крѣпостными когда были, таеъ насъ сгоняли на барскій дворъ, хороводы водить.

— Сгоняли? Какъ сгоняли? Силою? этого быть не можетъ! вскрикнула я.

— Да не плетью, а таеъ, привязано и иди.

— Да вѣдь васъ тамъ не обижали?

— Нѣтъ. Заставять, бывало, хороводъ водить, а сами сидятъ, смотрятъ. Которую подзовутъ: «Поди-ка сюда! Какъ тебѣ имя? Пряники любишь?» А потомъ промежъ собой по нѣмецки. Разглядываютъ какой лобъ, какіе глаза. Дадутъ пятаеъ. А одинъ баринъ, Алексѣй Иванычъ, таеъ все за щеку щипалъ. Или заставить, бывало, глаза закатывать: «Смотри на небо!» И смотришь на небо.

Я точно съ облаковъ упала. Алексисъ! Нѣтъ, тутъ чтонибудь не таеъ, искажено, перепутано...

— Ну, а теперъ? спросила я, стараясь быть спокойною.

— Теперъ хороводы не собираютъ. Теперъ господа скучные стали, все серчаютъ, что зачѣмъ мужики стали портиться.

— Какъ портиться?

— Въ городъ, говорятъ, зачѣмъ ѣздить, цѣны городскія узнаютъ. Нѣтъ, говорятъ, ужъ простоты по деревнямъ; всѣ измошенничались, ни у кого не купишь сходно ни цыпленка, ничего...

— Алексѣй Иванычъ школу завелъ? спросила я.

— Завелъ.

— Ну что-жъ, хорошо учатъ тамъ? Кто учить? Самъ Алексѣй Иванычъ?

— Дьяконъ учить.

— Хорошо?

— Должно хорошо, только вотъ драчливъ ужъ больно.

— Какъ? Алексѣй Ивановичъ позволяетъ?

— Да онъ при немъ не станетъ.

— Но вѣдь Алексѣй Ивановичъ часто бываетъ, онъ бы замѣтилъ...

— Какъ-же ему замѣтить-то? Онъ придетъ-то по прохладѣ, ужъ когда и вихры выдраны и грядки вышолонны...

— Какія грядки?

— А дьявонскія. Онъ это поучить ихъ, а потомъ: идите на отдыхъ грядки полоть, либо закуты чистить, либо перья драть.

Нѣсколько минутъ мы молчали. Наконецъ я оправилась и спросила:

— А какъ вамъ жилось, когда вы подросли?

— Какъ подросла, посадили прясть, жать стали посылать.

— А мысли-то чудныя все таки приходили въ голову?

— Умнѣ стала.

— Да вѣдь это не глупость! Умнымъ-то людямъ и приходятъ такія мысли! Умные люди все хотятъ знать, до всего хотятъ добраться.

— Какъ за день то измаешься, такъ ровно мертвецъ свалишься,—ни рукъ ни ногъ не чуешь, въ головѣ ровно туманъ какой.

А говорятъ, что дѣвичье время самое хорошее. Дѣвушкамъ меньше работы и заботы.

— Меньше то, меньше.

— Зимой на посидѣлки ходятъ, лѣтомъ на улицу гулять?

— Ходятъ.

— О чемъ же вы тогда больше всего думали?

— Въ дѣвкахъ-то? Ни о чемъ не думала, какія тамъ думы!

— Въ чемъ же веселье было?

— Какъ въ чемъ! Извѣстно, дѣвичье дѣло беззаботное.

Знаешь одного отца-мать. Хоть они и строгіе, да одни.

— Теперь заботъ прибавилось?

— Какъ не прибавиться! Теперь свежру угоди, свежрови угоди, золовкамъ, деверьямъ...

— Да вѣдь если мужъ васъ любить, такъ въ обиду не дастъ.

— Кабы ему за всѣми моими обидами-то глядѣть, такъ онъ бы и борозды одной не провелъ! отиѣтила она, снова улыбаясь.

— А мыслей вамъ ужъ теперь не приходитъ?

— Какихъ мыслей?

— Чудныхъ-то? Вотъ, чтобы полетѣть куда, или въ облака попасть...

— Что-жъ я теперь за дура, за такая!

— О чемъ же вы теперь больше всего думаете?

— Мало-ли думъ-то! Ночью дитя кричить, на зарѣ ко-рова мычить, то не справлено, другое не сготовлено. Когда такой денекъ выдастся, что какъ сядешь обѣдать, такъ и проглотить ничего не можешь: дрожить все внутри-то, а руки и ноги ровно чужія... Вечеру домой идешь, такъ чуть дыхаешь. Позабудешь, какъ кого звать... А! вонъ наши просыпаются!

Нѣсколько жницъ поднимались изъ подъ копенъ.

— Однако, вы вѣдь не жалуетесь на бѣдность? сказала я.

— Чего-жъ намъ жаловаться? Намъ нечего жаловаться! отиѣтила она и какъ будто даже пѣсколько обидѣлась. Мы, слава Богу, живемъ хорошо! Ну, лежи смирно! обратилась она въ ребенка, укладывая его въ плетушку.

— Теперь жать приметесь?

— Пора.

Она взяла серпъ и принялась за работу.

Я поглядѣла на спящую въ плетушкѣ дѣвочку и мнѣ стало невыразимо жаль ея.

Что ожидаетъ тебя, бѣдная дѣвочка? подумала я. Будешь сначала пасти скотъ, будутъ тебѣ, можетъ, являться мысли объ «облакахъ», о «крыльяхъ»... Куда тебѣ обратиться? У попа тебя встрѣтятъ «отработчи», у барина будутъ «цвѣты и собаки подороже тебя», дьяконъ «на отдыхъ» загонитъ закуту чистить... Потомъ ты примешься за работу и будешь работать какъ ломовая лошадь, потомъ выйдешь замужь и ужъ до того поглотятъ тебя заботы о кускѣ хлѣба, до того одолѣетъ безу-

стапное труженичество, что ты, возвращаясь домой послѣ трудового дня, будешь «забывать, какъ кого звать».

Боже мой! да вѣдь это чисто животная жизнь!

Но и эта животная жизнь выпадетъ тебѣ на долю только при благополучномъ, удачномъ исходѣ твоихъ тяжелыхъ трудовъ,—если тебѣ удастся занять мѣсто между «богатыми».

А если ты займешь мѣсто въ ряду «бѣдныхъ»? Господи! какъ же существуютъ «бѣдные»?

Ахъ! лучше объ этомъ не думать, позабыть!

Нервы страшно расходились...

А я такъ мечтала! О, мечты мои, мечты!...

Марко-Вовчокъ.

ТРИ ЭЛЕГИИ.

(А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ).

I.

Ахъ! что изгнанье, заточенье?
Захочетъ — выручитьъ судьба!
Что врагъ? возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
Онъ промахнется въ добрый часъ...
Но той руки ударъ смертеленъ,
Которая ласкала насъ!...

Одинъ, одинъ!... А ту, кѣмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
Не сносить горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлится ужъ давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко,
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?... Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Что-бъ было прошлаго не жаль!

Что-жъ, если сбудется желанье?...
О, нѣтъ! живеть въ душѣ моей
Неотразимое сознанье,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили,
Что было лучшаго у насъ —
Мы на одинъ алтарь сложили,
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужаго моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И — вѣрю я — она придетъ!

Придетъ... и какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупить очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?...

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!...

II.

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
 Дальней странницы моей,
 Повторяю стансы страстные,
 Что сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную!
 Улетимъ съ тобою вновь
 Въ ту страну обѣтованную,
 Гдѣ вѣнчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
 Тамъ лазурнѣй небеса,
 Соловьи тамъ голосистѣе,
 Густолиственнѣй лѣса...

III.

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
 Давно вступилъ въ суровыя права,
 Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
 Все кончено! Сѣдѣть голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
 И смерти жди! Она не далека...
 Зачѣмъ же ты, о сердце! не миришься
 Съ своей судьбой?... О чемъ твоя тоска?...

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
 Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца,
 Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
 Мечта любви, не знающей конца?...

Усни... умри!...

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И РАЗСКАЗОВЪ О МОРСКОМЪ ПЛАВАНІИ.

—•—

I.

11-го декабря прошлаго и 6-го января нынѣшняго года, небольшое общество морскихъ офицеровъ собралось отпраздновать дружескимъ обѣдомъ двадцатилѣтнюю годовщину избавленія ихъ отъ гибели въ означенныя числа на морѣ, при крушеніи въ 1854 году въ Японіи фрегата «Діана».

На второмъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовалъ и я, ласково приглашенный главнымъ лицомъ этой группы, въ которой было нѣсколько офицеровъ, перешедшихъ на фрегатъ «Діана» съ фрегата «Паллада».

Можетъ быть, имя этого послѣдняго фрегата напомнить нѣкоторымъ читателямъ путевыя замѣтки автора этихъ строкъ. Обращая благодарный взглядъ назадъ, къ той эпохѣ, къ плавателямъ, радушно принявшимъ меня въ свой кругъ, и къ публикѣ, ласково встрѣтившей мое незатѣйливое, но вѣрное повѣствованіе о плаваніи въ Японію, — я рѣшаюсь опять заговорить, конечно въ послѣдній разъ, объ этомъ путешествіи.

Многое возобновилось въ памяти плавателей за этимъ обѣдомъ, много приведено было забытыхъ подробностей путешествія, особенно при крушеніи «Діаны». Японская экспе-

диція была тутъ почти вся въ сборѣ, въ лицѣ главныхъ ея представителей, кромѣ бывшаго командира «Паллады» (теперь вице-адмирала и сенатора И. С. У.), и я въ этомъ, знакомомъ мнѣ кругу, сталъ какъ будто опять плавателемъ и секретаремъ адмирала. Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лѣтъ назадъ и доскажу, между прочимъ, о томъ что случилось съ «Палладой» и какъ заключилось дальнѣйшее плаваніе моихъ спутниковъ, послѣ того, какъ я разстался съ ними.

А заключилось оно грандіозной катастрофой, именно землетрясеніемъ въ Японіи и гибелью фрегата «Діаны», о чемъ въ свое время газеты извѣщали публику. О томъ же подробно доносилъ великому князю, генераль-адмиралу, начальнику экспедиціи въ Японію, генераль-адъютантъ (нынѣ графъ) Е. В. Путятинъ.

Бываютъ не рѣдко страшныя и опасныя минуты въ морскихъ плаваніяхъ вообще: было нѣсколько такихъ минутъ и въ нашемъ плаваніи до береговъ Японіи. Но такіе ужасы, какіе испытали наши плователи съ фрегатомъ «Діана», почти безпримѣрны въ лѣтописяхъ морскихъ бѣдствій.

Обязанность—изложить событіе въ донесеніи—лежала бы на мнѣ, по моей должности секретаря при адмиралѣ, еслибъ я продолжалъ плаваніе до конца. Но я не жалѣю, что не мнѣ пришлось писать рапортъ: у меня не вышло бы такого капитальнаго произведенія, какъ рапортъ адмирала (Морской Сборникъ, іюль, 1855).

Я могу только жалѣть, что не присутствовалъ при эффектномъ заключеніи плаванія и что мнѣ не суждено было сдѣлать иллюстрацію и этого событія, подъ вліяніемъ собственнаго впечатлѣнія, на ряду со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось самому видѣть и описать.

Я шутя замѣтилъ своимъ бывшимъ спутникамъ, что не совсѣмъ не имѣлъ права мѣшаться въ группу лицъ, праздновавшихъ избавленіе свое отъ гибели. Хотя я потерялъ возможность написать главу о землетрясеніи, но я могъ торжествовать,

что совершенно случайно избѣжалъ, не только гибели, которой избѣжали и они, но и выстраданной ими драмы приготовления въ ней, и потомъ продолжительныхъ и тяжелыхъ ея послѣдствій.

Въ то самое время, какъ они близки были къ гибели, я, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проѣзжалъ десять тысячъ верстъ по Сибири, отъ Аяна на Охотскомъ морѣ до Петербурга и, въ свою очередь переживалъ, если не страшныя, то трудныя, иногда и опасныя въ своемъ родѣ минуты.

Всякій читатель конечно поспѣшитъ сказать, что и онъ, и всѣ другіе, не бывшіе на мѣстѣ, также точно избѣжали гибели. Да, пожалуй, съ тою только разницею, что читателю и всѣмъ другимъ — и не предстояло тамъ быть, а я, по своей обязанности, непременно былъ бы, и только нечаянно избѣжалъ участія въ крушеніи.

Открылась крымская кампанія. Это совершенно измѣняло первоначальное назначеніе фрегата и цѣль его пребыванія на водахъ восточнаго океана. Дѣло, начатое съ Японіей о заключеніи торговаго трактата и объ опредѣленіи нашихъ съ нею границъ на островѣ Сахалинѣ, должно было, по необходимости, прекратиться, и адмиралъ, въ послѣднее наше пребываніе въ Нагасаки, рѣшилъ идти, сначала къ русскимъ берегамъ восточной Сибири, куда, на смѣну «Палладѣ», долженъ былъ прибыть посланный изъ Кронштадта фрегатъ «Діана», а потомъ, зайдя еще въ Японію, условиться о возобновленіи послѣ войны начатыхъ переговоровъ. Далѣе нельзя было предвидѣть, какое положеніе пришлось бы принять по военнымъ обстоятельствамъ: оставаться ли у своихъ береговъ, для защиты ихъ отъ непріятеля, или искать встрѣчи съ нимъ на открытомъ морѣ. Можетъ быть пришлось бы, по неимѣнію извѣстій о непріятелѣ, оставаться праздно въ какомъ-нибудь нейтральномъ портѣ, на примѣръ въ Санъ-Франциско, и тамъ ждать исхода войны.

Я испугался этой перспективы неизвѣстности и «ожиданія» на неопредѣленный срокъ, гдѣ бы то ни было, у нашихъ ли

пустынныхъ азиатскихъ береговъ, или хотя бы и въ такомъ новомъ для меня и занимательномъ мѣстѣ, какъ Санъ-Франциско. Что тамъ дѣлать мѣсяцы, можетъ быть годъ или годы—ибо какъ было предвидѣть срокъ войны? Тогда Pacific Rail Road еще не было, чтобы пробраться черезъ американскій материкъ домой — и мнѣ пришлось бы отдать себя на волю случайныхъ обстоятельствъ т. е. оставаться тамъ безъ дѣли, празднымъ и лишнимъ лицомъ.

Притомъ меня, два года плаванія, не то что утомили, а утолили вполне мою жажду путешествія. Мнѣ хотѣлось домой, въ свой обычный кругъ лицъ, занятій и образа жизни.

Я намекнулъ адмиралу о своемъ желаніи воротиться. Но онъ, озабоченный начатыми успѣшно и неоконченными переговорами и открытіемъ войны, которая должна была поставить его въ неожиданное положеніе участника въ ней, думалъ, что я считалъ конченнымъ самое дѣло, приведшее насъ въ Японію. Онъ замѣтилъ мнѣ, что не совсѣмъ потерялъ надежду продолжать съ Японіей переговоры, не смотря на войну, и что слѣдовательно и мои обязанности секретаря нельзя считать конченными.

А того, что кончилось мое желаніе путешествовать, онъ не замѣтилъ, не смотря на мой глубокій вздохъ, которымъ я встрѣтилъ его отвѣтъ. Да я и не путешествовалъ, а плавалъ по службѣ. Я былъ «командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ, во время экспедиціи къ нашимъ американскимъ владѣніямъ»: такъ записано было у меня въ формулярномъ спискѣ. Слѣдовательно у меня и не было никакого права на «хочу» или «не хочу» оставаться, или воротиться. Но потомъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ адмираломъ объ этомъ, онъ самъ сжалился. Я видимо сталъ скучать, да можетъ быть, онъ и самъ сомнѣвался, удастся ли ему идти въ Японію, такъ какъ на первомъ планѣ теперь была у него обязанность не дипломата, а война. — И вотъ онъ, неожиданно для меня, съ свойственной ему добротой,

однажды рѣшили: «Богъ съ вами, поѣзжайте: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь.»

Я не заставилъ повторять себѣ этого приглашенія, и ни одну бумагу, въ качествѣ секретаря, не писалъ такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ имени адмирала, «слѣдовать до С. Петербурга, и чтобы мнѣ вездѣ «чинили свободный пропускъ и оказываемо было въ пути, со стороны начальствующихъ лицъ, всякое содѣйствіе» и т. д.

. Все это происходило въ устьяхъ Амура. Фрегатъ «Діана» уже пришелъ на смѣну «Палладѣ», которая отслужила свой срокъ, состарѣлась, и притомъ избита была вытерпѣнными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганомъ въ Китайскомъ морѣ. Сначала ее хотѣли ввести въ устье Амура, но по мелководью это оказалось невозможно. Ее оставили въ Татарскомъ проливѣ, въ «Императорской бухтѣ». Ее разоружили, т. е. сняли съ нея пушки, порохъ, все что можно было снять, а ветхій остовъ ея былъ оставленъ подъ надзоромъ моряковъ и казаковъ, составлявшихъ нашъ постъ въ этой бухтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ прихода туда французовъ и англичанъ, его затопили, недавая непріятелю случая похвастаться захватомъ русскаго судна.

Такъ «Паллада» и кончила свое существованіе въ этой бухтѣ: отъ нея оставалось одно днище, которое вѣроятно пригодилось нашимъ людямъ, содержавшимъ тамъ постъ.

Во время этихъ хлопотъ разоруженія, перехода съ «Паллады» на «Діану», смѣны одной команды другою, отправленія сверхкомплектныхъ офицеровъ и матросовъ сухимъ путемъ въ Россію, я и выпросился домой. Это было въ началѣ августа 1854 года.

Тогда же пріѣхалъ къ намъ съ Амура бывший генералъ губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, и пробывъ у насъ дня два на фрегатѣ, уѣхалъ въ Николаевскъ, куда должна была идти и шкуна «Востокъ», для доставленія его со свитою въ Аянъ, на Охотскомъ морѣ. На этой шкунѣ я и отправился съ фрегата, и съ радостью, что возвращаюсь

домой, и не безъ грусти, что долженъ разстаться съ этимъ кругомъ отличныхъ людей и товарищей.

Помню теперь еще минуту комическаго страха, которую я испыталъ, впрочемъ напрасно, когда, отойдя на шкунѣ съ версту отъ фрегата, мы стали на мель въ устьѣ Амурскаго лимана. Онъ весь усѣянъ мелями, такъ что даже и легкая шкуна наша, и до Николаевска, и послѣ него до Охотскаго моря, безпрестанно становилась на мель. Но это ей, и всякому маленькому суду, ни почемъ. Она также легко снималась съ мелей, какъ и становилась на нихъ. Я былъ внизу въ каютѣ и располагался тамъ съ своими вещами, какъ вдругъ бывший на верху командиръ ея, покойный В. А. Римскій-Корсаковъ, крикнулъ мнѣ съ верху: «адмиралъ ѣдетъ къ намъ: не за вами ли?» Я на минуту остолбенѣлъ, потомъ побѣжалъ на верхъ, думая что Корсаковъ шутить, пугаетъ нарочно. Нѣтъ, не шутить: вонъ синяя гичва и въ ней адмиралъ! «Да, вѣрно передумалъ!» съ ужасомъ думалъ я, глядя на гичву.

Но адмиралъ пріѣхалъ за какимъ-то другимъ дѣломъ, а болѣе, кажется, взглянуть, какъ мы стоимъ на мели, или просто захотѣлъ прокатиться и еще разъ пожелать намъ счастливаго пути—теперь я уже забылъ. Тутъ мы окончательно разстались до Петербурга.

II.

Обращаюсь къ выше сказаннымъ мною словамъ о страшныхъ и опасныхъ минутахъ, испытанныхъ нами въ плаваніи.

«Страшныя» и «опасныя» минуты—это не синонимы, какъ не синонимы и самыя слова «страхъ» и «опасность» вообще,—на морѣ особенно. Страшныхъ минутъ для иныхъ вовсе не существуетъ, для другихъ—ихъ множество. Это зависитъ отъ привычки или непривычки къ морю, т. е. отъ знакомства или незнакомства съ его характеромъ, съ устройствомъ и управленіемъ корабля, и наконецъ отъ нервозности характера или воспитанія плователя. Новичку все кажется страшно

или сомнительно на кораблѣ. «Пошелъ всѣ на верхъ!» командуетъ боцманъ, и четыреста человѣкъ бросаются, какъ угорѣлые, точно спасать кого-нибудь или сами спасаться отъ гибели, затопаютъ по палубѣ, полѣзутъ на ванты: незнающій дѣла или нервозный человѣкъ вздрогнетъ, подумаетъ, что случилась какая нибудь бѣда. Ничего не бывало: надо прибавить или убавить парусовъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. А тамъ загремитъ бѣгущій по роульсамъ (колесцамъ) канатъ. Не то такъ отъ качки, какъ будто съ отчаянія, распахнетъ свои дверцы какой нибудь шкель въ каютѣ, и вся его внутренность, т. е. посуда, — съ трескомъ и звономъ полетитъ во всѣ стороны и разобьется въ дребезги. Чего не представится испуганному воображенію новаго пловца при этомъ трескѣ! Минута — «страшная», но только развѣ для буфетчика, который не заперъ крѣпко дверцы и которому за это достанется.

Такъ и мнѣ, не ходившему дотолѣ никуда въ море, далѣе Кронштадта и Петергофа, приходилось часто впадать въ сомнѣніе или страхъ при этихъ, по не привычкѣ, «страшныхъ», но вовсе не «опасныхъ» шумахъ, трескахъ, бѣготѣхъ, пока я не ознакомился съ правилами и обычаями морскаго быта.

Другое дѣло «опасныхъ» минуты: онѣ не часты, и даже иногда вовсе не замѣтны, пока опасность не превратится въ прямую бѣду. И мнѣ случалось забывать или, по невѣдѣнію, прозѣвать испугаться тамъ, гдѣ бы къ этому было больше повода, нежели при паденіи посуды изъ шкафа, иногда самаго шкафа, или дивана.

О многихъ «страшныхъ» минутахъ я подробно писалъ въ своемъ путевомъ журналѣ, но почти не упомянулъ объ «опасныхъ»: онѣ не сдѣлали на меня впечатлѣнія, не потревожили нервъ — и я забылъ ихъ, или, какъ сказалъ сейчасъ, прозѣвалъ испугаться, отъ того вѣроятно прозѣвалъ и описать. Упомяну теперь два-три такихъ случая.

Идучи на фрегатѣ «Паллада» изъ Кронштадта въ Англію, мы проходили Зундъ.

Я писалъ тогда, какъ неблагопріятно было наше плаваніе по Балтійскому морю, въ октябрскую холодную погоду, при противныхъ вѣтрахъ и туманахъ. Кромѣ того, какъ я тоже писалъ, у насъ умерло три человѣка отъ холеры. И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня, отъ осенняго холода, возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невралгій съ головными и зубными болями. Въ каютѣ, отъ вѣшняго воздуха, съ дождемъ, отчасти съ морозомъ, защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ.

Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ, при этихъ боляхъ, я выдержу двухъ-или трехъ-годичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя только мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И въ этому еще туманы, качка и холодъ!

Съ приближеніемъ къ Даніи, воздухъ сталъ гораздо мягче, теплѣе, но туманы продолжались. При входѣ въ Зундъ, мы, какъ всегда дѣлается въ узкихъ проходахъ, вызвали конечно лощмана, чтобы провести насъ проливомъ. Вызываютъ обыкновенно лощманскимъ флагомъ, потомъ, если флагъ не видѣнъ, палать изъ пушки. Но вѣроятно флага, за туманомъ, съ берегу не было видно, (я теперь забылъ эти подробности) а пушка могла палить и по другой причинѣ: что бы ни было, но лощманъ не явился. Мы шли, такъ сказать, ощупью, подвигаясь тихо, осторожно, но все же подвигались: нельзя же стать въ открытомъ морѣ на одномъ мѣстѣ. Когда туманъ совсѣмъ прояснился, мы были уже въ проливѣ.

Было тепло, мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго.

Обаяніе, производимое величественною картинностью моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море, и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ, пока не привынешь къ нему. Такое состояніе духа очень наивно выра-

зила мнѣ одна французевна, во Франціи, на морскомъ берегу, во время сильнѣйшей грозы, въ своемъ отвѣтѣ на мой вопросъ: «любить ли она грозу?» «Oh, monsieur, c'est ma passion» восторжено сказала она: «mais... je suis mal à mon aise!»

Капитанъ, и такъ называемый «дѣдъ», хорошо знакомый читателямъ «Паллады», старшій штурманскій офицеръ (нынѣ генераль)—оба были наверху и о чемъ-то горячо и заботливо толковали. «Дѣдъ» безпрестанно бѣгалъ въ каюту, къ картѣ, и возвращался. Затѣмъ оба зорко смотрѣли на оба берега, на море, въ напрасномъ ожиданіи лопмана. Я все любовался на картину, особенно на цѣлую стаю купеческихъ судовъ, которыя, какъ утки, плыли кучей и все жалась къ шведскому берегу, а мы шли почти по срединѣ, нѣсколько ближе къ датскому.

Тревожился по минутно капитанъ, тревожился и дѣдъ, и не разъ конечно назвалъ лопмана за неявку «ваторожнымъ». Онъ побѣждалъ въ двадцатый разъ внизъ. Вдругъ капитанъ послакъ посиѣшно за нимъ.

Они, казалось, оба были чѣмъ-то поражены.

— Мы на мели! дошли до моего слуха тихія слова.

Я пощупалъ ногой палубу: она перестала двигаться, ноги стояли будто на землѣ.

Я смотрѣлъ на все это разсѣянно и слушалъ съ большимъ равнодушіемъ, что говорили кругомъ. Меня убаюкивалъ тихій плескъ моря, теплая погода и поглощала картина новыхъ береговъ, а еще болѣе радовала затихшая головная и зубная боль.

— Какая благодать! говорилъ я себѣ, ощутивъ подъ ногами неподвижныя доски палубы.

Но что за суматоха поднялась на фрегатѣ — «изъ за такихъ пустяковъ!» думалъ я.

Засвистали всѣхъ на верхъ, поднялась возня, шумъ: «спускать шлюбку! завозить верпы!» только и слышалось. Офицеры, кто спалъ, кто читалъ или писалъ, всѣ принялись за дѣло.

«Верпы» — маленькіе явора, которые, завезя на нѣсколько

десятьковъ сажень отъ фрегата, бросаютъ на дно, а канать отъ нихъ наматываютъ на шпиль, и вертять послѣдній, чтобы такимъ образомъ сдвинуть судно съ мѣста. Это — своего рода домашній способъ помогать дѣлу, какъ употребляютъ домашній способъ тушить огонь, до прибытія пожарной команды.

Но тяжелый нашъ фрегатъ, съ грузомъ, не на одну сотню тысячъ пудъ, точно обрадовался случаю и легъ прочно на песокъ, какъ иногда добрый пьяница, тоже «нагрузившись» и долго шлепая невѣрными стопами по грязи, вдругъ возьметъ да и ляжетъ средь дороги. Напрасно трезвый товарищъ толкаетъ его въ бока, приподнимаетъ, то руку, то ногу, иногда голову. Рука, нога и голова падаютъ снова, какъ мертвые. Гуляка лежитъ тяжело, неподвижно и безнадежно, пока не придутъ двое «городовыхъ» на помощь.

И фрегатъ, потрогиваемый слабыми верпами, какъ будто подается, поползетъ, врякнетъ, раздадутся радостныя восклицанія, — а онъ ни съ мѣста. Нѣтъ, надо послать за «городовыми». И послали.

Смотрѣлъ я на всю эту суматоху и дивился: «вотъ привычные люди, у которыхъ никакихъ «страшныхъ» минутъ не бываетъ, а теперъ какъ будто боятся! На мели: великая важность! Постоить, да и сойдетъ, какъ задуетъ вѣтеръ посвѣжѣе, заколеблется море», — думалъ я, твердо шагая по твердой палубѣ. Неопытный слѣпецъ!

— Подступитесь развѣ къ нимъ и спросить, что ихъ такъ тревожитъ?— Приступу нѣтъ: и не глядятъ!

Я помню только, что одинъ изъ офицеровъ, баронъ Ш. одѣлся въ форму и поспѣшно посланъ былъ въ Копенгагенъ за пароходомъ, помочь намъ сняться съ мели.

Пока моряки переживали свою «страшную» минуту, не за себя, а за фрегатъ конечно — я и другіе, неприкосновенные къ дѣлу, пили чай, ужинали, и какъ у себя дома, легли спать. Это въ первый разъ послѣ тревогъ холода, вачки!

— «Какая благодать!» — твердилъ я, ложась, какъ на бе-

регу, дома, на неподвижную постель. «Завозите себѣ тамъ верны, а я усну, какъ давно не спалъ!»

Чуть ли не грезилось мнѣ тогда во снѣ, что мы дальше не пошли, а такъ на мели и остались, что морское начальство въ Петербургѣ соскучилось ждать, когда мы сдвинемся, и отложило экспедицію, и что мы всѣ воротились домой безмятежно спать на неизблемыхъ ложахъ.

Но подъ утро, сквозь сонъ, я услышалъ шумъ свистка, почувствовалъ, какъ моя койка закачалась подо мной, и какъ насъ потащилъ могучій «городовой», пароходъ изъ Копенгагена. Тогда, кажется, явился и лопманъ.

На другой день, когда вышли изъ Зунда, я спросилъ, отчего всѣ были въ таковой тревогѣ, тѣмъ болѣе, что средство, т. е. Копенгагенъ и пароходъ, были подъ рукой? Тогда только объяснили мнѣ техническую сторону дѣла: что значить, когда судно «приткнется» къ мели. Прежде всего, даже легкое приткновение что нибудь попортить въ килѣ, или въ обшивкѣ (у нашего фрегата дѣйствительно, какъ оказалось при осмотрѣ въ Портсмутскомъ докѣ, оторвалось нѣсколько листовъ мѣдной обшивки, а безъ обшивки плавать нельзя, ибо-де къ дереву пристають во множествѣ морскія инфузоріи и точатъ его), а главное: еслибъ задулъ свѣжій вѣтеръ и развеялъ волнение, тогда фрегатъ не сошелъ бы съ мели, какъ я, по младенчеству своему въ морскомъ дѣлѣ, полагалъ, а разбился бы въ щепы!

— «И опять таки мы всѣ воротились бы домой!»—думалъ я, дополняя свою грезу: берегъ близко, рукой подать: не утонули бы мы, а я еще немного и плавать умѣю.» — Опять неопытность! Умѣть плавать въ тихой водѣ, въ рѣчкахъ, да еще въ купальняхъ, и плавать по морскимъ, расходившимся волнамъ—это неизмѣримая, какъ я убѣдился послѣ, разница. Въ послѣднемъ случаѣ рѣдкій матросъ, привычный пловецъ, выплываетъ.

Такимъ образомъ «опасная» минута, продолжавшаяся ночь, была мною вовсе не замѣчена.

Но не на морѣ только, а вообще въ жизни, на всякомъ

шагу, грозятъ намъ опасности, часто, къ спокойствію нашему, не замѣчаемыя. Зато, какъ будто для уравновѣшенія хорошаго съ дурнымъ, всюду разсѣяно много «страшныхъ» минутъ, гдѣ воображеніе подозрѣваетъ опасность, которой нѣтъ. На море въ этомъ отношеніи много клепятъ напрасно, благодаря «страшнымъ», въ глазахъ непривычныхъ людей, минутамъ. И я бывалъ въ числѣ послѣднихъ, пока не былъ на морѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и сами моряки были вовсе нечувствительны ко всѣмъ случайностямъ, постигающимъ плавателей. Не изъ камня же они: люди—вездѣ люди, и искренній морякъ,—а моряки почти всѣ таковы,—всегда откровенно сознается, что онъ не бываетъ вполнѣ равнодушенъ къ труднымъ или опаснымъ случаямъ, переживаемымъ на морѣ. Бываетъ и у моряка—и тяжело и страшно на душѣ, и онъ нерѣдко про себя, подъ вліяніемъ такихъ минутъ, рѣшается—не ходить больше въ море, лишь только доберется до берега. А поживши недѣлю, другую, мѣсяцъ на берегу—его неудержимо тянетъ опять на любимую стихію, къ извѣстнымъ ему испытаніямъ.

Но морякъ, конечно, не потревожится никогда пустыми страхами воображенія, — и не поддастся мелочнымъ и малодушнымъ опасеніямъ на каждомъ шагу, по привычкѣ къ морю съ ранней молодости.

III.

По приходѣ въ Англію, забылись и страшныя и опасныя минуты, головная и зубная боли прошли, благодаря неожиданно хорошей для тамошняго климата погодѣ, и мы, проживъ тамъ два мѣсяца, пустились далѣе. Я забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ о моей болѣзни, соглашался было отпустить меня. Впередъ, дальше, манило новое. Тамъ, въ заманчивой дали, было тепло и ревматизмы невѣдомы.

Упомяну о пережитой мною въ Англіи морально-страш-

ной для меня минутъ, которая, не относясь въ числу морскихъ тревоженій, касается, однакоже, все того же путешествія, и она задала мнѣ тревоги больше всякой качви.

Адмирала съ нами не было: онъ прежде фрегата уѣхалъ одинъ въ Англію дѣлать разныя приготовленія къ продолжительному плаванію, и между прочимъ приобрѣлъ тамъ шену «Востокъ», для плаванія вмѣстѣ съ «Палладой», и занимался снаряженіемъ ея, и разными другими дѣлами. Въ Петербургѣ я видѣлъ его мелькомъ, и уже на Портсмутскомъ рейдѣ явился къ нему въ качествѣ секретаря и послѣдовалъ за нимъ въ Лондонъ. Онъ сейчасъ же поручилъ мнѣ написать нѣсколько бумагъ въ Петербургѣ, между прочимъ изложить кратко исторію нашего плаванія до Англій, и вмѣстѣ о томъ, какъ мы «приткнулись» въ мели, и о необходимости ввести фрегатъ въ Портсмутскій докъ, отчасти для осмотра поврежденія, а еще болѣе для приспособленія къ фрегату, тогда еще новаго, водо-опрѣснительнаго пароваго аппарата.

Онъ мнѣ показалъ бумаги, какія самъ писалъ до моего пріѣзда въ Лондонъ. Я прочиталъ и увидѣлъ, что... ни за что не напишу такъ, какъ онѣ написаны, т. е. такимъ строгимъ, точнымъ и сжатымъ стилемъ: просто не умѣю!

«Зачѣмъ ему секретарь?» — въ страхѣ думалъ я: «онъ пишетъ лучше всякихъ секретарей: зачѣмъ я здѣсь? Я—лишний!» Мнѣ стало жутко. Но это было только начало страха. Это опасеніе я кое-какъ одолѣлъ мыслью, что если адмиралу не недостаетъ умѣнья, то не останется времени самому писать бумаги, вести всю корреспонденцію и излагать на бумагу переговоры съ японцами.

Самое худшее было впереди, когда я вернулся изъ Лондона въ Портсмутъ, и когда надо было излагать въ рапортѣ исторію плаванія до Англій и причины ввода фрегата въ докъ. Я думалъ, что это ровно ничего не значить. Я помнилъ каждый шагъ и каждую минуту — и вотъ взять только перо да и строчить привычной рукой: было, молъ, холодно, вѣтеръ дулъ, качало, или было тепло, вотъ *приехали* въ

Данію.... (Боже васъ сохрани сказать когда-нибудь при моряѣ, что вы на кораблѣ «пріѣхали»: покраснѣютъ! «Пришли», а не пріѣхали!) Нѣтъ — вижу, не клеится. Ничего не выходитъ. «А вы возьмите,—«говорятъ»—шканечный журналъ, гдѣ шагъ за шагомъ описывается все плаваніе». Кромѣ того, я взялъ еще книги и бумаги подобнаго содержанія. Погляжу въ одну, въ другую бумагу, или книгу, потомъ въ шканечный журналъ и читаю:

«Положили марсель на стенгу», — «взяли гротъ на гитовы», — «ворочали оверштагъ», — «привели фрегатъ къ вѣтру», — «легли на правый галсъ» — «шли на фордевиндъ», «обросопили реи»... вѣтеръ дулъ NNO или SW». А тамъ слѣдуютъ «утлегарь» «ахтеръ-штевень» — «шкоты» «брассы» «фалы» и т. д. и т. д. Этими фразами и словами, какъ бисеромъ, унизанъ былъ весь журналъ. «Боже мой, да я ничего не понимаю!» — думалъ я въ ужасѣ, царапая сухимъ перомъ по бумагѣ: — «хоть убей, ничего! Зачѣмъ я поѣхалъ!»

Мнѣ припомнилась швольная скамья, гдѣ сидя, бывало, мучаешься до пота надъ «мудренымъ» переводомъ съ латинскаго или нѣмецкаго языковъ, а учитель, какъ теперь адмиралъ, торопитъ, спрашиваетъ: «скоро ли? готово ли? Покажите говорить, мнѣ, прежде нежели дадите переписывать»...

— «Что я покажу?» ворчалъ я въ отчаяніи, глядя на бѣлую бумагу. Среди этихъ терминовъ, изъ живаго слова только и остаются нѣсколько глаголовъ, и между ними еще вспомогательный: много помощи отъ него!

Въ трехнедѣльный переѣздъ до Англіи, я, конечно, слышалъ часть этихъ выраженій, но пропускалъ мимо ушей, не предвидя, что они, въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ, будутъ моею, почти единственною литературою.

«Зачѣмъ я здѣсь? А если ужъ понесло меня сюда, то зачѣмъ я не воспользовался минутнымъ расположеніемъ адмирала отпустить меня и не уѣхалъ? Ахъ, хоть бы опять заболѣли зубы и голова!» — мысленно вопилъ я про себя, отвращая взглядъ отъ шканечнаго журнала.

Кромѣ этихъ терминовъ, цѣликомъ перешедшихъ къ намъ при Петрѣ Великомъ изъ голландскаго языка и усвоенныхъ нашимъ флотомъ, выработалось въ морской практикѣ еще свое особое русское нарѣчіе. Напримѣръ, моряки говорятъ и пишутъ: «приглубый берегъ», т. е. имѣющій достаточную глубину для кораблей. Это очень хорошо выходитъ по русски, такъ же какъ напримѣръ выраженіе: «стойчивый» «стойчивость», т. е. прочное, надлежащее сидѣнье корабля въ водѣ;—«навѣтренная» и «подвѣтренная» сторона, или еще: «отстояться на якорѣ, т. е. воспротивиться напору вѣтра и т. д., очень много. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій и подобныя имъ, напримѣръ, «вытравливать (вмѣсто выпускать) канатъ или веревку»,—и т. п. просятся въ русскую рѣчь и не въ морскомъ быту. Но за то мелькаютъ между ними—очень рѣдко конечно, и другія — съ натяжкой, съ насиліемъ языка. Напримѣръ, моряки пишутъ: «такой-то фрегатъ гдѣ нибудь въ бухтѣ» стоялъ «мористо», — это уже не хорошо, но еще хуже—«мористѣ», въ сравнительной степени. Не морскому читателю, конечно, въ голову не придетъ, что «мористо» значитъ близко, а «мористѣ» ближе къ открытому морю, нежели къ берегу.

Словомъ, свой бытъ, нравы, свой языкъ и цѣлая литература! Не помню, какъ я раздѣлался съ первымъ рапортомъ: вѣроятно я написалъ его береговымъ, а адмиралъ украсилъ морскимъ слогомъ—и бумага пошла. Потомъ и я ознакомился съ этимъ языкомъ и многое не забылъ и до сихъ поръ.

IV.

Теперь перенесемся въ Восточный Океанъ, въ двадцатые градусы сѣверной широты, къ другой «опасной» минутѣ, пережитой у Ливейскихъ острововъ, о которой я ничего не сказалъ въ свое время. Я не упоминаю объ ураганѣ, встрѣченномъ нами въ Китайскомъ морѣ, у группы острововъ Баши,

когда у насъ запаталась гротъ-мачта, грозя рухнуть и положить на бокъ фрегатъ. Объ этомъ я подробно писалъ.

Въ путешествіи своемъ, въ главѣ: «Ликейскіе острова», я вскользь упомянулъ, что два дня передъ приходомъ нашимъ на Ликейскій рейдъ дулъ крѣпкій вѣтеръ, мѣшавшій намъ войти—и больше ничего. Вотъ этотъ вѣтеръ чуть не надѣлалъ намъ большой бѣды.

Мы подходили къ островамъ около вечера. На глазомѣръ оставалось версты три—и намъ слѣдовало зайти за коралловый рифъ, кривой линіей опоясывавшій все видимое пространство главнаго, большаго острова. Издали чуть чуть видно было, какъ буруны перекатывались, играя пѣной, черезъ каменную гряду. Въ этой грядѣ было два входа на рейдъ, одинъ узкій съ сѣвера, другой еще уже — съ юга. Фрегату входить надо было очень вѣрно, какъ каретѣ вѣзжать въ тѣсныя ворота, чтобы не наткнуться на рифъ. Адмиралъ не рѣшился въ сумерки рисковать и предпочелъ подождать разсвѣта. Отдали якорь при тихомъ, ласковомъ вѣтрѣ, въ теплой, южной ночи—и заранѣе тѣшились надеждой завтра погулять по новымъ прелестнымъ мѣстамъ. Наши суда: «Князь Меншиковъ» и шкуна «Востокъ», кажется, оба—(забылъ теперь) уже пришли прежде насъ и проскользнули въ узкости легко. Небольшимъ судамъ, неглубоко сидящимъ въ водѣ—это ни по чемъ. Офицеры оттуда пріѣзжали къ намъ и уѣхали.

Вдругъ около полуночи задулъ вѣтеръ, не съ берега, а съ океана къ берегу—а мы въ этомъ океанѣ стояли на якорѣ! Отдали другой якорь — и готовились бороться съ неожиданнымъ и внезапнымъ врагомъ. Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежниѣ всѣхъ—я. По своему береговому, не совсѣмъ еще въ морскомъ дѣлѣ окрѣпшему понятію, я все думалъ, что стоять на мѣстѣ все таки лучше, нежели ходить по морю. Оно, пожалуй, и такъ, если стоять во время шторма въ закрытомъ портѣ, но мы стояли въ океанѣ! Такъ провели ночь, безпокойно, т. е. они, моряки, слѣдя за успѣхами вѣтра. На другой день, около полудня, вѣтеръ сталъ стихать: на-

чали сниматься съ якоря—и только что второй якорь «всталъ» (со дна) и поставлены были марсели (паруса), какъ раздался крикъ вахтеннаго: «Дрейфуетъ!» (тащитъ). «Отдать якорь!» вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздалась команда.

Все это, т. е. команда и отдача якорей, уборка парусовъ продолжалось нѣсколько минутъ, но фрегатъ успѣло «подрейфовать» силой вѣтра и теченія версты на полторы ближе къ рифамъ. А вѣтеръ опять задулъ крѣпче. Отданъ былъ другой якорь (ихъ всѣхъ четыре на большихъ военныхъ судахъ)—и мы стали въ виду каменной гряды. До насъ достигалъ шумъ перекачивающихся буруновъ.

Я—ничего себѣ: всматривался въ открывшіяся теперь со всѣмъ подробности новаго берега, глядѣлъ не безъ удовольствія, какъ скачутъ черезъ камни, точно бѣшенныя бѣлыя лошади, буруны, кипя пѣной; наблюдалъ, какъ начальство безповоится, какъ появляется иногда и задумчиво поглядываетъ на рифы адмиралъ, какъ всѣ примолкли и почти не говорятъ другъ съ другомъ. Да и нечего говорить, развѣ только спрашивать: «выдержать ли якорныя цѣпи и канаты напоръ вѣтра, или нѣтъ?» Вопросъ, похожій на гоголевскій вопросъ: «дойдетъ, или не дойдетъ колесо до Казани?»—Но для насъ онъ былъ и гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть?—Чуть вѣтеръ тише—ну, надежда: выдержать; а заревѣлъ и натянулъ канаты—сомнѣніе и злоба. А фрегатъ такъ и возить взадъ и впередъ, насколько позволяютъ канаты обоихъ якорей—и вотъ-вотъ немножко еще—трахъ... и...

— «И что?»—допытывался я уже на другой день на рейдѣ, ибо тамъ, за рифами, опять ни къ кому приступу не было: такъ всѣ озабочены. Да почему то и не ловко было спрашивать, какъ бываетъ не ловко заговаривать, гдѣ есть трудный больной въ домѣ, о томъ: выздоровѣетъ онъ, или умретъ?

— «Какъ что! Лопни канаты—и черезъ нѣсколько минутъ фрегатъ наваливаетъ на рифы: ну—и въ щепы!»

— «Сейчасъ и въ щепы! хорошо, положимъ—и въ щепы. Конечно, это огромная бѣда, но все же люди спасутся...

— «Тутъ, у этихъ рифовъ, при этомъ волненіи? Подите!»

Я не унывалъ нисколько, отчасти потому, что мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы цѣпи — канаты двухъ, наконецъ трехъ, и даже четырехъ якорей, не выдержали, а главное — берегъ близко. Онъ, а не рифы, былъ для меня «каменной стѣной», на которую я безконечно и возлагалъ все упованіе. Это совершенно усыпляло всякій страхъ, и даже подозрѣніе опасности, когда она была очевидна. И я смотрѣлъ на всю эту «опасную» двухъ-дневную минуту, какъ на дѣло, до меня нисколько не касающееся.

И только на другой день, на берегу, вполне выигнувъ я въ опасность положенія, когда въ разговорахъ объ этомъ объяснилось, что между берегомъ и фрегатомъ, при этихъ огромныхъ, какъ горы, волнахъ, сообщенія на шлюбахъ быть не могло, что еслибъ фрегатъ разбился о рифы, то ни наши шлюбки, а ихъ шесть—семь, и большой барказъ, — ни шлюбки съ другихъ нашихъ судовъ, не могли бы спасти и пятой части всей нашей команды. При волненіи, онѣ, т. е. шлюбки, имѣли бы полный комплектъ гребцовъ, и мѣста для другихъ почти не было бы совсѣмъ, развѣ для какихъ нибудь десяти человѣкъ на шлюбку, а насъ всѣхъ было болѣе четырехъ сотъ. И тѣ десять человѣкъ стѣсняли бы свободныя дѣйствія гребцовъ и не при этомъ океанскомъ волненіи. «И просто не выгрести бы на такихъ волнахъ!» говорилъ мнѣ.

Бывшіе на берегу офицеры съ американскаго судна сказывали, что они ожидали уже услышать ночью съ нашего фрегата пушечные выстрѣлы, извѣщающіе о критическомъ положеніи судна, а англійскій миссіонеръ говорилъ, что онъ молился о нашемъ спасеніи.

Однако лейтенантъ Савичъ чуть ли не на двойкѣ (двухъ-весельной шлюбкѣ) съ двумя гребцами, изволилъ оттуда проватиться до насъ по этимъ волнамъ — «посмотрѣть, что вы тутъ дѣлаете», сказалъ онъ. И посидѣвши съ нами, также отправился назадъ. И теперь помню, какъ скорлупка-двойка вдругъ пропала изъ глазъ, будто проваливалась въ глубину между

двухъ водяныхъ горъ, и долго не видно было ея, и потомъ всползала опять бовомъ на гребень волны. Я не спускалъ глазъ съ Савича, пока онъ не скрылся за рифъ и, конечно, не у него, а у меня сжималось сердце страхомъ: „вотъ, вотъ кувырнется и не появится больше!“

Провели мы еще, что называется, *mauvais quart d'heure* въ Татарскомъ проливѣ, гдѣ мы медленно подвигались къ устьямъ Амура. Офицеры на шлюбкахъ посылались впередъ для измѣренія глубины—и по ихъ слѣдамъ шель тихо и фрегатъ, безпрестанно останавливаясь, иногда въ ожиданіи прилива. И вотъ въ одинъ вечеръ стали на якорь на хорошей глубинѣ. По сторонамъ видны были оба берега, Манчжурскій и острова Сахалина,—и очень близко. Мы расположились покойно. Утромъ стали сниматься съ якоря, поставили гротъ-марсель, и въ это время фрегатъ потащило нѣскольکو десятковъ сажень впередъ. Якорь опять отдали. Глубины подъ вилемъ все таки оказалось достаточно, но далѣе подвигаться не рѣшились, ожидая, что съ приливомъ воды прибудетъ. Но оказалось, что мы стоимъ уже на большой водѣ, на приливѣ, и вскорѣ вода начала убывать, и когда убыла, подъ вилемъ оказалось всего фута три, четыре.

Вотъ тутъ и началась опасность. Вѣтеръ немного засвѣжѣлъ и, помню я, какъ фрегатъ сталъ бить объ дно. Сначала было два, три довольно легкихъ удара. Затѣмъ такъ треснуло, что затрещали шлюбки на боканцахъ и марсы (балконы на мачтахъ). Всѣ, бывшіе въ каютахъ, выскочили въ тревогѣ, а тутъ еще ударъ, еще и еще. Потонуть было трудно: оба берега въ какой-нибудь верстѣ; мѣстами, на отмеляхъ, вода была по поясъ человѣку.

Но если-бы удары продолжались чаще и сильнѣе, то корпусъ тяжело-нагруженнаго и вооруженнаго фрегата, конечно, могъ бы раздаться, и рангоуть, т. е. верхнія части мачтъ и реи, полетѣтъ внизъ. А такъ какъ эти деревья, вазущіяся снизу лучинвами, вѣсятъ, которое двадцать, которое десять

пудъ, — то всѣмъ намъ приходилось тоскливо стоять внизу и ожидать, на кого они упадутъ.

Послѣ смѣшно было вспоминать, какъ, при каждомъ ударѣ и трескѣ, всѣ мы проворно переходили одни на мѣсто другихъ на палубѣ. «Страшновато» было! какъ говорилъ, бывало, я въ подобныхъ случаяхъ спутникамъ. Впрочемъ все это продолжалось, можетъ быть, часа два, пока не начался опять приливъ, подбавившій воды, и мы снялись и пошли дальше.

У.

Мы подвергались опасностямъ и другаго рода, хотя не морскимъ, но весьма вѣроятнымъ тогда, и обязательнымъ, такъ сказать, для военного судна, которыхъ не только нельзя было избѣгать, но должно было на нихъ напрашиваться. Это встрѣча и схватка съ непріятельскими судами. Сколько помню, адмиралъ и капитанъ неоднократно рѣшались на отважный набѣгъ къ берегамъ Австраліи, для захвата англійскихъ судовъ, и кажется, если не ошибаюсь, только неувѣренность, что наша старая, добрая Паллада выдержитъ еще продолжительное плаваніе отъ Японіи до Австраліи, удерживало ихъ, а еще, конечно, и неувѣренность, по неимѣнію никакихъ извѣстій, застать тамъ чужія суда. Въ послѣднее наше пребываніе въ Шанхаѣ, въ декабрѣ 1853 г., и въ Нагасаки, въ январѣ 1854 г., до насъ еще не дошло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Турціей и Англійей; мы знали только, изъ запоздавшихъ газетъ и писемъ, что близко къ тому—и больше пока ничего. Я помню, что въ Шанхаѣ ко мнѣ все приставалъ лейтенантъ англійскаго флота, кажется Скоттъ, чтобъ я поддержалъ съ нимъ пари о томъ, будетъ ли война или нѣтъ? Онъ утверждалъ, что не будетъ, я былъ противнаго мнѣнія. Пари не состоялось, и мы ушли сначала въ Нагасаки, потомъ въ Маниллу — все еще въ невѣдѣніи о томъ, въ войнѣ

мы уже, или нѣтъ — и съ каждымъ днемъ ждали извѣстія и въ каждомъ встрѣчномъ суднѣ предполагали непріятеля.

Въ этой неизвѣстности о войнѣ пришли мы и въ Маниллу и застали тамъ на рейдѣ военный французскій пароходъ. Ни мы, ни французы не знали, какъ намъ держать себя другъ съ другомъ, и визитами мы не мѣнялись, какъ это всегда дѣлается въ обыкновенное время. Пробывъ тамъ недѣли три, мы ушли, но передъ уходомъ узнали, что тамъ же ожидали англійскую эскадру.

Такъ какъ мы могли встрѣтить ее, или французскія суда, и можетъ быть съ извѣстіями объ открытіи военныхъ дѣйствій, — то у насъ готовились къ этой встрѣчѣ и приводили фрегатъ въ боевое положеніе. Капитанъ поговаривалъ о томъ, что, въ случаѣ одолѣнія превосходными непріятельскими силами, необходимо-де поджечь пороховую камеру и взорваться.

Всѣ были болѣе или менѣе въ ожиданіи, много говорили, готовились, смотрѣли въ зрительныя трубы во всѣ стороны.

Одинъ только о. Аввакумъ, нашъ добрый и почтенный архимандритъ, относился ко всѣмъ этимъ ожиданіямъ пассивно, какъ почти и ко всему, невозмутимо-покойно, и даже скептически. Какъ онъ самъ лично не имѣлъ враговъ, всѣми любимый, и самъ всѣхъ любившій, то и не предполагалъ ихъ нигдѣ и ни въ комъ: нина морѣ, ни на сушѣ, ни въ людяхъ ни въ корабляхъ. Если у него и была вражда, такъ это развѣ въ большой пушкѣ, какъ совершенно ненужному въ его глазахъ предмету, которая стояла въ его каютѣ и отнимала у него много простора и свѣту.

Онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ идей, знаній, добрыхъ чувствъ — и въ сношеніяхъ со всѣми нами былъ одинаково дружелюбенъ, привѣтливъ. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи. Это давалось ему легко: ему не нужно было умѣнья — онъ инымъ быть не могъ. Онъ не вмѣшивался никогда не въ свои дѣла, никому ни въ чемъ не навязывался, былъ скромнень, не старалъ

ся выставить себя и не претендовалъ на право собственныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ, а оказывалъ ихъ молча и много—и своими познаніями, и нравственнымъ вліяніемъ на весь кружокъ плователей, не поученіями и проповѣдями, на которыя не былъ щедръ, а просто примѣромъ ровнаго, покойнаго характера и кроткой, почти младенческой души.

Въ бесѣдахъ умъ его приправлялся часто солью легкаго, и всегда добродушнаго юмора.

Кажется, я смѣло могу поручиться за всѣхъ моихъ товарищей плаванія, что ни у кого изъ нихъ не было съ этою прекрасною личностію ни одной непріятной, даже досадной минуты.... А если бывали, то вотъ развѣ какого комическаго свойства. Напримѣръ, помню, однажды, гуляя со мной на шканцахъ, онъ вдругъ... плюнулъ на палубу. Ужасъ!

Шканцы—это нѣчто въ родѣ корабельной скиніи, самое парадное, почти священное мѣсто. Палуба—скоблится, трется кирпичомъ, моется почти каждой день и блеститъ, какъ стекло.

А о. Аввакумъ—разчихался, разморкался и — плюнулъ. Я помню взглядъ изумленія вахтеннаго офицера, брошенный на него, потомъ на меня. Онъ сдѣлалъ такое же усиліе надъ собой, чтобъ воздержаться отъ какого нибудь замѣчанія, какъ я—отъ смѣха. «Какъ жаль, что онъ—не матросъ!» шепнулъ онъ мнѣ потомъ, когда о. Аввакумъ отвернулся. Долго помнилъ эту минуту офицеръ, а я долго веселился ею.

Въ другой разъ, гдѣ-то въ поясахъ сплошнаго лѣта, при безвѣтріи, мы прохаживались съ о. Аввакумомъ все по тѣмъ же шканцамъ. Вдругъ ему вздумалось взобраться по трехъ-ступенной лѣсенкѣ на площадку, съ которой обыкновенно стоя командуетъ вахтенный офицеръ. Отецъ Аввакумъ обзрѣлъ море и потомъ, обернувшись спиной къ нему, вдругъ... сѣлъ на эту самую площадку «отдохнуть», какъ онъ говаривалъ.

Опять скандалъ! Капитана на верху не было—и вахтенный офицеръ смотрѣлъ на архимандрита—какъ будто хотѣлъ его съѣсть, но не рѣшался замѣтить, что на шканцахъ сидѣть нельзя. Это, конечно, зналъ и самъ о. Аввакумъ, но по раз-

сѣянности забылъ, не приписывая этому никакой существенной важности. Другіе, кто тутъ былъ, улыбались — и тоже ничего не говорили. А самъ онъ не догадывался и «отдохнувъ,» сталъ опять ходить.

При кротости этого характера и невозмутимо—покойномъ, созерцательномъ умѣ, онъ не легко поддавался тревогамъ. Преслѣдованіе на морѣ враговъ нами, или погоня враговъ за нами, казались ему больше фантазією адмирала, капитана и офицеровъ. Онъ равнодушно глядѣлъ на всѣ военныя приготовленія и продолжалъ, лежа или сидя на постели у себя въ каютѣ, читать книгу. Ходилъ онъ въ обычное время гулять для моціона и воздуха на верхъ, не высматривая непріятеля, въ котораго не вѣрилъ

Вдругъ однажды раздался крикъ: «пароходъ идетъ! Дымъ видѣнъ!»

Поднялась суматоха. „Пошелъ по орудіямъ!“ скомандовалъ офицеръ. Всѣ высыпали на верхъ. Кто-то позвалъ и отца Аввакума. Онъ неторопливо, какъ всегда, вышелъ и равнодушно смотрѣлъ, куда всѣ направили зрительныя трубы и въ напряженномъ молчаніи ждали, что окажется.

Скоро всѣ успокоились: это оказался не пароходъ, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее изъ него жиръ. Отъ этого и дымъ. Непріятель все не показывался. «Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же ему гонящу!» слышу я голосъ сзади себя.

Оборачиваюсь: это о. Аввакумъ выразилъ такъ свой скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами. Я засмѣялся, и онъ тоже. «Да право такъ!» замѣтилъ онъ, спускаясь неторопливо опять въ каюту.

VI.

Но какъ все страшное и опасное, испытываемое многими плавателями, а также испытанное и нами въ плаваніи до

Японіи, кажется блѣдно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что привелось испытать моимъ спутникамъ въ Японіи. Все, что произошло тамъ, представляетъ рядъ страшныхъ, и опасныхъ, и гибельныхъ вмѣстѣ,—не минутъ, не часовъ, а дней и ночей.

Много ужасныхъ драмъ происходило въ разные времена съ кораблями и на корабляхъ. Кто ищетъ въ книгахъ сильныхъ ощущеній, за неимѣніемъ послѣднихъ въ самой жизни, тотъ найдетъ большую пищу для воображенія въ «Исторіи кораблекрушеній», гдѣ въ нѣсколькихъ томахъ собраны и описаны многіе случаи замѣчательныхъ крушеній у разныхъ народовъ. Погибали на морѣ отъ бурь, отъ жажды, отъ голода и холода, отъ болѣзней, отъ возмущеній экипажа.

Но никогда гибель корабля не имѣла такой грандіозной обстановки, какъ гибель «Діаны», гдѣ великолѣпный спектакль былъ устроенъ самой природой. Не разъ на судахъ бывали ощущаемы колебанія моря отъ землетрясенія,—но сколько помнится, большихъ судовъ отъ этого не погибало.

Пересѣвъ на «Діану» и выбравъ изъ команды «Паллады» надежныхъ и опытныхъ людей, адмиралъ все таки рѣшилъ попытаться зайти въ Японію, и если не окончить, то закончить на время переговоры съ тамошнимъ правительствомъ и условиться о возобновленіи ихъ по окончаніи войны, которая уже началась, о чемъ получены были наконецъ извѣстія.

Передъ отплытіемъ изъ Татарскаго пролива, время, съ августа до конца ноября, прошло въ приготовленіяхъ къ этому рискованному плаванію, для котораго готовились припасы на непредвидѣнный срокъ, въ виду ожиданія встрѣчи съ непріателемъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, адмиралъ, въ концѣ ноября, вдругъ рѣшился на отважный шагъ: идти въ центръ Японіи, коснуться самаго чувствительнаго ея нерва, именно въ городъ Осаки, близъ Міако, гдѣ жилъ микадо, глава всей Японіи, сынъ неба или, какъ неправильно прежде называли его въ Европѣ, «духовный императоръ». Тамъ, думалъ не безъ основанія адмиралъ, японцы струсятъ неожиданнаго появленіе

нія иноземцевъ въ этомъ закрытомъ и священномъ мѣстѣ и скорѣе согласятся на предложенныя имъ условія.

Такъ и сдѣлалъ. «Діана» явилась туда — и японцы дѣйствительно струсили, но, къ сожалѣнію, это средство не повело къ желаемымъ результатамъ. Они стали просить удалиться, и всѣ берега свои заставили рядами лодокъ, такъ что сквозь нихъ надо бы пробиваться силою, а къ этому средству адмиралъ не имѣлъ полномочія прибѣгать.

Японцы тутъ ни о какихъ переговорахъ не хотѣли и слышать, а приглашали немедленно отправиться въ городъ Симодо, въ бухтѣ того же имени, лежащей въ углу огромнаго залива Іеддо, при выходѣ въ море. Туда, по словамъ ихъ, отправились и уполномоченные для переговоровъ японскіе чиновники. Туда-же черезъ нѣсколько дней направилась и «Діана». Въ этой бухтѣ предстояло ей испытать страшную катастрофу.

Здѣсь я кладу перо, какъ путешественникъ и авторъ. Далѣе меня не было съ плавателями, и я являюсь только редакторомъ нѣкоторыхъ ихъ воспоминаній, рассказовъ и донесеній о крушеніи «Діаны» и о возвращеніи въ Россію.

Постараюсь сдѣлать это въ нѣсколькихъ намекахъ, какъ можно короче, чтобы не лишать большаго интереса тѣхъ изъ читателей, которые пожелаютъ ознакомиться съ событіемъ изъ самаго рапорта адмирала, гдѣ все изложено—полно, подробно и весьма просто и удобопонятно, не смотря на обиліе морскихъ терминовъ.

Все это событіе и послѣдствія его принадлежатъ исторіи нашего мореплаванія, а теперь пока они теряются на страницахъ мало доступнаго большинству публики спеціальнаго морскаго журнала.

«Однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ, рѣдкихъ явленій въ природѣ, случающихся однако чаще въ Японіи, нежели въ другихъ странахъ, совершалась гибель фрегата «Діана». Такъ начинается рапортъ адмирала къ великому князю генералъ-адмиралу,— и затѣмъ, шагъ за шагомъ, минута за минутой, повѣствуетъ о

грандіозномъ событіи и его разрушительномъ дѣйствиіи на берегахъ и на фрегатѣ.

Прочитавъ это повѣствованіе и выслушавъ изустные рассказы многихъ свидѣтелей,—можно наглядно получить вульгарное изображеніе событія, и въ миниатюрѣ, такимъ образомъ: возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое, круговращательное движеніе — а на воду пустите яичную скорлупу, или представьте себѣ на ней миниатюрное суденышко, съ полнымъ грузомъ и людьми. Вотъ положеніе судна и людей. Но въ чашкѣ нѣтъ ни скаль, стоящихъ въ видѣ острова посерединѣ, ни угловатыхъ береговъ,—а это все было въ бухтѣ Симодо.

Надо замѣтить, что бухта Симодо не закрыта съ моря, и слѣдовательно не можетъ служить постояннымъ безопаснымъ мѣстомъ для стоянки судовъ.

11 декабря, въ 10 часовъ утра, рассказывалъ адмиралъ — онъ и другіе, бывшіе въ каютахъ, замѣтили, что столы, стулья и прочее нѣсколько колеблются, посуда и другіе предметы прискакиваютъ, и поспѣшили выйти на верхъ. Все повидимому было еще покойно. Волненія въ бухтѣ не замѣчалось, но вода какъ будто бурлила или влокотала.

Около городка Симодо течетъ довольно быстрая горная рѣчка: на ней было нѣсколько джонокъ (мелкихъ японскихъ судовъ). Джонки вдругъ быстро понеслись, не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ. Тоже необыкновенное явленіе: тотчасъ послали съ фрегата шлюбку съ офицеромъ, узнать, что тамъ дѣлается. Но едва шлюбка подошла къ берегу, какъ ее водою подняло вверхъ и выбросило. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюбку дальше отъ воды. Съ этого момента начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище.

Вотъ рисунокъ этой картины въ двухъ-трехъ главныхъ и поверхностныхъ штрихахъ.

Вслѣдствіе колебанія морскаго дна у береговъ Японіи, въ бухту Симодо влился громадный валъ, который воснулъ

берега и отхлынулъ, но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ на встрѣчу ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, громадиѣ. Они столкнулись, и не вмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, хлынувъ на берега. вплоть до тѣхъ высотъ, куда спасались люди изъ Симодо. Второй валъ покрылъ весь Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще. Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой, а вмѣстѣ съ тѣмъ ломалось, смывалось, тонуло и исчезало съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Изъ тысячи домовъ осталось шестнадцать и погибло около ста человѣкъ. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей и безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ: жилищъ, утвари и проч. Все это прибило къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало, по словамъ рапорта адмирала, «какъ бы продолженіе берега».

А что дѣлалось съ фрегатомъ въ это время?

По изустнымъ рассказамъ свидѣтелей, поразительнѣе всего казалось переменное возвышеніе и пониженіе берега: онъ, то приходилъ въ ровень съ фрегатомъ, какъ былъ, то вдругъ возвышался сажень на шесть вверхъ. Нельзя было рѣшиться, стоя на палубѣ, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря? Вращеніемъ воды видало фрегатъ изъ стороны въ сторону, прижимая на какую нибудь сажень къ скалистой стѣнѣ острова, около котораго онъ стоялъ, и грозя раздробить какъ орѣхъ, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потомъ стало ворочать его, то въ одну, то въ другую сторону съ такой быстротой, что въ тридцать минутъ, по словамъ рапорта, было сдѣлано имъ сорокъ два оборота! Наконецъ начало бить фрегатъ, по причинѣ переменной прибыли и убыли воды, объ дно, о свои якоря, и власть, то на одинъ, то на другой бокъ. И когда во второй разъ по-

ложило—онъ оставался въ этомъ положеніи . . . И страхъ, и опасность, и гибель—все уложилося въ одну эту минуту!

Всѣ уцѣпились, кто за что могъ. Все оцѣненѣло въ молчаніи. Потомъ раздалися слова молитвы: всѣ молились, кто словами, и всѣ, конечно, внутренно, такъ усердно, какъ, по пословицѣ, только молятся на морѣ. Богъ услышалъ молитвы моряковъ и «провидѣнію», говоритъ рапортъ адмирала. «угодно было спасти насъ отъ гибели». Вода пошла на прибыль и фрегатъ всталъ, но въ какомъ положеніи!

Не всѣ, однако, избавились и отъ гибели: одинъ матросъ заплатилъ жизнью, а двое искалѣчены. Двѣ неприкрѣпленныя пушки, при наклоненіи фрегата, упали и убили одного матроса, а двумъ другимъ, и между прочимъ боцману Терентьеву, раздробили ноги.

Помню я этого Терентьева, худощаваго, рябаго, лихаго боцмана, всегда съ свисткомъ на груди и съ линькомъ или лопаремъ въ рукахъ. Это тотъ самый, о которомъ я упоминалъ въ путешествіи на «Палладѣ» и который угощалъ моего Фадѣева, то линькомъ, то лопаремъ по спинѣ, когда этотъ послѣдній, радѣя мнѣ (безъ моей просьбы, а всегда сюрпризомъ мнѣ), таскалъ украдкой прѣсную воду на умыванье сверхъ положеннаго количества, изъ систернъ, во время плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ.

Нѣсколько часовъ продолжалось это возмущеніе воды при безвѣтріи и наконецъ стихло. По осмотрѣ фрегата, онъ оказался весь избитъ; трюмъ былъ наполненъ водой, подмочившей провизію, аммуницію и все частное добро офицеровъ и матросовъ. А главное, не было болѣе руля, который, оторвавшись, вмѣстѣ съ частью фальшь-кнля, проплылъ, въ числѣ прочихъ обломковъ, мимо фрегата.

• Фрегатъ разоружили: свезли всѣ шестьдесятъ орудій на берегъ и отдали на сохраненіе японцамъ, объяснивъ имъ, какъ важно для насъ, чтобы орудія не достались неприятелю. И

японцы укрыли и сохранили ихъ тщательно, построивъ для того особые сарай.

Вообще они, не смотря на то, что потерпѣли сами отъ землетрясенія, оказали нашимъ всевозможную помощь и послуги. Японскія власти присылали провизію и снабжали всѣмъ нужнымъ.

Нашъ Государь оцѣнилъ ихъ услуги и, въ благодарность за участіе къ русскимъ плавателямъ, подарилъ всѣ 60 орудій японскому правительству.

Но и наши не оставались у нихъ въ долгу. Въ то самое время, когда фрегатъ крутило и било объ дно, на него нанесло напоромъ воды двѣ джонки. Съ одной изъ нихъ сняли съ большимъ трудомъ и приняли на фрегатъ двухъ японцевъ, которые не охотно дали себя спасти, подъ вліяніемъ строгаго еще тогда запрещенія отъ правительства сноситься съ иностранцами. Третій товарищъ ихъ рѣшительно побоялся, по этой причинѣ, послѣдовать примѣру первыхъ двухъ и тотчасъ же погибъ, вмѣстѣ съ джонкой. Сняли также съ плившей мимо крыши дома старуху.

Когда утихло, адмиралъ послалъ на развалины Симодо К. Н. Посета и доктора, подать помощь раненымъ. Но, ради все того же страха, раненыхъ спрятали и объявили, что ихъ нѣтъ. Но наши успѣли мелькомъ замѣтить ихъ.

Такъ кончился первый актъ этой морской драмы,—первый потому, что «страшныя», «опасныя» и «гибельныя» минуты далеко не исчерпались землетрясеніемъ. Второй актъ продолжался съ 11-го декабря 1854 по 6-е января 1855 г., когда плователи покинули, фрегатъ или, вѣрнѣе, когда онъ покинулъ ихъ совсѣмъ и они буквально выбросились на чужой, отдаленный отъ отечества берегъ.

Фрегатъ повели, придѣлавъ фальшивый руль, осторожно, какъ носятъ раненаго въ госпиталь, въ отысканную въ другомъ заливѣ, верстахъ въ 60 отъ Симодо, закрытую бухту «Хеда». чтобы тамъ повалить на отмель, чинить и опять плавать. Но всѣ надежды оказались тщетными. Дня два плователи

носимы были бурнымъ вѣтромъ по заливу, и наконецъ должны были, съ неимовѣрными усиліями, перебраться всѣ, (при морозѣ въ 4^о) сквозь буруны, на шлюбкахъ, по канату, на берегъ, у подошвы японскаго Монблана, горы Фудзи, въ противоположной сторонѣ отъ бухты Хеда. Съ наступленіемъ тихой погоды хотѣли, наконецъ, посредствомъ японскихъ лодокъ, дотащить кое-какъ пустой остовъ до бухты—и все таки чинить. Если фрегатъ держался еще на водѣ въ тогдашнемъ своемъ положеніи, такъ это, связывалъ адмиралъ, происходило между прочимъ отъ того, что систерны въ трюмѣ, обыкновенно наполненныя прѣсной водой, были тогда пусты, и эта пустота и мѣшала ему погрузиться совсѣмъ. Сто лодокъ тянули его; оставалось верстъ пять, шесть до мѣста, какъ вдругъ налетѣлъ шквалъ, развелъ волненіе, всѣ лодки бросили внезапно бусирь и едва успѣли, и наши офицеры, провожавшіе фрегатъ, тоже, укрыться по маленькимъ бухтамъ. Пустой фрегатъ качало волнами съ боку на бокъ.

Ночью нельзя было слѣдить за нимъ, а на утро его уже не было...

Когда читаешь донесенія и слушаешь рассказы, какъ погибала «Діана», хочется плакать, какъ при рассказѣ о медленной агоніи человѣка.

Вотъ эти два числа — 11 декабря, день землетрясенія, и 6 января, высадки на берегъ, какъ знаменательные дни въ жизни плователей, и были поводомъ къ собранію ихъ за двумя вышепомянутыми обѣдами.

Наконецъ третье дѣйствіе—это возвращеніе путешественниковъ, тоже подъ страхомъ и опасностями своего рода, разными путями, въ Россію.

Такъ кончилось крушеніе «Діаны», которое займетъ самое видное мѣсто въ лѣтописи морскихъ бѣдствій.

VII.

Къ этому остается прибавить немного, что еще рассказывали мнѣ мои бывшіе спутники о дальнѣйшихъ своихъ походахъ и о заключеніи этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ экспедиціи.

Отъ подошвы Фудзи наши герои, сухимъ путемъ, черезъ горы, направились въ ту же бухту «Хеда», куда намѣревались ввести фрегатъ, и расположились тамъ на бивуакахъ (въ морозъ, не забудьте!), пока готовились бараки для помѣщенія, временнаго и, по возможности, не долгаго, потому что въ положеніи Робинсоновъ Крузе пяти стамъ человѣкамъ долго оставаться нельзя. Надо было изыскать средство уйти оттуда какимъ бы то нибыло образомъ. Дождаться отвѣта на рапортъ, пока онъ придетъ въ Россію, пока оттуда выплывутъ другое судно, чего въ военное время и нельзя было сдѣлать,—значитъ нести всѣ тягости какаго-то плѣна. Не затѣмъ прошли сквозь всѣ гибели, чтобы виснуть на полудикомъ прибрежьи, сложивъ руки, когда «наши тамъ... дерутся!» думали плователи.

Рѣшились искать помощи въ самихъ себѣ—и для этого, ни больше, ни меньше, положили адмиралъ, построить судно съ помощью, конечно, японскихъ услугъ, особенно по снабженію всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: деревомъ, желѣзомъ и проч. Плотники, столяры, кузнецы были свои; въ команду всегда выбираются люди знающіе всѣ необходимыя въ корабельномъ дѣлѣ мастерства. Такъ и сдѣлали. Черезъ четыре мѣсяца уже готова была шкуна, названная въ память бухты, пріютившей разбившихся плователей, «Хеда».

Изъ донесеній извѣстно, что наши плователи раздѣлились на три отряда: одинъ отправился на нанятомъ американскомъ суднѣ къ устьямъ Амура, другой на Бременскомъ суднѣ былъ встрѣченъ англійскимъ военнымъ судномъ. Но англичане приняли нашихъ не за военно-плѣнныхъ, а за претерпѣвшихъ

кораблекрушеніе, и раздѣливъ по своимъ судамъ, доставили ихъ кругомъ Мыса Доброй Надежды въ Европу.

Наконецъ самъ адмиралъ, на самодѣльной шкунѣ «Хеда», съ остальною партіею около сорока человекъ, прибылъ тоже, едва избѣжавъ погони англійскаго военнаго судна, въ устья Амура и по этой рѣкѣ поднялся вверхъ до русскаго поста Усть-Стрѣлки, на слияніи Шилки и Аргуни, и достигъ Петербурга,

Чего стоило одно это странствованіе по этой пустынной, тогда еще вовсе не изслѣдованной нашей Миссисипи!

Самъ адмиралъ, капитанъ (теперь адмиралъ) Посееть, капитанъ Лосевъ, лейтенантъ Пещуровъ и другіе, да человекъ осьмнадцать матросовъ, составляли эту экспедицію, рѣшившуюся въ первый разъ, со времени присоединенія Амура къ нашимъ владѣніямъ, подняться вверхъ по этой рѣкѣ на маленькомъ пароходѣ, на которомъ въ первый же разъ спустился по ней генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ.

Онъ самъ воротился тогда въ Иркутскъ сухимъ путемъ (и я примкнулъ къ его свитѣ), а пароходъ, и при немъ баржу, открытую большую лодку, гдѣ находились неумѣщавшіеся на пароходѣ люди и провизія, предоставилъ адмиралу. Предполагалось употребить на это путешествіе до Шилки и Аргуни, къ мѣсту слиянія ихъ, въ мѣстечко Усть-Стрѣлку, мѣсяца полтора, и провизія взята было на два мѣсяца, а плаваніе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ.

И чего не случалось съ нашими странниками! То вдругъ воды въ рѣкѣ нѣтъ и плыть нельзя, то сильно несетъ теченіемъ. То дровъ въ изобиліи, то одинъ мелкій хворостъ по берегамъ. негодный и на лучину: нечѣмъ пищу варить и топить пароходъ! Въ иныхъ мѣстахъ у туземцевъ: Мánгу, Орочанъ, Гольдовъ, Гиляковъ и другихъ, о которыхъ европейскіе этнографы, можетъ быть, и не подозрѣваютъ, можно было вымѣнивать сушеное оленье мясо, просо, на бисеръ, гвозди и т. п., а въ другихъ мѣстахъ было, или совсѣмъ пусто по берегамъ, или жители, завидѣвъ, особенно ночью, извергаемый

пароходомъ дымъ и мириады искръ, въ страхѣ бѣжали дальше и прятались, такъ что приходилось голоднымъ плавателямъ самимъ входить въ ихъ жилища и хозяйничать, брать провизию и оставлять бусы, зеркальца и т. п. предметы въ замѣнѣ. Сами ловили рыбу и иногда роскошничали за стерляжьей ухой, особенно въ первой половинѣ плаванія.

Когда не было лѣса по берегамъ, плователи углублялись въ стороны, для добыванія дровъ. Матросы рубили дрова. офицеры таскали ихъ на пароходъ. Адмиралъ порывался раздѣлять ихъ заботы, но этому всѣ энергически воспротивились, предоставивъ ему болѣе легкую и почетную работу. какъ-то: накрывать на столъ, мыть тарелки и чашки.

Въ послѣднія недѣли плаванія всѣ средства истощились: по три раза въ день пили чай и ѣли по горсти пшена—и только. Достали было однажды кусокъ сушеного оленьяго мяса, но не свѣжаго, съ червями. Сначала поусумнились ѣсть, но потомъ подумали хорошенько, вычистили его, вымыли и... «стали кушать», «для примѣра, между прочимъ, матросамъ», —прибавилъ К. Н. П., рассказывавшій мнѣ объ этомъ странствіи. «Полно, такъ ли, думалъ я, слушая: для примѣра-ли, —не по пословицѣ ли: «голодъ не тетка»?

За два дня до прибытія на Усть-Стрѣлку, гдѣ былъ нашъ постъ, начальникъ послѣдняго, узнавъ отъ посланнаго вперёдъ Орочанина, о крайней нуждѣ плователей, выслалъ имъ на встрѣчу все необходимое въ изобиліи, и между прочимъ теленка. Вотъ только гдѣ, пройдя тысячи три версты, эти не блудные, а блуждающіе сыны, добрались наконецъ до упитаннаго тельца!

Такъ кончилась эта экспедиція, въ которую укладываются вся Одиссея и Энеида — и ни Эней, съ отцомъ на плечахъ, ни Одиссей, не претерпѣли и десятой доли тѣхъ злоключеній, какія претерпѣли наши Аргонавты, изъ которыхъ.—

„Иныхъ ужъ вѣтъ, а тѣ далече“!

Однихъ унесла могила: архимандрита Аввакума. Этотъ скромный, ученый, почтенный человѣкъ ѣздилъ потомъ съ графомъ Путятинымъ въ Китай, для заключенія Тсянзинскаго трактата, и по возвращеніи продолжалъ оказывать пользу по сношеніямъ съ китайцами, по знакомству съ ними и съ ихъ языкомъ, такъ какъ онъ прежде прожилъ въ Пекинѣ лѣтъ пятнадцать при нашей миссіи. Онъ жилъ въ Александро-Невской Лаврѣ и скончался тамъ лѣтъ восемь или десять тому назадъ.

Нѣтъ болѣе въ живыхъ также капитана (потомъ генерала Лосева, В. А. Римскаго-Корсакова, бывшаго потомъ директоромъ морскаго корпуса, обоихъ медиковъ, Арефьева и Вейриха, лихаго моряка Савича, штурманскаго офицера Попова, и можетъ быть вого нибудь еще.

Другіе большей частью здѣсь: старшіе занимаютъ высокіе посты въ морской и въ другихъ службахъ, осыпаны отличіями, — младшіе на пути къ отличіямъ. Третьи подвизаются еще на морѣ: такъ адмиралъ И. И. Бутаковъ, бывшій старшимъ офицеромъ на «Палладѣ», командуетъ нашей эскадрой въ Греціи; бывшіе мичмана теперь начальствуютъ большими пароходами; другіе управляютъ техническими заводами и т. д.

Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морьямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда, какъ будто не разставался никогда.

Мнѣ поздно желать и надѣяться плыть опять въ дальнія страны: и я не надѣюсь и не желаю болѣе. Лѣта охлаждають всякія желанія и надежды. Но я хотѣлъ бы перенести эти желанія и надежды въ сердца моихъ читателей — и — если представится имъ случай идти (помните «идти»: а не «ѣхать») на корабль въ отдаленныя страны — предложить совѣтъ: ловить этотъ случай, не слушая никакихъ преждевременныхъ страховъ и сомнѣній. Читатель, можетъ быть, возразитъ на этотъ совѣтъ, что довольно и того, что написано въ этой главѣ, чтобы навсегда отбить всякую охоту къ морскимъ путе-

шествіямъ. Напротивъ, именно этотъ разказъ и подтверждаетъ мой совѣтъ. Какъ-же: въ то время, когда отъ землетрясенія падали города и селенія, валились скалы, гибли дома и люди на берегу, фрегатъ все держался, и изъ пятисотъ человѣкъ погибъ одинъ! И послѣ, потерявъ корабль, плователи отдѣлялись благополучно и всѣ добрались домой, и большая часть живутъ и здравствуютъ до нынѣ.

Русскій священникъ въ Лондонѣ посѣтилъ насъ передъ отходомъ изъ Портсмута и послѣ обѣдни сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой остерегалъ отъ этихъ страховъ. Онъ исчислилъ опасности, какія можемъ мы встрѣтить на морѣ — и напугавъ сначала порядкомъ, заключилъ тѣмъ, что «и жизнь на берегу кишитъ страхами, опасностями, огорченіями и бѣдами,—слѣдовательно, мы мѣняемъ только однѣ на другія».

И это правда. Обыкновенно ссылаются на то, какъ много погибаетъ судовъ. А если счесть, сколько поѣздовъ сталкивается на желѣзныхъ дорогахъ, сваливается съ высотъ, сколько гибнетъ людей въ огнѣ пожаровъ и т. д., то на которой сторонѣ окажется перевѣсъ? И сколько вообще расходуется бѣднаго человѣчества по мелочамъ, въ одиночку, не всегда въ глуши какихъ-нибудь пустынь, лѣсовъ, а въ многолюдныхъ городахъ!

«А все же «страшновато» какъ-то на морѣ: сомнѣнія, неувѣренность, одни ожиданія опасностей чего стоятъ»!... скажутъ на это.

Да, тутъ есть правда: но человѣку врожденна мужественность, чтобы побѣждать робкія движенія души и закалять нервы привычкою. Самые робкіе характеры кончаютъ тѣмъ, что свыкаются. Даже женщины служатъ хорошимъ примѣромъ тому: сколько англичанокъ и американокъ пускаются въ дальнія плаванія и выносятъ, даже любятъ большіе морскіе переѣзды!

За то какія награды! Дальнее плаваніе населить память, воображеніе, прекрасными картинами, занимательными сценами, обогатить умъ нагляднымъ знаніемъ всего того, что

знаешь по слуху,—и кромѣ того введеть плавателя въ тѣсное, почти семейное сближеніе, съ цѣлымъ кругомъ моряковъ, отличныхъ, своеобразныхъ людей и товарищей.

И этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо—какъ рѣдкихъ и дорогихъ гостей.

Январь, 1874.

И. Гончаровъ.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

Имя Пушкина растетъ. Уже при самомъ своемъ появленіи оно производило на людей какое-то магическое дѣйствіе, но, тогда какъ такое дѣйствіе обыкновенно съ годами слабѣетъ или исчезаетъ, очарованіе имени Пушкина продолжается до сихъ поръ и даже становится глубже.

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безмысленный привыкъ.

Вотъ обыкновенный ходъ дѣла; люди имѣютъ несчастіе забывать прошлое и обращаться душою къ новымъ предметамъ. По-немногу они перестаютъ понимать и чувствовать даже самое прекрасное, самое великое, что только можетъ явиться на землѣ, и предпочитаютъ ему предметы часто гораздо низшаго разряда. Такъ было и съ Пушкинымъ; было послѣ него нѣсколько минутъ, когда новыя литературныя явленія казались навсегда заслоняли его; вкусъ къ Пушкину тупѣлъ и все вниманіе сосредоточивалось на новомъ предметѣ восторга. Но проходило время, и то, что въ-близии казалось огромнымъ, становилось на разстояніи меньше, и наконецъ мы видѣли, что Пушкинъ по прежнему возвышается надъ всею нашею литературою и до него и послѣ него.

Конечно, пониманіе стараго писателя всегда бываетъ менѣе доступно, менѣе распространено, чѣмъ много новаго. Но за то это пониманіе стало глубже; мы приписываемъ теперь Пушкину гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ приписывалось прежде. Мы съ удивленіемъ видѣли, что когда мы измѣняли и старались возвысить свою точку зрѣнія, то это не вело къ умаленію нашего поэта,

а только открывало намъ новыя, еще не видѣнныя нами черты его силы и красоты. Мы находимъ теперь, что, несмотря на множество по видимому новыхъ путей, которыми шла до сихъ поръ русская литература, эти пути были только продолженіемъ дорогъ уже начатыхъ или совершенно пробитыхъ Пушкинымъ. Въ настоящую минуту съ удовольствіемъ читается большой романъ, въ которомъ молодой авторъ между прочимъ развилъ нѣкоторыя черты одного изъ произведеній Пушкина, — даже не взявши всѣхъ чертъ, какія годились бы для его предмета. Сдѣлана была не одна попытка формулировать значеніе Пушкина, но это огромное и многообразное явленіе, наполняя каждую изъ добытыхъ для него формулъ, какъ будто не вмѣщается ни въ одной изъ нихъ; чувствуется, что въ немъ есть еще многое, перехватывающее края самой широкой формулы.

Вотъ почему до сихъ поръ всякій желающій говорить о Пушкинѣ, долженъ, намъ кажется, начать съ извиненія передъ читателями, что онъ берется въ томъ или другомъ отношеніи измѣрять эту неисчерпаемую глубину. Мы здѣсь не думаемъ предлагать чертъ, которыми рисуется полный образъ Пушкина; мы предложимъ только частныя замѣчанія, отдѣльныя наблюденія; искренняя любовь къ произведеніямъ поэта можетъ быть не дастъ намъ провиниться въ дерзости.

I.

Пушкинъ не былъ нововводителемъ. Онъ не создалъ никакой новой литературной формы и даже не пробовалъ создавать. Онъ писалъ точно такія же элегіи, посланія, поэмы, сонеты, романсы, какіе обыкновенно писались тогда у насъ и въ иностранныхъ литературахъ. „Евгеній Онѣгинъ“ имѣетъ форму произведеній Байрона, форма „Капитанской дочки“ взята съ романовъ Вальтеръ-Скота, а „Борисъ Годуновъ“ есть по видимому прямой сколокъ съ трагедій Шекспира. Чтобы убѣдиться, какъ мало было у Пушкина реформаторскихъ стремленій въ этомъ отношеніи, стоитъ припомнить, что на „Бориса Годунова“ онъ смотрѣлъ какъ на огромное нововведеніе, только потому, что до тѣхъ поръ трагедія у насъ писались въ французской классической формѣ и что ему при-

шлое *первому* вводить шекспировскую форму. „Борисъ Годуновъ“, какъ извѣстно, былъ раскупленъ съ неслышанною быстротою, но въ литературѣ и между друзьями поэта былъ встрѣченъ холодомъ и молчаніемъ. Такъ какъ Пушкинъ былъ твердо увѣренъ во внутреннихъ достоинствахъ своего произведенія, то онъ приписывалъ его неуспѣхъ только одному — *новости* формы. Что же онъ вывелъ отсюда? Весьма любопытно, что онъ почти готовъ былъ обвинить самого себя. Вотъ что онъ писалъ:

„Какую, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всё ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суетвѣрно поработать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Они должны владѣть своимъ предметомъ не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ не смотря на грамматическія оковы“. (т. I. стр. 146. Изд. Анненк.).

И нѣсколько далѣе:

„Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, Русскіе ривыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою и неохотно смотрять на все, что не подходило подъ ея законы. *Нововведенія* опасны и, *кажется, не нужны*“. (стр. 147).

Въ этихъ словахъ выражается не одно огорченіе; они слишкомъ точны и ясны, и притомъ вполне согласуются съ обыкновенною практикою Пушкина. Мы видимъ на опытѣ, что для него всё формы были равны; съ удивительною гибкостью онъ цѣнилъ и удовлялъ всё достоинства данной формы и умѣлъ приспособляться къ ея стѣсненіямъ. Вотъ отчего онъ былъ *скептикъ*, то есть ни за какую форму не признавалъ ни безусловной законности, ни безусловной негодности; вотъ отчего онъ не былъ, какъ онъ выражается, *суетвѣрно поработанъ* формамъ, то есть былъ вполне свободенъ отъ нихъ, могъ по произволу держаться той, какой ему вздумается. Въ каждой онъ чувствовалъ себя почти одинаково ловко; онъ вливалъ въ нихъ обыкновенно столько содержанія, что оно такъ сказать поглощало форму.

Были въ его время привычныя образы, привычныя украшенія для поэтическихъ произведеній; таковы напримѣръ мифологическіе образы, Муза, Аполлонъ, Вакхъ, Киприда и пр. Пушкинъ цѣлкомъ принялъ и до конца дней сохранилъ ихъ. Онъ употребляетъ ихъ даже въ самыхъ искреннихъ, вырвавшихся изъ сердца стихахъ:

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ.

На *страхъ Вакха и Киприды*, и пр.

И какъ хорошо выходитъ! Ибо дѣло всегда не столько въ словахъ и образахъ, сколько въ томъ, что они выражаютъ.

Любимый размѣръ Пушкина опять самый обыкновенный, самый общепотребительный, — четырехстопный ямб Ломоносовскихъ одъ. Если мы вспомнимъ, какъ играли стихомъ Жуковский, Дельвигъ и потомъ Лермонтовъ, то убѣдимся, что у Пушкина не было желанія разнообразить размѣры или выдумывать новые. Его стихъ не ему принадлежитъ; онъ по справедливости долженъ быть приписанъ Ломоносову, владѣвшему имъ съ совершенно поэтическимъ мастерствомъ. Пушкинъ, написавшій самъ нѣсколько одъ (напр. „Чудесный жребій совершился“, „Великій день Бородина“, при чемъ онъ только упростилъ форму строфы), нашелъ сверхъ того, что нѣтъ нужды искать другихъ размѣровъ для другихъ родовъ стихотвореній и что въ томъ же стихѣ онъ можетъ выражать и множество другихъ чувствъ. И здѣсь форма для него была безразлична; стихъ получалъ другой звукъ вслѣдствіе внутренняго теченія рѣчи, а не вишняго своего размѣра.

Но всего яснѣе обнаружилась эта безпримѣрная гибкость и подвижность Пушкинскаго генія въ языкѣ. Пушкинъ такъ точно чувствовалъ значеніе, оттѣнокъ, красоту, фізіономію каждаго слова и каждаго оборота словъ, что не исключалъ изъ своей рѣчи ни единого слова и ни единого оборота. Онъ употреблялъ ихъ всё какъ скоро приходило ихъ мѣсто и наступала въ нихъ надобность. Поэтому никакой изысканности, манерности, односторонности нѣтъ въ языкѣ Пушкина. Можно сказать, что онъ навсегда закончилъ образованіе нашего литературнаго языка; въ самомъ дѣлѣ онъ лишилъ насъ возможности отличиться старомодностію или нововведе-

ніями, потому что дѣломъ и пригѣромъ разрѣшили литературѣ всякія старомодности и всякія нововведенія, съ однимъ условіемъ— чтобы они были умѣстны и нужны. Въ настоящее время можно и должно имѣть свой *слогъ*, но попытка имѣть свой языкъ невозможна и смѣшна, ибо она значила бы уклоняться отъ употребленія ка-кихъ нибудь словъ или оборотовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ именно они должны быть употребляемы.

Вотъ почему у насъ нѣтъ писателя такого обильнаго словами и оборотами, какъ Пушкинъ. Въ этомъ и заключается истинное мастерство языка. Если сравнить языкъ Пушкина съ языкомъ Карамзина, то можно подумать, что языкъ Пушкина гораздо старѣе, такъ какъ въ немъ встрѣчается множество формъ уже изгнанныхъ Карамзинимъ. Славянизмы, старыя слова также мало пугали Пушкина, какъ и формы простонародныя. До конца жизни онъ писалъ (особенно въ прозѣ) *сей, оный, токмо, потребный, являетъ* и т. п. Теперь, благодаря ему же, намъ это не странно; но прежде было не то, какъ свидѣтельствуешь хотя бы война противъ *сихъ* и *онихъ*.

Намъ кажется, что едва ли возможно разумѣть что нибудь определенное подъ выраженіями *Пушкинскій стихъ, Пушкинскій слогъ*; и этотъ стихъ и этотъ слогъ до такой степени гибки и разнообразны, что ихъ кажется можно опредѣлить только отрицательными качествами, напримѣръ отсутствіемъ всего лишняго, неу-мѣстнаго, односторонняго, монотоннаго. Такъ называемая Пушкинская фактура стиха едва ли не большею частію принадле-жить Ломоносову, слѣдовательно есть какъ бы общая фактура свойственная русскому языку. Несомнѣнно, что стихи Жуковскаго или Лермонтова имѣютъ особенности гораздо болѣе ясныя, гораздо большее своеобразіе въ звукѣ, чѣмъ бесконечно-разнообраз-ныя стихи Пушкина. Возьмите стихи:

О люди! Всѣ похожи вы
 На прародительницу Еву:
 Что вамъ дано, то не влечетъ,—
 Васъ непрестанно змій зоветъ

Въ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай,
 А безъ того вамъ рай не въ рай.

Это чудесные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая простая русская рѣчь, которую можно характеризовать только тѣмъ, что въ ней нѣтъ ничего лишняго, ничего книжнаго, ничего натянутого, и т. д. А вотъ другіе ямбы:

Для береговъ отчизны дальней
 Ты покидала край чужой;
 Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
 Я долго плакала предъ тобой, и пр.

Здѣсь таже простота и отчетливость, но стихъ получилъ несравненную, волшебную музыкальность.

II.

Изумительная чуткость была причиной, что Пушкинъ употреблялъ въ дѣло весь запасъ внѣшнихъ формъ, какой нашелъ въ литературѣ своей и чужой. Но она иногда вела его еще дальше. Иногда Пушкинъ становился какъ бы подражателемъ, то есть перенималъ весь складъ рѣчи, все настроеніе и тонъ какого нибудь поэта. Известно, что Пушкинъ высоко цѣнилъ современныхъ ему и предшествовавшихъ русскихъ поэтовъ. Это происходило отъ необыкновенно живаго ощущенія красоты, которыя онъ въ нихъ находилъ и которыя заслоняли отъ него ихъ недостатки и малое достоинство въ цѣломъ. Цѣня такимъ образомъ чужія произведенія, Пушкинъ иногда совершенно входилъ въ ихъ тонъ. Вотъ, на примѣръ, стихотвореніе, которое какъ будто написано самимъ Жуковскимъ:

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись;
 Въ день унынія смирись, —
 День веселья вѣрь настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ,
 Настоящее уныло.
 Все мгновенно, все пройдетъ;
 Что пройдетъ, то будетъ мило.

Три посланія къ Языкову совершенно сбиваются на языковскіе стихи и звукомъ и мыслями.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не кастальскою водой
 Ты воспонялъ свою Камену;
 Пегасъ иную Ипокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 Она не холодной льется влагой,
 Но пѣнится хмѣльною брагой,
 Она разъямчива, пьяна
 Какъ сей напитокъ благородный,
 Сліянье рому и вина,
 Безъ примѣси воды негодной,
 Въ Тригорскомъ жаждою свободной
 Открытый въ наши времена.

Эту шаловливую шутку можно принять за злую насмѣшку; Пушкинъ *передразнилъ* Языкова, конечно ни мало о томъ не думая и искренно восхищаясь *удалымъ* посланіемъ.

Точно такъ намъ кажется, что складъ Державина отразился, и едвали выгодно для Пушкина, въ слѣдующихъ стихахъ „Памятника“:

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ засѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
 И славею буду я, доколь въ полунномъ мірѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ *пѣитъ*.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій съ ней языкъ—
 И гордый внукъ Славянъ, и Финя, и нынѣ дикой
 Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Мы подчеркнули особенно бросающіяся въ глаза выраженія; эти архаизмы и галлицизмы нѣсколько принужденны и объясняются едвали не однимъ вліяніемъ Державина.

Батюшковъ едвали не чаще всего отзывается въ Пушкинскихъ стихахъ. Чистою, античною красотою своего выраженія онъ долженъ былъ особенно привлекать Пушкина. Прииѣровъ можно бы привести множество. Удивительное стихотвореніе: „Въ младенчествѣ моемъ она меня любила“ представляетъ въ высшей степени всѣ характерныя достоинства Батюшкова, которыя Пушкинъ пустилъ въ дѣло, подражая въ тоже время своему любимому Шеню.

Такимъ образомъ Пушкинъ былъ воспитанъ на нашихъ поэтахъ, ему предшествовавшихъ. Благодаря имъ уже были готовы и тотъ языкъ и тотъ стихъ, которыми онъ писалъ. Они не даромъ такъ усердно заботились о словахъ и безъ конца толковали о красотѣ стиховъ; ихъ труды не пропали. Недоставало у нихъ только чего-то неуловимаго, но самаго важнаго, недоставало такой сильной поэзіи, которая бы дала полную жизнь всему ими созданному и накопленному. Пушкинъ явился, и всѣ ихъ чаянія совершились, всѣ порыванія исполнились.

Разумѣется Пушкинъ стоялъ выше всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ и слѣдовательно впадалъ въ замѣтное подражаніе имъ большею частію только тогда, когда его талаптъ дѣйствовалъ не полною своею силою; обыкновенно же поэзія, на которой онъ былъ воспитанъ, преображалась у него въ формы несравненно высшія и неизнаваемые. Но, кромѣ нашихъ поэтовъ, встрѣчались ему и такія созданія человѣческаго слова, которыя стояли наравнѣ съ нимъ и тогда его подражательность производила непостижимыя чудеса искусства. Однажды онъ хотѣлъ писать повѣсть изъ временъ Нерона. Разсказъ долженъ былъ идти отъ лица какого-то молодого римлянина; и вотъ Пушкинъ сталъ писать по русски прозу, звучащую

и текущую совершенно такъ, какъ классическая латинская рѣчь. Приведемъ нѣсколько строкъ:

„Цезарь путешествовалъ; мы съ Титомъ Петроніемъ слѣдовали за нимъ издали. По захожденіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели — мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали каждый въ лежкѣхъ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.“

„Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься дальше, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе Цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: одинъ Петроній выслушалъ равнодушно свой приговоръ; отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной рошѣ, посвященной Евменидамъ.“ (Т. I. стр. 397. *Изд. Анненк.*)

Лучше не разсказалъ бы самый лучшій римскій прозаикъ. Трудно разсмотрѣть даже внѣшніе приемы, при которыхъ совершенно это чудо искусства: чуть чуть замѣтные латинскіе обороты, плавность теченія, нѣсколько отвлеченныя, но совершенно точныя слова. Но главное дѣло, кажется, въ томъ внутреннемъ строѣ рѣчи, въ силу котораго ясность и краткость доведены здѣсь до высочайшей степени. Какъ простъ и естественъ разсказъ, а между тѣмъ разсказано очень много; ни одно слово не пропало даромъ, и они такъ расположены, что картина какъ будто развертывается сама собою.

Другое чудо, еще болѣе удивительное, представляютъ подражанія Пушкина народнымъ стихамъ. Духъ и складъ народной поэзіи уловлены такъ, что сомнѣваешься, дѣйствительно ли это сочинено Пушкинымъ, а не подслушано у народа.

Только на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковая,
Изъ душистой келейки медовой
Взмываетъ первая пчелка.

Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
 О красной веснѣ развѣдать:
 Скоро ли будетъ гостя дорогая,
 Скоро-ль луга зазеленѣютъ,
 Распустятся клейкіе листочки,
 Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

Это не конченная вещь, точно такъ, какъ не конченъ и другой большой отрывокъ:

Какъ весенней теплой порою,
 Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
 Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго
 Выходила медвѣдица, и пр.

Это только пробы пера, наброски, сами собой явившіеся въ то время, когда Пушкинъ предавался своимъ *невольнымъ мечтамъ*; между тѣмъ они несомнѣнно превосходятъ всѣ многочисленныя и упорныя попытки приблизиться въ народной поэзіи, которыя мы видѣли до сихъ поръ.

Послѣ этого не правъ ли былъ Пушкинъ, когда онъ сравнивалъ себя съ эхомъ, отражающимъ всякій звукъ?

Ты внемлешь грохоту громовъ
 И гласу бури и валовъ
 И крику сельскихъ пѣтуховъ
 И шлешь отвѣтъ.
 Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва: таковъ
 И ты, поэтъ.

Онъ хорошо чувствовалъ, что его поэтическая сила способна все объять, вездѣ находить себѣ пищу.

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
 На пышныхъ играхъ Мельномены —
 И улыбается забавѣ площадной
 И вольности лубочной сцены.

III.

Но не пассивно, какъ эхо, отзывалась Пушкинская поэзія на всѣ явленія. Пассивное отраженіе было исключеніемъ, случайною, легкою игрою таланта. Обыкновенно же отражаемый предметъ *возводился*, говоря извѣстными словами Гоголя, *въ перлъ созданія*. Онъ былъ насквозь проникаемъ свѣтомъ поэзіи и всѣ его краски, всѣ темныя и свѣтлыя черты выступали съ совершенною яркостію и тонкостію.

Есть у Пушкина рядъ подражаній, въ которыхъ во всей силѣ обнаруживается эта способность вполне видѣть красоту и безобразіе, цвѣтъ и тѣнь взятаго предмета, цѣнить и измѣрять ихъ до малѣйшей черты. Сюда относятся, наприимѣръ, его „подражанія Корану“. девять стихотвореній первостепеннаго достоинства.

Коранъ есть книга очень загадочная, очень трудная для оцѣнки. Ея содержаніе повидимому незначительно; такъ можно судить отчасти уже потому, что она вообще мало занимаетъ европейскихъ читателей. Между тѣмъ она очевидно способна производить на людей сильное дѣйствіе, и въ настоящую минуту духъ этой книги совершаетъ большія завоеванія въ Индіи и Китаѣ, побѣждаетъ тамъ древнѣйшія религіи человѣчества, среди которыхъ христіанство дѣлало лишь слабыя успѣхи.

Шопенгауэръ, философъ, умѣющій такъ глубоко понимать всѣ религіозныя явленія, съ недоумѣніемъ смотритъ на силу Корана и отзывается о немъ очень рѣзко. „Эта плохая книга“, говоритъ онъ, „была достаточно, чтобы основать мировую религію, удовлетворяютъ вотъ уже 1200 лѣтъ метафизической потребности безчисленныхъ милліоновъ людей, сдѣлаться основою ихъ морали и значительнаго презрѣнія къ смерти, а также одушевить ихъ на кровавыя войны и обширнѣйшія завоеванія. Мы находимъ въ ней плачевнѣйшій и скуднѣйшій видъ теизма. Многое въ ней можетъ быть теряется отъ перевода; но я не могъ въ ней открыть ни единой цѣнной мысли“. (Bd. 2 s. 178. Die Welt).

Сами арабы, какъ упоминаетъ Ренанъ, утверждаютъ, что главная сила Корана заключается въ его поэтическомъ достоинствѣ,

и при томъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ, въ такомъ удивительномъ теченіи рѣчи, что даже они, привыкшіе ко всякимъ стихотворнымъ тонкостямъ, не могли устоять противъ очарованія этой прозы.

Не любопытно ли послѣ этого взглянуть, что же сдѣлалъ Пушкинъ въ своихъ подражаніяхъ? Извѣстно, какъ обыкновенно дѣлаются подражанія *восточному*; европеецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по своему, по европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостью старался уловить весь складъ Корана, весь беспорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ *какою-то восточною безсмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство (Путеш. въ Арзрумъ)*. Шутливыя примѣчанія, которыми снабжены „Подражанія Корану“, кажутся могутъ быть приведены въ подтвержденіе того, что Пушкинъ превосходно видѣлъ свой оригиналъ и съ этой стороны, что онъ, искренно чувствуя всю его поэзію, въ тоже время почти готовъ былъ пародировать его.

Рѣчь Аллаха начинается такъ:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой,
Нѣтъ не покинулъ я тебя, и пр.

Въ этой клятвѣ есть какая-то загадочность и разнородность предметовъ, игра словъ (*утренней и вечерней*) и въ тоже время странная сила и гармонія. Лермонтовъ плѣнился этими стихами, и въ его „Демонъ“ тоже есть клятва, даже гораздо длиннѣе. Но какая разница!

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ,
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
И пр. и пр.

Все это очень краснорѣчиво, но вмѣстѣ совершенно блѣдно и холодно; демонъ дѣлаетъ правильныя антитезы, логически переходя отъ одной мысли къ другой, почти пускается въ разговоръ; порыва, загадочности, страсти нѣтъ нисколько. Взятъ восточный оборотъ рѣчи, но лишенъ всего характернаго.

Конецъ стихотворенія у Пушкина представляетъ также удивительную черту: быстрое, яркое противорѣчье, которое вполне выражаетъ быстроту душевныхъ движеній.

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

Не успѣлъ Аллахъ дать заповѣдь милосердія: *люби сиротъ*, какъ въ слѣдующемъ стихѣ уже вспыхнулъ въ душѣ араба гнѣвъ и онъ требуетъ, чтобы *тварь дрожала* предъ его Кораномъ.

Второе „Подражаніе“ объяснено самимъ Пушкинымъ.

Третье представляетъ поразительное теченіе рѣчи. Въ началѣ раздаются величественныя звуки:

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для стронтивыхъ.

Потомъ тонъ смягчается, дѣлается кроткимъ, тихимъ.

Почто-жъ кичится человекъ?
За то-ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ не долгій вѣкъ,
Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?
За то-ль, что Богъ и умертвить
И воскресить его по волѣ?
Что съ неба дни его хранить
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?
За то-ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословилъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

И вдругъ раздается громъ негодованія:
Но дважды ангель вострубить!

Угрозы сыплются градомъ и величественно замолкають.

Но дважды ангель вострубить,
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ
И сынъ отъ матери отпрянетъ,
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

Музыка удивительная! Поставить союзъ *но* такъ, какъ онъ тутъ поставленъ, едва ли бы рѣшился какой европейскій поэтъ. Полный разрывъ теченія мыслей и вмѣстѣ строгая связь душевныхъ движеній, явный беспорядокъ и чудесная гармонія.

Остановимся еще на *шестомъ* подражаніи. По звуку оно похоже на воинственный маршъ, дышащій жаромъ битвы:

Не даромъ вы приспиглись мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному влечу,
О дѣти пламенныхъ пустынь,
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою
Но вы скажите: не возьмемъ!

И вдругъ все оканчивается сладкими, свѣтлыми звуками:

Блаженны падшіе въ сраженьи,
Они теперь вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи
Неотравляемомъ ничѣмъ.

Мы не станемъ разбирать другихъ подражаній, такъ какъ для ясности разбора пришлось бы приводить стихотворенія цѣликомъ. Скажемъ вообще, что всѣ они имѣютъ ту же яркую своеобразность. Смѣшеніе чувственности съ религіозными движеніями души, быстрые порывы и переходы чувствъ, немногосложная, но сверкающая фантазія, и при всемъ этомъ полнѣйшая музыкальность, волшебное теченіе рѣчи—таковъ характеръ Корана, какъ онъ уловленъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другаго европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени *восточныя*. А прекрасны они въ первой степени.

IV.

Наконецъ Пушкинъ писалъ иногда и *пародіи*, въ которыхъ обнаруживается та же его изумительная чуткость. Способный по произволу принять тонъ и свладъ какого угодно писателя, онъ тонко чувствовалъ малѣйшія уклоненія его отъ идеала поэтической красоты; этотъ идеалъ былъ такъ ясенъ для Пушкина, что уклоненія выступали какъ темныя пятна на яркомъ свѣтѣ, и нашъ поэтъ иногда забавлялся, подробно обозначая густоту и контуръ этихъ пятенъ.

Такъ онъ написалъ пародію на Данта, на его *Божественную комедію*. Въ пародіи изображены двѣ казни, совершаемыя въ аду. Сперва Дантъ и Виргилій увидѣли, какъ бѣсенокъ

Крутилъ ростовщика у адскаго огня.
Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.

Виргилій объясняетъ, за что казнится этотъ человекъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ
И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Наконецъ передается рѣчь самого ростовщика:

Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«Сто на сто я терплю! процентъ неимоверный!»

Вторая казнь совершается надъ двумя сестрами. Бѣсы забавляются; пускаютъ раскаленное ядро по стеклянной горѣ, и когда гора растрескалась.

Схватили подъ руки жену съ ея сестрой
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ сидючи пустились внизъ стрѣлой.

Стекло ихъ рѣзало, вшивалось въ тѣло имъ...

За что совершалась такая казнь и какія признанія вырывались у жертвъ, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ рассказъ не конченъ.

Мастерскіе стихи, мастерская живопись, и въ то же время очевидная насмѣшка. Грубо-чувственные образы и краски Данта схвачены вполне и пересмѣяны, такъ какъ пересмѣяна и наивная торжественность рѣчи.

Можетъ быть въ то же самое время, когда писалась эта пародія, Пушкинъ какъ будто задалъ себѣ вопросъ: а какъ же следовало бы писать настоящія, безусловно-поэтическія терцины? — и написалъ удивительное стихотвореніе:

Въ началѣ жизни школу помню я...

Г-жа Кохановская справедливо полагаетъ, что въ яркихъ образахъ этихъ стиховъ изображаются нѣкоторые важнѣйшія событія духовной жизни Пушкина и что

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена

вѣроятно есть олицетвореніе религій.

Къ пародіи на Данта близко по нашему мнѣнію стихотвореніе

реніе: „Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ.“ Точно такъ есть нѣчто напоминающее пародію не только въ монологѣ Изабеллы изъ трагедіи Альфіери (Т. I, стр. 350, изд. Анненк.), но и въ переводѣ изъ Аріоста (стр. 465); и въ томъ и другомъ отрывкѣ выукло выступаютъ неестественность и изысканность.

Но самая замѣчательная пародія Пушкина есть „Лѣтопись села Горохина,“ въ которой онъ пародировалъ первыя главы „Исторіи Государства Россійскаго.“ Ложный тонъ Карамзина здѣсь разоблаченъ совершенно, притомъ не вообще, а съ точнымъ указаніемъ истинныхъ свойствъ предмета, по отношенію къ которому этотъ тонъ ложенъ. Черты русской жизни, намѣченныя здѣсь Пушкинымъ, истинно драгоценны — и стоили бы подробнаго разбора (положимъ напримѣръ, такъ называемыя крѣпостныя отношенія); ибо вѣрность этихъ чертъ и правдивость ихъ освѣщенія поразительны. Важность „Лѣтописи“ видна уже изъ того, что съ нея начинается поворотъ въ дѣятельности Пушкина и онъ пишетъ рядъ повѣстей изъ русской жизни, заканчивающійся „Капитанскою дочкою.“ Въ развитіи русской литературы едва ли есть пунктъ болѣе важный; здѣсь мы ограничиваемся только тѣмъ, что указываемъ на этотъ пунктъ.

V.

Цѣль наша была указать, въ какія отношенія становился Пушкинъ къ литературѣ своей и иностранной, и вообще къ явленіямъ поэзіи, которыя ему встрѣчались. Это была сила безмѣрно гибкая и широкая; она готова была принять всякую форму, всякій тонъ, всякій образъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она никогда до конца не покорялась формамъ, по видимому принимаемымъ съ величайшей любовью и пониманіемъ. Пушкинъ не даромъ называетъ себя въ этомъ отношеніи *скептикомъ*; онъ способенъ былъ отнестись критически къ тому самому, чѣмъ увлекался и во что, такъ сказать, воплощался. Онъ оставался самимъ собою и въ то время, когда принималъ всякія формы; а когда сбрасывалъ ихъ съ себя, то являлся въ невообразимой самобытной красотѣ.

Если сравнить Пушкина съ современными ему поэтами, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Языковымъ и т. д., то при всемъ внѣшнемъ сходствѣ окажется та разница, что у Пушкина форма была лишь орудіемъ для выраженія чувства и мысли, а у нихъ на оборотъ форма часто занимаетъ первое мѣсто, безпрестанно слышится, что забота о красотѣ стиха и выраженія превѣшиваетъ заботу о содержаніи. Отсюда произошло то неотразимое очарованіе, которое производили стихи Пушкина; казалось, что въ нихъ русскій языкъ, всякія красоты стиха и формы, о которыхъ хлопотали цѣлыя поколѣнія литературы, въ первый разъ получили свой настоящій смыслъ, въ первый разъ оказались вполне нужны, вполне уместны, совершенно естественны. Всѣ изысканности и искусственности становились въ устахъ Пушкина живою, точно выражающею свой смыслъ рѣчью; красота словъ и образовъ вдругъ обратилась въ красоту чувствъ и мыслей.

Отчего же это происходило? Оттого, что Пушкинъ поэзію, жившую въ его душѣ, цѣнилъ выше всего, ей одной служилъ, одну ее хотѣлъ выразить. Пушкинъ былъ правдивѣйшій и искреннѣйшій изъ поэтовъ. Несмотря на всю свою гибкость, онъ никогда не сочинялъ ни чувствъ, ни ихъ выраженія; несмотря на его любовь ко всему красивому, къ красивымъ формамъ, звукамъ, словамъ, никакіе слова, звуки, формы не могли подкупить его своею красотою. Съ совершенной отчетливостію онъ чувствовалъ, когда въ немъ дѣйствуетъ вдохновеніе и когда нѣтъ, и не писалъ ни одного произведенія, которое бы не вытекало прямо изъ души.

Необыкновенная сила Пушкинскаго генія обнаруживается именно въ этомъ прямодушіи. Болѣе открытаго, болѣе прямо себя обнаруживающаго поэта невозможно найти. Разстояніе между душою Пушкина и его стихотвореніями было такъ мало, что меньше и не бываетъ и быть не можетъ. При сравненіи его съ другими поэтами оказывается, что одни часто, а иные постоянно, говорятъ не своимъ языкомъ, поютъ такъ сказать *не своимъ голосомъ*, кто фальцетомъ, кто напряженнымъ басомъ, тогда какъ у Пушкина каждый звукъ есть чистый грудной голосъ, не измѣненный никакимъ напряженіемъ.

Вотъ почему въ Пушкинѣ наша поэзія сдѣлалась *правдою*. Исчезло то разногласіе и противорѣчіе, которое прежде чувствовалось между поэзією и жизнью; въ стихахъ Пушкина при всей полнотѣ поэзіи жизнь являлась со всею своею реальностію, безъ искаженій и подкрашиваній.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ мастерствомъ Пушкинъ возводилъ въ поэзію самыя по видимому прозаическія предметы. Онъ никогда не выбиралъ того, что покрасивѣе и повеличавѣе; грязь Одессы и мощеніе въ ней улицъ онъ описываетъ также звучно, какъ море и горы. Но онъ могъ это дѣлать съ полнымъ правомъ только потому, что никогда ни въ чемъ не отступалъ отъ истины. Чтобы показать, какъ велика его точность, сдѣлаемъ небольшое сравненіе. Пушкинъ часто говорилъ о Петербургѣ, и всякій, кто знаетъ этотъ городъ, долженъ согласиться, что въ описаніяхъ Пушкина нѣтъ ни единой фальшивой черты.

Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
 Скука, холодъ и гранитъ...
 . . . . .
 Мосты повисли надъ водами,
 Темнозелеными садами
 Ея покрылись острова...
 . . . . .
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
 Твоихъ задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный..
 . . . . .
 И ясны спящія громады
 Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
 Адмиралтейская игла...

Все это безукоризненно точно. Возьмите же теперь другаго поэта, Лермонтова, и попробуйте сравнить. Описывается такая же ночь, какъ у Пушкина.

Задумчиво столбы дворцевъ нѣмыхъ
 По берегамъ тѣснилися какъ тѣни,

И въ *тѣнѣ водѣ* гранитныхъ крылецъ изъ
Купались *широкія ступени*.

Прекрасные стихи, но въ этой картинѣ почти все ложно. Видъ дворцовъ не похожъ; они никакъ не *тѣнятся* и не близки къ берегамъ, — все въ Петербургѣ просторно. А *гранитныя крыльца, широкія ступени, тѣнѣ водѣ* — все чистая выдумка, все сказано, какъ говорится, только для красоты слога. Далѣе описывается домъ:

Изъ мрамора волнистаго колонны
Бругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушные семьей
Межъ нихъ гордились *дивною рѣзбой*.

Дивная рѣзба на чугуиъ — ужасное сочиненіе, а балконы гордящіеся такою рѣзбою — еще большее.

Все это конечно только промахи, но они показываютъ направленіе таланта, его напряженность и расположеніе не дорожить истиною. У Пушкина вовсе нѣтъ подобныхъ промаховъ, — вотъ что замѣчательно; нѣтъ даже въ слабыхъ и молодыхъ произведеніяхъ.

Интересно сравнить у обоихъ поетовъ описаніе Кавказа. Одна обмолвка Лермонтова въ „Демонѣ“ очень извѣстна; объ ней даже говорилъ въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ“ покойный профессоръ Рулье.

И Терекъ прыгая, какъ львица
Съ *косматою гривой на хребтѣ*...

Но есть тамъ же не обмолвка, а настоящая фальшь, явное преувеличеніе красоте. Мы находимъ эту фальшь въ описаніи Грузинъ:

Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну *изъ камней разноцвѣтныхъ*
И кущи розъ и пр.

Что такое *столпообразныя руины*? Читатель, не выдавшій

Грузин, вообразить себѣ полуразрушенныя колоннады. Между тѣмъ на дѣлѣ это изрѣдка попадающіяся развалины круглыхъ башенъ, очень грубыхъ, небольшихъ и невысокихъ построекъ, замѣчательныхъ только тѣмъ, что онѣ дѣйствительно круглыя, то есть одни представляютъ подобіе чего-то архитектурнаго.

Zvonkoblyuzie ruchi — конечно хорошее названіе для горныхъ потоковъ, всегда имѣющихъ быстрое теченіе. Но сказать, въ видѣ похвалы, что дно ихъ изъ *камней разноцвѣтныхъ*, значитъ почти тоже, что восхищаться разноцвѣтными ваннами петербургской мостовой: одинъ потемнѣе, другой посвѣтлѣе, а есть и красноватые.

Нигдѣ у Пушкина не замѣтно расположенія къ такимъ преувеличеніямъ. Мы привели здѣсь примѣры изъ *описаній*, какъ самыя ясныя и убѣдительныя; но тоже самое должно сказать и о характерѣ лицъ и о свойствахъ изображаемыхъ чувствъ. Пушкинъ не былъ расположенъ ни самъ становиться, ни ставить свои лица на ходули. Тогда какъ многіе поэты стремятся поразить читателей напряженіемъ и надуманною крайностію своихъ чувствъ, онъ становился чѣмъ дальше, тѣмъ проще и правдивѣе.

Поэтическая сила Пушкина была такъ велика, такъ истинна, что прямота и правдивость была для него самымъ естественнымъ дѣломъ. Онъ не могъ соблазниться ни какою фальшью, ни чѣмъ надуманнымъ, навѣянныиъ, напряженнымъ. И вотъ почему онъ сталъ создателемъ русской поэзіи. Онъ сбросилъ съ себя всѣ иноземныя вліянія, подъ которыми развивалась наша литература; нѣкоторая искусственность и изысканность, которыми она отзвѣвалась до Пушкина, исчезли у него безъ слѣда. Въ поэзіи стали прямо выражаться инстинкты русскаго сердца, стала отражаться русская дѣйствительность.

VI.

Поэзія есть дѣло таинственное. Откуда она рождается, къ чему ведетъ, въ какихъ отношеніяхъ находится къ другимъ явленіямъ человѣческой жизни — все это трудные вопросы, несмотря на то, что въ простѣйшихъ своихъ формахъ поэзіи встрѣчается намъ еже-

минутно и что почти каждый человѣкъ есть поэтъ, хотя бы и въ очень слабой степени.

Самымъ понятнымъ на свѣтѣ люди считаютъ жизнь, то есть наши потребности, желанія, наслажденія и страданія, практическія цѣли и практическія труды. Все это имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и несомнѣнное значеніе, ибо все это, какъ говорится, прямо беретъ насъ за живое. Искусство же не принадлежитъ къ этой области; это какое-то придаточное и производное явленіе, стремленіе зачѣмъ-то переживать нашу жизнь еще разъ, но не въ дѣйствительности, а въ воображеніи, *въ мечтахъ*, какъ говорили во времена Пушкина и Жуковского. Человѣкъ, положимъ, испытываетъ радость или горе. Ему мало того, что эти чувства дѣйствительно присутствуютъ въ его душѣ; онъ начинаетъ пѣть, то есть онъ повторяетъ свои чувства въ словахъ и звукахъ. Ему для чего-то нужно это воплощеніе испытываемыхъ имъ движеній души, и легко убѣдиться, что оно не есть простое повтореніе. Чувства въ пѣснѣ являются въ нѣкоторомъ преобразенномъ видѣ и получаютъ очевидно какое-то другое значеніе.

Странно дѣйствуютъ пѣсни. Положимъ смерть отняла у человѣка любимое, дорогое существо, и онъ подавленъ своимъ несчастьемъ. Убѣжать отъ трупа и забыть его—вотъ самое практическое, что можно сдѣлать. Между тѣмъ люди стараются какъ будто расстравить свою горестъ, упиться ею. Раздаются похоронныя пѣсли, и сердца надрываются, и льются слезы даже у тѣхъ, кто безъ этого могъ бы остаться спокойнымъ и равнодушнымъ. Но удивительное дѣло! Горе, нарочно вызванное, нарочно повторенное и углубленное, становится легче; оно потеряло свой прежній грубый характеръ, поднялось на какую-то высоту и преобразилось.

Тутъ мы взяли искусство въ непосредственномъ соприкосновеніи съ жизнью. Но въ другихъ случаяхъ непрактическій характеръ искусства обнаруживается еще рѣзче и яснѣе. Любитель пѣсенъ поетъ и грустныя и веселыя пѣсни, когда ему не о чемъ ни грустить, ни веселиться. Онъ при этомъ испытываетъ и радость и грусть, но очевидно *не такія*, какія свойственны дѣйствительной жизни. Если бы печаль, ужасъ, негодованіе и тому подобныя чувства, испыты-

ваемы нами, когда мы отдаемся созерцанію произведеній искусства, были вполнѣ похожи на чувства, которыя тѣми же именами обозначаются въ дѣйствительности, то мы конечно убѣгали бы отъ большей части художественныхъ произведеній. Между тѣмъ среди веселаго общества часто исполняется мрачный Requiem, и мы готовы каждый день смотрѣть въ театрѣ на убійства и сумасшествія. Люди, для которыхъ недоступенъ истинный характеръ искусства, которые слишкомъ погружены въ жизнь, иногда удивляются этому. „Охота наводить на себя тоску!“ замѣчаютъ они. Но и веселая музыка ихъ иногда не веселитъ, а только раздражаетъ. Очевидно для искусства нужно быть нѣсколько свободнымъ душою, немножко забыть о себѣ.

Чтобы потрясти чувства черни древняго Рима, люди должны были дѣйствительно убивать другъ друга на сценѣ, быть дѣйствительно растерзываемы звѣрями. Но мы, когда сидимъ въ театрѣ, не только не должны думать, что убійства, пожары, сумасшествія совершаются передъ нами дѣйствительно, но даже для полного дѣйствія искусства, все время должны быть твердо увѣрены, что все вокругъ насъ совершенно благополучно и безопасно. Если бы мы забывшись вообразили, что на сценѣ раздаются дѣйствительныя вопли боли, или дѣйствительно совершается убійство, то художественное впечатлѣніе было бы мгновенно разрушено этимъ впечатлѣніемъ жизни, мы бы почувствовали дѣйствительную жалость, дѣйствительный ужасъ, и были бы вырваны изъ міра искусства. Даже если мы замѣтимъ, что актеръ смѣется не искусственно, а потому что дѣйствительно расхохотался и не могъ бы удержаться, художественное впечатлѣніе нарушается. Очевидно жизнь и искусство—два міра различныя. Непремѣнное условіе искусства есть *искусственность*, то есть, чтобы передъ нами была не природа, а только какой-то ея образъ.

Этотъ образъ имѣетъ для насъ особенное значеніе. Не смотря на то, что искусство есть только созерцаніе, чувства, испытываемыя нами при его дѣйствіи, глубже, яснѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ дѣйствительныя чувства. Какъ будто краски художественнаго міра гуще, ярче, чѣмъ міра дѣйствительности. Вотъ почему, когда мы

говоримъ о предметахъ и явленіяхъ жизни, мы часто недовольствуемся обыкновеннымъ языкомъ, а заимствуемъ слова изъ сферы искусства. „Тутъ есть что-то *поэтическое*;“ „да это *романы!*“ „какова *сцена* или *картина?*“ „случай чисто *трагическій*, или чисто *комическій*;“ „онъ въ этой *драмѣ* играетъ очень дурную *роль*“ и т. д. Такія выраженія обозначаютъ, что мы нашли въ дѣйствительности больше, чѣмъ она обыкновенно даетъ намъ, что она почему-то вдругъ окрасилась ярче своего обыкновеннаго цвѣта.

Если же возьмемъ художниковъ, то отдѣльность искусства отъ жизни выступить уже вполне. Они на все смотрятъ не такъ, какъ обыкновенные люди, то есть они безпрестанно видятъ вокругъ себя поэтическое, трагическое, комическое, картины, драмы, — словомъ все то, что обыкновенному человѣку открывается лишь изрѣдка, когда и въ немъ вспыхнетъ художественная искорка, а многимъ и вовсе не открывается. Но этого мало. Художники умѣютъ, часто по самымъ ничтожнымъ поводамъ, переноситься въ чужую жизнь, или въ свое прошлое, и переживать самыя разнообразныя чувства. И этимъ они занимаются какъ настоящимъ дѣломъ, то есть вѣсто того, чтобы жить и чувствовать въ дѣйствительности, они лучшее свое время проводятъ въ томъ, что *забываютъ міръ*, какъ говорить Пушкинъ, и отдаются чувствамъ, образамъ, лицамъ, возникающимъ въ ихъ воображеніи. Въ этомъ ихъ собственномъ мірѣ не соблюдается никакого порядка времени и мѣста, и ходъ его явленій больше всего зависитъ отъ какого-то глубокаго внутренняго движенія души, называемаго *вдохновеніемъ*.

Все, что мы сказали, еще не объясняетъ намъ сущности искусства, его цѣли и происхожденія. Но здѣсь указана та его существенная черта, которая никогда не должна быть упускаема изъ виду. Какая бы ни была цѣль искусства и каково бы ни было его содержаніе, оно всегда будетъ какимъ-то преобразеннымъ повтореніемъ жизни, созерцаніе котораго даетъ другіе результаты, чѣмъ простое соприкосновеніе съ жизнью.

Вотъ отчего говорятъ, что искусство есть *подражаніе природѣ* что оно *украшаетъ природу*, что оно *выше природы*, что оно есть *творчество*, что цѣль его *наслажденіе прекраснымъ*.

что оно имѣетъ *примиряющую силу*, и т. д. Всѣ эти формулы имѣютъ свою справедливую сторону въ томъ, что стремятся выразить нѣкоторую разнородность искусства съ дѣйствительностію.

Отсюда же объясняются тѣ уклоненія, въ которыя впадаетъ искусство. Стремясь, по самой своей природѣ подняться надъ дѣйствительностію, оно легко обращается въ *ложь*, пренебрегаетъ жизнью и ея правдою, приучаетъ людей жить и довольствоваться воображеніемъ, раздвояетъ ихъ существованіе, обращаетъ ихъ въ существа, которыя вѣчно умиляются, восхищаются, ищутъ прекраснаго и возвышеннаго, слѣдовательно по видимому живутъ очень высокою душевною жизнью, на самомъ же дѣлѣ часто не обладаютъ никакою дѣйствительною красотою чувствъ.

Изъ той же существенной черты прорастаетъ наконецъ непониманіе искусства и вражда противъ него.

Въ самомъ дѣлѣ, причину отрицанія искусства составляютъ не одни его ложныя и дурныя явленія: самая сущность его недоступна и враждебна многимъ людямъ. Кто весь поглощенъ жизненными интересами, тотъ естественнымъ образомъ смотритъ враждебно на это созерцаніе, при которомъ человекъ видитъ въ жизни не предметъ личной своей дѣятельности, а какое-то зрѣлище, смотритъ на нее почти такъ, какъ смотрѣлъ бы житель иной планеты случайно залетѣвшій на землю. Для многихъ же, никогда не подымавшихся мыслью выше насущныхъ интересовъ, искусство не имѣетъ и этого смысла; оно для нихъ глупая, скучная забава, возможная только для людей ничего недѣлающихъ.

Все это доказываетъ только идеальную природу искусства, которая отъ него неотъемлема и безъ пониманія которой въ немъ нельзя ничего понять.

Припомнимъ нѣкоторыя слова Пушкина объ искусствѣ. Въ предисловіи къ одной изъ его поэмъ сказано: „твореніе искусства — *обманъ*.“ (*Бахчисарайскій Фонтанъ*. Москва, 1824. стр. XVII). Такъ выразилъ тогдашній взглядъ на дѣло кн. П. Вяземскій. Самъ Пушкинъ обыкновенно называетъ произведенія искусства — *вымыслами*, напрямѣръ:

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Вотъ съ какою поразительною наивностію онъ выражалъ ту мысль, что область искусства есть нѣчто отдѣльное отъ жизни *. Но эти вымыслы и обманы онъ конечно считалъ чѣмъ-то очень высокимъ и важнымъ, такъ какъ посвятилъ имъ свою жизнь. Въ такомъ смыслѣ чего-то высокаго и важнаго употреблено слово обманъ и въ знаменитыхъ стихахъ:

Тѣмъ низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающей *обманъ*.

Обманъ тутъ не значитъ мошенничество или ложь, а только нѣкоторый *образъ*, который, хотя бы былъ вымысломъ, возвышаетъ насъ, давая намъ понимать, въ чемъ состоитъ истинная красота человѣческой души. Выше находится стихъ еще болѣе парадоксальный:

Да будетъ пролять правды свѣтъ!

Но тотчасъ-же слѣдуетъ многозначительное поясненіе:

Да будетъ пролять правды свѣтъ,
Когда *посредственности хладной*,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно.

Вотъ чудесное указаніе на свойства поэзіи. Она, положимъ, есть вымыселъ, обманъ; но такой, который не возбуждаетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ возбуждать въ насъ ни зависти, ни соблазна, никакихъ заднихъ мыслей, никакого своекорыстнаго, низкаго желанія. Между тѣмъ правда, то есть жизнь, дѣйствительность, постоянно не даютъ намъ смотрѣть на себя безпристрастно и съ высоты; онѣ затрогиваютъ насъ лично, нашъ эгоизмъ, онѣ чисто угождаютъ нашимъ низкимъ страстямъ. Нужна поэзія для того, чтобы оторвать насъ отъ своекорыстныхъ помысловъ. Къ несчастію поэзія недоступна *посредственности хладной*, а всегда найдется такая правда, которая угодитъ этой посредственности.

---

* Вотъ Пушкинское представленіе настоящаго поэта: „Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“ (Т. V. стр. 541).

Но мы знаемъ, что Пушкинъ былъ правдивѣйшій и искреннѣйшій изъ поэтовъ. Значитъ онъ очень дурно выражался, называя поэзію вымысломъ и обманомъ, тогда какъ самъ всю душою стремился къ правдѣ. Собственнымъ примѣромъ онъ показываетъ, что правда есть неизмѣнное требованіе истиннаго искусства, та внутренняя правда, о которой Аристотель говорилъ, что она истиннѣе самой дѣйствительности. Дурна та поэзія, которая, подымаясь надъ міромъ теряетъ чувство правды; нехорошъ и тотъ поэтъ, кто бережно хранитъ это чувство, но, сознавая свое безсиліе, робко держится за дѣйствительность. Пушкинъ въ этомъ отношеніи образецъ поэтовъ; онъ свободно восходилъ на всякія высоты поэзіи, никогда не измѣняя правдѣ.

Н. Н. Страховъ.

29 января, 1874.

ГДѢ ЛУЧШЕ.° На пѣснѣ

Темнѣетъ неба сводъ лазурный;
На сонный мѣръ спустилась ночь,
Совсѣмъ стихаетъ вѣтеръ бурный
И тучи быстро мчатся прочь.

На необъятномъ морѣ днѣкомъ,
Густѣя, всталъ туманъ сѣдой;
Не умолкая, съ громкимъ крикомъ
Кружатся чайки надъ водой...

Чей это голосъ раздается
Средь шума пѣнящихся волнъ?
Рыбакъ подъ парусомъ несется,
Направивъ къ берегу свой чолнъ.

Но очеркъ берега неясный
Въ дали туманной потонулъ;
Чтобъ сократить свой путь опасный
Рыбакъ нашъ пѣсню затянулъ.

Онъ пѣлъ: «мое родное море!
«Тебя люблю всѣмъ сердцемъ я,
«Въ твоёмъ чарующемъ просторѣ
«Отрадно дышетъ грудь моя.

«Здѣсь я провелъ года изгнанья...
 «Тебѣ, выпучая волна,
 «Я повѣрялъ мои страданья,
 «Все, чѣмъ душа была полна...

«...Я не желаю лучшей доли:
 «Здѣсь на свободѣ я живу,
 «Меня не давить гнетъ неволи,
 «Куда хочу, туда плыву.

«И съ одиночествомъ я сжился, —
 «Меня не тянетъ никуда...
 «Я вѣрнѣе съ моремъ подружился,
 «И не вернусь ужъ никогда

«Въ тотъ міръ, гдѣ жизнь совсѣмъ иная,
 «Гдѣ суета и вѣчный шумъ;
 «На части рвется грудь больная,
 «Всегда въ тревогѣ бѣдный умъ.

«И знаю я, въ «житейскомъ морѣ»
 «Живется слишкомъ тяжело:
 «Тамъ, что ни шагъ, борьба и горе...
 «И торжествуетъ всюду зло!..

«Тамъ громче вопли и проклятья,
 «Чѣмъ въ бурю волнъ морскихъ прибой...
 «Кровь проливаютъ люди-братья,
 «Всегда враждуютъ межъ собой...

«Тамъ гибнуть честныя стремленья,
 «Безвинно-страдающихъ людей...
 «Царить насилье, преступленья,
 «И не смолкаетъ звонъ цѣпей!..

«Угрюмо, страшно море это,
«Но...» — Вотъ блеснулъ вдругъ огонекъ
И пѣснь осталась недопѣта:
Причалилъ къ острову челнокъ.

Петръ Выковъ.

БАБУШКИНЪ РАЙ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ СТАРИНЫ *.

Бабушка Анна Васильевна была совершенною противоположною своему мужу Ивану Яковлевичу. Молже его, она пережила его нѣсколькими годами и умерла, какъ и онъ, безъ малаго шестидесяти четырехъ лѣтъ.

Дѣдушка Иванъ Яковлевичъ былъ небольшого роста, плечистый, сѣдой, совершенно лысый, съ мясистымъ носомъ и черными, вялыми, лукавыми глазками. Отъ природы лѣнивый и мѣшковатый, онъ подъ старость совершенно осунулся, ходилъ въ коричневой или зеленой, охотничьей курткѣ, въ широкихъ нанковыхъ панталонахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, и въ высокихъ съ кисточками сапогахъ. Бѣлье у него впрочемъ, благодаря бабушкѣ, было всегда тонкое и безукоризненно-чистое.

Бабушка Анна Васильевна была высокая, худая и блѣдная, съ быстрыми умными глазами, прямымъ, вострымъ носомъ, и не смотря на преклонные годы, стройная и не полѣтавъ проворная и дѣятельная. Въ праздники она ходила въ черномъ левантиновомъ, въ будни въ неизмѣнномъ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ. На сѣдыхъ волосахъ ея всегда красовался чистый кисейный чепецъ: на шеѣ легкой волной былъ наброшенъ бѣлый, запущенный подъ платье, платочекъ. Къ этому, въ холодные дни, иногда прибавлялась—сѣрая фланелевая фуфайка дѣдушки, или его кры-

---

* Два другихъ, изъ той же серіи очерковъ автора: „Разказыярабабушки“ и „Лейбкамтанецъ“ помѣщены въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870 и 1871 годовъ.

тѣй синимъ демикотономъ, на бѣлыхъ, мерлушевыхъ смушкахъ, халатъ. По хозяйству Анна Васильевна ходила въ мужскихъ сапогахъ, а въ гости по сосѣдству ѣздила въ тележкѣ, при чемъ любила надѣвать старую дѣдушкину ополченскую шинель и его теплый на лисьемъ шѣху картузь. — „Спартанка!“ говорили, глядя на нее въ такомъ нарядѣ, сосѣди. И бабушка дѣйствительно была спартанка.

У Анны Васильевны не было своей постоянной комнаты. Одну недѣлю она спала въ зеленой гостиной, другую въ портретной, иногда перекочевывала въ угольную, или въ библіотеку. „Долги мучать, бессонницей страдаетъ!“ шептали о ней сосѣдки. Бабушка любила читать. Хорошо образованная въ молодости, знавшая нѣмецкій и французскій языки, она и подъ старость не покидала любви къ книгамъ и къ выпискамъ изъ нихъ того, что ей особенно нравилось. Добывъ въ городѣ или у кого-нибудь изъ окрестныхъ знакомыхъ, новую любопытную книгу, она уносила ее къ себѣ и радомъ съ нею вела толстую тетрадь. Послѣ ея смерти, на чердакѣ амбара, нашли цѣлыя ящики такихъ тетрадей, четкими и крупными почеркомъ исписанныхъ выдержками изъ любимыхъ ея авторовъ: Вольтера, Руссо, Бомарше и Дидерота. Постоянной, личной прислуги у бабушки тоже не было. Помогали ей въ ея надобностяхъ деревенскія бабы, ходившія по очереди убирать барскій дворъ. Анна Васильевна съ молодости любила кроить и перешивать разный носильный хламъ. А потому и въ старости не рѣдко можно было видѣть ее на коврѣ, въ гостиной или въ портретной, въ кругу пяти-шести деревенскихъ бабъ, за распариваньемъ и перешиваньемъ платьевъ, которыхъ впрочемъ бабушка никогда потомъ не носила.

Въ семьѣ господствовалъ немалый беспорядокъ. Бабушка безъ устали читала; дѣдушка то и дѣло охотился. Дѣти обучались съ грѣхомъ по колаямъ. При нихъ когда-то прожилъ губернаторъ, изъ французскихъ гвардейскихъ солдатъ, эмигрантъ Сябефъ. Пристроивъ въ этой семьѣ, Сябефъ выписалъ изъ Франціи и свою жену. Мадамъ Сябефъ отлично готовила кушанья. Мужъ ея, впрочемъ, не столько занимался обученіемъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, сколько охотой съ ружьемъ по болотамъ, ловлей рыбы или лягушекъ себѣ

и женѣ на соусъ, да разсказами любовныхъ исторій, во вкусѣ новеллъ Боккаччо. Дѣти подросли. Мальчики облеклись въ мундиры и уѣхали въ дальніе полки. Дѣвочки вышли за мужъ. Уѣхали изъ деревни и Санбефъ съ женою. Впослѣдствіи они отъѣхали въ городъ колбасную и отлично торговали.

Хозяйство дѣдушки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, стало болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ. Случалось такъ, что при пяти имѣніяхъ и въ нихъ при семи тысячахъ десятинахъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для стола. Гости впрочемъ не переводились въ домѣ дѣдушки. Не смотря на долги, Иванъ Яковлевичъ жилъ въ свое удовольствіе: имѣлъ собственныя музыкальныя инструменты, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ собакою и болѣе гончихъ и борзыхъ.

Обѣдъ въ домѣ заказывалъ всякъ, кто хотѣлъ. Своей птицы зачастую не хватало, а приносили съ собою, какъ молоко, яйца и огородную зелень, по очереди, въ сѣняхъ барщины, съ села. Разливала чай и ходила въ комнатахъ, при ключахъ, худенькая, съ жидкою, сѣдою косичкою и постоянно босая, дѣвушка Марья.

Иванъ Яковлевичъ, мало развитой, робкій и съ юныхъ лѣтъ несообщительный и молчаливый, отъ долговъ и разстройства дѣлъ, былъ постоянно не въ духѣ. Анна Васильевна о мужѣ всегда однако отзывалась съ отиѣннымъ уваженіемъ, увѣряя всѣхъ, что Иванъ Яковлевичъ весьма умный и тонкій человѣкъ, и что самое его молчаніе—многозначительно. Даже въ сердечныхъ слабостяхъ Ивана Яковлевича она относилась крайне снисходительно. Когда у него въ лѣсу, на хуторѣ, въ Курбатовомъ, завелась въ лицѣ весьма красивой лѣсничихи, Ульянки, фаворитка,—Анна Васильевна и въ этой Ульянкѣ сверхъ ожиданія, находила нѣкоторую степень ума „привлекательнаго“ и рѣдкаго „въ этомъ сословіи“. Жалѣя здоровье Ульянки, она ей подарила свою старую котиковую шубку и собственные шерстяные чулки. А замѣчая косые взгляды и даже ропотъ невѣстокъ, при видѣ предпочтенія, которое оказывалось этой Дульциней, говорила: „Вы, сударыньки мои, не фыркайте и не смотрите слишкомъ строго на то, коли и собственный муженецъ у какой-либо изъ васъ иногда отшатнется въ

сторону. Жена, милня вы моя, это тоже, что новенькое платье; чай, слышали: за ново ситцы на колочкѣ висеть... А мужъ намъ господинъ и владнѣа. Мы должны радоваться его удовольствіямъ и беречь его — паче зѣницы она...“ Невѣстки слушали такіа рѣчи молча и наставленій свекрови отнюдь не одобряли.

Нагѣщая родныхъ и знакомыхъ, Анна Васильевна любила привозить мужу въ гостинецъ пробы разныхъ кушаньевъ. „Покупайте, зельхенъ, говорила она въ такихъ случаяхъ, развязывая крыночки и горшочки: это — постные пирожки съ рыбкой и съ грибами; очень вкусны; а это — паштетъ изъ дупелей“. И Иванъ Яковлевичъ, забираясь на сутки и болѣе на охоту въ лѣсъ, присылалъ въ гостинецъ женѣ стряпню Ульянки при записочкахъ: „Покупайте и вы, герцхенъ, издѣлія моего кухмистера; на тарелкѣ — бѣлые грибы въ сметанѣ, а въ мискѣ — застуженные караси. Жѣ ву бѣзъ, и рекомендую — превкусны“.

Жилъ Иванъ Яковлевичъ въ родовомъ селѣ Пришибѣ. Въ остальныхъ его имѣніяхъ — въ Ольшанкѣ, на Средней, въ Великомъ селѣ и на Богатой — всѣмъ управляли прикащики. Дѣла Ивана Яковлевича, что ни годъ, становились хуже и хуже. Занимодавцы оказывались злѣе и злѣе. Судьба имѣній висѣла на волоскѣ. А устроить дѣла, построже надблести за распорядками управляющихъ, не хватало воли, терпѣнія и рѣшимости.

Стараясь, чтобъ ничто дурное и тревожное не доходило до мужа, Анна Васильевна сама возилась съ занимодавцами, спорила съ ними, молила ихъ объ отсрочкахъ, выслушивала ихъ упреки и даже брань, но къ мужу этихъ господъ не допускала. Иванъ Яковлевичъ зналъ такіе обычаи жены, и если кто либо изъ кредиторовъ являлся въ Пришибѣ, онъ сказывался больнымъ, требовалъ пивокъ и все собирался ихъ ставить, пока назойливые гости не уѣзжали.

— Вы бы, зельхенъ, отправились на Среднюю, или въ Ольшанку, — говорила иной разъ мужу бабушка: дѣла тамъ, слышно, изъ рукъ вонъ плохо идутъ...

— Да зачѣмъ же я, герцѣкъ, туда поѣду?

— Ради Бога, поѣзжайте; повѣрьте этимъ мошенниковъ управляющихъ. Сколько у насъ земель, овецъ и скота, а доходовъ почти никакихъ... Ояновья на службѣ, надо имъ и на обмундировку и на житье; ну, и молодые люди,—повеселиться тоже... А денегъ у насъ давно ни алтына...

— Ахъ, герцѣнка! я бы и поѣхалъ, да вонъ... кажется, собирается гроза...

Иванъ Яковлевичъ былъ вообще не храбраго десятка, но особенно боялся грозы. Онъ избѣгалъ быть въ пути во время дождя, опасаясь, что его непременно убьетъ громъ. Человѣкъ мнительный и слабый во всѣхъ отношеніяхъ, въ дорогу онъ собирался особенно неохотно. Иногда эти сборы длились по нѣсколько недѣль.

Всѣ знаютъ, бывало, что барыня уговорила барина и что баринъ наконецъ рѣшился выѣхать. И начинаются приготовленія. Съ пяти-шести часовъ утра передняя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже полна. Писарь, конторщикъ, десятскіе и ключникъ, переминаясь съ ноги на ногу, вздыхая и зѣвая, стоятъ въ ожиданіи зова и приказаній барина. А баринъ проснется и, тоже зѣвая и вздыхая, прихлебываетъ ложечкой на постели чай, разсматриваетъ свои руки или, собираясь понюхать табаку, развертываетъ и опять свертываетъ на колѣняхъ клетчатый носовой платокъ.

Каждый разъ съ вечера въ такихъ случаяхъ ученики Санбефши, сѣдовласый поваръ Естухъ Ничка и старая повариха Немка, нажарятъ барину и напекутъ въ дорогу всякой всячины. Призывался и лихой на пѣсни и на выпивку слесарь Оедька. Появлялся и низенькаго роста, несчетные разы матый на выѣздѣ молодыхъ лошадей, коренастый, мрачный и вѣчно смотрѣвшій въ землю, главный кучеръ Ивашко. Слесарю Оедькѣ отдавался строгій наказъ — получше осмотрѣть и перечесть въ дорогу баринovy ружья. Ивашкѣ приказывалось — пораньше накормить, напоить и приготовить любимую караковую четверню бариновныхъ лошадей. Но съѣстные припасы, ружья и лошади давно, бывало, готовы, приказные по нѣскольку разъ выйдутъ изъ передней на

крыльцо, размять усталыя спины и покурить, и на селѣ всѣ хоронятся по дворажъ, чтобъ не перейти барину дороги, а баринъ все не выходитъ изъ своей опочивальни.

Анна Васильевна, въ такихъ обстоятельствахъ, вертитъ-вертитъ спицами чулка, глядитъ то въ одно окно, то въ другое, потеряетъ наконецъ терпѣніе и входитъ къ мужу.

— Что же вы, зельхенъ, не ѣдете?—спрашиваетъ она, видя, что мужъ по прежнему сидитъ, свѣсивъ необутыя ноги съ постели и разсматриваетъ руки или носовой платокъ.

— А что, герценька, отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ: ѣхать, видно, сегодня не приходится.

— Почему?

— Руки терпнуть и ногти на пальцахъ что-то какъ-будто синіе. Это вѣрно къ переѣнѣ погоды. Пусть лучше до завтра.

— Какой же еще погоды! вскидывается въ досадѣ бабушка: смотрите, — Божій день ясенъ, а въ саду, въ полѣ, какой аромат!...

— Ну, нѣтъ, отвѣчаетъ дѣдушка: я вотъ и Нешку повариху призывалъ; говоритъ, всю ночь до утра курица какая то на кухнѣ кричала: видно, будетъ дождь.

— Да какой же дождь? па небѣ ни облачка!

— И сонъ, герценька, я видѣлъ сегодня; совсѣмъ нехорошій сонъ... Покойнаго попа, отца Ивана, будто я въ прудѣ купалъ, а онъ меня осилилъ и верхомъ на мнѣ будто по саду поѣхалъ... Да и вчера былъ тоже сонъ... Снился покойный тятенька...

И начнетъ рассказывать Иванъ Яковлевичъ свои сны, да такъ медленно, съ разстановками, что бабушка не вытерпитъ и уйдетъ. Отъѣздъ, разумѣется, при этомъ отлагался. А тѣмъ временемъ и прикащики отдаленныхъ вотчинъ пронюхаютъ, что баринъ собирается ихъ провѣрять, и принимаютъ свои мѣры.

Иванъ Яковлевичъ наконецъ рѣшается. Старая барыня молебень отслужила, ходитъ веселая, довольная. Къ крыльцу подкачена желтобояя, выписанная изъ Вѣны коляска, и въ нее горой наложены всякіе складни, погребцы, узлы, укладки и свертки. Лакей и парикмахеръ Гаврюшка, со всякой всячиной подъ мышками, мечется,

какъ угорѣлый изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ музыкантскую, а изъ музыкантской въ швальню, не забывая впрочемъ по пути забѣжать и позубоскалить къ кружевницамъ и ковѣрницамъ. Солнце подбирается къ десяти часамъ. Ужъ и жарко.

— Пора, говорить, — кончивъ кофеи, Иванъ Яковлевичъ: можно бы, герцхенъ, и запрягать.

— Куриную котлетку только или фрикасе изъ дичи скушали бы еще на дорогу, — говоритъ, не помня себя отъ радости, бабушка.

Она подаетъ знакъ ключницѣ.

Черезъ полчаса въ хомутахъ ведутъ и запрягаютъ лошадей. Лыгавый жирный песь Бекасъ усѣлся между торчащими ружьями на возлахъ, радостно визжитъ и воеетъ отъ нетерпѣнiя.

А тѣмъ временемъ, какъ Иванъ Яковлевичъ, медленно жуя и перебирая восточки, кушаетъ напутственное фрикасе и куриную котлетку, — ключница Марья, высунувшись изъ коридора, шопотомъ докладываетъ барынѣ, что на деревнѣ... появился мужикъ съ Середней.

— Кто? кто? — спрашиваетъ, заслышавъ этотъ шопотъ, баринъ.

— Капитошка Кочеть.

— Зачѣмъ онъ?

— Родныхъ пришелъ навѣстить... потому у него кума... прибавляетъ, не видя тревожныхъ знаковъ барыни, сѣдая ключница.

— Позвать Капитошку! — объявляетъ, утирая губы и въ раздумьи шевеля бровями, баринъ.

И является Капитошка. Поклонится онъ, станетъ, какъ ни въ чемъ неповинный, у двери и молчитъ.

— Все ли у васъ тамъ благополучно? спрашиваетъ, нюхая табакъ, Иванъ Яковлевичъ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать... важись бы все...

— А болѣзней никакихъ не слышно?

— Какъ не слышно! Есть...

— Какія же?

— А ходить одна, сказать бы и пустая, да такая, что руки и ноги у людей отнимаются, а то и попрыщеть...

— Слышите, герценка?— спрашиваетъ, глядя на жену, Иванъ Яковлевичъ: такая, что и попрыщеть.

— Слышу, — отвѣчаетъ, сердито глядя поверхъ очковъ на Капитона, Анна Васильевна.

— Ну, а погода? допытываетъ баринъ, начиная опять на колѣняхъ разстилать и свертывать носовой платокъ.

— У васъ тутъ, сударь, еще бы и ничего, отвѣчаетъ на заданный урокъ Капитонъ: а вотъ степью сегодня я шелъ, такъ и не приведи Богъ, какая тамъ шла туча. Какъ выйдете въ поле, то будетъ и дождь и громъ.

— Ну иди же ты, Капитонъ, на кухню да вели себѣ дать водки и пирога, — а я лучше пережду.

Иванъ Яковлевичъ до того боялся грозы, что даже въ комнатахъ съ первымъ ударомъ грома приказывалъ заперать ставни и двери, зажигалъ лампадки у образовъ, ложился среди бѣлдня въ постель, голову прикрывалъ одѣяломъ и такъ лежалъ, пока удалялась гроза.

Но случалось, что Иванъ Яковлевичъ наконецъ и выйдеть, да вспомнить, что въ то утро всталъ съ постели лѣвой, а не правой ногой, или увидить на улицѣ, крестъ-на-крестъ упавшія, двѣ соломинки, или кто-нибудь въ деревнѣ перейдетъ ему дорогу, то непременно возвращается и къ новому отъѣзду соберется уже не скоро.

Жизнь Анны Васильевны на старости была вообще не легка. Сынвья были на службѣ, дочери за-мужемъ. Однѣ вниги ее утѣшали. Твердая нравомъ, почитанная и умная старушка не унывала. Мужнино хозяйство; правда, шло до того плохо, что, при тридцати-сорока лошадахъ на конюшнѣ, иной разъ не на чѣмъ было выѣхать: лошади то хромали, то были запалены, и кучеръ Ивашко подь-часъ докладывалъ, что вѣтъ ни единого цѣлаго и сноснаго хомута. За то въ комнатахъ, благодаря хлопотамъ Анны Васильевны, всегда было чисто, уютно, свѣтло, и пріятно пахло. Позолота на зеркальныхъ рамкахъ потускнѣла правда, и потерялась,

и Гаврюшка нерѣдко ходилъ съ прорванными локтями. За то цвѣты по окнамъ были постоянно свѣжи и зелены. Полы въ коннатахъ бабы подметали вѣвниками изъ душистыхъ травъ, воцпили и вытирали суконками. И если Анна Васильевна не всегда имѣла деньги на собственные необходимыя потребности, если сама она пила чай изъ безносаго чайника, за то мужу кофей на завтракъ подавался не иначе, какъ въ серебряномъ, съ рѣзбой и съ цвѣткомъ на крышкѣ, кофейникѣ и съ такою же сахарницей. Въ новый годъ прислуга не выбрасывала изъ дому сору, а оставляла его гдѣ-нибудь въ углу за дверью или подъ печкой, чтобъ не вынести вонъ изъ дому... счастья...

Что-жъ за „счастье“ было у бабушки?

Анна Васильевна, лѣтомъ, съ книгой на балконѣ, а зимой, съ чулкомъ, склоняясь къ промерзшему окну, по цѣлымъ часамъ простаивала, глядя черезъ садъ на дорогу въ дальнюю ихъ вотчину на рѣкѣ Богатой.

Тамъ за Донцомъ, за сто слишкомъ верстъ, въ бывшей Азовской, тогда уже Екатеринославской губерніи, была дѣдушкина земля и стоялъ, построенный въ прошломъ вѣкѣ его отцомъ хуторъ.

Тамъ-то и былъ „бабушкинъ рай“... И этотъ рай была бабушкина крестница—Груня.

Чуднымъ образомъ досталось это утѣшеніе бабушкѣ. Вышла какъ-то лѣтомъ Анна Васильевна въ старый пришибской садъ, взглянуть, не осыпалась ли завязь на молодыхъ, посаженныхъ ею щепкахъ? Она взглянула на яблони—добрый крестьянинъ, плодовитеу и антоновеу; взглянула на бергамоты и дули... Все было благополучно. Она нарвала цвѣтовъ и уже хотѣла уйти, какъ у корня груши-тонковѣтки, въ сочной высокой травѣ, услышала, какой-то пискъ. Анна Васильевна склонилась къ землѣ, бережно раздвинула траву. Передъ ней, перебирая голыми ручками и ножками, копошилось крохотное въ оборваныхъ пеленочкахъ дитя.

Найденная подъ грушей, дѣвочка была названа Груней, при-

нята, выращена и воспитана бабушкой. А когда Грунѣ пошелъ пятнадцатый годъ и она уже была обучена грамотѣ, шитью, домашнему хозяйству, пѣнію и даже игрѣ на клавесинахъ, Анна Васильевна рѣшилась съ нею разстаться.

„Дѣвка на возрастѣ и страхѣ, какъ хорошѣть!“ думала про себя бабушка: „сынки то и дѣло изъ полковъ навѣдываются, сосѣдніе военные тоже какъ комары здѣсь толкуются, и одинъ изъ нихъ, этотъ картежникъ и сердцевѣдъ, майоръ Иностранцевъ; особенно сильно сталъ на Груню поглядывать... Надо ее спровадить подальше.“

И Анна Васильевна, скрѣпя сердце и обливаясь слезами, Груню спроводила. Она снабдила ее одеждою и обувью, наставленіями, благословеніемъ и книгами и отправила ее за Донецъ, на Богатую, подъ надзоръ и руководство стараго и опытнаго, но хвораго управляющаго изъ нѣмцевъ, Флуга. Старикъ Флугъ, однако же, вскорѣ умеръ. — „Поставьте на его мѣсто Флугшу, стала совѣтовать бабушка мужу: нѣмка, почитай, и такъ при покойномъ всѣмъ тамъ заправляла. Управится и теперь. Особливо же при ней наша Груня; будутъ у нихъ для насъ масло и птица, будутъ, какъ слѣдъ, догляжены овцы, кони и все наше добро.“ Мужъ согласился.

Груня привыкла къ хозяйству и дѣйствительно хорошо управлялась. Она по часту переписывалась съ бабушкой. — „Живу хорошо, милостивая государыня и крестная матушка, писала она: только скучаю. Степь, ни села кругомъ не видно, ни лѣса. Новый флигель, поодаль отъ батрацкихъ избъ, сколоченъ тепло, заборъ вокругъ двора высокъ и крѣпокъ, а на ночь мы ворота съ Миной Карловной запираемъ на замокъ. Ленъ цвѣтетъ — все поле голубенькое, какъ ситчичъ, что вы прислали. Овцы здравствуютъ, — табунъ съ нови бѣжить, земля дрожить, — а ужъ садъ да и огородъ у насъ, на рѣчкѣ Богатой — не чета, маменька, вашему: будутъ яблоки апортъ, будутъ грибы-безъмянки, будутъ черешни и бѣлая слива. Припасайте, крестная, сахару: всего наваримъ. Да пришлите книжечекъ. Смерть, по вечерамъ, тоска. Прочла я Наталью боярскую дочь... Ахъ, какъ хорошо. А не вышло ли, маменька, продолженія Онѣгина? Да еще слышно, — купецъ тутъ съ бакалей

сбился съ дороги, у насъ кормиль, — ходить, говорить, въ спискахъ стихи, Горе отъ ума. Очень хвалить и у него списано нѣсколько стиховъ... Пришлите. Флугшу лихорадка бьетъ, да и глазами хвораетъ. Нѣтъ ли какихъ капель?"

Грунѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Высокая, темнорусая, степенная и гордая, съ полною крѣпкою грудью, румяная и широкая въ кости, — Груня ходила съ увальцемъ, говорила медленно, будто нехотя, работала не спѣша. Большіе сѣрые глаза смотрѣли ласково... Она станетъ, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется, — всю душу освѣтитъ. А пѣла, забравшись въ поле или въ садъ, — не заслушаешься.

„Ой, соберется онъ на Богатую, соберется!“ мыслила, въ тоскѣ о своей питомкѣ и въ тревогѣ о мужѣ, Анна Васильевна: „Середняя, Ольшанка ближе къ дому, и дѣла тамъ вотъ какъ запущены, — а его туда не сдвинешь. На Богатую же, въ такую даль, какъ разъ, онъ угодить, — и не спохватишься... Да, да, угодить; и маіоръ Иностранцевъ съ намъ собирается... Недаромъ Иванъ Яковлевичъ сталъ толковать, что на табунъ надо взглянуть. Ружья началъ чистить, — дичи, говорить, лисицъ, да дрохвъ, не оберешься тамъ... Знаю, сударь, на какую дичь твой другъ Иностранцевъ жѣтитъ.“

Съ упавшимъ отъ жалости и страха сѣрдцемъ Анна Васильевна вздыхала, хмурилась, быстро перебирала спицами чулка и не отходила отъ оконъ, изъ которыхъ былъ видѣнъ путь на Богатую.

Оласенія бабушки однако не сбылись. Груня вскорѣ ускользнула отъ всякой опасности.

Бабушка продолжала навѣщать хуторъ на Богатой.

Особенно любила Анна Васильевна встрѣчать весну на этомъ хуторѣ. Поѣдетъ къ роднымъ на Самару или на Торецъ, отговѣется тамъ въ великій постъ и заѣдетъ провѣдать Груню.

А Грунѣ пошелъ восемнадцатый годъ.

Февраль бокогрѣй дохнетъ тепломъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ. Колья заборовъ, угли хать и сараевъ на подсолнечной

сторонѣ, съ утра затаютъ, а къ вечеру обмерзнуть опять. Мартъ еще держитъ и холодъ и снѣгъ, хотя небо становится ласковѣе, голубѣе. Вотъ благовѣщенье, конецъ поста. Дружнѣе дуется съ полдня знакомый, теплый и полный обаятельной нѣги вѣтерокъ. Старый табунщикъ Максимъ глянулъ въ окно, подтянулъ носъ и говоритъ женѣ: „А что, Ганна, должно быть и весна на дворѣ?“—„Можетъ и весна!“ отвѣчаетъ покорно и робко жена. И оба они выходятъ на порогъ хаты, жутко и весело вглядываясь въ засинѣвшую степь. — „Пора барышнѣ доложить, пусть отпишеть господамъ, не размять ли табуна на волѣ, не выгнать ли коней хоть на старыя жнивья?“

Выходитъ и Груня за ворота. Кругомъ еще тихо. А бѣлыя перистыя облака беспокойно несутся надъ вдувшюся отъ подпора дальнихъ водъ Богатой. Еще зарями морозитъ; еще по ночамъ хруститъ подъ ногами. А въ лицо уже пашеть инеемъ, щедримъ, будто праздничнымъ тепломъ. Вышла Груня въ поле, оглядывается кругомъ, точно царь молодого хвѣльнаго вина разлитъ и струится въ воздухъ. И отъ каждаго вошедшаго съ надворья, отъ его одежды, лица и рѣчей—пахнетъ весной. И вотъ весна пришла.

Огромный, исхудалый за зиму грачъ, звонко каркая, летитъ съ поля на выгонъ. Выглянуло солнце, глядитъ и не прячется. Подъ его лучами затаили родники, сугробы и наметы. Все точно дымитъ, обрушается, шумитъ и плыветъ. Къ вечеру будто отпуститъ. Выйдетъ Груня на крыльцо, кругомъ тихо, только собаки на дальней овчарнѣ лаутъ, да въ темнотѣ кое-гдѣ раздается шелестъ подтаявшаго снѣга, неутомонное шушуканье и пошептыванье бѣгущей по скатамъ въ разныхъ уголкахъ и направленияхъ воды. Стоитъ Груня и слушаетъ, что говорятъ воды и что нашептываетъ весна? Вотъ все стихло, не слышать ничего. Но въ потьмахъ у сарая что-то вновь зашелестѣло: вода понемногу скопилась, пробуравила подъ соломой, сваленной у коновязи дырку, закинула и точно ухнула, рѣзво понеслась вдоль двора къ рѣкѣ. А не то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, вдругъ посыплется что-то съ крышъ, точно охватило ихъ налетѣвшимъ, бродячимъ тепломъ, и онѣ подъ его струей затаили...

Прошелъ день-другой, прошла недѣля. Груню манить въ садъ. Изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема, пробиваются первыя травы, тутъ же на солнцепекѣ прямо и разцвѣтая. Голубые пролѣски и бѣлыя ландыши гнѣздятся между безлистныхъ еще деревьевъ. Явились ласточки, мотыльки. Цвѣтотыя почки на вѣтвяхъ вздулись, и ихъ липкіе, душистые лепестки развертываются зелеными и бѣлыми кулачками. Еще день—вишень и терна не узнать: все сливается въ бѣлую стѣну, и запахомъ меда далеко несетъ отъ нихъ. Показались мошки и комары. На тропинкахъ обозначились ямки пауковъ. Рогатый черный жукъ суетливо катитъ задомъ, черезъ былинки и сучки, скомканный изъ всякаго хлама шарикъ. Отозвалась кукушка. А вотъ и соловьи...

Сидеть Груня на крыльцѣ, мысли ея далеко — съ Кавказскимъ плѣнникомъ, или съ цыганомъ Алеко. Дворъ хутора на взгорьѣ. За выгономъ влѣво и вправо неоглядная степь, на днѣ широкаго лога—извилины рѣчки Богатой, а за рѣкой опять взгорье и опять синяя, гладкая степь,—все это видно съ крыльца, какъ на ладони. Во дворѣ тихо. Рабочіе, старъ и младъ, ушли на посѣвъ. Овцы и лошади пасутся далеко по буграмъ; за косогоромъ ихъ не видно. Солнце грѣетъ. Птицы затихли. И ни одинъ звукъ не долетаетъ до Груни. Развѣ хлопотунъ-пѣтухъ, роая въ кучѣ сора, отзовется на отошедшихъ къ сторонкѣ куръ, да согнанная коршуномъ или кошкой стая голубей съ шумомъ взлетитъ съ овчарни или съ мельницы и кружась унесется къ вербамъ на луга...

Груня смотритъ на голубей, на сарай, подъ которымъ кучей свалены зимнія дровни, на всякую домашнюю рухлядь, развѣшенную Флугшей по веревкѣ между погребомъ и амбаромъ, на заячьи тулупы, наволоки, кофты, одѣяла, платки и мѣшки. Посидитъ Груня, вздохнетъ и идетъ въ садъ. А тамъ въ сочныхъ травахъ и въ кустахъ, кипитъ домовитая хлопотня пѣвчихъ птишекъ и звѣрковъ. Въ земляныхъ, листовныхъ и древесныхъ тайникахъ вездѣ пищать, копошатся, звенять и шушукать новорожденныя крылатыя и четвероногія семьи. А въ воздухѣ жарче и жарче. Земля накаляется. По степи, волнуясь, роста и опять

исчезая, движутся исполинскія туманные шары... Скоро, на кольяхъ заборовъ и на высохшихъ былинкахъ, явится востровосень-кая, вѣчно-чиликающая «птичка-жажда». Загремятъ страшныя грозы, прольются шумныя дожди...

Грунѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Въ концѣ зимы того года, ѣздивши съ Флугшей въ церковь ближняго села, Груня простудилась и пролежала большую часть великаго поста. Бабушка и фельдшера къ ней присылала и сама ее навѣстила на страстной недѣлѣ. Много въ эту зиму въ степи болѣло людей. Старый табунщикъ Максимъ умеръ и на его мѣсто Иванъ Яковлевичъ прислалъ отъ себя другаго наѣздника, Родьку, по прозвищу Вѣлогубова. О смерти и о похоронахъ Максима, а равно о присылкѣ Вѣлогубова, Груня знала смутно, по слухамъ, изрѣдка долетавшимъ въ свѣтелку, гдѣ она тожилась въ болѣзни. На пасуху Груня оправилась. Еще блѣдная, худая и слабая она приодѣлась, накинула на голову платокъ и, пошатываясь, отъ скуки вышла на крыльцо, а оттуда въ садъ.

Былъ конецъ апрѣля. Вечерѣло. Овцы шли къ водопою. Табунъ рѣзво неся по степи домой.

Груня потянула грудь вольнаго, свѣжаго воздуха и глаза закрыла отъ блеска солнца, тонувшаго за рѣкой, да отъ запаха распускавшихся деревьевъ и цвѣтовъ. Никогда еще весна такъ не плѣняла и не чаровала Груни. Слезы покатались у ней по лицу. Она присѣла на кочкѣ, склонилась головой на руку и сперва тихо, потомъ громче и громче, съ переливами, запѣла нѣкогда модную пѣсню, которой за клавесиномъ выучилась у крестной:

Я блѣдная пастушка,
Весь мѣръ мой—этотъ лугъ,
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

За спиной Груни послышались шаги. Что-то зашелестѣло въ кустахъ. Она смолкла, оглянулась. Раздвинувъ вѣтви вишенника,

передъ нею, безъ шапки, стоялъ высокій, статный человѣкъ: въ сѣромъ старенькомъ, обхваченномъ ремнемъ армякѣ, на поясѣ подпирокъ, ножъ и ланцетъ, самъ онъ русый, борода чуть пробивается, молодое, обвѣтренное лицо, и ласково, смѣющіеся и виѣсть робкіе глаза.

— Птушки, сударынька! это вамъ-съ!.. сказалъ подошедшій, разжмая широкую мозолистую ладонь.

Груня взглянула: передъ ней на протанутой ругѣ сидѣли рядкомъ, шевелясь и раскрывъ желтые, мягкіе носы, двѣ чуть обросшія сѣрымъ пухомъ птички.

— Что это? спросила Груня.

— Птушки, сударынька, жавороночки! а може и скворцы... не бойтеса, это вамъ...

— А ты самъ кто такой.

— Новый табунщикъ, Родька, коли изволили слышать.

Груня встала.

— Ну, Родивонъ, сдѣлай же ты мнѣ божескую милость, сказала она: отнеси ты этихъ пташекъ туда, откуда ихъ взялъ. Это соловьи... Пусть себѣ живутъ... Да бережно, смотри, положи, чтобъ соловьяха не откинулась. А за вниманіе благодарствую...

Съ этими словами Груня ушла. Поглядѣвъ ей вслѣдъ Родивонъ, вздохнулъ и, почесывая затылокъ, долго не сходилъ съ мѣста. Какъ стемнѣло, онъ спустился въ ягодные кусты, положилъ птицъ на гнѣздо, въ сборную избу ужинать не зашелъ, а сѣлъ на коня, шевеля плеткой, тихо выѣхалъ въ степь, и Груня изъ своей свѣтелки слышала, какъ по темному бугру за рѣкой, на привольи, раздавалась его громкая, заунывная пѣсня...

«Охъ, и гдѣ-же ты, гдѣ-же ты,

«Моя любезная...?»

Съ той поры Родивонъ не выходилъ изъ головы Груни. Она пряталась отъ него, избѣгала его, но невольно слѣдила за всѣмъ, что онъ дѣлалъ и что о немъ говорили.

Въ срединѣ мая на Богатую пришли подводы, забирать про-

данную купцамъ прошлогоднюю пшеницу и кое-что изъ запасовъ льна. За болѣзнь Флугни кули вѣсилъ и, какъ грамотный, по списку отпускалъ подъ надзоромъ Груни Родивонъ. Первые возы нагружились и съ куческимъ прикащикомъ уѣхали; стали грузиться вторые; подводчики устали и пошли обѣдать. Въ прохладномъ, пахнущемъ мукой и развѣшенными новыми вѣнками, амбарѣ остались только Родивонъ да Груня. Поглядывая на Груню, Родивонъ карандашомъ выводилъ послѣднія отиѣтки въ амбарномъ спискѣ. Груня зѣвнула.

— Это у васъ, барышня, какое колечко? спросилъ Родивонъ, встрахивая запыленными кудрями.

— Сердоликъ, крестной подарокъ! отвѣтила Груня, протягивая руку.

— Да что ты, пепутный, поди! мукой всю перепачкаешь!— крикнула она, смѣясь и съ силой отталкивая Родивона: ой, да не жми же такъ, больно... пусти... Мину Карловну позову...

Родивонъ не отступалъ. Онъ крѣпче обнялъ Груню, подхватилъ ее отъ полу, какъ перышко, посадилъ на куль рядомъ съ собой и сказалъ:

— Что-жъ, сударыня, кричите; одинъ, видно, мнѣ конецъ...

— Да пусти-же ты, сумасшедшій, что затѣялъ! одумайся! ой!..

— Нечего мнѣ, барышня, думать. Сердце изныло. Одна дорога: либо въ петлю, либо въ воду... День хожу, какъ шальной, ночи не сплю—помutilа меня твоя красота, Грунюшка...

Трепетъ побѣждалъ по тѣлу Груни. Она вскинула, неслось поглядывая на Родивона.

— Ахъ, отчего я не богатый, да не знатный! продолжалъ Родивонъ: не пойдеши за простаго, не отдадутъ такой крали за сермяжника...

Груня вырвалась отъ Родивона.— „Руки коротки!“ сказала она, толкнувъ его такъ, что тотъ о закрошь ударился спиной.— „Мнѣ Карловнѣ—вотъ ей Богу—все расскажу!“ прибавила она, безъ оглядки уходя изъ амбара. А когда вечеромъ уѣхали послѣднія подводки, Груня вышла на крыльцо, подозвала Родивона, взяла у него амбарные списки и, не уходя въ горницы, спросила: „кто ты родомъ и откуда къ господамъ нашимъ взялся?“

— Книжескій я, нѣсколько замаявшись, тихо отвѣтилъ Родька: въ пѣвчихъ былъ—не вытерпѣлъ; въ егеряхъ—не по праву вышелъ; лошадей любилъ—ну, съ тѣмъ и остался...

— Какъ же къ господамъ-то къ нашимъ пристагъ?

— У лекаря, у Егора Фадееча Слѣзиевскаго, сперва кучеромъ ѣздилъ, а ояъ меня и къ вашимъ господамъ направилъ.

— По пачпорту, что-ли, ходишь?

— Мы оброчные, еще тише отвѣтилъ Родька.

— Есть же у тебя отецъ, мать? допытывала Груня, разглядывая стоявшаго передъ ней безъ шапки молодца.

— Какъ перстъ, барышня, одинъ я на свѣтѣ...

— Ну, иди-же, Родивонъ, къ себѣ, да впередъ не смѣй озорничать. Не то, поссоримся.

— А книжочки, сударыня, нѣтъ ли почитать? лукавыми, карими глазами усмѣхнулся Родька.

— Послѣ приходи... Найду, сама тебя кликну и отдамъ!.. а самъ не смѣй!—вся покраснѣвшись, обернулась и тихо ушла къ себѣ въ горницу Груня.

Кончился май. Началась косовица, полотье огорода и льна. Груня ходила въ поле къ гребцамъ и къ полольщикамъ въ огородъ и на луга. Не зимняя пора. Весело и размяться, не смотря на зной и духоту. Вездѣ въ часы роздыха неслась болтовня словоохотливыхъ захожихъ поденщицъ. Бабы толковали о хозяйствѣ мужей, дѣвки о женихахъ да полюбовникахъ. И всякія тайны сосѣдокъ—хуторянокъ при этомъ невольно узнавала Груня: гдѣ парни хорошіе и гдѣ дурные, и кто кого любитъ и съ кѣмъ знается, и кто кого гонитъ, или за кого собирается замужъ. Вонъ загорѣлая, статная, съ черными бровями и русой косою красавица, бросивъ грабли, божится, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, какъ ткачихинъ сынъ; но она его прогнала и не пуститъ къ своей хатѣ, хоть убейся ояъ. Другая, худощавая, блѣдная, забитая лихорадкой, лежитъ подъ копной и, закинувъ руки за красивую голову, шепчетъ подругѣ, какъ въ воскресенье, въ слободѣ, ее затронуть у церкви поповичъ

и что она при этомъ отвѣтила, и какъ оставивъ своихъ, она уже и свободу миновала, а поповичъ все за нею, все за нею, идетъ и просить, чтобъ она въ такой-то вечеръ вышла къ нему постоять за ворота. И всюду любовь, всюду нѣга, всюду голосъ, зовущій къ иной, неизвѣданной, чудной жизни...

Гребцы идутъ пестрыми рядами по свѣжимъ покосамъ, а Груня глядитъ вдаль, гдѣ по синѣющему пригорку Родивонъ водить на просторѣ вольный табунъ. Соберется Груня съ дворовыми страпухами въ сосѣдній лѣсокъ по грибы,—Родивонъ уже тамъ: подойдетъ къ ней, ласково такъ рѣчи водить, застѣчивъ, глазъ на нее не подниметь, а съ другими зубы скалитъ, пѣсни во все горло поетъ. „Такъ, такъ! онъ полюбилъ меня, оттого и стыдится!“ думаетъ Груня, съ кузовкомъ грибовъ идя домой.

„А коли не съ нимъ? размышляла какъ-то Груня, погасивъ свѣчу и собираясь ко сну въ своей горницѣ: отдадутъ меня за чиновника, отдадутъ за офицера... Да будетъ ли тотъ такъ любить? Простой, подневольный человекъ... Лишь бы не обманулъ,—крестная выкупить его у князя... Смысленный, умный такой, да работащій: все знаетъ, грамотный,—ему быть не при лошадяхъ... Ему цѣлой вотчиной править, такъ не испортить дѣла...“

Груня откинула пологъ на кровати, распустила косу, присѣла и, не раздвѣваясь, стала глядѣть въ окно. Полный мѣсяцъ плылъ въ ясномъ небѣ. Кудрявая акація не шелхнувшись стояла на садовой полянѣ противъ окна. Тихо. Только кузнечики трещать по лугамъ, да изрѣдка на птичьемъ дворѣ крикнетъ пѣтухъ, и ему прерывистымъ, звонкимъ баскомъ вторять молодые, подроставшіе пѣтушки.

Что-то зашелестѣло подъ окномъ. Груня привстала, слушаетъ. Чья-то рука будто скользить по стеклу, нажимаетъ раму. Рама открылась. „Боже! неужели воры?“ подумала, мертвѣя отъ ужаса, Груня: „съ нами крестная сила!..“ Она спряталась за пологомъ.

— Барышня, вы не спите? это я! — шепчетъ изъ саду тихій голосъ.

— Да кто ты, говори! или я крикну...

— Не кричите, барышня, это я... Родивонъ...

— Что тебѣ?

— Книжечки нѣтъ ли? скука... смерть — тоска!.. шепчетъ Родивонъ.

— Нашелъ, безумецъ, въ какое время книжку просить! Поди, говорю тебѣ, поди... чтобъ и духу твоего не пахло! какъ можно! такая пора...

— Да вы, сударыня, слушайте, не бойтесь... да вы только подойдите сюда къ окну... Хоть словечко промолвите...

„Встать ли? подойти-ли къ нему, озорнику?“ разсуждала, не выходя изъ-за полога, Груня. А ночь тиха, свѣтъ мѣсяца щедро льется на землю. Медвяный запахъ цвѣтущихъ липъ врывается въ открытое окно...

Въ началѣ іюля, Анна Васильевна получила отъ Груни письмо, съ просьбой о благословеніи и о разрѣшеніи выйти за-мужъ за Родивона. Сильно озадачила и огорчила эта вѣсть старуху. Она ни словомъ не проговорила о томъ мужу, а велѣла запречь крытыя дрожки, съѣздила на Богатую, посоветовалась съ Флугшей, распросила Груню, потребовала къ себѣ на глаза Родьку и, давъ ему добрую головоюйку, кончила тѣмъ, что благословила его на бракъ съ Груней. Свадьбу сыграли въ ту же осень въ Пришибѣ. Родька сталъ именоваться Родивономъ Максимычемъ и получилъ званіе конторщика, а въ слѣдующемъ году, когда умерла Флугша, Грунѣ и Родивону было передано и все управленіе хозяйствомъ на Богатой.

Отлично зажила Груня съ мужемъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, которая также удостоилась быть крестницей Анны Васильевны. Груня завѣдывала коровами, птицей, садомъ и огородомъ; Родивонъ Максимычъ овцами, лошадьми и хлѣбопашествомъ. Доходы съ Богатой удвоились. Не нахвалится новыми хозяевами далекаго хутора Иванъ Яковлевичъ. А ужъ объ Аннѣ Васильевнѣ и говорить нечего: она души въ нихъ не чаяла.

— Да кто же онъ, матушка, такой этотъ вашъ новый управляющій? спрашивали Анну Васильевну любопытныя сосѣдки.

— Четвертинскаго князя крѣпостной, изъ дворовыхъ, съ Литвы, а проживалъ при домѣ князя въ Москвѣ. Былъ у насъ прежде почитай конюхомъ, а вонъ за отличіе да за стараніе чѣмъ его мужъ мой пожаловалъ.

— Вы его, матушка, выкупила?

— Самъ выкупился; безъ того я крестницы за него не отдавала.

И дѣйствительно Бѣлогубовъ вздѣлъ въ Москву, и передъ вѣнчаніемъ, привезъ оттуда отпускную. Все шло хорошо. Только самъ Родивонъ Максимычъ сталъ что-то неспокоенъ: по часту охаетъ, ходитъ задумчивъ, мало разговариваетъ, а ужъ жену любить — не наглядится на нее, да и съ дочкой-подросточкомъ такъ ласковъ да нѣженъ, съ рукъ ее не спускаетъ, слезы потихоньку утираетъ, любуясь на нее.

— Что ты, Родя, печалишься будто? спрашиваетъ его Груня: изъ за чего думы твои? или ты чѣмъ недоволенъ, или я тебѣ не угодила?

— Всѣмъ я, Грунюшка, доволенъ, оттого-то и мысли мои... Ну, думаю, какъ все это кончится? Ну, какъ ничего не станеть у меня, ни тебя, ни дочки, ни всего?

— Какъ не станеть и отчего? Бога ты гнѣвишь, Родя, и не добро думаешь.

— Одначе... постой, отвѣть: а что... вдругъ,—ну, какъ вы померете, или кто васъ отбереть?

— Полно, пустяки ты говоришь. Я думала, о чемъ о другомъ онъ заботится... А ты о смерти... пустяки! Всѣ мы подъ Богомъ, всѣ подъ его волею, онъ насъ, и помируетъ. Лучше ты бѣглыхъ вонъ тутъ не держи. Самъ толкуешь про становаго, про Сидора Авимыча, не человѣкъ, а звѣрь...

— Полно Груня, будто бѣгле не люди? Жаль ихъ, да и работаютъ какъ... А обо мнѣ ты не думай, это пройдетъ...

Родивонъ однако же не унимался: похудѣлъ, пожелтѣлъ, даже старѣй будто сдѣлался на нѣсколько годовъ. И началось это съ той поры, какъ онъ съѣздилъ на ярмарку продавать выбранныхъ изъ табуна лошадей. На ярмаркѣ, между всякимъ народомъ у

кабака, его узналъ какой-то рыжий и невзрачный съ виду, загулящій побродяжка. Родивонъ сильно смѣшался при видѣ этого человѣка и сперва на его привѣтъ не признался; но потомъ они пошли въ трактиръ и двое сутокъ тамъ угощались. Загулящій человѣкъ, на радости отъ встрѣчи съ старымъ пріятелемъ, остался мертвецки пьяный подъ лавкою трактира, а Родивонъ уѣхалъ домой, но съ той поры его какъ въ воду опустили: совсѣмъ сталъ иной.

Эти заботы, спустя нѣкоторое время, какъ будто и прошли. Родивонъ съ виду казался спокойнѣе. Но къ зимѣ онъ получалъ откуда-то письмо и опять закручинился: началъ искать денегъ въ займы, добылъ сколько могъ, и выслалъ ихъ куда-то, а прежняго спокойствія не видѣлъ. — „Откуда письма получаешь?“ допытывала жена. — „Отъ родныхъ, изъ нашихъ мѣстъ“, отвѣчалъ Родивонъ, но писемъ женѣ не показывалъ.

Какъ-то, въ Спасовку, написала Анна Васильевна къ Грунѣ письмо, что сильно соскучилась по ней и что хорошо бы Груня сдѣлала, если бы пока тепло собралась и навѣстила ее съ дочкой.

— Что, ѣхать ли намъ къ крестной? спросила мужа Груня.

— Нѣтъ, обожди.

— Какъ ждаты! Спасовка вонъ проходить, скоро Успеневъ день, пчелу гора морить, медъ къ господамъ отсылать; и мы бы при этомъ случаѣ съ Параней поѣхали.

— Поѣдешь послѣ Воздвиженья; лень надо молотить на сѣмена — я одинъ не управлюсь.

Но и пчелу поморили, и медъ послали, и Успеневъ день прошелъ, а Родивонъ не отпускалъ Груни за Донецъ.

Въ концѣ августа, стояла особенно жаркая погода. Родивонъ съ утра верхомъ, а послѣ обѣда на бѣговыхъ дрожкахъ объѣхалъ поля, взглянулъ, какъ пасутся овцы и лошади, повѣрилъ счетъ подводъ, перевозившихъ остальные копны на гумно, и навѣстилъ грабарей, рывшихъ въ степи новый прудъ. Онъ возвратился на

вечерней зарѣ до нельзя усталый, на-скоро поужиналъ, перемолвилъ нѣсколько словъ съ женой, поласкалъ дочку и ушелъ спать.

Долго Груня возилась съ уборкой посуды и съ отдачей разныхъ приказаній, сходила за мужа въ амбаръ и въ кладовую. Спать ей не хотѣлось. Изъ головы у нея не шли слова, вскользь сказанныя мужемъ за ужиномъ. — „Всаки порядки бывають, замѣтилъ онъ, добѣдая поросячій бокъ съ кашей: вотъ хотъ бы волоння, значить, отпущенныя... Иной тебѣ вчешетъ туда такое словцо, что послѣ и не расхлебашь.“ — „Да ты это про что?“ спросила, похолодѣвъ отъ страха, Груня. — „Ничего... это я про одного нашего землячка вспомнилъ“ — отвѣтилъ со вздохомъ Родивонъ: „да и становой опять въ голову пришелъ. Ужъ точно Иродъ не челоуѣкъ, какъ-есть душегубъ; намедни пятерыхъ бѣглыхъ изловилъ на Терновой и всѣхъ упекъ въ кандалы да въ острогъ... Есть тоже такой баринъ графъ Аракчеевъ, коли слышала — къ тому попадись, живаго съѣсть...“ — „Да вѣдь онъ въ Питерѣ, при царѣ служить,“ — сказала Груня. — „Въ Питерѣ-то, въ Питерѣ, а подъ землей всякаго найдетъ, коли захочетъ... Чай слышала, къ Чугуеву уже подбирается...“

Все наконецъ затихло въ горницахъ. Груня взглянула на спашую въ углу за шкафомъ Парашу, помолилась, раздѣлась, легла возлѣ мужа и заснула.

Спать Родивонъ да не спокойно, по временамъ вздрагиваетъ и мечется. Снится ему, что онъ изнываетъ отъ духоты. — „Охъ, хотъ бы вѣтеръ пахнулъ въ лицо, думаетъ онъ: хотъ бы глотокъ студеной водицы...“ Странныя грезны порхають надъ его изголовьемъ.

Красное въ веснушкахъ, отекающее, пьяное лицо склоняется надъ нимъ, сѣрые безстыжіе глаза смѣются, рыжая борода щекочетъ ему губы и носъ. — „Ха-ха-ха! поймался Родька, поймался, землячокъ!“ хохочетъ на всю комнату пьяная рожа: „вставай, арестантъ! вотъ онъ, вотъ! ха-ха-ха! тебѣ хорошо, мнѣ худо... берите его...“ — Тьфу ты, сгинь! отмахиваясь руками, изъ всѣхъ силъ плюнулъ на стѣну Родивонъ.

Онъ вскочилъ, присѣлъ на кровати, протеръ глаза. Въ ком-

патѣ мертвая тишина. Полный мѣсяцъ смотритъ съ неба. Чебрецомъ и калуферомъ пахнетъ изъ огорода. И чудные, серебристыя звуки несутся въ окно: ти-ти, — телень-тень, — ти-ти... Звенить, звенить что-то тамъ въ сверкающей дали, за рѣкой, смолкнуть и опять отзовется, будто спускается со взгорья, ближе и ближе подплываетъ къ рѣкѣ. — „Ватюшки-свѣты! колокольчикъ!“ думаетъ Родивонъ: „это полиція... меня ищутъ... Куда дѣтятся?“

Онъ бережно, мимо Груни, слѣзъ съ кровати, на-скоро одѣлся, отыскалъ въ потьмахъ ведро съ водой, перегнулъ его, жадно отпилъ разъ и другой, и бросился къ окну. Во дворѣ ни звука. Хромая дворовая собаченка Стрѣлка, наставя чуткіе уши, лежитъ на мѣсяцѣ у крыльца. Она увидѣла хозяина, легонько помахала хвостомъ, встала и ковыляя побѣжала въ садъ. Родивонъ за нею. Выскочила собачка на освѣщенную мѣсяцемъ дорожку, постояла, поджавъ лапку, у одного куста, у другаго, скусила верхушку какой-то травы, вѣжливо полокала ее, перепрыгнула черезъ канавку, обнюхала какой-то бугорокъ, уставилась носомъ за рѣку и вдругъ замерла, точно слыша что-нибудь въ той сторонѣ. А въ ухахъ Родивона опять шумъ и звонъ... Затихая и вновь раздаваясь, несутся серебристыя звуки: телень-тень, ти-ти... тень...

„Милочка, Стрѣлочка! да ты врешь, обозналась! никого нѣту!“ готовъ молить собаченку Родивонъ. И вдругъ его, какъ варомъ обдало. Онъ вздрогнулъ, судорожно по поясъ двинулся въ высокую душистую, болотную траву и замеръ. Прохладнымъ лужкомъ съ зарѣчнаго бугра явственно донеслось фырканье одной лошади, другой, и негромкое постукиванье бережно катившихся колесъ. — „Крадутся! колокольчикъ подвязали!“ пронеслось въ головѣ Родивона: „ни къ кому больше, какъ ко мнѣ...“

Клигнувъ собаченку, чтобы та не разлаялась, Родивонъ бросился въ комнаты, разбудилъ жену и наскоро рассказалъ ей въ емъ дѣло. Та ахнула, заметалась. — „Звать ли кого изъ людей?“ — „Не зови никого... Пропадать видно! самъ управлюсь...“

Черезъ часъ, за бѣлою скатертью, уставленной всякою снѣдью и флягами, передъ пыхтѣвшимъ самоваромъ, при свѣчѣ, сидѣтъ низенькій, сѣденькій, лысый и сутуловатый, въ разстегнутомъ мун-

дирѣ и при шпажёнкѣ, становой. Родивонъ, съ заложенными за спину руками, растерянно и покорно стоялъ передъ нимъ. Груня, чуть живая отъ страху, выглядывала на нихъ изъ-за двери въ сосѣдную комнату.

— Дверь въ сѣни заперъ? спросилъ, уписывая поросенка, становой.

— Заперъ.

— Никто не знаетъ, что я пріѣхалъ?

— Никто.

— Гдѣ вучеренокъ?

— На птичню, за дворъ отвелъ.

— А лошади?

— Въ конюшню къ корму поставилъ.

— Ворота?

— На засовѣ.

— Такъ какъ-же?

— Чего-съ?

— Отдаешь тройку бѣлоногихъ жеребцовъ на придачу?

— Къ чему на придачу-съ?

— Десятокъ овецъ отпустишь, коровенку тамъ какую, али двѣ, суконца на бешметъ...

— Много будетъ, ваша милость! въ силу проговорилъ Родивонъ: нельзя-ли поменше?.. Я подначальный! взыщется... Господа притомъ строгіе...

— Строгіе? засмѣялся становой: знаю я ихъ лучше тебя! А это, читай... что?... „Доношу вашему благородію, что на рѣчкѣ Богатой, по фальшивому виду... проживаетъ...“ ну ка, читай, братецъ, самъ: „проживаетъ бѣглый, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева крѣпостной слуга, Василій Ильинъ сынъ, Самохваловъ... А бѣгалъ онъ трижды и сидѣлъ въ острогѣ въ Муромѣ, да сидѣлъ въ Херсонѣ и въ Бахмутѣ... я мнѣ про то доподлинно извѣстно... мѣщанинъ Исая Перекатовъ...“

— Исайка, ваше благородіе, вретъ; онъ по злобѣ...

— Не вретъ, я тебѣ докажу.. Ты Васька, а не Родивонъ, Самохваловъ — а не Бѣлогубовъ... Лучше признавайся да поми-

рился; а то будешь меня помнить. Хе-хе... Черезъ часъ, черезъ два, знай ты это, подойдутъ понятые. Письмоводитель съ сотскимъ въ Лозовой остался; чуть зорьба выглянетъ, всѣ будутъ здѣсь... Такъ согласенъ? Помни—связу, а тамъ—въ кандалы и въ Сибирь... что въ Сибирь? хуже! къ самому графу Аракчееву по этапу перешлю... Онъ те вчешетъ—съ живаго вожу сдеретъ! Хе-хе...

— Смилюйтесь, Сидоръ Акимычъ! смилюйтесь! не своимъ голосомъ взмолился Родивонъ: все берите; не погубите только жены, да маленькой дочки.

— Да ты можеть и въ-заправду не графа Аракчеева крѣпостной, а князя Четвертинскаго вольноотпущенный? — шутиль, видимо хмѣльѣя отъ старой Флугшиной запеканки, становой.

Родивонъ упалъ ему въ ноги.

— Гдѣ состряпалъ пачпортъ? — крикнулъ, затопавъ на него, становой.

— Въ Бердянскѣ у жида купилъ.

— У Герцика? знаю... А отпускную гдѣ добылъ?

— Тамъ же.

— Что далъ?

— Два золотыхъ.

Становой покатылся ео смѣху.

— Вотъ, сударыня, обратился онъ къ Грунѣ, наливая стаканъ: за вашъ хлѣбъ, да соль, готовъ я вамъ помочь. А опрометчиво поступили, опрометчиво... неужели многотимая, столь высоваго ума и характера дама, Анна Васильевна, ваша крестная матушка, — я ихъ довольно знаю! и ручку имъ не разъ цѣловалъ! — неужели, говорю, не нашла бы она вамъ лучшаго собола? Эхъ, эхъ... А запеканка мое почтеніе!.. вѣчная память Минѣ Карловнѣ—и ею, а равно покойнымъ мужемъ ея — много почтованъ!.. Что, любезный?—обратился становой къ Родивону: не слышать ли понятыхъ? не пришли еще?

— Не видно что-то, отвѣтилъ Родивонъ, взглядывая въ окно.

— Такъ готовъ, душенька ты моя, бѣлоногихъ... Рѣзвы, ухъ рѣзвы! Видѣлъ, какъ ты на этихъ жеребцахъ по арманкамъ свою краю-сударушку показивалъ... Готовъ, а я тѣмъ временемъ

маленечко сосну... Да ты не бойся—все теперь у насъ будетъ гладко, шито! Никто, oprичь меня, про доносъ этотъ не знаетъ, даже и письмоводителю я не показываль... Рыло у него не чисто... Понятныхъ тѣмъ же часомъ отпущу назадъ и напишу, куда слѣдуетъ, что нѣтъ такого въ здѣшнихъ мѣстахъ; а про подарки ты выдай мнѣ росписку, что деньги-моль за все сполна получилъ....

„Слава тебѣ Господи! слава!“ не помня себя отъ радости, взмолилась Груня, когда становой погасилъ свѣчу и примостясь на лавкѣ, захрапѣлъ въ первой горницѣ, а Родивонъ ушелъ ему готовить тройку бѣлоногихъ.

— Ёдемъ, шепнулъ, входя къ женѣ въ попыхахъ, Родивонъ.

— Куда?

— Нечего толковать. Буди и бери Параню, да захвати хлѣба, одежды. Послѣ все расскажу.

— Да онъ же поладилъ съ тобой, согласился! — лепетала, дрожащими руками одѣвая дочку, Груня.

— Знаю я ихъ, ненасытныхъ волковъ. Дай ему только лапу въ глотку, всю кровь высосеть. Пропали мы, пропали... Скорѣе снаряжайся, скорѣй... Люди не скоро сойдутся, — успѣешь уйти — загоню коней до смерти, а сто верстъ проскачу — въ Бахмутѣ есть пріятель, далѣе отъ него уйдемъ... въ Анапу или за Кубань.

Родивонъ подошелъ съ топоромъ къ спящему становому и хотѣлъ было сразу съ нимъ порѣшить, да раздумалъ. Онъ пошарилъ потомъ съ фоваремъ на чердакѣ и верругъ дома, взглянулъ мимоходомъ на акацію, раздумывая — не повѣсится ли? — возвратился наконецъ къ женѣ, поднялъ у печки топоромъ половицу, вынулъ оттуда кожаный поясъ съ деньгами, снялъ со стѣны ружье, вздохнулъ, перекрестился на образъ и вышелъ на крыльцо.

На востокѣ чуть-чуть начинало бѣлѣть. Запряженная Родивонномъ тройка жеребцовъ, какъ вкопаная, стояла на привязи укрывца.

Родивонъ усадилъ въ телѣгу Груню съ дочкой, бросилъ къ нимъ кое какіе пожитки, бережно растворилъ ворота, самъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, еще разъ перекрестился, прислушался. Вездѣ тихо. Только въ сосѣдней слободкѣ за бугромъ, какъ бы по волку, тавкаютъ собаки.

Телѣга безъ шума выѣхала за ворота, поднялась на еще темный выгонъ, стала переваливать за косогоръ. Родивонъ неспокойно задвигался, подобралъ возжи и сперва рысью, потомъ вскачь пустилъ храпѣвшихъ и рвавшихся жеребцовъ.

„Охъ, да что же это? что?“ заговорила въ страхѣ, оглядываясь, Груня: „никакъ у насъ, Родивонъ Максимичъ, пожаръ?“

Родивонъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и молчалъ. Онь крѣпче надвинулъ шанку на ухо, крѣпче налегъ на бѣлоногихъ, и тройка, выбравшись на дорогу къ Волчьей, скрылась за горой, въ то время, какъ начавшійся за спинами бѣглецовъ пожаръ далеко освѣтилъ долину Богатой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ хуторъ и гдѣ Богатая сливалась съ рѣчкой Богатенькой.

Домъ, гдѣ спалъ мертвецки-пьяный становой, вспыхнулъ и горѣлъ, какъ свѣча. Не успѣли сбѣжаться изъ задворныхъ избъ разбуженные ревомъ скотины и гуломъ огня батраки, не успѣли подойти завидѣвшіе пламя понатые, отъ новаго дома Ивана Яковлевича остался одинъ пепелъ.

Письмоводитель далъ знать въ городъ. Явился исправникъ. По окончаніи слѣдствія, былъ составленъ протоколъ, а въ протоколѣ было сказано слѣдующее: „По Божьему изволенію, такого-то года, мѣсяца и числа, на хуторѣ лейбъ-гвардіи прапорщика такого-то, отъ неизвѣстной причины, въ глухое ночное время, приключился пожаръ. А на томъ пожарѣ, кромѣ лошадей, коровъ и прочаго имущества владѣльца сгорѣли: становой приставъ Сидоръ Акимовъ Солодкій, со всѣми его бумагами, пара обывательскихъ коней, съ повозкою, и управляющій тѣмъ хуторомъ, вольноотпущенный Родивонъ Максимовъ Бѣлогубовъ, съ женою Аграфеною Ивановою и съ малолѣтней дочкою, Прасковьей. Въ чемъ и подписуемся...“

Вѣсть о пожарѣ на хуторѣ и о гибели управляющаго съ семьей сильно поразила Ивана Яковлевича и Анну Васильевну. Иванъ Яковлевичъ рѣшилъ раздѣлаться съ землей и со всѣмъ хозяйствомъ на Богатой. Анна Васильевна мужу не перечила. Это имѣніе вскорѣ было продано курскому второй гильдіи купцу, Ивану Михайловичу Слатину. Иванъ Яковлевичъ былъ доволенъ тѣмъ,

что вырученными деньгами уплатилъ не мало особенно тяжелыхъ долговъ. Анна Васильевна была за то неутѣшна.

„Нѣтъ моего рая, нѣтъ Грунюшки, тосковала старуха: погибла моя Груня, съ мужемъ и съ дочкой, да еще какую страшную смертью погибла! И все я виновата, я... Зачѣмъ боялась, зачѣмъ ее туда отослала?..“

Прошелъ годъ и два, прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ и дѣдушка Иванъ Яковлевичъ.

Аннѣ Васильевнѣ, по его кончинѣ, не жилось болѣе въ старомъ, пришибскомъ домѣ. Она тосковала, не знала куда дѣться, и по часту гостила въ лѣсномъ домикѣ, при винокуренномъ заводѣ, въ Курбатовомъ.

Нѣкто г. Баженовъ, борисоглѣбскій уланъ и мѣстный поэтъ за много лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1802 году, оставилъ, въ альбомѣ бабушки, слѣдующее „Изображеніе пріятнаго мѣста Курбатова.“

«Курбатовъ! ты сокрытъ природой подь горами... *Видерман*
 «Въ тебѣ собраніе прекраснѣйшихъ картинъ; *изъ прекраснѣйшихъ*
 «Величественъ твой видъ, обилень ты водами, *и*
 «И у природы—знать—ты прелюбезной сынъ... *и*
 «Въ тебѣ я созерцалъ пріятные предметы, *и*
 «Долину, горы, лѣсъ, звѣринецъ, водометы, *дѣтское мѣсто,*
 «И какъ изъ тростника Михайло козь *сидѣлъ на срубѣ*
 «Тогда-то въ сердцѣ я твой видъ благословилъ *и*

Что же манило бабушку въ лѣсную глушь, въ тихое, пустынное Курбатово? Здѣсь умеръ дѣдушка. Сверхъ того домикъ въ Курбатовѣ сильно напоминалъ Аннѣ Васильевнѣ выстроенный по его образцу сгорѣвшій домъ на Богатой, гдѣ она въ прежніе годы любила съ Груней встрѣчать весну. Подъ конецъ дней своихъ бабушка еще болѣе стала походить видомъ и нравомъ на спартанку. Уѣдетъ изъ Пришиба на заводъ, велитъ отпречь лошадей и пойдетъ бродить съ книжкой или съ вузовкомъ, будто за грибами, въ окрестностяхъ старой винокурни, по лѣсу и по лугамъ.

„Нѣтъ моего рая, нѣтъ Груни!“ тоскуетъ бабушка: „думала

ее сосватать за Калиныча, за винокура. Жила бы, радовала бы меня и по днесь. А теперь? Гдѣ то витають душеньки ея и ея дочка? Ахъ! не прощу себѣ, никогда не прощу... я виновата въ ихъ смерти... я!"

Бабушка ходить между высокихъ сосенъ, по песчаному пристѣну, между кудрявыхъ березъ и ольхъ, по лугамъ. Стародавнiе годы ходять по слѣдамъ бабушки. — „Ничего, никакого приданого я не принесла мужу, думаетъ она: пользовалась его имуществомъ. Поль-состоянiя предлагалъ онъ мнѣ отписать по дарственной. Все, все отдала бы, лишь бы жива была Груня..."

А лѣсъ стонетъ, поетъ, отзывается на тысячи голосовъ. По влажному остышему илу, таская изъ него свѣжiе, сладкiе корешки, бѣгаютъ кулички и черныя, дикiя курочки. Сѣрая поверхность грязи усѣвается крестиками ихъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своимъ благоуханiемъ. Чубатый удождъ посвистываетъ на бугорѣ; слышится рѣзкое чоканье дрозда; ѣкушка вдали отзывается; дятлы и иволги какъ куски разноцвѣтнаго сукна перебрасываются съ дерева на дерево.

А на зарѣ — нескончаемый лѣсной концертъ... Вверху, внизу, вездѣ слышится музыка. Цѣлое море звуковъ проливается на лѣсъ и на зеленые луга.

Возвратится бабушка на крутой бугоръ, на которомъ стоитъ старый заводскiй домикъ, сядетъ на крылечко, развернетъ на колѣняхъ книжку, или глядя вдаль, шевелить спицами чулка, — мысли ея за Донцомъ. Слушая весеннiя лѣсныя пѣсни, и бабушкинъ фаворитъ-пѣтухъ, старѣвшiйся при винокурнѣ, не унимается: смотреть съ холма на луга и на озера и то и дѣло кричить... Да крикнетъ иной разъ такъ, что самъ отшатнется въ сторону и, наставивъ одинъ глазъ въ землю, а другой на бабушку, какъ бы разсуждаетъ: кто это такъ странно крикнулъ?

Незадолго передъ смертiю, бабушка возила больного внука на Кислыя воды, на Кавказъ. На одной станци, не доѣзжая Екатеринодара, она мѣняла лошадей. Станционнiй писарь взглянулъ въ

ея подорожную и слегка будто измѣнился въ лицѣ. Онъ пригласилъ Анну Васильевну въ особую горницу, заперъ за собою дверь и спросивъ ее, не у нея ли на хуторѣ когда то проживала съ мужемъ и съ дочкою Аграфена Бѣлогубова, рассказалъ ей, какимъ образомъ Бѣлогубовы спаслись отъ огня и какъ они долгое время скрывались по близости въ казацкихъ станицахъ, въ томъ числѣ и на этой станціи, гдѣ Родивонъ занимался старостой.

— Ну, а Груня? спросила, ни жива ни мертва отъ страху бабушка: гдѣ она теперь? жива ли?

— Не знаю...

— А мужъ ея?

— Лошадьми по Кубани въ послѣднее время, сказываютъ, торговалъ...

— Отчего-жъ они, безумные, отчего-жъ ни о чемъ не дали мнѣ вѣсти? зачѣмъ терзали меня?

— Боялись, сударыня-матушка.

— Меня боялись?

— Не васъ, сударыня, не васъ... Они такъ васъ хвалили и помнятъ — я все уговаривалъ ихъ къ вамъ писать... Боялись же своего графа-то Аракчеева...

— Да онъ вѣдь давно померъ...

— А дѣло-то ихнее — бѣгство, а потомъ пожаръ — нешто померли?

Бабушка залилась слезами...

Въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ и въ Екатеринодарѣ, вездѣ Анна Васильевна отыскивала Бѣлогубовыхъ, сулила за указаніе ихъ значительную сумму денегъ, съ властями переписывалась, даже черезъ мирныхъ черкесовъ сносилась съ горцами — ничто не помогло. Слѣдъ Бѣлогубовыхъ пропалъ навсегда.

— Вотъ, душевѣка, говорила бабушка внуку, рассказавъ ему эту исторію: я стара, у меня ничего нѣтъ, имѣніе дѣда твоего раздѣлено... Выростешь, помни это... душа-то крѣпостная... души... Читай умныя книги, все поймешь...

Григорій Данилевскій.

ДВѢ БАСНИ.

I.

ХВОСТИКЪ.

Не знаю какъ и почему, *у него моты*

Звѣрей владыка, левъ могучій, *Великий*

Велѣлъ народу своему, *и малому*

Къ нему собраться въ лѣсъ дремучій. *Моты*

«Кто явится ко мнѣ скорѣй,

«Тотъ будетъ мнѣ другихъ милѣй,

«Того по царски награжу;

«А прочихъ строго накажу!» *и за шиворотъ его*

Сказалъ онъ. А къ нему дорога,

Трудна, длинна была немного.

Вотъ звѣри и пустились въ путь.

Сперва прошли кто по-знатѣе;

За ними тѣ, кто по-ловчѣе;

А прочіе ужъ какъ-нибудь.

Верблюды, мулы и коровы,

Бараны, овцы, волъ здоровый,

Полезный все, но смиренный скотъ,

Весь позади другихъ идетъ.

Толпа звѣрей!.. И шумъ, и топотъ...

Тѣснятся, лѣзутъ всѣ впередъ;

Никто дороги не даетъ

Другому; всюду давка, ропотъ.

Вдругъ... поросенокъ прибѣжалъ.

Визжитъ; вертитъ хвостомъ, хлопочетъ;

Впередъ скорѣй пробиться хочетъ.

Но гдѣ тутъ! Тѣсно! глупъ онъ, малъ,

И позади бы всѣхъ остался,

Да къ счастью съ теткой повстрѣчался.

«Mon Dieu! ma tante! совсѣмъ бѣда!

«Не знаю какъ попасть туда. *судна*

«Идти со всѣми—неподручно;

«Такъ трудно, далеко и скучно; *вотъ бѣда,*

«Пожалуй можно и устать. *это мнѣ до вѣка*

«Ma tante! Нельзя-ль похлопотать?»

— «Ахъ! милый мой, я непремѣнно!

«Ты сынъ моей сестры безцѣнно!»;

«Ступай за мной, сейчасъ иду; *я кабанъ жиду*

«У льва я кое съ кѣмъ въ ладу;

«Мнѣ тамъ знакомъ кабанъ, роденька.

«Ахъ! вотъ и онъ: Cousin, de grace! *Журица в.*

«Большая просьба есть до васъ; *помогите жури*

«Нельзя-ли намъ помочь маленько, *то нечего*

«Вотъ этихъ обогнать скотонъ?» *я же судурака*

— «Ma chère cousine! Для васъ готовъ, *срѣтѣсь*

«Avec plaisir! За мной ступайте;

«Смотрите же, не отставайте».

И вотъ кабанъ въ толпу идетъ;

Толкасть, давить *срѣчь* всѣхъ, грызеть.

Столкнуться съ нимъ—плохое дѣло! *жидило,*

Пырнетъ клякомъ—не камень тѣло! *немогудило.*

Попробуй-ка не пропусти.

Да и у льва-то онъ въ чести.

Пройти ему труда не много;

Въ толиѣ просторъ; вездѣ дорога;

Такъ онъ легко и безъ хлопотъ,

Скорехонько прошолъ впередъ;

А вилоть за нимъ прошла кузина,

Съ нимъ видно близкая скотина. *тѣмъ*

И поросенокъ впереди! *а ты слава.*

Да онъ-то какъ впередъ пробрался?

За хвостикъ тетенькихъ держался.

Попробуй-ка другой пройди!
 Вѣдь право: какъ это иной,
 Далеко бывши за тобой,
 Впередъ такъ скоро поспѣваетъ?
 Посмотришь: глупъ, лѣнивъ и малъ,
 Какъ поросенокъ замараль
 Себя давно; а пролѣзаетъ!

Знать тоже хвостикъ помогаетъ.

II.

И Н Д Ю К Ъ.

Въ какомъ-то обществѣ пернатыхъ,
 Разнокалиберныхъ крылатыхъ,
 Слышался разговоръ про птицъ,
 Извѣстныхъ въ государствѣ лицъ.
 Конечно всѣхъ крѣпиковали
 (У насъ должно быть переняли),
 Но больше всѣхъ терпѣлъ индюкъ.

«Ну что за птица? вонъ изъ рукъ!
 И посмотрѣть-то даже жалко!» —
 Подругамъ говорила галка, —
 «Не мѣсто предлогу въ лѣсу».
 — «А посмотрите на носу
 Какую онь таскаетъ штуку!
 А ноги-то его! а ростъ!
 Какъ неуклюжь онь! что за хвостъ!...
 Ужъ намъ не наложить ли руку, —
 — Прибавилъ гусь, — на индюка?
 Прогнать урода, дурака.»
 — Конечно, — подхватила утка, —
 Онъ глупъ какъ пень, угрюмъ, сердитъ;

Собою онъ насъ всѣхъ срамить;
А это, господа, не шутка!»

Вотъ такъ честили индюка, *индейскаго*
До самой той поры, пока,
Благодаря его *супружью*, *тотъ мужикъ*
А можетъ быть и по заслугѣ,
Судьба его ~~не~~ возвела,
Въ министры у царя-орла.

Какъ только принялъ онъ *портфель*, *последи*
Къ нему всѣ птицы налетѣли!
Кричатъ, что онъ уменъ, красивъ; *ма по дури*
И величавъ, и милъ, и живъ.
Изъ первыхъ галка подскакала; *близъ соб.*
И комплиментовъ насказала.

«Пустите!—загорланилъ гусь,—
Ему я первый поклонюсь!» *а втора*

А утка индюку твердила,
Что бабушка ея ходила,
На томъ дворѣ, гдѣ его дѣдъ, *на дворѣ мой*
Пройдя, оставилъ какъ-то слѣдъ;
Такъ значить вовсе не чужая *104 съ м*
Она ему, почти родная, *всего мнѣ*
Чуть не племянница!

словаго жюбера Такъ вотъ, *всѣмъ*
Какой случился оборотъ,
Какая значить сила въ чинѣ.

Такъ было прежде, такъ и нынѣ:
Покуда не въ чинахъ *бедотъ*, *второй дномъ*
Позоръ онъ всѣмъ, дуракъ, уродъ; *тотъ двора*
Его по шеѣ всякій тычетъ.
Судьба Бедота возвеличить — *время*
И около него возня! *вонъ*
Рабы всѣ передъ нимъ! родня! *наша дномъ*

А. Франкъ. *декабрь*

ОТМѢТКИ

при чтеніи историческаго похвальнаго слова Екатерины II,
написаннаго Карамзинымъ.

I.

Не знаю, пришла ли кому-нибудь въ Россіи мысль прочесть предъ 24-мъ числомъ ноября истекшаго года историческое похвальное слово императрицы Екатерины II, написанное Карамзинымъ тому безъ малаго три четверти вѣка. Но мнѣ на чужбинѣ запала эта мысль и въ умъ и въ сердце. Лишенный радости присутствовать на Екатерининскомъ и всенародномъ празднествѣ, которое въ минувшемъ ноябрѣ торжествовалъ Петербургъ при сочувствіи всей Россіи, я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, поклониться Екатеринѣ въ честномъ и скромномъ памятникѣ, воздвигнутомъ ей литературнымъ ваятелемъ, художникомъ мысли и слова.

Похвальныя слова вышли нынѣ, какъ и многое другое, изъ употребленія, но было время, когда, особенно во Франціи, были они живою и уважаемою отраслью литературы; теперь мѣсто ихъ занимаютъ біографіи и монографіи.

Впрочемъ, дѣло не въ формѣ, не въ покроѣ, не въ оболочкѣ. Формы видоизмѣняются болѣе наружно, чѣмъ существенно: иногда старыя формы вовсе разбиваются; но содержаніе, но истинно жизненное остается неприкосновеннымъ, если при рожденіи своемъ воспріяло оно отпечатокъ и залогъ жизни, и обладаетъ внутреннею цѣнностію. При этихъ условіяхъ, несмотря на новыя требованія, на прихотливость своенравнаго и самовластительнаго вкуса, однимъ словомъ, несмотря на то, что можно бы назвать нравственною, духовною модою, совѣстницею моды матеріальной, всякое умствен-

ное произведеніе, будь то книга, картина и тому подобное, имѣть свою внутреннюю жизнь: мысль, чувства, одушевляющія это произведеніе, переживаютъ время свое и не утрачиваютъ достоинства своего. Сапфиръ все тотъ же сапфиръ, хотя и въ старинной оправѣ. Цѣнители внутренняго значенія не пожертвуютъ имъ изъ пристрастія ко внѣшней отдѣлкѣ. Напротивъ, истинные художники, совѣтливые поклонники искусства, часто дорожатъ этимъ отпечаткомъ старины. Нетолько пріятно, но даже и нужно время отъ времени освѣжать свой вкусъ подобными отступленіями отъ воззрѣній и обычаевъ настоящаго. Чувство пресыщается и окончательно притупляется, когда оно исключительно обращено на однообразіе текущаго и на господствующіе приемы и краски того или другаго дня.

Въ отношеніи къ литературѣ, особенно полезно и отрадно возвращаться, безъ пристрастія и безъ приговора, заранѣе замышленнаго, къ источникамъ, которые нѣкогда утоляли и прохлаждали нашу нравственную и умственную жажду.

Твореніе Карамзина, о которомъ идетъ рѣчь, возбудило въ насъ желаніе сказать о немъ нѣсколько словъ. Оно не просто образцовое произведеніе искусства: оно сверхъ того можетъ удовлетворить троякимъ требованіямъ, въ отношеніи историческомъ, гражданскомъ и общежитейскомъ. Во всѣхъ этихъ видахъ носитъ оно отпечатокъ и знаменье времени своего и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный и глубокий отпечатокъ личности самого автора.

II.

Нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ преобразованій и государственныхъ попытокъ Екатерины, какъ наприимѣръ, созваніе депутатовъ со всей Россіи, не вполне развились и осуществились; но и сами положенныя, набросанныя начала, хотя не дозрѣли до событія, не менѣе того оставили слѣды по себѣ.

Они и нынѣ не стерлись съ лица русской земли. Сами собою были они уже благотворительны. Они внесли въ общество новыя понятія и новыя стремленія. Они, такъ-сказать, перевоспитали об-

щество, или по крайней мѣрѣ значительную часть его. Слова: *либерализмъ*, *гуманность*, *прогрессъ* не имѣли тогда права гражданства ни въ академическомъ словарѣ, ни въ общемъ устномъ употребленіи, но значеніе ихъ, истинное и дѣйствительное, но многозначительный смыслъ ихъ распространили вліяніе свое въ безыменномъ еще, но не менѣе того плодотворномъ могуществѣ. Громки и велики были дѣла Екатерины, твердо вошедшія въ исторію и въ ней сохранившіяся въ полномъ блескѣ своемъ, въ несокрушимой силѣ совершившихся событій. Но много было еще силъ, такъ-сказать, неочевидныхъ, неосязательныхъ, которыми располагала Екатерина. Эти силы запечатлѣлись на обществѣ: послѣ временнаго молчанія, онѣ сочувственно и ободрительно отозвались въ первыхъ годахъ царствованія любимаго ею внука, онѣ отзываются и нынѣ.

Петръ преобразовалъ, создалъ или подготовилъ новую политическую и государственную Россію. Но суровость нравовъ, но пробужденіе умовъ, общая потребность въ образованности худо повиновались богатирской и самовластной рукѣ его. Нравы не смягчались. Благородныя, нравственныя и умственныя побужденія и стремленія мало и рѣдко прорывались изъ общаго застоя. Общество еще не нуждалось въ свѣтѣ дня, въ свѣжести живительнаго воздуха. Екатерина внесла въ русское общество просвѣтительныя и животворныя стихіи, и внесла ихъ не крутыми мѣрами, не насильствуя личной воли. Она, такъ-сказать, не самодержавно просвѣщала общество; но чистымъ и женскимъ искусствомъ направляла она общее настроеніе, общее мнѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней женщина много содѣйствовала силѣ самодержца. Въ преданности волѣ ея много было рыцарства и воодушевленія.

Она не только продолжала дѣло, начатое Петромъ, но облекла его большею законностью, округлила, смягчила пружины, которыя приводили его въ дѣйствіе. Петръ былъ природы суровой, многосносливой: онъ себя не берегъ, думалъ, что и другихъ беречь не для чего. Онъ былъ сложенія, желѣзомъ окованнаго; въ вещамъ и людямъ прикасался онъ желѣзною рукою. Екатерина къ тѣмъ и другимъ приложила женскую руку, почти не менѣе твердую,

нежели рука Петра, равно искусную и жизнедательную, но, разумѣется, болѣе мягкую и ласковую. Она умѣла облечь силу самодержавія пріемами сочувственными, не пугающими, не оскорбляющими нравственнаго достоинства, нравственной независимости каждаго лица. Мы здѣсь выхваляемъ Екатерину не въ ущербъ Петру. Петръ былъ дѣятель своего времени, дѣятель пылкій, нетерпѣливый, какъ-будто предчувствовавшій, что ему нужно слѣпить, нужно все перевернуть, чтобы успѣть сдѣлать всему, по крайней мѣрѣ, починъ: прорубить дремучій лѣсъ и поставить вѣхи для означенія, гдѣ, какъ и куда должна бытъ направлена задуманная имъ дорога. Екатерина—дѣятель эпохи уже болѣе подготовленной къ воспріятію новыхъ понятій, новыхъ порядковъ. Крутая ломка и передѣлка уже были совершены Петромъ. Онъ на свою личную отвѣтственность и на отвѣтственность памяти о себѣ предъ потомствомъ принялъ съ самоотверженіемъ всю неблаговидную и часто прискорбную сторону дѣйствій, которыя почиталъ онъ, ошибочно или нѣтъ, нужными и необходимыми. Дорога предъ Екатериною была уже расчищена: съ природою бороться ей уже не было, или менѣе потребно было, да и Европа Петра не была еще Европою Екатерины.

Благія начала, введенныя Екатериною въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, немогли не отозваться въ литературѣ нашей. Карамзину предоставляется честь, что онъ изъ первыхъ и съ большимъ успѣхомъ проникнуть былъ миротворительнымъ вліяніемъ новаго дня, восшедшаго надъ Россіей. Подъ этимъ вліяніемъ перенесъ онъ литературу на почву новую и всѣмъ болѣе доступную. Карамзину вообще, какъ приверженцами, такъ равно и противниками, приписывается, что онъ преобразовалъ общеупотребительный языкъ, раскрылъ въ этомъ орудіи мысли новыя качества и способности: плодъ этихъ изысканій проявилъ онъ въ первыхъ произведеніяхъ своихъ. Но главное достоинство его не въ материальномъ преобразованіи рѣчи нашей, какъ ни велика и эта заслуга: основное, зиждительное достоинство его выражается въ томъ, что онъ навѣялъ новый духъ на литературу нашу, оживилъ ее новыми побужденіями и направленіемъ, нравственно согрѣлъ ее, приблизилъ ее къ обществу и его сблизилъ съ нею. Тутъ прямо вы-

казываются вліянія Екатерининскаго времени. За сближеніемъ общества съ правительствомъ и силою законодательною, неминуемо, логически должно было слѣдовать и общественное сближеніе съ литературою, которая и должна быть выраженіемъ общества. До него литература была власть довольно суровая, мало общительная; она была сама по себѣ, общество само по себѣ. Ей поклонялись издали, уважали и чествовали ее суевѣрно, но равнодушно. Съ нимъ литература сдѣлалась живою частью общества, членомъ общей народной семьи. И прежде, даже и нынѣ, были и встрѣчались люди, которые смѣялись и смѣются надъ такъ-называемою *сентиментальностію* его. Вопервыхъ, эта способность умиленія, это сочувствіе любви къ явленіямъ природы, къ человѣчеству, эта, пожалуй, нервическая чуткость и чувствительность были въ немъ не привитыя, не заимствованныя: онѣ были вполне самородныя. Эти природныя личныя склонности и расположенія могли иногда влечь за собою свои частныя и временныя недостатки и уклончивости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были они чистымъ и обильнымъ источникомъ живой впечатлительности его, глубокой любви ко всему прекрасному и доброму, силы ощущеній и увлекательной способности живо выражать ощущенія и чувства свои и передавать ихъ другимъ. Къ тому же эта *сентиментальность* была въ нашей литературѣ не только позволительна, но совершенно умѣстна и своевременна. Она была сильнымъ и радикальнымъ противудѣйствіемъ литературы чрезмѣрно безстрастной и нѣсколько сухой и безжизненной. Мягкость, мягкосердечіе, проявившіяся въ литературѣ нашей подъ перомъ Карамзина, были безъ сомнѣнія плодомъ царствованія Екатерины. Письма русскаго путешественника и многія другія произведенія его, не исключая даже и «Бѣдной Лизы», носили отпечатокъ этого мягкаго и благораствореннаго времени. Вліяніе его еще сильнѣе и явственнѣе выражается въ историческомъ похвальномъ словѣ. Оно зрѣлый и сочный плодъ, снятый прямо съ дерева. Въ полномъ сознаніи и съ живѣйшимъ чувствомъ Карамзинъ, приступая къ изображенію Екатерины, могъ воскликнуть: „благодарность и усердіе есть моя слава. Я жилъ подъ Ея скипетромъ и я былъ счастливъ Ея правленіемъ, и буду говорить о Ней!“

III.

Похвальное слово раздѣлено на три части. „Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за нею по сямъ тремъ поприщамъ“ — говоритъ авторъ. Въ отиѣткахъ нашихъ будемъ держаться того же порядка.

Въ первой части изображаются въ сжатой, но, можно сказать, полной картинѣ, и рядъ преобразованій, введенныхъ Екатериною въ наше войско, и рядъ блистательныхъ и плодоносныхъ побѣдъ, одержанныхъ войскомъ, ею преобразованнымъ и воодушевленнымъ именемъ ея и любовью къ ней. Слѣдующими словами авторъ начинаетъ главу свою:

„Сколь часто поэзія, краснорѣчіе и мнимая философія гремятъ противъ славолубія завоевателей! сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! но истинный философъ различаетъ, судитъ, и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ, для чего ты была всегда мечтою? Правило народовъ и государей не правило частныхъ людей: благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть могущество.“

„Петръ и Екатерина хотѣли приобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо не надежно.“

Все это такъ; но позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь маленькую замѣтку и оговорку. Если допросить исторію всеобщую и объемлющую всѣ столѣтія, то увидимъ, что каждый народъ, каждое правительство понимаютъ по своему законность правъ своихъ на необходимое обезпеченіе и застрахованіе себя отъ притязаній и покушеній сосѣда, и сосѣда часто довольно отдаленнаго. Политическій катихизисъ, обязательный для совѣсти cadaго, еще не опредѣленъ и не вошелъ въ законную силу; но что толковать тутъ о политикѣ? она неповинна и здѣсь ни при чемъ. По несповѣданнымъ судьбамъ, естественныя условія всего созданнаго и

живущаго опираются на препирательствѣ и борьбѣ. Необходимость войны, вслѣдствіе той или другой причины, того или другаго предлога, той или другой страсти, есть прискорбное таинство въ жизни человѣчества. Люди съ малолѣтства, еще дѣтьми, дерутся между собою изъ зависти, жадности, любостязанія, чтобы выхватить изъ рукъ товарища игрушку или лакомство. А дикіе звѣри, а домашнія животныя, не грызутся ли между собою по врожденному инстинкту? Кажется, тутъ политика ни въ чемъ не замѣшана, а есть война.

Въ этомъ первомъ отдѣленіи, посвященномъ воинскимъ подвигамъ, встрѣчаются мастерскіе и одушевленные очерки. Въ самомъ разсказѣ отзываются живость движенія и пламень боя. Особенно замѣчательно то, что сказано о Румянцовѣ. Изображеніе его отличается особенною меткостью и воспроизводительностью кисти. Кажется, что изъ всѣхъ военныхъ предводителей царствованія Екатерины, Румянцевъ былъ ему наиболѣе сочувственъ. Вотъ что говоритъ онъ о Задунайскомъ:

„Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны прусской; взялъ Кольбергъ, удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства.“

„Если таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ мудрый полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка: казался отважнымъ, но былъ только проницателемъ, соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости, берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и поражение, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы въ глубинѣ сердца, если бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего

неудовольствія.—Такъ думаютъ о Задунайскомъ благородные ученики его.“

Замѣчательно, что въ сей военной главѣ вовсе не упоминаеть онъ о Потемкинѣ, несмотря на притязанія его на славу полеводца и на военныя почести, которыми былъ онъ возвышенъ. Такое умалчиваніе едвали не есть умышленное. Высокая, нравственная, цѣломудренная натура Карамзина не могла вполнѣ ладить съ этимъ баловнемъ счастья, хотя одареннымъ нѣкоторыми свойствами и особенно вдохновеніями государственнаго дѣятеля. Карамзинъ, вѣроятно, не прощалъ ему, что, при счастьи своемъ, онъ нерѣдко имъ употреблялъ во зло, что онъ, такъ сказать, *барился*, нѣжился и сатрапствовалъ въ счастьи и могуществѣ своемъ. Карамзинъ не прощалъ *великолювному князю Тавриды*, какъ прозвалъ его Державинъ, что онъ не всегда соблюдалъ нравственное достоинство, безъ котораго истиннаго величія быть не можетъ. Съ одной стороны будетъ блескъ, сила, поработеніе толпы; съ другой—обаяніе, уступчивое потворство; но прочной связи, трезвыхъ, сознательныхъ впечатлѣній не будетъ. На русскомъ языкѣ есть прекрасное, глубоко-умное слово: *временщикъ*. Какъ дворы, такъ и общественное мнѣніе, а къ сожалѣнію, иногда и сама исторія, имѣютъ своихъ временщиковъ. Карамзинъ былъ не изъ тѣхъ, которые поклонялись бы имъ. Ему было совѣстно записать имя Потемкина рядомъ съ именами болѣе безукоризненными, болѣе свѣтлыми, съ именами Румянцева, Суворова, Репнина, Петра Панина, Долгорукаго-Крымскаго. Въ панегиристѣ отзывался уже строгій и неліцепріятный судъ будущаго историка. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ авторъ удѣляетъ нѣсколько строкъ Потемкину. Онъ, какъ-будто мимоходомъ, но вѣрно и живо набрасываетъ очеркъ его. „Видѣли мы при Екатеринѣ“ говоритъ онъ „возвышеніе чловѣка, котораго нравственное и патриотическое достоинство служить еще предметомъ споровъ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока чловѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проніцательный; разумѣлъ

великія намѣренія Екатерины, и потому заслуживалъ ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственнымъ твореніемъ ума Екатерины.“

IV.

Вторую часть творенія своего авторъ начинаетъ слѣдующими словами:

„Екатерина-завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенной; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія, но Россія обожаетъ ея уставъ, и воинская слава героини затмѣвается въ ней славю образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастья; и, находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ мудрость законодательную.“ Въ этой главѣ Карамзинъ, съ меткостью присяжнаго законовѣда и съ теплымъ чувствомъ гражданина, обзрѣваетъ всѣ труды Екатерины по части законодательной, административной и всѣхъ многосложныхъ отраслей государственнаго устройства. Ничто забыто: многое анализировано съ ясностью и знаніемъ дѣла; на все достойное особеннаго вниманія указано: на весь трудъ проливается свѣтъ добросовѣстной и положительной критики. Съ умѣніемъ и порядкомъ размѣщается на нѣсколькихъ страницахъ полное и вѣрное извлеченіе изъ государственныхъ актовъ тридцати-трехъ лѣтнаго существованія. Въ этомъ искусствѣ собирать матеріалы да приводить ихъ въ порядокъ уже угадывается завтрашній историкъ.

Между прочими богатствами, оставленными Екатериною въ наслѣдіе Россіи, особенное сочувствіе и прилежаніе автора обращены на знаменитый Наказъ ея.

Извѣстно, что подвигъ, предназначенный депутатамъ, собраннымъ со всѣхъ концовъ обширной, и что ни говори, а все же,

разноплеменной Россіи, не достигъ окончательной цѣли и былъ прекращенъ въ самомъ развитіи своемъ.

„Ея Наказъ долженствовалъ быть для депутатовъ ариадниною нитію въ лабиринтѣ государственнаго законодательства, но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семь пути, содержитъ въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу главныхъ уставовъ политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растенія.“

Легко понимаемъ, что нынѣшній реализмъ, съ пуританскою своею совѣстью, смущается баснословными воспоминаніями, которыя выглядываютъ изъ этихъ словъ. Ариаднина нить, лабиринтъ—все это ребяческія преданія! но что же дѣлать, если то, что нынѣ преданіе, еще вчера было достояніемъ общей европейской литературы?

Далѣе авторъ продолжаетъ:

„Уже депутаты російскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго уложенія, и жезлъ маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи; но турецкая война вспылала, и Монархиня обратила свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.“

„Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ, что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства.“

„Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? и мудрость Ливурговъ была ли когда-нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, являвшимся только нѣкоторымъ избраннымъ душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ генія. Сколько мудрости потребно законодателю! Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всевозможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стрем-

леніе, или оставить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общей; наконецъ, послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской съ невидимымъ Божествомъ сообщается, спуститься въ обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархія источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ ея благотворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть законодательницею Россіи.“

Карамзинъ не могъ изслѣдовать всѣ труды комиссіи, которые только на дѣлѣ обнаружались. Но мысль его, что собраніе депутатовъ, хотя и не довершившее подвигъ свой, было полезно, не подлежитъ сомнѣнію. Предъ нами развалины недостроеннаго зданія; но самая попытка воздвигнуть подобное зданіе, есть уже само по себѣ историческое событіе. Возвращаясь на родину и въ дома свои, депутаты выдержали уже нѣкоторое политическое воспитаніе. Благодѣтельныя, человѣколюбивыя и *законно-свободныя* (какъ императоръ Александръ 1-ый перевелъ слово *libéral*) правила и понятія, пущенныя въ обращеніе, не могли не оставить нѣсколько свѣтлыхъ слѣдовъ въ умѣ многихъ изъ участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ провинціи, въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, занесены были сѣмена, которыя должны были, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе, но всеже оплодотворить почву. Наказъ есть болѣе книга политической нравственности, чѣмъ книга практической политики. Но со всѣмъ тѣмъ и Наказъ сдѣлалъ свое дѣло и совѣщанія депутатовъ сдѣлали свое.

Слова, падающія въ народъ съ высоты престола, имѣютъ всегда отголосокъ въ народѣ, не только въ настоящемъ, но часто, кажется, до новаго дня преобразованій въ будущемъ. Будь Наказъ написанъ частнымъ публицистомъ, онъ не могъ бы имѣть то значеніе, ту важность, которыми онъ проникнуть, когда воображаешь себѣ, что это плодъ мыслей, чувствованій и желаній державнаго лица. Переводъ на русскій языкъ Мармонтелева «Велисарія», на-

печатанный частнымъ переводчикомъ, хотя и талантливый, потерялся бы въ библіотекѣ, вмѣстѣ со многими другими книгами; но если вспомнить, что этотъ переводъ обязанъ существованіемъ своимъ перу Екатерины, въ сообществѣ съ нѣкоторыми лицами, приближенными ко двору ея, въ самое то время, когда подлинникъ подвергался во Франціи порицаніямъ Сорбонны и официальному осужденію, то этотъ переводъ приеѣмлетъ иное и высшее значеніе. Это въ своемъ родѣ знаменіе времени, указаніе на поэтическую и общественную температуру современной эпохи. Жаль, что ни одному изъ нашихъ ученыхъ и литературныхъ учреждений не пришла мысль изготавить къ празднеству Екатерины новое изданіе книги, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время сдѣлалась она библиографическою рѣдкостью!

V.

Считаемъ не излишнимъ извлечь изъ второй главы, посвященной законодательной дѣятельности Государыни нѣкоторыя мѣста, по мнѣнію нашему, чѣмъ-нибудь особенно замѣчательныя. Онѣ могутъ послужить отчасти характеристикѣ Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ ея панегириста.

Онъ говоритъ: „Она уважала въ подданномъ санъ челоѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. (Замѣтьте съ какою осторожностью, не пускаясь въ историческія умозрѣнія, авторъ опредѣляетъ свойство счастья, о которомъ онъ упоминаетъ). Петръ великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми просвѣщенными.“

„Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія и не могли имѣть вредныхъ послѣдствій для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для челоѣка благо и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ этихъ способовъ счастья и наслажденія, есть вѣчное мучительное безпокойство.“

Упомянувъ о внутреннеѣмъ преобразованіи нашихъ арміи, которое есть, какъ онъ говоритъ, *дѣло Екатерины*, авторъ продолжаетъ:

„Она произвела, что воины одного полка считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ: не только челоуѣколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ имперіи, и, любя его, любилъ отечество.“

„Монархія (въ Наказѣ) прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи—*самодержавный*; не довольствуется единымъ всемогущимъ изрѣченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой имперіи.“

Раздѣляя это мнѣніе, авторъ говоритъ: „Здѣсь пригѣры служатъ убѣдительноѣшимъ доказательствомъ. Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ назывался, въ единомъ самодержавіи Августа, нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя несчастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиналъ десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе честолюбивому корсиканскому воину.“ Далѣе: „Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелию великихъ республиканцевъ; но сколько кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы позволялось тиранство и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы?“

Въ искренности сказанныхъ словъ и признанія автора сомнѣваться нельзя. Карамзинъ былъ въ самомъ дѣлѣ душою республиканецъ, а головою монархистъ. Первымъ былъ онъ по чувству своему, горячимъ преданіемъ юности и духовной своей независимости; вторымъ сдѣлался онъ вслѣдствіе изученія исторіи и

съ нею прибрѣтенной опытности. Говоря нынѣшнимъ языкомъ, скажемъ: какъ человекъ, былъ онъ либераль, какъ гражданинъ былъ онъ консерваторъ. Таковымъ былъ онъ и у себя дома и въ кабинетѣ Александра. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ кабинетѣ нужно было имѣть нѣкоторую долю независимости и смѣлости, чтобы оставаться консерваторомъ.

Екатерина говоритъ: „лучше повиноваться законамъ подъ единымъ властелиномъ, нежели угождать многимъ.“ (Нельзя не обратить вниманія на тонкій и глубокий смыслъ выраженія: Екатерина не говоритъ: повиноваться законамъ одного властелина, а законамъ подъ единымъ властелиномъ.)

„Предметъ самодержавія, говоритъ законодательница, есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ величайшему *блугу*“.

(*Благо* вѣроятно означаетъ здѣсь *благосостояніе, bien-être*)

„Сіе правленіе (самодержавное), говоритъ Карамзинъ, тѣмъ благотворнѣе, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щастливѣе, тѣмъ власть его святѣе и ему пріятнѣе; оно всѣхъ другихъ сообразнѣе съ цѣлію гражданскихъ обществъ, ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.“

Вотъ исповѣданіе политической вѣры Карамзина. Коротко знавшіе его убѣжденія говорятъ, что онъ не былъ ни политическимъ, ни религіознымъ лицемеромъ, расчеты и какое бы то ни было корыстолюбіе были ему чужды.

Далѣе авторъ прекрасно опредѣляетъ сенатъ. Онъ большой приверженецъ сего Петровскаго учрежденія, и подлинно изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ учрежденій оно легче и прочнѣе принялось на русской почвѣ. Слѣдовательно, оно удовлетворяло живымъ и насущнымъ потребностямъ страны. Долго въ Россіи въ отдаленныхъ провинціяхъ и въ простомъ народѣ только и знали, что государя и сенатъ.

Карамзинъ, упоминая о власти, которую Екатерина предоставляетъ сенату, разрѣшая ему входить съ представленіями государю, если сенатъ найдетъ въ законахъ, присланныхъ ему для испол-

ненія что-нибудь *вредное, темное, или противное уложению*, заключаетъ слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ Сенатъ въ отношеніи къ Монарху есть совѣсть его, а въ отношеніяхъ къ народу—рука Монарха; вообще онъ служитъ эгидою для государства, будучи главнымъ блюстителемъ порядка.“ Кстати замѣтить здѣсь, что въ другомъ мѣстѣ, онъ, какъ опытный законовѣдецъ и какъ—будто человекъ измученный судейскими проволочками—онъ вѣроятно не имѣлъ въ жизни ни одной тяжбы—мѣтко указываетъ на одну изъ извѣстныхъ судебныхъ производствъ. Говоря объ учрежденіи палаты гражданской и уголовной, которая имѣютъ права коллегій и судятъ въ средоточіи губерній, онъ прибавляетъ: „Всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и *медленность, первое зло по несправдѣ* пресѣбается.“ И въ знаменитой запискѣ своей. „О древней и новой Россіи“, позднѣе написанной Карамзиннымъ, все съ тѣмъ же рвеніемъ отстаиваетъ сенатъ. Вотъ что онъ говоритъ: „Фельдмаршалъ Минихъ замѣчалъ въ нашемъ государственномъ чинѣ нѣкоторую пустоту между Трономъ и Сенатомъ, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думѣ, Сенатъ въ началѣ своемъ имѣлъ всю власть, какую только высшее правительствующее мѣсто въ самодержавіи имѣть можетъ. Генераль-Прокуроръ служилъ связью между имъ и государемъ; тамъ вершались дѣла, которыя бы надлежало вершить Монарху: по человѣчеству, не имѣя способа обнять ихъ множества, онъ далъ Сенату свое верховное право и свое око въ Генераль-Прокурорѣ, опредѣливъ въ какихъ случаяхъ дѣйствовать сему важному мѣсту по извѣстнымъ законамъ и въ какихъ требовать его Высочайшаго соизволенія. Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла коллегій, рѣшалъ ихъ сомнѣнія, или испрашивалъ у Государя, который, принимая на него жалобы отъ людей частныхъ, грозилъ строгою казнію ему въ злоупотребленіи власти, или дерзкому челобитчику въ несправедливой жалобѣ.“

Вообще, приведенныя выписки изъ узаконеній и правительственныхъ мѣръ Екатерины доказываютъ съ какимъ искусствомъ и сочувствіемъ, съ какою критическою разборчивостью авторъ умѣлъ воспользоваться матеріалами, имѣющимися у него подъ руками; въ

этомъ трудѣ выказывается государственный умъ и будущій историкъ который въ приѣчаніяхъ своихъ, въ написанной имъ исторіи, извлекъ и согласовалъ всѣ свѣдѣнія, всѣ указанія изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, имъ открытыхъ.

Указывая на новое поприще государственной дѣятельности, открытое не служащему дворянству призывомъ его занимать должности по выбору, авторъ говоритъ: „Прежде дворянство наше гордилось какою-то, можно сказать, дикою независимостью въ своихъ помѣстіяхъ; теперь, избирая важныя судебныя власти и черезъ то участвуя въ правленіи, оно гордится своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда-нибудь любятъ свое отечество.“

Здѣсь позволимъ себѣ высказать маленькое критическое замѣчаніе. Въмѣсто того, чтобы сказать положительно *гордиться*, не вѣрнѣ ли было бы сказать: *должно гордиться*.

Но, можетъ быть, такой уклончивый оборотъ рѣчи не ладилъ съ требованіями и условіями похвального слова, хотя бы и историческаго. Но какъ бы то ни было, не законы и не учрежденія виноваты, когда общество не умѣетъ исполнѣ ими пользоваться. Много званныхъ, мало избранныхъ. Но были же избранные, которые при равнодушіи другихъ постигли важность даруемыхъ имъ правъ, добросовѣстно признавая, что права возлагаютъ и обязанности. Далѣе: „Новое учрежденіе“ говоритъ авторъ „пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію помѣщика. Сіи гнусныя, но къ утѣшенію добраго сердца, малочисленные тираны, которые забываютъ, что быть господиномъ, есть для истиннаго дворянина, быть отцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во шракѣ; лучъ мудраго правительства освѣтилъ тѣ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась.“

Многіе обвиняютъ Карамзина въ пристрастной приверженности къ крѣпостному помѣщичьему праву. Мы сейчасъ видѣли, какъ сильно возстаетъ онъ противъ злоупотребленій этого права, не обинуясь позорить онъ злыхъ помѣщиковъ клеймомъ: *гнуснаго ти-*

ранства. Какъ человекъ, онъ безъ сомнѣнн, въ душѣ своей за уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, которое влечетъ за собою ужасы, имъ упоминаемые; какъ политикъ, какъ публицистъ, онъ могъ думать, что время для этого уничтоженія еще не настало. Онъ не доктринеръ, готовый принести все въ жертву единственно для торжества принципа. Онъ могъ ошибаться по части политической экономіи, могъ опасаться гибельныхъ послѣдствій, которыя могли и не осуществиться. Это дѣло другое; публицистъ не обязанъ быть пророкомъ; довольно и того, если правильно судить онъ о настоящемъ: взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды вопроса, сужденію его подлежащаго, и приходитъ въ заключенію по совѣсти своей и по своему разумію. Чтобы о дѣйствіяхъ человека и писателя (а писанія его—тоже дѣйствія) судить безпристрастно и правильно, нужно всегда принимать въ соображеніе эпоху ему современную и, такъ сказать, внутреннюю среду умственнаго и нравственнаго положенія его. Всякая картина, для прямаго дѣйствія ея на зрителя, требуетъ, чтобы выставлена была она въ приличномъ и свойственномъ ей свѣтѣ. Карамзинъ писалъ записку свою „о древней и новой Россіи“ въ то самое время, когда надъ Европою и особенно надъ Россією висѣла шпага Дамоклеса, т. е. Наполеона, уже поразившая двѣ трети Европы. Карамзину могло казаться неудобнымъ крутыми преобразованіями и мѣрами дѣлать въ то время опыты надъ Россією, т. е. ломать, уничтожать живныя силы, которыми такъ или иначе держалась она, и создать наскоро новыя еще неизвѣстныя силы, которыя, во всякомъ случаѣ, не успѣли бы предъ подходящею грозю достаточно развиться и окрѣпнуть. Съ другой стороны, онъ уже посвятилъ нѣсколько лѣтъ трудолюбивой жизни своей на возсозданіе исторіи глубоко и пламенно любимаго имъ отечества. Онъ шагъ за шагомъ, столѣтіе за столѣтіемъ, событіе за событіемъ, слѣдилъ за возростаніемъ и непрерывно мужающимъ могуществомъ государства. Не могъ же онъ не притти къ тому заключенію и убѣжденію, что, не смотря на частыя, прискорбныя и предосудительныя явленія, все-же находились въ этомъ развитіи, въ этомъ устроившемся складѣ и порядкѣ, многіе зародыши силы и живучести. Безъ того не удержалась бы Россія. Онъ

полюбилъ Россію, каковою сложилась она и выросла. И это очень натурально. Вотъ вдохновенія и основы консерватизма его. Либералу, т. е. тому, что называютъ либераломъ, трудно быть хорошимъ историкомъ. Либераль смотритъ впередъ и требуетъ новаго: онъ презираетъ минувшее. Историкъ долженъ возлюбить это минувшее, не суевѣрно, но родственною любовью. Анатомировать бытописаніе, какъ охладѣвшій трупъ, изъ одной любви къ анатоміи, исторіи, есть трудъ неблагодарный и бесполезный.

Въ доказательство того, что Карамзинъ не былъ политическимъ старовѣромъ, приведемъ слѣдующія строки изъ похвального слова: „Я означилъ только главныя дѣйствія Екатерины, дѣйствія уже явныя, но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣтны для наблюдателя. Оно необходимо, просвѣщая народъ, окажется тѣмъ благодѣтельнѣе въ слѣдствіяхъ, чѣмъ народъ будетъ просвѣщеннѣе.“

Слѣдовательно, Карамзинъ не замыкалъ народъ въ извѣстныхъ и не перешагиваемыхъ границахъ: онъ ни гражданъ не закрѣплялъ къ неизмѣнному во вѣки строю, ни земледѣльцевъ не закрѣплялъ вѣчно къ землѣ. Онъ понималъ, что тѣмъ и другимъ должно прорубать новыя просѣки, раскрывая новые горизонты, но полъ однимъ условіемъ, а именно *Просвѣщенія*. Въ этомъ словѣ заключается все.

VI.

Съ такою же сметливою выборкою, какъ и въ предыдущихъ главахъ, авторъ и въ третьей части похвального слова обозначаетъ главнѣйшія дѣйствія Екатерины по части народной благовоительности и просвѣщенія. Каждое учрежденіе не во многихъ словахъ, но вѣрно изображено и выставлено въ полномъ объемѣ своемъ. Замичанія или поясненія по тому или другому предмету оцѣниваютъ существенное достоинство и указываютъ на цѣль и пользу его. Упомянутая о воспитательномъ или сиротскомъ домѣ, авторъ говоритъ:

„Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда, пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и, что еще

болѣе, спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянiя въ несчастiю не безприниѣрнаго.

„Тамъ воспитанiе, приучая питомцевъ къ трудолюбію и порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ граждавъ. Искусныя въ художествахъ и ремеслахъ, которыя дѣлаютъ человека независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы монаршей щедрости выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ ими изъ рукъ ея приемлемый есть—гражданская свобода.“ Здѣсь встрѣчаемъ прекрасный портретъ Вецкаго, который „служилъ Екатерицѣ первымъ орудіемъ для исполненiя ея благотворныхъ, въ великомъ дѣлѣ, памѣренiй. Вецкій жилъ и дышалъ добродѣтелию, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-паграждаемою общими уваженіемъ, да и *редкою*, ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному, и мужественному, ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ дозволялся славой быть помощникомъ Екатерины, радовался своими трудами и, будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и требуя, сей другъ челоуѣчества умѣлъ заслужить любовь и надзирателей и питомцевъ, ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный министръ, мудрый судья есть конечно украшеніе и честь государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.“

Уже императрица Анна учредила кадетскiй корпусъ, во цвѣтущая и многополезная пора его принадлежитъ царствовавшію Екатеринѣ.

„Кадетскiй корпусъ, говоритъ авторъ, производилъ хорошихъ офицеровъ и даже военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцева былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда Екатерина обратила на оное творческой взоръ свой—умножила число питомцевъ, надзирателей; предписала новыя для нихъ законы, сообразныя съ челоуѣколюбіемъ, достойныя Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ перѣдко до самой крайности, обратилась въ прилежное, по кроткое надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказаніями, исправлялись отъ легкихъ поро-

ковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде нѣмецкій языкъ, математика и военное искусство были почти единственнымъ предметомъ науки ихъ: Екатерина прибавила какъ другіе языки (особливо совершенное знаніе російскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, которыя, смягчая сердца, умножая понятія человѣка, нужны для благовоспитаннаго офицера: ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ война требовалось только искусство убивать людей, когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностью сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любятъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣваютъ, но не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ сраженія и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству шпагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархиня, и корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ.“

На памяти нашей еще встрѣчались въ обществѣ бывшіе кадеты, которые достигли до высшихъ государственныхъ степеней и были образованными и пріятными людьми. Упомянемъ между прочими: Кушниковъ, члена государственнаго совѣта, Салтыкова (М. А.), сенатора, и почитателя казанскаго университета Полетаева.

Вопросъ о *народныхъ училищахъ*, который теперь на очереди во многихъ государствахъ, у насъ былъ уже угаданъ и, возможности, разрабатываемъ предусмотрительнымъ и просвѣщеннолюбивымъ умомъ Екатерины. Карамзинъ также въ похвальномъ словѣ обращаетъ на него особенное и сочувственное вниманіе. Но сей вопросъ, повидимому, не изъ тѣхъ, которые легко поддаются соображеніямъ и предначертаніямъ власти и требованіямъ принциповъ и умозрительности. Вопросъ сей, если и подвинулся со временъ Екатерины, то все же медленно и находится все еще развѣ на полудорогѣ. Общее народное обученіе и поголовная грамотность, какъ о нихъ многіе ни заботятся, остаются пока въ разрядѣ *благочестивыхъ желаній* и будущихъ благъ. У насъ, кромѣ политическихъ и духовныхъ затрудненій, присущихъ этому вопросу, не должно забывать и о затрудненіяхъ матеріальныхъ, топографиче-

скихъ и климатическихъ. Пространство нашей русской земли, скудость во многихъ областяхъ народонаселенія разбросаннаго, разсѣяннаго на этихъ необозримыхъ пространствахъ, сильные морозы, губительныя метели, имѣть въ каждомъ селеніи училище и учителя дѣло несбыточное. Ходить ребенку на урокъ одному, худо одѣтому, за три, пять, а часто и болѣе верстъ при 15 градусахъ мороза, а также и здѣсь часто и болѣе, при снѣжныхъ вьюгахъ, при краткости нашего зимняго дня, при продолжительности нашей зимы, за которою слѣдуетъ продолжительная распутица, все это равномѣрно противодѣйствуютъ практикѣ.

Какъ бы то ни было, слова Карамзина еще не устарѣли, пережитыя дѣйствительностью. Пора дѣйствительности еще не настала; читая его, можно думать, что читаешь страницу изъ вчера вышедшей книжки русскаго журнала.

Вотъ что авторъ говоритъ въ первый годъ текущаго столѣтія: „Екатерина учредила вездѣ въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири народныя училища, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ усилѣхамъ, служатъ ему ступенью къ высшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сія школы, образуя учениковъ, могутъ образовать и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ и должны быть полезны всѣхъ академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа и рассказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ философа почтенъ не менѣе метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе, для самыхъ ученыхъ едва вразумительно или мудраго натуралиста, фізіолога, астронома, занимающихъ своею наукою только часть людей.“

Могла ли въ похвальномъ словѣ быть забыта литература съ ея „сильнымъ вліяніемъ на образованіе народа и счастье жизни“? Екатерина не только покровительствовала ей, поощряла ее царскимъ вниманіемъ и щедротами, но и сама была литераторъ. Она находила время на все: и эту силу на всестороннюю дѣятельность почерпала она, по мнѣнію панегириста, *въ духъ порядка, который благодѣтеленъ для всякаго и въ добромъ Монархѣ—счастье народа*. Замячательны слѣдующія слова:

„Если она (Екатерина) своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величіи, упрямя въ своихъ стремленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовью призываютъ его для торжества и славы.“

Въ числѣ многихъ благодѣтельныхъ мѣръ, принятыхъ въ царствованіе Екатерины, для водворенія въ общество наше образованности и просвѣщенія, авторъ упоминаетъ о слѣдующей, которая, безъ сомнѣнія, не могла оказаться безплодною: „желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной литературы, она учредила комиссію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся—и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ авторы вышли на нашея языкѣ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянь—новыми понятіями.“

Жаль, что эта комиссія, или что-нибудь подобное, уже не существуетъ. Намъ переводы нужны. Система туземныхъ протекціонистовъ въ литературѣ никуда не годится: привозная литература вездѣ полезна, а у насъ и подавно. Но, не стѣсня частныхъ и вольнопрактикующихъ переводчиковъ въ свободѣ переводить все, что имъ подѣ руку попадетъ, или придется по вкусу, хорошо бы имѣть у насъ учрежденіе, на примѣръ подѣ надзоромъ академіи, которое слѣдило бы за всеобщимъ литературнымъ движеніемъ и заботилось о выборѣ для перевода на русскій языкъ книгъ полезныхъ какъ въ отношеніи къ наукѣ, такъ и нравственности и политическому воспитанію народа. Не достаточно пешишь о распространеніи грамотности и возбужденіи духовныхъ позывовъ къ ней:

нужно еще пещись и о приготовленіи здоровой пищи для грамотныхъ. Вредная, испорченная пища не лучше голода.

VII.

Изданные и вновь издаваемые въ наше время біографическіе матеріалы съ каждымъ днемъ болѣе и короче знакомятъ насъ съ Екатериною. Предъ нами растетъ величіе Екатерины, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникаемъ мы и въ свойства личности ея частной и домашней. Мы доселѣ жили историческою жизнью ея: нынѣ живемъ жизнью ея ежедневной. Доселѣ могли мы говорить о державной: „Екатерина въ низкой долѣ и не на царскомъ бы престолѣ была бѣ великою женой“. Нынѣ можемъ сказать, съ достовѣрностью и убѣжденіемъ, что при-этомъ была она умнѣйшею и любезнѣйшею женщиною. Привлекательность и прелесть ума и нрава ея были также родъ всемогущества—всемогущество обаянія.

Жаль, что эти посмертныя свѣдѣнія не могли быть извѣстны нашему панегиристу. Они обогатили бы похвальное слово многими занимательными и блестящими страницами. Онъ, разумѣется, съ похвалою и горячимъ сочувствіемъ отзывается о перепискѣ Екатерины въ современными ей европейскими знаменитостями, и въ этой перепискѣ „Европа удивляется не имъ, а ей.“ Но эта переписка все-же носить почти офиціальныи характеръ. Эти письма подготовлены, обработаны въ виду европейскаго суда и суда потомства. Писавшая ихъ могла предвидѣть, что *тайна писемъ* не будетъ соблюдена. Но мы теперь застаемъ Екатерину, такъ сказать, врасплохъ. Отъ вниманія нашего и розыска не ускользаетъ ни малѣйшая строка, наскоро выброшенная бѣглымъ карандашемъ. Мы, такъ сказать, разбираемъ ее по косточкѣ. Мы анатомируемъ ее, и что же? Часто посмертныя изслѣдованія, загробныя нескромности нарушаютъ добрую память сошедшаго съ лица земли въ полномъ блескѣ величія и безукоризненной славы; съ Екатериною сбывается совершенно иное. Исторія внесла уже на скрижали свои громкія и великія дѣла ея: строгою, а часто и пристрастною рукою занесла она и несовершенство и погрѣшности

ея, свойственныя всѣмъ смертнымъ на землѣ. Но отнынѣ правдивая исторія обогатится новыми свѣдѣніями, которыя прольютъ невѣдомый блескъ на личность ея и выкупятъ многіе упреки, которыми отяготили память ея отъ этой загробной ревизіи дѣлъ ея и помышлений. Государиня нисколько не умалается: напротивъ; но частная личность, но человекъ, но женщина возвышается и обрисовывается въ самомъ плѣнительномъ образѣ. Недаромъ Екатерина отказывалась при жизни отъ статуй и похвальныхъ титуловъ. Она умѣла ждать и вѣровала въ потомство — потомство оправдало вѣру ея.

IX.

Говорить ли о языкѣ и слогѣ похвальнаго слова? Казалось бы, это было бы и лишнимъ. А впрочемъ въ наше время именно можетъ быть и несовершенно не умѣстнымъ сказать о томъ нѣсколько словъ. Правильность, ясность, свободное, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное и, такъ сказать, *образумленное* теченіе рѣчи, искусство ставить каждое слово именно тамъ, гдѣ ему быть надлежитъ и гдѣ оно выразительнѣе—все это является здѣсь въ изящномъ порядкѣ и полной силѣ. Трезвость слога не влечетъ за собою сухости. Нѣкоторые ораторскіе приемы, свойственные вообще похвальному слову, не заносятся до высокопарности. Все живо, но мѣрно, все одушевлено ясною мыслью и теплымъ чувствомъ. Мы уже намекали, что будущій историкъ угадывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбираемаго нами произведенія. Нынѣ, прочитавъ все похвальное слово, скажемъ, что оно въ полномъ объемѣ есть, такъ сказать, проба пера, которое авторъ готовъ исключительно посвятить исторіи. Слогъ, т. е. то, что прежде называли слогомъ, есть нынѣ слово и понятіе, утратившія значеніе свое. Одни литературныя старообрядцы обращаютъ вниманіе на него. Въ нашъ скороспѣшный и скороспѣлый вѣкъ, въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, паровыхъ силъ, телеграфовъ, фотографій, мало заботятся объ отдѣлкѣ. Все торопятъ и всѣ торопятся—это хорошо! Жизнь коротка: почему же не удесятерить цѣнность и значеніе времени, если есть на то возможность? Но искусство терпѣть отъ

той усиленной гонки за добычею: искусство нуждается въ трудѣ, трудъ требуетъ усидчивости, а мы и трудиться и сидѣть разучились. Рѣдко кто наложитъ на себя обузу и епитимью просидѣть нѣсколько дней и, по нѣсколькимъ часамъ сряду, хотя бы передъ фанъ-Дейкомъ или Брюловымъ, чтобы имѣть портретъ свой во весь ростъ. Мы всѣ бѣжимъ по сосѣдству къ ближайшему фотографу, который дѣло свое покончитъ въ пять минутъ.

Посмотрите на черновые листы Карамзина и Пушкина: они, казалось бы, писали легко и отъ избытка вдохновенія и силъ, а между тѣмъ тетради перечеркнуты, перемараны вдоль и поперекъ. Тотъ и другой перепробуетъ иногда три четыре слова, прежде нежели попадетъ на слово настоящее, которое выразитъ вполне мысль, со всѣми ея оттѣнками. — Да, это египетская работа! скажутъ мнѣ. Такъ; но египетскія работы воздвигали пирамиды, переживающія тысячелѣтїя. Правила, искусство, вкусъ зодчества измѣнились въ теченіе времени; но любознательность и просвѣщенные путешественники со всѣхъ концовъ міра сѣзжаются къ этимъ пирамидамъ изучать ихъ и любоваться ими. Слогъ есть оправа мысли и души, онъ придаетъ ей форму, блескъ и жизнь. Не даромъ сказано, что въ слогѣ выдается весь человѣкъ: каковъ человѣкъ, таковъ и слогъ его. Въ прозѣ Жуковскій и Пушкинъ принадлежали школѣ Карамзина; но слогъ Жуковского не есть слогъ Карамзина, а слогъ Пушкина не есть слогъ Жуковского. Слогъ даетъ разнообразіе и разнохарактерность таланту и выраженію. Слогомъ живетъ литература. Гдѣ или когда нѣтъ слога, нѣтъ и литературы.

Если есть музыка *будущаго*, то можно сказать о языкѣ Карамзина, что это музыка *минувшаго*. Между тѣмъ этотъ языкъ не устарѣлъ, какъ не устарѣла музыка Моцарта. Могли оказаться измѣненія, то къ лучшему, то къ худшему; но діапазонъ все-таки остается вѣрнымъ и образцовымъ. При началѣ литературнаго поприща Карамзина, обвиняли его въ *галлицизмахъ*. Мы давно гдѣ-то сказали, что критики его ошибались. *Галлицизмы* его были необходимы *европеизмы*. Никакой языкъ, никакая литература совершенно избѣгнуть ихъ не могутъ. Есть денежные

знаки, которые вездѣ пользуются свободнымъ обращеніемъ: червонецъ вездѣ червонецъ. Такъ бываетъ и съ иными словами и оборотами. Есть лингвистическія завоеванія, которыя нужны, а потому и законны. Но есть лингвистическія переряженія, пестрыя заплатки, которыя вшиваются въ народное платье. Эти смѣшны и только портятъ основную ткань.

Чтобы показать то, что мы разумѣемъ подѣ слогомъ и подѣ искусствомъ писать, выберемъ изъ многихъ мѣстъ одно, на примѣръ слѣдующее:

„Геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ провицаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ, и потому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру своимъ благодѣяніямъ; ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно несоразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе осчастливить народъ можетъ родить бѣдствія, если оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія согражданъ! Я напому вамъ Монарха, ревностнаго къ общему благу, дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалъ страстію челоувѣколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, по который ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестью, что онъ государство свое не приблизилъ къ цѣли политическаго совершенства, а удалил отъ нея: ибо преемнику, для возстановленія порядка, надлежало всѣ новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Иосифа—сего несчастнаго Государя, достойнаго, по его благимъ намѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служитъ тѣнью, отъ которой мудрость Екатерины тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ—Она во всея счастлива; Онъ съ каждымъ шагомъ впередъ отступалъ назадъ—Она безпрерывными шагами шла къ своему великому предмету; писала уставы на марморѣ неизгладимыми буквами; творила во время и потому для вѣчности и потому никогда дѣлъ своихъ не передѣлывала.“

Здѣсь нельзя ни одинаго слова ни прибавить ни убавить, ни переставить; но и еще примѣръ:

„Европа удивлялась *счастію* Екатерины. Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое счастье; но кто думаетъ, что темный, неизяснимый случай рѣшить судьбу государствъ, а не разумная или безрасудная система правленія, тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархини, которой всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы счастьемъ имперіи, изясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.“

Все это такъ просто и ясно сказано, что читатель, не посвященный въ таинства искусства, можетъ подумать, что и каждый съумѣлъ бы такъ изясниться; но дѣло въ томъ, что, кромѣ здоровой мысли, здѣсь есть еще и здоровое выраженіе, плодъ многихъ и обдуманыхъ изученій языка и свойства его.

При всей изящности языка и самаго изложенія должны, разумѣется, встрѣтиться въ похвальномъ словѣ прикрасы чеканки, нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя *чинкве-ченто*, нынѣ для насъ странныхъ и обветшалыхъ.

Напримѣръ: „Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, челолюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладныя остатки зимнихъ паровъ и приготовить натуру къ *теплому вліянію зефировъ!*“

Мы теперь готовы открещиваться отъ этого *зефира*, отъ этого языческаго наважденія. Но въ то время *зефиры* со всею братьею, со всѣми сестрами своими, были добрыми домовыми литературы; и писатели и читатели дружелюбно уживались съ ними. Укорять Карамзина, что и онъ знался съ ними и говорилъ напримѣръ въ другомъ мѣстѣ: „Земледѣльцы, сельскою добродѣтелию отъ кнута, на ступени *Омидина храма* возведенные, и проч.“; укорять его, повторимъ, въ этихъ баснословныхъ приемахъ, тоже, что сказать: Карамзинъ говоритъ былъ пригожъ въ своей

молодости, но жаль, что онъ имѣлъ несчастную привычку пудрить волоса свои. А между тѣмъ всѣ пудрились.

Впрочемъ, что же тутъ особенно худаго въ этихъ древнихъ преданіяхъ, имѣющихъ иногда глубокой смыслъ и всегда много поэзіи? Греческое баснословіе положено въ основу европейскаго просвѣщенія. Слѣдовательно, слишкомъ пренебрегать имъ не подобаетъ. Величайшіе умы, неподражаемые художники, краснорѣчивѣйшіе святые отцы болѣе или менѣе воспитаны были и образовались въ этой языческой школѣ.

Каждый вѣкъ, почти каждое поколѣніе имѣютъ свою критику, свое литературное законодательство. Нынѣ, если дѣло пойдетъ на сравненіе, мы почерпаемъ его въ наукахъ точныхъ, въ медицинѣ, въ реальномъ производствѣ, въ механикѣ, въ фабричной промышленности. Все *идеальное* забраковано, заклеено печатью отверженія. Но неужели думать намъ, что и мы, по выраженію Карамзина, *творимъ во время, а потому для отчужденія?* Едва-ли. Какъ мы многое отвергли изъ того, что перешло къ намъ отъ дѣдовъ, такъ и 20-й вѣкъ, который уже не за горами, вѣроятно отвергнетъ многое, чѣмъ мы нынѣ такъ щеголяемъ и гордимся. Нынѣшніе, страстные нововводители будутъ въ глазахъ внуковъ нашихъ запоздалые старообрядцы. Какъ знать? можетъ-быть, внуки наши, если помянутъ старину, то перескочатъ черезъ наше поколѣніе и возобновятъ прерванную связь съ поколѣніями, которыя намъ предшествовали.

Мы не говоримъ здѣсь исключительно о русской литературѣ, но вообще о литературѣ европейской.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ похвальномъ словѣ ни разу не встрѣчается слово *сословіе*, хотя, разумѣется, не разъ упоминается о томъ, что оно нынѣ выражаетъ. Карамзинъ вездѣ говоритъ или *государственные чины*, или *среднее политическое состояніе*, *мѣщанское состояніе*, *три государственныхъ состоянія* и такъ далѣе. Въ самомъ концѣ нѣтъ этого слова. Тамъ, напримѣръ, отдѣленіе VII озаглавлено: *о среднемъ родѣ людей*. Родъ, конечно, нехорошо, но все же лучше, нежели сословіе. Любопытно было бы изслѣдовать, съ котораго времени и

съ чьей тяжелой руки пущено въ обращеніе и водворилось въ нашу рѣчь это безобразное, неуклюжее и въ противность этимологіи и логики составленное слово?

X.

До сихъ поръ говорили мы о Екатеринѣ словами Карамзина, примѣшивая къ нимъ иногда и свои. Нынѣ заключимъ и, можно сказать, увѣнчаемъ статью собственными словами и мнѣніемъ Императрицы о Наказѣ своемъ, важнѣйшемъ изъ письменныхъ трудовъ ея, и, который, вѣроятно, она наиболѣе любила и уважала. Фридрихъ Великій изъявилъ желаніе ознакомиться съ нимъ. Екатерина послала ему переводъ Наказа на нѣмецкомъ языкѣ при письмѣ своемъ. Письмо это, кажется, донинѣ не было напечатано. Извлекаемъ изъ него все то, что прямо относится до Наказа и до возрѣвнѣй автора на свой трудъ. Не должно забывать притомъ, что приличіе и условіе авторской скромности побуждали ее не придавать большой и особенной важности произведенію своему. Вотъ что между прочимъ писала Екатерина Фридриху II изъ Москвы 17 октября 1767 года: „Согласно съ желаніемъ Вашего Величества приказала я сегодня передать Вашему Министру Графу Сольмсу нѣмецкій переводъ Наказа (*de l'instruction*), который дала я для преобразованія (*réformation*) законовъ въ Россіи. Ваше Величество не найдетъ въ немъ ничего новаго, ничего такого, что было бы Вамъ неизвѣстно. Вы увидите, что я поступала, какъ воронъ въ баснѣ, который сдѣлалъ платье себѣ изъ павлиныхъ перьевъ. Мое тутъ одно расположеніе содержанія (*l'arrangement des matières*) и кое гдѣ строка, слово; если бы собрать все, что я отъ себя къ сему приложила, то думаю, не окажется тутъ болѣе двухъ или трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ духа законовъ президента Монтескье и изъ трактата о преступленіяхъ и наказаніяхъ маркиза Беккариа. Я должна предварить Ваше Величество о двухъ вещахъ: одна, что Вы найдете нѣсколько мѣстъ, которыя, можетъ быть, покажутся Вамъ странными. Прошу Васъ не забывать, что я часто должна была принаравливаться (*m'accomoder*) къ насто-

ящому, а между тѣмъ не заграждать дороги къ будущему, болѣе благопріятному. Другая вещь та, что русскій языкъ гораздо болѣе нѣмецкаго силенъ и богатѣе въ выраженіяхъ и болѣе французскаго богатъ въ свободной переноскѣ словъ.“

„Мнѣ было бы очень чувствительнымъ знакомъ дружбы Вашего Величества, если бы согласились сообщить мнѣ мнѣнія свои о недостаткахъ и погрѣшностяхъ (*les défauts*) этого произведенія. Ваши мнѣнія не могли бы не просвѣтить меня на пути столь для меня новымъ и трудномъ, и моя послушность (*docilité*) для исправленія показала бы Вашему Величеству неограниченную цѣну (*le cas infini*), которую придаю и дружбѣ Вашей и Вашимъ свѣдѣніямъ и просвѣщенію (*lumière*).“

К. Вяземскій.

Гамбургъ, декабрь 1873.

Корабль.

Бѣснуется вѣтеръ, свистить на просторѣ,
По небу тяжелныя тучи несеть..
Шумить и колыхается синее море,
А въ морѣ корабль сиротинка плыветь.

Онъ тронулся въ путь плодотворной весною,
Радѣя о счастья родимой земли —
И дружною, бодрой, веселой толпою
На бортъ его вѣрнѣйшіе матросы вошли.

Хоть очень далеко имъ плыть предстояло,
Хоть жадное море коварства полно,
Блестѣло надеждою свѣтлой начало
И каждому дорого было оно.

Въ согласной работѣ пловцы познавали
Могучій успѣхъ и величіе силъ;
Имъ бурныя волны въ борьбѣ уступали,
Имъ вихрь переменчивый рабски служилъ.

Но быстро промчались и дни, и недѣли,
Все такъ же мала трудовая семья,
Все такъ же далеки желанныя цѣли,
И море все то же, и тѣ же друзья...

Скучать мореходцы трудомъ начинаютъ,
Въ нихъ бодрости прежней не видно ни въ комъ,
Тупымъ недовѣрьемъ другъ друга встрѣчаютъ,
Враждой затаенной, презрѣньемъ и злою.

Для каждаго только одно драгоценно:
 Себя ублажать да другихъ унижать.
 Дерутся, бранятся, смѣются надмѣнно—
 Рѣдѣетъ и рушится прежняя рать.

Въ какомъ-то безумьи глядятъ безсердечно,
 Когда ихъ товарища хватить волна.
 Работа идетъ бесполезно, беспечно;
 Ни счастья, ни силъ не приносить она.

Несется корабль, какъ шальной, безтолково;
 Давно ужъ онъ сбился съ прямого пути.
 Кто знаетъ: когда суждено ему снова
 Къ желаемой, радостной цѣли идти?

Пловцы! если честь еще въ васъ уцѣлѣла,
 Святое призванье цѣня и любя,
 Припомните вы ваше общее дѣло
 И ради его позабудьте себя.

Кому они нужны—всѣ ваши раздоры?
 Кого можете тѣшить вашъ бой мелочной?
 Домашнія дразги, безпутные споры?
 Ведите вы дружно корабль дорогой...

Вѣдь васъ разобщило безлюдье морское,
 Вѣдь въ сущности нѣтъ въ васъ нисколько вражды...
 Для всѣхъ одинаково благо людское
 Должно руководствовать ваши труды.

Несчастливыми распрями, злобою, горемъ
 Вы только гнетете усталую грудь;
 Не съ другомъ боритесь, а съ вихремъ и съ моремъ!
 Не близькъ вашъ берегъ и труденъ вашъ путь.

Во имя разумной и честной работы,
 Со страстью заботясь объ общей судьбѣ,
 Отбросьте ничтожныя мелкіе счеты
 И силу согласья верните себѣ.

В. Крыловъ.

Словесная кроха хлѣба.

Когда я пишу эти строки, въ обществѣ господствуютъ два впечатлѣнія: Екатерина Великая съ ея памятникомъ и бѣдныя сармацы съ ихъ голодомъ. У гранитнаго подножія одной не найдется ли словесная кроха хлѣба въ пользу другихъ? И можно ли найтись ей? Стоитъ только обойти кругомъ этого колокола, которому отнынѣ назначено звучать въ памятникахъ міра не мѣднымъ языкомъ, а

.....мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ—

обойти кругомъ и получить столько, что отъ этого дара народной славы можно дать сытость голодающимъ естественнымъ голодомъ и позывами умственной пищи. *Ищите высшаго, и низшее само собою прибудетъ вамъ.....* Поищемъ умственной пищи, чтобы отъ нея и съ нею вмѣстѣ прибыла пища голодающимъ сармацамъ.

Обойдемъ вокругъ памятника. Вѣдь онъ очень хорошъ—и какая бы ни была мысль у художника—но у всякаго есть свое собственное художество созерцать вознесенную на показъ мысль.... И мое маленькое созерцаніе именно останавливается на томъ, что корона лежитъ у ногъ Екатерины. Ею какъ бы вѣнчается она тѣхъ, которые увѣнчали подножіе ея славы; а сама стоитъ съ открытой головою и, простирая руку со скипетромъ, она какъ бы говорить:

Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была бѣ Великою Женой.

Эти стихи ея восторженнаго поэта, который самъ предстоитъ здѣсь, могли бы быть золотою печатью, приложенною къ мѣдному изваянію.

Но мало того—посмотрѣть на памятники; тѣмъ и хороши эти нѣмые кумиры, эта беззвучная, изваянная мѣдь, что они шевелятъ воображеніе призраками минувшей народной жизни—они будятъ мысль, которая такъ часто спитъ и поживаетъ въ насущныхъ заботахъ настоящаго. Царствованіе царицы-матушки была такая возбужденная, славная, вельможная пора русской жизни; громъ побѣдъ раздавался оглушительно громко; вставали сказочные богатыри и совершали по себѣ такіе богатырскіе подвиги, что изумленная вѣра народа въ себя и любовь къ одному звуку *Ея* имени все примиряла и, все прощая, простила въ памяти славнаго вѣка Екатерины Второй.

Ни исторіи, ни историческихъ боготвореній я, конечно, не смѣю писать; но эти дѣянія Екатерининскихъ дней, когда такъ широко слагалось и разлагалось многое въ зачинающейся общественной жизни, когда старые пни, срубленные безпощадной рукой всемогущаго Петра, начинали зеленѣть сильными, молодыми побѣгами, когда многое множество изъ отживающихъ золъ стараго быта выходило и становилось на путяхъ и распустьяхъ новаго царствованія—тогда ли не быть было чудесамъ всевозможныхъ происшествій, непредвидѣнныхъ случаевъ, странныхъ столкновеній и всего, что царство Екатерины являло въ нѣкоторомъ смыслѣ царство восточной Шехеразады? И вотъ, изъ обступающаго меня облака старинныхъ разсказовъ и преданій, я беру одно изъ этихъ чудесъ, и, въ нашъ вѣкъ, не признающій ничего чудеснаго, творится другое, новое чудо, обращающее эти строки въ бѣдную кроху хлѣба голодающимъ самарцамъ.

Если бы кто полюбопытствовалъ заглянуть въ архивы нашихъ старинныхъ судовъ, или взялся бы за провѣрку семейныхъ преданій и воспоминаній, то онъ сейчасъ бы увидѣлъ, что одною изъ очень замѣтныхъ чертъ въ общественномъ строю жизни Екатерининскаго времени было чрезвычайно большое умноженіе тяжёбныхъ дѣлъ. На первый взглядъ оно будто бросаетъ тѣнь на тогдашнее молодое общество; но смѣю сказать, что это было вовсе не тѣнь, а напротивъ свѣтъ правосудія, который просіялъ сидѣвшимъ во тьмѣ и снѣи смертной. Люди Екатерининскаго вѣка, дотолѣ про-

бавлявшіеся старыми челобитными и во время послѣ-петровскихъ смуть почти отучившіеся искать правосудія у временщиковъ, смѣнявшихъ одинъ другаго казнями и ссылками въ Сибирь—эти люди получили возможность *не бить челомъ*, а подавать прошенія на имя «всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, всемилостивѣйшей своей Монархини». Мудрено ли, что въ обществѣ принялись сводить старые счета и бросились къ подачѣ прошеній о всемъ, о чемъ можно и невозможно было просить? Особливо владѣніе поземельной собственностію, при которомъ бѣдный и богатый бывали близкими сосѣдями, порождало случаи самыхъ вопіющихъ захватовъ и насилій, за которыми слѣдовали безконечныя тяжбы дѣла, приводившія бѣдныхъ истцовъ въ Петербургъ. Называвшаяся Сѣверная Пальмира кишѣла этими несчастными, которые, проживши до послѣдняго гроша, голодные и оборванные, продолжали блуждать въ Сенатъ и изъ Сената, на столько порехнувшись съ основъ здраваго смысла, чтобы не разувѣряться цѣлыми мѣсяцами и годами, что *завтра* дѣло будетъ рѣшено въ ихъ пользу.

Въ числу такихъ очень жалостныхъ несчастливцевъ принадлежалъ нѣкто Ситниковъ, Глѣбъ Ивановичъ, котораго величали *Сударемъ Прусомъ* по его высокому секундъ-маіорскому чину, заслуженному въ Елизаветинскія войны съ Прусаками. Прослуживши весь долгій срокъ по военному Петровскому артикулу, выслужившись, вынеся на своихъ плечахъ всю нечеловѣческую тягость стародавнихъ войнъ и походовъ, казалось бы, Глѣбъ Ивановичъ имѣлъ все право, получивши изъ полка свой *абшидъ*, обзавестись доброю хозяйкою женою, прижить съ нею малыхъ дѣтокъ и, по день своей маіорской кончины, оставаться въ родительскомъ домосѣдствѣ, отдыхая, если не на лаврахъ, то на копнахъ своего отличнаго луговаго сѣна. Но, увы! Эти-то отличные заливные луга причинили бѣдствіе Глѣбу Ивановичу болѣе тяжкое, чѣмъ войны и походы на Пруса.

Въ сѣдствѣ его родительскаго наслѣдія, милостивою Монархиней пожаловано было какому то новому знатному лицу пятьсотъ душъ, со всею принадлежащею имъ осѣдлою, пахатною и сѣновосною землею, съ лѣсами, заливными лугами, рѣками, озерами, рыбными и звѣринными ловлями и бобровыми гонями—и со всѣми угоды-

Но мало того—посмотрѣть на памятникъ; тѣмъ и хороши эти нѣмые кумиры, эта беззвучная, изваянная мѣдь, что они шевелятъ воображеніе призраками минувшей народной жизни—они будятъ мысль, которая такъ часто спитъ и поживаетъ въ насущихъ заботахъ настоящаго. Царствованіе царицы-матушки была такая возбужденная, славная, вельможная пора русской жизни; громъ побѣдъ раздавался оглушительно громко; вставали сказочные богатыри и совершали по себѣ такіе богатырскіе подвиги, что изумленная вѣра народа въ себя и любовь къ одному звуку *Ея* имени все примиряли и, все прощая, простили въ памяти славнаго вѣка Екатерины Второй.

Ни исторіи, ни историческихъ боготвореній я, конечно, не смѣю писать; но эти дѣянія Екатерининскихъ дней, когда такъ широко слагалось и разлагалось многое въ зачинающейся общественной жизни, когда старые пни, срубленные безпощадной рукой всемогущаго Петра, начинали зеленѣть сильными, молодыми побѣгами, когда многое множество изъ отживающихъ золь стараго быта выходило и становилось на путяхъ и распутьяхъ новаго царствованія—тогда ли не быть было чудесамъ всевозможныхъ происшествій, непредвидѣнныхъ случаевъ, странныхъ столкновеній и всего, что царство Екатерины являло въ нѣкоторомъ смыслѣ царство восточной Шехеразады? И вотъ, изъ обступающаго меня облака старинныхъ разсказовъ и преданій, я беру одно изъ этихъ чудесъ, и, въ нашъ вѣкъ, не признающій ничего чудеснаго, творится другое, новое чудо, обращающее эти строки въ бѣдную кроху хлѣба голодающимъ самарцамъ.

Если бы кто полюбопытствовалъ заглянуть въ архивы нашихъ старинныхъ судовъ, или взялся бы за провѣрку семейныхъ преданій и воспоминаній, то онъ сейчасъ бы увидѣлъ, что одною изъ очень замѣтныхъ чертъ въ общественномъ строю жизни Екатерининскаго времени было чрезвычайно большое умноженіе тяжёбныхъ дѣлъ. На первый взглядъ оно будто бросаетъ тѣнь на тогдашнее молодое общество; но смѣю сказать, что это было вовсе не тѣнь, а напротивъ свѣтъ правосудія, который просіялъ сидѣвшимъ во тьмѣ и снѣи смертной. Люди Екатерининскаго вѣка, дотолѣ про-

бавлявшіеся старыми челобитными и во время послѣ-петровскихъ смуть почти отучившіеся искать правосудія у временщиковъ, смѣнявшихъ одинъ другаго казнями и ссылками въ Сибирь—эти люди получили возможность *не бить челомъ*, а подавать прошенія на имя «всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, всемилостивѣйшей своей Монархини». Мудрено ли, что въ обществѣ принялись сводить старые счета и бросились къ подачѣ прошеній о всемъ, о чемъ можно и невозможно было просить? Особливо владѣніе поземельной собственностію, при которомъ бѣдный и богатый бывали близкими сосѣдами, порождало случаи самыхъ вопіющихъ захватовъ и насилій, за которыми слѣдовали безконечныя тяжбыныя дѣла, приводившія бѣдныхъ истцовъ въ Петербургъ. Называвшаяся Сѣверная Пальмира кишѣла этими несчастными, которые, прожившись до послѣдняго гроша, голодные и оборванные, продолжали блуждать въ Сенатъ и изъ Сената, на столько порехнувшись съ основъ здраваго смысла, чтобы не разувѣряться цѣлыми мѣсяцами и годами, что *завтра* дѣло будетъ рѣшено въ ихъ пользу.

Бъ числу такихъ очень жалостныхъ несчастливцевъ принадлежалъ нѣкто Ситниковъ, Глѣбъ Ивановичъ, котораго величали *Сударемъ Прусомъ* по его высокому секундъ-маіорскому чину, заслуженному въ Елизаветинскія войны съ Прусаками. Прослуживши весь долгій срокъ по военному Петровскому артикулу, выслужившись, вынесши на своихъ плечахъ всю нечеловѣческую тягость стародавнихъ войнъ и походовъ, казалось бы, Глѣбъ Ивановичъ имѣлъ все право, получивши изъ полка свой *абшидъ*, обзавестись доброю хозяйкою женою, прижить съ нею малыхъ дѣтокъ и, по день своей маіорской кончины, оставаться въ родительскомъ домосѣдствѣ, отдыхая, если не на лаврахъ, то на копнахъ своего отличнаго луговаго сѣна. Но, увы! Эти-то отличные заливные луга причинили бѣдствіе Глѣбу Ивановичу болѣе тяжкое, чѣмъ войны и походы на Пруса.

Въ сѣдствѣ его родительскаго наслѣдія, милостивою Монархиней пожаловано было какому то новому знатному лицу пятьсотъ душъ, со всею принадлежащею имъ осѣдлою, пахатною и сѣнокосною землею, съ лѣсами, заливными лугами, рѣками, озерами, рыбными и звѣриными ловлями и бобровыми гонями—и со всѣми угоды-

ями, какъ обыкновенно значилось въ жалованныхъ грамотахъ. Базалось бы, новому владѣльцу можно было быть сыту по горло; но нѣтъ! смежные заливные дуга Глѣба Ивановича пробудили волчій голодъ у знатнаго и богатаго сосѣда. «Слышь ты, Прусь!» повелѣлъ онъ сказать черезъ свое подручное лицо. «Добромъ обижняемся со мною. Охота меня взяла на твои смежные заливные дуга—а ты, молъ, знай и смекай поговорку: *«охота пуще неволи»*. И хотя Глѣбъ Ивановичъ смекалъ тайную грозу, которая была въ этихъ словахъ, но обижнять свои зеленые поемные дуга на неудобные косогоры, которые предлагали ему, уступить отцовское и дѣдовское наслѣдіе свое по одному-единному слову, не могъ Глѣбъ Ивановичъ: недаромъ же онъ былъ секундъ-маіоръ и повоенному научился умирать, а не отступать. Онъ взялъ да и написалъ сильному сосѣду: *«Чести вашей великое царское жалованье, а я малое отцовское наслѣдіе блюсти повиненъ ради своихъ безкрылыхъ птенцовъ.»*

Но могъ ли соблюсти мелкопомѣстный Глѣбъ Ивановичъ съ десяткомъ своихъ людишекъ, когда на его дуга нагрянули сотни людей съ кольями и дрекольями, съ косами и граблями, скосили его сѣно, избили его бѣдную челядь, грозили испепелить все домохѣдство сударя Пруса, за тѣмъ забрали сѣно на его собственные подводы и свезли къ богатому сосѣду? Но какъ бы ни ломала сила, а во всѣ времена и лѣта въ душѣ человѣческой сохраняются воздыханія къ правдѣ и стenanія поправнаго права, нравственнаго и гражданскаго. Глѣбъ Ивановичъ, всею ограбленною семьею, стenalъ и воздыхалъ, и подалъ жалостливое прошеніе къ Бѣлгородскому начальнику. Скоро нахѣстники смѣнились. Годы валялось прошеніе: то не признавалось оно, то отвергалось, то пряталось подъ красное сукно. Глѣбъ Ивановичъ въ нищету изводился; а сосѣдъ, генераль-аншефъ, владѣлъ и богатѣлъ захваченными дугами; наконецъ дѣло поступило на рѣшеніе въ Сенатъ. Не видѣть справедливости жалобы ограбленнаго секундъ-маіора нельзя было, и потому г. г. высокоименитые сенаторы, посоломоновски мудро порѣшили такъ: *«въ силу владѣнія, оставить спорные дуга за тѣмъ, за комъ они нынѣ состоятъ; а Ситни*

кова-Пруса, Глѣба Ивановича, по жалобѣ его, удовлетворить.»

Рѣшеніе Сената приводись въ исполненіе съ большою торжественностью. На заграбленные луга выѣхалъ весь уѣздный судъ въ полномъ составѣ: судья, стряпчій, оба засѣдателя, секретарь; оповѣщены ближайшіе помѣщики; прибылъ исправникъ съ сотнями понятыхъ; явился губернской замлемѣръ съ своимъ страшнымъ снарядомъ, въ которомъ, по мнѣнію тогдашнихъ добрыхъ людей, сидѣлъ потаенный чортъ и игралъ живчикомъ, и онъ-то творилъ тѣ неправды, которыя совершались при генеральномъ размежеваніи земель во время Елизаветы Второй. И вотъ, передъ лицомъ неба и земли, на какой-либо нашей плоской возвышенности, выставился столъ съ краснымъ сукномъ, открывалось зеркало поднятіемъ государственнаго двуглаваго орла и секретарь громкимъ возгласомъ «шапки долой!» приступалъ къ чтенію сенатскаго рѣшенія «по указу Ея Императорскаго Величества, Государыни Самодержицы Всероссийской...» Обыкновенно пребывала мертвая, бездыханная тишина при всей продолжительности чтенія; но на этотъ разъ она была нарушена громкимъ воплемъ жены Глѣба Ивановича, повтореннымъ полудюжиною птенцовъ его, которые, глядя на мать, пали на колѣни и вопили въ слухъ ушей жестоковѣйнаго генералъ-аншефа, который здѣсь же стоялъ и, по сенатскому опредѣленію, былъ вводимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе вышесказанными лугами. Но Глѣбъ Ивановичъ не потерялъ своего стойкаго, добронравнаго мужества и въ этотъ свой тяжкій часъ; унимая жену и дѣтей, онъ обратился къ полному присутствію суда съ вопросомъ и просьбою объяснить ему: «Такъ какъ первая часть сенатскаго опредѣленія приведена въ исполненіе и спорные луга отказаны за генералъ-аншефомъ, то теперь судъ благоволитъ приступить къ исполненію и остальной части сенатскаго рѣшенія, а именно: *какъ и чѣмъ* онъ полагаетъ *удовлетворить* его, Глѣба Ивановича Ситникова-Пруса? Вся, даже бестія вѣдомая — секретарь (какъ говорятъ преданіе), поставлены были въ тупикъ заявленіемъ о правѣ удовлетворенія его, сударя Пруса. Повидявши пушистымъ секретарскимъ хвостомъ, судъ объявилъ, что удовлетво-

рить встца онъ не можетъ; а предоставляетъ ему, секундъ-маіору Ситникову, по прозваніи Прусу, отнестись въ Государственный Сенатъ и просить объ указаніи: *«откуда оное удовлетвореніе воспослѣдовать долъетъ ему?»*

И вотъ, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ причинъ *долъло* бѣднѣйшему Глѣбу Ивановичу оставить жену и дѣтей на произволъ сильнѣйшаго сосѣда, собраться со всѣми, что только можно было собрать и вмѣстить въ троечную кибитку, помолиться напутственно, поклониться могилѣ родителей, взять съ нея въ мѣшечекъ землицы съ пескомъ, чтобы, на случай, коли смерть придетъ на чужой дальней сторонѣ, родная, святая земля пухомъ легла и засыпала глаза—и затѣмъ готовъ отправляться въ Питеръ. И вѣдь какъ отправляться? Не по нынѣшней чугункѣ и не на почтовыхъ, а на своихъ—на долгихъ, съ покормами и ночлегами, со всѣми необходимыми задержками и замедленіями на болѣе, чѣмъ полуторатсячеверстномъ зимнемъ пути. Но именно эта-то страшная отдаленность чухонскаго Питера отъ глубинъ срединной Россіи, эта самая тяжелая трудность добраться къ нему, какъ за тридевять земель въ тридесатое царство—вмѣстѣ съ обаяніемъ имени Царицы-Матушки—имѣли ужасающее прельщеніе для людей, обездоленныхъ старою неправдою новыхъ Екатерининскихъ судовъ. Огъ разумѣнія ихъ уходило, не представлялось возможнымъ совершить такой путь, перенести эти страшныя трудности, и чтобы оно вышло напрасно. Нѣтъ! прельстительная несомнѣнная надежда вела несчастныхъ и вѣра, что Матушка Царица, потерпитъ ли она неправду? Но каково же бывало возвращаться по этому долгому, тяжкому тысячеверстному пути, утративши, а не говоря вѣру—но потерявъ обманчивую надежду?

Пока еще нашъ Глѣбъ Ивановичъ былъ веселъ и бодръ своими надеждами, его, какъ мореходца въ пристани, бодрило уже одно то, что онъ въ знатномъ, престольномъ Питерѣ, не сегодня-завтра достигнетъ къ Матушкѣ-Царицѣ, и все пойдетъ, какъ по маслу. Но зима прошла и весна прошла, и лѣто уходило; а надежды Глѣба Ивановича не плодоносили ему ничего. Остановился онъ гдѣ-то у Самсонія и давнымъ-давно началъ свои ежедневныя странствованія

въ Сенатъ. Почти три поры времени года потребовались ему только на то, чтобы дознать и допытаться, у кого его дѣло и принято ли Сенатомъ его подлинное прошеніе. Прошеніе было принято, и когда Глѣба Ивановича начали въ Сенатѣ кормить завтраками, бывшими въ обвиненіи нашего стараго судопроизводства (т. е. *завтра, завтра* ваше дѣло будетъ разсматриваться)—у Глѣба Ивановича обѣдать уже было нечего въ его квартирномъ углу у Самсонія. У него нетолько мысли, а волосы на головѣ поднимались и становились въ ужасъ, когда онъ, въ темнотѣ и холодѣ наступавшихъ, непроглядныхъ осеннихъ петербургскихъ ночей, не спалъ и думалъ: что ѣсть и что еще будетъ съ нимъ? Послѣднія крохи доѣдены тремя ртами, какъ тремя голодными мышами. Съѣдены давно лошади, сбруя, кибитка—все, что только можно было сбыть за какую ни есть денежку, или мѣдный алтынь, и оставалось развѣ грызть старую подошву, но и той уже не было у Глѣба Ивановича и ее давно замѣняла выбрасываемая изъ Сената бумага, которую онъ тщательно подбиралъ и, возвратясь въ свой уголь, сидѣлъ и клеилъ себѣ подошву.

Но и при всей этой послѣдней степени нищеты, Глѣбъ Ивановичъ оставался господиномъ и передъ нимъ стояли его вѣрные слуги: Кондратъ кучеръ и Птаха, его деньщикъ, съ которыми онъ отслужилъ царскую службу и вывелъ его съ собою вмѣстѣ на покой. Девять десятыхъ изъ тогдашнихъ господъ, находясь въ положеніи подобномъ Ситникову-Прусу, хотя съ горемъ и заботою, а навѣрное проѣли бы крѣпостнаго Кондрата, но онъ не могъ. Трое бѣдныхъ старыхъ людей сжились въ одномъ общемъ несчастіи и господство барина сказывалось только тѣмъ, что онъ страдалъ втрое болѣе, страдалъ голодомъ и холодомъ и всею безпріютною нищетою за себя и за двухъ съ нимъ бывшихъ людей. Кондратъ первый не выдержалъ. Онъ повалился въ босыя ноги барина и просилъ, чтобы его отпустили. Отпустить съ чѣмъ и какъ въ тысячеверстный осенній путь? Эта мысль не разъ наводила остолбенѣлый ужасъ на голову Глѣба Ивановича и ему казалось за лучшее, чѣмъ отпустить одного, взяться всѣмъ имъ троицею за руки и отправиться вмѣстѣ... Терпѣли не въ одиночку, и умирать рядомъ!

Но пока человекъ не умеръ, онъ гадаеть и мыслить о живомъ... „А добредеть Глѣбъ Ивановичъ—что онъ принесеть роднымъ, женѣ и дѣтямъ—какую вѣсть? А *завтра*, говорили, дѣло его будутъ разсматриваться въ Сенатѣ и послѣдуетъ какое-либо удовлетвореніе... Нельзя и итти всѣмъ: слѣдуетъ остаться ему Сударю Прусу, хотя бы до вѣстей, какія онъ завтра получитъ изъ Сената.“ А Кондратушка воплемъ вопилъ: „Пусти да-пусти! Христовымъ именемъ пойду: помирать все одно, что въ Питерѣ, что на дорогѣ. Бѣ моему обозу, пристану. Довезутъ добрые люди.“

И вотъ трое нищихъ, взявшись за руки, какъ родные, обездоленные братья, брели слякотью и въ туманѣ одного ранняго осенняго утра, брели въ петербургской Радости всѣхъ скорбящихъ. Тамъ привычныя старыя старушки шопотомъ дивились на эту невиданную троицу, особливо на того, который былъ въ серединѣ—статнаго, могучаго старца. Онъ, какъ рослый дубъ во мху, стоялъ между ними въ своихъ лохмотьяхъ и, когда онъ повергся ницъ передъ иконою и зарыдалъ однимъ глухимъ, безъ словъ, рыданьемъ сердечной муки—у не многихъ остались сухи глаза и не потронулась душа. Съ охами и вздохами, со своимъ назойливымъ любопытствомъ провожала толпа этихъ странныхъ нищихъ людей и никто ничего не понималъ, изъ нѣмой поразительной сцены: какъ вышедши на крыльцо, одинъ нищій упалъ въ ноги тому рослому и, казалось, не могъ оторваться, плача и цѣлуя ступни ему, пока тотъ, величавымъ движеніемъ руки поднялъ и обнялъ его, какъ мать обнимаетъ сына, прощаясь съ нимъ навѣки; и что-то произошло между ними, какъ бы короткій споръ, и стоявшіе ближе будто слышали слова: „барское пожалованіе“, послѣ чего все словно было кончено между этими людьми. Тотъ рослый съ другимъ, неоглядываясь, пошли въ одну сторону; а третій отдѣлился отъ нихъ и побрѣлъ въ другую.

Это Глѣбъ Ивановичъ прощался съ своимъ Кондратушкою вчеромъ и отпускалъ его домой, и между ними точно происходилъ споръ въ послѣднюю торжественную минуту умиительнаго цѣлованія, которое баринъ давалъ своему слугѣ, а слуга отдавалъ барину.—Бѣ времени отправленія Кондрата вся казна Глѣба Ивановича состояла изъ пяти алтынъ. Задумавши итти къ Радости

всѣхъ скорбящихъ благословиться на путь, Глѣбъ Ивановичъ опредѣлилъ за одинъ алтынъ поставить свѣчу къ образу; остальными четырьмя алтынами подѣлился такъ: себѣ съ Птахою взялъ по алтыну, а два остальныхъ отдалъ Кондрату. Но въ послѣднюю минуту прощанія, вѣроятно, вся душа подвиглась у Глѣба Ивановича жалостію и заботою, что онъ съ двумя алтынами отпускаетъ своего слугу; онъ вынулъ свой третій алтынъ и положилъ въ руку Кондрату. Тотъ, почувствовавши у себя всю безмѣрную великость этого дара, возвращалъ, не хотѣлъ принять; но онъ услышалъ тихія, важныя слова, которымъ слуга не смѣлъ не повиноваться: „Бери мое барское пожалованіе“, и Кондратъ взялъ—и можетъ статья, никогда ни одинъ господинъ не давалъ такъ много своему слугѣ, потому что Глѣбъ Ивановичъ отдалъ все, что имѣлъ, какъ Евангельская вдова, все, себѣ не оставивши ничего, даже на одинъ дневной прожитокъ.

Послѣ отпуска Кондрата, жизнь Глѣба Ивановича съ его преданнѣйшимъ Птахою надолго опредѣлилась и заключалась въ слѣдующую очень узкую рамку.

Занимать ту каморку, въ которой они помѣщались втроемъ, у хозяйки своей просфирни Самсоньевской церкви, было уже въ конецъ не по средствамъ Сударя Ситникова-Пруса. Каморка была со стеклушками, слѣдовательно могла называться свѣтелкою; а въ свѣтлицахъ жить такимъ нищимъ, которые не имѣли дневнаго пропитанія, по уму-разуму хозяйки, было не повадно. Сжалившись на высокое смиренство маіорской чести, которая не возражала ей, кропотливой бабѣ, а во всемъ уничтоженіи своемъ все какъ то дѣйствовала на ея закорузлое сердце, просфирня не прогнала нишаго Сударя, а съ его ошипанной Птахою перевела изъ свѣтелки въ темный совершенно уголь перегородки за свою печь. „Хоть темно стойло, да добръ тепло. Вишь вонъ она дура-баба! Чай сто рублей съ чести твоей беру, а печь даю. Спи да лежи, коли ѣсть нечего, а у меня не проси.“

Просфирня ограничила свои благодѣянія теплымъ угломъ и, боясь за податливость своего мягкаго сердца, строгимъ наказомъ запретила, что она знать и вѣдать ничего болѣе не хочетъ. Пусть

они три дня не ѣвши сидятъ, а чтобы у нея Христомъ Богомъ не просили. Она дастъ: потому что она дура жалостливая—дастъ; но послѣ пусть они пеняютъ на самихъ себя. Она выгонитъ ихъ вонъ изъ угла на другой же день. Потому, коли ей стать нищихъ помѣть да кормить, да углы имъ даромъ давать, то ей самой прійдется взять нищую суму, да подъ церковь итти протягивать руку. „Одно знай, Сударь, ты у меня не проси!“ въ конецъ концовъ подтвердила просфирня, водворяя Судари Пруса въ своемъ углу.

И это водвореніе въ Петербургскую-то осень и зиму было такимъ великимъ благодѣяніемъ, что Глѣбъ Ивановичъ со своимъ Птахой о голодѣ и думать забыли. „День съѣлъ, а два стерпѣлъ“ было имъ не учиться стать; а тутъ уголь-то, уголь богоданный, сухой да теплый. Измочить тебя всего непогодь-то, или день пѣлый продрогнуть кости на морозѣ, а тутъ въ ночи самая благодать и дается тебѣ. Обогрѣешься, высушишься, спи ровно на полку въ банѣ: такъ тебя тепло-то со сторонъ, словно мать родная, ласково нѣжитъ и обнимаетъ. И одеждой покрываться не надо, и клеенная-то изъ бумаги подошвы теперь есть гдѣ сушить; а то вѣдь совѣмъ горе брало. Въ сырой да холодной свѣтелкѣ не сохнуть да и не сохнуть, хоть плачь съ ними. А теперь живо селенѣ и на печи высушилъ.

Да что Бога-то гнѣвить! Не такъ совѣмъ безъ свѣта, какъ въ крошечной тьмѣ, оказалось-то въ благодатномъ углѣ. Зато итти просфирня печь, или лучинку засвѣтить въ свѣтцѣ, а сквозь щели-то въ перегородкѣ и имъ огонекъ блеститъ; а когда она на загнетку выгребитъ жаръ изъ печи, просфоры сажать—такъ свѣтъ въ углѣ просіяетъ такой, что они другъ друга въ образъ увидятъ. Птаха, не забывая свою солдатскую муштру, тотчасъ станетъ во фронтъ и скажетъ: здравія желаю вашему высокородію! а Глѣбъ Ивановичъ перекрестится и отвѣтитъ: „Здорово, свѣтъ ты мой, вѣрная Птаха!“

По времени и еще положеніе ихъ улучшилось въ даровомъ углѣ; но эти двѣ неотступныя нужды: пріодѣть грѣшное тѣло и ежедневно кормить несютую свою утробу сильно давали себя чув-

ствовать. Вѣдь живому человѣку, гдѣ хочешь бери, а дай-подай кусокъ хлѣба! Глѣбъ Ивановичъ умудрился немного: чѣмъ такъ голодъ терпѣть, присогласилъ своего Птаху поститься Богу среду и пятницу (благо что и Филипповъ постъ наступилъ) и еще *поне-дѣльничать*, къ тому же, за грѣхи свои и неправды людскія; но и четыре дня въ недѣлю трудно было кормиться Глѣбу Ивановичу въ два рта съ его Птахою.

День ихъ начинался раннѣе-рано. Еще до заутрени поднималась старуха свое тѣсто на просфоры творить и вставалъ Птахъ, не дожидаясь зова и приказа помогать ей во всемъ: дрова носить и воду, въ печи растапливать и тѣсто выкатывать. Глѣбъ Ивановичъ, помолясь Богу, отворалъ совсѣмъ дверцу изъ своего угла и подъ свѣтъ большаго разгорающагося огня въ печи, онъ сидѣлъ на порогѣ и чинилъ, что нужно было пошить и починить, и клеилъ свои подошвы. Съ первымъ ударомъ колокола онъ оставлялъ всю суету мірскую и шагаль въ безразсвѣтномъ мракѣ, что бы ни било ему въ лицо: снѣгъ ли, вихорь ли съ острой мятелю, поливалъ ли дождь—все одно, шелъ своими мѣрными привычными шагами Сударь Прусь и словно онъ цѣлый полкъ въ строю велъ за собою: такъ, грудь впередъ, выступалъ онъ геройски бодро. Въ церкви у Самсонія уже знали и замѣчали всѣ этого пришлого, неизвѣстнаго человѣка, который въ заплатанномъ военномъ камзолѣ на могучихъ, широкихъ плечахъ, приходилъ и становился у одного и того же столба. Рослый и величавый, самъ какъ другой столбъ, онъ неподвижный стоялъ и только мало по малу понижала на грудь его побѣлѣлая голова и, что бы ни пѣлось и ни читалось въ церкви, подъ святныя церковныя слова, у него будто своя обѣдня просвѣтленнаго горя и озаренной скорби въ душѣ его шла, и такъ онъ показывался строгъ и важенъ, какъ-то чуденъ въ этомъ своемъ внутреннемъ озареніи, что, подыми онъ голову и поведи глазами на народъ—ему бы всѣ поклонились въ поясъ.

Просфирня хотя не кланялась Сударю Прусу, но у нея былъ какой то невольный, затаенный почетъ, который она, сама не зная почему, не смѣла преступать передъ нимъ. Завладѣвши Птахою

до конца, обратила она его не только въ работники себѣ, но и въ рабочую свою лошадь, которая совершенно по пословицѣ, возила воду и воеводу—возила, кромѣ воды, дрова на себѣ и мѣшки муки съ рынка, просфоры и самую просфирню на рынокъ, которая, какъ на коню, выѣзжала въ салазкахъ на Птахѣ. Поступая такъ полновластно съ однимъ, старушонка не смѣла требовать отъ другаго ни даже такой малѣйшей услуги, какъ посадить ея больнаго пѣтуха на насѣсть. Единственно, что съ поклономъ и съ приговорами: „дѣло Богу пріемное сударь! не въ зазоръ твоей чести; потрудись, пожалуй, твоя милость!“ выпросила просфирня у Сударя Пруса, это носить продавать къ ранней обѣднѣ черствыя просфоры, пока она къ поздней напечетъ съ Птахою мягкихъ.

И эта первая продажа ознаменовалась въ жизни Глѣба Ивановича цѣлымъ событіемъ. Просфирня, чисто да бѣло, въ расшитое полотенцо, съ красными кумачами, снарядила лукошко, чтобы Глѣбу Ивановичу нести продавать просфоры. Онъ и понесъ; но на дворѣ была такая страшная метель, что Сударь Прусъ, сторонясь отъ нея и охраняя просфоры, сбился съ дороги и, долго блуждая, очутился не у Самсонія, а у Радости всѣхъ скорбящихъ. Вошелъ онъ весь бѣлый въ снѣгу, какъ мертвецъ въ саванѣ; народъ даже немного шерохнулъ отъ него; стояли въ церкви люди, и свѣчи горять, а никто не читаетъ. И Глѣбъ Ивановичъ остановился и не разумѣетъ: что за притча такая? А на эту притчу выходитъ изъ алтаря батюшка-попъ и разводитъ руками. „Міряне! говоритъ: вѣдь это наказаніе Божіе. Мнѣ нельзя начать: *Блаженъ Богъ*, потому кто же скажетъ: *аминь*? Нѣтъ ни дьяка, ни пономаря.“ Глѣбъ Сударевичъ поглядѣлъ на пустой клиросъ и понялъ въ чемъ дѣло. „Начинай, батюшка-попъ! отвѣтилъ онъ, подходя къ клиросу. За дьяка и пономаря я стою!“ И какъ сталъ онъ на клиросъ невзначай, словно отъ земли подъ небеса выросъ; важно, велико перекрестился и, поклонившись на всѣ стороны народу, какъ сказалъ на возгласъ: *аминь!* такъ въ церкви все замерло.... „Божій чтець! Чтець Божій проявился!“ лепетали подъ конецъ утрени старыя старушки и, хотя страхъ былъ, но и любовиство великое ихъ разбирало: что такое въ лукошкѣ то

что онъ шелъ и у клироса поставилъ? Всѣ онѣ передумали и перегадали, пока одна порѣшила такъ: „Нѣтъ, грѣхъ ли, два ли.... хоть смерти укушу, а загляну въ лукошко!“ и со страхомъ и трепетомъ, подобравшись къ лукошку, она какъ заглянула въ него и увидала просфоры — сейчасъ завладѣла лукошкомъ и Глѣбъ Ивановичъ еще утренно на Первомъ Часѣ кончалъ, какъ уже старушки, шушукая, всѣ до одной разобрали просфорки и деньги снесли и положили на исподъ лукошка и поставили его, какъ было, у клироса. Справивши послѣ утрени и всю раннюю обѣдню за дьяка и пономаря, Глѣбъ Ивановичъ только тутъ вспомнилъ о просфорахъ въ лукошкѣ, когда надобно было итти домой. „Вручили вы меня, матери мой!“ сказалъ онъ, минуя стоящихъ старушекъ; но онѣ пустились за нимъ въ догонку, цѣплялись за него и, суя ему въ руки денежки и полуски, причитывали: „Чтець ты Божій! прійми... не побрезгай... и Христось ленту вдовью принималъ, да царство обѣщалъ“. «Вдова, вдова я, батюшка, что твое лукошко сама брала! и мою копѣчку возьми. На вдовью малость не подиви, чтець ты, разумниѣ Божій!“ И стало оно такъ, что каждую раннюю обѣдню приходилъ Сударь Прусъ съ лукошкомъ просфоръ, ставилъ лукошко у клироса, а самъ читалъ и пѣлъ на клиросѣ; просфоры у него разбирали и самъ онъ получалъ странную великую милостыню, о которой не онъ просилъ дать, а ему сами давали—и съ низкимъ поклономъ просили принять.

И эта единственная милостыня, какъ птицъ небесныхъ, питала Сударя Пруса съ его Птахою. Птаха запряженъ былъ отъ ранняго утра до поздняго вечера въ ломовой извозъ старухи просфирни и заработать ему на кусокъ хлѣба со стороны не было никакой возможности; развѣ случалось, что на рынкѣ боголюбецъ какой или чаще всего самая бѣднѣйшая изъ бѣдныхъ старушка взглянетъ на него и долго смотритъ, качая головой, и затѣмъ сунетъ что-нибудь въ руку и побѣжитъ неоглядкою прочь. Это бывалъ единственный заработокъ Птахи, но онъ не бывалъ слишкомъ частымъ. Просфирня, положивши свой вѣрнѣйшій наказъ не просить у нея—кажется, сама не вѣрила въ возможность исполненія: „Не про-

сят! сказывала она своимъ товаркамъ. По дню не ѣвши сидать и пары изъ усть не выпускають. Пробовала хлѣба оставлять—не берутъ. Это черти терпячіе, а не люди“. И едва ли, по странно-му своенравію человѣческаго сердца, не съ умысломъ старуха просфирня налегала такъ на Птаху, чтобы заставить *терпячихъ* попросить у нея и она бы съ радостію дала; но въ томъ-то и дѣло, что эти до конца смирившіеся люди ничего и ни у кого не просили и только одно—*терпѣли*. Сударь Прусь, воротившись отъ ранней обѣдни и награжденный великою, человѣческою милостыней за свое Божіе дѣло церковнаго бдѣнія и чтенія, садился съ своимъ вѣрнымъ Птахою, какъ онъ называлъ это, Бога хвалить ѣдою и питьею и, какъ братъ съ братомъ, какъ отецъ съ сыномъ, дѣлилъ господинъ со слугою все до послѣдней крохи. Глѣбъ Ивановичъ радъ былъ бы въ щедротѣ своего великаго сердца передать лишнее Птахѣ; но Птаха, въ свою очередь, слѣдилъ за дѣлею и слѣдилъ именно за тѣмъ, чтобы не получить большаго, и потому приходилось, съ самою вѣрною точностію, брать и давать все пополамъ. Затѣмъ, окончивши свою святую трапезу любви и хвалы Богу, Сударь Ситниковъ Прусь отправлялся въ Сенатъ. Это было для него такимъ же неотложнымъ, непремѣннымъ, неотмѣнимымъ ежедневнымъ ходженіемъ: какъ въ церковь, такъ и въ Сенатъ. Пойти туда, стоять тамъ, ждать отъ самаго пріѣзда гг. сенаторовъ съ десяти часовъ и до отъѣзда ихъ къ тремъ, переносить отказы, насмѣшки, поруганія отъ писарей, толчки отъ сторожей, просить со слезами, съ земными поклонами всякаго, кого стояло и не стояло просить—исполнивши все это ежедневнымъ неуносительнымъ подвигомъ, Глѣбъ Ивановичъ могъ чувствовать себя правымъ передъ своей семьей въ томъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ все, что могъ человѣкъ сдѣлать и вытерпѣть въ его положеніи. Онъ такъ истинно и понималъ это, когда, пришедши съ какого-либо особенно труднаго ходженія, онъ садился отдыхать въ своемъ темномъ углу и, въ полузабытій усталости и тяжкаго горя, шепталъ, разговаривая самъ съ собою: „Дѣтки! жена голубушка! былъ въ Сенатѣ... Не облѣнился старый отецъ, былъ...“ и захлебывался слезами.

Такъ жилась горькая жизнь у Глѣба Ивиновича съ его Птахю.

Однажды, за немного дней до Рождественскихъ праздниковъ, привезъ Птаха мѣшокъ муки съ рынка и, вмѣсто того, чтобы ему опять снѣшить на рынокъ еще за мукою, или за самою просфирнею, онъ остановился, выпрямился и, дѣлая какъ бы на караулъ, по-солдатски, воскликнулъ: «Ваше высочорodie! неприяТЕЛЬская позиция, коя въ позитурѣ нашей диспозиціи... Забылъ съ, батюшка сударь, по-ученому. Вѣсти я хорошія принесъ». Ожидать откуда либо хорошихъ вѣстей давно отвыкъ Глѣбъ Иваничъ. Онъ даже не спросилъ: «какія?» а только сказалъ: «Что, Птаха моя! Еще ты съ голоду не потерялъ голоса». И услышалъ разсказъ, что Птаха встрѣтился на рынкѣ съ бывшимъ своимъ тамбуръ-мажоромъ, который живетъ у какого-то князя на кухнѣ, такъ-то знатно утреннюю и вечернюю зорю по кострюлямъ выбиваетъ; сводилъ его къ самому княжескому повару. А княжескій поварь, какъ взглянулъ на Птаху, словно цо писанному прочиталъ. «Чай у тебя вѣдьма съ лица-то всю кровь высосала? Накормите его! крикнулъ поваренкашъ. Вишь у него голодъ-то изъ глазныхъ ямъ, что дивная кошка глядитъ!» Добрый такой княжескій поварь! и спрашиваетъ: что мы? какъ бѣдствуемъ? и говоритъ: «вольно-же вамъ, деревенщина запольная, помирать съ голоду, коли про вашу голодѣбу заѣзжую, почитай, во всѣхъ княжескихъ и сенаторскихъ домахъ столы накрыты стоятъ. Приходи—садись, пей—ѣшь, никто тебя не спроситъ: кто ты такой и откуда; а наѣлся, напился отдашь честь хозяину поклономъ, и ступай себѣ, куда знаешь. Скажи своему маіору—крѣпко наказывалъ поварь. Есть еще мундиръ? не съѣли вы? Пусть надѣваетъ мундиръ и приходитъ за нашъ княжескій Щербатовскій столъ. Не хуже другихъ накормимъ».

Понятное дѣло, что Глѣбъ Иваничъ слушалъ рѣчь своего Птахи, какъ сказку какую-то неслыханную, и показалось ему, что не ума ли порехнулся онъ съ голоду, что о княжескихъ обѣдахъ сказываетъ. Но нѣтъ! Давно Птаха не бывалъ въ такомъ своемъ живомъ да веселомъ нравѣ; выдвинулъ изъ темнаго угла на свѣтъ

скрынку съ пожитками ихъ, досталъ мундиръ со всѣми секундъ-майорскими препаратами и только что не въ одиночку хорождъ водить, а толчется вокругъ, припѣваетъ; развѣсилъ все по колушамъ и вычистилъ, выхолилъ, всякую пушиночку и сориночку пальцами и губами снялъ. «Готово-съ, ваша честь-съ! Извольте-съ надѣвать майорскую амуницію». Но важнѣе еще майорской амуниціи у Сударя Пруса не было готово разумѣніе: какъ это онъ встанетъ, и пойдетъ, и сядетъ за княжескій столъ, онъ, не званный не прощенный—никогда въ глаза не видавшій Щербатова князя и самъ онъ никому въ домѣ невѣдомый. Нѣтъ! въ этой притчѣ, да семь притчей сидитъ. Не пойдетъ онъ такъ. «Пойди, Птаха, разузнай: какъ тому можно быть?» Птаха возвратился съ подтвержденнымъ извѣщеніемъ, что сумнѣнія никакого нѣту. Приходи кто хочеть и садись за княжескій столъ. Приборы на поготовѣ стоятъ и только одно, чтобы платье было мало-мальски приличное дворянину; безъ приличнаго нельзя: потому, чтобы не зазорно было другимъ званнымъ гостямъ и самому хозяину.

Глѣбу Ивановичу также трудно было понять, какъ и намъ теперь эту сказочную былъ въ общественной жизни нашихъ Екатерининскихъ дней. Старинное русское хлѣбосольство, передъ тѣмъ, какъ пасть ему подъ наплывомъ чужестранныхъ обычаевъ, разцвѣло своимъ послѣднимъ, пыннымъ, почти, можно сказать, божественнымъ цвѣтомъ. Я не берусь опредѣлить, что именно вызвало это роскошное цвѣтеніе и преимущественно въ обѣихъ столицахъ (можетъ быть, именно страшная многочисленность лицъ прибывавшихъ изъ дальнихъ мѣстъ Имперіи, которыя по дѣламъ должны были оставаться надолго, проживались и бѣдствовали на подобіе Глѣба Ивановича); но только въ Москвѣ и въ Петербургѣ было въ обычаѣ въ самыхъ знатныхъ и вельможныхъ домахъ держать *открытые столы*. Въ тому часу, когда принято было въ домѣ садиться за столъ, приходилъ съ улицы всякій, кто былъ достаточно прилично одѣтъ, чтобы можно было судить по платью, что онъ дворянинъ; дворецкій прежде вводилъ этихъ гостей въ столовую, за тѣмъ шель докладывать хозяину съ другими званными гостями, что кушанье подано. Торжествующій хозяинъ, какъ умѣли тор-

жествовать наши Екатерининскіе бары, шель послѣдствуемъи вереницею своихъ великолѣпныхъ гостей и на мгновение приотставлялся на входѣ въ столовую, чтобы однимъ привычнымъ, испытующимъ взглядомъ окинуть всю гордую роскошь убранства своего стола и этихъ гостей своихъ съ улицы привѣтствовать благовоительнымъ поклономъ своего величаваго барства. Послѣ чего званые гости садились, какъ извѣстно, по чинамъ отъ хозяина; а тѣ незваные занимали нижній конецъ стола, безъ чиновъ, кто гдѣ сѣлъ, тамъ и ѣлъ великое барское хлѣбосолюство. На вставаньи вельможный хозяинъ тоже не забывалъ почтить отвѣтнымъ поклономъ тѣхъ, кого онъ удостоилъ сидѣть за своимъ столомъ, и затѣмъ всѣ сношенія и отношенія амфитріона къ его пришлымъ гостямъ были кончены. Онъ никогда не зналъ, кто они, и только развѣ болѣе постоянныхъ посѣтителей замѣчалъ иногда въ лицо.

Въ такой-то разрядѣ гостей, невѣдомыхъ хозяину, готовился поступить и нашъ Сударь Прусъ, но не пожелалъ нарушать своего поста и порѣшилъ: коли Богъ приведетъ, разговѣться княжескимъ обѣдомъ въ Рождество Христово.

Насталъ этотъ вдвойнѣ торжественный день для святого праздничнаго чувства бѣднаго, обездоленнаго, по могучаго старца. Онъ именно показывался старцемъ отъ снѣжной, сіяющей бѣлизны всякаго волоса, выцвѣтшаго и поблѣвшаго до блеска на его головѣ и лицѣ. Въ темно-зеленомъ суконномъ кафтанѣ съ золотомъ и съ разными вететами, прямой и величавый, съ скромнымъ, глубокимъ блескомъ глазъ, свѣтящихся силою покорнаго страданія, и съ крѣпко подклеенными бумажными подошвами, Глѣбъ Ивановичъ былъ такъ приличенъ и важенъ, что его можно было посадить не то что за княжескій, а за самый царскій столъ. Это почувствовалъ первый дворецкій Шербатовскихъ княжескихъ палатъ, встрѣчая входящаго Сударя Пруса вопросомъ: «Какъ прикажете доложить о вашей чести?» Никакъ, отвѣчалъ Глѣбъ Ивановичъ, съ силою прямаго, неуклоннаго слова. «Если есть мѣсто за княжескимъ столомъ, я сяду; а нѣтъ, я пойду». «Какъ не быть? Есть-съ. Пожалуйста-съ», ввелъ его дворецкій въ столовую, растворяя передъ нимъ дверь.

Ничего не было бы страннаго въ томъ, если бы Глѣбъ Ивановичъ, послѣ темнаго угла у просфирни, изумленъ былъ зрѣлищемъ княжескаго пиршественнаго покоя; но онъ, не то чтобы изумился, а уже очень въ душѣ своей застыдился этихъ ребятковъ безъ покрова, которые со всѣхъ сторонъ прицѣливались устрѣлить Сударя Пруса и, полагать, должно *нимбій* любострастныхъ, смѣющихся и державшихъ свои передники, полные цвѣтовъ, которыми онъ, казалось, готовы были осыпать побѣлѣющую голову, увѣчанную страданіемъ. Въ смущеніи своего цѣломудреннаго стыда, Глѣбъ Ивановичъ не смѣлъ поднять глазъ и не видѣлъ, а только слышалъ, какъ, въ торжественномъ молчаніи, раздались шаги и вошелъ хозяинъ съ высокими гостями; какъ, шума, разсаживались вдоль стола; его самого подвинула чья-то рука, и, когда онъ, опаматовавшись, поглядѣлъ передъ собою, первое, что онъ увидѣлъ: прекрасную бѣлую булочку, выпеченную съ княжескимъ гербомъ, которая лежала у него на кувертѣ; самъ онъ сидѣлъ послѣднимъ на низшемъ концѣ стола; а прямо противъ него, далеко впереди, возсѣдалъ на высокомъ креслѣ хозяинъ и будто онъ поглядѣлъ на Сударя Пруса.

Такъ начались княжескіе обѣды нашего долго голодавашаго Глѣба Ивановича Ситникова-Пруса и, что первое онъ увидѣлъ за столомъ, то и осталось предметомъ его высшаго удивленія, — это княжеская булочка.

Она показывалась ему такою прекрасною, ни съ чѣмъ несравнимою, что самому съѣдать ее, не раздѣляя съ Птахою, становилось угризеніемъ совѣсти. Кто можетъ повѣрить, до чего сдѣлалось тонко нравственное чувство въ секундъ-маіорѣ Елизаветинской службы, что онъ не могъ пить вина за княжескимъ столомъ и не пилъ его, удерживаясь единственно тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніемъ сердца, что вотъ онъ ѣстъ и пьетъ, и станетъ еще упиваться виномъ веселія; а выросшій въ друга и брата ему, слуга его вѣрный — хорошо если, въ своемъ темномъ углу, грызетъ сухарь, размоченный въ водѣ. И доставить Птахѣ княжескую булочку сдѣлалось такимъ непреодолимымъ желаніемъ у Глѣба Сударевича, что онъ повелъ глазами на гостей и хозяина, оглянулся на слугъ и, не взирая на безстыжихъ ребятковъ и на веселыхъ дѣвочекъ, которыя съ потолка смѣялись ему, Сударь Прусъ протянулъ руку, взялъ свою булочку и положилъ себѣ въ карманъ.

И разъ испытавши эту великую радость принести Цтахъ даръ отъ княжескаго стола, Глѣбъ Ивановичъ уже самъ не вкушалъ булочки, а незамѣтно опускалъ ее въ карманъ и несъ домой, веселый и довольный. Онъ уже попривыкъ къ своему застольному положенію и слуги его знали, и его право на разъ-занятое мѣсто въ концѣ стола, противъ князя, оставалось за нимъ и едва-ли не самъ князь-хозяинъ замѣтилъ все одно и то же скромно-величавое лицо, сидящее вдали, прямо передъ его княжескимъ лицомъ.

Всѣ такъ праздники прошли, и Новый Годъ, и Святое Крещеніе прошло. На самаго Ивана Крестителя идетъ Сударь Прусь къ обѣду, и слуга, отворяя ему дверь, сказываетъ: «Большой пиръ, сударь-сь. Наши-сь изволили быть званы, отиѣнно отъ прочихъ господъ, во дворець-сь на вечернюю святую воду и изволили принять благоволеніе отъ высочайшихъ рукъ: табакерку съ алмазами-сь. Такъ вотъ, на большой радости-сь, табакерку празднуемъ. Не то ваша честь, а кто хочешь идти, всѣхъ напоимъ и накормимъ знатымъ угощеніемъ. На томъ наша княжеская честь стоитъ-сь». „И дай ей, Господи, стоять отъ вѣку до вѣку!“ съ чувствомъ проговорилъ Глѣбъ Ивановичъ, проходя въ столовую. И дѣйствительно, столько вышло и сѣло знатныхъ и вельможныхъ господъ, что, кажется, въ десять разъ не бывало ихъ больше, чѣмъ въ одинъ этотъ день наѣхало. Но всѣмъ мѣсто нашлось, и за Сударемъ Прусомъ осталось его.

Въ половинѣ стола, такъ-ли просто пожелалось сятельному хозяину изъ новой жалованной табакерки взять щепоть пикантнаго французскаго табаку, или приэтомъ было другое желаніе, только табакерка заиграла алмазами въ бѣлыхъ рукахъ и возбудила общее вниманіе гостей. Кто видѣлъ ее и кто не видѣлъ, всѣ, въ честь и на радость хозяину, пожелали посмотреть монаршее къ нему благоволеніе, и пошла жалованная табакерка ходить по гостямъ, изъ рукъ въ руки, кругомъ всего стола. Трепетно было чувство радостнаго благоговѣнія, съ какимъ Глѣбъ Ивановичъ взиралъ на передаваемый по гостямъ даръ Монархини и ожидалъ, въ свой чередъ, первый разъ въ жизни, коснуться недостойными руками той вещи, которую дрожайшая Монархиня сама держала въ царской ручкѣ своей; какъ ни живо и преданно было это

вѣрнопопданническое чувство, но и булочку-то, булочку свою не могъ никакъ позабыть Сударь Прусь. Когда незамѣтнѣе припрятать ее, какъ не теперь, когда вниманіе всѣхъ занято ею одною, жалованною табакеркою? И припряталъ, по обыкновенію, свою булочку въ карманъ себѣ Глѣбъ Ивановичъ. Затѣмъ и ему далась въ руки жалованная царская табакерка. Съ невольнымъ порывомъ всепреданнаго восторга секундъ-маіоръ Ситниковъ-Прусь во весь ростъ всталъ, и подивились всѣ, какъ онъ преклонилъ голову къ царскому пожалованію и облобызалъ табакерку, и ни мгновенія лишняго онъ не посмѣлъ удержать ее въ своихъ дрожавшихъ отъ волненія рукахъ и передалъ благоговѣнно сосѣду, слѣдя пристальными глазами, какъ она шла и шла, отъ низшаго конца, все выше и выше.

А между тѣмъ и обѣденный столъ шелъ въ разсказахъ и разговорахъ, въ полномъ веселіи своемъ; ѣли и пили, какъ говорилось тогда, «знатно, хорошо», въ честь гостямъ и славу хозяина. Наконецъ приближалась послѣдняя торжественная минута заданнаго пира чествовать табакерку и восхвалять милостивую Монархію.

Заздравное вино разлито стояло передъ гостями въ граненыхъ съ золотомъ хрустальныхъ бокалахъ, и чествованіе должно было совершиться такъ. Въ истинное подобіе табакерки испеченъ и изукрашенъ былъ всѣми сладчайшими и прекраснѣйшими роскошами пирогъ величины непошѣрной. Его слѣдовало внести самому дворецкому съ двумя ассистентами на серебрянномъ блюдѣ и поставить въ верхнемъ концѣ стола передъ княземъ-хозяиномъ. Князь благоволилъ бы возложить на пирогъ истинную, жалованную ему царскую табакерку и всюю своею семьею и всѣмъ родомъ своимъ княжескимъ, почтеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, долженъ былъ бы взяться за блюдо съ пирогомъ и, поднимая его вверхъ, воскликнуть одинъ разъ: „Да здравствуетъ Государыня милостивая!“ и всѣ гости должны были низко поклониться и въ другой разъ князю воскликнуть: „Да здравствуетъ Государыня милостивая!“ и всѣ гости также въ другой поклониться; и въ третій разъ: „Да здравствуетъ Государыня милостивая на многія лѣта!“ И всѣ гости родостно воскликнуть: „Да здравствуетъ Государыня на многія лѣта!“ И тотчасъ пѣвчіе воспѣтъ: „Многая лѣта!“ Послѣ

многочѣтія, которое бы гости слушали стоя и съ бокалами въ рукахъ и припивая за здравіе Государыни, пѣвчіе должны были начать величаніе гимномъ: *Славься симъ, Екатерина*; а гости сѣсть и праздновать въ веселыхъ разговорахъ; между тѣмъ, какъ хозяинъ собственно-ручно рѣзалъ бы пирогъ и, рассылая каждому гостю часть, тѣмъ какъ-бы приобщалъ его радости самаго царскаго пожалованія золотой табакерки съ алмазами. Такъ слѣдовало-бы праздновать; такъ и началось чествованіе.

Внесено было на серебрянномъ блюдѣ испеченное сладкое подобіе въ огромномъ видѣ жалованной табакерки и поставлено блюдо передъ самимъ хозяиномъ. Отступилъ дворецкій съ ассистентами, и вся поднялась семья и княжеская родня подвиглась вся съ своихъ мѣстъ, обступая верхній конецъ стола; протянулись руки и самъ князь всталъ—и опустилъ онъ руку въ одинъ карманъ и не вынесъ ее на верхъ; опустилъ другую въ другой и стоитъ такъ, глядитъ на всѣхъ; поглядѣлъ вокругъ на столъ, поискалъ и называется: «Табакерки нѣтъ!...» Какъ нѣтъ? Виновницы торжества, жалованной табакерки? Да вѣдь она была! Ее всѣ видѣли и въ рукахъ держали—да видно залюбовали. «Нѣтъ ея!» показалъ хозяинъ на видъ свои пустые вывороченные карманы. Такъ если хозяинъ выворотилъ гостямъ свои карманы, то гости тѣмъ болѣе, себя не помня, лая сами по своимъ карманамъ и выкладывая, что было въ нихъ—начали просить въ одинъ голосъ, чтобы всѣхъ ихъ обыскали, какъ они сидятъ за столомъ и не трогаются съ мѣстъ; пусть идетъ дворецкій съ ассистентами и по ряду осматриваетъ каждого; такъ какъ на всѣхъ можетъ падать подозрѣніе, потому что всѣ глядѣли и держали въ рукахъ табакерку.

А, можетъ быть, у кого и по нечаянности затаялась пропажа! Все статься можетъ въ такомъ удивительномъ случаѣ! Каждый изъ гостей, сконфуженно, не довѣрялъ самъ себѣ и, опуская руку свою въ карманъ, не былъ увѣренъ, что не вынетъ оттуда табакерку. Одинъ Глѣбъ Ивановичъ вѣрно зналъ, что табакерки у него не было, но булочка-то, булочка была у него въ карманѣ! Приблизится дворецкій съ ассистентами и вынетъ ее на показъ всѣмъ! Какъ же не воръ-то сидитъ за княжескимъ столомъ, коли онъ ѣсть и пить тутъ, и въ карманъ прятеть. Съ полчинымъ его бе-

руть. Съ бульвою не разстался! А табакерка тѣмъ болѣе, порѣшать всѣ, отъ рукъ его, Сударя Пруса, не ушла...

— Я не воръ! поднялся онъ, величавымъ движеніемъ руки отстраняя дворецкаго. А я маіоръ и чести моей урону не поущу, чтобы осматривали меня. Пусть меня осматриваетъ самъ князь, коли есть сумнѣніе на меня, беретъ меня и ведетъ въ отдѣльный покой, а ты, слуга, отойди и не смей коснуться меня!

Одни гости глаза опустили отъ сомнѣнія и явнаго подозрѣнія; а другіе просто въ удивленіе пришли, слушая продерзость такую.

А между тѣмъ, вельможный хозяинъ успѣлъ довольно опомниться отъ неожиданности, его поразившей, и, со словъ маіора, еще живѣе почувствовалъ недостойнство этого обхожденія съ гостями, хотя бы и ими самими вызваннаго, и тотчасъ велѣлъ прекратить осмотръ.

— «Полно!» произнесъ онъ съ величавой осанкою; Царское пожалованіе въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ. Я увѣренъ, что табакерка найдется» посмотрѣлъ онъ пристально на Глѣба Ивановича. «Начнемъ величать монаршую милость.»

И началось подыманіе пирога и все прочее, какъ выше сказано; но все оно было не то безъ виновницы торжества, безъ пропавшей табакерки. Все—нѣтъ, нѣтъ, да гости во всѣ глаза и посмотрятъ на Сударя Пруса съ верхняго конца стола; а на нижнемъ концѣ всѣ поотодвинулись отъ него и онъ, на своемъ послѣднемъ мѣстѣ, оставался сидѣть, прожигаемый насквозь рѣдкимъ взоромъ князя-хозяина и неотступными глазами слугъ, которые, какъ ястребъ за добычею, слѣдили за оттопырившимся карманомъ Глѣба Ивановича.

Никогда, ни даже съ самаго горчайшаго изъ горькихъ хожденій своихъ въ сенать, не возвращался Сударь Прусъ въ такомъ разстроенномъ и убитомъ видѣ, какъ онъ вошелъ съ пира къ просфирнѣ, не замѣчая, здѣсь ли она, или нѣтъ. По случаю, ея не было. Отъ скорой ходьбы и тяжело ступавшихъ ногъ, бумажныя подошвы отлетѣли и, стоя съ голыми пальцами и съ поникшими взорами, онъ, задыхаясь, проговорилъ: «Птаха братъ! поцѣлуем и поклонимся Богу. Послѣдняя напасть пришла: я воръ! Господа и слуги думаютъ, что я укралъ—укралъ золотую жалованную табакерку!» Ницъ припалъ онъ на землю и, поднявшись, обнялъ голову Птахи и—не заплакавъ въ своей напасти Сударь Прусъ.

Очень уже отъ огорченія, какъ будто самъ не свой, жалѣзномъ скрѣпился онъ и не пустилъ слезы, какова есть, ни одной!

Но надобно было подумать о завтрашнемъ днѣ. Срамъ свой воровской нести, или не нести, на обѣдъ къ князю? „Я навѣтникомъ на себя не буду“ порѣшилъ Глѣбъ Ивановичъ. „Не иди—значить завѣдомо рѣшить, что воръ я и боюсь показать свои воровскіе глаза; а меня воровъ мать не родила и Господь Богъ нищимъ меня поставилъ, а въ воровствѣ не указалъ быть. Что я булочку-то въ карманѣ приносилъ? Такъ развѣ воръ отъ своей души отниметъ, да подастъ другому? А я свое бралъ, что щедрота княжеская давала мнѣ и отъ своей сердечной щедроты Штахъ своему давалъ—не кралъ!“

Подъ симою этихъ простыхъ, здравыхъ размышленій, воспринятыхъ скорбнымъ, глубокимъ чувствомъ, шелъ Глѣбъ Ивановичъ на обѣдъ къ князю съ поднятою головою; но старые честные глаза его на поѣвину глядѣли въ землю. Но если бы онъ взглянулъ попряме въ лицо отворявшаго ему дверь слуги и потомъ на выраженіе лицъ другихъ слугъ, которые съ предупредительностью давали ему проходъ, онъ-бы замѣтилъ что-то, чего не было вчера и третьяго дня. Но человекъ скорби и печали, несшій на своихъ плечахъ послѣднюю напасть, которая далась ему; онъ ничего не замѣчалъ.

Глѣбъ Ивановичъ шелъ, сознавая одно: что онъ нѣсколько запоздалъ и что ему приходится, на конечную свою бѣду, войти одному передъ всѣми сидящими гостями и кланяться хозяину и всѣмъ на всѣ стороны его опозоренною бѣлою головою. „Подавай Богъ силу!“ произнесъ онъ, неслышно шевеля губами—„коли Ты Богъ, Господи, а я человекъ стою“. И ставши среди княжеской столовой, онъ поднялъ глаза; но и всѣ гости за столомъ стояли, и самъ хозяинъ стоялъ на своемъ первомъ мѣстѣ и, прежде чѣмъ Сударю Прусу поклониться ему—Щербатовъ князь низко наклонилъ свою голову и сказалъ:

— Насилу ты пожаловалъ! А я думалъ, что ты проклялъ мою хлѣбъ-соль и не придешь болѣе. Твое мѣсто не тамъ, не на послѣднемъ концѣ... Иди, другъ мой! (не знаю, какъ тебя по имени назвать), садись рядомъ со мною....

Если бы Глѣба Ивановича встрѣтили какими угодно оскорбленіями

II.

Эрмитажъ! Одно это слово и за тѣмъ проблески историческихъ воспоминаній объ эрмитажныхъ вечерахъ Екатерины представляютъ ее потомству съ сіяющею граціею Олимпійскаго божества.

Царица безъ вѣнца и порфиры, царствующая умомъ и прелестью женственнаго обаянія, отдающаяся искренности бесѣдъ своихъ милыхъ друзей и веселости смѣха, тонкая цѣнительница сказаннаго слова и угадчица затаенной мысли—едва-ли не между всѣми умными людьми эрмитажныхъ вечеровъ Императрица Екатерина была не самымъ умнымъ, живымъ умомъ?

Эти *les jeux d'esprit*, переведенные на простые русскіе нравы тогдашняго времени, отнимали послѣднюю церемонность у эрмитажныхъ вечеровъ, и царственная хозяйка ихъ, до обворожительности, являлась простою, милою хозяйкой.

Такъ было и въ этотъ знаменательный вечеръ для моего чуда Екатериненскихъ дней—въ вечеръ, на который князь Щербатовъ былъ осчастливленъ приглашеніемъ.

Шла какая-то игра *Мнимо-болѣлаго*. Можетъ быть, и Мольеровскій «*Malade imaginaire*» послужилъ къ тому поводомъ...

Императрица, въ томности болящей, полулежала на софѣ, и играющіе должны были представлять изъ себя *дохтуровъ* всѣхъ странъ и народовъ: химиковъ и алхимиковъ, факировъ и всякаго люду, который бы собрался съ своими лекарствами къ одру болящей царицы Киргизъ-Кайсацкой Орды.

И какъ являясь на эрмитажные вечера нельзя было знать какой оборотъ примутъ игры и во что именно придется играть, то объявленіе игры, внезапно вытекавшей изъ какого-нибудь случайнаго повода и, если къ тому еще игра требовала фантастическихъ, или историческихъ переодѣваній, или вообще какихъ-либо внѣшнихъ приготовленій къ ней—это поднимало самую живую суету, бѣготню. Въ эрмитажѣ совершалось подобіе того, что происходило въ помещичьихъ дѣвичьихъ во время святочныхъ и масленичныхъ переряженій. Придворные, какъ разшалившіяся дѣти, бросались по угламъ и закоулкамъ жилыхъ комнатъ дворца, не взирая ни на что, не останавливаясь ни передъ чѣмъ—правомъ веселаго грабежа и все-

опустошающаго набѣга игры они брали, хватали, добывали всякій себѣ статьи и принадлежности своего явленія и представленія себя въ игрѣ, и все это со смѣхомъ, захватывающимъ духомъ, безъ оглядки, бѣлясь, сурмясь и рядясь на-бѣгу и, чѣмъ это раженіе было неподходящѣ къ дѣйствительному значенію лица и къ чину его высокаго положенія при дворѣ, тѣмъ оно выходило уморительнѣе, смѣшнѣе, веселѣе въ игрѣ. Такъ что великолѣпные придворные Екатерины, перераженные въ несуществующіе костюмы простынь, вывороченныхъ наизнанку кафтановъ—въ разныя тряпки и кофты, часто добытыя у женъ истопниковъ, съ кокошниками, вмѣсто испанскихъ токовъ и пр. и пр.—не мало походили въ ихъ множественномъ числѣ, на геркулесовъ, прядущихъ у ногъ Омфалы, только не пряжу, а серебряную нить шумныхъ, веселыхъ эрмитажныхъ игръ иной царствующей полубогини.

Такъ и въ игрѣ *Мнимо-болынаго* шло невообразимое смятеніе докторовъ, бѣгавшихъ, искавшихъ натянуть на себя свою лекарскую кожу. Скорѣе всѣхъ справился средневѣковый алхимикъ.

Онъ выворотилъ на изнанку свой собственный капуциновый кафтанъ и, сдѣлавши его чернымъ саржевымъ, успѣлъ счастливо добыть такую же черную саржевую юбку и ея, какъ зналъ, восполнилъ остальную статью наряда, и такимъ образомъ, въ полномъ черномъ костюмѣ ученѣйшаго доктора съ маленькимъ китайскимъ подносцемъ въ рукахъ, на которомъ стояла тоже китайская крохотная чашечка и, возлѣ нея, тонкая и высокая стѣляница съ лекарственнымъ снадобьемъ, имѣвшимъ видъ сладкаго придворнаго оршада, мудрый алхимикъ, приступая къ богоподобной царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Орды, преклонилъ одно колѣно и рѣчью учено-пересыпанною латинскими цитатами, указывалъ на чудодѣйственную силу своего лекарства, надъ измышленіемъ котораго онъ провелъ тридцать лѣтъ и три года.

Царевна, съ томною улыбкою, подивилась столь достойному образцу прилежанія, что еще болѣе воодушевило алхимика къ ученымъ похваламъ себѣ самому и своему снадобью, для котораго онъ также измыслилъ мудрое наименованіе: *Elixir someatea perpetuum ceasarum*, т. е. *жизненный элексиръ царей*, и, наливая свою китайскую чашечку, алхимикъ подалъ элексиръ высокой больвой.

Она своей снѣжнобидной рукою приняла отъ алхимика чашечку, поднесла ее къ устамъ и, будто вкусивши, остановилась.

— Мудрый алхимикъ! сказала она, твое лекарство мнѣ давно знакомо. Сіе не жизненный элексиръ царей, а *услажденіе лести*, которое мнѣ и здоровой надобно. Иди! твое лекарство не исцѣлило меня.

Едва отступилъ алхимикъ, какъ приступилъ какой-то блуждающій факиръ съ береговъ Гангеса: босой, безъ башмаковъ, въ однихъ тѣлеснаго цвѣта длинныхъ шелковыхъ чулкахъ и сверхъ всего пестрой накинутаю юбочки, завязанной у подбородка. Безъ парика и волосъ, онъ украшался вѣнкомъ изъ остролистныхъ растений и былъ невѣроятно смѣшонъ. Царственная мнимо-больная едва удерживалась отъ веселаго, здороваго хохота. Онъ поднесъ ей на широкомъ зеленомъ листѣ лотоса нѣсколько круглыхъ яптарныхъ зеренъ (которыя факиръ грабительскою рукою сорвалъ съ шеи молоденькой фрейлины), возвѣщая, что эти кажущіяся зерна антаря суть всеизцѣляющія пилюли и простые смертные принимаютъ ихъ въ простомъ видѣ, а для больной царевны Киргизъ-Кайсацкой онъ принесъ ихъ золотыми.

Больная потревожилась на своихъ атласныхъ подушкахъ.

— Позолоченныя пилюли!—сказала она. Сіе означаетъ *горькія истины*. А вкушать горькія истины надобно здравую душу... Мудрый алхимикъ! Какъ по латыни сказывается: „въ здоровѣ тѣлѣ и душа здрава“? А я больна... Горькія истины—лекарство слишкомъ сильное для больныхъ царей. Уведите бѣднаго факира. Ему не исцѣлить меня.

Факира увели, и еще являлось много разнородныхъ докторовъ; но всѣ они не оказали успѣховъ своего леченія. Мнимо-больная, наслаждающаяся своею болѣзью, остроумная, пенстоцимая, приводела въ отчаяніе придворную науку медицинской лести, какъ вдругъ изъ дверей начинаетъ приближаться тяжелыми, медленными шагами согбенный старецъ, какимъ-то чудомъ сейчасъ вышедшій изъ крестьянской великорусской избы. Весь какъ лунь сѣдой, съ льяною бородою, въ своемъ зипунѣ мужика-пахаря, идетъ онъ къ царевнѣ, подпираясь суковатою клюкою.

— Знахарь, знахарь! слышался шепотъ въ толпѣ докторовъ; но кто, кто онъ—не могли распознать.

— А! и ты пришелъ меня полечить, старшій русскій знахарь на встрѣчу ему проговорила царевна больная.—Я люблю русскій народъ.

— И онъ тебя любить, матушку! — отвѣчалъ твердымъ словомъ знахарь.—Что болѣть-то? Болѣть царяжь нельзя. Ино сказать, все царство не здорово. Вишь, что шутовъ-то собралось не лечить, а порчею портить твое здравіе! А я тебя, царевна матушка, не дурью нѣмецкою полечу, — а возьму я чистой водицы... взялъ знахарь карфишъ съ водою и, наливши до полустакана, поставилъ передъ царевною. Наговорю я водицу благимъ знахарскимъ словомъ; а ты, на покой свой царскій идучи, выпьешь и на утрѣ здрава встанешь... Да и самое-то тебя былинкой да старовинкой потѣшу. Вѣдь я и знахарь, потому что старъ. Много на свѣтѣ пожилъ, да не мало видѣлъ... Вотъ такъ-то: въ иномъ царствѣ да не въ нашемъ государствѣ — какъ-бы, къ примѣру сказать, твое царское здравіе—разнемогся царь. Не можетъ онъ въ свою царскую силу по царству суды творить, и принялись писари писать. Писать-то они хорошо, рѣчисто пишутъ: „Коли-моль-онъ у тебя твое да отнялъ, такъ ты у него своего брать не мож; а отъ сивки, отъ бурки, отъ вешней каурки себѣ удовлетвореніе жди“. И вотъ, такъ-то была былина, что одинъ матерой, да умъ здравый человекъ, слуга царю вѣрный—видѣвши, что женѣ и дѣтямъ придется помирать съ голоду, пошелъ въ путь себѣ удовлетвореніе отъ бурки искать...”

И вся исторія Сударя Пруса съ его Птахомъ, прикровенно простыми и вмѣстѣ, какъ серебро, отчеканенными словами, прозвучала изъ устъ знахаря и наполнила уши всей окружающей придворной толпы. Какъ ни была она настроена на шутовской ладъ, но этотъ родной образъ дворянина, тайно уносящаго съ обѣда булочку, чтобы накормить голоднаго слугу, какъ будто сталъ между ними и заглянулъ имъ каждому въ глаза. Больная царевна Киргизъ-Кайсацкой Орды взяла стаканъ съ палитой водою и, мало по малу, подъ рассказъ знахаря, выпила ее всю.

Когда знахарь сказалъ до конца, что нужно было сказать, онъ, какъ престарѣлый Іаковъ библейскій, преклонился наверхъ своей суковатой клюки и просилъ, чтобы свѣтлость царская не положила гнѣву за его темную, стародавнюю быль.

— Я тебѣ благодарна, знахарь. Твоя наговорная вода вылечила меня — приподнимаясь съ подушекъ, проговорила исцѣлившаяся больная. Я лежала Киргизъ-Кайсацкой царевною, а теперь встаю императрицею всероссійской и повелѣваю вамъ, князь Щербатовъ...

Екатерина встала и этимъ именемъ, какъ зорницею, освѣтила разумѣніе придворной толпы, которая терялась въ догадкахъ до послѣдней минуты, не узнавая лица въ сермягѣ знахаря.

— Я вамъ повелѣваю завтра, на маломъ выходѣ, представить мнѣ лица, о которыхъ вы дали мнѣ понять...

На секунду Екатерина приостановилась и какъ-только она, наклоня головы, однимъ взоромъ царственно-важнымъ поклонилась всѣмъ мгновенно, какъ бы чудомъ какимъ, снялось и гдѣ дѣлось вдругъ все шутовство эрмитажной игры, и императрица всероссійская продолжала во внутренніе покои посреди своихъ достойныхъ друзей и царедворцевъ, глубоко преклоненныхъ передъ обаятельною силою царственнаго величія Екатерины Второй.

Кохановская.

Стихотворенія Д. Фонъ-Лизандера.

I.

Полдень въ березовой рощѣ.

Ярко солнце сыплетъ позолоту
По стволамъ, какъ кипѣнь, серебристымъ.
Искры зноя, трепетомъ огнистымъ,
Клонятъ рощу въ мертвую дремоту.
Не плыветъ по небесамъ лучистымъ
Ни полтучки. Отняло охоту
И у иволгъ звонко пѣть ихъ ноту,
И у пчель жужжать надъ пнемъ душистымъ...

II.

Лѣсной шумъ.

Какъ тихо! А шумитъ, шумитъ зеленый боръ,
Шумитъ во всѣ концы. Ведетъ онъ съ зноемъ лѣта
Таинственный, нѣмой, но страстный разговоръ,
И сыплетъ зной огнемъ горячаго отвѣта.
Какъ шумъ весеннихъ водъ, свергающихся съ горъ,
Съ зари и до зари идетъ бесѣда эта,
И каждый листъ и весь тьмолиственный уборъ
Развѣсистыхъ вершинъ—все ея разогрѣто.

Д. Фонъ-Лизандеръ.

Изъ Гейбеля.

I.

Данте.

По улицамъ тихой Вероны, печально чуждаясь людей,
 Шель Данте, поэтъ флорентинскій, изгнаникъ отчизны своей.
 Двѣ дѣвушки робко вперили въ суроваго странника взоръ;
 Проходить онъ тихо и слышать таинственный ихъ разговоръ:
 „Сестра, это Данте, тотъ самый... ты знаешь... спускавшійся
 въ адъ...
 Смотри, какъ печалью и гнѣвомъ его омрачается взглядъ!
 „Какъ видно, онъ вещи такія увидѣлъ въ тѣхъ страшныхъ
 мѣстахъ,
 Что больше не можетъ улыбка играть у него на устахъ.“
 Но Данте ее прерываетъ: „Чтобъ смѣхъ позабыть навсегда,
 «Дитя мое, вовсе не нужно за этимъ спускаться туда.
 „Все горе, воспѣтое мною, всѣ муки, всѣ язвы страстей
 «Давно ужъ нашель на землѣ я, нашель я въ отчизнѣ моей!“

II.

Видишь море? озаряетъ
 Волны солнца красота;
 Но на днѣ его глубокомъ,
 Какъ въ могилѣ, темнота.
 Я—какъ море. Духъ мой гордо
 Катитъ волны, и на нихъ
 Золотымъ играютъ солнцемъ
 Звуки пѣсенокъ моихъ.
 Ярко блещутъ, полны вѣги,
 Свѣжей силы и любви;
 Но въ груди моей безмолвно
 Сердце плаваетъ въ крови...
 Петръ Вейцбергъ.

Василій Игнатьевичъ Живокини.

(Голосъ изъ-далека).

„Не придется уже больше отдохнуть на игрѣ дорогаго Василя Игнатьевича!“ — Вотъ что навѣрно сказала всякій, кого, вдалекѣ отъ Россіи, отыскала вѣсть о смерти Живокини. Надо быть слишкомъ довольнымъ своей житейской долей, слишкомъ мало сознавать траги-комедію жизни, чтобы не чувствовать того облегченія, какое даетъ вамъ дарованіе настоящаго, прирожденнаго комика. Безъ всякихъ фразъ — съ Живокини ушла съ русской сцены цѣлая полоса проявленій человѣческой природы — и преемниковъ ему нѣтъ, и не будетъ до тѣхъ поръ, пока не перемелется весь теперешній строй русской дѣйствительности.

Исторія нашей сцены — еще въ „возможности“. Матеріалы для нея — бѣдны и нивѣмъ еще не собирались по сколько-нибудь широкому философско-соціальному замыслу, безъ котораго и художественныя данныя теряютъ свой цвѣтъ и смыслъ. И покойный Василій Игнатьевичъ долго будетъ дожидаться своей полной характеристики, свободной отъ формализма цеховыхъ знатоковъ и «обличеній» новѣйшаго натурализма русскихъ театралныхъ любителей. Вся «исторія» — сценическаго искусства, въ смыслѣ вѣрной картины его успѣховъ — сидитъ въ *объективных* оцѣнкахъ современниковъ. Поэтому-то и не находишь настоящей *физиономіи* въ лѣтописяхъ театра — даже у самыхъ крупныхъ корифеевъ европейскаго искусства. Что мы знаемъ о Шекспирѣ, какъ объ актерѣ? Что онъ игралъ тѣнь Гамлета-отца — вотъ и все! Гдѣ найдемъ мы опредѣленіе свойствъ

и размѣровъ таланта, манеровъ и сценическихъ правилъ у Мольера? А онъ былъ — первый комикъ своей труппы и на его плечахъ лежали всѣ главныя комическія роли его репертуара. Противники его изобразили въ памфлетахъ преувеличенные недостатки его исполненія и даже въ мемуарахъ, продиктованныхъ его воспитанникомъ — знаменитымъ Барономъ — мы находимъ лишь указанія на его сценическую «школу» вмѣстѣ съ сухими замѣтками о его разумныхъ художественныхъ воззрѣніяхъ; но все это — детали, не дающія никакого полнаго облика Мольеру-актеру. Немногимъ больше знаемъ мы и про знаменитостей XVIII вѣка, начиная съ того же Барона. А мало-ли ихъ? Гарригъ, Бинъ, мистриссъ Беллами, Адриенна Левувреръ, Клеронъ, Дюмениль, Лекенъ, Молё, Превиль, Ифляндъ, Эггофъ и столько другихъ!.. Почти всѣ они оставили свои мемуары, или вызвали въ своихъ почитателяхъ болѣе или менѣе подробныя и восторженныя отзывы; но *физиономія* ихъ искусства — *какъ мы бы желали* — все-таки не выяснена. И должны мы довольствоваться голословными похвалами, мадригалами, возгласами объ успѣхѣ въ той или иной роли; много-много разсказовъ о томъ: какъ, т. е. съ какими внѣшними приѣмами, исполнялись эти роли. Еслибы рѣшительно *есть* знаменитые актеры писали свои мемуары, собрано было бы въ сто разъ больше фактовъ объ ихъ карьерѣ, но оцѣнка не много бы двинулась впередъ. Для этого въ цѣнителяхъ нужны — полная свобода и глубина сужденія, научно-эстетическіе приѣмы, большое поле наблюденій, не меньшая практика въ опредѣленіи всѣхъ подробностей исполненія. Что же мудренаго видѣть въ нашей драматургической литературѣ отсутствіе того, чего мы не найдемъ — какъ слѣдуетъ — и въ западныхъ литературахъ. Безспорно, прошло время того наивнаго театральства, какое мы видимъ напр. въ «Лѣтописи Русскаго Театра» покойнаго Арапова — гдѣ сужденія окрашены всѣ въ слащаво-мадригальный колоритъ. Въ послѣднія 30—40 лѣтъ не мало было статей, замѣтокъ, воспоминаній и характеристикъ о крупныхъ талантахъ нашей сцены; въ нихъ найдутся тамъ и самыя живыя черты, вѣрные штрихи, сочувственныя оцѣнки, любопытныя біографическія подробности; но полныхъ этюдовъ, составляющихъ художественный обликъ актера и его историческое

значение въ данную эпоху—что-то не видать. Пора бы имъ появляться! Тутъ дѣло не въ частностяхъ эрудиціи, не въ кропотливой работѣ анекдотическаго біографа; а въ цѣльности, вѣрности и непосредственности заключительнаго вывода. Его можетъ сдѣлать только *зритель*, прослѣдившій всѣ или главныя фазисы развитія таланта въ крупномъ исполнителѣ. Если у такого зрителя есть при томъ надлежащее образованіе и поле сравненій съ другими артистами—большаго и желать не слѣдуетъ. Его работы не выполнить наглубочайшій и наученѣйшій критикъ, который будетъ писать объ артистѣ, никогда не видавъ его, на основаніи постороннихъ разрозненныхъ показаній, какъ бы они ни были вѣрны, остроумны и характерны. На нашей памяти сошли въ могилу: Мочаловъ, Щепкинъ, Мартыновъ, Сергѣй Васильевъ, Садовскій, Сосницкій, Линская — а гдѣ въ нашей журналистикѣ или книжной литературѣ сколько-нибудь полныя оцѣнки этихъ артистовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это разумѣемъ? Ихъ нѣтъ. Пройдетъ 20 — 30 лѣтъ, и придется собирать печатные матеріалы и чужіе отзывы. Актеры— не поэты, не живописцы и не ученые. Ихъ творчество исчезаетъ, какъ дымъ. Оно „*transitorisch*“, какъ сказалъ Лессингъ...

Вотъ и еще новая могила крупнаго, блестящаго, достолюбезнаго, *европейскаго* таланта—и тоже приходится сказать:—полной оцѣнки его нѣтъ; а можно бы было сдѣлать ее и при жизни Василія Игнатьевича. Вѣдь онъ уже прошелъ всѣ стадіи своего развитія; въ послѣдніе годы онъ, такъ сказать, *доигрывалъ* свой срокъ, и потому, конечно, что совсѣмъ ослабъ и лишился своихъ выразительныхъ средствъ; и потому, что типъ и характеръ его, какъ актера, былъ вполне исчерпанъ. Скорѣй же за работу! Тутъ недостаточно того, что записано было при жизни покойнаго, съ его словъ. Тутъ нуженъ «снятезь», вытекающій изъ долголѣтнихъ наблюденій и широкаго художественнаго міросозерцанія. Неужели и Живокини не дождется того, чего не дождались, до сихъ поръ Щепкины, Мартыновы и Садовскіе? Развѣ любители театра только и любятъ актеровъ, какъ потѣху, пока они увеселяютъ ихъ послѣобѣденные досуги?.. Умеръ любимецъ—и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—много черезъ годъ — самое имя его попадаетъ только въ

летучихъ рецензійхъ, когда хроникеру нужно нанизать нѣсколько крупныхъ именъ, закругляя какой-нибудь звонкій періодъ. Уже на похоронахъ артиста (если вѣрить одной печатной и притомъ весьма симпатичной корреспонденціи), равнодушіе нѣкоторыхъ товарищей по искусству достаточно заявило себя. Увы! эти печальные факты не удивительны для тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ завуалированнымъ царствомъ. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, какъ столбы театальной критики—Лессингъ и Дидро печатно говорили, какими свойствами преисполненъ міръ сценическихъ исполнителей. Позволю себѣ припомнить, по этому случаю, разговоръ съ любителемъ театра, который, по собственной охотѣ, промѣнялъ свободу и досугъ землевладѣльца-литератора на долю служебнаго актерства, гдѣ успѣховъ онъ не стяжалъ.

— Вы не повѣрите, говорилъ онъ мнѣ на тему актерской вражды, а до поступленія на сцену не могъ понять, какъ это можно такъ ехидствовать другъ противъ друга. Вѣдь вотъ возьмите вы хоть П. М—ча. Добрѣйшей души человекъ; а имени Михаила Семеновича слышать не можетъ—даже по сію пору, когда тотъ давно въ могилахъ лежитъ. А имъ и при жизни-то Михаила Семеновича нечего было дѣлить.

— Кромѣ славы, настоящей или прошедшей—слѣдовало добавить моему собесѣднику.

Оставимъ эти печальныя мизеріи сценическаго міра. Не отъ сверстниковъ своихъ дождется выдающійся артистъ полной и объективной оцѣнки. Но и пишущій эти строки не беретъ на себя, въ задуманномъ отголоскѣ своемъ, возстановить цѣлый художественный образъ покойнаго. Пусть это сдѣлаетъ тотъ, кто гораздо болѣе изучалъ игру Василья Игнатьевича на протяженіи его долголѣтней сценической карьеры. Здѣсь мѣсто—личнымъ воспоминаніямъ и свободному заявленію того личнаго вывода, какой сложился въ одномъ изъ зрителей, не перестающемъ отдавать всѣ свои симпатіи русскому театальному искусству.

Живокини болѣе, чѣмъ какая-либо столичная знаменитость, поработалъ для провинціи, или ужъ никакъ не меньше, чѣмъ Щепкинъ. Въ Нижній ѣздилъ онъ всего чаще. Тамъ-то, я еще мальчикомъ, въ

40-хъ годахъ, впервые познакомился съ его игрой. Родной братъ его былъ одно время содежателемъ нижегородскаго театра; и Василій Игнатьевичъ участвовалъ, позднѣе, въ антрепризѣ ярмарочныхъ спектаклей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ городѣ. Раньше его я видѣлъ Мартынова во всемъ блескѣ таланта; но впечатлѣніе увлекательной неистощимой веселости, впечатлѣніе *европейской* игры произвелъ на меня впервые онъ, а не Мартыновъ. Тогда весь Живокини воплощался въ «Стряпчемъ подь столомъ» и въ «Львѣ Гурничѣ Синичкинѣ». Врядъ ли были и впослѣдствіи въ его громадномъ репертуарѣ «мотивы», гдѣ бы онъ такъ всецѣло проявлялъ себя на сценѣ. Я нарочно сказалъ «мотивы», а не типы, характеры или роли. Ниже я подробнѣе поговорю на эту тему. На ярмаркѣ у Живокини бывала готовая, своя, московская публика купцовъ; къ ней присоединялась и провинціальная купеческая компания, которой безъ Живокини и „Макарій“ былъ не въ Макарій. Эта публика звала его по балагурству и безграмотности «Животининимъ» и даже «Животиной» и считала его своимъ душевнымъ человѣкомъ, являющимся на ярмарочные подмостки для ея специальной потѣхи. А между тѣмъ въ купеческой «животининской» потѣхѣ сидѣло больше настоящаго, обще-европейскаго, культурнаго комизма и театральнаго исполненія, чѣмъ въ *петербургскомъ* реализмѣ тогдашняго Мартынова. Живокини игралъ Жювелей и Синичкиныхъ (т. е. тѣхъ же западныхъ балагуровъ-юмористовъ въ передѣланной кожѣ), но его западное лицедѣйство шло къ прямой цѣли всякаго комическаго зрѣлища. Оно было шире, полнѣе, чловѣчнѣе, блестящѣе, чѣмъ условный, мѣстный комизмъ «à froid» Мартынова, игравшаго тогда въ «1-мъ декабря», «Дядюшкиныхъ фракахъ» и «Что имѣемъ не хранимъ». Изъ Мартынова гораздо позднѣе выработался создатель художественныхъ типовъ, а тогда онъ былъ весь въ цѣпяхъ петербургскаго водевиля Оедоровыхъ, Григорьевыхъ, Каратыгиныхъ. Только Живокини далъ мнѣ, въ періодъ моего дѣтства и отрочества, понятіе о томъ: что такое «выразительныя средства» настоящаго комика, что такое комическое настроеніе и комическое отношеніе къ жизни. Тогда, конечно, все это оставалось въ предѣлахъ полусознанныхъ идей; но непосредственное

дѣйствіе, напоръ, образное впечатлѣніе — неизгладимо залегли въ сознаніе. Фигура комика, его круглое, подвижное и необычайно смѣхотворное лицо, голосъ — задѣвающій исключительно струны комизма и смѣха съ легкимъ носовымъ оттѣнкомъ, отчетливая, сочная интонація, въ которой каждое слово производитъ свой эффектъ, сказано ли оно просто или съ особымъ удлинненіемъ; все это сливалось въ Живокини въ одинъ живой аппаратъ, не знавшій себѣ отдыха въ дѣлѣ жизненныхъ проявленій веселости, юмора и комической энергіи. Нѣмецкіе критики любятъ употреблять эпитетъ «*drastisch*». Вотъ этой-то *драстической* особенностью и отличался въ 40-хъ годахъ и началѣ 50-хъ покойный Василій Игнатьичъ. Это и былъ, какъ мнѣ кажется, самый блестящій періодъ его сценической жизни. И въ Москвѣ и на ярмарочныхъ подмосткахъ онъ прививалъ русскому искусству и русской публикѣ европеизмъ въ сферѣ того, что французы называютъ «*le gros rire*», въ то время, какъ М. С. Щепкинъ дѣлалъ тоже въ сферѣ болѣе сосредоточеннаго, рефлексивнаго творчества.

Въ Москвѣ, въ первой половинѣ 50-тыхъ годовъ, когда я въ первый разъ познакомился съ тамошнимъ театромъ, увидалъ я Живокини въ болѣе ответственныхъ роляхъ русскаго репертуара — впереди которыхъ стоялъ, разумѣется, Репетиловъ. Въ немъ нашелъ я юношей того же Живокини, каковаго видѣлъ въ Нижнемѣ — отрокомъ въ Синичкинѣ. Живое лицо металось въ глаза; но ни тогда, ни послѣ не заявлялъ я мысленно актеру всѣхъ требованій, вызываемыхъ этимъ типомъ. Живокини не былъ предназначенъ создавать строго-обособленныя личности. Это не лежало въ его натурѣ и не могло быть поставлено ему въ укоръ тѣмъ, кто понималъ его, какъ исполнителя. Одну сторону Репетилова — безпутную, клубную, болтливолицедѣйскую, безпробуднобарскую, Живокини проявлялъ лучше, чѣмъ кто либо, другими словами, лучше, чѣмъ И. И. Сосницкій. Онъ былъ гораздо его забавнѣе и сочнѣе. У Сосницкаго выходила другая сторона: петербургскій враль большаго свѣта и въ полупьяномъ видѣ сохраняющій нѣкоторую манеру и даже щепетильность. Ни онъ, ни Живокини не дали Репетилова такъ, какъ можно и должно бы было его играть, т. е. неудач-

нымъ смѣшнымъ радикаломъ 20-хъ годовъ; но все-таки радикаломъ, въ ту минуту, убѣжденнымъ, крикуномъ, въ которомъ личное безпутство слилось съ заемной ролью конспиратора. Такого исполненія требовалъ всегда Аполлонъ Григорьевъ и, по моему, онъ говорилъ дѣло. Все, что отзывается у Репетилова комическимъ заговорщикомъ, должно дѣйствительно *отзываться* тайными совѣщаніями, куда онъ попадалъ. Вотъ этого-то отгѣна было у Живокини еще менѣе, чѣмъ у Сосницкаго. Вдобавовъ онъ имѣлъ привычку играть Репетилова слишкомъ пьянаго—традиція, къ сожалѣнію, сохранившаяся до сихъ поръ, и придающая Репетилову еще болѣе односторонній и банальный колоритъ. Но все-таки при жизни Василя Игнатьевича никто другой не брался за эту роль, оттого, что силою богатаго комизма онъ дѣлалъ изъ Репетилова хоть и не грибоѣдовскаго псевдо-заговорщика, но все-таки ярко-забавное и характерное «зрѣлище». Слово «зрѣлище» я употребилъ также съ умысломъ для опредѣленія игры Живокини.

Кромѣ грибоѣдовскаго типа привелось мнѣ, втеченіе десяти-пятнадцати лѣтъ, видѣть Живокини и въ репертуарѣ Островскаго. Для Живокини новый текстъ бытовыхъ пьесъ не могъ быть тѣмъ, чѣмъ сталъ для Садовскаго. Театръ этотъ не придалъ ему совершенно другой фizioноміи, не обновилъ его съ ногъ до головы, не произвелъ въ немъ радикальнаго перерожденія. Садовскій дебютировавшій (если не ошибаюсь) ролью Жано Бижу въ водевилѣ «Любовное зелье», только въ Любимѣ Торцовѣ и въ Титѣ Титычѣ сталъ Садовскимъ. Безъ него нельзя себѣ и представить комедій Островскаго; безъ Живокини — очень можно. Онѣ ему ничего существеннаго не дали; онъ же послужилъ имъ искренно, по мѣрѣ силъ своихъ, но не внесъ въ нихъ того бытоваго элемента, за который держалась половина славы Садовскаго. Иначе и быть не могло. «Европейское» слишкомъ въѣлось въ него и придало его выразительнымъ приемамъ такую общность, которая не можетъ ступеваться ни въ какихъ чисто московскихъ роляхъ, хотя Василий Игнатьевичъ былъ, конечно, болѣе москвичъ, чѣмъ Щепкинъ и Садовскій: и по рожденію, и по воспитанію, и по всей житейской дорогѣ. Замѣчательна, однакожь, гибкость и жизненность его ак-

терской природы. Не только не оказался онъ лишнимъ для репертуара Островскаго, но безъ него многія пьесы не могли бы идти съ такимъ ладомъ и блескомъ. Онъ усердно игралъ и купцовъ, и приказныхъ—какъ извѣстно—двѣ категоріи первенствующихъ типовъ московскаго бытоваго театра. Кто не помнитъ его въ „Не сошлись характерами“ или въ „Трудныхъ дняхъ“. Видно было, что авторъ охотно поручалъ ему выдающіяся роли, да и не легко было бы дѣлать иначе, даже и при болѣе разнообразномъ составѣ труппы. Кому же не бросалось въ глаза, что каждую бытовую роль Живокіни играетъ съ большимъ довольствомъ и искренностью, вовсе не какъ иные корифеи, составившіе себѣ имя исполненіемъ эффектныхъ, по гримировкѣ, лицъ переводнаго репертуара. Сколько разъ случалось видѣть Живокіни въ такихъ маленькихъ эпизодическихъ роляхъ, которыя актеръ съ мелочнымъ самолюбіемъ непременно бы отвергъ. Можно, пожалуй, объяснять это желаніемъ пользоваться *разовыми*; но вѣдь знаемъ же мы, что при той же системѣ разовыхъ другіе «первые» актеры заявляютъ неизмѣримо больше мелочности и претензіи. Я хочу этимъ сказать, что въ покойномъ Василіѣ Игнатьевичѣ сцена имѣла усерднѣйшаго служителя; а бытовой репертуаръ если не главную поддержку, то поддержку дѣйствительную и болѣе чѣмъ замѣтную. Иначе и быть не могло: въ каждой *истинной* комедіи, во всякомъ комическомъ персонажѣ, въ любомъ забавномъ положеніи—такой комикъ, какъ Живокіни, непременно долженъ былъ «взять свое» тѣмъ или инымъ способомъ. Но строго обособленныхъ типовъ, въ которыхъ бы ступенывалось его слишкомъ яркая индивидуальность — Живокіни не создавалъ. Въ купцѣ, въ приказномъ любой бытовой пьесы онъ не былъ нисколько французомъ, или итальянцемъ, по не переставалъ быть комикомъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, воплощавшимъ въ своей игрѣ западную комическую манеру *вообще*, не надѣвая на себя никакой исключительной фізіономіи. Не смотря на богатство своей мимики, или быть можетъ, вслѣдствіе этого богатства, Живокіни никогда не былъ и „гримомъ“—въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ заботился о внѣшности лица: это сейчасъ было видно въ малѣйшей роли; но преобразаться вполнѣ, ни по фигурѣ, ни по ли-

цу, ни по тону—не могъ; такъ, напр., какъ его сверстникъ, покойный П. Г. Степановъ—актеръ той же школы и того же (если не ошибаюсь) выпуска изъ театрального училища. Въ П. Г. Степановѣ русская сцена лишилась единственнаго «грима» въ высшемъ смыслѣ термина, или лучше сказать: „типиста“, создателя характернѣйшихъ сценическихъ фигуръ. Врядъ ли кто станетъ спорить, что этимъ искусствомъ онъ далеко превосходилъ и Садовскаго, и Шумскаго, и Павла Васильева, и Мартынова, и Самойлова. Скромный и осторожный въ своихъ разсказахъ, старикъ передавалъ мнѣ, незадолго до смерти своей, что вскорѣ по выходѣ изъ школы, онъ сыгралъ въ переводной пьесѣ (кажется изъ репертуара Коцебу) короля Фридриха II. Въ первомъ ряду кресель сидѣлъ какой-то московскій тузъ (фамилію я позабылъ), знавшій лично Фридриха. Когда молодой актеръ вышелъ на сцену, согнувшись, съ походкой и фигурой побѣдителя при Росбахѣ, старый баринъ крикнулъ:

— Да это вылитый Фридрихъ!

На нашей памяти блистали въ репертуарѣ Степанова такія яркія типовыя созданія, какъ Тугоуховскій, Ячница, Маломальскій, задѣльный мужикъ въ „Горькой Судьбинѣ“, частный приставъ въ «Мишурѣ» и столько другихъ!.. Такой способности у Василія Игнатьевича не было; но онъ выкупалъ этотъ пробѣлъ другими, и можно сказать, самыми драгоценными свойствами комика. Поэтому то онъ забавлялъ и увлекалъ своей веселостью и разнообразнѣйшей игрой въ то время, когда у Степанова во многомъ не оказывалось уже никакой гибкости, «entrain». Почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ, на склонѣ дней своихъ, и тотъ и другой являлись въ классической комедіи, къ которой москвичи очень пристрастились въ послѣднее время. Между тѣмъ, какъ Степанова публика находила и суховатымъ и тяжеловатымъ, напр. въ „Укрощеніи строптивой“, въ „Лекарѣ по неволѣ“ (гдѣ онъ игралъ Діафорюса-отца), Василій Игнатьевичъ былъ достолюбезенъ и въ высокой степени комиченъ въ „Мнимомъ больномъ“. Мольеровская комедія показала еще разъ, гдѣ настоящее царство Живокини, и отвѣтила за него тѣмъ критиканъ изъ любителей, сверстниковъ и рецензентовъ, которые дав-

ныиъ давно твердили о его „балаганности“, непростительной „утрировкѣ“ и отсутствіи въ немъ „настоящаго искусства.“ *Натурализмъ*, разведенный у насъ бытовымъ купеческимъ театромъ (сказать въ скобкахъ), создалъ цѣлый кодексъ произвольныхъ и въ высшей степени одностороннихъ приговоровъ; а въ исполнителяхъ развили ужаснѣйшее самоувѣніе и распущенность. Кто умѣетъ „акать“ по московски и удачно представлять пьянаго ямщика—тотъ воображаетъ себя создателемъ „народныхъ типовъ“ и кричитъ, что театральному искусству учиться нечего, что школа хороша только „для французовъ“, а играть слѣдуетъ „какъ Господь Богъ на душу положить“. Актеры, подобныя Живокини, служили живымъ доказательствомъ того, что значить хорошая школа, т. е. такая, гдѣ надо брать не гримировкой, не передразниваньемъ, не народничаньемъ, но коренными выразительными приемами и средствами.—Спору нѣтъ, простота, на которой теперь похѣшаны—дѣло хорошее; она какъ нельзя больше идетъ къ нашему русскому складу: и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ строѣ нашей жизни. Но эту простоту превращаютъ въ отсутствіе всякаго искусства. Такой «паяцъ» и «буффонъ», какими былъ Живокини, по мнѣнію иныхъ—само совершенство въ сравненіи съ «натуралистами», въ которыхъ нѣтъ никакихъ специфическихъ данныхъ и никакого, хотя-бы элементарнаго, навыка: дѣйствовать на публику образно и непосредственно, а не помощью однихъ своихъ „добрыхъ намѣреній“. Съ конца 50-хъ годовъ и до послѣдняго времени объ артистахъ, подобныхъ Живокини, говорили и говорятъ болѣе или менѣе пренебрежительно, какъ о „лицедѣяхъ“, забывая то, что вся вина ихъ заключалась въ отсутствіи нужнаго для нихъ репертуара и неимѣнія у насъ въ столицахъ свободы театровъ, которая обособила-бы разные роды театральныхъ представленій. Чѣмъ долженъ былъ Живокини пробиваться всю свою жизнь по своей первенствующей способности, т. е. по веселому *общему* комизму? Переводными водевилями, терпящими въ русскомъ исполненіи половину своего смысла и блеска. Пишите для такихъ актеровъ комедіи, полныя смѣха, жизни, юмора, забавныхъ положеній—и вы увидите, что они вамъ дадутъ. Новая мода на Мольера показала, какъ такіе „забавники“, какъ Живокини, способны на исполненіе

самыхъ потѣшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣтлѣннѣйшихъ созданій мольеровской сатиры и юмора. Неужели-же играть хорошо «Мнимого больного» — менѣе художественное дѣло, чѣмъ безцвѣтно резонировать въ иной новѣйшей quasi-оригинальной комедіи, которая, втеченіе цѣлаго вечера не вызоветъ ни одной живой усмѣшки въ зрителѣ? Про покойнаго Василя Игнатьевича можно, съ полнымъ правомъ, сказать то, что Мольеръ говорилъ про самого себя: „онъ бралъ свое добро, гдѣ могъ“. Все, что отзывалось комизмомъ, веселостью и игривой миимикой — было его достояніемъ, начиная съ водевиля 30-хъ годовъ и кончая опереткой 60-хъ гг. Вѣдь и въ ней только на одного Живокини и можно было глядѣть, какъ на *западнаго* исполнителя, соглашаясь, конечно, что старость уже брала свое. Предположите, что въ Москвѣ существовали-бы рядомъ съ казеннымъ одинъ, два и даже нѣсколько другихъ частныхъ театровъ — каждый со своей специальностью. На одномъ изъ нихъ непремѣнно обособился-бы такой родъ репертуара, гдѣ Живокини, втеченіе 30, 40 лѣтъ могли бы исполнять первое амплуа. Мы это видимъ же въ Парижѣ, гдѣ Палерояльскій театръ — одна изъ самыхъ блестящихъ сценъ, и нисколько не мѣшаетъ «Французскому театру» держаться своего классическаго репертуара. А то у насъ на одной привилегированной сценѣ даютъ все на свѣтѣ: и хроники, и трагедіи, и драмы, и комедіи, и водевили, и фарсы, и оперетки. Когда одинъ какойнибудь родъ репертуара, какъ напр. бытовой, овладѣваетъ вкусомъ публики (какъ это было у насъ съ 1850 по 1870-е года), область той игры, гдѣ актеры, подобные Живокини, плаваютъ въ своемъ элементѣ — дѣлается почти лишней, кажется балаганнымъ лицедѣйствомъ, отжившимъ свой вѣкъ. Такъ оно въ значительной долѣ и было.

Но прежде чѣмъ я закончу свою оцѣнку дорогаго артиста, да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь нѣкоторыя черты его, какъ человѣка и исполнителя, сохранившіяся въ памяти изъ личныхъ сношеній.

До 1862 года я зналъ Василя Игнатьевича только со сцены. Въ этомъ году я пріѣхалъ въ Москву ставить свою комедію «Одноворецъ». Тутъ, за кулисами, на репетиціяхъ, познакомился

я съ нимъ. Распредѣленіе ролей (пьеса шла въ бенефисъ Садовскаго) сдѣлано было мною по соглашенію съ бенефициантомъ. Мнѣ было несовсѣмъ ловко предлагать небольшую, второстепенную роль помѣщика *Жабина* Василию Игнатьевичу; но онъ взялъ ее съ видимымъ удовольствіемъ. Мы съ нимъ сейчасъ же разговорились о Нижнемъ, о его тамошнихъ знакомыхъ и прежде всего о покойномъ дядѣ моемъ П. П. Григорьевѣ, съ которымъ Живокини имѣлъ давнишнія сношенія, какъ съ любителемъ театра и пріятелемъ заѣзжихъ артистовъ. До знакомства моего съ Живокини—я уже достаточно имѣлъ случаевъ присмотрѣться къ русскимъ столичнымъ актерамъ. Но въ немъ я нашелъ такія свойства, которыхъ почти всѣ сценическіе артисты лишены—именно: необычную жизненность, веселость, добродушный юморъ и при этомъ полное отсутствіе того, что называется „актерствомъ“. Видно было сейчасъ, что онъ—живетъ своимъ дѣломъ, любитъ его, дышетъ воздухомъ кулисы и въ тоже время, по тону, по разговору, по пріемамъ вы находили въ немъ русскаго человѣка, вобравшаго въ себя весь прежній, болѣе беззаботный строй жизни съ его общительностью и своеобразной культурой. Въ Василиѣ Игнатьевичѣ вовсе не чувствовался цеховой оттѣнокъ актера. Съ нимъ вамъ было также ловко, какъ съ любымъ бывалымъ человѣкомъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Бодрость, вѣра въ свои силы и въ свое искусство въ этомъ уже очень пожиломъ „благородномъ отцѣ“ ярко контрастировала съ общей нашей вялостью, сухостью, хандрой и апатіей. Встрѣчать такихъ *жизнеобильныхъ* людей, какими были Живокини—чистый владъ въ Россіи для того, кто подавленъ нашимъ прозябаніемъ и постояннымъ эгоистическимъ недовольствомъ и раздраженіемъ. На репетиціяхъ особенно пріятно было смотрѣть на него: такъ *вкусно* исполнялъ онъ свои актерскія обязанности. Онъ первый, на моихъ глазахъ, останавливалъ суфлера и два раза повторялъ одну и ту же тираду и даже сцену. Въ немъ-же всего ярче сказывалась та свободная, оживленная физиономія, какую имѣли (по крайней мѣрѣ тогда) московскія репетиціи. Ничто не напоминало казеннаго чиновничьяго, сдержанно-злораднаго характера другой служебной драматической сцены. Все

дѣлалось какъ-то семейнѣе, проще, веселѣе и съ неизмѣримо-большой охотой. Балагурия и шутя съ товарищами своими, Василій Игнатьевичъ не забывалъ ничего, что могло сколько нибудь способствовать лучшему исполненію роли—по его разумѣнію. О щепетильности и претензіяхъ и рѣчи не было. Какъ авторъ, я сейчасъ же увидалъ, что съ такимъ артистомъ невозможно имѣть непріятнаго столкновенія. Онъ говорилъ съ вами о своей роли такъ добродушно и скромно, такимъ простымъ и веселымъ тономъ, что всякое сношеніе только еще больше сближало васъ. Въ теченіе всего моего знакомства съ Василюмъ Игнатьевичемъ, я никогда не слышалъ отъ него ни упоминаній о своихъ успѣхахъ, ни жалобъ, ни претензій, ни этой противной чиновничей фразы:

— Я *служу* столько-то лѣтъ!

Только на разспросы мои онъ отвѣчалъ фактами изъ прошлаго, да и то, когда я разъ присталъ къ нему съ большими подробностями, онъ добродушно отвѣтилъ мнѣ:

— У меня память слабовата; а вотъ вы бы поѣхали къ Степанову; онъ все помнитъ и многое кое-что вамъ про старину дорасскажетъ.

Точно новичекъ, обращался онъ къ автору (даже и такому молодому, какимъ я былъ въ 1862) за указаніями по части гримировки и костюма. Помню, что для этой второстепенной роли Жабина въ «Однодворцѣ», онъ нарочно самъ нарисовалъ парикъ и заказалъ его парикмахеру Теодору. И такая старательность вовсе не придавала ему хлопотливой мелочной манеры. Все это дѣлалось, какъ бы «между дѣломъ», и человекъ, членъ общества, собесѣдникъ жили въ Василю Игнатьевичѣ бокъ-о-бокъ съ актеромъ, и внѣ театра заслоняли актѣра—въ чемъ и заключается превосходство настоящей натуры. Въ этомъ отношеніи Живокини напоминалъ М. С. Щепкина—только въ болѣе простой, забавной, беззаботной формѣ. Въ нихъ обоихъ вы видѣли и чувствовали «господъ», какъ говорятъ старые люди—въ хорошемъ смыслѣ слова, т. е. живыхъ людей, а не карьеристовъ театральнаго искусства. Надъ Щепкинымъ, въ концѣ его жизни, подсмѣивались за его болтливость и слезливость. И то и другое было въ извѣстной степени. Но познакомившись съ нимъ въ эту же пору (въ декабрѣ

1862), я былъ приятно изумленъ свѣжестью его интеллигенціи, его разнообразной бесѣдой и чуткостью вкуса и пониманія. Съ Щепкинымъ было о чемъ говорить и помимо театра, тогда какъ съ другими знаменитостями вы ни до чего не добьетесь, кромѣ скуки, грубости и безъисходнаго самоувѣрія. Впечатлѣніе, производимое Живокини, провѣрилъ я четыре года спустя на нѣсколькихъ молодыхъ людяхъ, пріѣхавшихъ въ Москву, послѣ долгаго житія за границей, и совсѣмъ не знавшихъ русскаго театральнаго міра. Это было зимой 1866 года. Тогда московскій артистическій кружокъ помѣщался еще на Тверскомъ бульварѣ и болѣе отвѣчалъ своей идеѣ. Каждый вечеръ тамъ можно было встрѣтить кого-нибудь изъ писателей, музыкантовъ, актеровъ. Василій Игнатьевичъ не разъ присаживался къ нашему маленькому обществу, послѣ «партиіи» и болталъ съ нами о разныхъ разностяхъ. Заѣзжіе «западники» находили его необыкновенно-живымъ и пріятнымъ человекомъ и удивлялись его жизненности, вида, какъ рядомъ съ нимъ самые крупные таланты поражали своей сонливостью и безсодержательностью. Не знаю, бывалъ-ли когда нибудь Живокини за границей, но объ иностранцахъ-актерахъ, какихъ ему удавалось видѣть, говаривалъ онъ всегда съ интересомъ, пониманіемъ и симпатіей. Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ періодъ между 62 и 66 годами, онъ мнѣ много рассказывалъ о прежней московской французской труппѣ; видно было, что онъ изучалъ тогдашнихъ комиковъ и хвалилъ ихъ такъ, какъ обыкновенно наши комическіе самородки французскихъ актеровъ не хвалятъ. Словомъ, человекъ оставилъ во мнѣ добродушнѣйшую и безобиднѣйшую память. Я не пишу панегирика и не беру на себя утверждать, что покойный былъ во всемъ именно такихъ, а не иныхъ свойствъ. Съ частной и семейной его жизнью я не былъ знакомъ. Предоставляю это настоящимъ біографамъ; но то, что я видѣлъ и во что входилъ—распологало въ свою пользу. И позднѣе, до 1872 года, встрѣчаясь съ Василіемъ Игнатьевичемъ, или переписываясь съ нимъ по театральнымъ дѣламъ, я находилъ тѣ-же человѣчныя и жизненныя свойства. Въ душу человеку не влѣзешь; довольно я того, когда встрѣча съ нимъ свободна отъ мелкой задней мысли, интриги,

раздраженья, когда онъ прикрѣпляютъ васъ къ жизни, а не отталкиваютъ отъ нея. Зайдя въ Малый театръ, послѣ долгаго скитанья по Европѣ, въ январѣ 1871, я прежде всего отправился, въ уборную Василя Игнатьевича, и онъ поздоровался со мною все съ той-же веселой шуткой, отъ которой не вѣяло нисколько тяжести времени и житейскихъ заботъ. А онъ сильно постарѣлъ; но все еще стоялъ „на брени“, игралъ безъ усталости и одинъ напоминалъ „доброе старое время“, когда и на сценѣ, и въ залѣ умѣли смѣяться. Последнее наше свиданіе было въ Петербургѣ; онъ пріѣхалъ на нѣсколько лѣтнихъ спектаклей. Я нашелъ его въ отелѣ Клея, больного и утомленного. У него разболѣлась нога и онъ съ трудомъ могъ сыграть два-три раза. Я спѣшилъ изъ Петербурга и не могъ даже побывать на этихъ спектакляхъ. Послѣ того, мы еще разъ обмѣнялись письмами по постановкѣ моей комедіи, которая по такъ-называемымъ „независящимъ причинамъ“ пойти не могла. Онъ все еще шутилъ, говоря мнѣ, въ одномъ изъ писемъ, что бенефициантамъ со мною—бѣда, хоть совсѣмъ отказываться отъ всякихъ сношеній; до такой степени часты бываютъ „сюрпризы!“

И вотъ, вдалекѣ отъ Россіи, надѣясь на возвратъ здоровья, я не разъ вспоминалъ достолюбезнаго комика и собирался посѣтить его въ Москвѣ и въ уборной, и у него на дому, поразспросить его хорошенько про старину и попросить позволенія пообширѣе побесѣдовать объ немъ съ публикой. Мнѣ казалось, что Василю Игнатьевичу способенъ пережить всѣхъ насъ: такъ сильно билъ въ немъ ключъ жизни. Ничего не слышно было о его болѣзненности, дряхлости, приближеніи послѣдней катастрофы... Смерть налетѣла и взяла его, какъ двѣсти лѣтъ назадъ того гениальнаго антрепренера, который прямо съ представленія „Мниаго больного“ легъ въ гробъ!...

Теперь скажу свое заключительное слово на вопросъ: что представляла собою игра Живокини и какое она имѣла художественно-историческое значеніе для русской сцены?

Выше я уже замѣтилъ, что Живокини не былъ „типичномъ“ и „гримомъ“, что онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ присущаго ему комическаго рода. Мнѣ кажется это не произвольный выводъ.

Его игра, какъ я выразился была, игра „мотивовъ“, т. е. настроеній, сценъ, положеній и діалоговъ,—игра, имѣющая главною цѣлью „зрѣлище“, а не объективную правду строго-обособленного, конкретного лица. Такое творчество можетъ не удовлетворять новѣйшую театральную залу; но оно имѣетъ крупное значеніе въ исторіи комедіи и до сихъ поръ свое блистательное прижъненіе на Западѣ. Не даромъ Василій Игнатьевичъ прозывался „Живописини“ и былъ несомнѣннаго итальянскаго происхожденія, хотя—и русскій человекъ—москвичъ съ головы до пятокъ. Кровь, истыкты, пошибъ лица, жестовъ и тона—все въ немъ напоминало многовѣковую италійскую и римскую комедію, принявшую въ эпоху Возрожденія законченныя формы такъ-называемой „Comedia del'arte“, которую иначе звали „слово-обильной комедіей“—Comedia a braccia (отъ выраженія *parlagi* или *dire a braccia*—болтать). Эта комедія, виѣсть съ импровизаціей—*conditio sine qua* поп ея-существованія—выработала нѣсколько общихъ забавныхъ, полусатирическихъ, полуфантастическихъ типовъ, которые видоизмѣнялись, смотря по мѣстности, эпохѣ и даже актерамъ; но въ сущности оставались тѣми-же коренными типами итальянской расы и культуры. Ихъ общность и выработанная типичность, незнавшая личнаго, индивидуальнаго обособленія, и превратила ихъ въ такъ-называемыя *маски*. И мы имѣемъ цѣлую галерею комическихъ *видовыхъ* образчиковъ: Панталоне и Кассандра, благородныхъ отцевъ, Бригеллу, Арлекина, Пьерро и Криспина—плутоватыхъ, неуклюжихъ или блестящихъ слугъ;—доктора-педапта, Скарамуччіо—бахвала и хвастуна, виѣсть съ видоизмѣненіемъ своимъ Капитаномъ и т. д. и т. д. Въ безчисленныхъ комедіяхъ, отличныхъ между собою по сюжету, являлись всегда одни и тѣ же лица. Ихъ общій характеръ, въ главныхъ чертахъ, сохранялся на протяженіи вѣковъ, сохранялись и главныя положенія, сцены, діалоги и монологи, т. е. *мотивы* и *зрѣлища*. Вотъ такой-то „маской“, въ новѣйшемъ ея видоизмѣненіи, и былъ Василій Игнатьевичъ въ коренномъ своемъ амплуа. Въ немъ мы имѣли нѣсколько *масокъ*—и Панталоне, и Бригеллу, и Скарамуччіо, и Капитана, т. е. разновидности комической природы, сотканной изъ слабостей и свѣдшихъ качествъ довольной и самодовольной-буржуа

зи, вмѣстѣ съ безпечнымъ и веселымъ отношеніемъ къ жизни. Европейская *эпковая* комедія врядъ-ли гдѣ на Западѣ имѣла, въ періодъ отъ 30-хъ до 60-хъ годовъ болѣе блестящаго представителя, чѣмъ Живокини. Я могу его сравнивать только съ новѣйшими комиками-буффами Европы, какихъ я видалъ и знавалъ въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Родство Живокини съ ними бросалось сразу въ глаза. Начать съ того, что даровитѣйшая „маска“ Пале-Роая, покойная Тьерре, была вылитый Василій Игнатьевичъ только въ женскомъ платьѣ. Затѣмъ идетъ цѣлая вереница палероаяльскихъ комиковъ: Жоффрау, Леритъе, Равель, Брассеръ, Жиль-Перецъ. Всѣ они изображаютъ, вотъ уже 20. слишкомъ лѣтъ — одни и тѣ-же типы и одни и тѣ же почти положенія, и не теряютъ отъ этого своего достоинства. Да и кто такое—первые комики всѣхъ европейскихъ народностей, какъ не Панталоне на подкладкѣ Криспина, т. е. буржуа во всемъ ихъ блескѣ и во всей ничтожности? Всѣ они, т. е. и Жоффрау, и Прадо, и Нейманъ, и Гельмердингъ, и Матрацъ, и Блязель, и Уэбстеръ, всѣ они—родные братья Живокини. Онъ ихъ родичъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. Позволю себѣ сказать здѣсь въ печати то, что я не разъ говорилъ, глядя на игру его: Живокини былъ *единственный* русский актеръ, которому стоило только переимѣнить языкъ, чтобы цѣликомъ перенести себя на любую западную сцену и сдѣлаться тамъ первымъ комикомъ. Европейскій зритель принялъ-бы его съ перваго же разу, какъ продуктъ своего комическаго искусства. Съ итальянскими же буффами имѣлъ Живокини дополнительное, *семейное* родство. Всего ярче увидалъ я это родство, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, глядя на игру лучшаго флорентинскаго „Стентерелло“ (т. е. того же Бригеллу-Криспино-Пульчинеллу съ братіей) — *Рафаэля Ландини*. Даже въ голосѣ нашель я сходные звуки и цѣлыя переливы интонацій...

Нельзя, тысячу разъ нельзя относиться съ исключительной точкой зрѣнія къ такимъ артистамъ, какъ покойный Василій Игнатьевичъ. Онъ и Шепкингъ—вотъ двѣ силы, посредствомъ которыхъ русская сцена окончательно породнилась съ Европой. Не всѣ такъ смотрятъ на нашего перваго жизнеобильнаго комика-буффа; но мнѣ приво-

II.

Императоръ Генрихъ IV.

(Изъ Гейне).

Передъ портивомъ замка Каноссы,
 Императоръ, гонимый судьбой,
 Въ власяницѣ, продрогшій и ббснй,
 Съ непокрытой стоитъ головой.
 Предъ налосемъ распятыя святаго
 Двѣ фигуры рисуетъ стекло:
 Лыснй черепъ Григорья седьмаго
 И Матильды тосканской чело.
 „Pater noster“ читая смиренно,
 Грѣшнй Генрихъ прощенія ждетъ,
 Но другую, въ душѣ уязвленной,
 Императоръ имъ пѣсню поетъ:

„Въ рудникахъ моей отчизны
 Есть желѣзная руда,
 Изъ желѣза жаръ и холодъ
 Закалять стальной топоръ.
 На скалахъ моей отчизны
 Есть рудовая сосна,
 А въ сосновой древесинѣ
 Рукоять для топора.
 На поляхъ моей отчизны
 Народится и кузнецъ;
 Онъ исчадіи злаго змія
 Тѣмъ изрубить топоромъ!

А. Струговщиковъ.

ОТЪ КОМИТЕТА
ПО ИЗДАНІЮ
„ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СКЛАДЧИНЫ“
ВЪ ПОЛЬЗУ
ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Альбомъ «Художественной Складчины» будетъ состоять изъ двухъ частей. Въ одной изъ нихъ будутъ помѣщены рисунки художниковъ, нарочно для альбома писанные; во второй рисунки съ текстами, музыкальными и литературными, автографически (fac simile) воспроизведенными.

Въ изданіи этомъ обѣщали принять участіе слѣдующіе художники: А. Адамовъ, П. Борель, П. Брюловъ, В. Васнецовъ, Н. Ге, М. Зичи, Н. Каразинъ, баронъ М. Клодтъ, И. Келеръ, И. Крамской, Л. Лагоріо, А. Мещерскій, М. Микѣшинъ, И. Пановъ, К. Савицкій, П. Соколовъ, К. Трутовскій, В. Якоби, П. Шамшинъ, И. Шишкинъ и А. Шарлеманъ; художественное исполненіе представленныхъ работъ для печати приняли на себя: Н. Брезе, К. Вейерманъ, Е. Гогенфельденъ, О. Герасимовъ, Э. Даммюллеръ, А. Даугель, Э. Ивансонъ, О. Май, И. Матюшинъ, А. Мюнстеръ и Л. Сѣряковъ. При этомъ комитетъ считаетъ долгомъ присовокупить, что имена тѣхъ художниковъ, отъ которыхъ до сихъ поръ нѣтъ положительнаго согласія на участіе въ изданіи, въ случаѣ изъясненія таковаго, будутъ внесены въ только-что приведенный списокъ.

Рисунки, изъ которыхъ будетъ состоять альбомъ, будутъ

воспроизведены разными способами, какъ-то: ксило, хромо и литографією, а также аквафортою. Число рисунковъ не меньше **ПЯТНАДЦАТИ**. Альбомъ будетъ изданъ въ форматъ обыкновенной нотной бумаги, проявится въ свѣтъ, по возможности, скоро и будетъ отпечатанъ въ количествѣ только **1,500** экземпляровъ.

Цѣна: безъ пересылки . . . **5** рублей.
съ пересылкой. . . . . **6** »

Ко времени настоящаго объявленія участниками альбома представлены слѣдующіе рисунки: Еврей торгошъ (*В. Васнецова*), Екатерина II у гроба Елизаветы (*Н. Ге*), Встрѣча тройки съ медвѣдемъ (*Н. Каразина*), Эстонка (*И. Келера*), Демонъ и Тамара (*М. Зичи*), Сытый (*барона М. Клодта*), Видъ Ревеля (*Л. Лагоріо*), Берегъ моря (*А. Мещерскаго*), Перелазъ въ Малороссіи (*М. Микѣшина*), Нищія (*К. Савицкаго*), Обѣдъ Пасѣчника (*К. Трутовскаго*) и Мальчики (*В. Якоби*).

Подписка принимается

Въ С.-Петербургѣ: въ магазинахъ: эстампныхъ Аванца, Бегрова, Даціаро, Фельтена, въ музыкальныхъ: Бернарда и Иогансона, въ книжныхъ: Исакова, Базунова, Гоппе и Черкесова; въ Москвѣ: въ эстампныхъ магазинахъ Даціаро и Аванца.

Члены комитета: **Н. Ге.**

М. Зичи.

Н. Карзинъ.

Л. Лагоріо.

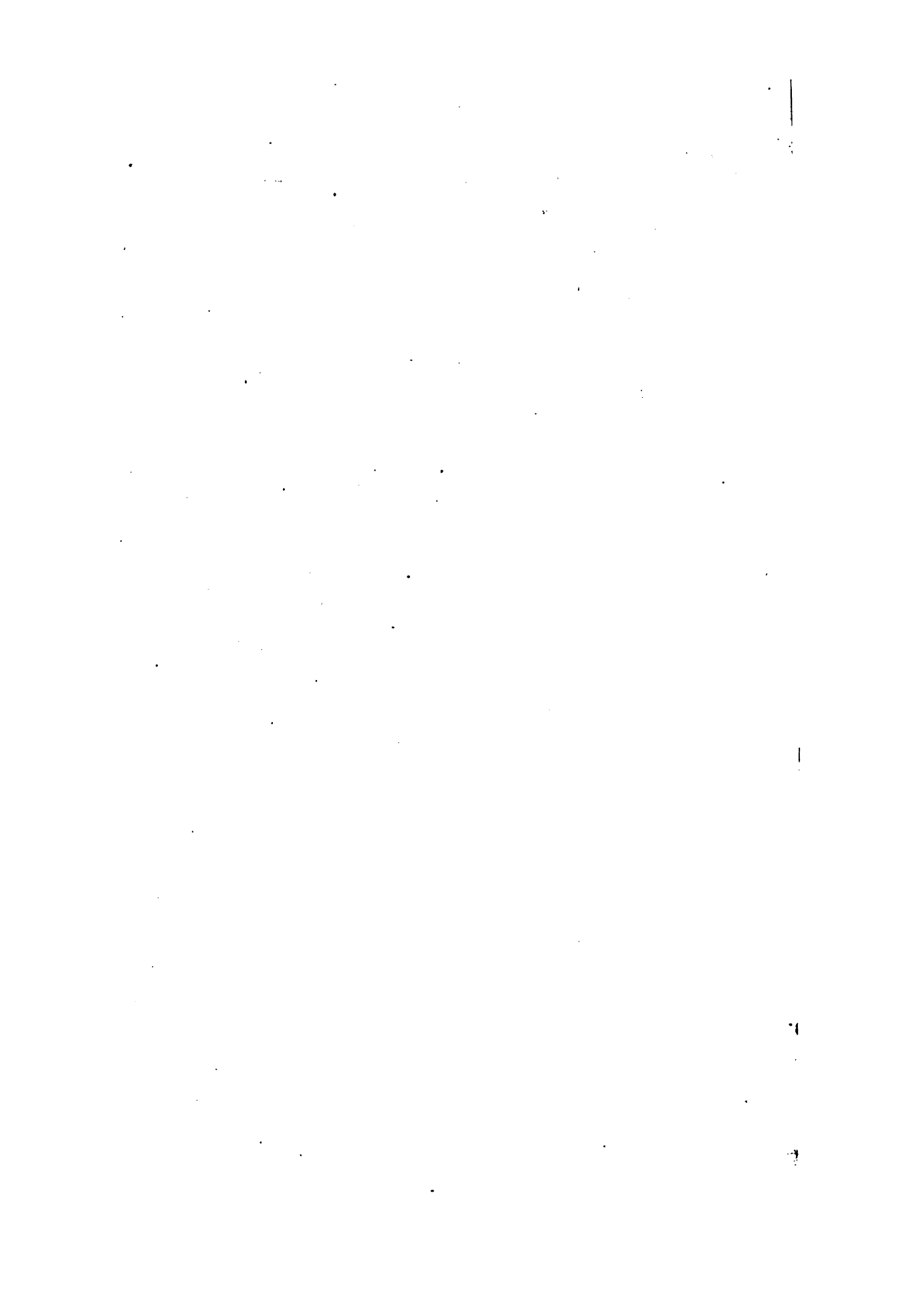
А. Мещерскій.

М. Микѣшинъ (предсѣдатель).

П. Шамшинъ.

Дозволено цензурой. Санктпетербургъ, 20 марта 1874 года.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

Stanford University Libraries

3 6105 124 447 561

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 1985

